

INTERNATIONAL BESTSELLER

C. J.

SANSOM

author of *Dissolution*

A
Matthew
Shardlake
MYSTERY

Sovereign

"A murder mystery and a real historical scandal come alive
in this deeply satisfying novel."

—Deidre Thomae, USA Today

К. Дж. Сэнсом

Лето 1541 года. Король Англии Генрих VIII, обеспокоенный попыткой мятежа, собирается посетить Йорк на севере королевства, чтобы предотвратить возможное повторение бунта. Мэтью Щардлейк, включенный в королевскую свиту, отправляется в Йорк заранее с секретным заданием доставить в Лондон организатора неудавшегося мятежа. Со своим помощником Щардлейк селится в аббатстве Святой Марии, которое должно стать временной резиденцией короля. Тут-то и начинается череда таинственных происшествий. Сначала погибает витражных дел мастер Олдройд. При осмотре дома убитого обнаружен тайник со шкатулкой, содержащей старинные документы. Следующей жертвой становится сам Щардлейк. От удара по голове он теряет сознание, и найденные бумаги, способные пролить свет на истинных инициаторов заговора, исчезают...

К. Дж. Сэнсом

Соверен

П. Д. Джеймсу

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Под деревьями царила непроглядная тьма, лишь слабые отблески лунного света проникали сквозь переплетение полуголых ветвей. Землю покрывал толстый ковер опавших листьев. Он приглушал цокот копыт, и потому трудно было сказать, одни ли мы на дороге. Барак уже успел заметить, что я избрал скверный путь; сейчас он что-то бурчал себе под нос, выражая недовольство тем, что по моей милости очутился в подобных дебрях. Я так устал, что не счел нужным ответить. Несчастливая моя спина раскалывалась от боли, а ноги, стиснутые тяжелыми сапогами для верховой езды, затекли и одеревенели. К тому же меня томили тревожные предчувствия; необычное поручение, к выполнению которого нам предстояло приступить в самом скором времени, не выходило у меня из головы. На несколько мгновений я выпустил поводья и нащупал в кармане печать архиепископа, казавшуюся мне заветным талисманом. В ушах зазвучал успокоительный голос Кранмера: «Вам нечего тревожиться, ибо дело это отнюдь не связано с опасностью».

В последнее время на долю мою выпало немало печальных хлопот, ибо шесть дней назад я похоронил в Личфилде своего отца. После похорон мы с Баракком пять дней провели в дороге, следуя на север; лето 1541 года выдалось на редкость дождливым, и вследствие этого дороги пребывали в плачевном состоянии. Край, расстилавшийся вокруг нас, был воистину диким; многие деревни, встречавшиеся на пути, представляли собой скопление ветхих хижин, крытых гнилой соломой; люди ютились там вместе со скотом. Нынешним днем, достигнув Флексби, мы свернули с большой северной дороги. Несмотря на желание Барака провести ночь в трактире, я настоял на том, чтобы продолжить путь. Я напомнил моему спутнику, что времени у нас в обрез: завтра уже двенадцатое сентября, а нам необходимо достигнуть цели задолго до прибытия короля.

Увы, дорога вскорости превратилась в подобие грязной канавы, и с наступлением сумерек нам пришлось оставить ее, избрав более сухой путь, ведущий на северо-восток. Нас окружали леса и голые поля, где среди желтых полос жнивья копались дикие кабаны.

Лес становился все более густым, и последние несколько часов мы с трудом проталкивались сквозь переплетения ветвей. Дорогу мы потеряли, и теперь в непроглядной тьме найти ее можно было лишь с помощью дьявола. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шорохом опадающих

листьев да треском сучьев, сквозь которые продирался кабан или же дикая кошка. Лошади, нагруженные тяжелыми сумками, утомились не менее нас с Бараксом. Мой гнедой мерин Предок еле переставлял ноги. Сьюки, кобыла Баракса, тоже утратила обычную резвость.

— Из-за вашей неумности мы заблудились, — буркнул мой спутник.

— В трактире нам сказали, что дорога тянется через весь лес, — ответил я. — Так или иначе, скоро наступит рассвет, и тогда мы пойдем, где находимся.

— У меня такое чувство, будто нас занесло в Шотландию, — заявил Баракс. — Того и гляди, из зарослей выскочат разбойники и схватят нас, надеясь получить выкуп.

Я не удостоил его ответом, ибо подобные жалобы успели изрядно мне надоесть. Мы продолжили путь в молчании.

Мысли мои вернулись к похоронам отца. Перед внутренним взором вновь возникла разверстая могила, в которую опускали гроб. Несколько провожающих на тихом кладбище, и среди них — моя кузина Бесс. Именно она, принеся отцу завтрак, обнаружила его мертвым в постели.

— Я горько сожалею о том, что не знал, как тяжело болен отец, — сказал я Бесс, когда мы вернулись с кладбища на ферму. — Если бы вы сообщили мне об этом, я не замедлил бы приехать и был бы рядом с ним в последние дни.

— Вы живете в Лондоне и давненько здесь не показывались. — Она покачала головой, и в глазах мелькнул укор.

— В последнее время мне пришлось нелегко, Бесс, — попытался оправдаться я. — Но напиши вы о болезни отца, я непременно приехал бы.

— Вашего батюшку подкосила смерть старого Уильяма Поэра, — со вздохом сказала Бесс. — С помощью управляющего ему удавалось получать с фермы хоть какой-то доход, а когда он остался один, у него опустились руки. Я много раз советовала ему написать вам, однако он отвечал отказом.

Помолчав, она добавила:

— Господь ниспослал нам тяжкие испытания. В прошлое лето стояла страшная засуха, а в нынешнее разразился настоящий потоп. Полагаю, батюшка ваш очень переживал о том, что хозяйство приносит ему одни убытки. Поэтому лихорадка одолела его с такой легкостью.

Я молча кивнул. Известие о том, что ферма, на которой я провел свои детские годы, ферма, ныне ставшая моей собственностью, погрязла в долгах, явилось для меня неприятной неожиданностью. Возраст моего отца приближался к семидесяти, Уильям, его управляющий, был немногим

моложе. Разумеется, людям столь преклонных лет трудно было вести хозяйство, к тому же последние несколько урожаев оказались чрезвычайно скудными. Для того чтобы свести концы с концами, отец заложил ферму одному богатому землевладельцу из Личфилда. Я узнал об этом лишь после смерти отца. Заимодавец не замедлил написать мне, что стоимость земли вряд ли способна покрыть долг. Подобно многим сельским дворянам в те времена, он изыскивал все возможности, чтобы расширить собственные пастбища, и под непомерные проценты ссужал деньгами обедневших фермеров, рассчитывая завладеть их полями.

— Этот сэр Генри — настоящий кровопийца, — с горечью пожаловался я кузине.

— Что вы намерены делать? — осведомилась она. — Уступите ему ферму?

— Ни за что. Подобный поступок ляжет пятном на память отца. Я выплачу долги.

«Бог свидетель, сделав это, я лишь в малой степени выполню свой сыновний долг перед усопшим», — мысленно добавил я.

— Рада слышать это, — улыбнулась Бесс.

Беспокойное ржание Предка заставило меня вздрогнуть и очнуться от размышлений. Барак, натянув поводья, остановил свою лошадь. Я последовал его примеру, неловко повернувшись в седле. Начало светать, и теперь я лучше мог разглядеть и лицо своего спутника, и очертания окружавших нас деревьев.

— Поглядите! — воскликнул Барак.

В том направлении, куда он указывал, деревья расступались, и вдалеке я увидел какую-то красную точку, сверкавшую в светлеющем небе.

— Наконец-то! — испустил я вздох облегчения. — Наверняка это та самая лампа, о которой нам говорили в харчевне. Ее установили на церковном шпиле для того, чтобы указывать путникам дорогу. Значит, я был прав, и мы действительно в Галтрес-Форесте!

Мы выехали из леса на открытую местность. С реки долетали порывы пронзительного ветра, небо становилось все светлее. Мы плотнее закутались в дорожные плащи и двинулись в сторону Йорка.

Главная дорога, ведущая в город, была сплошь забита лошадьми и повозками, груженными самой разнообразной провизией. Во множестве встречались и огромные телеги лесников, с которых свисали исполинских размеров бревна. Вскоре перед нами возникли потемневшие от времени городские стены, над которыми вздымались шпили бесчисленных церквей. Выше всех парили две башни Йоркского кафедрального собора.

— Ну и толчея здесь сегодня, — заметил я, повернувшись к Бараку. — В точности как в Чипсайде в базарный день.

— Как же иначе, — усмехнулся Барак. — Королевская свита на редкость прожорлива.

Движение на дороге было столь напряженным, что мы продвигались со скоростью пешеходов. Время от времени я искоса поглядывал на своего спутника. Прошел год с того дня, когда я предложил Джеку Бараку поступить ко мне на службу и стать помощником барристера. Прежний его патрон окончил свои дни на плахе, и Барак с готовностью принял мое предложение. В прошлом этот молодой человек, выросший на городских улицах, выполнял тайные поручения Томаса Кромвеля. Вне всякого сомнения, он не слишком подходил для того, чтобы служить помощником законника; впрочем, ума и сообразительности ему было не занимать, и на свою удачу он получил начатки образования. Теперь, по прошествии года, я ничуть не сожалел о своем выборе. Барак отлично справлялся с новыми обязанностями и проявил немалое рвение, изучая законы. Когда речь шла о том, чтобы отыскать нужного свидетеля или же выявить некие скрытые факты, Барак воистину не знал себе равных. Отношение его к юриспруденции и судопроизводству оставалось весьма циничным и недоверчивым, но это даже шло на пользу делу, ибо сам я нередко грешил излишним прекрасодушием.

Однако в последние несколько месяцев Барак, судя по всему, пребывал не в лучшем расположении духа. Нередко он, забываясь, позволял себе грубые выпады и насмешки, которыми изрядно досаждал мне на первых порах нашего знакомства. Я полагал, что виной тому служит непривычное для Джека однообразие жизни, и рассчитывал, что поездка в Йорк заставит его встряхнуться. Но тут выяснилось, что, подобно многим уроженцам столицы, мой помощник исполнен самых нелепых предубеждений против севера Англии и его жителей. Как я уже упоминал, почти всю дорогу он беспрестанно сетовал, проклиная судьбу, забросившую его в подобную глушь. Ныне, на подступах к городу, Барак подозрительно оглядывался по сторонам, словно ожидая подвоха.

По сторонам дороги начали появляться дома. Справа от нас показалась древняя зубчатая стена, над которой поднимался высоченный шпиль. По навесной дорожке вдоль стены расхаживали солдаты, облаченные в железные шлемы и белые плащи, на которых красовались красные кресты королевских лучников. Впрочем, вооружены они были вовсе не луками и стрелами, а мечами и копьями весьма грозного вида. В руках у некоторых я заметил даже длинные фитильные ружья. Из-за стены доносился стук

множества топоров и молотков.

— Полагаю, это и есть аббатство Святой Марии, где мы остановимся, — сказал я. — Судя по шуму, приготовления к приезду короля идут здесь вовсю.

— Мы заедем сюда, чтобы оставить поклажу? — спросил Барак.

— Нет, — покачал я головой. — Прежде всего мы должны повидать брата Ренна. А после отправимся напрямиком в замок.

— Увидеть узника? — вполголоса осведомился Барак.

— Да.

— Аббатство неплохо охраняется, — заметил Барак, скользнув взглядом по многочисленным стражникам.

— Король отнюдь не уверен, что является желанным гостем. После того что недавно здесь произошло, никакие меры предосторожности не будут лишними.

Я говорил совсем тихо, однако обрывки нашего разговора, как видно, долетели до человека, шедшего впереди рядом с лошадьё, груженной мешками с зерном. Обернувшись, он бросил на нас любопытный взгляд. Барак недоуменно вскинул брови, и незнакомец поспешно отвернулся.

«Вполне может быть, это один из осведомителей Совета северных графств, — отметил я про себя. — Вне всякого сомнения, в Йорке их сейчас великое множество».

— Думаю, вам лучше надеть мантию стряпчего, — заявил Барак, оглядываясь по сторонам.

На фоне серого утреннего неба темнели силуэты башен кафедрального собора. Около огромных ворот теснились повозки и всадники, желавшие попасть внутрь. Сразу за воротами стена аббатства под прямым углом соединялась с городской стеной. Перед нами предстала массивная сторожевая башня, на которой красовался герб Йорка — пять белых львов на красном поле. Здесь стражников стало еще больше. Все они были облачены в стальные латы и шлемы и вооружены копьями.

— Я слишком устал, чтобы распаковывать дорожную сумку, — ответил я, похлопав себя по карману. — Письмо камергера, подтверждающее наши полномочия, у меня здесь.

Печать архиепископа, находящуюся в том же кармане, следовало показать лишь одному человеку.

Мы медленно продвигались вперед. Внезапно моим глазам открылось отвратительное зрелище: четыре отрубленных головы на шестах. Вид этих голов, почерневших, гниющих и объединенных воронами, заставил меня содрогнуться. Впрочем, я знал, что при въезде в город мне предстоит

увидеть нечто подобное. Ни для кого не являлось тайной, что нынешней весной в Йорке был разоблачен заговор, двенадцать мятежников казнены, а их головы и отрубленные конечности выставлены у городских ворот в назидание всем прочим.

У ворот образовалась длинная очередь, вынудившая нас остановиться. Лошади наши повесили головы от усталости. Стражники, преградив путь какому-то бедно одетому человеку, грубо выспрашивали, что ему понадобилось в городе.

— Хотя бы этот парень ворочал языком поживее, — прошептал Барак. — Я умираю с голоду.

— В этом я не сомневаюсь, — усмехнулся я. — Идемте, настал наш черед.

Один из стражников схватил Предка под уздцы, а второй осведомился, что за нужда привела меня в Йорк. В речи его ощущался заметный южный акцент, суровое грубоватое лицо избороздили глубокие морщины. Я показал ему письмо, подтверждающее мои полномочия.

— Так вы королевский стряпчий? — недоверчиво спросил стражник.

— Именно так. А это мой помощник. Мы прибыли в Йорк, дабы помочь городским властям должным образом подготовиться к приезду его величества.

— Да, здесь неплохо бы навести порядок.

Вернув мне письмо, стражник отступил на шаг, освобождая путь. Проезжая под навесной башней, я вновь содрогнулся, увидев прибитый к воротам бесформенный кусок гниющей плоти, над которым кружился целый рой мух.

— Вот и все, что осталось от мятежников, — изрек Барак, и губы его искривила гримаса отвращения.

— Да, — проронил я и склонил голову, не в силах более выносить подобного зрелища.

Мною овладела мысль о том, как запутаны дороги судьбы. Если бы не заговор, раскрытый нынешней весной, я никогда не оказался бы в Йорке. Более того, король не предпринял бы своего путешествия на север, обставленного с небывалой торжественностью.

Наконец мы миновали ворота, и лошади, громко цокая копытами по бульжной мостовой, понесли нас в город.

Сразу за крепостной стеной начиналась узкая улица, застроенная трехэтажными домами с выступающими карнизами. Здесь было множество лавок, напротив которых громоздились прилавки, заваленные всякой всячиной; торговцы, сидя на деревянных чурбанах, зазывали покупателей.

Несмотря на это, Йорк отнюдь не производил впечатления богатого и процветающего города. В большинстве своем дома требовали ремонта, на их обшарпанных стенах зияли глубокие трещины, а грязную мостовую покрывали бесчисленные выбоины. Толпа, снующая туда-сюда, изрядно затрудняла движение. Я знал, что мастер Ренн, подобно всем городским стряпчим высшего разряда, проживает в квартале, прилегающем к собору. Найти туда дорогу не составляло труда, ибо башни, возвышавшиеся над городом, служили надежным ориентиром.

— Я умираю с голоду, — вновь завел свою песню Барак. — Прежде чем приступить к делам, неплохо бы перекусить.

Перед нами возникла еще одна стена. На мой вкус, в Йорке было слишком много стен. За ней виднелась громада собора. Впереди расстилалась широкая площадь, сплошь заставленная рыночными прилавками; прохладный влажный ветер раздувал их яркие парусиновые навесы. Деловитые хозяйки, подметавшие площадь широченными юбками, с напускным презрением разглядывали товары и препирались с торговцами и ремесленниками, одежду которых украшали гербы различных гильдий. Чумазные дети и облезлые собаки высматривали, не удастся ли поживиться лакомым кусочком. Приглядевшись к жителям города, я заметил, что в большинстве своем они носят грубые башмаки на деревянной подошве, а одежду их покрывают многочисленные заплаты. Увидел я и нескольких стражников, облаченных в плащи с городским гербом. Стоя чуть в стороне, они наблюдали за порядком.

Внимание мое привлекла группа высоких светловолосых парней, которые с помощью оглушительно лаявших собак гнали к рынку стадо овец с диковинными черными мордами. Я с любопытством разглядывал обветренные лица и толстые шерстяные куртки погонщиков; судя по всему, они принадлежали к числу легендарных жителей долин, которые пять лет назад составили ядро мятежа. Отвернувшись, я перевел взгляд на ворота соборного квартала, в которые то и дело входили священники в черных сутанах и монахи в коричневых плащах с капюшонами.

Барак, не теряя времени даром, подъехал к прилавку, где продавалась свежая выпечка. Не слезая с лошади, он осведомился, сколько стоят два пирога с бараниной. Торговец, как видно сбитый с толку лондонским акцентом Барака, в недоумении уставился на него.

— Вы что, с юга? — не слишком любезно буркнул он.

— Да. И мы чертовски проголодались. Сколько стоят два пирога с бараниной? — вновь спросил Барак, выговаривая каждое слово чуть ли не по слогам.

— Что это ты крикаешь, как селезень? — проворчал торговец, злобно сверкнув глазами. — Или у вас на юге все так разговаривают?

— А у вас на севере все вместо человеческих слов издают какой-то скрежет, словно водят ножом по сковородке? — не остался в долгу мой помощник.

Двое дюжих овцеводов из долины, которые как раз проходили мимо, остановились и прислушались к вспыхнувшей перепалке.

— Этот южный пес слишком громко твякает, — заявил один, обращаясь к торговцу.

Второй, не тратя слов, схватил Сьюки под уздцы здоровенной мозолистой рукой.

— А ну пошли прочь, олухи деревенские! — угрожающе процедил Барак.

— Заткнись, грязный пес! — выпалил один из овцеводов, и лицо его исказила ярость.

Я был поражен тем, что пустяковое столкновение вызвало у него столь бурные чувства.

— Видно, ты думаешь, раз сюда собрался жирный Генри, ты можешь помыкать нами, как вздумается. Да только не на тех напал.

— Чем болтать языком, поцелуй лучше мою задницу, — изрек Барак, не привыкший глотать оскорбления.

Рука овцевода потянулась к мечу. Барак схватился за ножны. Я поспешно направил лошадь прямо в толпу, продираясь к дебоширам.

— Примите мои извинения, господа, — произнес я умиротворяющим голосом, хотя сердце бешено колотилось. — Мой помощник вовсе не хотел вас обидеть. Мы проделали длинный путь, очень устали и...

— Э, да ты служишь горбуну? — насмешливо обратился к Бараку овцевод, скользнув взглядом по моей невзрачной фигуре. — Уж наверняка вы с хозяином пожаловали сюда, чтобы вытянуть у нас последние денежки.

Он вновь потянулся за мечом, однако острое пики, внезапно упершееся забияке в грудь, заставило его остановиться. Два стражника, заметив назревающую стычку, поспешили ее предотвратить.

— Бросить оружие! — скомандовал один, по-прежнему прижимая пику к груди овцевода.

Товарищ его точно так же поступил с Баракком. Вокруг начали во множестве собираться зеваки.

— Что это вы здесь затеяли? — рявкнул стражник.

— Южанин набросился на пирожника с руганью! — выкрикнул кто-то из толпы.

Стражник, дородный мужчина средних лет, удовлетворенно кивнул.

— Да, южане скверно воспитаны, — изрек он, смерив Барака пронзительным взглядом. — От них только и жди всяких непотребных выходок.

Толпа встретила его слова одобрительным смехом. Кто-то даже захлопал в ладоши.

— Мы всего лишь хотели купить пару вонючих пирогов, — процедил Барак.

— Продай ему пироги, — обернулся стражник к торговцу.

Тот послушно вручил Бараку два пирога с бараниной.

— Шесть пенсов.

— Что? — ушам своим не поверил Барак.

— Шесть пенсов, — повторил торговец более громко и отчетливо.

— За два жалких пирога? — спросил Барак, у которого глаза на лоб полезли от удивления.

— Заплати ему, — приказал стражник.

Барак медлил, не в силах смириться со столь грабительской ценой. Я поспешно протянул торговцу две монеты. Тот с подчеркнуто недоверчивым выражением попробовал каждую на зуб, прежде чем опустить в карман.

— А теперь, сударь, убирайтесь, да поживее, — произнес стражник, нагнувшись ко мне. — И на досуге поучите своего помощника хорошим манерам. Вы ведь не хотите попасть в неприятную переделку перед самым приездом короля, правда? — добавил он, многозначительно вскинув брови.

Провожаемые пронзительным взглядом стражника, мы с Бараксом подъехали к воротам соборного квартала. С трудом спешившись, привязали лошадей и опустились на деревянную скамью, стоявшую у самой стены.

— Господи боже, ноги у меня так затекли, что я их почти не чувствую, — пожаловался Барак.

— Мои ноги чувствуют себя ничуть не лучше, — откликнулся я, умолчав о том, что несчастная моя спина раскалывается от боли.

Барак откусил огромный кусок от злополучного пирога.

— Недурственно, — промычал он с набитым ртом. В голосе его звучало откровенное удивление.

— Послушайте, Барак, вам следует быть осмотрительнее, — сказал я, понизив голос. — Не распускайте язык и никого не задирайте попусту. Вы уже имели возможность убедиться, что местные жители, мягко говоря, не питают к нам дружеских чувств.

— То же самое могу сказать и о себе, — проворчал Барак. — Здешние мужланы успели мне осточертеть.

Он еще раз откусил от пирога и бросил угрожающий взгляд в сторону ворот.

— Тем не менее, Барак, вам следует держать себя в узде, — произнес я непререкаемым тоном. — Мы прибыли сюда для того, чтобы предотвратить всякого рода осложнения, а не для того, чтобы создавать новые. Если вы не умерите свой вздорный нрав, здешние жители наверняка не откажут себе в удовольствии хорошенько вас выпотрошить. Но это еще полбеды. Своим поведением вы поставите королевский визит под угрозу. Или вы добиваетесь именно этого?

Барак угрюмо молчал, глядя себе под ноги.

— Какая муха вас укусила? Я-то ведь прекрасно знаю, что на самом деле вы вовсе не такой уж неотесанный грубиян и, когда пожелаете, можете держать себя в рамках приличий. Но в последнее время с вами не стало никакого сладу. Чего стоила одна ваша выходка с судьей Джексонном! Зачем вам понадобилось обзывать его старым слепым кротом? Да еще так громко, что он все услышал.

— Вы сами знаете, старик это заслужил, — ответил Барак, и на губах его мелькнула хорошо знакомая мне язвительная усмешка. — Его следовало обзывать куда как похлеще. Я воздержался от крепких словечек лишь из уважения к его почтенным летам.

Но мне было вовсе не до шуток.

— Что с вами происходит, Джек? — спросил я, устремив на своего помощника внимательный взгляд.

— Ровным счетом ничего, — пожал плечами Барак. — Просто наше затянувшееся путешествие изрядно меня утомило. И я не был готов к встрече с подобными дикарями. Но мне очень жаль, что я доставил вам лишние хлопоты, — добавил он, взглянув мне прямо в лицо. — Впредь я постараюсь этого не делать.

Я знал, что извинения даются Бараку чрезвычайно трудно, и потому поспешил кивнуть в знак того, что вполне ими удовлетворен. Однако я не сомневался, что причина скверного настроения моего помощника кроется не только в неприязни, которую возбуждали в нем север и северяне. В задумчивости я принялся жевать свой пирог. Барак окинул изучающим взглядом торговую площадь.

— Похоже, народ здесь живет из рук вон плохо, — заметил он.

— Да, торговля в этих краях не особенно процветает, — кивнул я. — А уничтожение монастырей только ухудшило ситуацию. Раньше большая часть здешних земель принадлежала монастырям. Окажись мы здесь года четыре назад, наверняка увидали бы в толпе множество монахов.

— С этим покончено.

Сказав это, Барак отправил в рот последний кусок пирога, так что я не понял, что именно он имел в виду.

— Идемте отыщем брата Ренна, — сказал я, с усилием поднимаясь со скамьи. — Он даст нам необходимые указания.

— Как вы думаете, нам удастся увидеть короля? — неожиданно спросил Барак. — Рассмотреть его как следует?

— Это вполне возможно, — ответил я.

Барак надул щеки. Я с удовлетворением отметил про себя, что подобная перспектива внушает благоговейный трепет не только мне, но и моему острому на язык помощнику.

— Кстати, короля сопровождает один из наших давних врагов, встреча с которым нам вовсе ни к чему.

— О ком это вы? — резко повернулся ко мне Барак.

— О сэре Ричарде Риче. Он прибудет сюда вместе с королем и Тайным советом. Об этом сообщил мне Кранмер. Так что, повторяю, будьте осмотрительны. Старайтесь не привлекать излишнего внимания. Помните, по возможности нам следует держаться в тени.

Мы отвязали лошадей и, взяв их под уздцы, подошли к воротам. Очередной стражник, вооруженный копьем, преградил нам путь. Я вновь извлек из кармана письмо, и бдительный охранник опустил оружие, пропуская нас. Мы оказались за стеной, и величественный собор открылся нам во всей красе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ну и громадина, — выдохнул Барак.

Перед нами расстилалась просторная площадь, окруженная зданиями, которые в сравнении с собором казались маленькими и жалкими.

— Это самый большой собор на севере, — пояснил я. — По высоте он почти не уступает собору Святого Павла.

Взглянув на исполинские двери, увенчанные затейливо украшенной готической аркой, я увидел на крыльце несколько человек, по виду состоятельных купцов, которые оживленно о чем-то разговаривали. Ниже, на ступеньках, устроились многочисленные нищие с чашами для подаяния. Мне не терпелось заглянуть внутрь собора, однако прежде всего необходимо было отыскать брата Ренна. Мы и так слишком задержались в пути. Припомнив данные мне объяснения, я направился напрямик к дому, над дверями которого красовался королевский герб.

— Это где-то рядом, — бросил я, обернувшись к Бараку. Стараясь не поскользнуться на опавших листьях, мы пересекли соборную площадь.

— А что за птица этот брат Ренн? — поинтересовался Барак.

— Мне известно лишь, что он — один из самых уважаемых стряпчих в Йорке и в ведении его находится немало официальных дел, — ответил я. — Полагаю, что это человек весьма почтенного возраста.

— Надеюсь, не настолько почтенного, чтобы впасть в старческое слабоумие, — усмехнулся Барак.

— Уверен, ваши опасения безосновательны. В противном случае брату Ренну не доверили бы разбирать прошения, поданные королю.

Мы подошли к ряду старых домов, теснящихся вплотную друг к другу. Следуя полученным указаниям, я подошел к тому, что стоял на углу. Дом оказался высоким и очень древним на вид. Я постучал. Раздались шаркающие шаги, дверь распахнулась, и перед нами предстала женщина довольно преклонных лет. Круглое морщинистое лицо ее обрамлял белоснежный чепец. Она неприветливо уставилась на незнакомцев.

— Что вам угодно?

— Это дом мастера Ренна? — спросил я.

— А вы что, из Лондона?

Я слегка вскинул бровь, давая понять, что не привык к столь неучтивому обращению.

— Да. Меня зовут Мэтью Шардлейк. А это мой помощник, мастер

Барак.

— Мы ждали вас вчера. Бедный мой хозяин очень беспокоился.

— Мы сбились с пути, когда ехали через лес.

— А, понятно, — протянула она. — Вы не первые, с кем случилась такая беда.

— Мы очень устали. И наши лошади тоже, — добавил я, указывая на понуривших головы животных.

— Откровенно говоря, мы с ног валимся от усталости, — вставил Барак.

— Входите в дом. Я прикажу мальчику отвести лошадей в конюшню, почистить и покормить их.

— Это весьма любезно с вашей стороны.

— Мастер Ренн ушел по делам, но он скоро вернется, — сообщила старуха. — Я так думаю, вы не прочь перекусить.

— Вы совершенно правы, — сказал я.

Пирог, который я проглотил, действительно был недурен на вкус, однако лишь распалил мой голод.

Старуха повернулась и, медленно шаркая, провела нас в гостиную, обставленную в старинном стиле. Очаг, в котором горело несколько поленьев, находился прямо в центре комнаты; дым лениво поднимался к отверстию, зиявшему посреди черных стропил. Серебряные тарелки, красовавшиеся на буфете, были начищены до блеска, однако занавеси на окнах и скатерть на столе посерели от пыли. На жердочке поблизости от огня восседал серый сокол, скосивший на нас свой хищный взгляд. Повсюду: на стульях, на дубовых шкафах, даже на полу — высились груды книг, готовые вот-вот обрушиться. Ни в одном доме, за исключением, разумеется, библиотек, мне не доводилось видеть такого количества книг.

— Вижу, ваш хозяин любит читать, — сказал я.

— Что верно, то верно, — откликнулась старая служанка. — Пойду принесу вам похлебки.

Она зашаркала прочь.

— Мы не отказались бы выпить пива! — крикнул я ей вслед.

Барак меж тем плюхнулся на скамью, покрытую толстой овечьей шкурой и заваленную подушками. Я взял в руки один из увесистых томов в кожаном переплете и, открыв его, удивленно вскинул брови.

— Госпожи боже! Это одна из старинных книг, переписанных монахами. С иллюстрациями, сделанными вручную.

Я пролистал несколько страниц. Передо мной и в самом деле была старинная копия «Истории» Вида, переписанная каллиграфическим

почерком и снабженная восхитительными иллюстрациями.

— А я думал, все монастырские книги оказались в кострах, — протянул Барак. — Этот ваш Ренн напрасно держит их на виду. Так можно навлечь на свою голову крупные неприятности.

— Да, ему следует быть осторожнее, — согласился я, опуская книгу на место. — Итак, мы с вами выяснили, что брат Ренн не относится к числу сторонников реформы. И держит у себя домоправительницу, которая явно пренебрегает своими обязанностями, — добавил я, закашлявшись от пыли.

— Да, старушенция не слишком утруждает себя уборкой, — заявил Барак, удобно устраиваясь на подушках. — Но как знать, может, она не просто служанка. Если это так, Ренн обладает довольно странным вкусом.

Я опустился в кресло и вытянул усталые ноги. Глаза мои закрывались сами собой. Но тут в комнату вошла домоправительница с подносом, на котором стояли две дымящиеся тарелки с похлебкой и две кружки пива. Мы с Бараксом с пылом набросились на еду. Гороховая похлебка оказалась пресной и невкусной, но тем не менее нам удалось наконец утолить голод. Насытившись, Барак вновь развалился на скамье и закрыл глаза. Я уже хотел растолкать его, ибо спать в гостиной чужого дома было верхом неучтивости. Однако у Барака был такой утомленный вид, что я отказался от своего намерения. В комнате было тепло и уютно, огонь тихонько потрескивал, уличный шум почти не проникал сквозь застекленные окна. Веки мои налились неодолимой тяжестью, рука вновь потянулась к карману, нащупав печать архиепископа Кранмера. Мысленно я унесся на две недели назад, к самому началу той цепи событий, что привели меня в Йорк.

В последний год на долю мою выпало множество бед и неприятностей. После падения Томаса Кромвеля водить знакомство с бывшими его сторонниками стало небезопасно; именно поэтому многие клиенты сочли за благо отказаться от моих услуг. К тому же я нарушил давнюю традицию, ибо, представляя интересы лондонского Городского совета, выступил в суде против своего собрата по корпорации. Стивен Билкнэп по праву заслужил звание величайшего мошенника из всех, кого когда-либо носила земля, тем не менее многие законники сочли подобное нарушение сословной солидарности недопустимым и более не желали со мной сотрудничать. Положение усугублялось тем, что Билкнэп имел весьма влиятельного покровителя. За его спиной стоял сам сэръ Ричард Рич, глава Палаты перераспределения монастырского имущества.

В начале сентября я получил известие о смерти отца. Несколько дней спустя, пребывая в состоянии самой глубокой печали и мучаясь сознанием

собственной вины, я вошел в свою контору и встретил обеспокоенный взгляд Барака.

— Сэр, мне надо безотлагательно с вами поговорить.

Джек многозначительно посмотрел на моего клерка Скелли, который, посверкивая очками, сосредоточенно переписывал бумаги. Барак кивнул в сторону моего кабинета. Войдя туда вслед за ним, я плотно закрыл дверь.

— С утра пораньше сюда приходил посыльный, — взволнованным шепотом сообщил Барак. — Из дворца Ламбет. Архиепископ Кранмер желает вас увидеть. Сегодня, в восемь часов вечера.

— А я-то надеялся, что сильные мира сего более никогда не заинтересуются моей скромной персоной, — вздохнул я, тяжело опускаясь в кресло.

Беспокойство Барака передалось мне в полной мере. Ни для кого не являлось секретом, что прежде мы оба работали на Кромвеля и ныне не испытывали недостатка в могущественных врагах.

— Как вы полагаете, какими последствиями чревато подобное приглашение? — обратился я к Бараку. — Возможно, до вас дошли какие-нибудь слухи?

Мне было известно, что помощник мой по-прежнему поддерживает связь со многими придворными осведомителями.

— Я ничего не знаю, — покачал головой Барак. — За исключением того, что никакая опасность нам не грозит. Так, по крайней мере, меня заверили.

В тот день мне так и не удалось сосредоточиться на делах. Я рано оставил контору и направился домой, намереваясь пообедать. Я уже подходил к воротам Линкольнс-Инна, когда заметил, что навстречу мне движется какая-то высокая тощая фигура в шелковой мантии и круглой шапочке, из-под которой выбиваются светлые кудри. То был Стивен Билкнэп, самый алчный и бесчестный законник из тех, кого мне когда-либо доводилось встречать. Он отвесил мне преувеличенно почтительный поклон.

— Приветствую вас, брат Билкнэп, — ответил я, не считая нужным нарушать бытующие в нашей корпорации правила учтивости.

— Я слышал, брат Шардлейк, что дата слушания нашего дела в суде лорд-канцлера еще не назначена, — произнес Билкнэп. — Они не слишком торопятся.

Пройдоха сокрушенно покачал головой, хотя я прекрасно понимал, что проволочки ему только на руку. Дело касалось имущества небольшого монастыря, расположенного неподалеку от Криплгейта. После

упразднения монастыря Билкнэп приобрел его здания и превратил их в дешевое жилье, лишенное устроенных должным образом выгребных ям. В результате нестерпимая вонь досаждала не только обитателям бывшего монастыря, но и жителям соседних домов. В судебном порядке нам предстояло решить, имел ли Билкнэп право на приобретение монастырских зданий или, согласно существующим постановлениям, они являются собственностью Городского совета. Изворотливого стряпчего поддерживал сам Ричард Рич, который, являясь главой Палаты перераспределения монастырского имущества, был весьма заинтересован в исходе процесса. Если бы мне удалось доказать, что Билкнэп нарушил закон, продажная цена бывших монастырских владений неминуемо упала бы.

— Я обращался в контору Шести клерков с просьбой объяснить, в чем причины подобной проволочки, однако не сумел добиться вразумительного ответа, — сообщил я Билкнэпу.

В контору Шести клерков я посылал Барака, который при желании мог нагнать страху на кого угодно. Помощник мой ходил туда несколько раз и, вне всякого сомнения, проявил всю свою напористость, но не сумел добиться результата.

— Возможно, ваш друг Ричард Рич знает, в чем дело.

Сказав это, я тут же пожалел о своих словах, ибо открыто выступать против всесильного главы Палаты перераспределения отнюдь не входило в мои планы. Положение мое было таково, что каждый неверный шаг грозил самыми печальными последствиями.

— Ох, брат Шардлейк, ваша дерзость не доведет вас до добра, — укоризненно покачал головой Билкнэп. — Любопытно, что на это скажут в совете корпорации?

Мне оставалось лишь прикусить язык и пробормотать:

— Прошу меня извинить. Беру свои слова обратно.

— Принимаю ваши извинения, брат, — милостиво произнес Билкнэп и расплылся в широкой улыбке, обнажившей гнилые желтые зубы. — Когда у человека есть веские основания тревожиться о собственном будущем, самообладание и сдержанность нередко изменяют ему.

С этими словами он вновь отвесил поклон и удалился. Я проводил пройдоху глазами, борясь с отчаянным желанием наградить его пинком под зад.

После обеда я облачился в мантию стряпчего и, спустившись к реке, нанял лодку, которая доставила меня к дворцу Ламбет. В это лето в Лондоне царила непривычная тишина, ибо король вместе со всем двором путешествовал по северным графствам. Минувшей весной в столицу

пришла весть о том, что в Йоркшире назрел очередной мятеж, к счастью, пресеченный на корню. Именно тогда король и решил посетить северную часть страны, дабы укрепить верноподданнические чувства ее обитателей. По слухам, известие о новом восстании не на шутку встревожило и самого монарха, и его ближайших советников. Надо признать, тревога эта была отнюдь не безосновательна. Пять лет назад север Англии отказался принять церковные реформы. Армия «Благодатного паломничества», как называли себя повстанцы, насчитывала более тридцати тысяч человек и представляла собой серьезную угрозу. Для того чтобы усмирить мятежников, королю пришлось пуститься на ложные обещания и, воспользовавшись полученной отсрочкой, собрать собственную армию и нанести сокрушительный удар. Восстание было потоплено в крови, однако с тех пор состояние умов на севере внушало королю серьезные опасения.

На протяжении всего июня придворные поставщики сновали по Лондону, опустошая продуктовые лавки и склады, ибо свита, в сопровождении которой король собирался на север, насчитывала более тысячи человек. Трудно было представить, как будет передвигаться кортеж, численность которого не уступает населению маленького городка. В последних числах июля двор наконец отбыл. По слухам, вереница повозок растянулась более чем на милю. Дождливое лето продолжалось, но Лондон после отъезда короля, казалось, погрузился в дрему.

Лодка проплыла мимо башни Лоллард, расположенной в северном конце дворца Ламбет; в сумерках я разглядел освещенное окно тюрьмы на самом верху башни. Там содержались еретики, заточенные под стражу по приказу архиепископа. В Лондоне окно тюрьмы называли глазом Кранмера. Лодка причалила у Большой лестницы. Стражник провел меня через внутренний двор в Большой холл и оставил в одиночестве.

Коротая минуты ожидания, я принялся разглядывать великолепный мозаичный потолок. Неслышно переступая, ко мне приблизился клерк, облаченный в черную мантию.

— Архиепископ ожидает вас, — тихо произнес он.

Вслед за клерком я углубился в лабиринт тускло освещенных коридоров; тростниковые циновки приглушали наши шаги.

Наконец я оказался в тесном кабинете с низким потолком. Томас Кранмер восседал за письменным столом и в свете укрепленной на стене свечи читал какие-то бумаги. В камине ярко горел огонь. Я склонился в низком поклоне перед могущественным архиепископом, который осмелился восстать против власти Папы и женить короля на Анне Болейн. В прежние дни архиепископ был верным другом и соратником Томаса

Кромвеля, и церковные реформы являлись их общим детищем. После падения Кромвеля многие ожидали, что Кранмер разделит его участь. Однако, несмотря на то что процесс реформации повернул вспять, архиепископ сохранил свое высокое положение. Покидая Лондон, король вверил столицу его попечению. Говорили, что король доверял Кранмеру, как никому другому.

Тихим размеренным голосом архиепископ предложил сесть. Прежде мне доводилось видеть его лишь издалека, когда он произносил проповедь. Поэтому я с интересом разглядывал представительную фигуру пастыря, облаченную в белую сутану, поверх которой был накинут меховой палантин. Густые седеющие волосы обрамляли бледное овальное лицо, рот окружали глубокие морщины. Глаза архиепископа, огромные, темно-синие, были особенно примечательны. Во взоре, устремленном на меня, я различил тревогу, мучительные сомнения и тайную игру страстей.

— Итак, вы — Мэтью Шардлейк, — произнес он и, пытаясь меня ободрить, сопроводил свои слова приветливой улыбкой.

— К вашим услугам, милорд архиепископ, — ответил я, опускаясь на жесткий стул напротив своего собеседника.

Массивный серебряный крест, поблескивавший на груди Кранмера, оказался прямо у меня перед глазами.

— Как ваши дела в Линкольнс-Инне? — осведомился архиепископ.

— Хуже, чем прежде, — ответил я после недолгого колебания.

— Для тех, кто прежде служил графу Кромвелю, настали не лучшие времена, — заметил Кранмер.

— Да, милорд, — осторожно кивнул я.

— Мне бы очень хотелось, чтобы его голову наконец сняли с Лондонского моста, — изрек архиепископ. — Всякий раз, проезжая мимо, я смотрю на нее с содроганием. Точнее, на то, что оставили от нее чайки.

— Да, это печальное зрелище.

— Вам наверняка известно, что я посещал его в Тауэре. Я исповедовал его перед казнью. И он рассказал мне о последнем деле, которым вы занимались по его поручению.

Глаза мои полезли на лоб от неожиданности. Несмотря на то что в комнате было тепло, я ощутил, как по спине у меня пробежал холодок. Итак, Кранмер знал обо всем.

— Я рассказал королю о поисках темного огня. Несколько месяцев назад, — сообщил архиепископ.

Я затаил дыхание, но мой собеседник ободрительно улыбнулся и поднял руку, унизанную кольцами.

— Король очень гневался на лорда Кромвеля, устроившего его брак с Анной Клевской, и мне пришлось выждать, когда гнев его уляжется, — продолжал Кранмер. — Ныне он уже начал сожалеть о советах преданного друга, которого он лишился. Те, кто виновен в случившемся, ныне действуют с большой осторожностью. Они отрицают свою причастность к этому делу, и пока что нет никакой возможности уличить их во лжи.

Мысль, пришедшая мне на ум, вновь заставила меня содрогнуться.

— Милорд, королю известно о том, что я занимался поисками темного огня?

— Нет, — покачал головой архиепископ. — Лорд Кромвель просил меня не рассказывать об этом королю. Он понимал, вы сделали для него все, что в ваших силах. Понимал он также и то, что вы предпочитаете оставаться частным лицом.

Значит, этот суровый властный человек перед своим ужасным концом вспоминал обо мне с уважением и благодарностью. Я ощутил, как к глазам моим подступили слезы.

— Лорд Кромвель был сторонником решительных и даже жестоких мер, но он обладал многими прекрасными качествами, — продолжал архиепископ. — Вы, мастер Шардлейк, знаете это не хуже моего. Рассказывая королю об этом деле, я лишь сообщил ему, что расследованием занимались приближенные лорда Кромвеля. Его величество оставил произошедшее без последствий, хотя он был очень сердит на тех, кто ввел его в заблуждение. Не так давно он сказал герцогу Норфолку, что сожалеет о том, что поддался на происки недоброжелателей и обрек на казнь одного из самых верных своих слуг. Лорд Кромвель и в самом деле являлся одним из самых преданных советников короля.

Кранмер пристально взглянул на меня.

— Перед смертью он говорил о вас как о человеке, достойном самого безграничного доверия. По его словам, вы, как никто другой, умеете хранить чужие тайны.

— Это мой профессиональный долг.

— Но разве юридические корпорации не являются рассадниками слухов и сплетен? — с улыбкой возразил архиепископ. — Нет, граф заверил меня, что по части благоразумия и скрытности вы выгодно отличаетесь от своих собратьев по сословию.

Я осознал наконец, что в Тауэре, перед смертью, Кромвель сообщил своему давнему другу имена нескольких человек, которые могли принести последнему пользу.

— Я слышал, что отец ваш недавно скончался, — продолжал

архиепископ. — Примите мои соболезнования.

Глаза мои вновь полезли на лоб. Откуда он узнал о смерти моего отца? Архиепископ поймал мой изумленный взгляд, и губы его тронула печальная улыбка.

— Я обратился в совет корпорации, дабы узнать, в Лондоне вы или нет. Там мне и сообщили о вашей утрате. Как видите, я давно уже полон желания встретиться с вами. Упокой Господи душу вашего отца.

— Аминь.

— Насколько я понял, отец ваш жил в Личфилде?

— Да. Через два дня я уезжаю на похороны.

— Король сейчас находится севернее этих мест. В Хатфилде. Увы, июль выдался на редкость дождливым, и это обстоятельство весьма затрудняет предпринятое его величеством путешествие. Кorteж продвигается медленно, и удовлетворить желания короля зачастую оказывается нелегко.

Архиепископ покачал головой, и на лицо его набежала тень осуждения.

Прежде мне доводилось слышать, что Кранмер отнюдь не является искусным царедворцем. Как видно, разговоры эти были далеко не обосновательны.

— Да, погода не слишком удачная для путешествия, — согласился я. — Прошлым летом царила страшная засуха, а в этом году на нас обрушился настоящий потоп.

— Слава богу, в последние дни дожди прекратились, — изрек архиепископ. — А то от езды по скверным дорогам королева совсем расхворалась.

— Говорят, она беременна, — осмелился заметить я.

— Все это пустые слухи, — нахмурившись, бросил архиепископ.

Несколько мгновений он помолчал, словно собираясь с мыслями, и заговорил вновь:

— Полагаю, вам известно, что в королевской свите есть несколько стряпчих. До сей поры никто из царствующих особ Англии не предпринимал столь грандиозного путешествия. Законники необходимы, дабы улаживать разногласия, могущие возникнуть между придворными, а также всякого рода недоразумения с поставщиками, неизбежные в столь дальнем пути.

Архиепископ шумно перевел дух.

— Вам известно также, что король обещал жителям северных графств восстановить справедливость — в тех случаях, когда она была попорчена. В каждом городе он получает множество прошений, податели которых жалуются на произвол местных властей. Законники, сопровождающие

короля, обязаны разбирать эти прошения, изымать те, которые кажутся им слишком глупыми или же ничтожными, и выносить решения в тех случаях, когда это представляется возможным. Оставшиеся жалобы направляются в Совет северных графств. К сожалению, один из королевских стряпчих недавно скончался. Бедняга имел несчастье захворать воспалением легких. Из конторы лорда-камергера в Тайный совет было направлено письмо с просьбой подыскать умершему достойную замену. Стряпчему, рекомендованному советом, необходимо присоединиться к королевской свите в Йорке, ибо в этом городе законников ожидает очень много работы. Я сразу вспомнил о вас.

— О! — только и смог выдохнуть я.

Отправляясь к архиепископу, я отнюдь не рассчитывал, что мне будет оказано подобное расположение.

— Вам так или иначе предстоит отправиться в Личфилд, а это на полпути к Йорку, — продолжал архиепископ. — В Лондон вы вернетесь в следующем месяце и в благодарность за услуги получите пятьдесят фунтов. Вам дозволяется взять с собой одного сопровождающего. Думаю, будет разумнее захватить своего помощника, а не слугу.

Обещанная мне награда была чрезвычайно щедрой даже по сравнению с высоким жалованьем королевских служащих. Тем не менее я не спешил ответить согласием, ибо у меня не было ни малейшего желания присоединиться к королевскому двору.

— Милорд, насколько мне известно, в королевской свите состоит сэр Ричард Рич, — со вздохом произнес я.

— Да, — кивнул Кранмер. — Я помню, что, занимаясь поисками темного огня, вы нажили себе врага в лице этого вельможи.

— И сейчас я веду тяжбу, затрагивающую его интересы. Вне всякого сомнения, Рич при первой же возможности постарается мне навредить.

— Вам не придется иметь дело ни с Ричардом Ричем, ни с королевскими советниками. Он сопровождает короля, ибо, будучи главой Палаты перераспределения, дает советы относительно того, как лучше распорядиться конфискованными у мятежников землями. А к прошениям ни король, ни его советники не проявляют ни малейшего интереса. Они всецело находятся в ведении стряпчих.

Я по-прежнему колебался. Пятьдесят фунтов позволили бы мне разрешить свои денежные затруднения и выплатить по закладной, исполнив тем самым долг перед покойным отцом. Я почувствовал, как в душе моей шевельнулось желание своими глазами увидеть грандиозное представление и, более того, стать его участником. Я сознавал, что

подобная возможность выпадает раз в жизни. К тому же я надеялся, что новые впечатления развеют мою печаль.

— Решайте скорее, мастер Шардлейк, — поторопил Кранмер. — У меня мало времени.

— Я поеду, милорд. Благодарю вас за проявленное доверие.

— Превосходно, — кивнул архиепископ.

Внезапно он наклонился вперед, задев лежавшие на столе бумаги широкими рукавами сутаны.

— У меня есть к вам небольшое поручение частного характера, — произнес он, понизив голос. — Надеюсь, оказавшись в Йорке, вы сможете его выполнить.

Я затаил дыхание, ощущая себя зверем, попавшим в ловушку. В конце концов архиепископ оказался весьма ловким политиком.

Испуганное мое выражение не ускользнуло от Кранмера.

— Вам не о чем тревожиться, сэр. Поручение мое отнюдь не связано с опасностью и, уж конечно, не потребует от вас никаких сделок с совестью. Его может выполнить всякий, кто обладает благоразумием и... — тут он устремил на меня пронзительный взгляд, — умеет хранить тайны.

Я молчал, прикусив губу. Архиепископ, не сводя с меня изучающего взгляда, переплел узкие пальцы.

— Вам известно, с какой целью король предпринял путешествие на север? — спросил он.

— Полагаю, он желает напомнить жителям мятежных графств о том, как велика его власть, — проронил я.

— Не случайно говорят, что Господь создавал север, изрядно утомившись, — с неожиданной злобой произнес архиепископ. — Жителей северных графств не назовешь иначе как варварами. Они по-прежнему пребывают в папской ереси и не желают благих перемен.

В ответ я лишь кивнул, молча ожидая, когда мой собеседник откроет свои карты.

— Пять лет назад, когда на севере разразилось первое восстание, лорд Кромвель учредил там сильное правительство. Новый Совет северных графств пользуется услугами многочисленных осведомителей. Благодаря этому обстоятельству, нынешней весной удалось раскрыть новый, весьма серьезный заговор.

Архиепископ буквально пожирал меня своими огромными глазами, исполненными тайных опасений.

— В прошлый раз мятежники хотели, чтобы король избавился от советников-реформаторов.

«Да, — подумал я, — если бы мятежникам удалось одержать верх, они непременно отправили бы моего собеседника на костер».

— На этот раз заговорщики дошли до того, что обвинили короля в тирании, — продолжал архиепископ. — Они намеревались свергнуть монарха с престола. И ради достижения своей черной цели готовы были заключить союз с Шотландией. Это при том, что северяне всегда относились к шотландцам с презрением. Надо признать, по части варварства шотландцы даже превосходят жителей северных графств. Но и те и другие — ярые паписты, и это решает все. И если бы злодейские планы мятежников не были вовремя разоблачены, одному богу известно, в какую пучину они ввергли бы Англию.

Я лишь глубоко вздохнул, не проронив ни слова. Архиепископ выдавал мне тайны, которые я не имел ни малейшего желания знать. Эти тайны связывали нас, что отнюдь не отвечало моим желаниям.

— Однако некоторым заговорщикам удалось уйти от возмездия, — вновь заговорил Кранмер. — Они скрылись в горах, где и пребывают по сей день. А мы до сих пор не выяснили, как далеко заходили их преступные намерения. В тюрьме Йорка содержится один из заговорщиков, которого в скором времени отправят в Лондон по реке. Его имя — сэр Эдвард Бродерик.

Стоило Кранмеру произнести это имя, как в глазах его мелькнул страх.

— Как я уже говорил, намерения заговорщиков известны нам не до конца. Лишь несколько главарей мятежа держали в руках все его нити. Несомненно, одним из этих главарей являлся Бродерик. Об этом известно только королю и нескольким его доверенным советникам в Лондоне и Йорке. Увы, преступник хранит упорное молчание. Король направил в Йорк опытных дознавателей, однако им ничего не удалось добиться. Бродерик упрям как дьявол. Когда король прибудет в Йорк, мятежника перевезут в Халл в запечатанной карете. Потом его, как я уже упоминал, по реке отправят в Лондон. Король желает лично присутствовать при допросе. Из соображений безопасности преступника лучше допрашивать в Тауэре. Здесь служат искусные мастера, способные развязать язык кому угодно.

Я прекрасно понимал, что имеет в виду архиепископ. Мятежника подвергнут пыткам.

— Какое же содействие может оказать в этом деле скромный барристер, милорд? — осведомился я, набрав в легкие побольше воздуха.

Ответ Кранмера немало удивил меня.

— Преступника необходимо доставить в Лондон живым и здоровым, — сказал он. — За этим должны будете проследить вы.

— Но... разве у короля нет других доверенных слуг, способных выполнить подобное поручение куда лучше моего?

— Предосторожность никогда не бывает излишней, — пожал плечами Кранмер. — Разумеется, в Йорке Бродерик находится на попечении опытного тюремщика. Этого человека выбрал сам герцог Суффолк, в ведении которого находятся все вопросы, связанные с путешествием. Имя тюремщика — Фулк Редвинтер. Он вполне заслуживает доверия, однако ему не сообщили, в чем именно подозревается заключенный.

— Я впервые слышу это имя, милорд.

— Да, назначение было сделано в спешке. Поэтому меня не оставляет беспокойство.

Архиепископ поджал губы и принялся крутить в пальцах медную печать, лежавшую на столе.

— Вне всякого сомнения, Редвинтер имеет изрядный опыт по части охраны преступников и ведения допросов. Ему не раз приходилось иметь дело с еретиками. Он человек глубокой и искренней веры, и мы можем быть уверены в том, что Бродерику не удастся ускользнуть из-под стражи.

Кранмер испустил тяжкий вздох и заговорил вновь.

— Однако Редвинтер бывает излишне... суров. Один из его заключенных скончался, — произнес архиепископ, сдвинув брови. — Именно поэтому я хочу, чтобы вы находились рядом с мятежником. И позаботились бы о том, чтобы он прибыл в Тауэр в добром здравии.

— Я понял, милорд.

— Я уже написал герцогу Суффолку, сообщив ему о своем желании приставить к арестанту еще одного надежного человека. Надеюсь, он верно истолковал причины, побудившие меня сделать это.

Кранмер взял со стола печать и опустил ее прямо передо мной. То была увесистая овальная пластина, по краям которой были выгравированы на латыни имя и должность Кранмера, а посередине — изображение побиваемого плетью Христа.

— Я хочу, чтобы в качестве подтверждения ваших полномочий вы взяли с собой вот это, — изрек архиепископ. — Полагаю, вы уяснили, что в вашу задачу входит лишь забота о здоровье Бродерика, как в Йорке, так и по пути в Лондон. Общение ваше с арестантом должно быть строго ограничено и подчинено одной цели — убедиться в том, что ему ничего не угрожает. Вы не должны задавать ему каких-либо вопросов, за исключением вопросов о самочувствии. Редвинтеру уже известно, что я пришлю ему в помощь своего человека. Несомненно, он отнесется к вам с должным уважением.

Губы архиепископа вновь тронула улыбка, рассеянная и невеселая.

— Редвинтер также относится к числу моих служащих, — сообщил он. — Здесь, в башне Лоллард, он охранял еретиков, арестованных по моему приказу.

— Понятно, милорд, — проронил я безучастным тоном.

— Если вы сочтете, что оковы доставляют узнику слишком много мучений, распорядитесь, чтобы их несколько ослабили, при этом не сделав менее надежными. Если узник страдает от голода, позаботьтесь о том, чтобы ему доставляли хорошую пищу. Если он болен, обеспечьте его надлежащей помощью. Как видите, я посылаю вас с милосердной миссией, — завершил Кранмер с улыбкой.

— Милорд, — произнес я, призвав все свое мужество, — я готов ехать в Йорк, но лишь для того, чтобы принять участие в разборе прошений, поданных королю. Опыт мой показывает, что мне лучше держаться в стороне от политических дел, ибо участие в них надолго лишает меня душевного спокойствия. Ныне я хочу лишь одного — оставаться, по выражению лорда Кромвеля, частным лицом. Я имел немало случаев наблюдать, какой конец выпадал на долю тех, кто...

— Вам предстоит позаботиться лишь о том, чтобы некий узник прибыл в Лондон живым и здоровым. — Архиепископ произнес это едва слышно, однако в голосе его зазвучали стальные нотки. — Поручение это не потребует от вас особых усилий, господин Шардлейк, и, полагаю, вы вполне в состоянии с ним справиться. Да будет вам известно, ранее я тоже был частным лицом, профессором Кембриджа. До тех пор, пока король не затеял великий развод и ему не потребовался мой совет. Подчас Господь призывает нас выполнить свой долг, и мы не вольны ответить отказом. И ради этого нам нередко приходится пренебречь собственным покоем и безмятежностью, — добавил он, вперив в меня пронзительный взгляд.

Взгляд этот не оставлял никаких сомнений в ожидавшей меня участи. Если я откажусь от тайного поручения архиепископа, мне придется отказаться и от участия в разборе прошений. Значит, я не смогу выплатить по закладной, и отцовскую ферму придется продать за долги. К тому же я имел неосторожность нажить при дворе достаточно врагов, и прибавлять к их числу архиепископа было по меньшей мере опрометчиво. Ловушка захлопнулась. Мне оставалось лишь повиноваться.

— Я согласен, милорд, — произнес я с тяжелым вздохом.

— Документы, подтверждающие ваши полномочия, будут отосланы к вам домой завтра, — с одобрительной улыбкой сказал Кранмер. — Я говорю о бумагах, которые позволят вам присоединиться к королевской

свите в качестве законника.

Он взял со стола печать и вручил ее мне. Она оказалась чрезвычайно тяжелой.

— А это вы покажете Редвинтеру. Никаких писем не потребуется.

— Могу я сообщить моему помощнику Бараку о полученном от вас поручении, милорд?

— Да. Насколько мне известно, лорд Кромвель удостаивал этого человека своим особым доверием. Правда, по его словам, Барак отнюдь не является горячим сторонником реформ.

Архиепископ пристально посмотрел на меня.

— Как, впрочем, и вы. Вы ведь, кажется, изменили своим прежним взглядам.

— Милорд, ныне я стремлюсь честно заниматься своим ремеслом, и ничего более.

— Мне это известно. Как известно и то, что в прошлом вы были среди тех, кто надеялся привести Англию к религиозному обновлению. Надеюсь, вы и поныне убеждены в том, что истинным главой английской церкви должен являться король, а не Римский Папа, — изрек он, по-прежнему буравя меня глазами. — Божьей властью король поставлен над своими подданными, дабы наставлять их на путь истинный. Когда король говорит, сам Господь вещает устами своего помазанника.

— Да, милорд, — произнес я, хотя никогда не разделял подобного убеждения.

— Помните: мятежники чрезвычайно хитры и опасны. Для того чтобы одержать над ними верх, необходимы суровые меры. Я никогда не являлся сторонником жестокости, но сейчас у нас нет иного выбора. Мы должны защитить то, чего нам удалось достичь. Впрочем, если мы намерены превратить Англию в истинно христианское и благоденствующее государство, нам еще предстоит немало потрудиться.

— Вы совершенно правы, милорд.

Губы архиепископа вновь тронула одобрительная улыбка.

— Тогда собирайтесь в путь, господин Шардлейк, и да поможет вам Бог.

Он поднялся в знак того, что аудиенция окончена. Я поклонился и направился к дверям. В голове у меня вертелась мысль о том, что поручение Кранмера вряд ли заслуживает названия милосердной миссии. Мне предстоит заботиться о том, чтобы некий узник предстал целым и невредимым перед палачами Тауэра, которые обрекут его на медленную, мучительную смерть. Любопытно, что совершил этот Бродерик, если при одном упоминании его имени в глазах архиепископа вспыхивает страх?

Воспоминания мои были прерваны громкими голосами, раздававшимися за стенами комнаты. Я бесцеремонно толкнул Барака, так что с него разом слетела дрема. Оба мы, морщась от боли в затекших ногах, торопливо поднялись и оправили одежду. Дверь распахнулась, и в комнату вошел человек в изрядно потрепанной мантии стряпчего. Мастер Ренн отличался крепким телосложением и при этом был чрезвычайно высок ростом, возвышаясь над Бараксом на целую голову. Я с облегчением убедился, что, несмотря на почтенный возраст, о котором красноречиво свидетельствовали морщины, избороздившие широкое лицо мастера Ренна, его никак не назовешь дряхлым. Держался он прямо, двигался уверенно, а из-под седеющих рыжих волос, падавших на лоб, выглядывали острые и внимательные голубые глаза. Пожатие его оказалось крепким и сильным.

— Рад приветствовать вас, господин Шардлейк, — произнес он звучным голосом, в котором ощущался заметный местный акцент. — Или, лучше сказать, брат Шардлейк, ибо мы с вами являемся собратьями по сословию. Джайлс Ренн, к вашим услугам. Слава богу, вы наконец прибыли. Мы уже начали опасаться, что в дороге с вами приключилось какое-нибудь несчастье.

Я обратил внимание, что, окинув меня взглядом, он, в отличие от большинства людей, не задержался на моей горбатой спине. Что ж, нашему новому знакомому не откажешься в деликатности, отметил я про себя.

— К сожалению, мы заблудились и потому провели в пути больше времени, чем рассчитывали, — пояснил я. — Позвольте вам представить моего помощника Джека Барака.

Барак поклонился и пожал протянутую руку Ренна.

— Господи боже, для клерка у вас на редкость крепкая хватка, — усмехнулся старый законник и похлопал Барака по плечу. — Вы можете служить добрым примером своим товарищам по ремеслу, молодой человек. В нынешние времена молодежь слишком мало двигается, а что касается клерков, они зачастую имеют жалкий вид.

Ренн бросил взгляд на стол, на котором стояли пустые тарелки.

— Вижу: моя добрая Меджи уже покормила вас.

Ренн подошел к огню. Сокол повернулся к нему, звякнув крошечным колокольчиком, который был привязан к одной из его лап. Хозяин ласково почесал птице шею.

— Ну что, старушка Октавия? Не замерзла? — с улыбкой проворковал он. — Когда-то мы с этой птицей были заядлыми охотниками, но старость не пошла нам на пользу, — пояснил он. — Прошу вас, садитесь. Мне очень жаль, что на время вашего пребывания в городе я не могу предоставить вам

кров.

Ренн опустился в кресло и с сокрушенным видом окинул взором пыльную мебель и груды книг.

— Увы, с тех пор, как три года назад скончалась моя бедная жена, в доме царит запустение. Сами понимаете, что взять со старого вдовца? Я держу всего двоих слуг — Меджи и мальчика-конюха. Меджи стареет, и ей все труднее справляться с работой по дому. Но прогнать ее я не могу, ведь она была горничной моей покойной жены.

«Что ж, похоже, предположение Барака было недалеко от истины», — мысленно отметил я.

— Мы остановимся в бывшем аббатстве Святой Марии, — произнес я вслух. — Но, в любом случае, мы очень благодарны вам за любезность.

— Уверен, в аббатстве вам будет удобно, — заявил Ренн, потирая руки. — Вскоре всем нам предстоят интересные деньки. Когда в город прибудет королевский кортеж во всей красе, здесь будет на что посмотреть. Но сейчас вам необходимо отдохнуть с дороги. Думаю, вам лучше прийти сюда завтра, часам к десяти утра. Мы посвятим целый день разбору прошений.

— Превосходно, — кивнул я и добавил: — Судя по всему, в аббатстве вовсю ведутся приготовления к приезду короля.

— Говорят, там спешно возводится множество великолепных зданий, — подтвердил Ренн. — Лукас Хоренбаут прибыл в Йорк, дабы лично надзирать за строительством.

— Хоренбаут? Голландский художник, пользующийся особым расположением короля?

— Да, — с улыбкой кивнул Ренн. — Я слышал, ныне его считают непревзойденным мастером — после Гольбейна, конечно.

— Он и в самом деле великий художник. Вот уж не думал, что он в Йорке.

— С его помощью город готовится к торжественной церемонии. Правда, сам я не видел новых зданий: ведь в аббатство Святой Марии пропускают лишь тех, у кого есть там дело. Поговаривают, королева в положении и именно в Йорке состоится ее коронация. Но, возможно, это всего лишь пустые слухи.

Помолчав, он спросил, устремив на меня любопытный взгляд:

— А вы что-нибудь слышали об этом?

— До меня тоже доходили подобные слухи. Но их вряд ли следует принимать на веру, — заявил я, вспомнив, какую досаду вызвало у Кранмера упоминание о беременности королевы.

— Что ж, будем ждать. Если эта новость верна, жителям Йорка сообщат о ней, когда сочтут нужным.

В бодрой тираде Ренна мне послышались нотки тщательно скрываемой досады, и я внимательно взглянул на него.

— Возможно, королева Кэтрин будет коронована именно в вашем городе. Так или иначе, звание супруги короля ей удастся сохранять уже более года.

Последнее замечание я позволил себе намеренно. Мне хотелось, чтобы мой новый знакомый уяснил — я не принадлежу к числу тех твердолобых королевских служащих, которые почитают своим долгом благоговейно отзываться обо всех деяниях монарха.

Слова мои достигли цели, ибо Ренн ответил мне понимающей улыбкой.

— Прощений подано великое множество, так что нам предстоит уйма работы, — заявил он. — Я очень рад, что наконец-то у меня есть помощники. Вы не представляете себе, сколько среди этих петиций встречается таких, что яйца выеденного не стоят. Не далее как вчера мне встретила жалоба человека, затеявшего тяжбу из-за дюйма земли. Но вас, брат, подобными примерами человеческой глупости, разумеется, не удивишь, — со смехом добавил Ренн.

— Мне встречалось и не такое. Кстати, в основном я занимаюсь делами, связанными именно с правом на собственность.

— Ох, сэр, боюсь, вам придется пожалеть, что вы сообщили мне об этом. — Ренн подмигнул Бараку. — Теперь я с чистой совестью передам вам все имущественные дела. А себе оставлю те, что связаны с просроченными долгами и личной враждой.

— Насколько я понимаю, все поданные петиции касаются этих трех предметов — имущества, вражды или долгов?

— Да, по большей части. Меня предупредили, что все эти прошения следует разбирать с особым тщанием, ибо жители северных графств должны убедиться в справедливости и милосердии короля. Незначительные дела должны решить мы, люди, облеченные особым доверием монарха. Дела более сложные следует передавать в королевский совет.

— А каким образом мы будем выносить решение по петициям?

— На третейском суде, наделенном особыми полномочиями. Я буду его главой, а другими двумя судьями — вы и представитель Совета северных графств. Прежде вам доводилось участвовать в третейском суде?

— Да, и не раз. Насколько я понял, король не будет иметь касательства к решению всех этих дел.

— Ни малейшего, — покачал головой Ренн. — Но тем не менее нам с

вами предстоит встреча с его величеством, — добавил он после недолгого молчания.

— Когда, сэр? — хором спросили мы с Бараком.

— Во время торжественной церемонии. Во всех городах и деревнях, что тянутся вдоль дороги, к королю обращаются представители местного дворянства и члены городских советов, которые пять лет назад запятнали себя участием в мятеже. Ныне они на коленях умоляют монарха о снисхождении. Насколько мне известно, король намерен даровать этим людям свое прощение, однако они должны будут вновь поклясться ему в верности. Но, согласно секретному приказу, не следует позволять бывшим мятежникам собираться в одном месте в большом количестве. Вы сами понимаете, короля необходимо оградить от любых возможных опасностей. Поэтому процессию сопровождает тысяча солдат, а королевская артиллерия по реке направилась в Халл.

— Однако до сих пор никаких неприятных происшествий не произошло?

— Слава богу, нет. Но, как известно, смирение побежденных часто бывает обманчиво. Здесь, в Йорке, церемония повторного принесения клятвы должна превратиться в грандиозное зрелище. Члены Городского совета, облаченные в черные мантии, намерены встретить короля и королеву на въезде в город и попросить прощения за то, что в тысяча пятьсот тридцать шестом году они позволили мятежникам сделать Йорк своей столицей. Горожане при этом не будут присутствовать, ибо простолюдинам ни к чему видеть глав города в коленопреклоненном положении. К тому же, — вскинув мохнатую бровь, многозначительно произнес Ренн, — жители города могут счесть себя униженными и это возбудит у них гнев против короля. Принеся покаяние, главы города вручат его величеству подарки, огромные кубки, наполненные золотыми монетами. Монеты эти были собраны жителями города, — сообщил он с язвительной улыбкой. — И можете мне поверить, многих из них было не так просто заставить раскошелиться.

Ренн глубоко вдохнул и с важностью изрек:

— Так вот, городские власти считают, что мы, стряпчие, облеченные особым королевским доверием, тоже должны принять участие в церемонии. Мы подадим королю петиции, которые он впоследствии не удостоит даже взглядом.

— О, нам предназначена важная роль, — протянул я.

Как видно, Кранмер покривил душой, пообещав, что мне не придется иметь никакого касательства к королевской свите.

— Но еще не известно, будет ли нам дозволено ее исполнить. Пока еще ничего не решено окончательно. Танкерд, городской рикордер, места себе не находит от волнения — ведь ему предстоит произнести покаянную речь. Городские советники без конца посылают депеши герцогу Суффолку, дабы удостовериться, что все их намерения полностью отвечают желаниям короля. Откровенно говоря, мне бы очень хотелось увидеть короля собственными глазами, — с улыбкой признался Ренн. — Насколько мне известно, завтра он покинет Халл. В Понтефракте его величество задержался дольше, чем рассчитывал, и Халл посетил прежде Йорка. Кстати, в конце путешествия король намерен вновь заглянуть в Халл — он хочет лично удостовериться, что укрепления этого города приведены в надлежащее состояние.

«Нам тоже предстоит отправиться в Халл, — мысленно отметил я. — Именно там мы сядем на корабль вместе с нашим драгоценным узником».

— И когда состоится торжественная церемония? — спросил я вслух.

— Полагаю, в начале следующей недели, — ответил Ренн. — Король прибудет сюда через несколько дней.

Он метнул в меня пытливый взгляд и осведомился:

— Возможно, вам, жителю Лондона, уже доводилось видеть короля?

— Я видел его лишь однажды, и то издалека. Это было в день коронации Нэн Болейн, — со вздохом сообщил я. — Что ж, если нам предстоит участвовать в церемонии, я поступил разумно, захватив с собой свою парадную мантию и новую шляпу.

— Да, возможно, они вам пригодятся, — сказал Ренн и поднялся с усилием, выдававшим его возраст. — Не смею больше вас задерживать, джентльмены. Разумеется, проделав столь долгий путь, вы очень устали и сейчас более всего нуждаетесь в отдыхе.

— Не буду скрывать, мы изрядно утомились, — подтвердил я.

— Кстати, кое-что в речи местных жителей может показаться вам непонятным. Запомните, улицу здесь зачастую называют воротами, а ворота — задвижкой.

— Постараемся запомнить, — усмехнулся Барак, почесывая голову.

— Я распоряжусь привести ваших лошадей, — сказал Ренн.

Мы попрощались со старым законником и двинулись к воротам соборной ограды.

— По-моему, мастер Ренн — очень славный старикан, — обратился я к своему помощнику.

— Согласен, — кивнул Барак. — Для стряпчего у него на удивление веселый нрав.

— Настало время ехать в замок, — со вздохом изрек я. — Мы не можем отложить этот неприятный визит.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оказавшись за воротами, мы замешкались, так как не знали, какая улица ведет в замок. Наконец я окликнул проходившего мимо белобрысого мальчишку и попросил его указать нам путь, пообещав за услугу фартинг. Сорванец смерил меня подозрительным взглядом.

— Покажите-ка сначала этот фартинг, господин.

— Вот он, — сказал я, вытаскивая из кармана монетку. — А теперь, парень, покажи, где замок.

Он указал рукой в дальний конец улицы.

— Езжайте к скотобойне. Вокруг стоит такая вонь, что вы ее легко найдете. А как проедете мимо, езжайте через площадь. Там и увидите замок.

Я вручил мальчугану фартинг. Подождав, пока мы отъедем прочь на значительное расстояние, он истошно завопил: «Еретики с юга!» — и скрылся в одном из ближайших переулков. Прохожие встретили его выходку одобрительными улыбками.

— Сразу видно, нас здесь не слишком жалуют, — ухмыльнулся Барак.

— Да, на радушный прием рассчитывать не приходится. Северяне презирают жителей южных графств, ибо те приняли новую религию.

— А сами они по-прежнему верны Папе?

— Именно так. Как видно, латынь кажется им более благозвучной, чем родная речь, — не без сарказма заметил я.

Барак в ответ лишь молча вскинул бровь. Он никогда не говорил о своих религиозных убеждениях, но я давно уже подозревал, что евангелическая доктрина оставляет его столь же равнодушным, как и папизм. Знал я также, что он до сих пор горько сожалеет о гибели Томаса Кромвеля. Однако привязанность его к бывшему патрону не имела никакого отношения к церковным реформам.

Мы с трудом проталкивались сквозь толпу. Одежда Барака, как и моя собственная, была покрыта пылью, худое, но красивое лицо моего помощника потемнело от загара, который он приобрел за время пути.

— А старину Ренна очень занимало, беременна королева или нет, — заметил он.

— Ну, он не одинок в своем любопытстве. У короля один-единственный сын. Для того чтобы обеспечить своей династии надежное будущее, ему необходимы еще наследники.

— Один из моих старых знакомых, из тех, что служат при дворе, рассказал, что нынешней весной король едва не умер. Язва на ноге чуть было не свела его в могилу. Он даже ходить не мог, и его возили по Уайтхоллу в кресле на колесах.

Я с интересом взглянул на Барака. Среди соглядатаев и осведомителей, состоявших на королевской службе, у него оставалось немало приятелей, которые снабжали его новостями, подчас самого пикантного свойства.

— Если бы представительница семейства Говард родила королю сына, это изрядно усилило бы позиции папистов при дворе, — размышлял я. — Ведь их глава, герцог Норфолк, приходится королеве родным дядей.

— Говорят, религия ничуть не интересуется королеву, — покачал головой Барак. — Да и чего удивительного? Ей ведь всего восемнадцать. Совсем еще девчонка. Старый хрыч отхватил лакомый кусочек, — добавил Барак с косой усмешкой.

— Кранмер намекнул, что в последнее время Норфолк утратил расположение короля, — сказал я, сочтя за благо пропустить мимо ушей непочтительное замечание Джека.

— Может, старине Норфолку придется расстаться с головой, — буркнул Барак, и в голосе его послышалась горечь. — Мало ли что взбредет на ум королю.

— Говорите тише, — предостерег я.

Здесь, в незнакомом городе, я ощущал себя не слишком уверенно. Улицы, в отличие от лондонских, были узки и кривы и, судя по всему, всегда плотно забиты прохожими. Ехать верхом в такой густой толпе было до крайности неудобно, и я решил, что в этом городе мы будем передвигаться исключительно пешком. Несмотря на многолюдство и на оживленную торговлю, несомненно связанную с ожидаемым прибытием короля, царившая на улицах толчея ничуть не напоминала лондонскую жизнерадостную суету. Лица были угрюмы и неприветливы, и я постоянно ловил на себе враждебные взгляды.

Мальчишка не обманул нас, пообещав, что мы легко отыщем скотобойню по вони. Запах сырого мяса ударил в ноздри, когда мы находились от бойни по меньшей мере ярдах в двадцати. Мы въехали в узкую улочку, где на прилавках были разложены куски разрубленных туш, над которыми во множестве кружились мухи. Мостовую здесь покрывали кучи требухи самого отталкивающего вида, и мне оставалось лишь радоваться, что мы верхом. Барак, сморщив нос, наблюдал за торговцами, отгоняющими мух от своего товара, и за хозяйками, которые, высоко подняв юбки, дабы не испачкать их кровью, высматривали куски

поаппетитнее. Я поглаживал Предка, испуганного зловонием, и бормотал успокоительные слова. Наконец прилавки остались позади. Свернув на другую, более спокойную улицу, мы увидели в ее конце городскую стену, над которой возвышалась навесная башня, окруженная стражниками. Далее виднелась зеленая гора, увенчанная серой каменной громадой.

— Вот он, замок, — сказал я.

К нам приблизилась молодая девушка. Я обратил на нее внимание, ибо за ней следовал слуга, на камзоле которого красовалась королевская кокарда. Девушка была на редкость хороша собой, мягкие ее черты дышали свежестью, кожа поражала белизной, а пухлые губки неодолимо привлекали взор. Ее нарядному желтому платью могли бы позавидовать лондонские модницы, из-под белоснежного чепца виднелись пышные белокурые локоны. Она заметила мой взгляд, но, равнодушно отвернувшись, стрельнула глазами в Барака, сопроводив свой маневр обворожительной улыбкой. Барак не замедлил улыбнуться в ответ, обнажив свои превосходные зубы, и приветствовал красавицу, приподняв шляпу. Девушка скромно потупила взор и скрылась из виду.

— Вижу, здесь царят вольные нравы, — проронил я.

— По-вашему, молодая красивая девушка не может улыбнуться молодому красивому парню? — расхохотался Барак.

— Не вздумайте затевать здесь интрижки. Красавицы из Йорка, того и гляди, проглотят вас заживо.

— Ну, если меня проглотит такой прелестный ротик, я не буду возражать.

Мы приблизились к навесной башне. Около нее тоже торчали на шестах отрубленные головы, а прямо над воротами была прибита гвоздями полусгнившая нога. Я показал часовым письмо, подтверждающее мои полномочия, и ворота открылись перед нами. Мы проехали по навесному мосту, перекинутому через обмелевший ров, полный грязи и ила. Взглянув на главную башню, я заметил, что она пребывает в плачевном состоянии. Белые стены, покрытые лишайником, пересекала глубокая трещина, идущая от вершины башни до самого ее низа. По навесному мосту во множестве сновали люди, и, увидев нескольких законников, облаченных в черные мантии, я вспомнил, что в замке находится городской суд Йорка. Когда мы, миновав мост, подъехали ко вторым воротам, по обеим сторонам которых возвышались сторожевые башни, путь нам вновь преградили часовые в мундирах королевской стражи. Один из них схватил Предка под уздцы и пристально взглянул на меня.

— Какое дело привело вас в замок?

Сильный акцент, ощущавшийся в речи парня, свидетельствовал о том, что передо мной уроженец здешних мест.

— Мы прибыли из Лондона. Нам необходимо увидеть господина Редвинтера, служащего архиепископа.

— Отправляйтесь к южной башне, той, что на другой стороне двора, — распорядился солдат, продолжая буравить меня глазами.

Въехав в ворота, я обернулся и заметил, что часовой подозрительно смотрит нам вслед.

— В этом городе чертовски много стен и ворот, — заявил Барак, когда мы въехали во внутренний двор замка.

Все вокруг говорило о том, что замок знавал лучшие времена. Сооружения, окружавшие нас, отличались внушительными размерами, однако, подобно главной башне, имели до крайности обветшалый и запущенный вид. Здание суда, на ступенях которого стояло несколько стряпчих, погруженных в жаркий спор, казалось, вот-вот развалится.

«Неудивительно, что король предпочел остановиться в аббатстве Святой Марии», — подумал я.

На вершине башни болтался какой-то бесформенный предмет. Присмотревшись получше, я различил, что это человеческий скелет, закованный в тяжелые цепи.

— Еще один мятежник, — вздохнул Барак. — Похоже, трупы и скелеты являются главным украшением этого города.

— Нет, судя по всему, это не участник последнего мятежа, — возразили. — Видите, кости успели побелеть от времени. Скорее всего, это не кто иной, как Роберт Эск, который пять лет назад возглавил «Благодатное паломничество».

Звон цепей, долетевший до моего слуха, заставил меня вздрогнуть.

— Здесь так много башен, что отыскать нужную нам будет не так просто, — заметил я, натягивая поводья.

На противоположной стороне двора виднелись еще одни ворота, окруженные сторожевыми башнями. Мы подъехали к ним и спешили. Несмотря на короткий отдых, который выпал нам в доме старого законника, я по-прежнему чувствовал себя усталым и разбитым. Что до Барака, то он, казалось, полностью восстановил силы.

«Сегодня вечером непременно проделаю упражнения, укрепляющие спину», — мысленно пообещал я себе.

Появился часовой, человек не первой молодости, с грубым широким лицом. Я сообщил ему, что мы прибыли по поручению архиепископа Кранмера и хотим увидеть господина Редвинтера.

— Он ожидал вас вчера, — процедил часовой.

— Да, мы должны были прибыть в Йорк вчера, но задержались в пути по не зависящим от нас обстоятельствам. Будьте добры, прикажите отвести лошадей в конюшню и покормить. Они едва держатся на ногах от усталости и голода.

Часовой подозвал еще одного солдата.

— Идите с ним, — сказал я Бараку. — Думаю, будет лучше, если в первый раз я встречу с Редвинтером наедине.

Во взгляде Барака мелькнуло откровенное разочарование, однако он не стал перечить и вслед за солдатом двинулся в сторону конюшен. Часовой подвел меня к двери в башню, отпер ее и начал подниматься по винтовой лестнице, которая почти тонула во тьме, ибо свет туда проникал лишь сквозь узкие, точно щели, оконца. Я следовал за ним. Поднявшись примерно до половины лестницы, я изрядно запыхался; наконец часовой остановился у массивной дубовой двери и постучал в нее.

— Войдите, — донеслось изнутри.

Мой провожатый распахнул дверь, посторонился, пропуская меня внутрь, и захлопнул дверь за моей спиной. До слуха донеслись его удаляющиеся шаги.

Комната, в которой я оказался, производила чрезвычайно угрюмое и мрачное впечатление. Окна здесь были такие же узкие, как на лестнице, так что в помещении царил сумрак. Голые стены не имели никаких украшений, каменные плиты пола покрывали плетеные циновки. У одной из стен я увидел аккуратно заправленную кровать, у другой — письменный стол, заваленный бумагами. За столом, в мягком кресле, сидел какой-то человек, погруженный в чтение книги. Свет свечи, стоявшей рядом, разгонял полумрак, позволяя ему разбирать строчки. Я ожидал, что мастер Редвинтер предстанет передо мной в унылом одеянии тюремного надзирателя, однако на нем был хороший коричневый камзол и шерстяные штаны. Завидев меня, он отложил книгу, поднялся и растянул губы в широкой кошачьей улыбке.

На вид Редвинтеру можно было дать лет сорок. На обеих щеках залегли глубокие продольные морщины, но лицо, обрамленное короткой черной бородкой, было правильным и даже приятным. И в бороде, и в волосах сверкали серебряные нити седины. Он был худощав и невысок ростом, однако жилист и, вне всякого сомнения, не обделен силой.

— Добрый день, господин Шардлейк, — произнес он негромким мелодичным голосом и протянул руку. В речи его слышалась особенная лондонская картавость. — Фулк Редвинтер к вашим услугам. Я ожидал вас

еще вчера.

Улыбка, обнажавшая мелкие белые зубы, по-прежнему играла на его губах, однако взгляд голубых пронзительных глаз был холоден как лед. Рука, которую я сжал в своей, оказалась чистой и холеной, ногти были аккуратно подстрижены. Вне всякого сомнения, новый мой знакомый ничуть не походил на обычного тюремщика.

— Вас утомил подъем по лестнице? — участливо осведомился он. — Я вижу, вы запыхались.

— Мы с помощником всю ночь провели в седле, мастер Редвинтер, — ответил я довольно холодным тоном, желая с самого начала утвердить свое главенство.

Опустив руку в карман, я нащупал печать архиепископа.

— Я должен показать вам вот это, — сказал я, протягивая печать Редвинтеру.

Несколько минут он пристально ее разглядывал, потом вернул мне.

— Все в порядке, — заявил он и вновь растянул губы в улыбке.

— Полагаю, цель моего приезда вам известна. Вы получили письмо милорда архиепископа? То, в котором он сообщает, что я послан сюда, дабы заботиться о благоденствии сэра Эдварда Бродерика?

— Да, — кивнул Редвинтер. — Хотя, откровенно говоря, в этом нет никакой необходимости. Вне всякого сомнения, архиепископ — великий человек, наделенный несравненными добродетелями. Но порой он бывает склонен к безосновательным тревогам.

— Надеюсь, сэр Эдвард пребывает в добром здравии?

— Не совсем, — склонив голову, проронил Редвинтер. — Дело в том, что после ареста королевские дознаватели обращались с ним... не слишком учтиво. Это было еще до того, как архиепископ принял решение доставить узника в Лондон. Видите ли, наружу вышли некоторые обстоятельства, — добавил он, многозначительно вскинув бровь. — Обстоятельства весьма секретного свойства.

Вне всякого сомнения, Редвинтер знал, что я, так же как и он сам, не осведомлен об этих секретных обстоятельствах; наверняка архиепископ упомянул об этом в своем письме.

— Насколько я понял, до вашего приезда в Йорк узника пытали?

— Да, — кивнул тюремщик. — Именно поэтому сейчас он чувствует себя не лучшим образом. Но тут уж ничего нельзя сделать. Что касается условий, в которых он содержится ныне, то любой заключенный может только мечтать о таких. Вскоре Бродерику предстоит путешествие в Лондон, и, думаю, там его здоровью будет нанесен весьма серьезный урон.

Король намеревается подвергнуть его допросу с пристрастием, а в Лондоне есть люди, которые изрядно поднаторели в подобных делах.

До сих пор я гнал от себя прочь мысль о том, какая участь ожидает моего будущего подопечного по прибытии в Лондон, и слова тюремщика заставили меня содрогнуться.

— Не желаете ли пива, сэра? — любезно спросил Редвинтер.

— Нет, благодарю вас. Прежде всего я хочу повидаться с сэром Эдвардом.

— Разумеется, вы увидите его безотлагательно, — с готовностью заявил тюремщик. — Сейчас достану ключи.

С этими словами он направился к громоздкому сундуку и открыл его. Я тем временем бросил взгляд на бумаги, лежавшие на столе. По большей части то были различные приказы и записки, написанные мелким круглым почерком. Что касается книги, которую до моего прихода читал тюремщик, ею оказалась «Покорность христианина» Тиндейла, сочинение, излюбленное реформаторами. Стол стоял рядом с одним из узких окон, откуда открывался превосходный вид на город. Подойдя к окну, я увидел множество остроконечных шпилей и огромную церковь без крыши, вне всякого сомнения, принадлежавшую уничтоженному монастырю. Вдали расстилались болота, за которыми блестело озеро. Посмотрев вниз, я увидел ров, который на этой стороне замка был гораздо шире. Берега его густо поросли тростником. Около рва сновало множество людей с большими корзинами.

— Местные жители приходят сюда за тростником. Они делают из него светильники.

Вкрадчивый голос Редвинтера раздался за моей спиной так неожиданно, что я невольно вздрогнул.

— Есть у них и еще один промысел. Вон, видите?

Редвинтер указал на женщину, которая отдирала что-то, прилипшее к ее ногам. До меня донесся приглушенный крик боли.

— Они нарочно заходят в воду босиком, чтобы к их ногам присосались пиявки, — с улыбкой пояснил Редвинтер. — А потом продают пиявок аптекарям.

— Стоять в грязной воде, ожидая, когда эти твари присосутся к ногам, — довольно неприятное занятие, — заметил я.

— Да уж, — согласился Редвинтер. — Ноги у любителей подобного промысла сплошь покрыты маленькими шрамами. — Он повернулся и добавил, глядя мне прямо в глаза: — В точности так тело Англии покрыто шрамами, оставленными ненасытными римскими пиявками. Идемте

посмотрим, как дела у нашего друга Бродерика.

И, не дожидаясь ответа, он направился к дверям. Прежде чем поспешить за ним, я взял со стола свечу.

Редвинтер проворно поднялся по лестнице на следующий этаж и остановился у массивной двери с маленьким зарешеченным окошечком. Предварительно заглянув внутрь, он отпер дверь и вошел. Я последовал за ним.

Камера оказалась тесной и сумрачной, ибо свет проникал сюда сквозь единственное крошечное оконце, зарешеченное, но лишенное стекол. Распахнутые ставни пропускали в камеру прохладный ветер. Холодный спертый воздух насквозь пропитался сыростью, циновки у меня под ногами были склизкими и грязными. Звон цепей, донесшийся из угла камеры, заставил меня повернуться. На деревянной койке лежал исхудалый человек в грязной белой рубахе.

— К вам посетитель, Бродерик, — сообщил Редвинтер. — Из самого Лондона.

Голос его оставался ровным и спокойным.

Узник сел, зазвенев цепями. Двигался он медленно и с явным усилием. Я решил, что передо мной пожилой человек, однако, взглядевшись в бледное, покрытое грязными разводами лицо, убедился, что заключенному нет еще и тридцати. При других обстоятельствах это узкое, удлиненное лицо, несомненно, было очень привлекательно, но сейчас его уродовала неряшливая клочковатая борода. Волосы арестанта, густые и белокурые, висели сваявшимися сальными прядями. Этот изнуренный человек отнюдь не показался мне опасным, но устремленный на меня взгляд налитых кровью глаз сверкнул откровенной яростью. Длинные цепи, продетые в кандалы, болтавшиеся на тонких запястьях, были прикреплены к стене над кроватью.

— Из Лондона? — Голос узника был хриплым, но по произношению в нем нетрудно было узнать джентльмена. — И зачем вы приехали, позвольте спросить? Вас привело сюда желание узнать, по нраву ли мне, когда в меня тычут раскаленной кочергой?

— Вовсе нет, — мягко возразил я. — Я приехал сюда, дабы заботиться о вашем здоровье и безопасности.

Ярость, сверкавшая в глазах узника, нимало не погасла.

— Значит, королевские мастера пыток не желают, чтобы кто-то отбивал у них хлеб? — усмехнулся он. — Им подавай целую и невредимую жертву.

Голос его сорвался, и он зашелся приступом кашля.

— Ради бога, господин Редвинтер, позвольте мне утолить жажду.

— Я прикажу принести вам воды лишь после того, как вы повторите строфы, которые я задал вам вчера.

— О чем идет речь? — спросил я, недоуменно воззрившись на тюремщика.

— Я решил, будет полезно заставлять Бродерика каждый день заучивать наизусть десять строф из Библии, — с улыбкой пояснил Редвинтер. — Надеюсь, слово Господне, которое он прочтет на своем родном языке, просветлит его душу, погрязшую в папистской ереси. Вчера он пренебрег своим уроком. Я сказал ему: он не получит ни капли воды, пока не затвердит заданное.

— Немедленно принесите ему пить! — непререкаемым тоном распорядился я. — Вы здесь для того, чтобы заботиться о его теле, а не о его душе.

Я поднял свечу, дабы лучше рассмотреть лицо Редвинтера. На мгновение он недовольно поджал губы и сразу же вновь растянул их в улыбке.

— Разумеется, сэр. Наверное, жажда — не лучший наставник. Сейчас я позову стражника и прикажу принести какого-нибудь питья.

— Нет, сходите сами. Так будет быстрее. За мою безопасность можете не тревожиться. Арестант надежно закован.

Редвинтер несколько замешкался, однако счел за благо не возражать и беспрекословно вышел из комнаты. Я слышал, как он поворачивает ключ в замке, запирая камеру. Заключенный хранил молчание, без движения сидя на своем жестком ложе.

— Возможно, вы в чем-нибудь нуждаетесь? — осведомился я, подходя к нему ближе. — Верьте, я искренне желаю вам помочь. Мне не известно, в чем вас обвиняют. Цель моя состоит в том, чтобы доставить вас в Лондон в добром здравии. Именно в этом состоит поручение архиепископа.

Бродерик внимательно посмотрел на меня, и лицо его исказила гримаса, отдаленно напоминающая улыбку.

— Значит, архиепископ опасается, что Редвинтер излишне увлечется, упражняясь на мне в пыточном мастерстве?

— А он уже предавался... подобным упражнениям? — спросил я.

— Нет, — покачал головой узник. — Терзать мою душу нравится ему куда больше, чем терзать тело. Только я не из тех, кого легко сбить с пути.

Бродерик вперил в меня долгий пристальный взгляд и вновь растянулся на своей койке. Я увидел, как в открытом воротах его рубашки мелькнул багровый след ожога.

— Покажите, что там у вас, — приказал я. — Откройте грудь.

Заклученный пожал плечами, однако сел и развязал тесемки у ворота. Зрелище, открывшееся мне, заставило меня вздрогнуть. На коже узника темнело несколько отметин, судя по всему оставленных раскаленной кочергой. Один из ожогов воспалился особенно сильно и обильно сочился гноем. Взгляд заключенного был исполнен такой огненной ярости, что мне казалось, он вот-вот прожжет меня насквозь.

«Если Редвинтер — это лед, то этот человек, несомненно, — пламя», — пронеслось у меня в голове.

— Где это вас так украсили?

— Здесь, в замке, где же еще, — усмехнулся узник. — Две недели назад, когда я был арестован, люди короля решили попробовать развязать мне язык. Только у них ничего не вышло. Поэтому меня перевозят в Лондон, дабы передать в руки настоящих мастеров пыточного дела. Впрочем, вам это все прекрасно известно.

Я не нашел, что ответить.

— Никак не могу понять, что вы за человек, — произнес Бродерик, с любопытством глядя на меня. — Разумеется, вы заодно с Редвинтером. Но, судя по вашему лицу, вам тяжело смотреть на мои ожоги.

— Я всего лишь стряпчий. И, как я уже сообщал вам, моя цель — заботиться о вашем здоровье и безопасности.

В глазах арестанта вновь вспыхнула ярость.

— И вы полагаете, Господь сочтет эту цель благой? — процедил он.

— Почему нет? — пожал я плечами.

— Вы доставите меня в Лондон в целости и сохранности, дабы передать в руки лондонских палачей, которые не оставят на мне живого места. Я предпочел бы умереть здесь.

— Вы можете избежать пыток, если сообщите дознавателям сведения, которые они желают от вас получить. Так или иначе, они вытянут из вас все.

Губы заключенного исказила улыбка, исполненная глубочайшего презрения.

— А-а, я понял, что вы за птица. Посланы сюда, чтобы втереться ко мне в доверие и склонить к предательству. Напрасно стараетесь. Я ничего не скажу, несмотря на все ухищрения палачей.

— Многие арестанты, входя под своды Тауэра, давали себе зарок хранить молчание. Мало кому удавалось его выполнить, — покачал я головой. — Впрочем, я вовсе не собираюсь склонять вас к чему бы то ни было. Я намерен лишь пригласить к вам лекаря.

— Я не нуждаюсь в ваших заботах, горбун, — бросил Бродерик и,

растянувшись на койке, уставился в зарешеченное оконце.

Несколько мгновений мы оба хранили молчание. Потом он внезапно спросил:

— Скажите, вы видели скелет Роберта Эска, который висит на башне Клиффорд?

— Так это Эск? Да, видел.

— Мои цепи настолько длинны, что я могу подойти к окну, — сообщил узник. — И когда я смотрю на то, что осталось от Эска, ко мне приходят воспоминания. Хотя Роберта обвинили в государственной измене, король обещал, что его не будут ни четвертовать, ни потрошить заживо. К великой радости Роберта, ему сообщили, что его всего лишь повесят. Но бедняга напрасно рассчитывал на легкую смерть. Он не знал, что его закуют в цепи и живым подвешат на башне, оставив медленно умирать от голода и жажды.

Бродерик вновь зашелся кашлем.

— Бедный Роберт. Как он мог поверить Жестокому Генри?

— Воздержитесь от подобных выражений, сэр Эдвард.

— Роберт Эск был моим другом, — произнес узник, глядя мне прямо в глаза.

В замке раздался скрежет ключа, и в камеру вошел Редвинтер с кувшином пива в руках. Он протянул кувшин Бродерику, который немедленно осушил его едва ли не наполовину. Я сделал Редвинтеру знак отойти в дальний угол.

— Он рассказал вам что-нибудь? — шепотом осведомился тюремщик.

— Лишь сообщил, что был знаком с Робертом Эском. Я заметил на его теле ожоги, вид которых внушил мне беспокойство. Один из них сильно воспален и гноится. Необходимо пригласить к заключенному лекаря.

— Вы правы, — кивнул Редвинтер. — Ожог может вызвать лихорадку, которая унесет его в могилу. А архиепископу нет никакой пользы от мертвеца.

— Сделайте милость, пригласите лекаря безотлагательно. Завтра я зайду и посмотрю, как чувствует себя заключенный. И прикажите сменить здесь циновки. От этих невыносимо смердит.

— Прикажете постлать в камере циновки из благоуханных трав?

Редвинтер по-прежнему улыбался. Однако в голосе его прорвалась откровенная злоба.

— Значит, вы были знакомы с Эском, Бродерик, — обратился он к узнику. — Хочу вам кое-что рассказать о его посмертной участи. Вскоре после того, как его вздернули на башню, вороны сожрали всю его плоть и мелкие кости начали падать на землю. Во дворе пришлось поставить

стражу, ибо люди приходили сюда, желая завладеть костями злоумышленника. Несмотря на охрану, паписты Йорка растащили по домам весь этот хлам. Говорят, они держат кости Эска в навозных кучах, дабы священные реликвии не были найдены при обыске. Бесспорно, это наиболее подходящее место для...

Издав нечто среднее между стоном и рычанием, Бродерик вскочил на ноги. Грохоча цепями, он метнулся к Редвинтеру. Тюремщик ожидал нападения. Он проворно отступил назад, и цепи натянулись, вынудив узника вновь рухнуть на кровать. Он упал навзничь, бессильно застонав.

— Видели, мастер Шардлейк? — со смехом спросил тюремщик. — Он вовсе не так слаб, как кажется. Вы можете беситься от злобы сколь вам угодно, Бродерик. Мысль об удовольствиях, которые ожидают вас в Лондоне, поможет мне перенести все ваши выходки. Несомненно, путешествие в столицу пойдет вам на пользу. Ведь говорят, страдания очищают душу.

С этими словами Редвинтер направился к двери и распахнул ее. Я последовал за ним, бросив на арестанта прощальный взгляд. Устремленные на меня глаза Бродерика полыхали гневом и презрением.

— Вы ведь законник? — спросил он.

— Да.

— Роберт Эск тоже был законником, — с горькой усмешкой проронил Бродерик. — Когда вы снова увидите то, что от него осталось, вспомните об этом. Подобный удел нередко выпадает на долю ваших собратьев по сословию.

— Все это не более чем слова, сэр Эдвард, — пробурчал Редвинтер и, выпустив меня из камеры, запер дверь.

Вслед за ним я спустился по винтовой лестнице.

Оказавшись в своей комнате, тюремщик обратил ко мне вопросительный взгляд. С лица его исчезла привычная улыбка, так противоречившая ледяному взгляду.

— Я хотел, чтобы вы убедились, насколько он опасен. На первый взгляд он кажется беспомощным, но это заблуждение.

— Если он опасен, зачем намеренно возбуждать его гнев?

— Вы должны были увидеть его во всей красе. Но так или иначе, я выполню ваше распоряжение и приглашу к нему лекаря.

— Сделайте милость. Какие бы преступления он ни совершил, мы обязаны поддерживать его в добром здравии. Кстати, вам следует называть его сэр Эдвард — пока еще король не лишил его звания.

— Вы полагаете, этот мятежник заслуживает учтивого обращения?

Знали бы вы, на что он способен.

— Думаю, узник, прикованный цепями к стене, способен лишь оскорблять своих тюремщиков.

Редвинтер поджал губы так, что рот его превратился в узкую полосу. Сделав шаг вперед, он вплотную приблизился ко мне и уставился так пристально, словно хотел пробуравить меня глазами.

— Насколько я понимаю, Бродерик возбудил в вас сочувствие, — процедил тюремщик. — Боюсь, вы слишком мягкосердечны. Когда речь идет о столь опасном преступнике, снисходительность неуместна.

Я хранил молчание, ибо возражать означало покривить душой. Редвинтер был прав — всякий раз при виде человека, закованного в цепи, меня охватывало сочувствие, которое не могла победить даже мысль о совершенных узником злодеяниях.

— Вижу, мои догадки справедливы, сэр, — с улыбкой изрек Редвинтер. — Возьму на себя смелость поделиться с вами еще одним предположением. Я понимаю, в чем причина подобного мягкосердечия. Понимаю, почему вы с таким снисхождением относитесь к изгоям, отвергнутым обществом. Возможно, дело тут в вашем телесном изъяне.

Столь откровенное оскорбление заставило меня сурово поджать губы, однако в глубине души я не мог не признать правоты Редвинтера.

— Я несу ответственность за арестанта, — продолжал тюремщик. — Я знаю, в этом городе достаточно людей, готовых на самые отчаянные поступки ради его освобождения. Поэтому к каждому, кто имеет допуск к Бродерику, я обязан относиться с подозрением. Даже к вам, сэр.

— Пригласите к заключенному лекаря, — бросил я, взглянув в холодные глаза тюремщика. — Завтра я зайду посмотреть, как он себя чувствует.

Несколько мгновений Редвинтер молча сверлил меня взглядом, потом слегка склонил голову.

— В какое время вы посетите нас, сэр?

— Когда мне будет угодно, — отрезал я, резко повернулся и, не прощаясь, вышел прочь.

Во дворе Барак, сидя на скамье, развлекался тем, что наблюдал за входящими и выходящими из здания суда стряпчими. Холодный осенний ветер срывал с деревьев сухие листья и носил их по двору.

— Что это вы такой взъерошенный? — не слишком учтиво осведомился Барак, бросив на меня любопытный взгляд.

Как видно, лицо мое слишком красноречиво свидетельствовало об обуревавших меня чувствах.

— Я только что свел знакомство с двумя людьми и не знаю, кого из них следует опасаться больше, — ответил я. — Как видно, все-таки тюремщика. По крайней мере, он производит более отталкивающее впечатление.

Звон цепей, долетевший сверху, заставил меня поднять глаза на останки Роберта Эска. Ветер раскачивал побелевший от времени скелет, и казалось, тот отчаянно пытается освободиться из оков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Стражник у ворот замка сообщил нам, что в аббатство Святой Марии мы быстрее всего доберемся по улице, называемой Конигейт. Подобно большинству улиц Йорка, она оказалась узкой и сплошь заставленной прилавками, так что нам вновь пришлось передвигаться удручающе медленным шагом. В разные стороны от улицы, по которой мы ехали, тянулись бесчисленные переулки, еще более тесные и извилистые. Город, в котором нам предстояло провести несколько дней, не нравился мне все сильнее.

Проезжая мимо большой харчевни, я заметил у дверей группу молодых людей в разноцветных нарядных камзолах. Прихлебывая вино из кожаных фляг, они заносчиво поглядывали на прохожих. Чуть поодаль толпились их слуги. Один из молодых щеголей, высокий красавчик с темной холеной бородкой, громогласно отпускал насмешливые замечания, указывая на бедно одетых горожан. Злобные взгляды, которые те бросали на обидчика, лишь вызывали у него новые приступы хохота.

«Похоже, часть королевской свиты уже прибыла в Йорк, — отметил я про себя. — Этим молодчикам следовало бы немного умерить свою веселость».

Редвинтер и Бродерик не выходили у меня из головы. Тюремщик и арестант, лед и пламя. Несомненно, Редвинтер делал все возможное, чтобы унижить заключенного и досадить ему, рассчитывая таким образом сломить его дух. Я сознавал, что все эти мелкие издевательства доставляли тюремщику изрядное удовольствие. К тому же, вопреки заверениям Редвинтера, заключенный содержался в скверных условиях, что могло привести к самым неприятным последствиям. Сэр Эдвард молод и силен, но он джентльмен, а значит, не привык к нужде и лишениям, которые способны быстро сломить его здоровье. Ожог на груди узника тоже внушал тревогу; оставалось лишь надеяться, что в городе Йорке отыщутся сведущие лекари.

«Окажись здесь мой старый друг Гай, он непременно помог бы Бродерику», — с сожалением подумал я.

Но Гай был далеко, в Лондоне, где держал аптеку.

Обвинение, брошенное сэром Эдвардом, глубоко задело меня, ибо я сознавал всю его справедливость. Мысль о том, что в результате моих попечений узник живым и здоровым попадет в руки лондонских палачей,

не давала мне покоя. И все же сейчас я мог принести сэру Эдварду несомненную пользу. Несмотря на всю свою гордость, заключенный дошел до того, что умолял тюремщика принести воды. И, не оказавшись я рядом, просьба эта, скорее всего, не была бы выполнена.

Оскорбительное замечание Редвинтера тоже постоянно приходило мне на ум. Тюремщик был совершенно прав, заявив, что причина моего мягкосердечия кроется в телесном изъяне. Этому человеку не откажешь в пронизательности. Наверное, он развил в себе это качество, допрашивая еретиков, содержащихся в застенках башни Лоллард. Я не мог не признаться самому себе, что с первого взгляда проникся к узнику состраданием, которое заставило меня забыть о свершенных им злодеяниях. Тем более для меня до сих пор оставалось тайной, в чем состояли эти злодеяния. Я вспомнил, каким гневом сверкнул взор заключенного, когда он попытался наброситься на тюремщика. Как видно, сэр Эдвард действительно опасен, и возможность того, что он убежит, существует не только в воображении Редвинтера. В противном случае крайние меры предосторожности, с которыми содержался узник, были бы излишни.

Проезжая мимо свечной лавки, я увидел дородного румяного человека в красной мантии и широкополой красной шляпе. Золотая цепь, блестевшая на его шее, свидетельствовала о том, что он занимает государственную должность. Человек этот с сосредоточенным видом осматривал ящик со свечами. Я понял, что передо мной не кто иной, как мэр Йорка. Владелец лавки в запятнанном жиром фартуке с беспокойством наблюдал, как мэр извлек из ящика толстую желтую свечу и принялся внимательно ее разглядывать. Три чиновника, одетые в черные мантии, стояли чуть поодаль. Один из них держал в руках позолоченный жезл.

— Эти вряд ли подойдут, — заявил мэр, обращаясь к своим подчиненным. — В аббатство Святой Марии мы должны направить свечи из наилучшего воска.

Он кивнул, и вся процессия направилась к следующей лавке.

— Мэр совершает свой обход, — заметил я, обернувшись к Бараку. — Уж конечно, сейчас городские власти сбились с ног. Никому не хочется ударить в грязь лицом перед королем и его свитой, и потому...

Я осекся, ибо по ушам полоснул пронзительный визг.

Молодая женщина, стоя у поворота в один из узких переулков, отчаянно вцепилась в корзинку, которую пытался у нее выхватить оборванный юнец с огромной бородавкой на носу. Приглядевшись, я узнал в женщине ту самую красотку, что недавно строила глазки Бараку. Еще один оборванец,

белобрысый малый со сломанным носом, держал ее за талию. Барак вручил мне поводья и соскочил с лошади, на ходу выхватывая из ножен меч. Прохожие, предчувствуя заваруху, бросились врассыпную.

— Ну-ка, шельмецы, оставьте ее в покое! — заорал Барак.

Юнцы быстро смекнули, что с таким грозным противником лучше не связываться, и в мгновение ока скрылись в переулке. Барак хотел броситься за ними вслед, но девушка схватила его за руку.

— Нет, сэр, не надо! Я боюсь оставаться одна. То, что я несу в этой корзине, предназначено для королевы Кэтрин.

Барак, обворожительно улыбнувшись, вложил меч в ножны.

— Счастлив услужить вам, мистрис.

Я осторожно спешил и подошел к ним, ведя обеих лошадей под уздцы. Предок обеспокоенно перебирал ногами.

— Что здесь произошло? — обратился я к девушке. — И почему содержимое этой корзинки предназначено для королевы?

Красавица обратила на меня взор своих синих, словно васильки, глаз.

— Я служу на кухне ее величества, сэр. И меня послали сделать кое-какие покупки. Все это необходимо королеве.

Заглянув в корзинку, я увидел там несколько коричневых палочек, имбирных корней и большой кулек миндаля.

— Меня зовут Тамазин, сэр, — слегка присев, сообщила девушка. — Тамазин Ридбурн.

Судя по произношению, она была уроженкой Лондона. Про себя я отметил, что ее фланелевое платье явно слишком дорого для кухонной служанки.

— Надеюсь, эти негодяи не причинили вам вреда, мистрис? — любезно осведомился Барак. — Как они только посмели хватать своими грубыми ручищами эти прелестные нежные ручки!

Девушка улыбнулась, обнажив белоснежные ровные зубки; щеки ее при этом украсились очаровательными ямочками.

— Я бы ни за что не выпустила корзину, сэр, — заявила она. — К прибытию королевы в ее покоях должны стоять вазочки с ее любимым печеньем. А для того, чтобы его испечь, без этого не обойтись, — указала она на свою корзинку. — Осмелюсь спросить, господа, вы тоже прибыли в Йорк, дабы подготовиться к встрече короля?

— Вы правы, — подтвердил я с легким поклоном. — Мэтью Шардлейк, стряпчий, к вашим услугам. А это мой помощник Джек Барак.

Барак приподнял шляпу, и девушка вновь наградила его улыбкой, на этот раз скорее благодарной, чем кокетливой.

— Вы очень храбры, сэ. Кстати, сегодня утром мы с вами уже встречались.

— Именно так. Я запомнил вашу восхитительную улыбку.

— Утром с вами был слуга в королевской ливрее, — заметил я.

— Да, сэ. Но мастер Таннер захотел купить отрез ткани и зашел вон в ту лавку. А я осталась его ждать. Разумеется, с моей стороны это было до крайности опрометчиво. — Девушка склонила голову. — Я забыла, что мы очутились в варварском краю.

— Это ваш провожатый? — спросил я, указывая на узколицего молодого человека, который только что вышел из лавки, расположенной на другой стороне улицы. Сжимая рукоять меча, он поспешно приблизился к нам.

— Что случилось, мистрис Ридбурн? — обеспокоенно осведомился он.

— Вы не слишком расторопны, Таннер! Пока выбирали ткань себе на новый камзол, два оборванца едва не похитили у меня корзину. К счастью, этот джентльмен пришел мне на выручку.

Она вновь улыбнулась Бараку.

Таннер виновато потупился. Предок, которому надоело ждать, натянул поводья.

— Нам пора, — сказал я. — Нас ждут в аббатстве Святой Марии. Садитесь на лошадь, Барак. Наверняка в аббатстве уже тревожатся: ведь они рассчитывали, что мы прибудем еще вчера.

На прощание я поклонился мистрис Ридбурн, а она учтиво присела.

— Я тоже остановилась в аббатстве Святой Марии, — сообщила девушка. — Возможно, мы еще встретимся.

— Я очень на это надеюсь.

Барак приподнял шляпу и подмигнул девушке, вогнав ее в краску. Мы тронули лошадей.

— Вот такие приключения мне по душе, — жизнерадостно заявил Барак. — Опасности никакой, а знакомство свели самое что ни на есть приятное. Видно, эти олухи решили, что в корзинке что-нибудь ценное.

— Вы совершили настоящий подвиг, — не без иронии заметил я. — Благодаря вашей смелости королева не останется без своего любимого печенья.

— Благодаря своей смелости я завоевал расположение прехорошенькой особы, — усмехнулся Барак. — Такой лакомый кусочек лучше всякого печенья.

Проехав Конигейт до конца, мы свернули на другую улицу, которая тянулась вдоль стены аббатства. По навесной дорожке расхаживали

королевские стражники; над стеной вознесся шпиль, почти не уступающий высотой шпилю кафедрального собора. На своем веку я посетил немало монастырей, и все они были окружены стенами; но никогда прежде мне не доводилось видеть стен столь высоких, как в аббатстве Святой Марии. Воистину, размеры этого аббатства поражали воображение.

«Столь мощная ограда служит надежной защитой, — подумал я. — Возможно, именно по этой причине аббатству выпала честь принимать у себя короля».

Мы снова проехали под навесной башней, повернули налево и присоединились к длинной веренице людей, пеших и конных, желающих попасть внутрь. Когда мы очутились перед часовыми, они самым тщательным образом изучили бумаги, подтверждающие мои полномочия, и наконец пропустили нас. Въехав в ворота, мы спешили. Барак снял с лошадиных спин дорожные корзины с нашими пожитками и водрузил их себе на плечи. Я тем временем осматривал строения аббатства.

Прямо перед нами возвышался красивый особняк, вне всякого сомнения в прошлом служивший жилищем аббату. Как известно, настоятели крупных монастырей не отказывали себе в роскоши, но те аббатские дома, которые я видел прежде, не шли ни в какое сравнение с этим трехэтажным зданием, построенным из красного кирпича. Перед особняком виднелись клумбы белых роз, но лужайка, некогда зеленая и ровная, была изъезжена колесами повозок и вытоптана ногами бесчисленных прохожих. Несколько человек снимали оставшийся дерн, заменяя его каменными плитами. Чуть в стороне, на бывшем монастырском кладбище, другие работники выкапывали могильные плиты и грузили их на повозки. Над парадной дверью особняка уже красовался королевский герб на огромном щите.

Взор мой привлекла грандиозная церковь в норманнском стиле; она тоже поражала своими размерами. Квадратную башню венчал каменный шпиль, уходивший высоко в небо, фасад украшали колонны, покрытые затейливой резьбой.

Меж особняком аббата и церковью раскинулся внутренний двор, длиной примерно в восьмую часть мили. Там всюду кипела работа. Многие здания были снесены, на месте их фундаментов зияли глубокие котлованы. На открытом пространстве пестрели палатки, в которых ночевали работники.

Несколько сотен людей суетились вокруг двух колоссальных павильонов, строительство которых близилось к завершению. Высота каждого павильона составляла не менее сорока футов; оба имели обличье

замков, снабженных навесными и сторожевыми башнями. Материалом для строительства служило дерево, выкрашенное таким образом, что за несколько шагов его было не отличить от серого камня. Работники, взгромоздившись на высоченные лестницы, укрепляли на стенах павильонов гипсовые изображения геральдических животных, сколачивали оконные рамы и вставляли в них стекла. Окинув павильоны взглядом, я вспомнил, что прежде уже видел нечто подобное.

Двор был заставлен помостами, на которых трудились плотники. У стен аббатства высились штабеля гладко обструганных дубовых стволов. Повсюду носились золотистые колечки стружки, с которыми играл ветер. Несколько мастеров сосредоточенно покрывали резьбой декоративные карнизы, другие красили уже готовые в яркие радостные цвета.

— Господи боже, что же здесь такое будет? — потрясенно присвистнул Барак.

— Думаю, человеческое воображение бессильно представить зрелище, которое нам предстоит увидеть, — ответил я.

Еще несколько минут мы наблюдали за грандиозными приготовлениями, потом я тронул Барака за рукав:

— Идемте. Нам необходимо найти человека, который определит нас на постой. Его зовут Саймон Крейк. Когда-то, давным-давно, мы с ним были знакомы.

— Вот как? — фыркнул Барак, отдувавшийся под тяжестью дорожных корзин.

— Да, мы с ним вместе учились в Линкольнс-Инне. Правда, с тех пор ни разу не встретились. Крейк сразу оставил стезю законника и поступил в одно из дворцовых ведомств.

— Как это ему удалось туда пролезть? Заплатил кому надо?

— Не думаю, — покачал я головой. — Просто его дядя служил во дворце и помог племяннику получить выгодную должность.

— И что он из себя представляет, этот ваш однокашник?

— Не знаю, ведь за столько лет он мог измениться, — с улыбкой ответил я. — Сейчас увидим.

Мы подвели лошадей к дверям аббатского особняка, в котором, судя по всему, царил особая суматоха. Люди с озабоченными лицами сновали туда-сюда, на ступеньках стояли чиновники, которые о чем-то оживленно переговаривались и отдавали приказы, заглядывая в чертежи и планы. Мы обратились к стражнику, стоявшему у дверей, с просьбой рассказать, где найти мастера Крейка. Он попросил нас подождать и, подзвав проходившего мимо конюха, приказал ему отвести наших лошадей в

конюшню. Мы остались на крыльце. Какой-то чиновник высокого ранга в бархатной зеленой мантии бесцеремонно оттолкнул нас. Другой прошел между нами, словно перед ним были две не стоящие внимания дворняги.

— Вот болваны, — буркнул Барак.

— Давайте отойдем прочь, — предложил я. — А то нас совсем затолкают.

Мы спустились с крыльца и, дойдя до угла дома, остановились там. Поблизости две женщины увлеченно спорили с чиновником, который держал в руках какой-то план. Та, что была богаче одета, так решительно насакивала на своего собеседника, что ему оставалось лишь отступить и низко кланяться, едва не касаясь земли листом пергамента. Рассерженной леди было около тридцати лет, и, судя по всему, она занимала высокое положение. По крайней мере, об этом свидетельствовал ее наряд: платье из красного шелка с высоким стоячим воротником и расшитый жемчугом головной убор французского фасона, из-под которого выбивались темные волосы. Впрочем, широкое лицо ее отнюдь не отличалось изяществом черт, к тому же покраснело от гнева.

— Так вы считаете, королеве не следует знать, сможет ли она спастись, если в доме вспыхнет пожар? — донесся до меня ее пронзительный резкий голос. — Скажете вы наконец, где ближайшая к ее покоям дверь и у кого хранятся ключи от нее?

— Пока я не могу сказать точно, миледи, — пробормотал чиновник, растерянно вертя в руках план. — Полагаю, в случае пожара королева сможет воспользоваться дверью в кухню или...

— Меня не интересуют ваши предположения, — отрезала дама. — Я хочу знать наверняка.

Вторая леди, хранившая молчание, заметила мой взгляд и вскинула бровь, давая понять, что считает подобное любопытство неуместным. Она была высока и стройна, и лицо ее казалось бы очень привлекательным, если бы его не портило выражение ледяной надменности. На ней был простой капор.

Каштановые волосы, густые и вьющиеся, свободно рассыпались по плечам, свидетельствуя о том, что обладательница их не замужем. Меж тем молчаливой леди тоже было около тридцати лет. Впрочем, я заметил на ее белоснежной руке обручальное кольцо с крупным бриллиантом, вне всякого сомнения чрезвычайно дорогое. Леди вновь сердито нахмурилась, и я потянул Барака за рукав, дабы не мешать разговору, не имевшему к нам ни малейшего отношения.

В следующее мгновение я заметил на крыльце аббатского дома

человека в коричневой мантии, который явно кого-то выглядывал. На шее на широкой голубой тесьме у него висела доска для писания с чернильницей, перьями и целой кипой бумаг.

Уловив исходившее от этого человека ощущение беспокойства, я понял, что передо мной Саймон Крейк собственной персоной. Что касается наружности, она мало помогла мне, ибо годы сделали моего бывшего однокашника почти неузнаваемым. Благодаря обильным придворным трапезам щеки Саймона округлились и пополнели, как, впрочем, и его талия; волосы, некогда густые и белокурые, напротив, изрядно поредели. Услышав мой зов, он обернулся, и встревоженное выражение его лица сменилось радостным. Придерживая свою доску, он бросился к нам и сжал мою руку.

— Мастер Шардлейк! Я сразу узнал вас. Годы отнеслись к вам милосердно, сэр. В отличие от меня волос у вас на голове предостаточно. Подумать только, вы даже не поседели!

— Да, это обстоятельство достойно удивления, — со смехом ответил я. — Ведь за минувшие годы мне не раз доводилось попадать в весьма серьезные переделки.

— Пресвятая Дева, мы не виделись более двадцати лет! — воскликнул Саймон. — За это время изменились не только мы, но и мир вокруг нас, — добавил он с печальной улыбкой.

— Вы правы, — кивнул я.

«В эти годы свершались великие дела, — мысленно отметил я, — церковная реформа, упразднение монастырей. Огромную часть страны захлестнуло восстание, которое с трудом удалось подавить. А еще умер мой отец».

— Что ж, рад встрече, — произнес я вслух. — Насколько мне известно, вы размещаете на постой джентльменов, прибывших в Йорк.

— Да, и признаюсь вам, это на редкость хлопотное занятие. Никогда мне не приходилось суетиться так, как во время королевского путешествия. Куда бы ни направлялся король, я должен приехать в город за несколько дней до прибытия всей процессии, дабы удостовериться, что у каждого члена свиты будет достойный кров. К тому же из-за дождей, размывших дороги, король постоянно меняет свои намерения.

— Вы выполняете подобные обязанности с самого начала королевского путешествия? — осведомился я.

— Да, — кивнул он. — Уму непостижимо, сколько трудностей мне уже пришлось преодолеть. Сами понимаете, у такого огромного количества людей уйма потребностей. Где бы мы ни остановились, приходится копать

новые выгребные ямы. А как же иначе? Три тысячи человек, пять тысяч лошадей, и все желают исполнять свои телесные нужды.

— По крайней мере, королевская свита щедро обеспечивает местных жителей навозом, который, как известно, является отличным удобрением, — усмехнулся я.

— Навоза мы оставляем более чем достаточно, — согласился Саймон. — А уж какое от него идет благоухание...

— Могу себе представить.

— Несмотря на новые выгребные ямы, мы изрядно загадили дорогу от Лондона до Халла, — продолжал свои сетования Саймон. — Ох, сэр, от всех этих забот у меня просто голова идет кругом. К тому же я очень скучаю по своей бедной жене, которая осталась в Лондоне.

— Так вы женаты?

— Как же иначе. Господь уже ниспослал нам семерых детей, — с гордостью сообщил Саймон. — А вы женаты, сэр?

— Нет, — коротко ответил я. — Позвольте вам представить моего помощника, мастера Барака.

Крейк устремил на Барака любопытный взгляд светло-голубых глаз.

— Вы поступили разумно, захватив с собой помощника, сэр, ведь работы предстоит много. Что до меня, я окружен лоботрясами, от которых помощи не дождешься. Приходится рассчитывать лишь на самого себя. С удовольствием поговорил бы с вами еще, но, увы, у меня каждая минута на счету. Идемте, я покажу вам вашу комнату.

— Красивый дом, — сказал я, указывая на особняк.

— Весьма, — кивнул Саймон. — Раньше он принадлежал аббату. Именно здесь остановится король. В честь этого события дом переименовали в королевский особняк.

— Надеюсь, мы еще найдем возможность встретиться и вдоволь побеседовать о добрых старых временах.

— Я тоже надеюсь на это, сэр. Так приятно будет вспомнить годы юности и...

Саймон осекся, завидев двух дам, появившихся из-за угла. На лице его мелькнуло затравленное выражение.

— Господи боже, — пробормотал он. — Только леди Рочфорд мне и не хватало...

Я невольно вздрогнул, ибо одно упоминание этого имени могло вызвать трепет у всякого. Все мы низко склонили головы в поклоне. Выпрямившись, я украдкой бросил взгляд на даму в пышном красном платье, которая как раз поравнялась с нами. На щеках ее по-прежнему

полюхал гневный румянец, брови были сердито сдвинуты; очевидно, она пребывала в состоянии крайнего возбуждения. Стройная ее спутница, державшая в руках план, полученный у чиновника, вновь заметила мое любопытство и наградила меня очередным неодобрительным взглядом.

— Господин Крейк! — процедила леди Рочфорд. — Невежда, который составил этот план, не способен ответить на самый простой вопрос. Я желаю знать, существует ли в доме запасной выход, которым в случае пожара может воспользоваться королева. Она очень боится пожара, ибо во времена ее детства дом, в котором она жила в Хорсхэме, сгорел дотла и...

— Я очень сожалею, миледи, но...

— Оставьте свои сожаления при себе! Дженнет, дайте сюда план! Побыстрее!

Спутница леди Рочфорд протянула план Крейку. Он разложил лист пергамента на своей подвесной доске и несколько мгновений внимательно разглядывал.

— Вот, — указал он наконец на дверь кухни. — Именно здесь королева может выйти, если, не дай бог...

— Эта дверь охраняется? — перебила леди Рочфорд.

— Нет, миледи.

— Значит, мне необходимы ключи. Позаботьтесь о том, чтобы я их получила. Дженнет, идемте! Что вы стоите здесь, словно отбившаяся от стада овца.

С этими словами леди Рочфорд выхватила у Крейка план и удалилась, высоко подняв юбки, дабы уберечь их от пыли.

— Господи боже! — выдохнул Крейк, вытирая пот со лба. — Эта женщина — настоящая мегера.

— Что правда, то правда, — кивнул я. — Мне доводилось слышать о ее выходках. А что это за особа с кислым лицом, которой она так бесцеремонно помыкает?

— Мистрис Дженнет Марлин, одна из фрейлин королевы. У бедняжки есть все основания ходить с кислым лицом. Жених ее обвинен в государственной измене и заключен в Тауэр. Говорят, он участвовал в заговоре.

— Эта леди что, уроженка здешних мест?

— Да, ее взяли в Йорк именно потому, что местные обычаи и нравы хорошо ей известны. Для того чтобы подозревать ее в сочувствии к изменникам, нет ни малейших оснований: ведь она происходит из семьи завзятых реформаторов.

При этих словах губы Крейка исказила едва заметная гримаса

неприязни. Мелькнув, она тут же исчезла; однако этого оказалось достаточно, чтобы я сделал определенный вывод относительно его религиозных убеждений.

— Идемте, я провожу вас в отведенные вам комнаты. Боюсь, они не слишком вам понравятся. Но ничего лучше я не могу предложить, ведь вскоре сюда придут тысячи людей. Страшно подумать, какая начнется толчея, — вздохнул Саймон и сокрушенно покачал головой.

— Король со всей свитой будет здесь через четыре дня, — уточнил я.

— По крайней мере, таковы его намерения. Я уже направил своих помощников во все местные трактиры проверить, все ли готово к приему высоких гостей. Впрочем, проверяй не проверяй, наверняка потом обнаружится множество упущений. Пресвятая Дева, дожди, которые в июле лили чуть не каждый день, изрядно подпортили путешествие. Из-за скверных дорог множество карет поломалось и завязло в грязи, так что вся затея едва не сорвалась.

— Слава богу, дожди прекратились, и, я уверен, все пойдет хорошо! — с бодрой улыбкой изрек я.

Перед мысленным взором внезапно возникла картина из студенческих лет: Крейк, обложившись книгами, грызет гранит наук в библиотеке Линкольнс-Инна. Пальцы его запачканы чернилами, стол завален исписанными листами бумаги. Час уже поздний, но однокашник мой полон решимости как следует подготовиться к завтрашним занятиям.

— Надеюсь, вы правы и трудностей у нас будет меньше! — со вздохом откликнулся Саймон. — Маршрут путешествия постоянно меняется, и это просто сводит меня с ума! Совсем недавно король собирался провести две недели в Понтефракте, теперь он желает посетить Халл.

— Но возможно, подобная задержка вам даже на руку, — заметил я. — Она позволит закончить все работы без лишней спешки. Кстати, для чего предназначены эти великолепные павильоны?

— Мне очень жаль, но на этот вопрос я не имею права отвечать, — смущенно потупившись, пробормотал Крейк. — Об этом будет объявлено лишь по прибытии короля.

Он двинулся через двор к монастырской церкви. Мы последовали за ним.

— Все это кошмар, настоящий кошмар! — по пути беспрестанно сетовал Крейк. — У меня голова идет кругом.

Барак украдкой бросил на меня многозначительный взгляд и ухмыльнулся. Встреча с хорошенькой девушкой явно повысила ему настроение.

— Забавный малый! — прошептал он. — Он что, и смолоду был таким суетливым?

— Я бы скорее назвал его на редкость добросовестным. Он все делал именно так, как полагается, и никак иначе.

— Ну, такая добросовестность идет во вред здоровью, — изрек Барак. — Того и гляди, беднягу хватит удар.

— Будет вам, — бросил я. — Идем скорее, иначе потеряем Саймона из виду.

Подойдя к церкви, я заметил, что из некоторых витражных окон вынуты стекла, а другие разбиты. Какой-то темноволосый человек средних лет, взгромоздившись на лестницу, осторожно вынимал из рамы осколки. Неподалеку от лестницы стояла огромных размеров вороная лошадь, запряженная в повозку с высокими бортами.

— Отсутствие окон придает церкви чрезвычайно унылый вид, — заметил я, обращаясь к Крейку. — Вы полагаете, так она больше понравится королю?

— Да, стекольщик трудится не покладая рук, чтобы к приезду короля вытащить все стекла, — кивнул Крейк. — Его величеству, несомненно, будет приятно убедиться, что церковь стоит без употребления.

Заслышав наши голоса, стекольщик прекратил свою работу и посмотрел вниз. Лицо у него было узкое, изможденное, взгляд — настороженный и пронзительный.

— Как идет работа, мастер Олдройд? — окликнул его Крейк.

— Неплохо, сэр, благодарю вас.

— Успеете извлечь все витражи до прибытия короля?

— Успею, сэр. Я всякий день буду работать от рассвета до заката, пока не вытащу последнее стекло.

Вслед за Крейком мы по истоптанным ступенькам поднялись в церковь. Тяжелая дверь была полуоткрыта, крыльцо сплошь покрывали грязные следы. Судя по всему, церковь в последнее время превратилась в проходной двор.

Однако войдя внутрь и оглядевшись по сторонам, я убедился, что убранство ее сохраняет остатки былого великолепия. Грандиозные лепные арки и колонны возносились на головокружительную высоту; стены покрывала роспись в зеленовато-охристых тонах.

«Освещенная множеством свечей, эта церковь, несомненно, производила весьма сильное впечатление», — подумал я.

Ныне в церковь проникал лишь тусклый свет из разбитых окон, позволявший рассмотреть разрушенные боковые часовни и обломки статуи,

валявшиеся на полу. В южном конце нефа я заметил еще одну дверь; через всю церковь к ней тянулась полоса грязи и разбитой напольной плитки. Шаги наши гулко отдавались в тишине, которая являла странный контраст с суетой и шумом, царившими за стенами. Я невольно вздрогнул, и это не ускользнуло от внимания Крейка.

— Да, здесь всегда холодно, — заметил он. — Река совсем близко, поэтому воздух пронизан сыростью.

Вдоль стен тянулись лошадиные стойла, по большей части пустые. В алтаре кучей была свалена солома.

— Смотрите, вон Сьюки и Предок, — махнул рукой Барак.

— Вы используете храм в качестве конюшни? — глазам своим не веря, спросил я.

— Да, здесь будут содержаться лошади придворных и старших слуг, — пояснил Крейк. — Возможно, это кажется кощунственным, но мы не можем даром терять столько места. К тому же эта церковь более не является Господним храмом.

Выйдя через дверь в дальнем конце нефа, мы оказались в другом внутреннем дворе, таком же просторном и многолюдном, как первый. Вдоль стен тянулись бесчисленные здания, над воротами возвышалась сторожевая башня. Была здесь и еще одна церковь, правда, гораздо меньшего размера.

В этом дворе теснилось множество повозок, нагруженных всякого рода припасами: фруктами в корзинах, мукой в мешках, сеном, грудями угля, вязанками хвороста, пачками свечей всевозможных размеров. Слуги торопливо разгружали повозки, занося припасы в дома и в возведенные наспех дощатые сараи.

Здесь же были сооружены загоны для скота, в которых помимо коров и овец я заметил даже оленей. В одном из загонов содержалась домашняя птица: куры, утки, индюки и пара огромных дроф с обрезанными крыльями. Все они оглушительно галдели, квохтали и кричали, копаясь в голой земле.

Несколько работников укладывали трубы в глубокий ров, тянувшийся вдоль южной стены монастыря. Сквозь открытые ворота я различил стальной блеск реки, окруженной бескрайними болотами.

— Судя по всему, голодной королевская свита не останется, — заметил я.

— Надеюсь, мы всего запасем достаточно, — вздохнул Крейк. — Страшно подумать: в пятницу сюда прибудет три тысячи человек. И всех надо кормить.

Крейк обошел загоны и подвел нас к большому двухэтажному дому.

— Это монастырский лазарет, — произнес он извиняющимся тоном. — Сейчас мы устроили в нем комнаты для приезжих. К сожалению, ничего лучше мы вам предоставить не можем. Почти всестряпчие, прибывшие в Йорк, поместились здесь. Что до слуг, им приходится довольствоваться палатками.

В дверях бывшего лазарета я заметил нескольких чиновников. Все они держали в руках красные жезлы, свидетельствующие о том, что на их обладателей возложена почетная обязанность охранять покой и благополучие королевской резиденции. Рослый дородный человек в мантии законника, возвышавшийся над остальными на целую голову, давал им какие-то наставления.

— Это сэр Уильям Малеверер, — понизив голос, сообщил Крейк. — Онстряпчий, член Совета северных графств. В его ведении находятся все вопросы, связанные с безопасностью и с соблюдением закона.

Приблизившись к грузному законнику, Крейк несколько раз осторожно кашлянул, пытаясь привлечь его внимание. Тот повернулся с весьма недовольным видом. Ему было за сорок, тяжеловесные черты лица говорили о суровом нраве, широкая черная борода подстрижена «лопатой», в полном соответствии с последней столичной модой.

— Вижу, господин Крейк, на этот раз вы притащили сюда не только свою доску для писания, — пророкотал гигант, бесцеремонно уставившись на нас с Бараком.

Голос у Малеверера был звучный и раскатистый, в речи его чувствовался заметный северный акцент. Я вспомнил, что Совет северных графств состоит из местных уроженцев, сохранивших верность престолу.

— Сэр Уильям, позвольте представить вам брата Мэтью Шардлейка, который только что прибыл из Лондона. А это — его помощник.

— Вам поручено разбирать прошения, поданные его величеству? — важно спросил Малеверер. Взгляд его, устремленный на меня, был исполнен пренебрежения, словно собственный высокий рост и прямую спину он почитал бог весть какими достоинствами. — Вы опоздали.

— Сожалею, но в пути мы пробыли больше времени, чем рассчитывали.

— К пятнице все должно быть готово. Вам с братом Рейном предстоит большая работа.

— Я уже виделся с братом Ренном. Завтра с утра мы займемся прошениями.

— Боюсь, от этого старикана будет не много проку, — пробурчал Малеверер. — Но так или иначе, самому мне заниматься этими

прошениями недосуг. У меня есть дела поважнее. Надеюсь, что в четверг утром вы представите в контору лорда-камергера краткую сводку, в которой изложите суть этих жалоб.

— Вы можете в этом не сомневаться, сэра.

Малеверер вновь устремил на меня взгляд, в котором недоверие соединялось с пренебрежением.

— В пятницу вам будет дозволено предстать перед королем, — процедил он. — Полагаю, у вас есть более приличная одежда, чем этот грязный плащ.

— У меня есть все необходимое, сэра, — сказал я, указав на корзины с поклажей, которые умаявшийся Барак по-прежнему держал на плече.

Малеверер едва заметно кивнул и, сочтя, что уделил нам достаточно внимания, отвернулся к своим собеседникам. Барак незаметно толкнул меня локтем и соорил насмешливую гримасу.

Мы вошли в дом. Свет, проникающий сквозь узкие оконца, позволял разглядеть весьма убогую обстановку. Посреди комнаты на каменном полу был устроен очаг. Стены некогда покрывала роспись религиозного содержания, но ее соскоблили, и жалкие остатки былой красоты придавали помещению неопрятный и унылый вид. Просторный холл был разделен деревянными перегородками на крошечные клетушки. Судя по тишине, сейчас там не было ни одной живой души — все обитатели бывшего лазарета занимались своими делами.

— Сэр Уильям не отличается излишней любезностью, — вполголоса заметил я.

— Да, он, как и все члены Совета северных графств, порой бывает слишком суров, — откликнулся Крейк. — Слава богу, мне не часто приходится иметь с ним дело. Вот ваши комнаты, джентльмены, — провозгласил он, сопроводив свои слова виноватым взглядом. — Надеюсь, вы не будете возражать против двух смежных каморок. В противном случае господину Бараку придется ночевать в палатках вместе со слугами. При таком нашествии представителей всех сословий трудно найти каждому место, отвечающее его чину и званию.

— Мы с помощником неприхотливы и вполне входим в ваше положение, — с улыбкой заверил я.

Крейк испустил вздох облегчения. Порывшись в бумагах, укрепленных на доске для писания, он отыскал какой-то листок и повел нас вдоль длинного ряда дверей, на каждой из которых был выведен номер.

— Восемнадцатая, девятнадцатая — да, вот эти комнаты ваши, — сообщил Крейк и сделал пометку в своем списке. — Был очень рад

повидать вас после стольких лет разлуки, сэра, — с улыбкой добавил он. — Но к сожалению, я должен идти.

— Не смею вас задерживать, сэра. Но надеюсь, мы с вами еще встретимся за кружкой эля и вдоволь поговорим о минувшем.

— Если позволит время, я буду счастлив. Но от всех этих хлопот, — он махнул рукой в сторону двора, — у меня голова идет кругом.

Отвесив нам прощальный поклон, Крейк удалился едва ли не бегом.

— Ну что ж, посмотрим, что за хоромы нам отвели, — буркнул я и повернул ключ, торчавший в дверях.

Всю обстановку крошечной каморки составляли узкая кровать и сундук. Я не мешкая скинул сапоги для верховой езды и с наслаждением растянулся на кровати. Несколько минут спустя раздался стук в дверь и в комнату вошел Барак с моей дорожной корзиной. Он тоже успел разуться и теперь разгуливал босиком.

— Господи боже, ну и воняют же ваши ноги, — проворчал я. — Но наверное, мои ведут себя ничуть не лучше.

— В этом можете не сомневаться.

В голосе Барака слышалась откровенная усталость.

— Давайте воспользуемся возможностью и как следует отдохнем, — предложил я. — Сегодня ничто не мешает нам проспать до обеда.

— Да, как следует выспаться — это все, о чем я мечтаю, — кивнул Барак. — Ну и суматоху здесь устроили, — добавил он. — Никогда в жизни не видел такой прорвы съестных припасов и скота, предназначенного на убой. Представляю, с какой помпой сюда въедет король. А местные власти еще и пустились на всякие выдумки, чтобы его удивить.

— Эти павильоны мне что-то напоминают, — заметил я, сцепив пальцы. — А именно поле золотой парчи.

— Да я и не знаю толком, что это такое. Ведь это было так давно. Король тогда ездил в Кале встречать короля Франции.

— Верно. С тех пор прошло двадцать лет. В Гилдхолле есть картина, на которой тогдашнее торжество изображено во всех подробностях. Для встречи монархов были построены павильоны в точности такие же, как здесь. А вокруг натянуты огромные шатры из золотой парчи. Благодаря этим шатрам событие и получило свое название. Как видно, Лукас Хоренбаут решил воспользоваться старыми задумками.

— И все же я так и не понял, для чего нужны эти громадные павильоны.

— Наверное, в них будут проходить какие-нибудь торжественные церемонии. Так или иначе, ждать осталось недолго. Вскоре наше любопытство будет удовлетворено.

— А пока лучше воздержаться от лишних вопросов, — ухмыльнулся Барак.

— Рад, что вы это понимаете.

— Черт сюда принес леди Рочфорд. От этой ведьмы следует держаться подальше.

— Да, леди Рочфорд — на редкость неприятная особа, — произнес я, внимательно глядя на Барака. — Кстати, вам должно быть известно, что она помогла вашему бывшему патрону осуществить один из самых темных его замыслов.

Барак в ответ лишь сердито фыркнул. Пять лет назад, когда король вознамерился избавиться от Анны Болейн, Томас Кромвель использовал Джейн Рочфорд, дабы опорочить королеву и возвести на нее обвинение в прелюбодеянии. Из всех показаний против королевы свидетельство леди Рочфорд было наиболее ошеломляющим. Она заявила, что Джордж Болейн, ее супруг и брат королевы, находился со своей сестрой в кровосмесительной связи. У меня были веские основания полагать, что все эти обвинения отнюдь не соответствовали действительности и имели под собой политическую подоплеку. Многие очевидцы страшного процесса разделяли мою уверенность.

— Леди Рочфорд запятнала себя вероломным предательством, — продолжал я. — Правда, за это она получила щедрую награду. Ее сделали старшей фрейлиной королевы Джейн Сеймур. И этот высокий пост она сохранила при всех новых королевах — Анне Клевской и Кэтрин Говард.

— Только, похоже, близость к королевским особам не принесла ей счастья. Судя по ее злобному виду, она недовольна жизнью.

— Думаю, в глубине души эта женщина очень несчастна. Иначе она не стала бы бросаться на всех и каждого. Наверняка она сознает, что возбуждает в людях ненависть, а это, сами понимаете, не прибавляет бодрости духа. Нам остается лишь надеяться, что больше мы с ней не столкнемся.

— А вот короля вы точно увидите. Все об этом говорят.

— Возможно, так оно и будет. Хотя мне, говоря откровенно, трудно в это поверить.

— А еще вам предстоит возиться с этим заключенным в замке. Раз уж вы за это взялись.

— Да, это поручение, судя по всему, будет довольно хлопотным. Но я собираюсь следовать золотому правилу, о котором вы недавно упомянули, и не задавать лишних вопросов.

Заметив, что Барака терзает любопытство, я рассказал ему обо всем, что

произошло в замке, о жестоких выходках Редвинтера и ярости Бродерика. Правда, я счел за благо умолчать о сочувствии, которое возбудил во мне узник, и о причинах этого сочувствия, столь прозорливо подмеченных тюремщиком. Когда я смолк, Барак устремил на меня задумчивый взгляд.

— Опытные тюремщики, умеющие обращаться с опасными преступниками, — большая редкость, — изрек он. — Граф Кромвель ценил подобных людей на вес золота. Я полагаю, вам стоит быть настороже и не сближаться ни с узником, ни с надзирателем. Иначе наживете бед на свою голову.

С этими словами Барак направился к дверям, перед уходом пообещав разбудить меня, когда настанет время обеда. Вскоре сквозь тонкую стену до меня донеслись его вздохи и скрип кровати. Я закрыл глаза и через несколько мгновений забылся сном. Мне снилось, будто отец зовет меня из соседней комнаты. Я слышал его голос отчетливо и ясно, но стоило мне броситься на зов, тонкая дверь моей каморки превратилась в тяжелую кованую дверь камеры Бродерика. Она была заперта, и я ничего не мог с этим сделать.

Барак обладал завидной способностью просыпаться в заранее намеченное время. Как бы сильно он ни устал, способность эта никогда его не подводила, и потому через несколько часов в мою дверь раздался стук, вырвав меня из плена тяжких сновидений. В комнате стоял сумрак, и, выглянув в окно, я убедился, что солнце уже клонится к закату. Выйдя в холл, я увидел там нескольких клерков и законников в черных мантиях. Все они были намного моложе меня. Один из них, тщедушного вида человечек, гревший руки у огня, поймал мой взгляд и ответил поклоном.

— Вы приехали сегодня, сэр? — осведомился он, с любопытством поглядывая на меня большими круглыми глазами.

— Да. Брат Шардлейк из Линкольнс-Инна к вашим услугам. А это мой помощник Барак. Мы прибыли сюда, дабы участвовать в разборе прошений, поданных на имя короля.

— Вот как.

Слова мои, судя по всему, произвели на него сильное впечатление.

— А я Пол Кимбер, сэр, — сообщил он с заискивающей улыбкой и вновь отвесил поклон. — Тоже из Линкольнс-Инна.

— Могу я узнать, какого рода поручения вы выполняете?

— Я служу в конторе по снабжению. Слежу за тем, чтобы контракты с поставщиками заключались должным образом. Эту работу я выполняю с самого начала путешествия и скажу вам честно, она изрядно меня утомила. За здешними варварами нужен глаз да глаз. Они понятия не имеют о том,

что такое торговое соглашение и как его следует заключать, — заявил он с презрительным смехом.

— Не знаете ли, где мы можем пообедать? — осведомился я.

— В бывшей монастырской трапезной. Нам здесь приходится обедать в обществе простых клерков и плотников. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Кстати, вам необходимо получить специальный ярлык, дабы все видели, что вы выполняете особое поручение.

— И где его можно получить, этот ярлык?

— В конторе управляющего двором. Вот только я понятия не имею, где она находится. С прибытием королевской свиты у чиновников прибавится дел, поэтому контору заблаговременно перевели в более просторное помещение.

— Надеюсь, мы найдем ее без особых затруднений.

Мы с Баракком вышли во двор. Я слегка вздрогнул, ибо в воздухе, пронизанном запахом дыма, отчетливо ощущалась сырость, свидетельствующая о близости реки. Несколько дочерна загорелых слуг задавали корм животным, теснящимся в загонах.

— Давайте снова пройдем через церковь, — предложил я Баракку. — Думаю, контора находится где-нибудь поблизости от дома аббата.

Мы снова вошли под гулкие церковные своды; сейчас, в сумерках, в церкви было темно и холодно и тишину нарушали лишь звуки, издаваемые стоящими в стойлах лошадьми. Выйдя через главную дверь, мы оказались в первом дворе. Рабочие по-прежнему трудились в поте лица, расписывая и украшая павильоны, которые хорошели буквально на глазах. Никогда прежде я не видел, чтобы строительство продвигалось так быстро. Несколько слуг осторожно сгружали с повозки лампы, в которых были укреплены толстые белые свечи. Некоторые палатки уже были залиты ярким светом.

— Они что, собираются работать всю ночь? — удивился Барак.

— Похоже на то. Остается надеяться, что дождь не нарушит их планы.

Громкое звяканье заставило меня оглянуться. Стекольщик Олдройд, которого мы утром видели в церкви, вел под уздцы свою огромную лошадь. Подобных гигантов выводят только в центральных графствах, и по силе и выносливости они не знают себе равных. Лошадь тащила повозку с высокими бортами, полную битого стекла.

— Вижу, сегодня вы поработали на славу, — обратился я к стекольщику.

— Да, сэ, весь день я не давал себе отдыха, — откликнулся Олдройд, коснувшись шапки.

Руку его сплошь покрывали мелкие шрамы; без сомнения, при таком

ремесле без порезов не обойтись.

— В награду за труд мне позволили забрать стекла, вынутые из церковных окон, — сообщил он.

— И что вы намерены с ними делать?

— Все эти витражные стекла пойдут на украшение богатых домов. Каждому приятно, если в окне у него будет красоваться какой-нибудь диковинный зверь или там пахарь за работой. Новые витражи мало кому по карману, а эти обойдутся куда дешевле. Жаль только, мне приказали расплавить все те куски, на которых изображены монахи и святые, — помолчав, вздохнул стекольщик. — Страх до чего не хочется уничтожить такую красоту.

Олдройд осекся и бросил на меня встревоженный взгляд, как видно, сообразив, что сболтнул лишнее. Слова его вполне можно было истолковать как поношение церковной политики короля. Я успокоительно улыбнулся, давая понять, что не вижу в его замечании никакой крамолы. Стекольщик, казалось, хотел сказать что-то еще, но потом передумал и, низко склонив голову, двинул лошадь к воротам.

Я окинул взглядом двор, высматривая Лукаса Хоренбаута. Барак меж тем остановил нескольких прохожих, спрашивая, где находится контора управляющего двором. В ответ они лишь пожимали плечами и торопливо продолжали путь; даже на склоне дня все обитатели аббатства пребывали в величайшей спешке. Барак испустил тяжкий вздох и указал на караульную будку у ворот. Солдат, стоявший там, проверял документы у всех входивших в аббатство.

— Надо спросить у караульного. Уж он-то должен знать, где эта чертова контора.

Мы приблизились к воротам. Сержант в алом мундире королевской стражи проверял бумаги какого-то очередного возницы. Караульный был молод и высок, светлые, почти льняные волосы обрамляли открытое красивое лицо. Заглянув в его будку, я заметил на полке у окна Евангелие, специальное издание для малограмотных людей, снабженное подробными комментариями.

— Все в порядке, — сказал солдат, протянув вознице бумаги.

— Скажите, вам известно, где находится контора управляющего двором? — обратился к караульному Барак. — Мы недавно прибыли и умираем с голоду.

— Мне очень жаль, джентльмены, но я ничем не могу вам помочь. Эта контора сегодня переехала.

— Это мы уже слышали. Увы, никто не может сообщить нам куда.

— Если вы проголодались, купите у него по пирогу, — посоветовал солдат, указав на пирожника, предлагавшего свой товар плотникам.

Пироги шли нарасхват.

— Похоже, сегодня нам весь день придется питаться одними пирогами, — вздохнул Барак.

— Пироги — это лучше, чем ничего.

Барак поспешил к пирожнику. Тот приветствовал его поклоном. Здесь, на королевской территории, местные жители держались с приезжими куда почтительнее.

— Спасибо за дельный совет, — сказал я солдату.

— Не стоит благодарности, сэ. Сегодня здесь трудно что-нибудь найти. Везде страшная суматоха.

— Откуда вы родом, сержант? — спросил я, ощутив в его речи северный акцент.

— Из Кента, сэ.

— Так я и думал. Догадался по вашему произношению. Несколько лет назад я был в Кенте по делам.

— Большинство солдат, сопровождающих короля во время путешествия, родом из Кента. В пятницу вместе с королевской свитой сюда прибудет шестьсот кентских лучников, — с гордостью сообщил сержант. — Его величество знает, где живут его самые верные и надежные подданные.

— Я вижу, вы приобщаетесь к Слову Божьему? — осведомился я, кивнул на книгу, лежавшую на полке.

— Наш капеллан сказал, что всем нам нужно научиться как следует читать, — зардевшись, ответил молодой солдат.

— Он совершенно прав. Что ж, сержант, всего вам наилучшего, — кивнул я и присоединился к Бараку.

Стоя в стороне, мы с аппетитом поедали пироги и наблюдали за кипевшей повсюду работой. Зрелище было воистину впечатляющим: сотни ламп заливали двор ярким светом, отовсюду доносились возбужденные голоса, а наверху, на монастырских стенах, расхаживали часовые, вооруженные пиками и ружьями. Величественный силуэт церкви эффектно вырисовывался на фоне вечернего неба.

— Пожалуй, нам стоит вновь завалиться спать, — предложил Барак, покончив с пирогом.

— Полагаю, это самое разумное, что мы можем сделать. Ведь прошлую ночь мы провели без сна.

Мы вернулись в бывший монастырский лазарет. В холле было полно

стряпчих и законников, но мы слишком утомились, чтобы заводить новые знакомства. Ответив кивками на приветствия, мы поспешили в свои каморки. Я растянулся на кровати и заснул, едва коснувшись головой подушки.

Проснувшись рано поутру, я сразу почувствовал, что усталость наконец отступила. Рассвет едва занимался, со всех сторон до меня доносился храп и вздохи спящих. Даже Барак, который редко вставал позже меня, еще не проснулся. Я бесшумно встал, оделся и, проведя рукой по собственным колючим щекам, понял, что мне необходимо побриться.

Во дворе, где еще не успел развеяться предутренний туман, не было ни души. Мысленно я отметил, что впервые с нашего приезда в аббатство здесь царит полная тишина, не нарушаемая ни криками рабочих, ни визгом пил, ни стуком молотков. Даже животные, казалось, дремали в своих загонах, над которыми поднимался пар, производимый их дыханием. Я пересек двор, направляясь к церкви. Ноги мои скользили по мокрой траве; должно быть, ночью прошел дождь. Шпиль и крыша церкви терялись в тумане.

«Всего пару лет назад в этот час монахи служили бы мессу, — пронеслось у меня в голове. — Голоса их, сливаясь в стройный хор, возносились бы к небу».

Я решил пройти через церковь и посмотреть, что делается в главном дворе. Пустое помещение, освещенное тусклым светом, проникавшим сквозь разбитые окна, производило гнетущее впечатление. Я подошел к стойлам, отыскал Сьюки и Предка, погладил их и поговорил с ними. Прежде чем я продолжил свой путь, какой-то скрип и звяканье привлекли мое внимание. Обернувшись, я увидел мастера Олдройда, который спозаранку принялся за свою работу.

Главный двор тоже был погружен в безмолвие, очертания исполинских павильонов, едва угадывавшиеся в туманной дымке, казались призрачными. Ворота были закрыты, караульный, опираясь на свою пику, сонно зевал. Впрочем, в нескольких окнах аббатского дома уже горел огонь и на крыльце, ежась от холода, стояли чиновники.

— Господин Шардлейк! Сэр!

Звук женского голоса заставил меня оглянуться. Ко мне торопливо шла моя вчерашняя знакомая Тамазин в изящном шерстяном плаще с капюшоном.

— Доброе утро, мистрис Ридбурн, — приветствовал я девушку.

— Доброе утро, сэр, — ответила она и сделала реверанс. — Я очень рада, что вас встретила. Вчера я была так испугана, что даже не успела как

следует поблагодарить вас. Господин Барак с вами? — спросила она, вглядываясь в туман.

— Он еще спит. А вы, мистрис Ридбурн, как я вижу, ранняя пташка?

Вчерашнее приключение вновь пришло мне на память. Вне сомнения, девушке очень повезло, что грабитель напал на нее у нас на глазах.

— Я должна встретить свою госпожу, мистрис Дженнет Марлин, и вместе с ней отправиться на кухню посмотреть, все ли там готово к прибытию королевы. Леди Рочфорд очень разгневана, ибо полагает, что кухня оставляет желать лучшего. Моей госпоже предстоит трудный день. Поэтому и мне пришлось встать пораньше.

Я внимательно посмотрел на свою собеседницу. Итак, выяснилось, что она служит у Дженнет Марлин, унылой особы, которую я видел вчера в обществе леди Рочфорд.

— Боюсь, мистрис Марлин тоже еще спит, — заметила девушка, поплотнее закутываясь в плащ. — Но так или иначе, мне придется ждать ее здесь.

— Что ж, с вашего позволения, я вас оставляю.

Я кивнул на прощание.

— Надеюсь, у меня еще будет случай увидеться с господином Баракком, — пробормотала девушка, смущенная столь холодным обращением. — Поблагодарите его от моего имени.

— Не уверен, что пути наши пересекутся вновь, — отрезал я. — К тому же нас с господином Баракком ожидает множество важных дел.

— Но, если вы живете в аббатстве, вполне может быть...

Девушка осеклась, ибо душераздирающий визг, донесшийся со стороны церкви, заставил нас обоих вздрогнуть. Несомненно, звук этот не мог вырваться из человеческой глотки; казалось, его производит диковинное животное. Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Чиновник, спешивший по своим делам, словно прирос к месту.

— Господи боже, что это... — едва слышно выдохнула Тамазин.

Ужасающий звук раздался вновь, на этот раз намного ближе к нам. Внезапно из тумана появилось некое мохнатое коричневое чудовище невероятных размеров. Налетев на чиновника, оно отбросило его прочь, словно кеглю, и устремилось прямо к тому месту, где замерли мы с Тамазин.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Это была громадная лошадь стекольщика. Схватив девушку за руку, я отскочил в сторону, увлекая ее за собой. В следующее мгновение лошадь промчалась мимо, обдав нас запахом пота. Совершив столь рискованный прыжок, я едва удержался на ногах, однако Тамазин успела меня поддержать, коснувшись при этом моей согбенной спины. Я терпеть не могу, когда люди касаются этой части моего тела, но тут уж было не до излишней чувствительности. Едва переведя дух от изумления, мы уставились вслед лошади. Доскакав до стены, она остановилась как вкопанная. Все ее огромное тело содрогалось, глаза налились кровью, из пасти хлопьями падала пена.

— Она не задела вас копытом? — обратился я к Тамазин.

— Нет, сэр. Вы спасли мне жизнь.

— Ну, вашей жизни вряд ли угрожала опасность, — грубовато ответил я. — Скорее всего, мы оба отделались бы синяками. Смотрите, этот парень уже встает.

Я указал на чиновника, которого лошадь сбила с ног. И правда, он с усилием поднялся на ноги и принялся отряхивать свою красную мантию. Из дома аббата во двор выбежали люди, привлеченные шумом. Среди них я заметил двоих стражников с обнаженными мечами. Когда они приблизились к лошади, она вновь пронзительно заржала и встала на дыбы, угрожая нанести сокрушительный удар копытами каждому, кто рискнет к ней приблизиться. Трудно было поверить, что это то самое животное, которое не далее как вчера казалось столь мирным и спокойным. Я не мог понять, что привело несчастную лошадь в столь бешеное состояние.

— Оставьте животное в покое! — раздался чей-то голос. — Дайте ему успокоиться.

Толпа немного отступила. Лошадь, окруженная людьми, по-прежнему дрожала всем телом. Взгляд ее был исполнен безумного страха.

— Господи боже, что здесь происходит? Вы не пострадали, господин Шардлейк?

Кто-то тронул меня за локоть. Обернувшись, я увидел Саймона Крейка, встревоженного и растерянного.

— Я цел и невредим. Это лошадь стекольщика. Что-то напугало ее до умопомрачения.

— Это лошадь мастера Олдройда? — уточнил Крейк, оглядываясь по сторонам. — А где он сам?

— Я нигде его не вижу.

— Вообще-то эта лошадь отличается на редкость спокойным нравом, — заметил Крейк, глядя на испуганное животное. — Обычно мастер Олдройд оставляет ее без всякой привязи.

— Сэр, вы не хотите сходить со мной в церковь и посмотреть, что там произошло? — предложил я.

Толпа меж тем становилась все больше, к ней присоединялись слуги и полуодетые рабочие, выбежавшие из своих палаток. Я заметил нескольких солдат и среди них сержанта, с которым беседовал накануне вечером.

— Да, конечно, сэр, нам необходимо все выяснить, — согласился Крейк. Взгляд его упал на Тамазин, по-прежнему стоявшую рядом со мной.

— Такой молодой особе нечего делать во дворе в столь ранний час, — изрек он. — И уж вовсе ни к чему разгуливать в одиночестве.

— Я ожидаю мистрис Марлин, — пояснила девушка.

— Тем не менее вам лучше войти в дом, — заявил я непререкаемым тоном.

Тамазин мгновение помешкала, затем сделала реверанс и двинулась в сторону дома. Крейк начал сквозь толпу пробираться к сержанту, я следовал за ним. Я заметил, что Тамазин, не дойдя до дверей, остановилась и окинула двор взглядом, словно кого-то выискивая. Мне припомнилось, как она коснулась рукой моей спины. Должно быть, девушка заметила мой сердитый взгляд, ибо она поспешно повернулась и скрылась в дверях дома.

Крейк меж тем заговорил с сержантом. Подобно многим людям, постоянно пребывающим в беспокойстве, в трудные минуты бывший мой однокашник обретал хладнокровие.

— Эта лошадь принадлежит человеку, который вынимает стекла из церковных окон, — объяснил он сержанту. — Боюсь, с ним стряслась какая-нибудь беда. Вы должны пойти с нами в церковь и узнать, что там случилось.

— Да, сэр.

— Возьмите с собой одного солдата, а остальные пусть останутся здесь. Проследят, чтобы лошади дали успокоиться, и заставят толпу разойтись. Да, и пошлите кого-нибудь сообщить об этом происшествии сэру Уильяму Малеввереру. Кстати, как ваше имя?

— Джордж Ликон, сэр.

Сержант повернулся к солдатам и сказал что-то одному из них, такому же рослому и сильному, как и он сам. Крепко сжимая пики, оба двинулись в

сторону церкви.

Туман все еще не рассеялся. Мы осторожно прошли по скользкому дощатому настилу, устроенному справа от церкви. Мысленно я сожалел о том, что с нами нет Барака. Вдруг до слуха моего донесся какой-то звук, нечто вроде скрипения.

— Вы слышали? — повернулся я к Крейку.

— Нет.

— Похоже, кто-то закрыл дверь.

— А что это там, впереди?

Крейк указал на силуэт странной формы, смутно вырисовывавшийся в тумане. Подойдя ближе, мы увидели, что это всего лишь повозка стекольщика, к которой была прислонена лестница.

— Хотел бы я знать, где он сам, — растерянно пробормотал Крейк. — Из-за этого проклятого тумана ни черта не увидишь. Мастер Олдройд! — крикнул он во весь голос.

Оба солдата дружно повторили его зов. Но ответа не последовало. Церковь была погружена в молчание.

— Наверное, он оставил лошадь попастись около повозки, — предположил Крейк. — Но что так испугало бедное животное?

Солдаты вновь хором позвали стекольщика. Я тем временем осмотрел повозку. Лестница была прислонена к ней под каким-то странным углом, конец ее едва касался борта повозки. Охваченный внезапным подозрением, я коснулся руки Ликона:

— Не могли бы вы подсадить меня, сержант? Я хочу заглянуть внутрь повозки.

Сержант кивнул и сделал из своих рук ступеньку, на которую я оперся ногой. Схватившись за край, я подтянулся на руках. Мантия моя затрещала, как видно, зацепившись за осколок стекла, торчавший из деревянного борта. Все еще опираясь ногой на руки сержанта, я перегнулся через край, и взору моему открылось воистину ужасающее зрелище.

Повозка была на три четверти полна осколками витражных окон. Мастер Олдройд лежал возле борта, и острые куски стекла в нескольких местах пронзили его тело. Один из таких осколков торчал прямо из живота несчастного стекольщика, словно обагранный кровью меч. Лицо Олдройд а было белым как мел, глаза закрыты. Крови из его тела вытекло столько, что он едва ли не плавал в ней.

— Он здесь! — судорожно сглотнув, крикнул я. — И, судя по всему, он мертв.

— Помогите мне, — донесся до меня голос Крейка.

В следующее мгновение его круглое лицо возникло над другим краем повозки. Увидев труп стекольщика, Крейк зажмурил глаза.

— Господи боже. Видно, бедняга свалился с лестницы. Повернувшись к зевакам, которые начали собираться у повозки, он крикнул:

— Эй, вы! Пусть четыре человека встанут на плечи других и заберутся в повозку. Нужно вытащить оттуда тело.

Внизу засуетились, и вскоре над бортами появились головы четырех дюжих парней. Несомненно, все они были поражены открывшимся зрелищем, однако же, хоть и без большой охоты, спрыгнули на окровавленные осколки стекла. Взяв Олдройда за руки и за ноги, они приподняли его. Когда тело соскользнуло с отвратительного стеклянного копия, из раны потоком хлынула кровь. Внезапно глаза стекольщика открылись.

— Он жив! — возопил я, от неожиданности едва не свалившись на землю.

Рабочие вновь опустили несчастного на окровавленное ложе из битого стекла.

Взгляд Олдройда был устремлен прямо на меня. Губы его слабо шевелились, словно он пытался что-то произнести. Рискуя потерять равновесие, я наклонился к умирающему. При мысли, что я могу упасть лицом прямо на стекло, пальцы мои судорожно вцепились в деревянный борт.

— Ко... король, — выдохнул Олдройд прерывистым шепотом.

— Что с королем? Ему угрожает опасность? — спросил я дрожащим голосом, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди.

— Если у Генриха и Кэтрин Говард... — Умирающий закашлялся, и изо рта у него потекли струйки крови. — Если у них родится дитя, ему не бывать истинным наследником престола.

— Но почему?

— Она знает об этом, — прошептал стекольщик, и по телу его пробежала конвульсивная дрожь. — Блейбурн, — произнес он едва слышно.

Его тускнеющие голубые глаза неотрывно смотрели в мои, словно взглядом он хотел зацепиться за жизнь.

— Блейбурн, — повторил он, содрогнулся и откинул голову.

Я понял, что Олдройд мертв; остатки крови вытекли из ужасающей раны, окропив смертоносные осколки стекла.

Я с трудом выпрямился. Работники в ужасе уставились на меня.

— Что он сказал, сэр? — замирающим голосом спросил Крейк.

— Ничего, — поспешно ответил я. — Ровным счетом ничего. У него уже не было сил говорить. Достаньте его отсюда. А мне помогите спуститься на землю! — крикнул я сержанту Ликону.

Он выполнил мою просьбу, и я, оказавшись на земле, обессиленно привалился к борту повозки. Через несколько мгновений ко мне подбежал запыхавшийся Барак.

— Где вас только черти носили? — сердито порычал я.

— Я искал вас повсюду, — выпалил Барак, который отнюдь не чувствовал себя виноватым. — Все здесь словно с ума посходили. Скажет мне наконец кто-нибудь, что случилось?

— Стекольщик свалился с лестницы прямо в свою повозку, и осколки стекла продырявили его насквозь. Его лошадь обезумела от испуга и принялась скакать по двору.

Вдали я заметил дородную фигуру сэра Уильяма Малеверера, который широким шагом приближался к повозке. Черная мантия развевалась у него за спиной, толпа торопливо расступалась, давая ему дорогу. Он подошел к нам как раз в тот момент, когда работники извлекли из повозки окровавленное тело Олдройда и опустили его на землю.

— Что здесь происходит? — грозно нахмурившись, спросил Малеверер. — Крейк и вы, брат законник, вы что, языки проглотили? Может, вы все же соизволите дать мне какие-нибудь объяснения?

— Стекольщик упал с лестницы, — не вдаваясь в подробности, сообщил Крейк.

— Безмозглый болван! — процедил Малеверер, бросив на тело исполненный отвращения взгляд. — Будто без него у нас мало хлопот. По его милости мне придется давать объяснения королевскому коронеру. Кто его отыскал? — спросил он, свирепо зыркнув на толпу.

— Я, — произнес я, поднимаясь на ноги.

Малеверер пробурчал что-то нечленораздельное и вновь повернулся к толпе.

— А ну, чертовы бездельники, принимайтесь за работу! — рявкнул он во всю глотку. — Вас это тоже касается, Крейк! А вы, солдат, отнесите эту падаль в дом, — обратился он к Ликону. — И проследите за тем, чтобы бешеную лошадь прикончили.

Противоречить распоряжениям Малеверера никто не посмел, и толпа рассосалась мгновенно. Сквозь пелену тумана до меня доносились взволнованные голоса, которые, удаляясь, становились все глуше. Ликон и другой солдат, подняв тело стекольщика, понесли его к дому. Малеверер шествовал сзади. Барак хотел было последовать за ними, но я схватил его

за руку.

— Останьтесь, Джек, — прошептал я. — Мне необходимо кое-что вам рассказать. Откровенно говоря, я сам не знаю, как к этому отнестись.

Мы остановились у злополучной повозки, и я передал Бараку последние слова умирающего стекольщика.

— Господи боже, да ведь это чистой воды измена, — пробормотал Барак. — Может, этот стекольщик был связан с заговорщиками. И решил нанести оскорбление королю, зная, что умирает и может не опасаться наказания?

— Вряд ли, — покачал я головой. — Скорее этот человек из последних сил пытался меня предостеречь.

— Но почему именно вас? Он ведь вас совсем не знает. Накануне вы всего-навсего перемолвились с ним парой слов.

— У него не было другого выбора. Он понимал, что умрет через несколько мгновений.

— А имя Блейбурн вам известно?

— Я слышу его впервые. Возможно, это человек, который убил стекольщика.

— Да ведь бедняга погиб по собственной неосторожности. Всякому ясно, он свалился с лестницы.

— В этом я далеко не уверен, — заявил я, испустив тяжкий вздох. — Вполне может быть, кто-то его толкнул. Олдройд был опытным стекольщиком, а люди этого ремесла умеют обращаться с лестницами. Да, и вот еще что, — добавил я, окинув взглядом церковь. — Когда мы приближались к церкви, я слышал какой-то подозрительный скрип. Словно кто-то открыл или закрыл дверь.

— Вы думаете, это был убийца стекольщика? — спросил Барак, пристально глядя на меня. — Он услышал ваши шаги и поспешил скрыться?

— Возможно, так оно и было. И единственное место, где он мог спрятаться, — это церковь.

— Так пойдёмте обьщем ее как следует.

В глазах Барака вспыхнули хорошо знакомые мне огоньки, означавшие, что он предвкушает захватывающее приключение. Я, однако, не разделял его пыла.

— У меня нет ни малейшего желания вмешиваться в это темное дело, Барак. Именно поэтому я никому, кроме вас, не сообщил о последних словах Олдройда. Слышал их только я один. И думаю, мы поступим благоразумно, если будем о них молчать.

— Но ведь дело касается короля и королевы! Молчание может обернуться против вас! — в тревоге воскликнул Барак. — Этой весной несколько человек кончили свои дни на виселице лишь потому, что не донесли о замыслах заговорщиков. Что, если здесь готовится какой-то новый заговор, о котором знал Олдройд? Ведь через два дня в этот город прибудет король. Ради всего святого, сообщите Малевереру обо всем, что вы слышали.

Я не мог не признать правоты его слов и кивнул в знак согласия.

— Но прежде всего нам надо проверить, не скрывается ли злоумышленник в церкви. А уж потом расскажем Малевереру о результатах наших поисков. Идемте, где-то здесь наверняка должна быть дверь, в которую проскользнул убийца, — распорядился Барак и сжал рукоять меча, который, по обыкновению, висел у него на поясе.

Я с любопытством взглянул на своего помощника. В течение целого года он беспрекословно признавал мое главенство, ибо понимал, что не может со мной тягаться по части знания законов. Передо мной вновь был решительный и отважный человек, поднаторевший в исполнении секретных поручений лорда Кромвеля. Я неохотно кивнул и коснулся рукояти своего кинжала.

— Что ж, идемте, если вам так хочется.

Барак двинулся вдоль церковной стены. Туман был уже не так густ, лучи бледного утреннего солнца начали пробиваться сквозь завесу облаков. Как и предполагал Барак, неподалеку от повозки мы обнаружили в стене крошечную дверь, снабженную замочной скважиной. Я думал, дверь заперта, но, стоило Бараку надавить на нее плечом, она открылась, издав при этом в точности такой же скрип, какой я слышал ранее. Вытащив меч из ножен, Барак распахнул дверь настежь. Мы вошли в церковь.

— Посмотрите! — выдохнул Барак, указав на свежие следы, темневшие на полу.

Цепочка грязных отпечатков тянулась через всю церковь. Но, сколько я ни напрягал зрение, мне не удавалось ничего разглядеть в полумраке. К тому же массивные колонны могли сыграть преступнику на руку, помогая затаиться.

— Я ничего не вижу, — прошептал я.

— Давайте пойдём по следам, — предложил Барак. — Они совсем свежие. И тому, кто их оставил, пришлось долго бродить по влажной траве.

— Да, здесь, несомненно, кто-то был.

— Это уж точно, — кивнул Барак. — Заслышав ваши шаги, убийца пробрался в церковь. А потом спокойно вышел через главную дверь.

— Нет, поступить так было бы с его стороны до крайности опрометчиво, — возразил я. — На его месте я переждал бы в церкви, пока уляжется суматоха. Наверняка здесь полно укромных мест.

— Что ж, идемте по следам, — повторил Барак, сжимая меч.

Грязные отпечатки на полу были отчетливо различимы даже при слабом освещении. Цепочка следов тянулась через всю церковь, во многих местах пересекаясь с более старыми следами, оставленными накануне. Порой пол был так затоптан, что мы теряли следы из виду. Однако нам удалось обнаружить их на другой стороне нефа, у массивной внутренней двери, расписанной сценами из жизни Христа. Дверь эта была слегка приоткрыта, и следы вели именно сюда.

— Он здесь, — с довольной ухмылкой прошептал Барак. — Птичка сама залетела в клетку.

Он отступил на несколько шагов и рывком распахнул дверь; гулкое эхо разнесло скрип ржавых петель под сводами пустынной церкви. Мы заглянули внутрь. За дверью оказался небольшой вестибюль с низким сводчатым потолком, который поддерживали колонны, украшенные пышной резьбой. Узкий коридор вел в просторную комнату. Свет проникал сюда сквозь чудом уцелевшие витражные окна. Скорее всего, именно здесь находилась ризница. Мы с Бараксом вошли в комнату, не сводя глаз с колонн, за каждой из которых могла притаиться наша добыча.

— Эй, выходи! — во весь голос крикнул Барак. — Все равно ты от нас не уйдешь! Так что лучше сдавайся.

— Барак, становитесь у дверей, чтобы он не убежал. А я пойду и приведу на помощь солдат.

— Нет уж, я сам хочу поймать эту птицу.

— Джек, будьте благоразумны, — попытался я остановить своего охваченного азартом напарника.

Но Барак, держа наготове меч, уже двинулся вперед. Обшаривая взглядом темные углы, я вытащил из ножен кинжал. Вестибюль был так плохо освещен, что разглядеть что-нибудь было трудно. Внезапно мой помощник издал сдавленный вскрик.

— Господи Иисусе!

Я кинулся к нему. Оказавшись на пороге ризницы, я увидел, что она пуста и совершенно лишена мебели. Однако вдоль стен двумя рядами стояли люди в разноцветных длинных одеяниях. Волосы у всех были белоснежные, бороды длинные, щеки сияли ярким румянцем, глаза блестели. На мгновение я замер от изумления, но после разразился смехом.

— Это всего лишь статуи, Барак. Пророки и апостолы.

В тусклом свете статуи так напоминали живых людей, что испуг Барака был вполне извинителен.

— Поглядите, вон там, в синей мантии, Моисей, — пояснил я. — Господи боже, губы у него так искусно покрашены, что выглядят в точности как настоящие.

Оба мы резко повернулись, заслышав звук шагов, но успели увидеть только край плаща, мелькнувший в дверях. В следующее мгновение дверь захлопнулась, и до нас донесся скрежет поворачиваемого в замке ключа. Барак схватился за дверную ручку и принялся что есть силы ее трясти.

— Проклятие! Негодяй нас запер!

Он вновь налег на ручку, но это не принесло ни малейшей пользы.

— Мы думали, что загнали в ловушку убийцу, а оказались в ловушке сами, — поджав губы, изрек я. — Теперь злоумышленник беспрепятственно скроется.

Мы вернулись в ризницу, где было светлее. Щеки Барака покраснели от злобы и смущения.

— Признаю, это моя вина, — пробормотал он. — Я вел себя как последний олух. Ворвался сюда, думая схватить убийцу, а сам завопил от страха при виде раскрашенных статуй, будь они неладны. А этот шельмец тем временем наверняка прятался где-нибудь в темном углу. Если бы не мой дурацкий вопль, мы бы как пить дать его увидели.

Судя по выражению лица Барака, он чувствовал себя глубоко несчастным.

— Ну, сделанного не воротишь, — бросил я.

— Я уже не тот, что был прежде, — с горечью заявил Барак.

— Что вы имеете в виду?

— Пару лет назад я ни за что бы не совершил такой нелепой ошибки. Спокойная жизнь в Линкольнс-Инне превратила меня в размазню, — вздохнул он, сопроводив свои слова зубовным скрежетом. — Хотел бы я знать, как мы отсюда выберемся?

— Вот — единственный путь, — сказал я, указав на одно из витражных окон. — Вы вскарабкаетесь на статую, разобьете окно рукоятью своего меча и позовете на помощь.

— Да, представляю, какое поднимется веселье, — буркнул Барак. — Все аббатство будет кататься со смеху.

— Боюсь, Малевреру будет не до смеха. Мы должны немедленно сообщить ему о случившемся.

— Надеюсь, этот парень меня выдержит, — сказал Барак, указывая на гипсового Моисея.

Набрав в грудь побольше воздуха, он вскарабкался на статую. Я должен был признать, что, несмотря на свои сетования, помощник мой ни в коей мере не утратил ловкости и проворства. Балансируя на голове Моисея, он схватился за выступ резной колонны и ударил рукоятью меча по ближайшему окну. Звон разбитого стекла эхом разнесся по ризнице. Я невольно сморщился. Барак расколотил еще одно стекло, потом высунулся из окна и завопил:

— На помощь!

Я вновь поморщился, едва не оглохнув от его рева. Повторив свой призыв несколько раз, Барак удовлетворенно повернулся ко мне.

— Наконец-то меня услышали, — сообщил он. — Сюда идут люди.

Час спустя мы с Бараксом стояли в кабинете Малевевера, который располагался в королевском особняке. По пути мы видели лошадь Олдройда, лежавшую на земле в окружении толпы. Судя по широкому потоку крови, обогрившему булыжники двора, приказ Малевевера был выполнен и несчастному животному пришел конец. В особняке стоял запах свежей стружки. В кабинет Малевевера долетал пронзительный визг пилы, ибо во всех помещениях особняка заканчивали последние приготовления к приезду короля.

Я рассказал Малевеверу обо всем, что произошло нынешним утром. Он выслушал мой рассказ с выражением непроницаемой суровости, которое, казалось, навечно застыло на его лице. В огромной волосатой руке он беспрестанно вертел чернильницу, словно желая раздавить ее пальцами. Около стола Малевевера стоял какой-то высокий человек в шелковой мантии и шапочке барристера высшего ранга. Его представили мне как мастера Арчболда, королевского коронера, в обязанности которого входит расследование всякой насильственной смерти, приключившейся во владениях его величества.

Когда я закончил, Малевевер несколько мгновений хранил молчание, накручивая на один из толстых пальцев конец бороды.

— Значит, перед смертью стекольщик пытался опорочить короля и королеву, — изрек он наконец. — В этом нет ничего удивительного, ведь в этих местах бунтовщик сидит на бунтовщике. Прошлой весной мы были слишком снисходительны. Надо было не жалеть виселиц. По донесениям наших осведомителей, дух преступного мятежа до сих пор жив среди местного сброда.

— И все же, сэр, у меня создалось впечатление, что стекольщик располагал какими-то важными сведениями, — произнес я. — Вероятно, именно по этой причине он был убит.

— Ас чего вы взяли, что он убит? Возможно, в церковь забрел какой-то проходимец, который, завидев вашего олуха клерка с мечом, перепугался до смерти и пустился наутек.

С этими словами он бросил на Барака взгляд, исполненный откровенного презрения.

Подобное заявление явилось для меня полной неожиданностью.

— Я так не думаю, сэр Уильям, — попытался возразить я. — Следы вели в ризницу прямо от маленькой двери, расположенной поблизости от повозки стекольщика. Полагаю, у злоумышленника были ключи от обеих дверей. Скорее всего, он намеревался скрыться в церкви после совершения убийства и выполнил свой план. Поэтому, чтобы найти этого человека, необходимо ответить на вопрос — у кого есть ключи от церкви?

— Да у кого угодно, — проворчал Малеверер. — Перед тем как отсюда выгнали монахов, они наверняка сделали себе множество копий. Надеюсь, что смогут украдкой проникнуть в церковь и что-нибудь стащить.

Малеверер устремил на меня неприязненный взгляд.

— Скажите-ка, вы не из тех законников, которым повсюду мерещатся тайны и головоломки? Судя по вашему глубокомысленному виду, вы обожаете повсюду напускать туман.

Когда он сердился, йоркширский акцент становился таким сильным, что я едва разбирал его речь. Впрочем, и без слов было ясно, что сэр Уильям весьма мною недоволен.

— Уж не знаю, кто там скрывался в церкви, убийца или нет, — процедил он. — В любом случае, вы его проворонили, что было с вашей стороны до крайности глупо. Неужели вы даже не рассмотрели, как он выглядит?

— Мы видели лишь край темного плаща.

— Вам случалось слышать имя, о котором упомянул стекольщик? — пророкотал Малеверер, поворачиваясь к коронеру. — Блейбурн или как там?

— Нет, сэр, — покачал коронер головой. — Возможно, именно этот Блейбурн столкнул стекольщика в повозку. Если только тот не упал по собственной неосторожности, — добавил он, вперив в меня взгляд водянистых голубых глаз. — Скорее всего, Блейбурн — тоже стекольщик, который что-то не поделил с убитым.

— Полагаю, так оно и есть, — кивнул Малеверер. — Брат Шардлейк, король и его свита будут здесь через три дня, — произнес он, навалившись грудью на стол. — Все мы трудимся не покладая рук, дабы встретить его

величество надлежащим образом. Необходимо, чтобы все намеченные церемонии прошли без сучка без задоринки. И мы никак не можем терять драгоценное время на какого-то жалкого стекольщика. В конце концов, совершенно не важно, свалился он со своей лестницы сам или кто-то помог ему в этом. Надеюсь, я выражаюсь достаточно ясно?

— Да, сэр.

К разочарованию, охватившему меня, примешивалось чувство облегчения. Сообщив о происшествии Малевереру, я снял с себя всякую ответственность. Теперь он должен был решать, как поступить, и, судя по всему, он решил оставить дело без последствий. Однако следующие его слова заставили мое сердце сжаться.

— Если вы такой любитель тайн и загадок, то можете заняться расследованием смерти стекольщика, — заявил Малеверер. — Избавите коронера от лишних хлопот.

— Превосходная идея, сэр, — с довольной улыбкой подхватил Арчболд. — Откровенно говоря, сейчас у меня нет ни единого свободного человека, которому я мог бы поручить это дело.

— Итак, побывайте у стекольщика дома, поговорите с его друзьями, выясните, были ли у него враги, — распорядился Малеверер. — Ведь мы обязаны провести официальное расследование, — обратился он к коронеру.

— Боюсь, что так, сэр Уильям, — кивнул Арчболд. — Оставить это происшествие без внимания мы не имеем права. Я уверен, что дело яйца выеденного не стоит. Несомненно, причина гибели стекольщика — или несчастный случай, или ссора с другим ремесленником. Но так или иначе, провести расследование необходимо. Иначе пойдут разговоры о том, что власти попустительствуют убийцам.

— Что ж, если расследование необходимо, мы поручим его брату Шардлейку и его помощнику, — решил Малеверер.

Покопавшись в складках своей мантии, он извлек большой железный ключ и положил его на стол. Я неохотно взял ключ в руки.

— Вот и все, что было найдено при мертвеце, — сообщил вельможа. — За исключением кошелька с несколькими серебряными монетами. Скорее всего, это ключ от его дома. Сообщите мне обо всем, что сумеете узнать. И помните, будет очень неплохо, если собранные вами факты подтвердят, что стекольщик погиб по собственной неосторожности. Уяснили?

Он улыбнулся, обнажив крупные желтые зубы.

— Я сообщу герцогу Суффолку, что дело будет улажено без лишнего шума.

— Но, сэр Уильям, я являюсь свидетелем, а закон гласит... — начал

было я.

— Плевать я хотел на ваши юридические тонкости, — перебил меня Малеверер. — С этим делом надо покончить как можно быстрее. Я уже сказал: у нас слишком много хлопот, чтобы возиться с каждым мертвым работником.

— Но я прибыл сюда, дабы заниматься прощениями, поданными на имя короля, — осмелился возразить я.

— Мы все здесь крутимся словно белки в колесе, и вам придется взять с нас пример, — не терпящим возражений тоном заявил Малеверер. — Господин коронер, оставьте нас на несколько минут, — повернулся он к Арчболду. — И заберите его с собой, — махнул он в сторону Барака.

Оба поклонились и вышли. Устремленный на меня взгляд Малеверера был исполнен откровенной неприязни. Я недоумевал, чем мог возбудить подобное чувство. Скорее всего, причиной послужило мое увечье. Здоровые крепкие люди зачастую испытывают презрение к тем, кто наделен телесным изъяном.

— Вам ведь предстоит выполнить еще одно поручение? — прищурился глаза, спросил Малеверер. — В замке? Что вы тараштитесь на меня, точно вытасченная из воды рыба? Да будет вам известно, я член Совета северных графств и нахожусь в курсе всех здешних дел. Надеюсь, у вас хватит ума понять, какая сложная ситуация здесь сложилась. В деле стекольщика вы должны повиноваться мне беспрекословно. Не вздумайте создавать мне лишних проблем. Уяснили?

— Да, сэр.

Отправляя меня в Йорк, Кранмер упоминал о некоторых членах Совета северных графств, которые пользуются его особым доверием. Значит, одним из этих людей был Малеверер.

«Любопытно, известно ли ему, в чем обвиняют Бродерика?» — пронеслось у меня в голове.

— Что до вашего второго поручения, то, возможно, господин Редвинтер и в самом деле нуждается в присмотре. — Малеверер вновь растянув губы в улыбке, более напоминающей хищный оскал. — По слухам, порой он исполняет свои обязанности с излишним рвением. Кстати, вы уже видели Бродерика?

— Вчера. На теле у заключенного воспаленный ожог, который может угрожать его жизни. Я приказал пригласить к нему лекаря.

— Похвальная заботливость. Но я хочу кое в чем вас предостеречь, брат Шардлейк, — произнес он, наставив на меня короткий толстый палец. — Ваша обязанность — оберегать жизнь и здоровье заключенного, и не более

того. Не вздумайте совать свой любопытный нос в дела, которые не имеют к вам никакого касательства.

Он вновь вперил в меня пристальный взгляд, словно хотел просверлить насквозь.

— Вижу, нос у вас длинный, а это частенько не доводит до добра. Я имею обыкновение отрезать слишком длинные носы. Иногда вместе с головами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Барака я нашел на ступеньках особняка. Он задумчиво озирает двор, в котором уже вовсю кипела работа. Павильоны росли на глазах; сквозь распахнутые двери я видел, что внутренняя отделка близка к завершению. Поблизости устанавливались каркасы для трех огромных шатров, чуть в стороне стояли повозки, груженные рулонами парусины. Туман рассеялся, но день выдался пасмурным и серым.

— Лошадь уже убрали, — сообщил Барак и указал на работника, который, вооружившись щеткой и ведром с водой, смывал с булыжника кровь.

— Убивать несчастное животное не было никакой необходимости, — заметил я и передал Бараку разговор с Малеверером. — Мне остается лишь пожалеть, что я послушался вашего совета и не стал держать рот на замке, — завершил я свой рассказ. — Малеверер требует, чтобы мы отыскивали свидетельства, подтверждающие, что смерть стекольщика была случайной. В противном случае нам не избежать гнева этого вельможи. А он, как вы, без сомнения, заметили, итак не питает к нам особого расположения.

— Ну и с чего мы начнем? — осведомился Барак.

— Полагаю, с визита в городскую ратушу. Поговорим с местным коронером. Если бедняга Олдройд являлся членом гильдии стекольщиков, нам будет полезно побеседовать с его собратьями по ремеслу. Кстати, они наверняка знают, где он жил.

Барак кивнул. Вид у него был угрюмый, и на память мне пришла внезапная вспышка досады, овладевшая им в церкви. Про себя я решил, что при случае непременно вызову своего помощника на откровенный разговор.

— Что ж, приступим, — изрек я с тяжелым вздохом.

— На десять часов у нас назначена встреча со стариной Ренном, — напомнил мой помощник.

— Сейчас нам не до него. Я отправлю ему записку, в которой сообщу, что мы запоздаем. Мне ведь необходимо еще побывать в тюрьме, посмотреть, привел ли Редвинтер лекаря к нашему узнику.

— Господин Шардлейк!

Я резко повернулся, услышав знакомый голос, и увидел, что со стороны церкви к нам торопливо приближается Тамазин Ридбурн. Рядом с ней

шествовала та самая унылая дама, что вчера сопровождала леди Рочфорд. Я невольно заскрипел зубами, ибо очередная встреча с назойливой девицей вовсе не входила в мои планы. Тамазин подошла к нам, сияя улыбкой.

— У нас нет времени для разговоров, Тамазин, — неодобрительно проронила ее спутница.

— Но это те самые джентльмены, которые вчера спасли мою корзинку от здешних грабителей! — воскликнула Тамазин. — А сегодня утром, не окажись рядом господин Шардлейк, меня непременно растоптала бы взбесившаяся лошадь.

Унылая леди бросила на меня любопытный взгляд.

— Так это вы — тот стряпчий, что обнаружил труп работника?

— Да, сударыня, — с поклоном ответил я. — Мэтью Шардлейк к вашим услугам. Я ведь имею честь беседовать с мистрис Марлин?

Злобные огоньки, вспыхнувшие в карих глазах леди, немало удивили меня.

— Позвольте узнать, сэр, откуда вам известно мое имя? — процедила она.

— Его сообщил мне господин Крейк — вчера, после нашей встречи.

— Ах, вот как. — По губам леди скользнула невеселая улыбка. — Да, меня действительно зовут Дженнет Марлин. И, как вы сами видели вчера, я состою при леди Рочфорд.

Она метнула на меня изучающий взгляд.

— Говорят, кто-то запер вас в церковной ризнице, так что вам пришлось звать на помощь.

— Вы прекрасно осведомлены, — с непроницаемым лицом кивнул я.

— Но как такое могло произойти?

— Об этом я не имею права говорить, — холодно ответил я.

— О, я вижу, вы любите напускать на себя таинственность, — заявила мистрис Марлин и повернулась к своей спутнице: — Идемте, Тамазин. Нам необходимо проверить, все ли в порядке в кухне королевы.

Тамазин на прощание одарила нас улыбкой, задержавшись взглядом на Бараке.

— И у короля, и у королевы будут в аббатском доме свои собственные кухни, — с гордостью сообщила она. — Я уже говорила вам, мы помогаем их устроить.

— Идемте же, Тамазин! — скомандовала мистрис Марлин и удалилась, громко шурша юбками.

В ее осанке и походке чувствовалась странная напряженность, словно вместо спинного хребта у нее была негнущаяся палка.

«Если жених этой леди действительно в Тауэре, у нее есть веские основания для тревоги», — подумал я.

— Сегодня вечером вы будете обедать в трапезной? — осведомилась Тамазин, быстро повернувшись к Бараку.

— Насчет обеда мне ничего не известно, мистрис. Откровенно говоря, сегодня мы до сих пор не выбрали времени позавтракать.

— Но для того, чтобы обедать в трапезной, нужны особые значки. Вы уже получили их?

— Пока что нет, — ответил я.

— Я вам их принесу.

— Торопиться нет нужды, — заметил я. — Сегодня у нас много дел, так что обедать придется поздно.

— Но часов в шесть вы, я надеюсь, освободитесь?

— Несомненно, — поспешно заявил Барак. — Давайте встретимся ровно в шесть.

Тамазин сделала нам реверанс и поспешила за своей госпожой. Вскоре они скрылись в дверях дома.

— Скромность явно не относится к числу достоинств этой молодой особы, — изрек я, осуждающе покачав головой.

— А госпожа, как видно, не дает ей спуска. Сразу видно, страшная зануда.

— Похоже, так оно и есть. Поэтому юная Тамазин пользуется любой возможностью, чтобы урвать глоток свободы. И откровенно дает понять, что положила на вас глаз.

— Против этого я ничуть не возражаю, — с самодовольной улыбкой заявил Барак. — Да и никто не стал бы возражать, правда?

— Идемте, — распорядился я. — Попробуем найти в этом столпотворении человека, с которым можно отправить записку Ренну.

Мы обратились за помощью к караульному, и он указал нам на большую палатку, в которую постоянно вбегали и выбегали мальчишки-посыльные. Чиновник, ответственный за рассылку писем и сообщений, не хотел отправлять записку Ренну, как видно, сочтя его слишком мелкой сошкой. Однако упоминание имени Малевевера оказало должное действие, и посыльный, схватив листок, на котором я нацарапал несколько строк, отправился к старому законнику.

Мы с Баракком надели плащи и направились к воротам. Люди по-прежнему сновали туда-сюда под навесной башней. Один из часовых преградил путь диковинного вида супружеской парочке, которая прибыла в аббатство на запыленной телеге, крытой мешковиной. На обоих супругах

были широкие блузы весьма причудливого фасона, усеянные зелеными квадратами разной величины.

— Мы привезли овес! — заявил мужчина с сильным шотландским акцентом. — Мы сами слышали, здесь готовы скупить все съестные припасы!

— Во время королевского визита шотландцам запрещен въезд в город! — непререкаемым тоном заявил часовой. — Так что поворачивайте прочь, пентюхи деревенские!

— Но мы приехали из самого Джедбурга! И у нас с собой весь урожай этого года.

— Королевские лошади не желают жрать шотландский овес! Сказано тебе, поворачивайся и проваливай отсюда прочь, пока цел!

Шотландцы понуро взгромоздились на свою телегу. Часовой, судя по акценту местный уроженец, весело подмигнул нам.

— За этими варварами нужен глаз да глаз, — изрек он, весьма довольный своей бдительностью.

Я вспомнил, что не далее как вчера брат Кимбер сказал в точности то же самое о жителях северных графств.

Мы вышли в город. Ратуша находилась всего в нескольких улицах от аббатства, на площади неподалеку от еще одного упраздненного монастыря, ныне пребывающего в полном запустении.

«Совсем недавно в этом городе было полно монахов и священников, — мысленно отметил я. — В ратуше царила такая же суэта, как и в королевском особняке, людской поток в дверях не иссякал ни на мгновение».

Здание показалось мне весьма внушительным, хотя размерами, бесспорно, значительно уступало лондонской ратуше. Я спросил у часового, стоявшего в дверях, как отыскать городского коронера.

— Его здесь нет, сэр, — ответил солдат, бросив на меня любопытный взгляд. — Но вы можете поговорить с мировым судьей Танкердом.

Он пропустил нас внутрь, в просторный холл с великолепным расписным потолком. Множество чиновников и купцов стояли здесь, обсуждая свои дела, клерки с озабоченными лицами сновали взад-вперед. Остановив одного из них, я спросил, где находится контора мирового судьи.

— Сейчас у него встреча с мэром, — сказал клерк. — Вряд ли он вас примет, сэр.

— Я выполняю распоряжение сэра Уильяма Малевевера.

И снова упоминание этого имени оказало немедленное действие.

— Тогда я сам провожу вас, сэр.

Вслед за клерком мы прошли в богато отделанную комнату, из окон которой открывался превосходный вид на реку. Два чиновника, стоя у стола, сосредоточенно считали золотые монеты, складывая их в стопки. Взглянув на крепкую приземистую фигуру одного из них, я сразу узнал мэра, которого видел на улице накануне.

— На сбор денег было потрачено столько усилий, а результат оказался не таким уж впечатляющим, — сердито заметил он. — Наверняка все в городе думают, что у нас здесь золотые горы.

— Хорошо, что нам удалось собрать хоть столько, — заметил второй, облаченный в мантию стряпчего. — По-моему, эта золотая чаша превосходна.

Он был моложе своего собеседника, худое лицо казалось серьезным и озабоченным.

— Да, но монет не хватит, чтобы ее наполнить, — процедил мэр.

Тут он заметил наше появление, и лицо его исказила злобная гримаса.

— Господи боже, Освальдкirk, что вы себе позволяете?

— Господин мэр, эти джентльмены явились сюда по поручению сэра Уильяма Малевевера, — пробормотал клерк, поклонившись почти до земли.

Мэр испустил тяжкий вздох, сделал клерку знак уйти и устремил на меня взгляд своих выпученных глаз.

— Чем я могу служить сэру Уильяму, сэр?

Он с раздражением указал на заваленный золотыми монетами стол.

— Мы с рикордером заняты чрезвычайно важным делом. Готовим дар, который будет преподнесен королю в пятницу.

Я представился и объяснил, что мне поручено расследование гибели стекольщика, которая произошла при неясных обстоятельствах.

— Мне позволено действовать по собственному усмотрению, однако я считаю нужным сообщить о случившемся коронеру Йорка. Возможно, он окажет мне какую-либо помощь, — добавил я с надеждой.

— Я знал Питера Олдройда, — нахмурившись, произнес мэр. — Два года назад он возглавлял гильдию стекольщиков. Разумеется, городские власти примут участие в расследовании.

— Если смерть произошла во владениях короля, расследование находится в ведении королевского коронера, — подал голос второй чиновник. — Уильям Танкерд, рикордер, — представился он, протянув мне руку.

При этом по губам его скользнула улыбка, но взгляд оставался

холодным и настороженным.

— Мэтью Шардлейк, стряпчий из Лондона, — представился я.

— Господи боже, видно, я уже не имею никакой власти в своем городе, — с обидой проворчал мэр.

Он сокрушенно вздохнул и махнул рукой в нашу сторону.

— Уведите отсюда джентльменов, Танкерд. Посторонним не следует находиться рядом с этим золотом. Сообщите им все, что их интересует, и возвращайтесь. Надеюсь, вы не заставите ждать себя слишком долго.

— Вы должны извинить неучтивость мэра Холла, — произнес мировой судья, когда мы оказались за пределами комнаты. — Сейчас у нас столько хлопот, что мэру не до любезностей. С горожанами просто беда. Представьте себе, несмотря на все наши запреты, они по-прежнему выливают помои прямо на улицы и не желают убирать мусорные кучи.

— Мне очень жаль, сэр, что мы отвлекаем вас от дел. Но если вы сообщите, где найти коронера...

— Боюсь, господина Сайкса сегодня нет в городе, — покачал головой мировой судья. — Он уехал в Эйнсти, дабы провести там дознание.

— Но может, вам известно, где жил мастер Олдройд? Необходимо сообщить о несчастье его семье.

— Все городские стекольщики живут на Стоунгейт. Это неподалеку отсюда. Улица начинается за церковью Святой Елены. А Олдройд, если память мне не изменяет, жил сразу за церковным кладбищем.

— Благодарю вас, сэр. Мы безотлагательно отправимся туда.

Рикордер кивнул.

— Будьте осторожны, — предостерег он, метнув в меня внимательный взгляд. — После упразднения монастырей многие стекольщики лишились работы. И они не слишком расположены к жителям южных графств.

Выйдя из ратуши, я увидел на другой стороне площади старинную церковь, украшенную прекрасными витражными окнами. Прохожий подтвердил, что узкая улочка, которая начиналась сразу за церковью, носит название Стоунгейт. С одной ее стороны тянулась ограда церковного кладбища, с другой — ряд высоких домов, верхние этажи которых выступали далеко вперед, закрывая тусклое серое небо. Многие дома были украшены вывесками с изображениями застекленных окон; из мастерских доносились стук и звон. Наконец кладбище кончилось.

— Наш стекольщик жил где-то здесь, — сказал Барак.

Я остановил прохожего, мужчину средних лет с квадратным лицом и темными волосами, выбивавшимися из-под белой шапки, и спросил, не знает ли он, где дом мастера Олдройда.

— А зачем он вам сдался? — осведомился прохожий, смерив меня весьма неприветливым взглядом.

Я заметил, что руки его, как и руки Олдройда, сплошь покрыты мелкими шрамами.

— Мы из аббатства Святой Марии, — сообщил я. — Сожалею, но с мастером Олдройдом произошло несчастье.

— Несчастье? С Питером?

В голосе прохожего послышались тревожные нотки.

— Вы были с ним знакомы, сэр?

— Еще бы нет! Мы ведь состоим в одной гильдии. К тому же мы с Питером старые приятели. Так что с ним случилось, господин законник?

— Он упал с лестницы, когда доставал стекла из церковных окон. Это произошло рано утром. Увы, он мертв.

— Питер упал с лестницы? — нахмурившись, переспросил стекольщик.

— Обстоятельства его смерти не вполне ясны. Королевский коронер уполномочил нас расследовать это дело. Если вы знали покойного, мастер...

— Ральф Дайк. Я стекольщик, как и Питер. Он был славным парнем.

— Возможно, вы не откажетесь рассказать нам о мастере Олдройде. Кстати, у него была семья?

— Нет, — покачал головой стекольщик. — Его жена и трое ребятишек умерли во время чумы тридцать восьмого года, упокой Господи их души. — Он осенил себя крестом. — Так что у Питера был только подмастерье.

«Что ж, по крайней мере, мне не придется сообщать печальное известие несчастной женщине и детям», — с облегчением подумал я.

— Вон он, дом Питера, — сообщил мастер Дайк, махнув рукой. — А я должен идти. Мне нужно сообщить гильдии о смерти Питера.

С этими словами он повернулся и торопливо зашагал по улице.

Дом, на который указал нам мастер Дайк, явно знал лучшие времена. Штукатурка, покрывавшая стены, во многих местах облупилась и потрескалась, входную дверь необходимо было покрасить. Я постучал и, не дождавшись ответа, достал из кармана ключ и вставил его в замок. Тут Барак толкнул меня, указав на окна дома напротив. Там мелькнуло и сразу же исчезло женское лицо. Я распахнул дверь.

Расположением комнат жилище стекольщика напоминало дом стряпчего Ренна, но гостиная с очагом посередине была значительно меньше. В центре почерневшего потолка зияло отверстие для дыма, на решетке очага сохранился пепел. Мебель была добротной, но простой и

бедной, на буфете красовалось несколько оловянных тарелок.

— Эй, есть здесь кто-нибудь? — во весь голос крикнул я.

Ответа не последовало.

— Странно, — заметил Барак. — У него должна быть служанка. И куда запропастился подмастерье?

Я вышел в коридор, где увидел несколько дверей и лестницу, ведущую на второй этаж. Открыв первую дверь, я оказался в кухне. Плита была еще теплой: судя по всему, кто-то занимался стряпней совсем недавно. Но в доме царила полная тишина, нарушаемая лишь звуками, которые долетали с улицы.

Следующая дверь вела в закрытый внутренний двор, где под навесом стоял плавильный горн. У стены были сложены разноцветные оконные стекла, по большей части потрескавшиеся. Воспоминание о залитых кровью острых осколках, невольно пришедшее мне на ум, заставило меня вздрогнуть. Осмотрев стекла, я заметил, что Олдройд отобрал несколько расписных фрагментов, как видно, намереваясь их использовать. На куске грубой ткани были разложены осколки с изображениями птиц, животных и мистических чудовищ. Картин на религиозные сюжеты среди них не оказалось.

— Помните, он говорил нам, что пустит в дело витражи, вынутые из церковных окон? — произнес Барак, стоявший у меня за спиной.

Я нагнулся, чтобы получше рассмотреть расписные стекла. Некоторые из них были очень красивы и, судя по всему, сделаны несколько столетий назад.

«Вряд ли Олдройд разжился ими в аббатстве Святой Марии», — отметил я про себя.

Барак приблизился к горну. Рядом стояла большая рама, наполненная осколками витражного окна, некогда изображавшего монахов на молитве. Вне всякого сомнения, стекла предназначались для переплавки.

— Холодный, — сообщил Барак, дотронувшись до горна.

— Давайте посмотрим, что наверху, — предложил я.

Мы поднялись по лестнице и оказались в тесном коридорчике, в который выходили две двери. Одна из них вела в спальню, всю обстановку которой составляли низкая кровать с соломенным тюфяком и открытый сундук, в котором хранилась одежда.

— Похоже, это комната подмастерья, — предположил я, взглянув на лежавший сверху поношенный голубой плащ.

— Отдельная комната — не слишком ли большая роскошь для ученика стекольщика? — усмехнулся Барак.

— Дом был слишком велик для бедняги Олдройда, — пояснил я. — Ведь он лишился семьи во время чумного мора.

Следующая дверь вела в комнату хозяина. Стены здесь были обиты тканью в зеленую и желтую полоску, на кровати лежала хорошая перина. Открыв один из двух добротных резных сундуков, я обнаружил аккуратно сложенную одежду.

— Любопытно, где он хранил документы? — пробормотал я.

Внезапно Барак схватил меня за руку повыше локтя и прижал палец к губам, призывая к молчанию.

— На лестнице кто-то есть, — едва слышно прошептал он. — Я слышал скрип половиц.

Сделав мне знак не двигаться, он беззвучно подкрался к двери, замер на несколько мгновений и рывком распахнул ее. Раздался истошный вопль, и в следующее мгновение Барак втащил в комнату упитанного рыжеволосого подростка лет шестнадцати.

— Этот парень подслушивал у замочной скважины, — сообщил Барак, державший свою добычу за шиворот. — А когда я схватил его, наглый хорек попытался меня укусить.

Барак выпустил мальчишку, при этом дав ему такую затрещину, что тот кубарем полетел к противоположной стене. Забившись в угол, мальчуган переводил испуганный взгляд с меня на Барака.

— Ты подмастерье мастера Олдройда? — спросил я.

— Да, сэр, — выдохнул наш пленник.

— Мы — чиновники короля, — изрек я.

Это известие так поразило мальчишку, что глаза его едва не вылезли из орбит.

— Мы прибыли сюда из аббатства Святой Марии. Как тебя зовут?

— П-Пол Грин, сэр, — с запинкой пробормотал подмастерье.

— Ты живешь здесь?

— Да, сэр, вместе с мастером Олдройдом.

— Давно ты поступил в ученики к мастеру Олдройду? — осведомился я более мягким тоном.

— Два года назад. Мне тогда как раз стукнуло четырнадцать. Сэр, я не сделал ничего дурного, — заныл Пол Грин, переведа дух. — Я ходил в лавку купить угля. А вернувшись, услышал голоса в комнате мастера Олдройда.

Мальчишка скользнул взглядом по одной из стен и тут же отвел глаза.

— Я и подумал, что в дом забрались грабители.

— У мастера Олдройда есть слуги? — продолжал я свои расспросы.

— Только кухарка, сэр. Она пошла на базар купить хозяину на ужин курицу или утку. Сейчас в городе днем с огнем ничего не достанешь, всю снедь свезли в аббатство, кормить королевскую свиту. Хозяин приказал мне разжечь горн и переплавить стекла, на которых нарисованы монахи. Да только весь уголь у нас вышел, вот мне и пришлось сходить в лавку.

Подмастерье смолк, не сводя с меня умоляющего взгляда.

— Боюсь, Грин, мы принесли тебе скверную новость, — мягко произнес я. — Твой хозяин погиб. Сегодня утром он упал с лестницы и разбился насмерть.

Румянец сполз с круглых щек мальчугана. Он тяжело опустился на кровать.

— Мастер Олдройд был добр к тебе?

— Да, — прошептал Грин. — Очень добр. Бедный хозяин.

Он осенил себя крестом.

— Королевский коронер поручил нам расследовать обстоятельства смерти мастера Олдройда.

— Вы же сказали, он сам упал с лестницы? — подозрительно прищурившись, пробормотал мальчуган.

— Пока мы в этом не уверены. Надеюсь, ты поможешь нам кое-что выяснить, — произнес я, вперив в Грина пронзительный взгляд. — У твоего хозяина были враги? Ему случалось с кем-нибудь ссориться?

— Нет, сэр.

Однако я заметил, что голос его прозвучал не слишком уверенно, а взгляд снова скользнул по той же самой стене. Спohватившись, он с нарочитым безразличием уставился в пол.

— Ну а друзья и родственники у твоего хозяина были? Тебе известны их имена?

— Все его друзья были стекольщиками и состояли с ним в одной гильдии. А родных у него не осталось, сэр. Все померли во время чумы. Прежний его подмастерье тоже помер, и он взял меня на его место.

— Значит, никто не желал твоему хозяину смерти?

— Ни одна живая душа, сэр.

И вновь слова эти прозвучали отнюдь не так уверенно, как того хотелось бы мальчугану.

— Ты говоришь правду?

— Бог свидетель, сэр, чистую правду. Лопни мои глаза, если...

Но прежде чем Грин успел завершить свою тираду, кто-то постучал в переднюю дверь. Вернее сказать, то был не стук, а оглушительный грохот. Все мы невольно вздрогнули, а мальчуган испустил сдавленный вскрик.

Потом в доме раздалось топание множества ног. Судя по тяжелым шагам, несколько человек осматривали двор и комнаты первого этажа, в то время как другие поднялись по лестнице. Барак отскочил от двери за мгновение до того, как она распахнулась настежь, пропустив двух солдат в мундирах королевских цветов. Оба держали наготове обнаженные мечи. Барак вскинул руки в знак того, что не собирается оказывать сопротивление. Подмастерье тихонько стонал от ужаса. Один из солдат окинул нас взглядом, и по губам его скользнула хищная улыбка.

— Эй, вы! Не двигаться с места, а то хуже будет! — угрожающе процедил он и, повернувшись, крикнул в открытую дверь: — Сэр! Здесь, в спальне, трое злоумышленников.

— Что вы себе позволяете? — обрел я наконец дар речи. — К вашему сведению, мы...

— Заткнись! — перебил меня солдат и вновь растянул губы в зловещей улыбке. — К твоему сведению, ты влип в дерьмо по самые уши.

Несколько мгновений спустя в комнату вошел сэр Уильям Малеверер.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вельможа поочередно смерил надменным взглядом меня, Барака и оцепеневшего от страха мальчугана.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Согласно вашему распоряжению, сэра Уильяма, мы расследовали обстоятельства смерти стекольщика, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно тверже. — Мы явились к нему домой и как раз расспрашивали подмастерье, когда...

— Понятно, — перебил меня Малеверер.

К немалому своему удивлению, я обнаружил, что он, казалось, совершенно забыл о собственном приказе.

— А почему вы допрашивали его в спальне?

— Мы поймали его, когда он подслушивал у дверей, — пояснил Барак, указав на трясущегося Грина.

Малеверер схватил юнца за ухо, заставив его встать с кровати. Несколько мгновений вельможа пытался испепелить мальчишку взглядом, затем повернулся ко мне.

— Ну и что же вам удалось вытянуть из этого недоумка?

— Он утверждает, что у мастера Олдройда не было врагов.

— Вот как? — процедил Малеверер, снова поворачиваясь к юному Грину. — Так ты, значит, был в курсе всех дел своего хозяина? Видно, частенько подслушивал у дверей. И о чем же Олдройд говорил со своими гостями?

— Только о делах гильдии, сэра, и ни о чем другом.

Малеверер пробормотал что-то нечленораздельное и выпустил покрасневшее ухо юнца.

— Я говорил с герцогом Суффолком, — сообщил он. — И он приказал мне лично заняться расследованием. Похоже, Олдройд был изрядным мошенником. Необходимо вывести его на чистую воду.

— Что вы, сэра, — осмелился возразить подмастерье. — Хозяин никогда...

Оплеуха, которую с размаху влепил ему Малеверер, заставила мальчугана замолчать. Кольцо с камнем, украшавшее толстый палец чиновника, рассекло щеку Грина, и он рухнул на кровать, заливаясь кровью.

— Придется забрать этого визгливого поросенка в аббатство Святой

Марии и там допросить его с пристрастием, — обратился ко мне сэр Уильям. — В доме были еще слуги?

— Да, кухарка. По словам мальчика, она ушла за покупками.

— Ее тоже необходимо допросить.

Сэр Уильям повернулся к ближайшему солдату:

— Возьми еще двоих и отведите этого шельмеца в аббатство. А остальные пусть обыщут дом.

Солдат схватил Пола Грина за руку. Тот, заливаясь слезами, выплюнул на руку окровавленный зуб. Солдат потащил мальчугана к дверям.

— А ты что, прирос к полу? — набросился на второго солдата сэр Уильям. — Спускайся вниз и прикажи своим бездельникам приниматься за обыск.

— А что мы должны искать, сэр Уильям?

— Узнаю, когда увижу это собственными глазами, — бросил Малеверер.

Когда солдат вышел из комнаты, сэр Уильям сверкнул глазами в мою сторону.

— Это дело более не имеет к вам никакого касательства, — заявил он. — В ваших интересах немедленно о нем забыть. Уяснили?

— Да, но...

— Это дело не имеет к вам никакого касательства, — повторил Малеверер. — Забудьте о том, что произошло нынешним утром. О том, что Олдройд говорил о короле и каком-то... — Малеверер понизил голос, — Блейбурне. Упаси вас бог упомянуть об этом хоть словом. Надеюсь, до сих пор вы никому об этом не выболтали?

— Нет, сэр Уильям.

— Тем лучше для нас. А теперь убирайтесь отсюда оба. Занимайтесь тем, ради чего вы сюда приехали и...

Шум, долетевший с улицы, заставил Малеверера замолчать и подойти к окну. Два солдата тащили несчастного Грина, которому от ужаса отказали ноги. Повиснув на руках солдат, парнишка умолял отпустить его. Двери всех ближайших домов распахнулись, оттуда показались жители, по большей части женщины. Недовольный ропот нарастал с каждой минутой.

— Что вы творите, каналы! — раздался чей-то возмущенный голос.

— Убирайтесь к себе на юг, грязные псы! — вторил ему другой.

Малеверер поджал губы.

— Богом клянусь, я отправлю весь этот сброд за решетку, — заявил он и вихрем вылетел из комнаты.

Несколько мгновений спустя я услышал, как он напустился на толпу.

— Ну-ка, пошли прочь! Иначе кнут прогуляется по вашим спинам.

— Думаю, нам лучше уносить отсюда ноги, — потянул меня за рукав Барак. — Давайте выйдем через заднюю дверь.

Я замешкался, глядя на кусок стены, столь занимавший Грина, однако счел за благо последовать совету Барака и вышел на лестницу. Двое солдат охраняли заднюю калитку. Я объяснил им, что мы были здесь по служебной надобности. Бдительные стражи не желали выпускать нас до тех пор, пока я не предъявил им свои бумаги. Наконец мы оказались в узком переулке и торопливо зашагали к ратуше. Происшествие в доме стекольщика вывело из равновесия нас обоих.

— После такой встряски было бы неплохо позавтракать, — нарушил молчание Барак. — А то у меня кишки скрутило от голода.

— Да, я тоже не прочь перекусить, — кивнул я, внезапно осознав, что тоже голоден.

Удивляться этому не приходилось: с утра у нас маковой росинки во рту не было. Войдя в первую же харчевню, которая попалась по пути, мы заказали хлеб и похлебку и уселись за свободный стол.

— Как вы думаете, почему вокруг смерти стекольщика вдруг поднялась такая суматоха? — шепотом, чтобы не услышали соседи, осведомился Барак.

— Не имею понятия.

— И с чего это герцог Суффолк заинтересовался простым ремесленником? Он ведь отвечает за организацию королевского путешествия.

— Верно. Герцог — один из первых людей в государстве, приближенный короля.

— И на что ему сдался бедняга Олдройд? Если бы стекольщика посмертно уличили в краже стекла, никому бы и в голову не пришло посылать к нему домой роту солдат. Все эти разговоры о его мошенничестве — суцая чепуха.

— Да уж, — кивнул я. — Увидев нас, Малеверер просто не дал себе труда придумать какое-нибудь убедительное объяснение. Полагаю, здесь не обошлось без политики, — добавил я, понизив голос.

— Вы считаете, стекольщик принимал участие в заговоре? — прошептал Барак. — Все может быть. Похоже, он был папистом. По крайней мере, стекло с изображениями святых ему явно было жаль.

Это предположение я оставил без ответа и заметил, нахмурившись:

— Одному богу известно, какая участь ожидает несчастного мальчика.

— Да, малец здорово влип, — кивнул Барак. — Думаю, они многое

сумеют из него вытянуть. Подмастерья вечно подслушивают и подглядывают, а развязать им язык не составляет труда.

— Лорду Кромвелю, несомненно, были известны надежные способы развязывать языки.

— А как же иначе, — пожал плечами Барак. — Если этот парень не полный болван, он быстренько выложит им все, что ему известно.

— А ему кое-что известно, в этом можно не сомневаться, — задумчиво произнес я. — Он постоянно поглядывал на одно и то же место на стене. Наверняка там под драпировкой что-то спрятано.

— А я и не заметил, что малец куда-то там смотрел, — признался Барак.

— Я собирался рассказать об этом Малеввереру, но он так орал, что у меня все вылетело из головы.

— Может, нам следует вернуться и рассказать ему?

— Вы же видели, как он хотел от нас избавиться, — покачал я головой. — Сейчас нам явно ни к чему докучать ему своим присутствием. Я поговорю с ним позднее.

— Так или иначе, мы избавились от этого дела. И, признаюсь, я ничуть об этом не сожалею.

— Я тоже. Но... Откровенно говоря, мне было бы любопытно узнать, что за тайна здесь скрывается, — сказал я, немного замешкавшись. — Взгляд умирающего Олдройда я не забуду до конца своих дней. В нем было столько отчаяния. И эти слова о короле, королеве и некоем Блейбурне. Уверен, все это очень важно.

— Похоже на то.

— Я полагаю, Малевверер передал предсмертные слова стекольщика герцогу Суффолку. А тому они отнюдь не показались пустым бредом. Герцогу известны государственные секреты, в которые не посвящен Малевверер.

— А старина Малевверер сразу вас раскусил. Помните, он заявил, что вы обожаете тайны и загадки? — усмехнулся Барак. — Того и гляди, вы наплюете на все его запреты и проведете собственное расследование.

— В этом вы ошибаетесь. У меня достаточно своих дел, и я не намерен взваливать на себя чужие, — отрезал я, отодвигая пустую миску. — Нам пора, Барак. Сегодня мне предстоит встреча с еще одним любезным и обходительным джентльменом — господином Редвинтером. Надо быстрее с этим покончить и отправляться к Ренну.

Передвигаться по узким многолюдным улицам пешком оказалось куда проще и удобнее, чем на лошадях. В каких-нибудь полчаса мы пересекли город. Размерами Йорк значительно уступал Лондону, и понемногу мы

начали ориентироваться в этом городе. Когда мы оказались около замка, вновь пошел дождь, точнее, в воздухе повисла густая мелкая морось, насквозь пропитавшая нашу одежду. Ноги скользили по грязи и опавшим листьям, покрывавшим внутренний двор. Взгляд мой невольно устремился вверх, на скелет Роберта Эска.

— Вы бы поостереглись так долго глазеть на этого бедолагу, — с ухмылкой заметил Барак. — Подобное зрелище вредит пищеварению.

— А Бродерик, напротив, советовал мне смотреть на него как можно чаще. По его мнению, это зрелище может послужить мне хорошим уроком, ибо Эск тоже был законником.

Я перевел взгляд на башню, пытаюсь отыскать крошечное оконце камеры Бродерика.

— Что ж, я пойду, а вы подождите во дворе.

— Может, на этот раз все же возьмете меня с собой?

— В этом нет надобности, — улыбнулся я. — Понимаю, вас томит любопытство. На вашем месте я тоже не желал бы торчать во дворе. Впрочем, вы можете погреться в комнате караульных. А мне необходимо поговорить с Редвинтером с глазу на глаз. Если я приведу с собой помощника, он воспримет это как проявление слабости.

Барак понимающе кивнул. Вместе мы отправились в помещение караульных. Тот же самый солдат, что встретил нас вчера, разрешил Бараку посидеть у огня, а меня проводил в башню и отпер дверь.

— Вы подниметесь сами, сэр? — осведомился он.

— Да, разумеется.

Я вошел, дверь за мной закрылась, и солдат повернул ключ в замке. Я начал подниматься по каменным ступенькам. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь мерным капаньем воды. Как видно, Редвинтер и Бродерик являются единственными обитателями башни, догадался я. Все опасения, связанные с побегом заключенного, явно не имели под собой ни малейших оснований. От свободы Бродерика отделяло множество запертых дверей, неприступных стен и рвов. К тому же солдаты, служившие в замке, хорошо знали свое дело.

Оказавшись перед дверью в кабинет Редвинтера, я немного помедлил, дабы отдышаться. Мне вовсе не хотелось, чтобы он счел меня немоцным. Но, по всей видимости, слух у тюремщика был острым, как у кошки, ибо несколько мгновений спустя железная дверь с лязгом распахнулась. На пороге стоял Редвинтер с мечом в руках, и суровое выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Увидев меня, он расхохотался.

— Так это вы, господин Шардлейк!

Я вспыхнул, ожидая, что он отпустит в мой адрес какое-нибудь язвительное замечание. Однако он счел за благо воздержаться от колкостей и сделал знак войти.

— Признаюсь, вы меня напугали, — сообщил Редвинтер. — Я услышал шаги на лестнице и решил, что это злоумышленник.

Он сунул меч в ножны.

— Вижу, сэра, вы изрядно промокли. Обсушитесь у огня.

Я с готовностью принял это предложение и подошел к очагу, горевшему посередине комнаты.

— В этом году на бедную Англию обрушился настоящий потоп, правда? — самым что ни на есть дружелюбным тоном заметил Редвинтер и пригладил волосы, которые ничуть в этом не нуждались. — Нам остается лишь надеяться, что к пятнице погода наладится. Впрочем, климат в Йорке на редкость переменчивый, так что ничего нельзя предсказать с уверенностью.

— Да, будем надеяться, что дождь не испортит торжества, — проронил я, про себя пытаюсь понять, что послужило причиной столь резкой перемены в обращении.

— Вы не откажетесь от стакана вина? — спросил Редвинтер.

После недолгого колебания я ответил согласием. Он передал мне бокал.

— Сегодня у сэра Эдварда был лекарь, который смазал мазью все его ожоги. Для того, что гноится, он оставил примочки. Завтра он зайдет опять.

— Превосходно.

— Боюсь, вчера я вел себя не лучшим образом. Приношу свои извинения. Вы сами понимаете, целыми днями я сижу в этой башне один как перст. Заключение и невежды-охранники составляют все мое общество. От постоянного одиночества поневоле впадешь в черную меланхолию.

На губах тюремщика играла любезная до приторности улыбка, однако в глазах по-прежнему сквозил холодок.

— Забудем о том, что было вчера, — мягко сказал я.

Мысленно я поздравил себя с победой: Редвинтер снизошел до того, что попросил у меня извинения, и, как я надеялся, более не собирался оспаривать мои полномочия. Тюремщик кивнул, приблизился к окну и сделал мне знак подойти. Сквозь усеянное брызгами дождя стекло я увидел широкую реку, вдоль которой тянулись дома, городскую стену, а за ней — широкую плоскую равнину, кое-где поросшую лесом.

— Это Валмгейт, — пояснил Редвинтер, указывая на дорогу, ведущую в город. — Король прибудет именно этим путем.

— Трудно представить, как столь многолюдная процессия пересечет весь город. Ведь аббатство Святой Марии расположено на противоположном конце Йорка.

— Ничего, я полагаю, все устроится наилучшим образом, — пожал плечами Редвинтер. — Короли путешествуют с незапамятных времен, и ни один из них не обходился без пышной свиты. Хотя, конечно, история не припомнит столь длительного королевского вояжа. Поглядите, вон Фулфорд-Кросс, — добавил он, указывая на горизонт. — Он указывает границы Йорка. Именно там отцы города намерены встретить его величество.

— Я буду среди встречающих.

— В самом деле? — спросил Редвинтер, резко поворачиваясь ко мне.

— Мне поручено разбирать прошения, поданные на имя короля. Именно поэтому я буду участвовать в торжественной церемонии встречи.

— Вы говорите так, словно речь идет о некоей тягостной обязанности.

— Признаюсь, я не могу думать о предстоящей церемонии без трепета, — после недолгого молчания заметил я.

— Знаете, а мне ведь уже доводилось видеть короля, — с гордостью сообщил Редвинтер.

— И когда же это произошло?

— Помните суд над Джоном Ламбертом, что состоялся года три назад?

Я слишком хорошо помнил этот суд. Король, верховный глава церкви, обвинил в ереси Ламберта, одного из самых ярких реформаторов. То был первый признак грядущего замедления процесса реформ.

— Да, — коротко ответил я. — Ламберт был сожжен на костре.

— И вне сомнения, еретик получил по заслугам. Ламберт содержался в башне Лоллард и находился на моем попечении. Именно я сопровождал его в суд. Король в тот день был великолепен, — произнес он, и приятное воспоминание заставило его расплыться в улыбке. — Просто великолепен. С ног до головы одет в белое, ведь белый — цвет чистоты. Когда Ламберт дерзнул оскорбить слух его величества своими кощунственными толкованиями Священного Писания, король так прикрикнул на него, что тот в мгновение ока превратился в скулящую собаку. Потом я имел удовольствие присутствовать на казни Ламберта. Орал он на редкость громко, — с ухмылкой произнес Редвинтер и устремил на меня пронзительный взгляд.

Вне всякого сомнения, он догадался, что разговор этот чрезвычайно мне неприятен, и теперь испытывал мое терпение. Увы, мои надежды на то, что тюремщик прекратит свои происки, не оправдались. Мне оставалось лишь

хранить молчание.

— Уверен, здесь, в Йорке, король предстанет во всем блеске своего величия, — продолжал Редвинтер. — Он поступил чрезвычайно мудро, заставив местных дворян вновь принести ему клятву верности. Тем самым он дает им понять, что прощает их прежние прегрешения. Однако же, если клятва вновь будет нарушена, виновным не стоит уповать на королевское снисхождение. Иными словами, король ведет политику кнута и пряника, самую подходящую для здешнего сброда. Насколько я понял, вас привели в Йорк не только заботы о благополучии Бродерика, — неожиданно завершил он свою тираду.

— Да, прежде всего архиепископ предложил мне заняться разбором прошений, — кивнул я. — И лишь после того, как я ответил согласием, он дал мне второе поручение.

— Наш архиепископ хитер, как лиса, — со смехом заметил Редвинтер. — Впрочем, он имеет обыкновение щедро платить за услуги.

— Я вполне доволен предложенным вознаграждением, — в некотором замешательстве ответил я.

— Полагаю, у вас достаточно средств, чтобы купить новую мантию. Тем более вам выпала честь предстать пред взором короля. Не знаю, известно ли вам, что ваша мантия разорвана.

— У меня есть другая, — успокоил я Редвинтера. — А эту я разорвал не далее как сегодня утром. В повозке стекольщика.

— Вот как? Странное происшествие.

— Более чем странное, — кивнул я и рассказал ему о том, как обнаружил труп стекольщика.

Разумеется, при этом я умолчал о секретных подробностях этой темной истории. Губы тюремщика вновь тронула улыбка.

— Ну, тут, похоже, законникам делать нечего, — изрек он. — В смерти этого малого виноват только он сам. Полагаю, вы хотите увидеть сэра Эдварда? — спросил он после недолгого молчания.

— Да, будьте любезны, проводите меня к нему.

Мы вышли на лестницу, и Редвинтер, как и в прошлый раз, без всяких усилий взлетел по ступенькам. Я следовал за ним; в голове звучал недавний его рассказ о суде над Ламбертом и о сожжении осужденного. На память пришло, что архиепископ говорил о Редвинтере как о человеке глубокой и искренней веры. По всей видимости, это означало, что он неколебимо уверен в праве короля, верховного главы церкви, оставлять за собой последнее слово в решении всех религиозных вопросов. Несомненно, человеку подобных убеждений сожжение еретика представляется отрядным

фактом. Тем не менее насмешливый тон, которым он сообщил о последних минутах казненного, немало меня покорило.

«Что, если его религиозный пыл служит лишь прикрытием жестокости?» — спрашивал я себя.

Меж тем Редвинтер достал из кармана ключ и повернул его в дверях камеры.

Сэр Эдвард лежал на своем грязном тюфяке. Согласно моему приказу, гнилые циновки заменили на новые, и воздух в камере стал несколько свежее. Ворот рубашки узника был широко распахнут, и я заметил, что ожоги смазаны какой-то мазью. Сэр Эдвард так исхудал, что сквозь мертвенно-белую кожу проглядывали ребра. Взгляд, которым он меня встретил, отнюдь не отличался дружелюбием.

— Как вы себя чувствуете, сэр Эдвард? — осведомился я.

— Лекарь смазал мои ожоги какой-то гадостью, от которой они болят еще сильнее.

— Жжение — признак того, что снадобье оказывает должное действие, — произнес я и повернулся к тюремщику: — Мастер Редвинтер, заключенный сильно истощен. Надеюсь, он получает достаточно пищи?

— Ему приносят похлебку из кухни замка. Ту, что едят стражники. Хотя, конечно, нельзя сказать, что его кормят до отвала. Ослабевший узник доставляет меньше хлопот. Вы сами видели, вчера он набросился на меня, как тигр.

— Я вижу также, что он закован тяжелыми цепями. К тому же он нездоров. А когда человек болен, недостаток пищи для него особенно губителен.

— Может, прикажете кормить его запеченными дроздами? — спросил Редвинтер, и в глазах у него мелькнули злобные огоньки. — Или лучше подать ему блюдо пирожных?

— Это совершенно ни к чему, — отрезал я. — Будет вполне достаточно, если его будут кормить в точности так же, как стражников. Сделайте милость, проследите за этим.

Редвинтер в ответ лишь поджал губы.

— Вижу, сэр, вы на редкость сметливы, — с хриплым смехом заявил Бродерик. — Сразу сообразили, я слишком слаб, чтобы везти меня в Лондон. Быстро отдам богу душу и тем самым лишу искусных палачей возможности показать свое мастерство.

— Будьте покойны, господин Бродерик, лондонские мастера не позволят вам умереть слишком быстро, — вкрадчиво заметил Редвинтер. — Прежде чем приступить к работе, они осмотрят вас самым

тщательным образом. Они так поднаторели в своем ремесле, что без труда определяют, как заставить человека говорить, не лишая его при этом жизни и сознания. А если их клиент слаб, язык у него развязывается быстрее.

Он с улыбкой повернулся ко мне.

— Сами видите, господин Шардлейк, вы оказываете нашему подопечному скверную услугу, приказывая улучшить его стол. За каждый лишний кусок ему придется расплачиваться лишними страданиями.

— Тем не менее прикажите кормить его так, как кормят ваших солдат, — повторил я непререкаемым тоном.

— Я так голоден, что не откажусь от лишнего куска, — заявил Бродерик. — Несмотря на то, что мне придется платить за него лишними страданиями.

Узник метнул на меня взгляд, исполненный боли и презрения.

— Вас, наверное, удивляет, с каким отчаянием человек цепляется за жизнь, господин законник. Даже если конец неизбежен, мы боремся за каждый лишний день.

Он повернул голову, устремив глаза к зарешеченному окну.

— Пока Роберт был жив, я подходил к окну каждый день, хотя смотреть на него было для меня сущим мучением. Но я хотел, чтобы он видел перед собой истинного друга, исполненного сострадания. Всякий раз я надеялся, что несчастный умер, но он был жив, качался на своих цепях и слабо стонал. Он цеплялся за жизнь, хотя в этом не было ни малейшего смысла.

— Легкая смерть — удел тех, кто чист душой и невинен, — назидательно изрек Редвинтер. — Я выполню ваше распоряжение, господин Шардлейк, и прикажу, чтобы заключенного кормили лучше. У вас есть еще какие-нибудь пожелания?

Я взглянул на Бродерика, который, повернувшись на спину, сосредоточенно уставился в потолок. В камере повисло молчание, нарушаемое лишь мерным шелестом дождевых струй за окном.

— На сегодня — все, — покачал я головой. — Я зайду опять, возможно, даже завтра.

Редвинтер выпустил меня из камеры и вновь запер дверь. Я понимал, что своим распоряжением вызвал его недовольство, однако испепеляющий взгляд, которым он полоснул по моему лицу, явился для меня неожиданностью. Лицо тюремщика побагровело от ярости, губы судорожно кривились. Ненависть, полыхавшая в его глазах, без остатка растопила льдинки. Как ни странно, это обстоятельство почти обрадовало меня.

— Вы подрываете мою власть на глазах этого негодяя, сэр, — процедил

он дрожащим от бешенства голосом. — Если вы решили его откормить, вы могли сказать мне об этом с глазу на глаз. Но вы сочли нужным опровергать мои приказы в его присутствии.

— Я прибыл сюда, дабы заботиться о здоровье заключенного, — произнес я, глядя прямо в глаза Редвинтеру. — И хочу, чтобы он это понял.

— Я уже говорил: вы не представляете, с каким опасным преступником имеете дело. Вскоре вам придется пожалеть о своей снисходительности.

— Архиепископ приказал мне заботиться о здоровье узника, и я намерен следовать его наставлениям, — раздельно произнес я. — Что до вас, сэр, то, боюсь, ваши суждения весьма предвзяты. И дело тут вовсе не в излишнем усердии, о котором говорил архиепископ. Я уже успел понять, что жестокость доставляет вам удовольствие.

Редвинтер вновь попытался испепелить меня взглядом, однако гнев придал мне решимости.

— Не думайте, что вам удастся безнаказанно потакать своим порочным пристрастиям, — заявил я. — По прибытии в Лондон я непременно сообщу архиепископу о том, какова подоплека вашего служебного рвения.

Совершенно неожиданно Редвинтер ответил на мое заявление издевательским смехом, который гулко разнесся под сводами башни.

— А вы что, думаете, архиепископ пребывает в заблуждении на мой счет? — спросил он, отсмеявшись. — Уверяю вас, сэр, нрав мой прекрасно ему известен. Но он понимает — именно такие люди, как я, необходимы Англии. Только они способны защитить ее от еретиков. Мы служим справедливому, но суровому Богу, — отчеканил он, приблизившись ко мне вплотную. — Помните об этом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Выйдя из замка, мы с Баракком направились в соборный квартал. Мастер Ренн, без сомнения, давно уже ждал нас, так что мы старались шагать как можно быстрее.

— Может, мне сходить в аббатство и встретиться с Малеверером? — предложил Барак. — Сообщить ему о том, что в стене дома стекольщика, скорее всего, есть какой-то тайник, на который украдкой поглядывал мальчишка?

— Не стоит, — поколебавшись, решил я. — Ваша помощь понадобится мне при разборе прошений. Ведь к завтрашнему утру мы должны подготовить документ, излагающий их содержание. Как только освободимся, немедленно отправимся в аббатство и поговорим с Малеверером. Впрочем, думаю, что к этому времени они сумеют вытянуть из злополучного подмастерья все, что ему известно.

Оказавшись у ворот, я вновь предъявил свои бумаги караульному, и нас пропустили внутрь.

Когда мы вошли в соборный квартал, первый за весь день солнечный луч пробился сквозь густую завесу туч, заиграв в разноцветных окнах огромного собора.

— Любопытно, почему в соборе сохранились витражные окна? — спросил Барак. — Ведь во всех монастырях такие окна уничтожены. А изображения святых и апостолов сочтены идолопоклонничеством.

— Среди реформаторов было немало таких, кто настаивал на повсеместной замене витражных стекол на простые, — пояснил я. — Но король ограничился монастырями. До поры до времени.

— Не вижу смысла в подобном ограничении.

— Это всего лишь определенный компромисс со сторонниками традиций. К тому же вам пора уяснить, что политика и здравый смысл зачастую несовместимы друг с другом.

— С этим я вполне согласен, — усмехнулся Барак.

Дряхлая экономка мастера Ренна, открывшая нам двери дома, выглядела столь же неприветливо, как и во время первого нашего визита. Старый законник сидел в гостиной, погруженный в чтение. В очаге весело горел огонь. Оглядев комнату, я заметил явные следы попыток привести ее в порядок. Книги были аккуратно сложены, желтые и зеленые плитки, покрывавшие пол, сверкали чистотой. Сокол по-прежнему восседал на

жердочке; колокольчик, привязанный к его лапе, тихонько звякнул, когда он повернулся и уставился на нас своим глазом-бусинкой. На столе, поверх великолепной скатерти, вытканной белыми розами, высились три огромные кипы бумаг. Завидев нас, мастер Ренн поднялся и отложил книгу.

— Приветствую вас, брат Шардлейк. Хорошо, что вы привели с собой молодого Барака.

— Простите, что мы так поздно, — виновато улыбнулся я. — Вы получили мою записку?

— Да. Насколько я понял, вас задержало какое-то неотложное дело?

Мне вновь пришлось рассказать историю о стекольщике, упавшем с лестницы, умолчав о событиях, которые последовали за ней. Ренн, выслушав меня, задумчиво сдвинул брови.

— Так Питер Олдройд погиб, — произнес он. — Я хорошо его знал. В течение года он возглавлял гильдию стекольщиков и не раз обращался ко мне за содействием в разрешении вопросов, связанных с законом. То был человек, достойный всяческого уважения. Он обладал спокойным и уравновешенным нравом, хотя и испытал немало несчастий. Во время чумного поветрия тридцать восьмого года он потерял всю свою семью.

Ренн помолчал несколько мгновений и заметил, указав глазами на лежавшую на столе книгу:

— Когда вы вошли, я как раз читал историю Ричарда Третьего, написанную сэром Томасом Мором. Этот автор обладал на редкость беспощадным умом.

— Да, он отнюдь не отличался благодушием, которое ему стали приписывать после его кончины. Теперь некоторые люди, вспоминая о нем, окружают его ореолом святости.

— Но по части выразительности слога он не знал себе равных. Вот что он пишет по поводу войны Алой и Белой розы: «Войны, как и сценические представления, относились к числу излюбленных забав королей. Впрочем, всем подмосткам на свете они предпочитают эшафоты».

— С этим трудно не согласиться. Хотя драмы, которые короли разыгрывают на кровавых полях битвы, отличаются большей грандиозностью.

— Вам тоже не занимать красноречия, — улыбнулся Ренн. — Но садитесь, прошу вас. Прежде чем мы приступим к работе, вы с молодым Бараксом должны выпить по стаканчику вина. Вид у вас обоих утомленный.

— Да, нынешнее утро принесло нам немало хлопот.

Усевшись за стол, я скользнул взглядом по груде книг, возвышавшейся поблизости.

— Вы, я вижу, обладаете богатым книжным собранием, сэр. Вне всякого сомнения, здесь множество редких экземпляров.

— Да, я храню у себя много старых книг из монастырских библиотек. Трудов по теологии среди них нет — если бы я попытался ими завладеть, это навлекло бы на меня ненужные подозрения со стороны Совета северных графств. Но некоторые редкие сочинения по истории и философии мне удалось спасти от уничтожения. Книги эти ценны не только своим содержанием, но и своей красотой. А я, знаете ли, равнодушен к красивым старинным вещам. Собирал их всю свою жизнь.

— Достойное увлечение, сэр. Разумеется, монастыри следовало уничтожить, и все же нельзя не пожалеть, что в огне погибло столько редких книг и произведений искусства. Я своими глазами видел, как конюхи обтирали лошадей бесценными страницами, с великим тщанием созданными монахами-переписчиками столетия назад.

— Рад убедиться, брат, что мы придерживаемся сходных воззрений, — кивнул Ренн. — В последние три года в Йорке было уничтожено несколько монастырских библиотек. Монастырь Святого Клементя, Святой Троицы и самый большой — Святой Марии — все они были распущены. Сокровища знания, которые там хранились, постигла печальная участь. Мне удалось спасти лишь малую их часть. Однако наверху у меня есть неплохая библиотека, — добавил он с улыбкой. — Этой весной в Йорк приезжал антиквар Джон Лиланд. Мое собрание произвело на него сильное впечатление. Полагаю, оно даже возбудило в нем некоторую зависть.

— Надеюсь, со временем я тоже буду иметь удовольствие ознакомиться с вашей библиотекой.

— Разумеется, — улыбнулся Ренн и склонил свою львиную голову. — Но, к сожалению, сегодня нас ожидают куда менее интересные сочинения. Вот они, прошения, поданные на имя короля, — кивнул он на заваленный бумагами стол. — Кстати, брат Шардлейк, к какой корпорации вы принадлежите?

— К Линкольнс-Инн. Дом мой расположен прямо на Канцлер-лейн, что весьма удобно.

— А я изучал закон в Грейс-Инне. Но это было давно, очень давно. Можете себе представить, я приехал в Лондон в тысяча четыреста восемьдесят шестом году. Отец нынешнего короля еще не взошел тогда на престол.

«Пятьдесят пять лет назад ему было около семнадцати лет, значит, сейчас семьдесят два», — быстро подсчитал я в уме.

— Но, окончив обучение, вы вернулись в Йорк, дабы заняться

практикой?

— Да, на юге я так и не смог прижиться, — кивнул Ренн. — В Грейс-Инне практикует мой племянник, сын сестры моей покойной жены, — сообщил он после недолгого молчания. — Он, в отличие от меня, решил остаться в Лондоне. Возможно, вы о нем слышали. Зовут его Мартин Дейкин. Он примерно ваших лет, может, немного старше. Слегка за сорок.

— Нет, я никогда о нем не слышал. Но в этом нет ничего удивительного. В Лондоне пропасть стряпчих.

— В семье нашей вспыхнула ссора, после которой я, увы, потерял с племянником всякую связь, — в некотором замешательстве произнес Ренн. — А мне бы хотелось увидеться с ним перед смертью, — изрек он с тяжелым вздохом. — Кроме него, у меня на всем белом свете не осталось ни единого родственника. Что касается родителей племянника, они умерли от чумы три года назад.

— Это чумное поветрие оказалось чрезвычайно опустошительным.

— Последние пять лет несчастья сыплются на Йорк одно за другим, — сокрушенно покачав головой, заявил Ренн. — В тысяча пятьсот тридцать шестом году в городе вспыхнуло восстание, в тысяча пятьсот тридцать восьмом на нас свалилась чума. В тысяча пятьсот тридцать девятом и в прошлом году поветрие возвращалось вновь. Слава богу, в этом году чума обошла нас стороной. Иначе король не удостоил бы Йорк своим посещением, — добавил он с кривой улыбкой. — Все лето королевские посланники следили за городскими больницами, дабы удостовериться, что ни один горожанин не заболел чумой. Правда, и в этом году не обошлось без новой беды. В Йорке вновь обнаружили заговор. Скверные настали времена.

— Что ж, не будем терять надежды на лучшее будущее, — заявил я бодрым тоном. — Если вы хотите отправить письмо племяннику, сэр, я непременно разыщу его в Лондоне.

— Благодарю вас, — кивнул Ренн. — Я подумаю насчет письма. У меня ведь был сын, — печально произнес он. — Я надеялся, что он пойдет по моим стопам. Но бедный мальчик умер всего пяти лет от роду.

Ренн устремил затуманенный взгляд в огонь, затем вновь повернулся к нам и виновато улыбнулся.

— Простите мне подобные разговоры. Нам, старикам, свойственно нагонять на молодых тоску. Видите ли, я — последний в роду, и порой это обстоятельство повергает меня в печаль.

Сердце мое болезненно сжалось, ибо слова старика задели меня за живое. Я тоже был последним в роду.

— Мы заметили, сэр, что в городе соблюдаются чрезвычайно строгие меры безопасности, — произнес Барак, явно желавший сменить тему разговора. — На наших глазах в город не пропустили двух шотландцев, которые привезли овес на продажу.

— Да, меры принимаются самые суровые. Из города выгнали всех бродяг. Завтра в соборном квартале не останется ни одного нищего. Откровенно говоря, мне их даже жаль. Но вероятно, все это необходимо. Не знаю, известно ли вам, джентльмены, что король не пользуется здесь большой любовью, — произнес Ренн после некоторого колебания. — И не только среди дворянства, которому ныне пришлось напустить на себя смиренный вид. Простые люди тоже не испытывают к королю верноподданнических чувств.

На память пришли едкие слова Кранмера о северных папистах.

— Полагаю, причиной подобной неприязни служат перемены в церковной жизни, повлекшие за собой восстание? — осведомился я.

— Вы совершенно правы, — кивнул Ренн, крутивший в руках пустой бокал. — Я прекрасно помню, как вспыхнуло восстание. Посланцы короля закрывали мелкие монастыри и оценивали церковную собственность. Внезапно простолюдины во всем Йоркшире воспротивились этому. Мятеж распространялся со скоростью лесного пожара.

Старый законник махнул крупной рукой, на которой сверкал великолепный изумруд.

— Своим предводителем повстанцы избрали Роберта Эска, и через неделю он явился в Йорк во главе войска, в котором насчитывалось более пяти тысяч человек. Городские власти пришли в ужас. Толпа неотесанных крестьян, охваченных возмущением, в считанные дни превратилась в настоящую армию. Властям ничего более не оставалось, как повиноваться Эску. В соборе в честь его победы отслужили торжественную мессу. Я видел, как повстанцы шли в собор, — сказал Ренн, указав в сторону окна. — Тысячи повстанцев, вооруженных мечами и копьями.

— Да, они были уверены: у них достаточно сил, дабы заставить короля повернуть реформы вспять, — заметил я.

— Для законника Роберт Эск был слишком наивен и доверчив. Но если бы король не прибегнул к обману, заставив Эска распустить свою армию, уверен, повстанцы завоевали бы всю страну.

Ренн устремил на меня внимательный серьезный взгляд.

— Противоречия между севером и югом Англии возникли уже давно. Корни их уходят в минувшее столетие, во времена войны Алой и Белой розы. Тогда северяне остались верны королю Ричарду Третьему. Тюдоры

никогда не пользовались их расположением. И причины, вызвавшие восстание, связаны отнюдь не только с религией. Еще до начала реформ жители долин направили королю петицию, исполненную жалоб на высокую арендную плату и налоги. И когда монастыри и церкви подверглись гонениям, это стало всего лишь последней каплей, переполнившей чашу, — завершил Ренн, широко разведя руками.

— Но почему северяне поддерживали короля Ричарда? — запальчиво спросил Барак. — Ведь всем известно: он не имел никаких прав на трон и захватил его, убив законных наследников.

— Однако многие считают, что трон захватил не Ричард, а отец нынешнего короля, — спокойно возразил Ренн. — И именно на нем лежит вина за убийство.

На несколько мгновений он погрузился в молчание, а потом заговорил вновь.

— Я был еще ребенком, когда король Ричард после коронации проезжал по улицам Йорка во главе пышной процессии. Видели бы вы, как ликовали горожане! Они вывешивали из окон свои лучшие ковры, осыпали цветами короля и его свиту. Нынче все не так. Городской совет приказал жителям Йорка посыпать улицы напротив своих домов песком и золой, дабы королевским лошадям было легче ступать. Но люди не спешат выполнять это распоряжение.

— Но противоречия, некогда породившие войну Алой и Белой розы, ныне остались в прошлом, — заметил я. — Тюдоры сохраняют за собой престол уже почти шестьдесят лет.

— Значит, по-вашему, им не стоит опасаться соперников? — склонив голову, спросил Ренн. — Почему же тогда в Тауэре были казнены старая графиня Солсбери и ее сын? Мы узнали об этом весной, после того как был раскрыт новый заговор.

На память мне пришли леденящие кровь рассказы о смерти старой графини. Этим летом по Лондону ходило множество слухов, связанных с этим событием. Графиня была заключена в тюрьму без всякого обвинения; когда дело дошло до казни, ее доверили неопытному юнцу, которому пришлось нанести несколько ударов, дабы отделить голову старой женщины от туловища. Что касается королевского палача, то в то время он находился в Йорке, где отсекал головы и конечности заговорщикам.

— Графиня Солсбери была последней представительницей враждебной корою династии, — тихо произнес Ренн. — Король не стал бы ее убивать, если бы имя Плантагенетов по-прежнему не наводило на него ужас.

— Но так или иначе, последний заговор был связан с церковными

реформами, — сказал я, откидываясь на спинку стула.

— И все же не только религиозные, но и политические Пристрастия северян сыграли здесь свою роль, — возразил старый законник. — Король знал об этом и потому казнил трафиню и ее сына.

Ренн помолчал, задумчиво сдвинув брови.

— Скажите, правда, что он заключил в Тауэр малолетних детей герцога? — неожиданно спросил он.

— Об этом никто не знает.

— Что ж, подземельям Тауэра уже доводилось принимать детей королевской крови, — вздохнул Ренн.

Я счел за благо оставить это замечание без ответа. В памяти всплыли слова Кранмера: «На этот раз мятежники объявили короля тираном и вознамерились сбросить его с престола».

— Теперь я понимаю, что самые строгие меры предосторожности действительно необходимы, — произнес я вслух. — И все же, согласитесь, именно Тюдоры принесли в Англию мир и спокойствие. Это невозможно отрицать.

— Да я и не собираюсь это отрицать, — заявил Ренн со вздохом. — И я отдаю должное мудрости короля, решившего напомнить жителям северных графств, кто является их властелином. Я хотел лишь, чтобы вы уяснили, что скрывается за внешней покорностью северян.

Я внимательно посмотрел на старого законника, пытаюсь понять, каковы его собственные политические пристрастия.

«Должно быть, таковых просто нет», — пришло мне в голову.

Подобно многим старым людям, пережившим множество жизненных бурь, Ренн вступил в период, когда человек уже ничего не принимает близко к сердцу. Я решил, что настало время переменить тему разговора.

— Судя по всему, в пятницу нам с вами предстоит присутствовать на торжественной церемонии встречи короля, — сообщил я. — Вчера сэръ Уильям Малевверер подтвердил это. Мы собственноручно подадим королю прошения.

— Да, я это знаю. Завтра нам предстоит доставить прошения в контору лорда-камергера. В девять часов утра он укажет, какие места нам следует занять во время церемонии. Впрочем, он хочет увидиться с нами на полчаса раньше, дабы своими глазами прочесть краткое изложение, которое мы подготовим. Так что я с утра пораньше отправлюсь в аббатство Святой Марии, где мы с вами и встретимся.

— Надеюсь, нам объяснят, как следует вести себя во время церемонии.

— Не сомневаюсь, объяснений будет вполне достаточно. У совета

сейчас одно желание: чтобы встреча короля прошла без сучка без задоринки.

Ренн улыбнулся и покачал головой.

— Господи боже, на склоне лет увидеть короля! Вот уж не думал, что доживу до этого.

— Что до меня, я вовсе не могу сказать, что горю желанием предстать перед монархом.

— Да король едва ли нас заметит, — усмехнулся Ренн. — Мы подадим ему прошения и тут же отойдем. Но все же увидим его вблизи. А также весь великолепный кортеж, который, говорят, растянется на целую милю. Для того чтобы накормить королевских лошадей, потребуется столько сена, что его привозят в Йорк из самых дальних окрестностей.

— Люди, ответственные за организацию королевского путешествия, продумали все вплоть до мелочей, — сказал я. — Слуги уже прибыли в Йорк, дабы позаботиться об удобствах высоких особ. Мы имели случай познакомиться с юной девицей, которая покупала имбирь и корицу, необходимые для любимого печенья королевы.

И я рассказал Ренну о нашей встрече с Тамазин Ридбурн. Старик с усмешкой взглянул на Барака.

— Насколько я понял, эта девица хороша собой?

— Очень хороша.

И тут меня словно что-то кольнуло. Я вспомнил, что, по словам девушки, она отпустила слугу в лавку, дабы тот купил себе материю на новый камзол. Однако слуга появился с пустыми руками. Впрочем, я сразу же отбросил эту мысль, как не стоящую внимания.

— Что ж, пора приступать к работе, — изрек Ренн. — Краткость и внятность — вот основное, что требуется от нас при изложении. Сегодня нам надо покончить с этим делом во что бы то ни стало.

— Разумеется, — кивнул я. — Нам вовсе ни к чему возбуждать недовольство в конторе лорда-камергера. Да и сэра Уильяма Малевевера лучше не сердить.

— Хотя Малевевер и происходит из старинного йоркширского рода, он в полной мере заслуживает звание невежи, — нахмурившись заметил Ренн. — Все, кто был назначен в Совет северных графств после «Благодатного паломничества», не отличаются высокими моральными устоями. По большей части это местные дворяне, которые не принимали участия в мятеже и ныне гордятся своей верностью королю и церковным реформам. Но на самом деле у них нет никаких религиозных убеждений. Власть и высокое положение — вот единственная религия, которой они

служат. Поэтому все они так грубы и надменны. Но скажите мне, сэр, как вам понравились новые здания, возведенные в аббатстве?

— Это нечто потрясающее. Несколько сотен работников сейчас заканчивают возведение грандиозных павильонов, а художники украшают их всеми возможными способами. Кстати, когда был упразднен монастырь?

— Два года назад. Аббат Торнтон написал Кромвелю письмо с просьбой сохранить монастырь, а если это невозможно, предоставить ему земли и пенсию. Он получил и то и другое, — сообщил Ренн с косой ухмылкой.

— Да, настоятели больших монастырей, как правило, имели порочную склонность к стяжательству.

— Ныне аббатство Святой Марии является собственностью короля, и даже бывший дом аббата носит название королевского особняка. — Ренн задумчиво потер лоб. — Возможно, во время королевского визита будет объявлено, что королева ожидает дитя.

— Вне сомнения, король будет очень рад второму наследнику. Пока у него только один сын.

— Да, королям необходимо много наследников, — с улыбкой изрек Ренн. — Родословная помазанников Божьих уходит в глубину веков. Именно они определяют дух королевства, они стоят на верхней ступени лестницы сословий, которая объединяет жителей государства, предоставляя каждому определенное место.

— А мы,стряпчие, застряли где-то посередине этой лестницы, постоянно мечтаем подняться вверх и боимся сорваться вниз, — усмехнулся я.

— Вы правы, — рассмеялся Ренн и сделал рукой широкий жест. — Каждому охота подняться выше, но зачастую все усилия оказываются тщетными. В этом нет большой беды, главное, чтобы ступени государственной лестницы оставались прочными и следовали друг за другом в раз и навсегда заведенном порядке. Иначе нас ждет великий хаос. Но, хотя я и противник смещения сословий, я частенько обедаю за одним столом со старушкой Меджи и позволяю ей погреть старые кости в гостинной у очага, — добавил он с видом заговорщика.

Остаток дня мы посвятили чтению прошений, оторвавшись от этого занятия лишь однажды, чтобы подкрепить свои силы безвкусной похлебкой, которую подала Меджи. Некоторые прошения были написаны красивым и четким почерком и запечатаны восковыми печатями, другие — нацарапаны неумелыми каракулями на жалких обрывках бумаги. Мы с Ренном поочередно диктовали Бараку краткое содержание каждой прочитанной петиции. Выяснилось, что старый законник на редкость

сметлив и решителен; быстрота, с которой он отделял зерна от плевел, вызвала у меня восхищение. В большинстве своем прошения содержали жалобы на произвол всякого рода мелких чиновников. Работа, что называется, кипела, свечи ярко горели на столе, разгоняя сумрак. Тишину нарушало лишь позвякивание колокольчика, привязанного к лапе сокола, да изредка доносившийся в комнату бой часов на башне собора.

После нескольких часов сосредоточенного труда Ренн протянул мне листок, исписанный старательными каракулями.

— Прочтите, это любопытно.

Прошение было от фермера, проживающего в приходе Таунтон, в окрестностях города. Земли его прежде служили пастбищами, но ныне он использует их для того, чтобы выращивать овощи, которые отвозит в город на продажу. Распахивая бывшие пастбища, работники его нашли множество человеческих костей. Когда он сообщил о находке церковным властям, они приказали ему похоронить кости на ближайшем церковном кладбище. Однако путь от его фермы до этого кладбища неблизкий. Фермер просил оплатить ему расходы на дорогу в оба конца, а также возместить убытки, которые он понесет, отрывая время от работы.

— Таунтон, — задумчиво произнес я. — Там когда-то состоялось большое сражение.

— Да, в тысяча четыреста шестьдесят первом году. То была величайшая битва за всю войну Алой и Белой розы. Тридцать тысяч убитых остались лежать на залитом кровью поле. А этот фермер хочет получить деньги за то, что предаст земле их кости. Как, по-вашему, нам следует отнестись к его просьбе?

— Вне всякого сомнения, этот вопрос находится вне нашего ведения. Дело это церковное, и разрешить его может только настоятель собора.

— Трудно ожидать, что церковь примет решение, противоречащее ее собственным интересам, и выплатит деньги этому парню, — вмешался Барак. — По крайней мере, нам следует внести в наш документ содержание этого прошения.

Ренн покачал головой и отложил бумагу в сторону.

— Не думаю, что нам стоит это делать. Брат Шардлейк совершенно прав. Прощения, поданные на имя короля, не должны затрагивать вопросы канонического права. Церковные власти весьма болезненно воспринимают любое посягательство на подведомственные им области. И королю совершенно ни к чему лишний раз возбуждать их недовольство. Да еще по столь незначительному поводу. Пусть настоятель собора решает, заслуживает ли просьба фермера удовлетворения.

— Согласен, — кивнул я.

— Нам следует быть чрезвычайно осмотрительными и держать в уме политические соображения, — с невеселой улыбкой заметил Ренн. — А также помнить, что закон имеет свои пределы. Он не может дать ответы на все вопросы, господин Барак.

К пяти часам с разбором прошений было покончено. За окном уже начали сгущаться сумерки, и, судя по долетавшему в комнату мерному стуку, на улице вновь пошел дождь. Ренн быстро пробежал глазами составленный нами документ.

— Что ж, по-моему, все изложено четко и ясно, — заявил он.

— Превосходно. Теперь, когда дело сделано, нам пора идти. В аббатстве нас ожидают другие дела.

— Позвольте, я одолжу вам плащ, — предложил Ренн, выглянув в окно. — Дождь льет как из ведра, и вы промокнете до нитки. Подождите минуту.

Он поспешно вышел, оставив нас в холле.

— Нравится мне этот старикан, — изрек Барак. — Сразу видно: добрая душа.

— Да, — кивнул я, протягивая руки к огню. — Насколько я понял, он очень одинок. На всем белом свете у него не осталось близких. Кроме старой служанки да этой птицы.

Я кивнул на сокола, заснувшего на своей жердочке.

Тут вернулся Ренн с плащом в руках. Плащ, весьма добротный и почти новый, оказался мне слишком велик, край его едва не волочился по полу. Я пообещал возвратить его хозяину на следующее утро, и мы вышли на улицу. Шагая в аббатство под проливным дождем, мы думали о том, удалось ли людям Малевевера развязать язык юному Грину и выведать у него про тайник в стене.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы прошли по темным узким улицам, которые в этот час оказались совершенно пустынными. Воздух был наполнен осенними запахами дыма и опавших листьев.

— Так, значит, вы увидите короля? — спросил Барак, удивленно покачивая головой.

— А что, когда вы служили у Кромвеля, вам ни разу не довелось увидеть короля?

— Ни разу, — со смехом заявил Барак. — Я, видите ли, предпочитал держаться подальше от парадных покоев.

— А вам бы хотелось посмотреть на короля?

— Да, — задумчиво протянул он. — Было бы о чем рассказать детям.

Я с удивлением взглянул на своего помощника. Никогда прежде он не упоминал о том, что намерен обзавестись семейством. Мне всегда казалось, что Барак более всего ценит свою независимость и предпочитает жить одним днем.

— Надеюсь, нам удастся отыскать племянника господина Ренна, — заметил я. — Когда мы вернемся в Лондон, вам придется навести о нем справки во всех юридических корпорациях.

— Может, нам вовсе не стоит искать этого племянника. А то еще выяснится, что он знать не желает своего престарелого дядюшку.

В голосе Барака послышалась горечь, и я вспомнил о том, что он порвал с собственной матерью после того, как она, овдовев, вторично вышла замуж.

— Не исключено, что вы правы. И все же мы попробуем. Встреча с племянником будет для старика большим утешением. Вы же слышали: его единственный сын умер в раннем детстве.

— Да, — кивнул Барак. — Старина Ренн не прочь поболтать, — заметил он после недолгого молчания. — В особенности о прежних королях и войнах.

— Знаете, когда я его слушал, на память пришел недавний разговор с Гаем. Я ведь встретился с ним перед самым отъездом.

— И как поживает старый мавр?

— Неплохо. Так вот, мы говорили о королевском путешествии, и он рассказал мне историю о последнем короле Гранады. Вам ведь известно, сам он родом из этой страны. Во времена его детства Гранада была

мавританским королевством, независимым от Испании. И ее последний правитель, король Боадбил Низкорослый...

— Ничего не скажешь, подходящее имечко для короля!

— Прошу вас, не перебивайте! Так вот, Гай видел, как короля, который был тогда совсем маленьким мальчиком, проносили по улицам на носилках. Толпа восторженно приветствовала его и осыпала цветами — в точности так, как, по рассказам брата Ренна, жители Йорка приветствовали Ричарда Третьего. А потом Боадбил потерял свое королевство. Гранаду захватила Испания, а король был вынужден бежать на земли мавров.

— И что же с ним стало?

— Никто не знает этого в точности. По слухам, в Африке он пал на поле сражения. Мораль этой истории такова — удел человека, пусть даже земного властителя, покрыт мраком. В этом мире ничто не вечно — ни власть, ни слава.

Когда мы свернули на улицу, носящую название Питер-гейт, до нас донеслись пронзительные вопли. Обернувшись, мы увидели четырех оборванных нищих, которые со всех ног бежали по мостовой. По пятам за ними мчались три человека в чиновничьих мантиях, с толстыми березовыми прутами в руках. Воздев руки над головой, нищие пытались защититься от града ударов, которыми осыпали их преследователи. Странная процессия пронеслась мимо нас и свернула к реке, разделявшей город на две части.

— Как видно, эти люди выгоняют нищих прочь из города, — заметил я.

Барак проводил глазами нищих, которых преследователи загнали на большой каменный мост.

— Как же эти бедолаги будут жить за пределами города? — не без сочувствия спросил он. — Посреди лесов и полей не у кого просить милостыню.

В молчании мы дошли до навесной башни над воротами Бутхэм. Отрубленные головы, выставленные на шестах, исчезли, а вместе с ними исчез и тошнотворный запах гниющей плоти.

— Ни нищих, ни падали, — изрек Барак. — Город и в самом деле прихорашивается к приезду короля.

«Любопытно, не снимут ли с башни скелет Эска?» — пронеслось у меня в голове.

Впрочем, король вряд ли удостоит своим посещением столь унылое и неприглядное место, как тюремный замок.

Несмотря на дождь и сгущавшуюся темноту, в аббатстве по-прежнему кипела работа. Со всех сторон доносился визг пил и стук молотков,

работники заканчивали сооружение гигантских шатров, вбивая последние кольшки и натягивая веревки. Мне припомнились столь же великолепные шатры, которые я видел на картинах, изображавших поле золотой парчи.

Внутренний двор, истоптанный множеством ног и копыт, представлял собой настоящее месиво. Я впервые наблюдал, как люди работают посреди такого моря грязи. В этих условиях дренаж явно представлял весьма серьезную проблему. Я заметил, как несколько рабочих, покрытых грязью с ног до головы, роют вокруг одного из павильонов канаву, которая, расширяясь, соединялась с длинным рвом. Как видно, дело не слишком ладилось, потому что рабочие беспрестанно чертыхались; голоса их сливались с голосами чиновников, которые, стоя на крыльце особняка, обсуждали какой-то план, нарисованный на листе пергамента. Протолкавшись к дверям, мы сказали часовому, что нам необходимо увидеть сэра Уильяма Малевевера.

— Его здесь нет, сэр, — ответил часовой. — Он выехал навстречу королевскому кортежу. Скорее всего, в Леконфилд.

— Это далеко отсюда?

— Тридцать миль. Сэр Уильям получил срочный вызов. Но завтра утром он вернется в Йорк.

— А королевский коронер здесь? — осведомился я после минутного колебания. — Господин Арчболд?

— Нет, он уехал вместе с сэром Уильямом.

— Сегодня утром люди сэра Уильяма привели в аббатство мальчика, служившего подмастерьем у стекольщика, — не унимался я. — Сэр Уильям намеревался подвергнуть его допросу. Возможно, вместе с мальчиком в аббатство доставили женщину-служанку. Вы не знаете, что с ними случилось?

— А вам они на что сдались? — подозрительно уставился на меня часовой.

— Мы присутствовали при аресте подмастерья. Я кое-что заметил и хочу сообщить об этом сэру Уильяму.

— Мальчишка сидит под замком. Сэр Уильям строго-настрого приказал не выпускать его до своего возвращения. А служанку отпустили домой. Сэр Уильям успел ее допросить и уже хотел приняться за мальчика, когда ему пришла срочная депеша.

— Могу я отправить сэру Уильяму письмо?

— В такую скверную погоду самому проворному гонцу понадобится несколько часов, чтобы добраться до Леконфилд а и отыскать там сэра Уильяма. Думаю, лучше вам будет подождать до утра. Наверняка сэр

Уильям не станет задерживаться.

— Что ж, полагаю, вы правы, — не стал спорить я. — Мы подождем до завтра. Прошу вас, как только увидите сэра Уильяма, передайте ему, что мастер Шардлейк хочет срочно его увидеть и сообщить нечто важное, связанное с подмастерьем стекольщика. Завтра утром я буду здесь.

После разговора с часовым нам ничего не оставалось, кроме как вернуться в свои каморки. Мы двинулись вдоль церковной стены: несмотря на дождь, у меня не было ни малейшего желания воспользоваться более коротким путем и пройти через церковь. Я обратил внимание, что повозка стекольщика исчезла.

— Зря вы меня не послушались, — заявил Барак. — Я же хотел без проволочек вернуться в аббатство и передать Малевереру записку.

— Спасибо, что любезно напомнили мне о моей оплошности, — сухо проронил я. — Возможно, я навлек на свою голову серьезные неприятности. Хотел бы я знать, зачем Малевереру понадобилось бросать все и ехать навстречу королевской свите? Господи боже, неужели дело оказалось настолько серьезным, что он решил срочно сообщить о нем Тайному совету?

— А одним из членов Тайного совета является наш старый приятель Ричард Рич.

— Ох, один звук этого имени нагоняет на меня тоску, — вздохнул я. — Господи, и зачем только я ввязался в это дело!

В припадке бессильной ярости я пнул обрезок доски, попавшийся мне под ноги. В следующее мгновение щеки мои залил румянец смущения, ибо из темноты возникла дородная фигура господина Крейка, закутанного в плащ с капюшоном. Он осторожно переступал по скользким доскам. Приблизившись к нам, он просиял улыбкой, сделав вид, что не заметил моей нелепой выходки.

— Скверная погода, джентльмены, — произнес он.

— Да, хуже некуда, — откликнулся я. — Вижу, повозку стекольщика успели убрать.

— Сэр Уильям приказал ее обыскать, — кивнул Крейк. — Одному богу известно, что взбрело ему в голову. Я слышал, сегодня утром кто-то запер вас в ризнице, — сказал он, и в глазах его вспыхнули любопытные огоньки. — Надеюсь, вы просидели там не слишком долго?

— Глупейший случай, — пожал я плечами. — Мы уже успели об этом забыть.

— Рад слышать, — улыбнулся Крейк. — Гибель стекольщика наделала в аббатстве немало переполоха. Сэр Уильям уже вызывал меня к себе.

Приказал рассказать все, что мне известно об этом событии. Боюсь, дело здесь нечисто, джентльмены, — многозначительно изрек он.

— Вполне может быть, — кивнул я. — Скажите, господин Крейк, а вы хорошо знали покойного Олдройда?

— Можно сказать, я совсем его не знал, — торопливо ответил он, метнув на меня внимательный взгляд. — На прошлой неделе, прежде чем приступить к работе, стекольщик спросил у меня, где ему оставлять на ночь лошадь и повозку. Я разрешил ему оставлять повозку у церкви, а лошадь приказал забирать домой. Вы же сами видите, какая здесь теснота. После, проходя мимо церкви, я всякий раз обменивался с ним парой слов. Олдройд казался приветливым и добродушным малым, и мне было любопытно поговорить с жителем Йорка. Ведь сам я в городе почти не бываю, — добавил он, как мне показалось, с излишней поспешностью.

— Я тоже перемолвился со стекольщиком парой слов, — сообщил я, пристально глядя на Крейка. — И мне показалось, он сожалеет о старых временах.

— Возможно, — пожал плечами Крейк. — Мы с ним никогда не обсуждали перемен, произошедших в последнее время. Мы же сами видите, дел у меня по горло, поэтому мне не до пространных бесед. Да и сейчас я не могу задерживаться, — добавил он, стряхивая капли воды с капюшона. — Сэр Харбиндер только что прибыл в аббатство, дабы удостовериться, все ли готово к приезду короля. Он желает срочно меня увидеть.

— Не смею вас задерживать, — сказал я. — Вне всякого сомнения, у нас еще будет случай поговорить. И пропустить по кружке эля.

— Да-да, разумеется, — торопливо закивал головой Крейк.

Для того чтобы обойти нас, он сошел с помоста на сырую траву и быстро зашагал прочь.

— Этот малый не слишком хотел с нами беседовать, — заметил Барак.

Я проводил глазами приземистую фигуру Крейка, едва различимую за завесой из дождевых струй.

— Да, он явно предпочитает не касаться некоторых вопросов. Полагаю, изменения в церковной жизни ему не по нраву. Вероятно, именно на этой почве они и сошлись с Олдройдом. По крайней мере, мне хочется надеяться, что причина его подозрительной спешки именно в этом.

— Вряд ли Крейк имеет отношение к смерти Олдройда, — заявил Барак, когда мы продолжили путь. — Ведь сегодня утром, когда мы слышали скрип церковной двери, он был рядом с нами.

— Вы правы. Но так или иначе, сегодня он поднялся очень рано. Мы с

ним столкнулись вскоре после того, как во двор прискакала взбесившаяся лошадь. Вполне вероятно, к смерти стекольщика причастны несколько человек. Не забывайте, Барак, аббатство хорошо охраняется и постороннему почти невозможно сюда проникнуть. Так что убийцу стекольщика следует искать среди обитателей аббатства.

— Да здесь сейчас живет несколько сотен человек, — усмехнулся Барак.

— И это изрядно затрудняет поиски.

Выйдя во второй двор, мы направились к бывшему монастырскому лазарету; коровы и овцы понуро сгрудились в своих загонах, птицы жались к стенам, пытаюсь найти защиту от дождя.

В холле мы увидели нескольких клерков, которые оживленно разговаривали, собравшись у весело поблескивавшего огня. Большой кожаный курдюк с вином переходил из рук в руки. Молодой законник, с которым мы познакомились нынешним утром, мастер Кимбер, стоял чуть в стороне, грея у очага руки.

— Добрый вечер, джентльмены, — приветствовал он нас. — Вижу, вы попали под дождь?

— Да, дождь настиг нас, когда мы были в городе. А как у вас дела? Удалось закончить работу?

— Удалось, к нашей общей радости. Весь день я и другие клерки трудились не поднимая головы, проверяли счета за купленные припасы. Мастер Барроу у нас отличился, — усмехнулся он, указывая на какого-то юнца. — Представьте себе, он внес в счет пятьдесят свиней, тогда как следовало поставить пятьсот. Казначей так рассердился, что грозит отправить его назад в Лондон. Вам, случайно, не нужен клерк, поднаторевший в подсчетах?

Мастер Барроу бросил на товарища сердитый взгляд.

— Нет, благодарю вас, — улыбнулся я.

— Кстати, совсем недавно кое-то о вас спрашивал, — сообщил Кимбер. — Эй, Том Коуфолд, где ты там? — кликнул он, обернувшись.

Какой-то круглолицый человек, молодой, но уже начинающий лысеть, высунулся из ближайшей комнатухи.

— Мастер Шардлейк пришел, — со значением сообщил Кимбер.

— Добрый вечер, мастер Шардлейк, — произнес клерк, приближаясь к нам. — Я хотел поговорить с вами о завтрашней репетиции. Ведь вы принимаете участие в торжественной церемонии и...

— Пройдем в мою комнату, — предложил я, заметив, что разговор наш вызывает явный интерес у собравшихся в холле.

Я провел клерка в свою каморку, Барак следовал за нами.

— Так вот, сэр, — произнес мастер Коуфолд, устремив на меня взгляд, исполненный сознания собственной значительности. — Завтра в девять часов утра вы должны быть в конторе моего патрона, сэра Джеймса Филти. Там и состоится репетиция. Мастер Ренн тоже будет там, он принесет прошения. Мой патрон укажет вам, как именно вести себя во время торжественной церемонии.

— А кто из нас будет подавать королю прошения?

— Мастер Ренн.

Услышав это, я с трудом удержал вздох облегчения.

— Да, и прошу вас, сэр, завтра оденьтесь так, как вы будете одеты на церемонии, — сказал клерк, бросив взгляд на мой слишком длинный плащ, промокший и заляпанный грязью.

— Да, конечно, я оденусь наилучшим образом.

— Тогда до завтра, джентльмены, — произнес клерк и с поклоном удалился.

— Первым делом нам надо переодеться и поужинать, — заявил я, повернувшись к Бараку. — Мистрис Ридбурн назначила вам встречу в шесть, это совсем скоро.

— Пойду-ка я спрошу у этих парней, где здесь можно поесть, — сказал Барак и вышел в холл.

Минуту спустя до меня донесся жизнерадостный голос Коуфолда, представляющего компании нового товарища:

— Джентльмены, это клерк горбуна.

Несмотря на то что я давно уже привык к подобным выпадам, сердце мое сжалось от досады. Невежа мог хотя бы понизить голос.

— Заткнись, болван, — немедленно обрезал его Барак.

В холле повисло молчание, но через несколько мгновений разговор возобновился вновь, хотя голоса звучали глуше. Я надел сухие штаны и камзол и, вновь накинув плащ Ренна, вышел из комнаты. Несомненно, длинный не по росту плащ придавал мне нелепый вид, но иного выбора у меня не было. Клерки куда-то исчезли, Барак стоял у очага в одиночестве. Он бросил на меня смущенный взгляд, вне всякого сомнения, догадываясь о том, что оскорбление достигло моих ушей и отнюдь не улучшило мое настроение.

— Узнали, где здесь кормят? — кратко осведомился я.

— Клерки сказали, в бывшей монастырской трапезной. Едят все вместе, за исключением, конечно, высоких чинов из королевского особняка.

— Так идемте скорее.

Выйдя на улицу, мы увидели, как обитатели аббатства во множестве стекаются к невысокому зданию, расположенному рядом с церковью. Двери его были широко распахнуты. Мы вошли внутрь вслед за компанией плотников, к одежде которых прилипли мокрые стружки.

Едва оказавшись в холле, мы увидели Тамазин, в том самом нарядном желтом платье, что было на ней накануне, и в голубом французском капоре, чрезвычайно ей шедшем. К немалому моему удивлению, рядом с девушкой стояла Дженнет Марлин; на лице ее застыло унылое выражение, с которым она, по всей видимости, никогда не расставалась. Тамазин сделала нам реверанс, а мистрис Марлин ограничилась холодным кивком. На двух листах бумаги, что протянула нам Тамазин, значились наши имена и стояли печати управляющего двором.

«Стряпчий, прибывший для разбора прошений», — прочел я на своем.

— Благодарю вас, мистрис Ридбурн, — с обворожительной улыбкой произнес Барак. — Вы спасли нас от голодной смерти.

— Да, мы очень вам признательны, — добавил я.

Вольности в обращении, которые позволяла себе эта молодая особа, были мне отнюдь не по нраву, но она и в самом деле оказала нам важную услугу. Поэтому я заставил себя держаться как можно любезнее.

— Мы очень голодны, — произнес я, — и, полагаю, вы тоже. Вне всякого сомнения, у слуг королевы есть своя собственная столовая.

— Нет, сэр, — покачала головой Тамазин. — Мы едим в общем зале.

— Вместе с простолюдинами, — бросила своим резким голосом мистрис Марлин. — Слава богу, завтра, когда столовая королевы будет наконец устроена, мы сможем принимать пищу спокойно. А сегодня я вынуждена сопровождать Тамазин, — добавила она, вперив в Барака колючий взгляд. — Юная девушка не может находиться одна в подобном месте.

У меня не было ни малейшего желания продолжать беседу, поэтому я счел за благо молча поклониться и пропустить дам вперед. Мы поднялись по широкой лестнице, карнизы которой были покрыты богатой резьбой, изображающей ангелов. По лестнице во множестве носились слуги, которые несли блюда и кувшины с вином.

Наконец мы оказались в бывшей монастырской трапезной. В просторной комнате рядами стояли простые грубые столы; проходы меж ними были столь узкими, что слуги, сновавшие туда-сюда, едва не застревали.

«Тут можно разместить около двух сотен человек», — прикинул я в уме.

Большинство столов было занято усталыми плотниками и другими

работниками. Я заметил, что клерки сидят все вместе в некотором отдалении от простолюдинов. За соседним столиком восседало несколько дам. Одна из них, пристально взглянув на мистрис Марлин, что-то прошептала своим соседкам. Те захихикали, а бледные щеки Дженнет Марлин вспыхнули румянцем. Я невольно посочувствовал ей.

К нам приблизился человек в черной мантии распорядителя. Мы показали ему наши ярлыки, и он провел нас к свободному столу. Я был рад, что нам не пришлось ужинать вместе с клерками. Скатерть и салфетки были отнюдь не первой свежести, и мистрис Марлин брезгливо сморщила нос. Подоспевший слуга поставил на стол кувшин с элем и умчался прочь. Я разлил эль по кружкам.

— По крайней мере, посуда на этом столе оловянная, — изрекла мистрис Марлин.

Оглядевшись по сторонам, я заметил, что работники пьют из деревянных кружек.

— Что ж, приятно сознавать свои преимущества, — произнес я.

Еще один слуга поставил на стол большую миску с похлебкой, причем сделал это так неловко, что изрядно забрызгал скатерть. Мистрис Марлин испустила горестный вздох, но Тамазин расхохоталась и передала миску своей хозяйке.

— Нам надо набраться терпения, мистрис, — сказала она, и я с удивлением заметил, что унылое лицо Дженнет Марлин на мгновение осветила признательная нежная улыбка.

— Как вам удалось поступить на службу к королеве? — обратился Барак к Тамазин, когда с похлебкой было покончено.

— Моя мать проработала на королевской кухне много лет, — сообщила девушка. — Вот уже два года, как я сменила ее. Я помогаю кондитеру королевы и так хорошо разбираюсь в любимых сладостях ее величества, что меня даже взяли в путешествие, — заявила она, сияя от гордости. — Меня послали в Йорк, чтобы я помогла леди Рочфорд и мистрис Марлин приготовить покои для королевы и позаботилась о любимых лакомствах ее величества. О, знали бы вы, как королева обожает сладкое печенье: марципановое, миндальное и имбирное!

— А вы, сударыня, давно уже служите леди Рочфорд? — обратился я к мистрис Марлин.

— Нет, сэр, — проронила она, смерив меня высокомерным взглядом. — Прежде, когда королевой была Анна Клевская, я служила леди Эджкомб. К леди Рочфорд я перешла нынешним летом.

— Вы родом из северных графств?

— Да, семья моя жила в Рипоне. Но меня отослали ко двору, едва мне исполнилось шестнадцать.

— И вы проделали вместе с королевским кортежем весь путь из Лондона?

— Да, — изрекла она с тяжким вздохом. — Надо сказать, в дороге нам пришлось претерпеть немало тягот. Июль выдался таким холодным и дождливым, что дороги превратились в жидкую грязь. Некоторые дворцовые чиновники предлагали вернуться в Лондон. Но король и слышать об этом не желал.

— Бесспорно, это путешествие имеет большое политическое значение, — кивнул я.

— Разумеется. А после того, как погода наладилась, король, бог знает по каким причинам, сильно задержался в Хатфилде и Понтефракте. Нас отослали в Йорк, а король свернул в Халл. Мы провели в этом городе почти целую неделю.

— А как долго король намерен оставаться в Йорке?

— Говорят, три дня. Но, как правило, пребывание короля в том или ином городе оказывается более длительным, чем предполагалось.

— Что ж, король волен в своих планах, — заметил я и спросил после недолгого молчания: — Вам известно что-нибудь о торжественной церемонии, к которой ведется столь грандиозная подготовка?

— Ровным счетом ничего, — пожала плечами мистрис Марлин. — Слухов ходит множество, но трудно понять, насколько они соответствуют истине. Вы барристер, сэр? — резко сменила она тему разговора.

— Да, сударыня. Я практикую в корпорации Линкольнс-Инн.

— Мой жених тоже барристер. В Грейс-Инне.

«Как и племянник Ренна», — мысленно отметил я.

— Вне сомнения, вам известно, что жених мой сейчас находится в Тауэре, — медленно проговорила Дженнет Марлин. — Его подозревают в причастности к заговору. Наверняка кто-то уже взял на себя труд сообщить вам об этом.

— Да, до меня дошли кое-какие слухи, — смущенно пробормотал я.

— Его имя Бернард Лок. Возможно, вы с ним встречались в Лондоне.

Когда мистрис Марлин произносила имя жениха, губы ее, обычно плотно сжатые, немного смягчились, и я с удивлением отметил, что они отличаются приятной полнотой и свежестью.

— Увы, я не имел чести встречаться с вашим женихом, сударыня, — ответил я.

Сегодня меня уже во второй раз спрашивали, не знаком ли я с неким

барристером из Грейс-Инна.

— Бернارد тоже родом из Рипона, так что мы знали друг друга с детства. — Во взгляде Дженнет Марлин, доселе столь бесстрашном, неожиданно вспыхнули огоньки. — Его арест — это какое-то страшное недоразумение. Я уверена, вскоре он выйдет на свободу. В последнее время невинные нередко оказываются за решеткой. Сеть раскинута так широко, что в нее попадают не только заговорщики, но и преданные слуги короля. Но справедливость непременно восторжествует.

— Будем на это надеяться, сударыня, — кивнул я, про себя удивляясь свободе и откровенности, с которой она говорит о столь рискованных вопросах.

Разделить ее уверенность в благополучном возвращении жениха я никак не мог. Возможно, этот человек и в самом деле не имел никакого отношения к заговору, но нередко легчайшей тени подозрения было достаточно, чтобы невинный томился в Тауэре годами.

— Надежда никогда не умрет в моей душе, — с пылом заявила мистрис Марлин.

— Ваше доверие к жениху делает вам честь, сударыня.

— Я слишком многим ему обязана, — сказала она, бросив на меня взгляд, вновь ставший холодным и надменным.

Тут к нашему столу подошел слуга с блюдом, на котором лежал громадный пирог с бараниной. Барак разрезал пирог. Когда Дженнет Марлин потянулась за своей порцией, я заметил, что рука ее слегка дрожит. Несмотря на высокомерие этой леди, я не мог не питать к ней сочувствия. Вне всякого сомнения, сердце ее обливалось кровью, и к тревоге за любимого человека примешивалась боль от постоянных насмешек, которыми осыпали ее прочие знатные дамы. Женщины, как известно, порой изрядно превосходят мужчин в жестокости.

— Я слышал, что в начале путешествия королева захворала, — перевел я разговор на другую тему. — Надеюсь, сейчас она чувствует себя лучше.

— У королевы была всего лишь небольшая простуда, — растянув губы в тонкой унылой улыбке, произнесла мистрис Марлин. — Но она, подобно всем молодым женщинам, использовала свое нездоровье в качестве повода для капризов.

— Рад слышать, что болезнь не опасна.

— Тем не менее леди Рочфорд пришлось нянчиться с королевой, как с малым ребенком, называть ее бедной деточкой и закармливать лакомствами.

В голосе мистрис Марлин звучало нескрываемое отвращение. Я

вспомнил, как пренебрежительно обращалась с моей собеседницей леди Рочфорд. Несомненно, мистрис Марлин относится к числу озлобленных женщин, решил я про себя; но, надо признать, у нее были веские причины для этого. Она кого-то сильно мне напоминала, но я никак не мог вспомнить, кого именно.

— Ходят слухи о том, что королева беременна, — произнес я.

— Мне об этом ничего не известно, — бросила она, сопроводив свои слова презрительным взглядом. — Вы излишне доверяете сплетням, сэр.

— Простите, если мой вопрос показался вам бестактным, — пробормотал я.

Мистрис Марлин нагнулась над тарелкой, всем своим видом давая понять, что более не имеет желания продолжать разговор.

Голоса вокруг нас, напротив, становились все более громкими и оживленными: выпитое вино развязывало языки. Барак, опуская некоторые подробности, рассказывал Тамазин историю о том, как судьба уготовила ему место моего помощника.

— До прошлого года я работал на лорда Кромвеля, — с гордостью сообщил он. — Мастер Шардлейк также пользовался его расположением и выполнял всякого рода важные поручения. А после падения лорда Кромвеля мастер Шардлейк предложил мне поступить к нему клерком.

— Так вы работали на лорда Кромвеля? — протянула девушка, удивленно округлив глаза. — Неужели вы его знали?

— А как же иначе, — пожал плечами Барак, и на лицо его набежала мгновенная тень.

— Расскажите, как это вас угораздило оказаться в запертой ризнице, — с улыбкой попросила Тамазин. — Уверена, виной тому была отнюдь не ваша оплошность.

— Да уж, — усмехнулся Барак. — Скажу без ложной скромности: мне не приходится сетовать на недостаток сообразительности.

— О, я не сомневаюсь в том, что вы человек выдающихся способностей, — со смехом заявила девица.

— А к числу ваших дарований, несомненно, относится пронизательность, — не остался в долгу Барак.

Они уже хохотали оба. Мистрис Марлин метнула на Тамазин недовольный взгляд. Я никак не мог вспомнить, кого именно напоминает мне эта особа. Этот вопрос так занимал меня, что я почти не прислушивался к болтовне отчаянно флиртовавших Тамазин и Барака. Наконец мистрис Марлин поднялась из-за стола.

— Тамазин, нам пора. Леди Рочфорд уже поужинала и, возможно,

пожелает дать мне какое-нибудь поручение. А вам не следует возвращаться одной.

— Надеюсь, вы позволите проводить вас до королевского особняка, сударыня, — галантно предложил я.

— Благодарю вас, но в этом нет необходимости, — поспешно ответила мистрис Марлин. — Идемте же, Тамазин.

Мы с Барком поднялись и поклонились дамам на прощание. По пути к дверям Тамазин успела бросить на моего помощника пару многообещающих взглядов. Мы вновь уселись за стол.

— Похоже, вы отлично поладили с этой девицей, — усмехнулся я.

— Да, мне без труда удастся ладить с красивыми девушками, — самодовольно изрек Барак. — А малютка Тамазин может очень скрасить мой досуг. Она рассказала мне, что послезавтра в городе будут репетировать музыкальное представление, которое готовят к приезду короля. Я предложил ей пойти туда вместе, и она согласилась. Надо же хоть как-то развлекаться в этой дыре, — добавил он.

— Да, но если у нас возникнут новые дела, вам будет не до развлечений, — заметил я, пристально глядя на Барака. — Не забывайте, мы прибыли сюда вовсе не для того, чтобы флиртовать с развязными девицами!

Я намеревался пошутить, но, неожиданно для меня самого, слова мои прозвучали резко. Барак обиженно пожал плечами.

— Возможно, она не отличается излишней скромностью, — буркнул он, — но уж если все мы оказались в столь необычных обстоятельствах, почему не извлечь из этого капельку удовольствия? Не знаю, с чего это вы взъелись на бедняжку Тамазин.

— Просто я уверен, что эта девица отнюдь не так простодушна, как хочет казаться, — процедил я.

Я уже собирался рассказать Барaku, что вчерашний случай с ограблением Тамазин представляется мне подозрительным, однако счел за благо придержать язык.

— Мистрис Марлин — довольно странная особа, — заметил Барак. — Как вы думаете, сколько ей лет?

— Около тридцати, как и вам.

— Она была бы недурна, если бы умела улыбаться. А то вид у нее такой, словно она только что глотнула уксусу.

— У нее нет повода веселиться. Вы же слышали: ее жених заключен в Тауэр. Она рассказала мне, что они знакомы с детства.

— Если сейчас ей тридцать, помолвка изрядно затянулась.

— Вы правы.

— Если хотите, завтра я могу спросить мистрис Тамазин, почему ее хозяйка так долго не сочетается браком со своим нареченным, — с улыбкой предложил Барак.

— Признаюсь, эта женщина возбуждает мое любопытство. Я чувствую, она невзлюбила меня с первого взгляда, и никак не могу взять в толк почему.

— Думаю, вы далеко не единственный, к кому эта прокисшая леди питает неприязнь. Сразу видно: она ненавидит весь мир.

— Возможно, так оно и есть. Но давайте оставим представительниц прекрасного пола в покое, Барак. Мне весь день хотелось кое о чем с вами поговорить. Сегодня утром, когда мы оказались в ловушке, вы заявили, что прежде ни за что не совершили бы столь глупой ошибки. Я замечаю, что последние месяцы вы томитесь от скуки. Скажите, я прав?

— Сам не знаю, что со мной происходит, — в некотором замешательстве пробормотал Барак. — Но я чувствую, что тупею на глазах. Раньше я был отважным и ловким парнем, а сейчас я... ни рыба ни мясо.

Я понимающе кивнул.

— Когда я начал служить у вас, все было для меня в новинку, — покраснев, продолжал Барак. — На первых порах мне было интересно. А потом я понял, что...

Он смолк, окончательно смешавшись.

— Говорите, прошу вас.

— Наверное, мне не место среди законников, — пробормотал Барак. — Нрав у меня слишком грубый и откровенный. Все эти любезности мне поперек горла. Знали бы вы, сколько раз я любезно раскланивался с вашими собратями-крючкотворами, а в душе мне отчаянно хотелось послать их всех к черту.

— Все это мальчишество, Барак. Вам пора взрослеть.

— Я давно уже повзрослел, — упрямо покачал головой Барак. — Но вы знаете, какую жизнь я вел прежде. Простую грубую жизнь среди простых грубых людей. Именно у них я добывал сведения, необходимые лорду Кромвелю. И мой патрон всегда был мною доволен. Но его не стало, а мне пришлось сделаться клерком. Никакому ремеслу я не обучен и, если расстанусь с вами, превращусь в уличного бродягу. То есть кончу тем, с чего начинал, — вздохнул Барак и сокрушенно потер лоб.

— Да, я понимаю, такому человеку, как вы, стезя законника подчас представляется унылой и однообразной. Но, Джек, вы должны думать о будущем. Должность в Линкольнс-Инне всегда даст вам средства к

существованию. А если вы снова пуститесь во все тяжкие, вам, скорее всего, придется умереть под забором.

— Откровенно вам скажу, я буквально разрываюсь надвое, — произнес Барак, глядя мне прямо в глаза. — С одной стороны, я понимаю, что поступлю разумно, если останусь с вами и попытаюсь остепениться. С другой стороны, мне отчаянно хочется приключений. Вроде того, что мы пережили сегодня утром.

— Понимаю, — со вздохом изрек я. — Если вы оставите меня, Джек, я буду очень об этом сожалеть. До последнего времени вы были весьма толковым помощником, и, признаюсь, я изрядно к вам привязался. Но речь идет о вашей жизни, и только вы можете принять решение.

— В последние недели я был не слишком усердным клерком, правда? — с грустной улыбкой спросил Барак.

— Не слишком.

— Я ничего не мог с собой поделать, — прикусил губу Барак. — Когда мы вернемся в Лондон, я непременно решу, как жить дальше.

— Если у вас возникнет желание поговорить со мной, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо.

— Да, и вот еще что, — произнес я, набрав в грудь побольше воздуха. — Я подумал, что завтра нам стоит встать пораньше и до репетиции заглянуть в дом стекольщика. Боюсь, Малевверер будет в ярости, если узнает, что мы не изыскали возможности сообщить ему о тайнике. Давайте проверим, удалось ли его людям что-нибудь найти в комнате. Если они сами обнаружили тайник, нам не о чем волноваться.

— А если нет?

— Тогда мы попытаемся найти тайник сами, — без особого пыла сказал я.

Глаза Барака, напротив, радостно вспыхнули.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К тому времени, как мы вышли из трапезной, дождь прекратился. Уже совсем стемнело, однако работа во дворе монастыря кипела по-прежнему. Рядом с павильонами выросли три огромных шатра, и работники вносили туда мебель, изящные стулья, покрытые богатой резьбой шкафы и огромные корзины, в которых, судя по всему, хранилась золотая посуда. Корзины сопровождали солдаты, доставившие всю эту роскошь из Лондона.

Вернувшись в свое временное пристанище, мы увидели, что клерки, поставив у очага стол, развлекаются игрой в карты. Среди них я заметил Кимбера и пару молодых людей в мантиях стряпчих.

«Непривычные условия, в которых оказались многие люди благодаря королевскому путешествию, творят чудеса», — пронеслось у меня в голове.

Некоторым пришлось забыть о сословной спеси и держаться на равных с теми, кого при других обстоятельствах они не удостоили бы своего общества. Завидев нас, Кимбер предложил присоединиться к игре. Я отказался, сославшись на усталость. Горечь обиды, которую я испытал, услышав слово «горбун», до сих пор не улеглась. Бараку я сказал, что он волен поступать по собственному усмотрению. Он выразил желание принять участие в игре, и я вновь ощутил легкий укол обиды.

Вернувшись в свою каморку, я принялся чинить разорванную мантию. Покончив с этим делом, весьма затруднительным для человека, обладающего столь малым портняжным навыком, я растянулся на кровати.

Час был слишком ранний для того, чтобы спать, и я коротал время, прислушиваясь к радостным крикам счастливых игроков и горестным возгласам тех, от кого удача отвернулась.

Но постепенно мысли мои вернулись к тревожным событиям сегодняшнего дня. Я размышлял о том, какие причины вынудили Малевевера столь поспешно выехать навстречу королевскому кортежу. Досадно все-таки, что мы так и не сумели сообщить ему о тайнике, который, возможно, имеется в доме стекольщика. Поразмыслив над собственным внезапным решением отправиться в дом погибшего с утра пораньше, я счел его весьма разумным.

Если мы выясним, что люди Малевевера обнаружили тайник, нам более не о чем беспокоиться. Если обыск прошел впустую и тайник обнаружим мы с Баракком, это заставит надменного вельможу относиться к моей

скромной персоне с большим уважением.

Я не мог не признаться самому себе, что Малевьерер внушает мне трепет. Вне всякого сомнения, он был так же резок и беспощаден, как покойный Кромвель, но, насколько я мог судить, не отличался ни глубиной, ни пронизательностью последнего. К тому же у меня создалось впечатление, что этот человек начисто лишен каких-либо моральных принципов. Поступками его двигали лишь непомерные амбиции и желание утвердить собственную власть. А я прекрасно понимал, что жестокий и амбициозный чиновник представляет немалую опасность для всех, кто имеет несчастье находиться рядом с ним.

Мысли о Бродерике тоже бередили душу. С каким холодным презрением он заявил, что все мои заботы направлены на то, чтобы живым и здоровым доставить его в руки лондонских палачей. Слова эти не давали мне покоя, ибо я признавал их справедливость. Но при этом никак не следовало забывать, что Бродерик был одним из участников заговора, который, увенчавшись он только успехом, вверг бы всю страну в кровавую учину. Любопытно, какую тайну скрывает этот изможденный юноша? Тайна эта представляет опасность даже для могущественного Кранмера. Впрочем, неведение служит залогом моей собственной безопасности.

Наконец самые заядлые игроки разошлись по своим комнатам. Я слышал, как Барак вернулся к себе. Судя по звяканью монет, которые он пересчитывал, у него выдался удачный вечер. Вспомнив о том, что уже поздно, я разделся и улегся в постель, однако тревожные мысли не оставляли меня. На память пришла Дженнет Марлин, унылая женщина, рассерженная на весь мир.

«Кого же все-таки она мне напоминает?» — вновь и вновь спрашивал я себя.

Догадка, вспыхнувшая в сознании, была так неожиданна, что у меня перехватило дыхание.

Телесный мой изъян отравлял мне жизнь с самых ранних лет. Мальчишки с окрестных ферм никогда не принимали меня в игры; казалось, они опасались, что я заражу их своим недугом. К тому же, согласно предрассудку, весьма живучему среди простолюдинов, горбуны приносят несчастье.

Лишь одно-единственное юное существо не чуралось моего общества, соглашаясь разделять со мной свои забавы. То была девочка по имени Сюзанна, моя ровесница, дочь фермера, чьи земли располагались по соседству с нашими. Отец ее, грубый жизнерадостный здоровяк, рано овдовел. Помимо девочки, жена оставила ему выводок из пятерых крепких

горластых мальчишек. Отец Сюзанны плохо представлял, что делать со своей единственной дочерью, и девочка бродила как неприкаянная. Однажды утром она появилась во дворе, где я пускал кораблики в большой луже. Девочка внимательно наблюдала за мной; я украдкой бросал на нее взгляды, не решаясь заговорить.

— Что ты делаешь? — наконец спросила Сюзанна.

— Играю в кораблики.

Пересилив застенчивость, я отважился поднять глаза на свою маленькую собеседницу. Девочка явно выросла из своего платья, грязного и поношенного; волосы, которых давно не касался гребень, торчали в разные стороны, как солома. Она более походила на маленькую бродяжку, чем на дочь преуспевающего фермера.

— Можно мне поиграть с тобой? — спросила девочка и слегка нахмурилась, словно заранее готовясь к отказу.

Но я истомился от одиночества и решил, что на худой конец в качестве товарища сойдет и девчонка.

— Можно, — буркнул я не слишком приветливо.

— Тебя как зовут?

— Мэтью.

— А меня Сюзанна. Сколько тебе лет?

— Восемь.

— И мне столько же.

Сюзанна опустилась на колени рядом со мной и сказала, указав на одно из утлых бумажных суденышек:

— Кораблик-то кособокий. Ты неправильно его сложил.

В течение нескольких последующих лет Сюзанна оставалась моей единственной подругой. Впрочем, иногда я не видел ее месяцами; как видно, отец запрещал ей водиться с горбуном. Но рано или поздно девочка непременно появлялась вновь и, никак не объясняя длительного своего отсутствия, присоединялась к моим одиноким играм. Как правило, она заставляла меня предаваться девчоночьим забавам: строить в старом сарае домики для ее потрепанных грязных кукол, купать их и готовить для них угощение. Сюзанна любила командовать, но все же с ней мне было куда веселее, чем в одиночестве, и, когда она исчезала, я очень скучал. К тому же я вскоре осознал, что маленькая моя подруга еще более одинока и несчастна, чем я сам, ибо лишена даже отцовской любви, и проникся к ней сочувствием.

Дружба наша, если только наши отношения можно было назвать дружбой, внезапно оборвалась, когда нам исполнилось по тринадцать.

Сюзанна уже несколько месяцев не заглядывала ко мне; я видел ее лишь в церкви, да и то издалека, так как семья ее занимала скамью на противоположном конце.

Воскресным летним днем, возвращаясь домой после службы, я заметил впереди, в переулке, нескольких мальчиков и девочек. На девочках были длинные, почти взрослые платья и чепцы с лентами, на мальчиках — выходные камзолы и шапки. Я заметил, что девочки потихоньку отталкивают друг друга, стараясь занять место рядом с Гилбертом Болдуином, красивым и ладным парнем лет четырнадцати, который был заводилой во всех мальчишеских играх. Вслед за этой нарядной веселой толпой в одиночестве плелась Сюзанна; в руках у нее был длинный ореховый прут, которым она колотила по траве. Я нагнал ее.

— Привет, Сюзанна, — сказал я.

Она повернула ко мне лицо, которое было бы очень миловидным, если бы нежные девические черты не искажало выражение злобы и обиды. Платье Сюзанны по обыкновению было мятым и грязным, волосы висели длинными спутанными прядями.

— Убирайся прочь! — прошипела она.

— Но почему, Сюзанна? — опешив, спросил я. — Чем я провинился?

— Это все из-за тебя! — выпалила Сюзанна, и лицо ее вспыхнуло от гнева.

— О чем ты? — пробормотал я в полной растерянности.

— Они все знаться со мной не хотят! Говорят, мое платье скверно пахнет! Говорят, я замарашка и манеры у меня как у сапожника! Это все из-за того, что я играла с тобой, а не с девочками. И потому не научилась правильно вести себя и одеваться. Гилли Болдуин говорит, чтобы я не таскалась за ними, а лучше шла кокетничать со своим приятелем-горбуном.

Голос Сюзанны оборвался; слезы, которые она так долго сдерживала, потекли по пунцовым от гнева щекам.

Окинув взглядом улицу, я заметил, что обидчики Сюзанны остановились и внимательно наблюдают за происходящей меж нами сценой. Мальчики выглядели смущенными, а девочки, напротив, хихикали от удовольствия.

— Посмотрите, как ловко Сьюзи строит глазки своему кавалеру! — крикнула одна из них.

— Нет! — завопила Сюзанна, поворачиваясь к насмешникам. — Он мне никто! Я не хочу с ним дружить! Я больше никогда не буду с ним разговаривать!

Взрыв дружного смеха послужил ей ответом. Сюзанна разрыдалась,

повернулась и бросилась через поле, рассекая своим прутом колосья молодой пшеницы.

Я проводил ее взглядом и побрел домой. Теперь, когда подростки, дразнившие Сюзанну, скрылись, я мог беспрепятственно продолжить свой путь. На собственном горьком опыте я давно уже понял, что единственный способ избежать насмешек — хранить молчание и как можно реже попадаться сверстникам на глаза. Понимал я также, что причина, сделавшая Сюзанну мишенью издевательств, кроется вовсе не во мне, а в том пренебрежении, которым она была окружена в собственной семье. И все же, хотя сама она только что обошлась со мной так грубо, мне было ее невыносимо жаль.

Впоследствии, случайно сталкиваясь с одинокой, неприкаянной Сюзанной, которая неизменно бросала на меня злобный взгляд, я всегда ощущал приступ острой жалости. Несмотря на все доводы рассудка, я чувствовал себя виноватым перед ней. Через несколько лет я уехал в Лондон и никогда более не встречал Сюзанну. Согласно дошедшим до меня слухам, она так и не вышла замуж, со временем стала рьяной сторонницей церковной реформы и обвиняла соседей в преданности папизму.

Дженнет Марлин принадлежала к совершенно другому общественному классу; и все же, подобно злополучной подруге моего детства, она ненавидела весь мир, который был с ней слишком жесток. Находясь рядом с этой женщиной, я тоже ощущал жалость и желание взять ее под свою защиту. Мысленно подивившись этому странному обстоятельству, я вздохнул и опустил голову на подушку. Через несколько мгновений сон наконец овладел мною.

С вечера мы с Баракком договорились подняться в шесть, и в назначенное время он постучал в мою дверь. Беспокойный сон не освежил меня, но все же я встал и оделся, содрогаясь от утренней сырости. Вместо собственного плаща я надел плащ Ренна, дабы вернуть его владельцу во время репетиции. Стараясь ступать как можно бесшумнее, чтобы не разбудить никого из наших соседей, спавших за тонкими перегородками, мы выскользнули из дома.

Рассвет лишь занимался, все вокруг было погружено в сумрак. Пройдя по тропе вдоль церкви, мимо того самого места, где накануне нам довелось обнаружить беднягу Олдройда, мы подошли к воротам. В карауле стоял молодой сержант Ликон, с которым мы вчера свели знакомство.

— Опять поднялись спозаранку, сэр? — обратился он ко мне.

— Да, нам необходимо побывать в городе. А вы всю ночь стояли в карауле?

— Так точно, сэр. В те два дня, что остались до приезда короля, мне почти не придется отдыхать. А странная все же история вышла вчера с этим стекольщиком, сэр, — добавил он. — Сэр Уильям Малеверер вызвал меня к себе и засыпал вопросами.

«Значит, сержанта он тоже успел допросить», — отметил я про себя.

— Вы правы, история на редкость странная, — произнес я вслух. — Вчера, когда взбесившаяся лошадь ворвалась во двор, я было решил, что к нам явился посланец ада.

— Говорят, стекольщик погиб по собственной неосторожности. Что вы об этом думаете, сэр?

Судя по пронзительному взгляду сержанта, сам он не слишком в это верил. Возможно, ему пришло в голову, что Малеверер вряд ли стал бы уделять столько внимания несчастному случаю с простым работником.

— Все говорят, стекольщик упал сам, — сказала. — В жизни случаются и более удивительные вещи, — добавил я, решив сменить тему. — Наверняка по пути из Лондона вы навиделись всяких диковин.

— Откровенно говоря, ничего особенно любопытного мне увидеть не удалось, — пожал плечами сержант. — До тех пор, пока меня не отправили сюда из Понтефракта, я плелся за королевской свитой и видел лишь клубы пыли, которые лошади поднимали своими копытами. Да и то только в сухую погоду. А в дождь дорога превращалась в жидкое месиво, и тут уж смотреть по сторонам не приходилось. Правда, неподалеку от Хатфилда произошла одна занятная история, — заметил он с улыбкой. — Мартышка, которую везла с собой одна из фрейлин королевы, сбежала и добралась до ближайшей деревни.

— Неужели?

— Вы не представляете, какой там начался переполох! Деревенские жители решили, что к ним явился сам дьявол, бросились в церковь и принялись умолять священника отправить нечистого обратно в ад. Меня и еще нескольких парней послали изловить беглянку. Мартышку мы нашли в кладовой одного из крестьян. Она преспокойно лакобилась фруктами, словно и не знала, какая из-за нее поднялась суматоха.

— Представляю, что это было за зрелище! — со смехом заявил Барак.

— Да уж. Честно вам скажу, мне тоже стало малость не по себе, когда я увидел эту тварь в крошечном камзольчике, который сшила для нее хозяйка. Уж слишком она напоминала чертенка со своим длинным хвостом и глумливой физиономией. Неудивительно, что деревенские так перепугались. Они ведь все паписты и, уж конечно, вообразили, что вместе с королем путешествуют целые полчища дьяволов.

Сержант смолк и покачал головой.

— Что ж, всего вам наилучшего, сержант. Нам пора идти.

Выйдя из ворот, мы направились к заставе Бутхэм.

— Сержант производит впечатление весьма смышленного малого, — заметил я.

— Да, только он излишне разговорчив. Солдат не должен задавать вопросов.

— Некоторые люди никак не могут побороть свое любопытство.

— Это я и без вас знаю, — пробурчал Барак, искоса взглянув на меня.

Подойдя к городским воротам, мы выяснили, что они заперты. Комендантский час еще не кончился, и стражник отказался пропускать нас внутрь. Я полез в карман, дабы вытащить документы, и вслух выругался, вспомнив, что оставил их в своей каморке.

— Я никак не могу пропустить вас, сэр, — повторил упрямый солдат.

Я велел Бараку сбегать к сержанту Ликону и попросить его направить кого-нибудь нам на выручку. Через несколько минут Барак вернулся в сопровождении здорового солдата, несомненно уроженца Кента, который непререкаемым тоном приказал караульному пропустить нас в город. Недовольно ворча, бдительный страж отпер огромные деревянные ворота.

Пока мы шли по Стоунгейту, на небе заблестало солнце и город начал оживать. Нам сопутствовал грохот раскрываемых ставень; люди, распахнув окна, выливали на улицы содержимое ночных горшков, вынуждая нас держаться ближе к домам. Лавочники появлялись в дверях своих лавок, зазывая первых покупателей.

— Что-то вы сегодня не слишком разговорчивы, — обратился я к Бараку.

Вчерашний наш разговор не выходил у меня из головы.

— Вы тоже.

— Я скверно спал, — сообщил я и добавил после минутного размышления: — Мысли о Бродерике не давали мне покоя.

— И что вас тревожит?

— Вы же знаете, согласно полученным мною распоряжениям я должен доставить арестанта в Лондон живым и здоровым.

— И вы опасаетесь, что тюремщик будет чинить вам в этом препону?

— Нет, — покачал я головой. — Конечно, ему доставляет удовольствие изводить заключенного, но я уверен, что сумею положить этому конец. Меня беспокоит сам Бродерик. Он уверен: все мои попечения направлены лишь на то, чтобы в целостности и сохранности передать его в руки лондонских

палачей.

— Ну, этим ребятам вы окажете, что называется, медвежью услугу, — усмехнулся Барак. — У человека, который сломлен телесно, язык развязывается быстрее. А так им придется изрядно повозиться с этим вашим Бродериком.

— Он заявил, что будет хранить молчание. И никакие пытки не заставят его говорить.

— Лорд Кромвель утверждал, что под пытками заговорит любой, — бесстрастно проронил Барак. — И он был прав.

— Знаю, — кивнул я. — Но, по моему разумению, Бродерик принадлежит к тем, кто опровергает общие правила.

— Ну, в Тауэре он окажется еще не скоро, и за это время многое способно измениться, — заметил Барак. — Возможно, он решит, что упорствовать в молчании не имеет смысла. А может, откроются какие-нибудь новые обстоятельства, которые сделают его признания не столь уж важными. Как знать? Так или иначе, сейчас вы облегчаете его положение, и он должен питать к вам признательность.

— Избежать пыток Бродерику вряд ли удастся, — возразил я. — Кранмер уверен в том, что ему известно нечто чрезвычайно важное. Его подвергнут допросу с пристрастием. И если он в конце концов заговорит, его вынудят к тому нечеловеческие страдания.

— А разве, отправляясь сюда, вы об этом не задумывались? — спросил Барак, и какое-то неуловимое выражение мелькнуло в его взгляде.

— Скажу откровенно, мне было не до размышлений. Все эти хлопоты, связанные с похоронами отца и с приведением в порядок его дел, заставили меня забыть обо всем. К тому же перспектива получить щедрую награду очень меня окрылила, — добавил я с косой ухмылкой.

— Сейчас вы выглядите не окрыленным, а пришибленным.

— Знаю без вас, — буркнул я. — Господи боже, как бы мне хотелось со всем этим покончить и вернуться в Лондон! — добавил я с жаром.

— Мне тоже.

Проходя по Питергейту, мы услышали перебранку: двое солдат, вооруженных дубинками, гнали к городским воротам с полдюжины оборванцев. Поравнявшись с ними, я замедлил шаг, ибо в парне с бородавкой на носу узнал воришку, который пару дней назад пытался похитить корзинку у Тамазин Ридбурн. Сообщник его тоже был здесь. Судя по лицу Барака, он тоже узнал наших давних знакомых. Я торопливо приблизился к одному из солдат.

— Простите, сэр. Вы гоните этих людей прочь из города?

— Да, мастер, — ответил солдат.

Он был уже не молод, и вокруг тонкого рта лежали жесткие складки.

— К приезду короля в Йорке не останется ни единого нищего. И ни единого шотландца.

— Не позволите ли мне поговорить с ним? — спросил я, указывая на парнишку с бородавкой.

— А вы что, знаете этого проходимца? Наверняка он обчистил вам карманы!

Парень, несомненно узнавший и меня, и Барака, бросал на нас испуганные взгляды.

— Нет, он не причинил мне никакого вреда, — заверил я. — Но, полагаю, ему кое-что известно относительно одного дела, которое весьма меня занимает.

С этими словами я извлек из кармана монету в шесть пенсов.

— Если вам так уж хочется перемолвиться с ним парой слов, не стану чинить препятствий, — пробурчал солдат, с жадностью схватив монету. — Вот только не знаю, согласится ли Ральф. Ему ведь, как и мне, платят сущие гроши.

— Сущие гроши, — подхватил его напарник.

Мне ничего не оставалось, кроме как вытащить еще одну монету. Барак меж тем схватил оборванца за шиворот. Парень был ни жив ни мертв от страха. Барак оттащил его подальше от солдат и других нищих, дабы они не слышали наш разговор.

— Вспомни-ка один случай, что произошел два дня назад, — произнес я, вглядываясь в чумазое лицо мальчишки.

Он был даже моложе, чем мне показалось сначала, — лет тринадцати или около того.

— Я не собираюсь ни в чем тебя обвинять. Просто расскажи все, что тебе известно. И тебе не придется пожалеть о своей откровенности, — заверил я, помахав перед его носом очередной монетой в шесть пенсов.

— Да что вы хотите узнать? — пробормотал сбитый с толку Барак. — Этот пострел пытался ограбить Тамазин и...

— Как тебя зовут? — обратился я к мальчишке, даже не взглянув на Барака.

— Стивен Хауклиф, мастер, — пробормотал оборванец.

Акцент у него был настолько сильным, что я с трудом разбирал, что он говорит.

— Никого мы не грабили, — сообщил он. — Она сама нас попросила утащить ее корзину.

— Кто она? Девушка?

— Девушка, мастер. Мы с Джоном, моим приятелем, просили милостыню на улицах. Мы же знали, что скоро нас выбросят из города, вот и хотели заработать побольше. Девушка сама подошла к нам и попросила утащить ее корзинку. Рядом с ней был слуга, здоровенный малый. Ему все это не слишком нравилось. Но она велела ему отправиться в лавку и переждать там, пока мы провернем это дельце. Так что, мастер, никого мы не грабили.

Барак снова схватил мальчугана за шиворот и повернул лицом к себе.

— А ты не заливаешь? — грозно спросил он. — Если ты врешь, пеняй на себя. Я разнесу твою глупую башку на мелкие кусочки, можешь не сомневаться. Девушка не сказала, зачем ей понадобилось изображать ограбление?

— Сказала, мастер, — запинаясь от страха, пробормотал мальчишка. — Сказала, что вскоре здесь пройдет один человек и ей надо привлечь его внимание. Лопни мои глаза, мастер, я говорю чистую правду! — возопил он, чуть не плача. — Она велела нам ждать за углом, пока она не позовет. А когда она сделала знак, я притворился, что хочу вырвать у нее корзинку. Уж не сомневайтесь, если бы я и в самом деле хотел ее ограбить, она бы эту корзинку ни в жизнь не удержала. А потом появились вы с мечом. Мы испугались и убежали.

Барак задумчиво сдвинул брови. Вне всякого сомнения, он, как и я, понял, что мальчуган не лжет.

— Откуда ты родом, парень? — спросил я.

— Из Норталлертона, мастер. Никакой работы там не найдешь. Вот мы с моим другом Джоном и надумали перебраться в Йорк. Да только и здесь пришлось побираться на улицах.

— А куда вас гонят солдаты?

— На большую дорогу, куда же еще. Говорят, к пятнице мы должны быть в десяти милях от Йорка. Немоцных спрячут от королевских глаз в Тэйлорс-холле, а всех, кто в состоянии передвигаться, гонят прочь. А уж где мы найдем приют, никому не известно.

Голубые глаза, сверкавшие на его чумазом лице, явно хотели меня разжалобить. Мальчишка достиг цели, ибо я со вздохом опустил шестипенсовик в кошелек и вытащил вместо него шиллинг.

— Держи, — сказал я, протягивая монету оборванцу. — Спрячь быстрее, пока солдаты не увидели.

— Спасибо, сэр, — пробормотал мальчишка.

Я подозвал солдата и вручил ему маленького нищего.

— Что за игру затеяла красотка Тамазин? — процедил Барак, как только мы остались одни.

Лицо его побагровело от гнева.

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — Я давно уже заподозрил, что дело тут нечисто. Но до поры до времени держал язык за зубами. Видимо, придется обратить на юную особу самое пристальное внимание. Надо выяснить, почему ей так хотелось свести со мной знакомство.

— А при чем тут вы? — не без обиды спросил Барак. — Я думаю, она пустилась на эту уловку, чтобы заманить меня.

— Зачем вы ей сдались, Барак? — усмехнулся я. — Ведь важный политический преступник доверен моему попечению, а не вашему. Уверен, именно это обстоятельство возбудило у прекрасной Тамазин интерес к моей скромной персоне. Я должен понять, где собака зарыта, Барак. И как можно скорее.

— Могу я кое о чем попросить вас? Сделайте одолжение, не говорите о нашем открытии этой зануде Марлин. По крайней мере, сейчас. Сначала расспросите Тамазин и...

— Откровенничать с мистрис Марлин отнюдь не входило в мои намерения, — перебил я. — Не забывайте, что она тесно связана с человеком, который обвинен в государственной измене.

— Черт. Но вы же не думаете...

— Пока я не знаю, что и думать. Но надеюсь в самом скором времени разгадать эту загадку. А сейчас поспешим в дом Олдройда. Надо осмотреть его, прежде чем на улицах станет слишком многолюдно.

Я нащупал в кармане ключ от дома стекольщика, радуясь, что Малеверер не приказал мне вернуть его.

Мы торопливо зашагали по Стоунгейту. Лавочники, стоявшие в дверях своих лавок, провожали нас неприветливыми, настороженными взглядами. Я опасался, что Малеверер приказал установить около дома охрану, однако вокруг не было ни души. Ставни закрыты, дверь тоже; как видно, люди Малеверера обнаружили в жилище стекольщика еще один ключ. Я отпер дверь.

В комнате царил сумрак. Барак подошел к окну и настезь распахнул ставни. В следующее мгновение отчаянный вопль заставил содрогнуться нас обоих.

В свете дня, проникшем в комнату, мы увидели, что там царит полный хаос. Стулья и стол опрокинуты, массивный буфет отодвинут от стены. У очага, на кровати, сидела полная женщина средних лет, в белом ночном чепце и ночной рубашке. Она вновь завизжала, причем так пронзительно,

что зазвенели оконные стекла.

— Сударыня, прошу вас, успокойтесь, — произнеся. — Мы не причиним вам никакого вреда. Просто мы не думали, что кого-нибудь здесь застанем.

Но женщина издала очередной вопль. Глаза ее от страха буквально вылезали из орбит. Дабы заставить ее замолчать, Барак подошел к ней и легонько хлопнул по лицу. Средство подействовало — женщина прижала руку к щеке и залилась слезами.

— Господи боже, вы так кричите, что и мертвого разбудите, — пробормотал Барак. — Сказано же вам: нас нечего бояться.

Женщина, жалобно всхлипывая, натянула одеяло до самой шеи. Вид у нее был такой беспомощный и растерянный, что мне стало ее жаль. Я заметил, что рядом с кроватью аккуратной стопкой сложена одежда.

— Вы служанка мастера Олдройда? — спросил я.

— Да, мастер, — ответила она дрожащим голосом. — Меня зовут Кэт Биланд. А вы кто — люди короля?

— Да. Прошу вас, успокойтесь. Барак, давайте выйдем и дадим этой достойной женщине возможность привести себя в порядок.

Мы с Бараксом вышли в холл. Из комнаты доносились сдержанные всхлипывания и тяжелые вздохи.

— Надеюсь, я ударил ее не слишком сильно, — виновато пробормотал Барак. — Но если бы я не заставил ее замолчать, на крик сбежались бы все соседи.

Я молча кивнул. Минуту спустя служанка распахнула дверь. Взгляд ее по-прежнему был полон тревоги и недоверия.

— Простите, что испугали вас, сударыня, — сказал я. — Мы всего лишь хотим осмотреть комнаты наверху.

— Вчера сэръ Уильям уже расспрашивал меня, — заявила женщина, опускаясь на кровать. — И вам я могу лишь повторить то, что сказала ему. Мне ничего не известно о делах бедного мастера Олдройда, упокой Господь его чистую душу.

Она осенила себя крестом и обвела глазами разгромленную комнату.

— Видите сами, они весь дом перевернули вверх дном. И двор перекопали. Да еще и забрали с собой бедного Пола и до сих пор держат его взаперти. А ведь мальчуган и мухи не обидит. От всех этих бед у меня голова идет кругом.

— Если вы ничего не знаете, у вас нет причины для опасений.

Женщина отчаянно махнула рукой.

— Я должна привести дом в порядок. Но для кого?

Губы ее тронула печальная улыбка.

— Здесь больше никто не живет.

Мы с Баракком поднялись по лестнице. Двери обеих спален были распахнуты. В комнатах, как и внизу, царил ужасающий беспорядок. Войдя в комнату Олдройда, мы увидели, что кровать перевернута, а содержимое всех сундуков выброшено на пол. Обивка на стенах во многих местах была разорвана и висела клочьями, обнажая деревянные панели.

— Никаких признаков тайника, — изрек Барак. — А что он должен представлять, по-вашему? Углубление в стене?

— Узнаем, когда найдем, — буркнул я и, подойдя к тому месту, в которое вчера несколько раз упирался взгляд подмастерья, принялся выстукивать стену. Судя по глухому звуку, это была толстая прочная стена, отделявшая дом Олдройда от соседнего строения. Барак присоединился ко мне и, нагнувшись, начал выстукивать на стене дробь.

— О, кажется, что-то есть! — воскликнул он.

Я опустился на колени рядом с ним. Он вновь постучал по деревянной панели, расположенной у самого пола. Звук, который издавала доска, говорил о том, что за ней скрывается пустое пространство. Я тщательно ощупал ее, ощутив под пальцами несколько крошечных углублений, достаточных для того, чтобы вставить в них ноготь. Я тихонько надавил на панель, и она, выскользнув из пазов, упала на пол, открыв небольшую нишу. Тайник был сделан мастерски; судя по всему, у Олдройда и в самом деле были золотые руки.

Мы заглянули внутрь. И длина, и ширина квадратной ниши составляли примерно девять дюймов. Почти все ее пространство занимала шкатулка. Я вытащил ее. На крышке ящика из темного дерева была изображена Диана-охотница, преследующая оленя. В таких шкатулках состоятельные женщины обычно держат драгоценности. Осмотрев находку внимательнее, я заметил, что роспись на крышке потускнела; шкатулки такого фасона были в моде лет сто назад, еще до войны Алой и Белой розы.

Барак восхищенно присвистнул.

— Вы были правы. Мы пришли сюда не зря.

— Шкатулка очень легкая, — заметил я. — Но похоже, внутри что-то есть.

Я попытался поднять крышку, но она не поддавалась. Приглядевшись, я заметил миниатюрный замок. Я потряс шкатулку, но не услышал ни единого звука.

— Давайте сломаем замок, — предложил Барак.

— Нет, — ответил я, поборов мгновенное искушение. — Лучше

открыть ее в присутствии Малевевера.

— Интересно, откуда мальчишка знал о шкатулке? — спросил Барак. — Наверняка подглядывал за своим хозяином в замочную скважину.

— Так или иначе, этот парень умеет держать язык за зубами. Иначе шкатулка была бы уже в руках Малевевера. В том, что его люди ее не нашли, нет ничего удивительного. Спрятана она весьма искусно.

— Но почему подмастерье так упорно молчит? Мне показалось, этот мальчик не слишком похож на храбреца.

— Скорее всего, Малевевер уехал из аббатства, не успев его допросить. Идемте, в наших интересах сообщить о находке как можно скорее.

— Что за шум? — нахмурившись, спросил Барак и подошел к окну.

Я последовал его примеру. Кэт Биланд, успевшая выйти на улицу, рыдала на плече какой-то женщины. Рядом, всячески выражая сочувствие, стояли еще три или четыре женщины, а чуть в стороне — с полдюжины мужчин. Несколько подмастерьев в синих плащах со всех ног неслись по улице, торопясь присоединиться к толпе.

— Черт побери, — пробормотал я. — Служанка созвала-таки соседей.

— Давайте выберемся через заднюю дверь.

Я сунул шкатулку под полу, радуясь тому, что на мне просторный плащ мастера Ренна. Мы с Баракком поспешно спустились по лестнице. Однако скрыться нам не удалось. Служанка оставила дверь открытой, и, едва мы оказались в холле, люди, собравшиеся на улице, нас заметили.

— Вот они, вот! — раздались злобные голоса.

— Идемте, Барак, — скомандовал я вполголоса. — Если они поймут, что мы напуганы, дело плохо.

Я вышел из дома, с замиранием сердца вспомнив о том, что все мои бумаги остались в монастыре.

— Что здесь за беспорядки? — спросил я, стараясь придать своему голосу как можно больше суровости.

Какой-то человек в кожаном фартуке выступил вперед. Судя по мелким порезам, покрывавшим его руки, он тоже был стекольщиком.

— Кто вы такие? — спросил он, смерив меня враждебным взглядом. — И что вам здесь понадобилось? Мой друг Питер Олдройд умер, и люди короля перевернули вверх дном его дом и забрали с собой его подмастерье. А бедняжку Кэт Биланд перепугали чуть не до смерти.

— Я — законник и нахожусь здесь по долгу службы. Мы хотели удостовериться, что в доме все в порядке.

Слова мои прозвучали до крайности неубедительно, и я сам это почувствовал.

— Мерзкий горбун! — раздался звонкий голос одного из подмастерьев.

Толпа ответила ему одобрительным ропотом. Барак потянулся к рукояти меча, но я покачал головой. Я понимал: если толпа придет в ярость, это грозит нам самыми печальными последствиями. Надеюсь увидеть где-нибудь поблизости солдат или констеблей, я окинул улицу взором. Но ждать помощи было неоткуда.

— Прошу вас, выслушайте меня, — произнес я, вскинув руку. — Мне очень жаль, что сосед ваш погиб и люди короля вели себя в его жилище столь бесцеремонно. Поверьте, я не имею к этому ни малейшего отношения. Я сожалею о том, что мы, сами того не желая, испугали эту достойную женщину. Однако обстоятельства смерти мастера Олдройда требуют расследования и...

— Какого еще расследования? — недовольно проворчал стекольщик в кожаном фартуке. — Питер был хорошим человеком. Он не мог совершить ничего скверного.

— А разве я обвинял его в чем-то? Я лишь сказал, что обстоятельства его смерти требуют расследования. Послушайте, будьте добры, позвольте нам наконец пройти.

— Если вы на службе короля, у вас должны быть бумаги! — заявил стекольщик. — У людей короля они всегда с собой.

— Да может, это воры! — крикнул кто-то в толпе.

Я растерянно озираясь по сторонам, надеюсь увидеть в толпе мастера Дайка, стекольщика, с которым беседовал вчера. По крайней мере, он мог подтвердить, что я состою на королевской службе и занимаюсь расследованием. Но, как назло, его нигде не было.

— Пропустите нас, — произнес я, набрав в легкие побольше воздуха, и решительно шагнул вперед.

Ни один человек не сдвинулся с места. Это означало, что собравшиеся отнюдь не намерены отпустить нас подобру-поздорову. Мгновение спустя камень, пущенный кем-то из задних рядов, ударил меня в плечо. От боли рука, которой я держал шкатулку, разжалась, и деревянный ящик с грохотом упал на мостовую.

— Воры! — зазвенел у меня в ушах чей-то истошный вопль. — Это точно воры!

Еще один камень угодил Бараку в руку повыше локтя. Толпа грозно сомкнулась, прижимая нас к стене дома. Стекольщик занес дубинку, и я сжался, ожидая удара.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Прекратите! — раздался властный окрик. Стекольщик послушно опустил дубинку. Сквозь толпу к нам протискивалась какая-то высокая дородная фигура. Я с облегчением узнал Джайлса Ренна.

— Сэр! — воскликнул я. — Вот уж воистину радостная встреча.

Старый законник расправил плечи, словно отгораживая нас от толпы. В парадной мантии, отороченной мехом, и черной шляпе с красным пером он выглядел весьма представительно.

— Что здесь происходит? — пророкотал он, грозно сверкнув глазами на стекольщика. — Может, вы объясните мне, мастер Пикеринг?

— Эти люди тайком пробрались в дом Питера Олдройда, мастер! Горбун сказал, что он законник. Да только мы ему не поверили. Посмотрите, чем они поживились.

Он указал на шкатулку, лежавшую у моих ног.

— Горбун прятал это под плащом!

Ренн, озадаченно нахмурившись, посмотрел на шкатулку, потом перевел вопросительный взгляд на меня.

— Мы лишь выполняли данное нам поручение, сэр, — пробормотал я, чувствуя, что щеки мои заливают румянец.

Ренн вскинул голову, продемонстрировав свой впечатляющий рост, и обратился к толпе.

— Все вы хорошо меня знаете! — произнес он. — Я могу поручиться за этих людей. Один из них — законник, который приехал в Йорк, дабы вместе со мной разбирать прошения, поданные на королевское имя. Другой — его помощник.

По толпе пронесся недовольный гул, однако слова Ренна возымели свое действие. Ярость, сверкавшая во взорах всего несколько мгновений назад, уступила место тревоге. Все понимали, что, оскорбив человека, состоящего на королевской службе, они совершили недопустимый просчет. Барак, потирая ушибленное плечо, обвел толпу торжествующим взглядом.

— Сборище болванов, — пробормотал он.

— Расходитесь по домам, — примирительно изрек Ренн, опустив руку на плечо Пикеринга. — Я сам разберусь, что здесь к чему. Думаю, всех вас ожидают дела.

— Теперь, когда в городе не осталось монастырей, нам, стекольщикам, частенько приходится сидеть без дела, — пробурчал Пикеринг, метнув на

меня злобный взгляд. — Питеру Олдройду, упокой Господь его душу, хотя бы не придется больше искать работу.

— Я знаю, мастер Пикеринг, что всем вам приходится несладко.

— Поэтому люди и обозлились, мастер Ренн. Никому больше не нужны витражные окна, и ремесло наше перестало приносить доход. А тут еще смерть Питера. Бедняга погиб, работая на самого короля. И поэтому солдаты устроили погром в его доме и до смерти запугали его слуг.

Он указал на Кэт Биланд, которая стояла чуть поодаль, утирая слезы краешком фартука.

— Спрашивается, зачем им понадобился Пол Грин? Всякому известно, этот парень никому не сделал зла. Непонятно, за какие грехи его держат взаперти.

— Да, я слышал о том, что мальчика забрали в монастырь. И я непременно узнаю, какова его участь. Но, как бы то ни было, мастер Шардлейк ни в чем не виноват. Позвольте нам пройти. Поднимите шкатулку, молодой Барак.

К моему великому облегчению, толпа расступилась. Ренн подошел к мальчугану, державшему под уздцы ослика, нагруженного двумя тяжелыми кожаными сумками; вне всякого сомнения, там находились прошения.

— Идем, Адам, — сказал старый законник.

Мальчик похлопал ослика по гладкому боку, побуждая двинуться с места, и бросил на Ренна вопросительный взгляд.

— Я вижу, ты сохранял спокойствие! Молодец! — изрек старый законник. — Помни, ты при любых обстоятельствах должен исполнять то, что тебе поручено. Этот мальчуган служит у меня на кухне, — пояснил он, обернувшись к нам. — Ему страх как хотелось увидеть приготовления к приезду короля, и он упросил меня взять его с собой.

Я кивнул, ощущая, как несколько десятков глаз смотрят мне в спину. Лишь когда мы миновали церковь и впереди замаячила ратуша, я вздохнул свободнее.

— Не могу выразить вам всю свою признательность, сэр, — произнес я. — Боюсь даже думать о том, что стало бы с нами, не подоспей вы на помощь.

— Да, эти олухи были настроены весьма решительно, — подхватил Барак. — Они уже пустили в ход камни. Как-то раз мне довелось видеть, как в Лондоне толпа растерзала чужестранца, который имел несчастье ей не понравиться.

— Увы, этим людям вы, уроженцы юга, тоже представляетесь чужестранцами, — произнес Ренн, пристально посмотрев на Барака. —

Смерть Олдройда, обыск, который устроили в его доме, жестокое обращение с его слугами — все это изрядно накалило страсти в Стоунгейте. Сегодня утром я, прежде чем направиться в аббатство Святой Марии, нарочно сделал крюк — хотел посмотреть, что здесь делается.

— Но дом убитого стекольщика обыскали по приказу Малеверера, — заметил я. — И беднягу подмастерье арестовали по его распоряжению. А Малеверер — уроженец Йоркшира.

— Но он член Совета северных графств, а значит, жители Йорка уже не считают его своим, — возразил Ренн. — Для них он прежде всего слуга короля. Малеверер привык действовать напролом, а это не всегда идет на пользу делу, — добавил он, покачав головой.

— Сегодня мне нужно непременно с ним поговорить, — сказал я.

— Об этом? — Ренн взглядом указал на шкатулку, которую Барак крепко прижимал к груди. — Вы нашли это в доме Олдройда?

— Да.

— А могу я узнать, что там?

— Этого мы не знаем сами. Шкатулка заперта. Я решил, что ее следует незамедлительно доставить сэру Уильяму. Пусть он ее откроет.

— Любопытно, упоминал ли об этой шкатулке бедный мальчуган, которого схватили вчера? — осведомился Ренн, не сводя с меня глаз. — Ведь Малеверер наверняка успел допросить его.

— Об этом мне тоже ровным счетом ничего не известно, — отрезал я.

Ренн несколько раз метнул на шкатулку быстрый взгляд, однако ничего не сказал. Мы повернули к аббатству Святой Марии. Несмотря на бодрый вид старого законника, медленная поступь выдавала его возраст. Сержант Ликон по-прежнему стоял на посту у ворот. Я осведомился у него, вернулся ли сэр Уильям.

— Нет, сэр, — ответил сержант. — Но его ожидают с минуты на минуту. Многие джентльмены желают срочно увидеться с сэром Уильямом. Недавно прибыл мастер Дерем, новый секретарь королевы. Он очень недоволен тем, что сэра Уильяма до сих пор нет в аббатстве.

Ренн глянул на часы, что стояли на столе в каморке сержанта. Они показывали двадцать минут девятого.

— Нам надо быть в конторе мастера Филти, — напомнил старый законник.

— У нас с Баракком еще есть в распоряжении полчаса, — ответил я. — Так что прежде всего мы спрячем эту шкатулку в каком-нибудь надежном месте.

Поразмыслив несколько мгновений, я вновь обратился к сержанту,

который с любопытством поглядывал на шкатулку в руках Барака:

— Вы не знаете, где сейчас можно найти мастера Крейка?

— Полагаю, он в своей конторе, в аббатском особняке.

— Благодарю вас.

Я повернулся к своим спутникам.

— Сейчас мы отыщем Крейка и попросим его спрятать шкатулку до возвращения Малевевера. А потом переоденемся и отправимся на репетицию.

Отойдя от ворот, Ренн обернулся, дабы еще раз взглянуть на сержанта Ликона, провожавшего нас взглядом.

— Этот парень удивительно походит на моего отца в молодые годы, — сообщил старый законник, и в голосе его послышались нотки грусти. — Такой же рост, такое же сложение. Даже волосы у отца были в точности такие же — светлые и вьющиеся. Стоило мне увидеть этого сержанта, и отец встал у меня перед глазами, как живой, — добавил он со вздохом.

Тут глазам его открылось чудное зрелище, которое заставило его потрясенно смолкнуть. Юный Адам тоже озирает преображенный монастырский двор, открыв рот от удивления. В самом деле: три огромных шатра и два грандиозных павильона могли поразить кого угодно. Работники, за которыми наблюдали солдаты в красных мундирах, по-прежнему заносили мебель внутрь этих колоссальных сооружений. Занавеси в одном из шатров были раздвинуты, и я видел, как работники развешивают там огромный гобелен, изумлявший богатством красок.

— Господи боже, — пробормотал Ренн. — Никогда в жизни я не видел ничего подобного.

— Мы до сих пор не знаем, что здесь замышляется, — заметил я. — Главные распорядители держат это в секрете.

Ренн повернулся к монастырской церкви. Взгляд его внезапно погрузнел, когда он увидел пустые оконные рамы и покрытое грязью крыльцо. Погонщик как раз заводил в церковную дверь нескольких осликов.

— Представляю, какая разруха царит внутри, — вполголоса произнес законник.

— Да, от убранства церкви ничего не осталось. Там завели конюшни.

— Печально, — вздохнул мастер Ренн. — В прежние времена я нередко бывал в этой церкви. Что ж, поспешим в аббатский дом, — произнес он совсем другим, бодрым тоном. — Там мы найдем и сэра Джеймса Филти, и вашего мастера Крейка. Мастер Барак, вы не могли бы взять сумки с прошениями? Предупреждаю, они очень тяжелые.

Барак снял кожаные сумки со спины ослика, которого мы, испросив предварительно разрешения у караульного, привязали к столбу. Юного Адама, несмотря на его отчаянное желание войти в дом, мы оставили сторожить животное.

Оказавшись в холле, мы увидели плотников, которые торопливо заканчивали работу. От пола до потолка холл был увешан восхитительными гобеленами, вытканными золотыми листьями, сверкавшими на ярком затейливом фоне. Подняв голову, я заметил, что потолок покрывает свежая роспись, необычайно искусная и красочная.

Группка чиновников стояла посреди холла, что-то с пылом обсуждая. В нескольких шагах от них я увидел леди Рочфорд, оживленно беседовавшую с молодым человеком, лицо которого украшала окладистая борода. Шелковый костюм его отличался весьма яркой и крикливой расцветкой, рукава, согласно последней моде, разрезаны. Судя по напряженным лицам леди и ее собеседника, оба были чем-то недовольны. Дженнет Марлин стояла чуть в стороне. Она бросила на Барака любопытный взгляд. Как видно, интерес ее возбудили тяжелые кожаные сумки у него на плече и расписная шкатулка, которую он по-прежнему сжимал в руках. Взгляд ее не ускользнул от леди Рочфорд и ее собеседника. Они тоже посмотрели на нас, причем леди Рочфорд осуждающе вскинула бровь.

— Что это они так уставились? — вполголоса спросил я у Барака.

— У вас вся спина белая, — усмехнулся мой помощник.

Вывернув шею, я удостоверился, что сзади плащ мой покрыт белой известковой пылью — как видно, я испачкался, когда толпа прижала меня к стене дома Олдройда. До меня донесся приглушенный хохот пышно разряженного молодого человека.

— Я испортил ваш плащ, мастер Ренн, — пробормотал я виноватым тоном.

— Ничего страшного. Все это без труда можно отчистить. Идемте, сэр, нам нужно спешить.

Мы обратились к караульному с просьбой указать, где находится контора мастера Крейка. Он провел нас на второй этаж. Тут Ренн покинул нас, дабы отправиться к сэру Джеймсу Филти. Прежде чем расстаться со старым законником, я вернул ему плащ, еще раз извинившись за его состояние.

На втором этаже царил невероятная суматоха. Слуги, тащившие сундуки и коробка, сновали по коридору туда-сюда. Войдя в маленький кабинет Крейка, мы увидели, что он сосредоточенно наблюдает, как двое слуг укладывают в огромный сундук бумаги и книги.

— Прошу вас, осторожнее, — беспрестанно повторял он. — Не перепутайте документы.

Наше появление, судя по всему, изрядно его удивило.

— Брат Шардлейк! — воскликнул он.

— Добрый день, брат Крейк. Мне бы хотелось поговорить с вами наедине.

Крейк озадаченно нахмурился, однако приказал слугам выйти. Они вынесли сундук. Теперь всю обстановку комнаты составлял стол, на котором лежала переносная доска для письма, с приколотой к ней стопкой бумаг. Я плотно закрыл дверь.

— Всем нам приказано перебраться в дортуары монахов, — с сокрушенным вздохом сообщил Крейк. — Это просто кошмар.

— Да-да, — кивнул я и, не тратя времени на пустые разговоры, перешел к делу. — У меня оказалась одна вещь, принадлежавшая погибшему стекольщику.

С этими словами я указал на шкатулку в руках Барака.

— Необходимо спрятать ее в надежном месте до возвращения сэра Уильяма. Это чрезвычайно важно. Сейчас я должен отправиться в контору сэра Джеймса Филти. Подскажите, где бы я мог оставить шкатулку, не опасаясь за ее сохранность?

— Найти такое место не так просто, — пробормотал Крейк, проведя рукой по своим редким волосам. — Сами видите, в доме все перевернуто вверх дном. Думаю, лучше всего будет оставить ее здесь. Мне приказано запереть комнату и уйти, однако до шести часов вечера я могу не сдавать ключ.

— Вы считаете, более надежного места нет? — спросил я, с сомнением взглянув на Крейка.

— Дверь здесь очень крепкая, — подал голос Барак. — К тому же комната расположена на втором этаже.

Крейк вновь провел рукой по своей некогда пышной шевелюре.

— Ох, мастер Шардлейк, боюсь, вы сочтете меня невежей, который не желает оказать услугу старому знакомому, — пробормотал он с виноватой улыбкой. — Но от всех этих хлопот я начал плохо соображать.

Он сунул руку в карман и извлек оттуда ключ.

— Пусть он будет у вас. Когда заберете шкатулку, отыщите меня и вернете ключ.

— Да, сэр, непременно. И спасибо за то, что нашли возможность помочь нам, несмотря на то что у вас своих дел более чем достаточно.

— Значит, увидимся позже.

С этими словами Крейк схватил свою доску для письма, повесил ее на шею и вышел из комнаты. Барак поставил шкатулку на стол.

— Она совсем легкая, — заметил он. — И внутри ничего не звенит и не дребезжит. Может, там внутри кусок ткани?

Он вновь попытался открыть крышку, но крошечный замок оказался прочным.

— Что бы ни было в шкатулке, здесь мы можем спокойно ее оставить. Идемте, Барак, нам надо переодеться.

В последний раз поглядев на шкатулку, мы вышли из комнаты и заперли дверь на ключ.

Вскоре мы с Бараком вошли в контору сэра Джеймса Филти, просторную комнату, расположенную на первом этаже королевского особняка. Мы принарядились: я надел выходную мантию и шляпу, которые захватил из Лондона исключительно для торжественных случаев. Шляпа была из дорогих, черная, бархатная, украшенная мелкими гранатами и длинным голубым пером. Мне казалось, что в этом пышном головном уборе я имею на редкость нелепый вид. К тому же перо все время свешивалось вперед и болталось у меня перед носом, подобно надоедливому насекомому.

Сэр Джеймс, худощавый пожилой человек в коричневом камзоле и в рубашке с широчайшим вышитым воротником, отличался необычайно длинной, хотя и жидкой седой бородой, которая доходила ему до середины груди. Он сидел за письменным столом и, сосредоточенно нахмурившись, проглядывал прошения. Клерк Коуфолд, позволивший себе минувшим вечером столь непочтительно отозваться о моей персоне, с непроницаемым лицом стоял рядом. Я бросил на него неприязненный взгляд, однако молодой наглец и бровью не повел. Ренн стоял чуть поодаль.

Спустя минуту сэр Джеймс соизволил наконец взглянуть на меня.

— Так, значит, вы стряпчий, — произнес он тонким пронзительным голосом. — Что ж, костюм ваш вполне меня удовлетворяет. Но перо на шляпе необходимо укрепить. А это кто? — спросил он, указав на Барака.

— Мой помощник, сэр.

— Ему нечего здесь делать, — пренебрежительно махнул холеной рукой сэр Джеймс. — Пусть выйдет.

Барак метнул на вельможу злобный взгляд, однако счел за благо повиноваться. Сэр Джеймс вновь погрузился в чтение прошений и составленной нами краткой описи. В течение десяти минут он словно не замечал нашего с Ренном присутствия. На протяжении своей служебной карьеры мне не раз доводилось иметь дело с высокопоставленными

чиновниками, но с подобной надменностью я сталкивался впервые. Я бросил на Ренна многозначительный взгляд, и он подмигнул в ответ.

От долгого стояния у меня заныла спина, и я начал потихоньку переминаясь с ноги на ногу.

— Запомните, во время церемонии вам ни в коем случае не следует топтаться на месте, — не поднимая головы, процедил сэра Джеймс. — В присутствии короля подобает стоять недвижно.

Дочитав опись, он отложил ее прочь.

— Полагаю, это составлено правильно, — бросил он, поднимаясь из-за стола. — Слушайте меня внимательно. В пятницу все будет происходить следующим образом.

Шаг за шагом он описал нам все подробности торжественной церемонии. Ранним утром нам предстояло отправиться в Фулфорд-Кросс вместе с делегацией почетных граждан Йорка, которые намеревались принести королю покаяние и вручить дары от города. Дождавшись прибытия процессии, все мы преклоним колена, ибо, согласно указу короля Генриха, подданным следует встречать своего монарха именно в этой позе. Во время всей церемонии я и рикордер Танкерд будем оставаться коленапреклоненными. Когда король и королева выйдут вперед, Танкерд, не поднимаясь с колен, произнесет приветственную речь. Лишь после этого мы с Ренном поднимемся и преподнесем королю прошения.

— Вы передадите их не самому королю, а его пажам, которые будут стоять рядом, — пояснил Филти. — А они вручат бумаги его величеству. Публично продемонстрировав, что он принял прошения своих подданных, король немедленно передаст их особому чиновнику. А тот после окончания церемонии вернет их вам, дабы вы приняли необходимые решения.

— Таким образом, петиции совершат круг, словно около майского шеста, — с усмешкой заметил Ренн.

Сэр Джеймс бросил на него сердитый взгляд, который, судя по всему, отнюдь не заставил старого законника оробеть.

— Король милостиво дает согласие принять прошения, — процедил вельможа. — В этом смысл церемонии.

— Разумеется, сэра Джеймс, — с невозмутимым видом кивнул Ренн.

— Да, и вот еще что. Может статься, король пожелает сказать вам несколько слов признательности. Если это произойдет, вы должны, глядя ему прямо в лицо, очень почтительно и кратко — запомните, кратко! — выразить свою благодарность. И обращайтесь к нему «ваше величество», а не «ваша светлость». В последнее время он предпочитает именно это обращение. Уяснили?

— Если король обратится к нам, это будет великая честь, — пробормотал Ренн.

— Но если король ничего вам не скажет, — произнес сэр Джеймс, угрожающе наклонившись вперед, — не вздумайте смотреть ему в лицо. Ваши головы должны быть склонены в почтительном поклоне. К вашему сведению, многие простолюдины, которым выпала честь находиться в присутствии короля, так и не удостоились увидеть его лица. Правда, иногда бывает, что суетное любопытство заставляет людей украдкой бросать взгляд на монарха. Если король это заметит, пеняйте на себя. Он не имеет обыкновения сдерживать свой гнев, и, если он будет пребывать в дурном расположении духа — вследствие боли в ноге или по какой-нибудь другой причине, — суровое наказание не заставит себя ждать.

Слова свои сэр Джеймс сопроводил зловещей улыбкой. Перед моим мысленным взором тут же возник закованный в цепи скелет Роберта Эска.

— Во время церемонии мы будем чрезвычайно осмотрительны, сэр Джеймс, — пообещал я.

— Это в ваших интересах. Надеюсь, вы понимаете, все это отнюдь не пустое представление. Цель торжественной церемонии — показать этим bestиям-папистам, как велик и славен их король.

Сэр Джеймс сделал знак Коуфолду, который сложил петиции в кожаные сумки и вручил их мне.

— Я вас более не задерживаю, — проронил вельможа. — В пятницу вам надлежит быть около королевского особняка в восемь часов утра. Да, кстати, господин стряпчий, не забудьте побриться, — добавил он, бросив на меня презрительный взгляд. — В этом городе достаточно цирюльников.

И сэр Джеймс махнул рукой, повелевая нам удалиться. Барак ожидал в холле. Завидев его, я состроил выразительную гримасу.

— Этот надутый старый индюк слишком много себе позволяет, — пробурчал Барак.

— Да, общение с ним доставило мне не слишком много удовольствия, — усмехнулся я. — И, скажу откровенно, желания принимать участие в церемонии у меня еще поубавилось.

Я испустил сокрушенный вздох.

— Идемте, Барак, узнаем, вернулся ли Малевверер. Брат Ренн, увидимся в пятницу утром. Петиции вы возьмете с собой?

— Да, я отвезу их к себе домой.

— Позвольте еще раз поблагодарить вас, — сказал я, пожимая руку старому законнику. — Ведь сегодня утром вы буквально спасли нас с Бараксом. Не подоспей вы, нам было бы не миновать жестоких побоев.

— Рад, что сумел оказать вам услугу. Что ж, удачи вам, брат Шардлейк.

— Благодарю вас. До пятницы.

— До пятницы. Этот будет великий день.

Мастер Ренн многозначительно вскинул бровь, повернулся и зашагал к дверям.

Выяснилось, что Малеверер еще не вернулся. Некоторое время мы ждали в холле, где собралось несколько человек, у которых имелась надобность поговорить с сэром Уильямом. Леди Рочфорд и Дженнет Марлин все еще находились здесь; бородатый молодой человек по-прежнему что-то настойчиво втолковывал старшей из дам.

— А что, если сегодня он так и не появится? — спросил Барак.

— Вряд ли это произойдет. Но мне не по душе, что мы так надолго оставили шкатулку.

— Так давайте ждать в конторе старины Крейка, — предложил Барак. — Не все ли равно, где убивать время?

— Пожалуй, вы правы, — ответил я после недолгого размышления. — Из окна мы сразу увидим, когда появится Малеверер. Или вы полагаете, что подобные предосторожности излишни? — осведомился я, пристально глядя на Барака.

— Нет, когда дело касается Малеверера, предосторожности не бывают лишними, — покачал он головой.

— Тогда идемте в контору Крейка.

— Может, мы сумеем наконец заглянуть в эту пресловутую шкатулку? — вполголоса заметил Барак.

— Вы что, забыли? Она заперта, — не без раздражения откликнулся я. — И в мои намерения отнюдь не входит ломать замок.

— В этом нет никакой необходимости, — ухмыльнулся Барак. — Вы забыли, что имеете дело с мастером, способным открыть любой замок. А уж тот, что болтается на шкатулке, — для меня просто детская игрушка.

Он внимательно посмотрел на мою шляпу, которую я снял и бережно держал в руках.

— Дайте мне булавку, которой крепится перо, и я за пару минут открою замок. А потом запру его снова. Никто ничего не заметит. Все-таки любопытно поглядеть, что там внутри. Может, сущая ерунда.

Я медлил в нерешительности. Барак не сводил с меня умоляющего взгляда.

— Ладно, будь по-вашему, — кивнул я наконец.

Мы направились в контору Крейка. Сердце бешено колотилось, ибо мною вдруг овладело тревожное предчувствие того, что проклятая

шкатулка исчезла. В коридоре не было ни души, как видно, великое перемещение чиновников полностью завершилось. Я отпер дверь и, увидев шкатулку, стоявшую на столе, испустил вздох облегчения.

Барак подошел к столу и бросил на меня вопросительный взгляд. Любопытство боролось в моей душе с нежеланием еще глубже увязнуть в странном и темном деле.

«Впрочем, — сказал я себе, — мы и так увязли в нем по самые уши».

К тому же я знал, что Барак чрезвычайно ловко управляет замками — у него уже были случаи проявить свое мастерство.

— Действуйте, — кратко бросил я. — Только, ради всего святого, будьте осторожны.

С этими словами я вытащил из своей шляпы булавку и протянул ее Бараку.

Он вставил булавку в крошечный замок и начал тихонько ее поворачивать. Я тем временем разглядывал Диану-охотницу, изображенную на крышке шкатулки. Роспись потрескалась от времени, однако выполнена была очень искусно. Вне всякого сомнения, шкатулка принадлежала человеку состоятельному.

— Черт, — пробормотал Барак, извлекая из замка половину булавки.

Вторая застряла внутри. Барак пытался ее вытащить, но обломок был слишком мал.

— Вот уж болван так болван! — взревел я. — Что вы наделали своими неуклюжими ручищами! Малеверер сразу увидит, что мы пытались вскрыть шкатулку!

— Эта проклятая булавка оказалась слишком тонкой.

— Оставьте при себе ваши глупые оправдания!

— Мы можем сказать Малевереру, что так и нашли шкатулку — с булавкой в замке.

— Так он вам и поверит. По-моему, Малеверер не из тех, кого можно водить за нос.

— Если бы у меня были подходящие тонкие клещи, я бы, пожалуй, вытащил эту чертову булавку, — нахмурившись, заявил Барак. — У здешних работников наверняка есть клещи.

— Так идите и принесите их! — рявкнул я. — И зачем я только позволил вам ковыряться в замке! Вот уж воистину затмение нашло.

— Я сейчас, — с удрученным видом пробормотал Барак и выскользнул прочь.

До меня донеслись его шаги, удалявшиеся по коридору. В отсутствие Барака мне оставалось лишь сверлить злополучную шкатулку глазами.

Пальцы у меня были тоньше, чем у Барака, и я попытался потянуть за едва заметный конец булавки, однако все мои усилия остались безрезультатными.

Неожиданно я услышал легчайший щелчок. Похоже, мне удалось-таки повернуть обломок булавки в замке. Затаив дыхание, я схватился за крышку. Она открылась с неожиданной легкостью. В нос мне ударил запах плесени. Сам не веря в свою удачу, я заглянул внутрь шкатулки.

Она была до половины наполнена какими-то бумагами. Взяв верхнюю из них, я бережно развернул ее и замер от удивления. То была часть родословного древа королевской фамилии, выполненная довольно грубо и неумело, выцветшими от времени чернилами. Фрагмент относился к прошедшему столетию, ко временам Йорков, и, насколько я мог судить, был составлен не слишком тщательно; по крайней мере, некоторые незначительные члены семьи, не оставившие потомства, в нем отсутствовали. До крайности удивленный, я долго вертел пожелтевший листок в руках. Он не содержал ровным счетом ничего секретного — подобное родословное древо можно увидеть во множестве государственных учреждений. Если много лет назад у кого-то возникло желание собственноручно нарисовать родословное древо царствующей семьи, при этом пойдя на некоторые сокращения, зачем было прятать столь невинный документ?

Я вновь заглянул в шкатулку и извлек из нее ветхий листок, на котором было грубо нацарапано несколько строк.

«Сие есть пророчество великого волшебника Мерлина, — прочел я. — Во дни короля Артура сему многомудрому мужу была открыта истина о королях, коим предстоит стать преемниками короля Джона».

Далее следовал откровенный бред о неких монархах по имени Козел, Лев и Осел. Завершалось же пророчество следующим образом: «Восьмой король Генрих получит прозвание Еретика и за свои преступные деяния будет проклят Господом. Государство его будет разделено на три части, и ни один из его наследников не взойдет на престол».

Я с содроганием отложил листок в сторону. Судя по всему, это было одно из тех оскорбительных для короля пророчеств, что во множестве ходили по Лондону во времена «Благодатного паломничества». Распространение подобных измышлений каралось смертью.

Следующий документ был написан не на бумаге, а на большом листе пергамента, сложенном в несколько раз. Я осторожно развернул его. К моему изумлению, на документе красовалась печать парламента. То был парламентский акт, мне, впрочем, не известный.

«Titulus Regulus, — прочел я. — Настоящим актом закрепляется право на престол за ныне царствующим монархом и его потомками...»

О каком монархе шла речь? Я торопливо пробежал глазами документ. Затейливые буквы были выведены с большим искусством. А, вот.

«Наш всемилостивейший повелитель король Ричард Третий».

Никогда прежде мне не доводилось слышать о подобном акте. Я бережно сложил лист пергамента и вновь заглянул в шкатулку. Там оставалось лишь несколько листов дешевой бумаги, покрытых неуклюжими каракулями. Я взял верхний, самый большой.

«Я, Эдвард Блейбурн, находясь на пороге смерти, желаю сделать сие признание, дабы весь мир узнал о моем тяжком грехе», — гласил документ.

Едва я успел пробежать глазами эти строки, как страшный удар, обрушившийся мне на голову, едва не лишил меня чувств. Перед взором все поплыло, однако я успел различить, как на признание Эдварда Блейбурна упала толстая красная капля. Я с трудом сообразил, что это моя собственная кровь. В следующее мгновение новый удар поразил мой затылок. Ноги подогнулись, и я провалился в темноту.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Едва придя в себя, я почувствовал, что меня окружает тепло. Несколько мгновений я наслаждался этим приятным ощущением, думая о том, что за время своего пребывания в Йорке успел притерпеться к постоянному холоду и сырости. Но какая нелегкая принесла меня в Йорк? Внезапно сознание мое прояснилось, и я вспомнил все. Я попытался сесть, но тупая боль в затылке не дала мне поднять голову. Чьи-то руки осторожно уложили меня опять.

— Он очнулся! — донесся до меня голос мастера Крейка. — Слава Всевышнему! Не двигайтесь, сэр, вы серьезно ранены в голову.

Я осторожно открыл глаза и увидел, что лежу на подушках, разложенных прямо на застеленном циновками полу. Надо мной, в волнении потирая свои пухлые руки, склонился мастер Крейк. Из-за плеча его выглядывал Барак, с кувшином и стаканом в руках.

— Выпейте это, сэр, — сказал он. — Только немного. Подогретое сладкое вино моментально придало мне сил.

Я опять попытался сесть, но боль вновь пронзила мне висок и затылок. Коснувшись головы, я ощутил, что пальцы стали липкими от крови.

— На самом деле рана не такая опасная, как кажется, — заметил Барак. — Тот, кто нанес удар, скорее всего, намеревался лишь оглушить вас.

С трудом повернув голову, я обвел взглядом комнату, которая показалась мне знакомой. В следующее мгновение я понял, что это кабинет Малеврера в королевском особняке. Здесь было тепло благодаря угольной жаровне, которую нередко используют для обогрева в богатых домах. У дверей застыл солдат в красном мундире, не сводивший с меня глаз. Как видно, кабинет находился под охраной.

— Долго я пробыл без сознания?

— Около часа, — ответил Барак. — Мы уже начали волноваться.

И в самом деле, лицо его, как и лицо моего бывшего однокашника, выражало искреннее беспокойство.

— Сэр, вы помните, что с вами произошло? — осведомился мастер Крейк.

— Кто-то ударил меня — вот и все, что я помню. Мне удалось открыть шкатулку, точнее, она сама открылась, стоило мне прикоснуться к замку. Внутри оказались старинные документы. Я принялся их просматривать.

Барак, а где шкатулка? — внезапно всполошился я.

— Шкатулка в целости и сохранности, — ответил Барак, указывая на стол, где стояла открытая шкатулка. — Но она пуста, — добавил он упавшим голосом.

— Она была полна документов, — пробормотал я. — Все они исчезли.

Барак изменился в лице.

— Что за чертовщина! — проскрежетал он. — Мне не сразу удалось найти эти проклятые клещи, так что отсутствовал я примерно полчаса. Вернувшись, я увидел, что вы лежите на полу, а мастер Крейк суетится рядом.

Сообщив это, Барак метнул на Крейка исполненный откровенной подозрительности взгляд. Крейк в ответ сердито сдвинул брови.

— Лорд-камергер потребовал, чтобы я принес ключи от своей конторы, — сообщил он. — Сначала меня заверили, что до вечера ключи никому не понадобятся. Но вероятно, их намерения изменились. В управлении лорда-распорядителя, вне всякого сомнения, подтвердят, что я говорю чистую правду, — заявил он, с неприязнью поглядев на Барака. — Я искал вас повсюду, но вы как сквозь землю провалились. Наконец я решил заглянуть в контору. Завернув за угол, я услышал шаги — кто-то поспешно спускался по задней лестнице. Дверь комнаты была распахнута, вы без чувств лежали на полу. Я так растерялся, что не знал, что делать. Тут и явился ваш помощник.

Я осторожно поднял голову, мысленно радуясь тому, что неведомый злоумышленник не раскроил мне череп.

«Олдройду повезло куда меньше», — с невольным содроганием подумал я.

— Наверняка вы вспугнули преступника и тем самым спасли мне жизнь, — сказал я, повернувшись к Крейку. — Но, насколько я понял, вы не видели его даже мельком?

— Нет. Я лишь слышал шаги.

— Итак, бумаги исчезли, — пробормотал я с горестным вздохом и с укоризной взглянул на Барака.

Если бы, взламывая замок, он не проявил столь досадной неуклюжести, документы были бы целы.

— Значит, кто-то напал на меня, — произнес я, пытаюсь привести в порядок собственные мысли. — Мы не знаем даже, был ли преступник один или же их было несколько. Так или иначе, заслышав шаги мастера Крейка, нападавший схватил бумаги и бросился наутек. Шкатулку он оставил, ибо ее намного труднее вынести незаметно.

Я с горечью взглянул на злополучный деревянный ящик; все заботы о сохранности его содержимого оказались тщетными.

— К тому же, полагаю, сама шкатулка не представляет для преступников никакой ценности. Их интересовали только документы.

— Да, — кивнул Барак и вновь наполнил мой стакан вином. — Тот, кто напал на вас, наверняка спрятал бумаги под одеждой.

С этими словами он искоса поглядел на Крейка. Подозрения, которые возбуждал у него коротышка, явно не развеялись.

— А почему мы все оказались здесь? — спросил я, метнув взгляд на стражника.

— Сразу после того, как мы нашли вас, вернулся сэр Уильям, — пояснил Барак. — Он приказал перенести вас сюда. Сам он сейчас проводит необходимое расследование. Честно говоря, узнав, что мы пытались открыть шкатулку, он пришел в неопишумую ярость, — пробурчал Барак, залившись румянцем. — Я надеялся, что там ничего не было. А что за бумаги вы там обнаружили?

— Старинные документы и записи, на мой взгляд, не представляющие никакого значения.

— Я должен сообщить, что вы пришли в себя, — подал голос стражник.

Он открыл дверь, сказал несколько слов кому-то, кто ждал в коридоре, и вновь вернулся на свой пост. Несколько минут спустя раздались тяжелые шаги, дверь рывком распахнулась, и перед нами предстал Малевеверер. Я невольно сжался.

Сэр Уильям все еще был в костюме и сапогах для верховой езды; его дорожный плащ покрывал густой слой пыли.

— Значит, вы очухались, — произнес он отнюдь не сочувственным тоном и смерил меня ледяным взглядом. — Надеюсь, вы в состоянии объяснить мне, каких бед вы здесь натворили? До прибытия его величества осталось всего два дня. И вдруг я узнаю, что в особняке, предназначенном для короля, кто-то едва не пришиб вас до смерти.

Голос Малевеверера задрожал от ярости, и йоркширский акцент стал еще заметнее. Он сбросил плащ, оставшись в бархатной куртке и шелковой рубашке. На груди его сверкала массивная золотая цепь, свидетельствующая о его высоком положении. Уперев руки в бока, он уставился на меня, словно желая испепелить взглядом.

— Сегодня утром мы с помощником были в доме Олдройда и нашли там вот эту шкатулку, — произнес я, с трудом усевшись. — Там были документы, которые...

— Что за документы? — взревел Малевеверер, и глаза его едва не

выскочили из орбит. — Где они? Кто их видел?

— Никто, кроме меня. Неизвестный злоумышленник ударил меня по голове и...

— И вы шлепнулись в обморок, позволив ему похитить документы. Ах вы...

С трудом сдержав душившую его ярость, Малеверер повернулся к стражнику.

— Выйдите прочь, — распорядился он. — Наш разговор не предназначен для посторонних ушей. Вы тоже уходите, мастер Крейк. Впрочем, подождите. Это ведь вы нашли этого раззяву?

— Да, сэр. Я уже говорил, что...

— Вы поднялись наверх, — произнес я, чувствуя, как мысли мои постепенно проясняются. — Когда вы шли по коридору, то слышали, как кто-то спускается по задней лестнице.

— Именно так.

— Да, если вам верить, так оно и было, — бесцеремонно заявил Малеверер. — А через несколько мгновений этот Барак или как его там застал вас над телом своего хозяина.

— Правильно, — подтвердил Барак.

— Я вижу, вы меня подозреваете, — дрожащим голосом произнес Крейк.

— После того как вы обнаружили своего хозяина, вы уже не разлучались с мастером Крейком? — спросил Малеверер, повернувшись к Бараку.

— Нет, сэр Уильям. Мы вместе вышли из комнаты, чтобы сообщить о случившемся.

Малеверер вновь обратил взор на понурого Крейка.

— Итак, если удар стряпчему нанесли вы, у вас не было возможности избавиться от орудия, при помощи которого вы это сделали. Значит, оно спрятано у вас под одеждой. Как и похищенные бумаги. Сделайте милость, снимите мантию. Посмотрим, так ли вы жирны, как кажется. Или все дело в том, что вы что-то скрываете под одеждой.

— Мне нечего скрывать, сэр, — выдохнул Крейк и скинул свою длинную мантию.

Я с облегчением убедился, что под мантией нет ни бумаг, ни оружия — лишь камзол, натянувшийся на толстом животе моего бывшего однокашника. Малеверер выглянул в коридор и позвал стражника.

— Обыщите его, — распорядился он. — Проверьте, не прячет ли он что-нибудь в штанах и под камзолом. Бумаг было много? — спросил он,

повернувшись ко мне.

— Шкатулка была полна наполовину. Пачка документов должна получиться достаточно толстой.

— Приступайте, — кивнул Малеверер стражнику.

Тот принялся ощупывать Крейка, хлопая его по животу и плечам. Несчастный коротышка, красный как рак, обливался потом.

— Ничего нет, — объявил наконец стражник.

На лице Малеверера мелькнула тень разочарования.

— Общайте его, — бросил он, кивнув на Барака. — На всякий случай.

Стражник принялся ощупывать Барака.

— Вы можете идти, — процедил Малеверер, обернувшись к Крейку. — Пока я вас не задерживаю. Но, признаюсь, ваш рассказ не вызвал у меня большого доверия. Трудно представить, что злоумышленник, услышав ваши шаги, успел убежать, а вы его даже не видели. Так что, сэр, вы под подозрением. К тому же ваши папистские пристрастия ни для кого не составляют тайны.

Крейк, едва не плача от обиды и испуга, вышел из комнаты. Малеверер устремил презрительный взгляд на Барака.

— Вы можете остаться, — произнес он. — Насколько мне известно, вы пользовались особым доверием лорда Кромвеля?

— Вы хорошо осведомлены, сэр, — с невозмутимым видом подтвердил Барак.

— Вы даже не представляете, как далеко простирается моя осведомленность, — самодовольно изрек Малеверер.

Я попытался встать. Барак помог мне добраться до стула.

— Вижу, вы совсем оправились, — заявил сэр Уильям, смерив меня взглядом.

— Да, сэр. Я чувствую лишь небольшое головокружение и головную боль.

— Голова у вас оказалась на редкость крепкой, — усмехнулся вельможа. — А может, вас спасло то, что она слишком глубоко ушла в плечи.

Малеверер пересек комнату и уселся на краешке стола, скрестив ноги.

— Так что за бумаги были в шкатулке? — спросил он, буравя меня ледяными глазами.

— Я успел просмотреть лишь четыре верхних документа. Там были еще бумаги, но об их содержании я не имею представления. Сверху лежал листок, на котором было изображено генеалогическое древо королевской семьи. Нарисовано от руки, довольно грубо.

— И с кого же оно начиналось? Подумайте и дайте точный ответ.

— С Ричарда, герцога Йоркского, отца Эдуарда Четвертого. И с его супруги, герцогини Сесиль Невиль.

Малеверер глубоко вздохнул и разразился язвительным хохотом.

— О да, — бросил он. — Все началось с Сесиль Невиль.

Я с удивлением заметил, что во взгляде его мелькнула горечь.

— Вы сможете нарисовать это дерево? — обратился он ко мне. — В точности так, как оно было нарисовано на исчезнувшем листке.

— Думаю, что смогу, — кивнул я.

— Надеюсь, вы не переоцениваете своих способностей, — изрек Малеверер. — Вообще-то крюкотворы обладают хорошей памятью на документы. Это им необходимо, дабы уснащать свою речь цитатами и морочить людей. Займитесь рисованием сегодня же. Но никому не показывайте своего творения. Когда закончите, пусть Барак принесет рисунок мне.

— Хорошо, сэр.

— Что вы еще успели увидеть?

— Листок, на котором была нацарапана одна из легенд о волшебнике Мерлине. Знаете, одно из этих пустых предсказаний, согласно которому нынешний король вызовет гнев Господень и будет лишен царства. В этом предсказании король был назван еретиком, — добавил я после недолгого колебания.

— Нашли чем удивить, — цинично усмехнулся Малеверер. — Эти фальшивые пророчества всем успели изрядно надоеть. В дни «Благодатного паломничества» всех нас накормили ими досыта. Судя по вашим словам, весь этот хлам яйца выеденного не стоит, — буркнул он. — Неужели там не было ничего достойного внимания?

— Был еще документ, написанный на пергаменте. Копия парламентского акта. Правда, я о подобном акте никогда не слыхал. Он был озаглавлен «Titulus Regulus».

Услышав это, Малеверер едва не подпрыгнул на месте.

— Что? — рявкнул он и, взяв себя в руки, спросил более спокойным тоном: — Вы прочли этот документ?

— Нет, лишь проглядел титульную страницу. Он относится ко времени правления Ричарда Третьего.

Несколько мгновений Малеверер хранил молчание, лишь пальцы его беспрестанно теребили конец окладистой черной бороды.

— Это вовсе не парламентский акт, — изрек он наконец. — Это подделка.

— Но я собственными глазами видел печать...

— Господи боже, вы что, меня не слышали? — в досаде возвысил голос сэр Уильям. — Говорят вам, это подделка. Дело рук сторонников Ламберта Симнеля, который выступил против отца нынешнего короля, выдавая себя за одного из принцев, заключенных в Тауэр.

В том, что Малеверер лжет, у меня не было ни малейших сомнений. Видел я также, что одно упоминание о таинственном акте привело его в величайшее смятение.

— А что представлял из себя четвертый документ? — спросил он нарочито равнодушным голосом.

— Ко всем предыдущим он не имел никакого отношения. То был ветхий листок, покрытый неумелыми каракулями. Он содержал признание некого Эдварда Блейбурна, который на смертном одре решил покаяться в некогда совершенном тяжком грехе.

У Малеверера, казалось, перехватило дыхание.

— И что это был за грех? — медленно произнес он. — Вы успели прочесть?

— Удар обрушился на мою голову как раз в тот момент, когда я собирался это сделать.

— Значит, вы не прочли это так называемое признание?

Голос Малеверера внезапно упал до шепота.

— Нет, — ответил я, глядя ему прямо в глаза.

— Вы сказали, листок был ветхий, — произнес он после недолгого молчания. — А число и год на нем не стояли?

— По крайней мере, в верхней части документа даты не было, — заверил я и, помешкав, произнес: — Человека, который сделал признание, звали Блейбурн. Это же имя произнес перед смертью мастер Олдройд.

— Да, я помню, — кивнул Малеверер. — Стекольщик, как выяснилось, был вовсе не так прост. Он принимал участие в заговоре, целью которого было свержение короля.

Малеверер впери в меня долгий испытующий взгляд.

— Вы можете поклясться в том, что не прочли документа и пребываете в неведении относительно греха, совершенного Блейбурном? Подумайте, прежде чем ответить. Помните: ложь может иметь для вас самые печальные последствия.

— Если вам угодно, сэр, я могу принести клятву на Библии.

Несколько мгновений Малеверер продолжал сверлить меня взглядом, потом резко отвернулся. Судя по всему, он пребывал в растерянности. Потом он вновь сверкнул глазами на нас с Бараком.

— Ваша глупость породила множество проблем, — процедил он. — Если бы у вас хватило ума сохранить шкатулку, бумаги были бы сейчас у меня в руках. И откуда вы только о ней узнали? — спросил он, сжав свои огромные кулаки. — Ах да, мальчишка.

— Да, ученик стекольщика, сам того не желая, выдал тайник...

— Барак все рассказал мне, — нетерпеливо перебил Малеверер. — Остается лишь сожалеть о том, что вчера меня срочно вызвали в Тайный совет и я не успел допросить этого щенка. Придется сделать это сейчас. Приведите мальчишку, — кивнул он стражнику.

Стражник вышел из комнаты. Малеверер уселся за стол, взял перо и принялся что-то торопливо писать, время от времени обращаясь ко мне с вопросами. Так он записал весь мой рассказ. Я украдкой бросил взгляд на Барака, мысленно радуясь тому, что ни на йоту не погрешил против истины.

— Сэр, могу я узнать, кому предназначены ваши записи? — осмелился я спросить.

— Тайному совету, — кратко бросил Малеверер, даже не подняв головы.

В дверь постучали. Два стражника ввели в комнату рыжеволосого мальчугана. Подмастерье находился в прескверном состоянии: разбитые губы распухли, на щеке темнел синяк. Костюм его состоял лишь из рубахи, едва прикрывавшей задницу. Подол рубахи был испачкан испражнениями, так же как и жирные ноги мальчишки. Смрад он распространял такой, что меня замутило.

— Этот паршивец обделался по дороге, — сообщил один из стражников.

Малеверер расхохотался.

— Хорошо, что он успел сделать это прежде, чем оказался здесь, — сказал он. — Отпустите его.

Стражники выпустили несчастного Грина, который, качнувшись, замер на месте. Молящий его взгляд был устремлен на сэра Уильяма, глаза едва не выскакивали из орбит.

— Ну, шалопай, ты готов рассказать нам все, что ты знаешь? — спросил вельможа.

— Мастер! — возопил мальчишка, отчаянно ломая руки. — Провалиться мне на этом месте, я ничего не знаю! Ровным счетом ничего!

— Прекрати скулить! — бросил Малеверер и угрожающе сжал огромный кулак. — Иначе тебе придется лишиться тех зубов, которые у тебя еще остались.

Мальчик смолк, содрогаясь всем телом.

— Видишь этих джентльменов? Вчера они разговаривали с тобой? Еще до того, как я явился в дом твоего хозяина.

— Да, сэр, они со мной разговаривали, — пробормотал злополучный Пол Грин.

— Законник сказал, ты все время глазел на стену в спальне твоего хозяина. Сегодня утром они с помощником были в доме мастера Олдройда и обнаружили в стене тайник. А там было вот это.

И Малеверер указал на шкатулку.

Мальчик бросил взгляд на расписной деревянный ящик и побледнел от ужаса.

— Вижу, эта вещь тебе знакома. Расскажи все, что ты о ней знаешь.

Прежде чем заговорить, несчастный Грин несколько раз тяжело перевел дух.

— Иногда к мастеру приходили гости, с которыми он запирался в своей комнате, — сообщил он наконец. — Мне страх до чего хотелось знать, чем они там занимаются. И как-то раз я подглядел в замочную скважину. Видно, нечистый попутал меня совершить такой скверный поступок. Я увидел, что мастер и его гости сидят на кровати и читают какие-то бумаги. У них была толстенная пачка бумаг. А еще я увидел дыру в стене и эту самую шкатулку. Кто-то из них сказал: «Этого будет достаточно, чтобы...» — ну, чтобы скинуть этого самого... короля.

— Он так и сказал — короля? — уточнил Малеверер, от которого не ускользнуло замешательство мальчугана.

— Нет, мастер. Они называли короля... по совести говоря, они называли его старым еретиком.

Произнеся эти слова, Грин в ужасе подался назад, но Малеверер лишь удовлетворенно кивнул.

— Я так испугался, что больше не захотел слушать, и поскорее ушел прочь, — завершил свой рассказ подмастерье.

— И когда это было?

— Где-то в начале года. Наверное, в январе. Я помню, повсюду лежал снег.

— Услышав столь злонамеренные речи, ты должен был немедленно явиться в Совет северных графств и сообщить о заговоре против короля, — сурово изрек Малеверер.

— Но я... я испугался, мастер.

Несколько мгновений вельможа сверлил парнишку взглядом, потом произнес негромко и веско:

— А теперь, юноша, ты должен рассказать нам, кто именно приходил в гости к твоему хозяину. Если ты солжешь, тебе не миновать тюрьмы, где тебя познакомят с тисками и дыбой. Ты хорошо меня понял?

Лицо Грина, и без того бледное, приобрело зеленоватый оттенок.

— Я... я не знаю этих людей, — пробормотал он, сотрясаясь всем телом. — Они приходили к хозяину много раз, с конца прошлого года до нынешней весны, когда заговор раскрыли. Наверняка они не из Йорка, потому что я ни разу не видал их в городе. Приходили они всегда вечером, после того как стемнеет.

— Опиши, как они выглядели.

— Один из них был высокий и тощий. У него еще была заячья губа.

— А сколько ему лет?

— Около тридцати пяти, мастер. Одевался он бедно, а вот говорил — как настоящий джентльмен. Меня это сильно удивило. Все никак не мог понять, кто же он на самом деле.

— Хм. А второй?

— Этот тоже наверняка был из джентльменов. Хотя выговор у него был какой-то чудной. Видно, прежде он жил на юге. Вот он говорит в точности так же, — добавил Грин, указав на меня дрожащим пальцем.

— Опиши его.

— По возрасту он был такой же, как первый, может, малость постарше. Лицо у него было такое узкое, длинное, волосы темные. Простите, мастер, но больше я ничего не знаю. Я бы сам рад рассказать еще что-нибудь, но клянусь, больше рассказывать нечего.

Парнишка с тяжелым стуком грохнулся на колени и взмолился, простирая руки к Малевереру:

— Сжальтесь надо мной, мастер, не посылайте меня в тюрьму. Богом клянусь, я ничего от вас не скрыл.

— Так и быть, я тебе поверю и отпущу тебя восвояси, — бросил Малеверер. — Но если ты хоть словом обмолвишься о том, что здесь происходило, мигом окажешься на дыбе. Уяснил?

— Да, мастер. Клянусь, я...

— Стража! — крикнул Малеверер.

В комнату вошли двое солдат.

— Возьмите это вонючее отродье и выбросите за ворота!

— Может, прежде разрешить ему помыться и переодеться?

— Не стоит, — с коротким смешком заявил Малеверер. — Выставьте его на дорогу во всей красе, с голой задницей, перемазанной в дерьме. Пусть весь город на него полюбуется. Это послужит ему хорошим уроком.

Он наверняка зарубит себе на носу, что всякий, кто узнал о заговоре, должен немедленно сообщить властям, а не трястись за свою шкуру.

Солдаты увели несчастного мальчугана прочь. Несколько минут спустя он появился во внутреннем дворе. Сопровождаемый громовым хохотом работников, он помчался к воротам, отчаянно пытаясь натянуть рубашку на свой голый зад. Малеверер наблюдал за этой сценой с довольной ухмылкой. Когда подмастерье скрылся из виду, он повернулся к нам.

— Я прикажу проследить за этим недоумком, — сообщил он. — Кстати, судя по всему, высокий и тощий малый, о котором он говорил, — не кто иной, как Томас Таттершелл, торговец тканями. В июне ему отрубили голову, так что он, дьявол побери его душу, ничего нам не расскажет. Кем был второй гость стекольщика, я не имею понятия. Заговорщики были чертовски осторожны — каждый из них знал лишь двух или трех своих сообщников и лишь несколько деталей общего плана. Но в бумагах, которые вы позволили умыкнуть, наверняка содержалась самая суть заговора.

Малеверер метнул на меня взгляд, в котором откровенная злоба мешалась с глубоким презрением.

— Каким же надо быть болваном, чтобы выпустить из рук эти бумаги! — процедил он. — Если бы вы не сунулись не в свое дело, я узнал бы о тайнике от мальчишки и сейчас отправился бы за шкатулкой.

Мне оставалось лишь покаянно пробормотать:

— Я очень сожалею о своей оплошности, сэра Уильям.

— Похоже, по голове вас огрел именно тот, кто убил Олдройда, — изрек Малеверер. — Не вспугни злоумышленника Крейк, вам пришел бы конец. Если только Крейк сам не был этим злоумышленником. Но если не он, кто тогда на вас напал?

— Тот, кто хотел во что бы то ни стало получить документы, хранившиеся в шкатулке, — предположил я. — Возможно, он уже требовал их у Олдройда, но стекольщик отказался отдать бумаги. Кем бы ни был преступник, он имеет доступ в монастырь. И ему удалось завладеть ключами от ризницы.

Малеверер повернулся ко мне. Впервые за все время нашего знакомства взгляд его был скорее заинтересованным, чем надменным.

— Э, да вы кое-что соображаете, — усмехнулся он. — Но все, что вы говорите, указывает на то, что преступник — именно Крейк.

Малеверер принялся расхаживать по комнате взад-вперед, половицы жалобно скрипели под его огромными ногами, обутыми в тяжелые сапоги.

— Когда я сообщил герцогу Суффолку о смерти Олдройда и о том, что

тот упомянул о некоем Блейбурне, поднялась настоящая буря. Я получил от Тайного совета приказ лично возглавить расследование и держать его в строжайшем секрете. При этом я знать не знаю, кто такой этот Блейбурн. Мне известно лишь, что он каким-то образом связан с арестантом Бродериком.

— А Редвинтеру сообщили о случившемся?

— Нет. Обо всех обстоятельствах смерти стекольщика знает лишь Тайный совет и архиепископ Кранмер в Лондоне. Да, мастер Шардлейк, я вижу, вы из тех, кто умеет искать неприятности на свою голову. Узнав о том, что вы проворонили столь важные документы, Тайный совет вряд ли станет рассыпаться перед вами в благодарностях. Я так полагаю, вас ждет хорошая головомойка, — заверил он, грозно сверкнув глазами.

— Я очень сожалею о своей оплошности, — тупо повторил я.

— От ваших сожалений мало проку, — в досаде махнул рукой Малеверер. — Лучше бы вы не были таким разиней.

Подойдя ко мне вплотную, он вновь устремил на меня пристальный взгляд. Для того чтобы смотреть ему прямо в лицо, мне пришлось изогнуть шею самым неудобным образом. В нос ударил запах пота, вполне естественный для человека, который несколько часов провел в седле.

— Скажите, вы передавали кому-нибудь последние слова стекольщика? — спросил Малеверер. — То, что он говорил о короле, королеве и некоем Блейбурне.

— Я не обмолвился об этом ни одной живой душе.

Малеверер подошел к столу и принялся вертеть злополучную шкатулку, которая казалась миниатюрной в его огромных волосатых ручищах.

— Вещь старинная, сделана не менее ста лет назад, — заметил он. — И сделана весьма искусно. Но годится только для побрякушек. Странно, что кому-то пришла мысль использовать подобную шкатулку для хранения секретных документов. Кстати, кто знал, что вы оставили шкатулку в конторе Крейка? — спросил он, нахмурившись. — Кто видел, как вы туда направляетесь?

— Многие могли видеть, как мы несем шкатулку, — ведь во дворе всегда полно народу. Но кто именно знал, что мы оставили ее в конторе мастера Крейка? Он сам, разумеется, ведь он дал нам ключи. Леди Рочфорд и мистрис Марлин тоже видели, как мы шли в контору. Они стояли в холле в обществе некоего бородатого молодого человека, который, по всей видимости, обладает весьма веселым нравом. По крайней мере, его немало позабавило то обстоятельство, что я испачкал в извести свой плащ.

— Наверняка это был Франциск Дерем, секретарь королевы Кэтрин, —

проворчал Малеверер. — Редкостный осел.

— Еще шкатулку видел сержант Ликон, который стоял в карауле у ворот. И конечно, о ней знали мастер Ренн и мальчик, его слуга.

Я замешкался, не зная, стоит ли упоминать об истории с Тамазин, — произнес имя мистрис Марлин, я сразу вспомнил о странной выдумке ее подопечной.

— Что еще? — спросил Малеверер, который, при всей своей грубости, был не обделен наблюдательностью. — Вы о чем-то умалчиваете?

Я посмотрел на Барака, набрал в грудь побольше воздуха и произнес:

— Сегодня утром мы выяснили одно любопытное обстоятельство, сэр. Думаю, нам следует поставить вас в известность.

Я снова посмотрел на Барака, но он отвел взгляд в сторону.

— Это касается мистрис Ридбурн, молодой особы, которая служит на кухне королевы.

Барак, понурившись, прикусил губу. Я рассказал Малевереру все, что нам удалось узнать о фальшивом ограблении, которое подстроила Тамазин.

— Мы должны немедленно выяснить, что за этим скрывается, — непререкаемым тоном заявил Малеверер и вышел в коридор, дабы отдать приказ стражнику.

Барак бросил на меня укоряющий взгляд. Вероятно, он, как и я сам, опасался, что Малеверер подвергнет Тамазин столь же суровому обращению, как и Грина. В том, что грозный вельможа не проявит снисходительности к представительнице слабого пола, можно было не сомневаться.

— Обстоятельства складываются так, что мы не можем ничего скрывать, — прошептал я, обращаясь к Бараку. — Это не в наших интересах. Разве вы не видите: над нами нависла серьезная опасность?

— Сейчас ее приведут, — сообщил Малеверер, вернувшись в комнату. — И эту мистрис Марлин тоже.

Мы ожидали в напряженном молчании. Наконец в коридоре раздались шаги, в дверь постучали, и два стражника ввели бледную от страха Тамазин Ридбурн, в скромном платье и рабочем переднике. За ней следовала Дженнет Марлин. На Малеверера она бросила взгляд, исполненный столь откровенной ненависти, что у меня дух перехватило от удивления. Малеверер ответил ей кривой ухмылкой. Тамазин в ужасе уставилась на мою голову, покрытую запекшейся кровью.

Бросив пренебрежительный взгляд на Тамазин, Малеверер уставился на ее хозяйку.

— Я так полагаю, вы мистрис Марлин? — осведомился он.

— Да, сэр, — ледяным тоном проронила она. — По какому праву нас привели сюда? Леди Рочфорд будет весьма...

— Плевать я хотел на леди Рочфорд, — отрезал Малеверер и повернулся к бледной как смерть Тамазин. — А это, значит, мистрис Ридбурн, — изрек он, скрестив руки на груди. — Вам известно, кто я такой?

— Да, сэр, — едва слышно выдохнула девушка. — Вы — сэр Уильям Малеверер.

— Насколько мне известно, вас и мистрис Марлин послали в Йорк, дабы вы произвели необходимые приготовления к прибытию королевы. Вы ведь служите на кухне?

— Да, сэр. Я пеку сладкое печенье и прочие лакомства.

— Превосходно. Вы состоите под началом мистрис Марлин?

— Да, она состоит под моим началом, — подала голос Дженнет Марлин. — А сама я состою под началом леди Рочфорд и...

— Придержите язык, леди, — бесцеремонно перебил ее Малеверер. — Пока что я вас ни о чем не спрашивал. Эти джентльмены только что поведали мне весьма странную историю, — произнес он, вновь поворачиваясь к Тамазин.

В глазах Барака, неотрывно устремленных на Тамазин, мелькнуло виноватое выражение. Девушка, над которой возвышалась массивная фигура Малеверера, казалась особенно хрупкой и беззащитной.

— Они сообщили, что вы, дабы иметь повод свести с ними знакомство, подговорили уличных мальчишек утащить у вас корзинку. Один из юных бездельников сам признался им в этом. Да будет вам известно, мастер Шардлейк имеет отношение к важным государственным делам. В это трудно поверить, судя по его наружности, однако же это так. И сейчас вы должны сообщить мне, какие причины побудили вас затеять столь рискованную игру. Меня также интересует, действовали ли вы по собственному разумению или же выполняли приказ вашей хозяйки.

Несколько мгновений Тамазин хранила молчание. Наконец ей удалось справиться с испугом, дыхание ее выровнялось, а бледные щеки слегка порозовели.

— Я вовсе не искала повода свести знакомство с мастером Шардлейком, — произнесла она довольно спокойным голосом. — Меня занимал лишь мастер Барак. Я видела, как он скачет верхом по городу, и он очень мне приглянулся. И когда я вновь его увидела, я решила как-то привлечь его внимание. В этом городе полно нищих бродяг, которые за шиллинг сделают все, что угодно.

Она повернула к Бараку лицо, пылающее возбужденным румянцем, потом вновь обратилась к Малевереру.

— Я заплатила мальчишкам шиллинг, — сообщила она, и в голосе ее послышались вызывающие нотки.

Малеверер, мгновенно уловив это, ударил девушку по лицу. Барак сделал шаг вперед, но я крепко вцепился ему в рукав, хотя голова моя закружилась от усилия. Тамазин прижала руку к щеке, но не проронила ни звука. Содрогаясь всем телом, она уставилась в пол.

— Не смей говорить со мной подобным тоном, дерзкая девчонка! — рявкнул Малеверер. — Значит, ты хочешь сказать, что затеяла представление лишь потому, что тебе приглянулся этот смазливый молодчик?

— Клянусь, сэр, это чистая правда.

Малеверер взял девушку за подбородок и грубо поднял ей голову, чтобы взглянуть в глаза.

— С первого взгляда видно, что ты хитрая и распущенная особа, — заявил он. — Мистрис Марлин, вам следует сообщить леди Рочфорд о недостойном поведении этой скверной девчонки. Думаю, ее следует незамедлительно отправить в Лондон. Судя по твоим нахальным манерам, ты родом именно оттуда? — обратился он к понурившейся Тамазин.

— Да, сэр.

— Вот и возвращайся туда, к своим подругам — кухаркам и судомойкам. А вы, мистрис Марлин, лучше смотрите за своими слугами. Вижу, вы забываете о своих обязанностях и думаете только о своем преступном женихе. Ваши сетования о том, что он арестован без всякой вины, уже успели всем осточертеть.

— Так, значит, причина подобного обращения с нами — в моем арестованном женихе? — вспыхнув, спросила мистрис Марлин. — Вы решили, что я вовлекла Тамазин в заговор? Вы усомнились в моей верности королю? — Голос ее задрожал. — Что ж, бедный Бернارد уже стал жертвой несправедливости. Видно, настал мой черед.

Малеверер стал угрожающе наступать на нее, но Дженнет Марлин, не дрогнув, посмотрела ему прямо в лицо. Про себя я не мог не отдать должное смелости этой женщины.

— Ты что, тоже захотела получить оплеуху, кляча длинномордая? — прошипел Малеверер. — Так я тебе с удовольствием ее закачу!

— Не сомневаюсь в этом, сэр.

— Убирайтесь отсюда прочь, обе! — взревел Малеверер. — Я и так потратил на вас слишком много драгоценного времени.

Обе женщины не заставили себя упрашивать. Через мгновение дверь за ними закрылась.

— Дело, как выяснилось, яйца выеденного не стоит, — проскрежетал Малеверер, неприязненно покосившись на Барака. — Господи боже, до чего развратны эти королевские служанки. Эту Тамазин следовало бы выдрать кнутом. И ее хозяйку тоже. Кстати, вы сказали, что Марлин видела, как вы несли шкатулку, — обернулся он ко мне. — Вы с ней знакомы?

— Накануне мы перемолвились парой слов, — пояснил я. — Мистрис Марлин рассказала мне, что ее жених заключен в Тауэр.

— Было бы странно, если бы она об этом умолчала, — усмехнулся Малеверер. — Этот ее жених, завзятый папист Бернард Лок, не сходит у нее с языка. Думаю, никак не следовало включать в королевскую свиту невесту заговорщика, пусть даже она и уроженка севера. Этого своего жениха она домогалась с молодых ногтей. Он не слишком ее жаловал и даже женился на другой. Да только жена его умерла, и эта стерва Марлин, которой уже перевалило за тридцать, обманом вырвала у него обещание жениться. Она бы, конечно, потащила его под венец, но молодчика бросили в Тауэр, и перезрелая девица осталась ни с чем.

Малеверер зашелся раскатистым хохотом.

— Ладно, идите, — произнес он, отсмеявшись. — Первым делом нарисуйте мне генеалогическое древо. Да смотрите старайтесь как следует. Помните, ваше произведение будет доставлено в Тайный совет. А я тем временем допрошу мастера Ренна.

Должно быть, при этом известии у меня вытянулось лицо, потому что Малеверер насмешливо спросил:

— У вас имеются какие-то возражения?

— Нет, — пробормотал я. — Но мастер Ренн уже в преклонных годах и, по-моему, не представляет ни малейшей опасности.

— Вот как? — произнес Малеверер и вновь зашелся своим грубым лающим смехом. — Вы слишком доверчивы. Что до меня, я ожидаю опасности со всех сторон.

Выйдя во двор, мы увидели, что последние приготовления заканчиваются. Работники возились с пышными драпировками из золотой парчи, украшая входы в шатры. От ворот к церкви тянулась длинная вереница телег, нагруженных сеном и соломой; вскоре многочисленным стойлам предстояло наполниться лошадьми, которым требовались корм и подстилки. Было холодно, небо затянули серые тучи. Я поежился от резкого, пронизывающего ветра; на свежем воздухе голова у меня слегка закружилась. Барак взял меня за руку повыше локтя.

— Ну как вы, способны добраться до своей конуры?

— Разумеется, — кивнул я и добавил, пристально посмотрев на него: — Мне очень жаль, что мы навлекли неприятности на мистрис Ридбурн.

— Что теперь сожалеть, — пожал плечами Барак. — Сделанного не воротишь.

— Идемте скорее, мне надо нарисовать это родословное древо. Богом клянусь, с Малеверером не слишком приятно иметь дело. Надеюсь, беседуя с мастером Ренном, он будет держаться в рамках приличий.

— По-моему, старина Ренн — из тех, кто способен отлично за себя постоять.

— Дай бог, если это так.

— Знаете, а ведь мы с вами довольно легко отделались, — изрек Барак, оглянувшись на королевский особняк.

— Ваша радость преждевременна, — горько усмехнулся я. — Уверен, Малеверер еще долго не оставит нас в покое. Как и те люди, для которых он составляет отчет о произошедших событиях.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В бывшем монастырском лазарете царила полная тишина: все наши соседи разошлись по своим делам. Барак отыскал в холле широкую скамью и притащил ее в мою каморку. Я тем временем осматривал свою выходную шляпу, которую Барак подобрал на полу в конторе Крейка. Злополучное перо было кое-как закреплено уцелевшей половиной булавки.

Я запер дверь, затем извлек из дорожной сумки большой лист бумаги и разложил его на кровати. Барак как следует отточил гусиное перо.

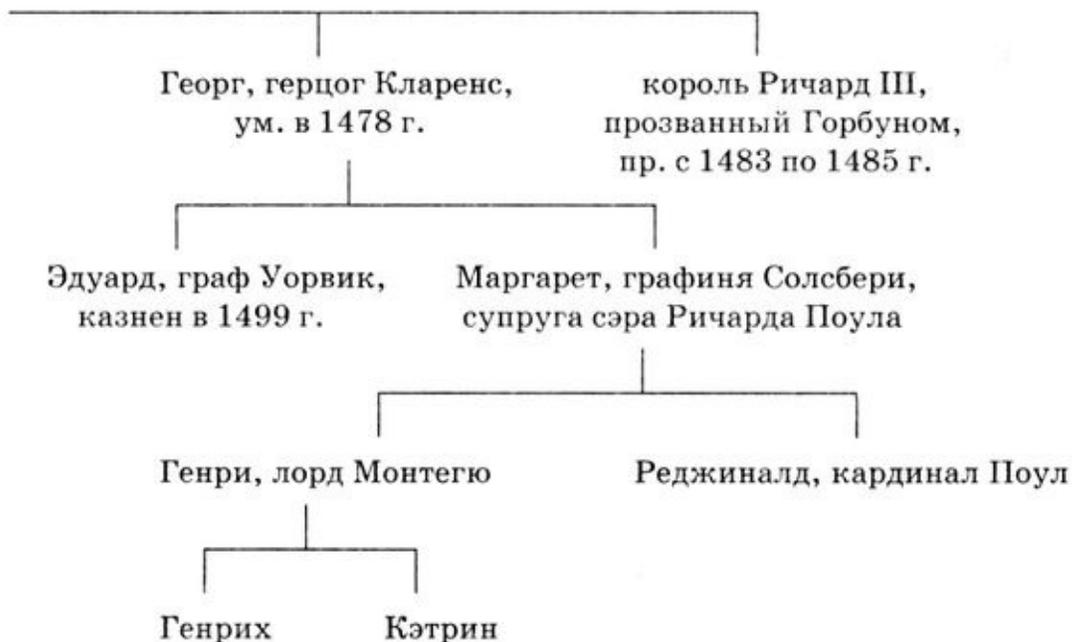
— Вы и правда хорошо помните, как выглядело это родословное древо? — осведомился он.

— Лыщу себя надеждой, что это так.

Я поудобнее устроился на скамье, стараясь найти такое положение, при котором шея не слишком затекала бы.

— Откровенно говоря, голова у меня словно набита опилками, — признался я. — Но Малевверер был совершенно прав, когда заявил, что у стряпчих хорошая память на документы. Посмотрим, заслуживаю ли я подобного комплимента.

С этими словами я окунул перо в чернильницу. Барак с интересом наблюдал за мной. Судя по всему, он не был на меня в претензии, хотя я изрядно подвел девушку, удостоившую его своим расположением, и, скорее всего, лишил Барака возможности впредь флиртовать с Тамазин. Напрягая память, я старался не упустить ни малейшей подробности фамильного древа, которое завершали имена ныне царствующего короля и его детей. Вскоре передо мной лежала копия похищенного документа.

— Когда я работал на лорда Кромвеля, я видел в Уайтхолле множество подобных штуквин, — заметил Барак, изучив мою работу. — Только они все выглядели малость по-другому.

— Вы правы. Здесь отсутствуют некоторые королевские отпрыски, умершие во младенчестве. Например, сын Ричарда Третьего.

— И две сестры нынешнего короля.

— Да, — кивнул я. — Каждое генеалогическое древо имеет собственную цель. И цель эта, как правило, всегда одна — доказать, что та или иная персона имеет все права на высокий титул. И представители семейства Тюдоров украшают своим родословным деревом стены всех государственных учреждений, ибо стремятся доказать, что получили английский престол на законном основании.

— Здесь жирно выделена линия, которая ведет от короля Эдуарда Четвертого к его сыну — нынешнему королю, — пробормотал Барак, разглядывая рисунок. — Значит, это древо составлял сторонник династии Тюдоров.

— И в то же время составлявший не забыл о семействе герцога Кларенса, которое опускается в большинстве королевских генеалогий. Посмотрите, здесь есть даже дочь герцога, Маргарет, графиня Солсбери, и ее сын, лорд Монтегю. Они оба были казнены нынешней весной. Мы еще говорили об этом с мастером Ренном. А вот и дети герцога, мальчик и девочка, исчезнувшие в подземельях Тауэра. Так что, возможно, тот, кто составил это древо, не был столь уж рьяным приверженцем нынешнего

короля, — добавил я, задумчиво потерев подбородок.

— Кстати, линии, которые ведут от короля к его дочерям, принцессам Мэри и Элизабет, — совсем тонкие, — заявил наблюдательный Барак.

— Именно такими они были на похищенном документе, — подтвердил я. — В этом нет ничего странного, ведь ни одна из принцесс не может претендовать на престол. После того как король расторг брак сначала с Катериной Арагонской, а потом с Анной Болейн, его дочери утратили статус законных наследниц. Единственный наследник короля — принц Эдуард, сын Джейн Сеймур.

— Но возможно, слухи отвечают истине, и вскорости юная королева Кэтрин подарит королю еще одного наследника.

— Да, появление второго наследника изрядно укрепило бы династию Тюдоров. Да только можно ли на это рассчитывать?

Я повернул голову, поморщившись от боли в шее, пристально поглядел на Барака и, хотя, кроме нас двоих, в доме никого не было, заговорил полупшепотом:

— В прошлом году брак короля с Анной Клевской был расторгнут на том основании, что король, находя ее до крайности непривлекательной, не смог выполнять супружеские обязанности по отношению к ней. Однако после появления акта о расторжении брака по Линкольнс-Инну ходили не слишком лестные для короля слухи. Поговаривали о том, что годы и многочисленные недуги лишили его мужской силы. И даже молодая красавица Кэтрин Говард вряд ли сможет распалить его угасший пыл.

— В тавернах шептались о том же самом. Хотя выражались куда грубее, — усмехнулся Барак.

— Впрочем, подобные дела находятся вне людского ведения, — веско произнес я. — Возможно, именно здесь, в Йорке, будет объявлено, что королева беременна. Очень может быть, радостную весть провозгласят в одном из этих великолепных павильонов.

Я вновь повернулся к генеалогическому дереву.

— В любом случае, здесь не содержится никакой крамолы.

— А кто такой Ричард, герцог Йоркский? — спросил Барак, указав на имя, возглавлявшее дерево. — Скажу вам честно, я плохо разбираюсь во всех этих претендентах на престол, которые появились во время войны двух роз.

— Все началось со свержения Ричарда Второго, которое произошло в тысяча триста девяносто девятом году, — пояснил я. — Детей у него не было, и потому между его кузенами завязалась борьба за престол. Борьба эта привела к гражданской войне. В результате в тысяча четыреста

шестьдесят первом году Генрих Шестой, представитель семейства Ланкастеров, лишился трона, который перешел к его сопернику, представителю дома Йорков, Эдуарду Четвертому. Вообще королем должен был стать отец Эдуарда, Ричард, герцог Йорк, но за год до того он погиб на поле сражения.

— Значит, Эдуард Четвертый приходится дедушкой нынешнему королю, — заметил Барак, проведя пальцем по линиям, соединяющим имена.

— Да, мать короля, Элизабет Йорк, была дочерью Эдуарда Четвертого. Говорят, между дедом и внуком существует большое внешнее сходство.

— А каким образом на троне очутился отец короля, Генрих Седьмой?

— Сам он не мог претендовать на престол, однако, женившись на дочери Эдуарда Четвертого, породнился с королевским семейством. Так или иначе, в жилах его сына течет воистину королевская кровь.

Палец Барака скользнул вниз по листу.

— После смерти Эдуарда Четвертого ему наследовал его сын, Эдуард Пятый. Да только царствовать мальчонке пришлось недолго. Брат Эдуарда Четвертого Ричард убил двух своих малолетних племянников и захватил трон.

— Так оно и было. Маленький король и его брат вошли в историю под именем «принцев Тауэра», — изрек я с тяжелым вздохом. — Здесь есть еще одна любопытная подробность, — указал я на древо. — Видите, под именем короля Ричарда Третьего есть надпись — «прозванный Горбуном».

Стоило мне произнести слово «горбун», как во взгляде Барака мелькнуло смущение.

— Вы переоцениваете мою чувствительность, — с досадливой улыбкой бросил я и продолжал: — Никто не знает в точности, был ли Ричард Третий действительно горбат или это клевета, измышленная Тюдорами. Согласно распространенному предрассудку, мы, горбуны, приносим несчастье и телесное наше уродство является отражением уродства душевного. Тот, кто составил это древо, употребил выражение «прозванный», тем самым подчеркнув, что горб короля Ричарда представляется ему выдумкой. Впрочем, горбат был Ричард или нет, незаконно захватив трон, он вызвал по всей стране протест и возмущение. Именно по этой причине отец нынешнего короля, выступив против Ричарда, повсеместно стяжал поддержку. А потом он женился на Элизабет Йорк, тем самым закрепив за своими отпрысками права на английский трон.

— А второй брат Эдуарда Четвертого, герцог Кларенс? Он что, не предъявлял никаких притязаний на престол?

— Предъявлял, как же иначе. Он пытался захватить трон еще при жизни своего старшего брата и поплатился за это головой.

— Господи боже, ну и семейка. Кстати, Малеверер упомянул о матушке этих дружных братцев, Сесиль Невиль. Он сказал, с нее-то все и началось.

— Я тоже запомнил эти слова. А еще мне показалось, что он произнес их не без горечи. Хотя причины этого мне совершенно непонятны. Конечно, все они — потомки Сесиль Невиль. — Я указал на древо. — Но они ведут свое происхождение также и от Ричарда Йорка.

— Послушайте, а что было бы, если бы нынешней весной заговорщики добились успеха и сбросили короля? — задумчиво спросил Барак. — Тогда на трон взошел бы его сын, маленький принц Эдуард?

— Да, он единственный законный наследник. Но он совсем мал, а если на троне король-ребенок, представители высшей знати неизбежно перегрызутся друг с другом. Полагаю, заговорщики сделали бы иной выбор и возвели бы на трон Маргарет, графиню Солсбери.

— Я о ней и забыл.

— Меж тем у заговорщиков была веская причина желать, чтобы на престол взошла именно эта особа. Семья графини Маргарет принадлежит к стану ярых приверженцев папизма. Брат лорда Монтегю, Реджиналд Поул, является одним из римских кардиналов.

— Господи боже.

— А король, как вам известно, ныне не только управляет государством, но и ведает всеми церковными делами, заняв место, прежде принадлежавшее Папе. Как сказал мне Кранмер, сам Господь вещает устами короля и любое деяние, совершаемое монархом, — это выражение Божьей воли. Потому всякий, кто взойдет на английский престол, становится не только правителем страны, но и защитником веры.

— Устами короля вещает сам Господь, — повторил Барак, покачав головой. — Это утверждение всегда представлялось мне совершенно бессмысленным. Как, впрочем, и то, что Бог вещает устами Папы.

Впервые мой помощник столь откровенно говорил о своих убеждениях.

— Полностью разделяю ваше мнение, — кивнул я. — Но не забывайте, подобные слова можно счесть государственной изменой.

— Однако же так думают многие.

— Думают, но не говорят вслух. И нам тоже лучше прекратить этот опасный разговор. Он может завести нас слишком далеко.

Я осторожно свернул лист бумаги.

— Идите отнесите это Малевереру. И непременно отдайте ему в собственные руки.

Барак слегка замешкался.

— Может, стоит сделать копию этого древа? — предложил он.

— Это совершенно ни к чему, — отрезал я. — Не будем искушать судьбу. К тому же у меня уже есть копия, — усмехнулся я и похлопал по своей многострадальной голове. — Она хранится здесь.

После того как Барак ушел, я растянулся на кровати и сразу уснул. Проснулся я лишь несколько часов спустя, когда Джек потряс меня за плечо.

— Который час? — первым делом осведомился я.

— Скоро пять. Вы проспали чуть ли не целый день.

Судя по бодрому тону Барака, настроение его несколько улучшилось.

Я сел, поморщившись от боли в затылке, однако с удовлетворением отметил, что голова более не кружится.

— Вы отнесли родословное древо Малевереру?

— Да, и он даже пробурчал нечто вроде благодарности.

Барак немного помолчал и сообщил:

— А после я поговорил с мистрис Тамазин.

— Вот как?

— Я дал стражнику мелкую монету и попросил позвать ее. Сказал, у меня есть новости от ее родственников.

Барак, по своему обыкновению, глянул мне прямо в глаза.

— Я прекрасно понимаю, какие причины толкнули вас рассказать Малевереру о том случае с корзинкой. Но, будь моя воля, я не стал бы поднимать шум вокруг этого пустякового случая. И я хотел, чтобы Тамазин об этом знала.

— Ну и как она вас встретила?

— Сказала, что не держит на нас обиды. И признала, что совершила ошибку, решившись на обман. Хотя даже сейчас ни о чем не сожалеет. Господи боже, этой девчонке не занимать смелости и решительности.

— А вам разве нравятся смелые и решительные женщины? — усмехнулся я. — Прежде вы утверждали, что женщина должна знать свое место.

— Разумеется, мне не по душе, когда женщина пытается помыкать мужчиной. Но Тамазин вовсе не такая. Честно вам скажу — никогда прежде я не встречал подобной девушки, — сообщил Барак и расплылся в улыбке.

— Так или иначе, женщина с сильным характером рано или поздно попытается одержать над мужчиной верх.

— Неправда, — с жаром возразил Барак. — Вы и сами в это не верите!

Сами признавались мне, что вас привлекают женщины умные и независимые. Такие, как леди Онор.

— Я предпочел бы, чтобы мне не напоминали о леди Онор Брейнстон, — отчеканил я, чувствуя, как в голосе моем, помимо воли, прорвались нотки горечи.

Воспоминание о безнадежном увлечении, которое я пережил год назад, до сих пор причиняло мне боль.

— Кстати, ум и независимость не имеют ничего общего с безрассудным авантюризмом, к которому, без сомнения, имеет склонность красotka Тамазин, — изрек я.

— Может, вы и правы. Но все же на завтрашний вечер у нас назначено свидание, и я очень этому рад.

— Но благоразумно ли поддерживать отношения с этой девушкой? Ее поступок привел Малеверера в гнев.

— А при чем тут Малеверер? Наши отношения никоим образом не касаются политики и не должны его волновать.

Барак вновь вперил в меня долгий пристальный взгляд.

— Я так понимаю, вы меня не одобряете?

— А при чем тут я? — с подчеркнутым равнодушием пожал я плечами.

Несмотря на то что случай с похищением корзинки разъяснился, Тамазин по-прежнему не вызывала у меня доверия. Впрочем, я отдавал себе отчет, что к чувствам моим примешивается ревность. Причина этой ревности заключалась даже не в том, что Джек, в отличие от меня, пользовался успехом у представительниц прекрасного пола. Я считал его одним из немногих своих искренних друзей, и мне было досадно, что новое увлечение поглотило все его внимание. Я счел за благо сменить тему и спросил, видел ли Барак мастера Ренна.

— Да, я встретил его во дворе, когда шел к Малевереру. Но видел лишь издали: он шел к воротам и меня не заметил.

— Надеюсь, разговор с Малеверером оказался для него не слишком тягостным.

— По крайней мере, выглядел старикан бодро и шагал уверенно. Мне показалось даже, что на лице у него играет улыбка.

— Слава богу. Я боялся, что Малеверер будет с ним слишком груб.

— Я же говорил вам, старина Ренн способен за себя постоять.

— Тем лучше для него. Что ж, пойду немного прогуляюсь, — сказал я, поднимаясь. — Мне нужно подышать воздухом.

— А компания вам нужна?

— Против вашего общества я не стал бы возражать, — ответил я с

улыбкой.

Стоило мне выйти во двор, порыв холодного ветра пронзил меня до костей. В воздухе ощущалась близость дождя.

— Осень вступает в свои права, — изрек я, обернувшись к Бараку.

Голова моя окончательно прояснилась, и я со всей остротой осознал, сколь серьезной опасности подвергся. Наблюдая за людьми, сновавшими по двору, я думал о том, что кто-то из них нанес мне удар.

«Возможно, сейчас он выжидает момент, чтобы напасть вновь», — подумал я с содроганием. Хорошо еще, что рядом Барак.

Мы прошли мимо загонов для скота. Взгляд мой привлекли две большие металлические клетки. В каждой из них сидело по огромному бурому медведю; маленькие красные глазки зверей сверкали злобой и страхом.

— Значит, помимо прочих развлечений для короля устроят медвежью травлю, — заметил Барак. — Вы-то, насколько я знаю, не любитель подобных потех.

Он улыбнулся не без насмешливости, ибо считал излишнюю мою чувствительность по меньшей мере странной.

— Да, это не для меня, — кратко ответил я.

— А недавно я видел, как через двор пронесли множество бойцовых петухов, — сообщил Барак. — Говорят, пока их поместили в ризницу. Так что солдатам и челяди тоже будет на что посмотреть. Выходить в город им не разрешают — опасаются, что они передерутся с горожанами.

— Подумать только, церковные нефы превратили в конюшню, а ризницу — в птичник, — покачал я головой. — Воистину все в этом мире перевернулось с ног на голову.

Мы прошли вдоль церковной стены и оказались в главном дворе. Работники, взгромоздившись на лестницы, водружали на павильоны флаги — в большинстве своем то были бело-зеленые флаги Тюдоров, украшенные красно-белыми английскими крестами. Однако, к немалому своему изумлению, я заметил и несколько голубых полотнищ с косыми белыми крестами.

— Посмотрите, это ведь флаги Шотландии! — воскликнул я. — Похоже, сюда прибудет король Джеймс собственной персоной. Иначе их ни за что бы не повесили.

— Значит, здесь состоится встреча двух королей, — присвистнул Барак.

— Судя по всему, король Генрих задумал заключить соглашение с Шотландией, — заметил я. — Мирный договор — вот то, чего он добивается. Но со стороны короля Джеймса разорвать альянс с Францией

было бы чистым безумием. Ведь это единственное, что удерживает Англию от захвата Шотландии.

— Возможно, король Генрих предложит королю Джеймсу выбор между мирным договором и военным вторжением.

— И нам торжественно объявят о том, что Англия и Шотландия заключили соглашение. А может, еще и о том, что королева Кэтрин носит в утробе дитя.

Я окинул взглядом внутренний двор. Основные работы были завершены, и народу в нем значительно поубавилось. Лишь несколько человек грузили на повозки строительные материалы, оказавшиеся лишними. Землю около особняка покрывали каменными плитами, дабы король — точнее, короли не запачкали грязью края своих одежд. Я зябко поежился, внезапно ощутив приступ усталости.

— Давайте вернемся через церковь, — предложил я Бараку. — Посмотрим, как там наши лошади.

В церкви работники возились в недавно возведенных стойлах, устраивая там подстилки из соломы и наполняя кормушки сеном. Людские голоса и шорох соломы разносились эхом под гулкими сводами. Пока мы шагали через неф, слуха моего достиг еще один звук — сердитое клокотанье, доносившееся из ризницы. Я вспомнил о том, что туда поместили множество бойцовых петухов.

«Любопытно, во что эти птицы превратят церковные статуи? — пронеслось у меня в голове. — Наверняка они, подобно Бараку, примут их за живых людей».

Я огляделся по сторонам. В какой-то момент показалось, что передо мной распростерся труп церкви, труп, выставленный на поругание и осмеяние. По слухам, именно такая участь постигла после битвы при Босуорте труп Ричарда III. Голова моя закружилась, и я опустился на скамью, которую кто-то оставил посреди нефа.

Барак уселся рядом со мной. Некоторое время мы молчали, потом я, поморщившись от боли в шее, повернулся к своему помощнику и едва слышно произнес:

— Полагаю, у меня есть основания опасаться за собственную жизнь.

— Вы думаете, неизвестный злоумышленник убил бы вас, не вспугни его Крейк?

— Я отнюдь не уверен, что Крейк его вспугнул.

— Значит, по-вашему, на вас напал именно он?

— Нет. Будь это так, во время обыска у него нашли бы дубинку или чем там был нанесен удар. И эти проклятые документы тоже. Я хотел сказать

совсем другое. Когда Крейк вошел в коридор, преступник уже покинул комнату. Представьте, как все это происходило. Коридор очень длинный. Предположим, преступник слышал шаги Крейка, как только тот появился в дальнем конце. Но если бы он выскочил из комнаты в этот момент, Крейк непременно бы его увидел. К тому же, по словам Крейка, судя по звуку шагов, кто-то спускался по лестнице.

— По-вашему, злоумышленник решил, что вышиб из вас дух?

— Возможно, он и не собирался меня убивать, а хотел лишь оглушить. Вспомните, он вошел в комнату как раз в тот момент, когда я достал из шкатулки признание Блейбурна. И нанес мне удар прежде, чем я успел прочесть этот документ.

— Если для него так важно, чтобы вы никогда не прочли этот документ, он предпочел бы вас убить. Так вернее.

— Не исключено, он решил, что я мертв, — изрек я со вздохом. — Если это так, злоумышленник не слишком опытен. Но, увидев, что я жив, он может повторить свою попытку.

— Имеет ли это смысл? Вы ведь уже успели рассказать Малевереру о документах, хранившихся в шкатулке.

— Но преступник этого не знает.

— В любом случае, нам следует смотреть в оба, — заявил Барак.

— Спасибо за то, что сказали «нам», — улыбнулся я. — Признаюсь откровенно, я никак не могу понять, почему эти бумаги вызывают у кого-то столь жгучий интерес. Родословное древо королевской семьи, запись старой легенды о короле-еретике, парламентский акт, который Малеверер объявил поддельным, и покаянное признание некоего Блейбурна. Хотел бы я знать, по какой причине это имя вызывает трепет в сердцах власть имущих. Правда, в шкатулке были еще какие-то документы, судя по виду столь же незначительные. Кому они понадобились? Заговорщикам, которые готовы на все, лишь бы эти бумаги не попали в руки короля? Но если это так, почему Олдройд не передал документы своим сообщникам? Подозреваю, именно за это он поплатился жизнью.

— Хоть меня никто и не бил по голове, она идет кругом, — заявил Барак. — Господи боже, как бы я хотел вернуться в Лондон!

— Всецело разделяю ваше желание.

Порыв ветра, ворвавшийся в лишенное стекол окно, заставил меня вздрогнуть. Небо, видневшееся в высоких проемах окон, начинало темнеть. Я вспомнил о том, как бережно Олдройд складывал куски стекла в свою повозку.

«Любопытно, какая участь ожидает его дом и его дело? — пронеслось у

меня в голове. — Он ведь умер, не оставив наследников».

— О чем это вы задумались? — донесся до меня голос Барака.

— В последнее время меня занимают вопросы генеалогии. Удивительно, у скольких людей возникают трудности с наследниками. У кого-то их мало, как у короля. А у кого-то нет вообще. Например, у Ренна или у покойного Олдройда. Да и у меня самого, — добавил я с грустной улыбкой. — Что до вашего родословного древа, Джек, то оно, я полагаю, уходит своими корнями к Аврааму. Ведь в жилах вашего отца текла еврейская кровь.

— Все мы ведем свой род от Адама, первого грешника, — пожал плечами Барак. — Кстати, мой отец был тоже не слишком богат наследниками. Я — его единственный сын. Надеюсь, мне удастся продолжить наш род. Род, который скрывает свое еврейское происхождение, — проронил он едва слышно и, повернувшись ко мне, произнес нарочито бодрым тоном: — А с чего вы взяли, что у вас не будет наследников? Вам ведь нет и сорока. Вы еще можете жениться.

— Сорок мне стукнет в следующем году. Вскоре люди будут считать меня пожилым человеком.

— А, так вы ровно на десять лет моложе короля.

— После того, как в прошлом году леди Онор... — начал я и, спохватившись, поспешно переменял тему: — Значит, прелестная Тамазин на вас не в обиде?

— Ничуть, — с самодовольной улыбкой заявил Барак. — Хотя этот невежа Малеверер чертовски ее испугал. Впрочем, держалась она молодцом. Говорит, после мистрис Марлин отчитала ее на чем свет стоит. Но обещала, что леди Рочфорд ни о чем не узнает.

— Это в интересах самой мистрис Марлин, — кивнул я. — Леди Рочфорд наверняка поставит ей в вину то, что она плохо следила за девушкой. Признаюсь, мистрис Марлин представляется мне довольно странной особой. А что о ней говорит юная Тамазин?

— Как это ни удивительно, Тамазин ее хвалит. Говорит, обычно мистрис Марлин к ней добра. Это она предложила Тамазин отправиться в Йорк. Мне Тамазин жалеет свою хозяйку, ведь все прочие леди изводят ее насмешками. А у Тамазин доброе сердце.

— Что ж, по моему разумению, добросердечие — первейшее достоинство всякой женщины, — изрек я и потер ноющую шею. — Господи боже, я с ног валюсь от усталости. Сегодня вечером мне нужно бы посетить тюрьму. Но не представляю, как я потащусь пешком через весь Йорк, да еще в темноте.

— Если учесть, что сегодня вас огрели дубиной по голове, подобная прогулка вам явно не по силам. Самое разумное, что вы можете сделать, — как следует отдохнуть.

— Пожалуй, арестанта я навещу завтра. И заодно загляну к мастеру Ренну. Этот старикан вызывает у меня симпатию.

Я немного помолчал и произнес:

— Он такой одинокий. Покойный мой отец тоже был очень одинок. В последний год я ни разу не удосужился его навестить и чувствую себя бесконечно виноватым.

Должно быть, тревожные события нынешнего дня не прошли даром для нас с Баракком, ибо оба мы ощущали влечение к откровенности, обычно отнюдь нам не свойственной. А может, душевным излиянием способствовала окружавшая нас причудливая обстановка: огромная полуразрушенная церковь, тихий шорох соломы и квохтанье бойцовых петухов, раздававшееся под высокими сводами.

— Иногда я вижу отца во сне, — вполголоса признался Барак. — Когда я был маленьким, я вырывался и убегал всякий раз, когда он хотел посадить меня к себе на колени. Отец чистил выгребные ямы и весь пропитался их смрадом. Во сне я вижу, как он открывает объятия, но запах ударяет мне в нос, и я вновь, как и в детстве, бегу прочь. Ничего не могу с собой поделать. Запах этот я чувствую, даже проснувшись. Когда сегодня к Малевереру привели парнишку, перепачканного в дерьме, я сразу вспомнил свои сны.

Барак коснулся груди, где, как я знал, он носил древний иудейский талисман, когда-то подаренный ему отцом.

— Думаю, такие сны посылаются нам в наказание, — едва слышно заключил он. — Дабы напомнить о грехах, что мы совершили прежде.

— Вы правы. Но не будем растревлять свои душевные раны.

— Идем отсюда прочь, — сказал Барак, поднимаясь со скамьи. — Это мрачное место навеивает мрачные мысли.

— Хотел бы я знать, что случилось с мальчиком.

— Вы говорите о юном Грине?

— О ком же еще? Малеверер подверг его слишком жестокому унижению. Это же надо, заставить парнишку бежать через весь город с голым задом.

Барак фыркнул от смеха.

— Малеверер, конечно, злобная скотина, но зрелище, я уверен, было чертовски забавное. Думаю, с парнем ничего страшного не произошло. Кто-нибудь из горожан наверняка пожалел и приютил его. Так что не

переживайте. Скажите лучше, пойдете вы ужинать или сразу отправитесь в постель?

— Думаю, перекусить все же стоит, — сказал я, направляясь к дверям.

Барак вперил в меня пристальный взгляд.

— Я понимаю, что бумаги были похищены по моей вине, — медленно произнес он. — И поверьте, очень об этом сожалею.

— Не терзайтесь попусту, — сказал я, похлопав его по плечу. — Вы виноваты не больше, чем я сам.

Мы подошли к нашим лошадям, убедились, что они пребывают в добром здравии, и похвалили мальчика-конюшего за усердие. Выйдя из церкви, мы отправились напрямик в трапезную, настороженно озираясь по сторонам. В трапезной было даже более шумно и многолюдно, чем прошлым вечером. Плотники, завершившие работу, пребывали в самом веселом расположении духа. Если бы этим вечером им позволили выйти в город, наверняка не обошлось бы без шумных попоек и разбитых носов.

Утолив голод, я сразу отправился в свою каморку. Барак заявил о желании сходить в город, «посмотреть, что там делается».

— Только, сделайте милость, не ищите приключений на свою голову, — попросил я.

— Приключения мне ни к чему, — усмехнулся Барак. — Лучше я поберегу силы для завтрашнего свидания с Тамазин. Во сколько разбудить вас утром?

— В шесть.

Барак вышел прочь, а я незамедлительно провалился в глубокий сон без всяких сновидений. Лишь несколько часов спустя меня разбудили вернувшиеся клерки, с шумом расходившиеся по своим комнаткам. После того как они утомились, я вновь уснул. Однако растолкал меня вовсе не Барак, а молодой сержант Ликон. Очнувшись, я увидел, что еще совсем темно. Сержант держал в руке фонарь, бросавший отсветы на его встревоженное лицо. В первое мгновение я вообразил, что Малевверер отдал приказ о моем аресте, и сердце сжалось от ужаса.

— Что случилось? — с трудом выдавил я.

— Мне приказано срочно проводить вас в замок, сэр, — произнес сержант. — Заключение Бродерика отравили.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Было всего пять часов утра, когда мы вышли на улицы погруженного в сонное безмолвие Йорка. Барак проснулся, когда сержант зашел в мою комнату. Я попросил его сопровождать нас, понимая, что при любом повороте событий лишняя пара глаз мне не помешает. Городские констебли, разбуженные нашими шагами, поднимали свои фонари, но, разглядев красный мундир сержанта Ликона, пропускали нас без всяких расспросов. Я зябко ежился и плотнее запахивался в плащ, ибо утро выдалось холодное и ветреное.

— Кто сообщил вам о случившемся? — осведомился я у молодого сержанта.

— Капитан тюремной стражи прислал в аббатство гонца. Он сказал, заключенный отравлен и, того и гляди, умрет. А вас просят немедленно прибыть в замок. Я решил, будет лучше, если я провожу вас сам. Иначе констебли вас задержали бы.

— Благодарю вас, сержант.

Взглянув на мальчишеское лицо сержанта, я увидел, что взгляд его исполнен неподдельного беспокойства.

— Боюсь, я доставил вам много лишних хлопот.

— Вчера сэръ Уильям вызвал меня к себе, расспрашивал во всех подробностях, как вы пришли в аббатство с этой шкатулкой. Да только я ничего особенного не мог вспомнить.

Сержант помолчал, потом поглядел на кровоподтек, красовавшийся на моей голове, и произнес:

— Сэръ Уильям сказал, на вас напали. Стражникам в аббатстве приказано удвоить бдительность. Ведь завтра прибудет король.

Вскоре перед нами замаячили башни замка, четко выделявшиеся на фоне утреннего, слегка посветлевшего неба. Мы поспешили к подвесному мосту, ярко освещенному факелами. Стражники знали о нашем прибытии и беспрепятственно пропустили внутрь. Я поблагодарил сержанта Ликона и сказал, что он может вернуться в аббатство.

— Думаю, этот парень решил, что мы обладаем способностью притягивать неприятности, — заметил Барак, проводив сержанта глазами.

Мы торопливо пересекли внутренний двор замка. Дверь в караульное помещение была открыта, оттуда вырывался луч света. Навстречу нам вышел здоровенный солдат, с которым я уже имел дело во время своих

прошлых посещений. Вид у него был встревоженный.

— Я провожу вас наверх, сэр, — бросил он.

— Расскажите, что здесь произошло?

— Где-то час назад мастер Редвинтер спустился в караульное помещение и сказал, что заключенный захворал. Мастер Редвинтер сразу заподозрил, что его отравили, и распорядился послать за вами и за лекарем. Лекарь уже здесь.

Значит, послать за мной приказал Редвинтер, отметил я про себя. Разумеется, это в его интересах. Если Бродерик умрет, тюремщику будет с кем разделить ответственность. Стараясь не слишком тяжело дышать, я поднялся вслед за стражником по винтовой лестнице. Дверь в камеру Бродерика была распахнута настежь. На столе горела лампа. Я увидел, что какой-то человек в маленькой черной шапочке и мантии, отороченной мехом, склонился над кроватью заключенного. В нос мне ударил кислый запах рвоты. Чуть в стороне стоял Редвинтер, высоко державший еще одну лампу. Когда он повернулся к нам, лицо его, обрамленное черной бородой, поразило меня своей бледностью. Сразу было видно, что одевался он второпях; обычная щеголеватость ему изменила, взгляд был полон страха и злобы. Он свирепо уставился на Барака, который в ответ даже бровью не повел.

— Кого вы с собой привели? — процедил Редвинтер.

— Это мой помощник Барак. Согласно распоряжению архиепископа, он может сопровождать меня везде и всюду. Как сэр Эдвард?

Ответил мне лекарь, который, оставив своего пациента, поднял голову. Это был человек лет пятидесяти, из-под шапочки его выбивались седые волосы. Взглянув в широкое лицо лекаря, я с удовлетворением убедился, что оно свидетельствует об уме и познаниях.

— Вне всякого сомнения, этого человека отравили, — заявил лекарь. — По словам мастера Редвинтера, он, находясь в своем кабинете, услышал, как арестант тяжело упал с кровати. Это произошло около часа назад.

— Ведь это вы осматривали заключенного два дня назад? — осведомился я.

— Да, сэр. — Он поклонился. — Доктор Гибсон с Лоплейн к вашим услугам.

Я подошел к кровати, чтобы взглянуть на Бродерика. Узник, по-прежнему закованный в цепи, пластом лежал на своем тюфяке. Лицо его имело мертвенно-бледный оттенок, на бороде я заметил следы рвоты.

— Он выживет?

— Надеюсь, что так, — ответил лекарь. — Не знаю, какой яд ему дали.

Но в любом случае, рвота очистила ему желудок.

Лекарь бросил взгляд на ведро, стоявшее на полу. Рядом валялись пустая деревянная миска и чашка.

— В этой посуде ему приносили еду? — спросил я.

— Да, — кивнул Редвинтер. — Накануне он ужинал поздно вечером.

— Странно, что рвота началась у него так быстро, — нахмурившись, изрек лекарь. — Впрочем, разные яды действуют по-разному.

И, нагнувшись над вонючим ведром, он с профессиональным интересом принялся рассматривать его содержимое.

— Наверняка пища, которую он съел за ужином, была отравлена, — заявил Редвинтер. — Никаким другим способом дать заключенному яд было невозможно. Камера надежно заперта, а я постоянно нахожусь в своей комнате, так что мимо меня и мышь не проскочит. По словам стражников, за весь день они не видели во дворе никого из посторонних.

— Да, скорее всего, отравлена была именно еда, — кивнул доктор Гибсон.

— Похлебку ему наливали из общего кухонного котла, — сообщил Редвинтер. — Я собственноручно принес ее в камеру. Конечно, подобное занятие мне не по чину, но я не могу доверить его никому другому. Я должен удостовериться, что вместе с пищей никто не пытается передать заключенному записок или чего-нибудь в этом роде.

Он повернулся ко мне и процедил, поджав губы:

— Слова доктора подтверждают мои предположения. Я уже знаю, кто виновен в случившемся. Повар, который готовит для стражников. Этот парень давно мне не нравился. Он внушает подозрения одним своим видом. Тем более прежде он служил в аббатстве Святой Марии, готовил для монахов. Я уже приказал схватить его и запереть в караульном помещении.

Лекарь, переводя взгляд с меня на тюремщика, веско произнес:

— Должен предупредить вас, джентльмены, что опасность еще не миновала. В организме этого человека остался яд. К тому же обращение, которому он подвергался здесь, изрядно подорвало его силы.

При этих словах в глазах лекаря мелькнуло откровенное осуждение.

— Скучная пища, отсутствие свежего воздуха и движения никому не идут на пользу.

Гибсон окинул камеру многозначительным взглядом. Я тоже поглядел на зарешеченное окно и увидел, как солнце поднимается над серыми башнями замка. Скелет несчастного Эска по-прежнему болтался на башне, содрогаясь под порывами ветра.

— Для пользы больного было бы неплохо перевести его в другое место,

более подходящее для человека в его состоянии, — заключил доктор.

— Нет, этот человек слишком опасен, — непререкаемым тоном заявил Редвинтер. — Его следует содержать в камере, закованным в цепи.

Лекарь взглянул на меня, ища поддержки. Я пребывал в замешательстве, не зная, какое решение принять.

— Мы оставим заключенного в камере, — произнес я наконец. — Но надо принести ему дополнительные одеяла и небольшую жаровню с углями. Здесь слишком холодно.

— Да, больному необходимо тепло, — кивнул доктор.

— Хорошо, я прикажу доставить сюда жаровню и одеяла, — сказал Редвинтер, бросив на меня кривой злобный взгляд.

Замечание лекаря насчет скудной пищи и скверного обращения, которому подвергался арестант, явно пришлось ему не по вкусу.

Бродерик пошевелился, и я понял, что он приходит в себя. Возможно, сознание вернулось к нему еще несколько минут назад и он слышал весь наш разговор. Заключенный посмотрел на меня, и губы его искривила горькая усмешка.

— О, вы здесь, мастер законник, — прошептал он одними губами. — И как всегда, исполнены забот о моем здоровье. А вот кто-то едва не избавил вас от хлопот, а меня — от страданий.

Бродерик, утомленный долгой тирадой, с трудом перевел дух. Взглянув ему в глаза, я увидел, что огонь, полыхавший в них прежде, погас. Его тусклый взгляд говорил лишь о бесконечной усталости.

— Вы знаете, кто вас отравил, Бродерик?

— Король, кто же еще, — с усилием выдохнул заключенный.

— Вам лучше помолчать, — угрожающе процедил Редвинтер.

— Идемте, мастер Редвинтер, — вмешался я. — Нам нужно поговорить. Доктор Гибсон, вы еще зайдете к больному?

— Да, разумеется, — кивнул лекарь. — Я навещу его сегодня днем.

На губах его мелькнула довольная улыбка, и я подумал о том, что за свои визиты к королевскому арестанту он получает хорошую плату.

Мы вышли из камеры, и Редвинтер запер дверь.

— Прошу вас, подождите меня в кабинете, — обратился он ко мне. — Я должен проводить доктора Гибсона и запереть дверь в башню.

Мы с Баракком спустились на один пролет и вошли в комнату тюремщика. Ночная рубаха, в спешке брошенная на пол, нарушала царивший здесь порядок. Я потер шею, которая ныла все ощутимее.

— Так вот он какой, Редвинтер, — изрек Барак. — В нем с первого взгляда видно инквизитора.

Он взял открытую книгу, лежавшую на стуле, и вслух прочел ее название:

— «Покорность истинного христианина». Такие люди часто любят душеспасительное чтение.

— И воображают себя исполнителями Божьей воли, — добавил я.

— В наше время таких исполнителей развелось слишком много, — усмехнулся Барак. — Но ваш Редвинтер не показался мне столь уж страшным. Похоже, он сам изрядно перетрусил.

— Вы правы, сегодняшнее происшествие выбило его из колеи, — ответил я. — Погодите, пока он придет в себя. Тогда и поймете, стоит ли его опасаться.

Я несколько раз прошелся по комнате взад-вперед.

— На его месте любой растерялся бы. Ведь он принимал все меры предосторожности, дабы предотвратить побег Бродерика. Ему и в голову не приходило, что кто-то может попытаться убить заключенного. Как, впрочем, и мне. А что, если покушение на Бродерика связано со смертью Олдройда и похищением документов? — неожиданно для себя самого предположил я. — По словам Малевверера, Бродерик имеет какое-то отношение к человеку по имени Блейбурн.

— Возможно, нам следует предупредить Редвинтера.

— Не думаю, — возразил я. — Это дело находится в ведении Малевверера, и он не давал нам подобного поручения.

Звук шагов, раздавшийся на лестнице, заставил нас замолчать. В комнату вошел Редвинтер. Закрыв дверь, он вперил взгляд в Барака. Затем повернулся ко мне и растянул губы в улыбке, обнажившей его мелкие белые зубы.

— Насколько я понимаю, мастер Шардлейк, вы сочли, что при встречах со мной вам необходима защита? — насмешливо осведомился он.

Даже сейчас он не оставил своих попыток уязвить меня.

— Мастер Редвинтер, сейчас не время для колкостей, — произнес я подчеркнуто бесстрастным тоном. — Нам предстоит обсудить весьма серьезные вопросы.

— Я приказал принести заключенному одеяла и жаровню, — сообщил Редвинтер. — У меня нет ни малейшего желания, чтобы человек этот умер, находясь на моем попечении, — добавил он с откровенной злобой. — Бог свидетель, смерть его мне вовсе ни к чему! Сейчас я намереваюсь допросить повара и хочу, чтобы вы при этом присутствовали.

— Но если бы заключенного отравил повар, он сразу скрылся бы, сделав свое дело, — заявил Барак. — Всякому ясно, что первое подозрение

пало бы на него. Зачем ему оставаться в замке и ждать, пока его схватят?

Редвинтер смерил его пренебрежительным взглядом и процедил, обернувшись ко мне:

— Вы всегда позволяете слугам вмешиваться в ваши дела?

— Барак мой помощник, — отрезал я. — И то, что он сказал, отнюдь не лишено смысла.

— Вот как? — ухмыльнулся Редвинтер.

Взгляд его скользнул по синяку на моей голове.

— Вижу, вы побывали в серьезной переделке, мастер Шардлейк. Должно быть, ваши учтивые манеры вывели кого-нибудь из терпения?

— Я уже сказал вам: сейчас не время для колкостей. Идемте поговорим с подозреваемым.

— Идемте. Бог свидетель, я заставлю этого мерзавца выложить правду.

И, тряхнув в руке связку ключей, он сделал нам знак выйти из комнаты.

Повар, с обеих сторон окруженный солдатами, понуро сидел на табуретке в караульной. Как и полагается человеку его ремесла, он отличался изрядной упитанностью, лысая голова имела яйцевидную форму. Однако черты лица были резкими и заостренными, а в глазах бегали тревожные огоньки. Я не мог не признать правоту Редвинтера — этот человек одним своим видом внушал подозрения.

Тюремщик приблизился к заключенному и, уставившись ему прямо в лицо, растянул губы в зловещей улыбке. В комнате горела жаровня, из кучи углей торчала кочерга. Редвинтер быстро выхватил ее и сжал в руке. Повар судорожно перевел дух, не в силах оторвать взгляда от раскаленного докрасна конца. Даже я, стоя в нескольких шагах от Редвинтера, ощущал исходящий от кочерги жар. Солдаты, предчувствуя тягостную сцену, смущенно переглядывались.

Редвинтер погладил бороду свободной рукой и произнес негромко и вкрадчиво:

— Назови свое имя.

— Д-Дэвид Юхил, сэр.

— Прежде ты работал в аббатстве Святой Марии?

Глаза повара, неотрывно устремленные на кочергу, расширились от ужаса.

— Да, сэр.

— Когда отвечаешь, смотри на меня, невежа, — процедил Редвинтер. — Как долго ты работал в аббатстве?

— Около десяти лет, сэр. Я стряпал для монахов. Нас, поваров, там было трое.

— Вижу, в аббатстве ты хорошо отъелся. Привык к сытой жизни и легкой работе. И уж конечно, когда этот папистский притон закрыли, а тебя выбросили на улицу, тебе это не слишком понравилось.

— Я быстро нашел работу, сэр. Здесь, в замке.

— И воспользовался своим положением для того, чтобы отравить человека, который нужен живым самому королю. Знаешь, какому наказанию подвергают поваров-отравителей? Их варят заживо. Таков приказ короля.

Юхил вновь судорожно перевел дух. По лицу его градом катил пот. Редвинтер размеренно произнес, не сводя с повара ледяных беспощадных глаз:

— Ты сам понимаешь, это весьма мучительная смерть. Хотя мне ни разу не доводилось присутствовать при подобной казни. Пока не доводилось.

— Но я... я ни в чем не виноват, сэр! — вскричал Юхил дрожащим голосом.

Раскаленная кочерга неодолимо притягивала его взгляд.

— Минувшим вечером я, как обычно, приготовил овощную похлебку. Все необходимые продукты я купил в городе. Заключенному наливали из общего котла. Он до сих пор стоит в кухне, и там сохранились остатки похлебки. Если бы я отравил похлебку, захворали бы все солдаты.

В поисках поддержки повар обернулся к стражникам:

— Джил, Питер, вы же тоже ели из общего котла?

Солдаты с готовностью закивали.

— Это правда, сэр, — сказал один из них.

Редвинтер недовольно нахмурился.

— Я собственными глазами видел, что у повара не было возможности отравить еду арестанта, — продолжал стражник, который, как видно, не отличался робостью.

— Вы же сами отнесли ему еду, сэр, — подал голос Юхил. — А пиво ему наливали из общего бочонка.

— Кто моет посуду Бродерика? — осведомился я.

— Я делаю это собственноручно, — ответил Редвинтер, поглаживая свою холеную черную бороду.

Внезапно он поднес кочергу к самому носу повара. Я решил, что вмешаюсь, как только он сделает еще одно движение. Юхил, постанывая от страха, скорчился на своей табуретке.

— Я не знаю, каким образом ты отравил еду заключенного, господин повар, — процедил Редвинтер. — Но кроме тебя, сделать это было некому. Не волнуйся, я найду способ развязать тебе язык. Да будет тебе известно, я

насквозь вижу бывших монастырских работников, подобных тебе. Вы пропитаны папистской ересью и ненавидите короля за то, что он лишил вас ваших теплых местечек. И уж конечно, если вам подвернется возможность навредить его величеству, вы ни за что ее не упустите. В башне Лоллард я повидал немало монастырских прихлебателей. Все они походили на тебя, такие же жирные и откормленные. И, должен тебе сказать, все они были на редкость чувствительны к боли.

— Но я ненавижу монахов! — со слезами в голосе крикнул Юхил.

Кочергу от его лица по-прежнему отделяло расстояние в несколько дюймов.

— Что? — рявкнул Редвинтер.

— Я ненавижу монахов! Они катались как сыр в масле, а я спал на соломе. А уж на то, как они мастерски вытягивают деньги из доверчивых олухов, я насмотрелся вдоволь. Клянусь, я даже был осведомителем лорда Кромвеля!

— Что за ерунду ты несешь? — нахмурившись, бросил Редвинтер.

Повар откинул голову, стараясь держаться подальше от полыхающей жаром кочерги.

— Клянусь кровью Господней, это чистая правда! — возопил он. — Когда в тридцать пятом году в аббатство приехали люди лорда Кромвеля, они допрашивали всех слуг. И когда поняли, что я монахов не жалею, то предложили мне сообщать в контору лорда Кромвеля все сплетни и разговоры, которые мне доведется услышать. Пообещали, что после закрытия монастыря подыщут мне хорошее место. И они сдержали обещание, устроили меня сюда, в замок. Так что я самый что ни на есть верный слуга нашего короля!

Редвинтер, буравя повара взглядом, медленно покачал головой.

— Прибереги свои рассказы для кого-нибудь другого, господин повар. По глазам видно, ты продувная бестия. Ты, и никто другой, отравил заключенного. И я еще вытяну из тебя правду. А сейчас идем в мою комнату. Там мы продолжим нашу увлекательную беседу. Кстати, жаровня там тоже есть, — ухмыльнулся Редвинтер и отбросил кочергу. — Мастер Шардлейк, думаю, вам ни к чему присутствовать при нашем разговоре, — заявил он, встретив мой осуждающий взгляд.

Юхил отчаянно вцепился в край табуретки. Солдаты растерянно переглядывались. Внезапно, к великому моему изумлению, Барак выступил вперед и обратился к повару.

— Я тоже работал на лорда Кромвеля, — заявил он. — Мне доводилось иметь дело с монастырскими осведомителями, и я могу проверить,

говорите вы правду или лжете.

В затравленном взгляде повара мелькнуло облегчение. Несомненно, объявив себя осведомителем, он не погрешил против истины.

— Прошу вас, сэр, помогите мне! — взмолился он.

— Если вы были осведомителем, значит, посылали письма в ведомство лорда Кромвеля. Вы что, умеете писать?

— Мой брат умеет, сэр. Он писал с моих слов.

— И куда же вы направляли свои письма?

— В контору мастера Бивейтера, главного викария Вестминстера, — с готовностью заявил повар. — Для передачи мастеру Уэллсу.

— Этот человек говорит правду, — сказал Барак, обернувшись к нам. — Он действительно собирал сведения для лорда Кромвеля.

— Возможно, с тех пор он успел переметнуться к папистам, — не отступал Редвинтер.

— Все может быть, — пожал плечами Барак. — Да только этот малый явно трусоват и вряд ли годится в заговорщики.

— К тому же у нас нет никаких доказательств того, что он является отравителем, — подал голос я. — Так что вы, мастер Редвинтер, не имеете законного права подвергать этого человека пыткам. Пока его следует держать под арестом, хотя я убежден, что к отравлению он не имеет ни малейшего отношения. Но от допроса с пристрастием я прошу вас воздержаться. Обо всем случившемся я незамедлительно сообщу сэру Уильяму Малевверу.

— А что, если отраву заключенный получил вовсе не с едой? — предположил Барак.

— Это вполне вероятно, — кивнул я. — Вы должны рассмотреть все возможные версии, мастер Редвинтер, и я сделаю то же самое. После разговора с сэром Уильямом я сразу вернусь сюда.

Стоило выйти во двор, ветер, успевший за это время еще усилиться, бросил мне в лицо брызги ледяного дождя; опавшие листья вихрем носились по двору. Редвинтер, с потемневшим от ярости лицом, спустился вслед за нами.

— Напрасно вы суетесь не в свое дело, сэр! — прошипел он, схватив меня за руку повыше локтя. — Вам поручено заботиться об арестанте, и только! Этим и будьте любезны ограничиться!

— Вы не имеете никакого права заниматься расследованием, — хладнокровно ответил я. — Оно находится в ведении сэра Уильяма.

Редвинтер, злобно сверкнув глазами, сжал мою руку еще крепче.

— Потише, сэр, — сказал Барак, коснувшись его плеча.

Редвинтер наконец выпустил меня и произнес с натужным смехом:

— Вижу, я был прав. Вы настолько трусливы, что постоянно нуждаетесь в защитнике. Вас ведь зовут Барак? — спросил он, вперив взгляд в моего помощника. — Еврейское имя, из Ветхого Завета.

— С образованным человеком всегда приятно поговорить, — ухмыльнулся Барак.

— Видите вон ту башню, на которой болтается Эск? — язвительно улыбнувшись, спросил Редвинтер. — Да будет вам известно, раньше на ее месте стояла другая, деревянная. Но несколько столетий назад жители Йорка, доведенные до отчаяния происками алчных жидов, схватили их и сожгли в этой башне живыми. Согласитесь, для такого благого дела и башни не жалко.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Барак побледнел как полотно. Настал мой черед поддержать его, сжав его руку.

— Вот каналья! — выдохнул Барак.

— Полностью с вами согласен. Но сейчас он чувствует, что земля у него под ногами качается, и это приводит его в бешенство. Он умеет лишь заковывать арестантов в цепи, мучить и пытаться их. А распутать хоть сколько-нибудь сложное дело не в состоянии. И поэтому он из кожи вон лезет от злости. А дело, надо признать, не из легких, — заметил я, покачав головой. — Не представляю, каким образом кто-то ухитрился отравить заключенного, с которого Редвинтер не спускает глаз. Впрочем, пусть над этим ломает голову Малевевер, — заключил я с глубоким вздохом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На этот раз Малеверер сразу изволил нас заметить. Он восседал за письменным столом, заваленным бумагами, откинув свою большую косматую голову на спинку кресла.

— Господи боже, эти двое взяли за правило приносить мне дурные новости, — пророкотал он, едва мы вошли. — Не говорите только, что этот мерзавец Бродерик находится при последнем издыхании.

Я принялся подробно повествовать обо всем произошедшем в замке. Во время моего рассказа Малеверер беспрестанно крутил в своих толстых волосатых пальцах кусок красного воска, предназначенного для запечатывания писем. Когда я смолк, он несколько раз провел рукой по своей окладистой бороде, словно причесывая ее невидимым гребнем.

— Если все, что рассказал вам Редвинтер, правда, отравить арестанта совершенно невозможно. — заявил он наконец. — Лекарь уверен, что причина болезни Бродерика — именно яд?

— У него нет в этом никаких сомнений. Впрочем, он собирался провести некоторые исследования. Думаю, что уже сегодня он сообщит нам об их результате.

— К черту исследования! — рявкнул Малеверер, и лицо его исказила недовольная гримаса. — Прежде всего надо выяснить, могли кто-нибудь вчера проскользнуть мимо Редвинтера? Может, этот олух заснул?

— Вряд ли, сэр Уильям. Мастер Редвинтер относится к своим обязанностям с большим рвением.

— Да, этого у него не отнимешь, — пробурчал Малеверер.

— К тому же прежде отравитель должен был миновать караульное помещение. Затем отпереть две двери, на которых висят надежные замки. И лишь потом каким-то способом заставить заключенного принять яд.

— Значит, вы можете подтвердить, что этот чертов повар действительно служил осведомителем лорда Кромвеля? — спросил Малеверер, обернувшись к Бараку.

— Он назвал имена, которые мне хорошо знакомы, сэр Уильям.

Малеверер вновь схватил со стола кусок воска и сжал его так крепко, словно хотел выдавить из него правду.

— Но как отравка оказалась в желудке негодяя, как? — пробормотал он и спросил, впери в меня изучающий взгляд: — Насколько я успел понять, господин законник, вы большой любитель разгадывать всякие

головоломки?

— Не стал бы этого утверждать, сэр. Одно могу сказать: никто не мог проникнуть в камеру Бродерика без ведома Редвинтера.

— Значит, нашим первым подозреваемым является Редвинтер, — поджав губы, заключил Малевеверер.

— Этот человек отнюдь не вызывает у меня расположения, сэр, но все же я должен признать — вне всякого сомнения, он всецело предан архиепископу Кранмеру и реформам, — заявил я после минутного колебания. — Подозревать его в содействии заговорщикам не имеет смысла.

Малевеверер нахмурился и принялся покусывать свой длинный желтый ноготь.

— Я прикажу перевести Бродерика в аббатство Святой Марии, — заявил он. — И Редвинтера вместе с ним. Здесь они будут под моим присмотром. Бродерика поместим в ту камеру, где содержался этот скверный мальчишка Грин. Выделим ему усиленную охрану. А начальником стражи я, пожалуй, назначу сержанта Ликона — он производит впечатление смышленного парня. Кстати, я так понял, сам Бродерик ни словом не обмолвился о том, что с ним случилось?

— Нет, сэр. Я подозреваю, ему все известно, однако он твердо вознамерился хранить молчание. Правда, он нес какую-то ерунду насчет того, что его отравил король. Я так и не мог понять, что он имел в виду, и воспринял это как бред.

— Итак, сегодня же Бродерик будет здесь, — изрек Малевеверер. — А в его прежнюю камеру в замке пусть поместят повара. Я проверю, каким образом этот пройдоха получил свое тепленькое местечко. А еще напишу архиепископу и спрошу, какого он мнения о Редвинтере. Надеюсь, вы ничего не сказали Редвинтеру о похищенных бумагах? — бросил он, смерив меня надменным взглядом.

— Разумеется, нет.

— И никому другому тоже?

— Ни одной живой душе. Как вы и приказали.

— Я должен сообщить об этом случае Тайному совету, — процедил Малевеверер. — Король сейчас совсем близко, в Леконфилде. Съездить туда не займет много времени. Мне необходимо получить дальнейшие распоряжения.

Малевеверер откинулся на спинку кресла и уставился в окно; пальцы его по-прежнему сжимали неподатливый кусок воска. Внезапно Малевеверер в раздражении швырнул воск на стол, и тот с мягким стуком упал среди

бумаг.

— Хотел бы я знать, чьих это рук дело! — возопил он. — Порой мне кажется, все это происки какого-то бестелесного духа, который с легкостью проникает сквозь запертые замки и решетки. А завтра сюда прибывает король. А вскорости, возможно, пожалует и король Шотландии. Кстати, именно ради встречи монархов, которую до времени хранили в тайне, и соорудили все эти павильоны и шатры. Именно мне предстоит заботиться о безопасности высоких особ, — заявил он, не сводя с меня взгляда. — А королю, разумеется, придется не по нраву, если ему сообщат, что в замке Йорка творится черт знает что.

— Да, только бестелесные духи здесь совершенно ни при чем, — усмехнулся я. — Злоумышленник, который запер нас в ризнице, был из плоти и крови. Я не имею даже отдаленного понятия о том, как он отравил Бродерика. Но, судя по всему, он свободно вхож как в замок, так и в аббатство. Вы знаете не хуже моего, что никого из посторонних в королевский особняк не пропустят. Вне всякого сомнения, злоумышленники относятся к числу здешних обитателей. Присутствие их в аббатстве ни у кого не вызывает удивления.

— Тем сильнее опасность, нависшая над королем.

— Но если кто-то замышляет причинить вред королю, неужели он стал бы до времени возбуждать всеобщую тревогу, совершая убийства и нападения на территории аббатства?

Малеверер вновь погладил бороду и одобрительно кивнул.

— А голова у вас неплохо варит, господин законник, — бросил он с коротким хриплым смешком. — Отдаю вам должное. Хотя вы и проявили себя с самой скверной стороны, проворонив бумаги. Думаю, нам придется еще долго расхлебывать последствия вашей неосторожности. А сейчас вам лучше всего вернуться в Лондон.

— Вполне разделяю ваше мнение, — кивнул я.

— Наверняка тот, кто огрел вас по голове, захочет вновь испытать ее на прочность. Но так или иначе, вы останетесь здесь до тех пор, пока я не получу каких-либо распоряжений на ваш счет. И будете продолжать присматривать за Бродериком.

Порыв ветра задул в окно брызги дождя, и Малеверер раздраженно поморщился.

— Мне сообщили, что король и королева придут сюда не верхом, а на носилках. Значит, они будут передвигаться медленнее, чем мы рассчитывали. Эллертон! — позвал он клерка так оглушительно, что я едва не подскочил на месте.

Когда тот вошел, Малевеверер приказал ему седлать лошадь.

— А вы прикажите сержанту Ликону подобрать людей, которым можно доверить охрану Бродерика, — обратился он к нам. — Для того чтобы перевезти его из замка, пусть возьмут повозку с высокими бортами. Да, и пусть накроют ее сверху какой-нибудь рогожей. Я не желаю, чтобы преступник любовался городом. Вы оба будете сопровождать их, от камеры в замке до камеры в аббатстве. И помните, переселение арестанта следует держать в строжайшей тайне.

Выйдя из конторы Малевеверера, мы спустились по лестнице в холл. Здесь, среди новеньких гобеленов, расписных потолков и буфетов с золотой посудой, работали полотеры. Рьяно орудуя щетками и тряпками, они наводили блеск на половицы, изгоняя прочь последние пылинки. У стены я заметил мастера Крейка, который сосредоточенно перебирал бумаги на своей письменной доске.

«Да, если в аббатстве есть человек, который беспрепятственно ходит повсюду, не привлекая внимания, это мой бывший однокашник, — пронеслось у меня в голове. — К тому же он может без труда добыть любые ключи, в том числе и ключи от церкви».

— Добрый день, сэр, — приветствовал я Крейка. — Все готово к приему высоких гостей!

— Добрый день, мастер Шардлейк, добрый день, молодой Барак.

Мне показалось, что Крейк поглядел на нас с некоторым смущением.

— Господи боже, сэр, какой огромный синяк.

— Это еще что. Бедный мой затылок пострадал куда сильнее.

— Сочувствую вам, сэр. Удалось выяснить, кто на вас напал?

— Пока нет. А как ваши дела?

— Это какой-то кошмар, — испустил горестный вздох Крейк. — Сегодня я поднялся в три часа утра, и с тех пор у меня не выдалось ни одной свободной минуты. Мастер Дерем, секретарь королевы, заявил, что заказал комнаты в лучшем трактире Йорка.

Крейк схватил со своей доски пачку бумаг и потряс ею в воздухе.

— А сейчас выясняется, что он и не подумал этого сделать. От всей этой неразберихи у меня голова идет кругом!

— Мастер Дерем? Это такой долговязый хлыщ, разодетый, как павлин? Вчера мы имели сомнительное удовольствие с ним встретиться.

— Да, этот мальй — отменный невежа, но он друг детства королевы, и она пожелала сделать его своим секретарем. А королева всегда добивается того, чего хочет.

— В вашем голосе звучит неодобрение, сэр.

— Королева Кэтрин — еще совсем дитя, и понятно, что в голове у нее ветер, — пожал плечами Крейк. — Для высокого положения, которое ей выпало, она слишком молода и легкомысленна. Нрав у нее добрый, спору нет. Но кроме нарядов и драгоценностей, ее ровным счетом ничего не занимает. Впрочем, король от нее без ума.

— Вы знакомы с королевой? — осведомился я.

— Нет, — покачал головой Крейк. — Я всего лишь видел ее несколько раз.

— Согласно слухам, сторонники традиционных религиозных взглядов ожидали, что новый брак короля принесет им немалые выгоды. Однако все эти ожидания не оправдались.

— Ну, новая королева ничуть не похожа на Джейн Сеймур, — кивнул Крейк. — Она не станет украдкой нашептывать королю, что раньше все было лучше, чем сейчас. А вопросы религии ее ничуть не волнуют. По крайней мере, так говорят, — поспешно заключил Крейк, как видно, спохватившись, что зашел слишком далеко.

— Вы доверяете этому коротышке? — осведомился Барак, когда мы вышли во двор.

— У меня такое чувство, что здесь никто не заслуживает доверия.

Порыв ледяного ветра, насквозь пропитанного дождевой моросью, заставил нас поплотнее закутаться в плащи. Во дворе царило смятение. Ветер снес один из трех шатров, превратив его в бесформенную кучу золотой парчи. Уже ничто не защищало от разгула стихии восхитительные дамасские шторы и роскошные ковры. Работники, выбиваясь из сил, пытались поднять шатер. Какой-то молодой человек, по всей вероятности королевский архитектор Лукас Хоренбаут, стоя чуть в стороне, сердито отдавал приказания. Он едва не запрыгал на месте от досады, увидев, как один из работников наступил на драгоценный гобелен и оставил на нем грязный след.

Сержанта Ликона мы нашли в караульной. Сметливость и деловитость молодого солдата вновь произвели на меня самое отрадное впечатление; узнав, что от него требуется, он без промедления отобрал несколько человек и приказал им приготовить повозку для узника. Пока шли приготовления, мы с Баракком сидели в сторожевой будке, наблюдая, как работники суетятся вокруг обрушившегося шатра.

— Ох, не нравится мне этот Малевеверер, — вздохнул Барак. — Не знаю почему, но он сразу невзлюбил нас. От него можно ждать любых неприятных неожиданностей. Он ведь из тех, кто всегда ищет козлов отпущения. И с него станет возложить на нас вину за все те бесчинства,

которые здесь творятся.

— Вы правы. Полагаю... — начал я и тут же осекся, ибо в комнату вошел сержант Ликон.

— У нас небольшое затруднение, — сообщил он, убирая со лба промокшие белокурые волосы. — Сэр, не поможет ли мастер Барак вытащить повозку? Во дворе такая грязь, что она застряла у складов.

Барак кивнул в знак согласия. Сержант указал ему, куда надо идти, и мой помощник без колебания выскочил под проливной дождь.

— Я вижу, служебные дела постоянно сводят нас вместе, сержант, — с улыбкой заметил я. — Теперь мы оба будем охранять заключенного Бродерика.

— Да, сэр. Никогда прежде мне не приходилось иметь дело с арестантами.

— Насколько я помню, вы из Кента. А из какой его части?

— Из Уэлтхэма. Но родители мои приехали из деревни Ликон, что в нескольких милях оттуда.

— И именно поэтому вы носите фамилию Ликон? Насколько мне известно, после великой чумы многие люди перебрались в новые края, и только имена напоминают им о родных местах.

— Да, так произошло и с моей семьей.

— Я немного знаю Кент. Несколько лет назад я вел довольно запутанную тяжбу касательно определения границ земельного владения, расположенного поблизости от Эшфорда. Путаницы там было немало, и она изрядно усугублялась тем, что карты, предъявляемые сторонами, ничуть не соответствовали друг другу.

— Да, сэр, у вас, законников, работа на редкость трудная, — вздохнул молодой солдат. — Боюсь, мне тоже потребуется обратиться за помощью к вашим собратьям.

— А что, у вас какая-то тяжба? — спросил я, с любопытством взглянув на своего собеседника.

— Да, сэр. Может, вы дадите мне дельный совет.

— Постараюсь, если это в моих силах.

— Понимаете, у моих родителей есть ферма. Земля принадлежала нашей семье на протяжении нескольких поколений. Когда-то давным-давно местный монастырь передал ее во владение моим предкам. С тех пор прошло более ста лет. Но после того как монастырь уничтожили, новый землевладелец заявил, что наш участок принадлежит ему. По его словам, дар монастыря более не имеет законной силы.

— Вы себе не представляете, как много подобных споров возникло

после упразднения монастырей, — заметил я, сочувственно кивнув. — Нередко документы, подтверждающие право той или иной стороны на владение землями, утеряны, и принять решение чрезвычайно трудно. Но если семья ваша владела землей на протяжении столетия... Впрочем, я не могу ничего посоветовать до тех пор, пока не посмотрю бумаги.

— Новым владельцам монастырские земли и так достались за бесценок. Но им этого мало, и они хотят захватить чужое.

— Как говорится, аппетит приходит во время еды, — усмехнулся я. — Скажите, ваши родители уже обращались к стряпчему?

— Нет, для этого они слишком бедны. Мой дядя помогает им, чем может. По крайней мере, в отличие от них он умеет читать. Мне очень жаль, что я так далеко от них и ничем не могу помочь.

— Будем надеяться, что дело примет благоприятный для них оборот, — сказал я и, вспомнив о ферме своего отца, прикусил губу.

Я тоже был слишком далеко, чтобы помочь ему советом, и в результате отец получил закладную на грабительских условиях, о которых стыдился мне сказать.

— Желаю вам удачи, — произнес я.

В следующее мгновение в голову пришла внезапная мысль, от которой у меня перехватило дыхание.

— Вы вспомнили о чем-то неприятном? — спросил наблюдательный сержант.

— Нет. У меня всего лишь разболелась шея, — поспешно ответил я.

В голове у меня крутилось одно имя, всплывшее из глубин моей памяти благодаря разговору о Кенте. Тяжба, которой я занимался, касалась земель, расположенных в округе под названием Брейбурн. Вполне вероятно, что, превратившись в фамилию, оно стало звучать как Блейбурн.

К воротам подъехала громоздкая повозка с высокими бортами, запряженная парой лошадей. Мы с сержантом вышли из караульной и присоединились к Бараку и полудюжине солдат, вооруженных копьями. Копьями этими им то и дело приходилось потрясать, разгоняя толпу, ибо, несмотря на дождь и ветер, на улицах города было не протолкнуться. Как видно, возбуждение, связанное со скорым прибытием короля, не давало горожанам сидеть дома.

Сообщая Редвинтеру о приказе Малевевера перевезти арестанта в аббатство, я ожидал новой вспышки гнева. Однако, хотя в глазах тюремщика мелькнули злобные огоньки, он всего лишь молча кивнул. По просьбе Л икона он отстегнул длинную цепь, которой узник был прикован к стене; впрочем, запястья Бродерика оставались закованными в кандалы.

Возня с цепями заставила дремавшего узника пробудиться и со стоном открыть глаза. Вид у него по-прежнему был больной и слабый; когда он увидел вооруженных солдат, обступивших его койку, лицо его исказила гримаса ужаса.

— Вас переводят в аббатство Святой Марии, — поспешил я успокоить Бродерика. — Это делается в интересах вашей безопасности.

Губы узника тронула горькая улыбка, но он не проронил ни слова.

Когда Бродерик спускался по ступенькам, я увидел, что шагает он до крайности неуверенно. Как видно, он отвык ходить за время своего заключения. Не без удивления я отметил также, что ростом он не велик, пожалуй, уступает даже мне. Оказавшись на воздухе, он на несколько мгновений остановился, подставив лицо дождю и ветру. Взгляд его был неотрывно устремлен на небо, затянутое свинцовыми тучами. Несколько раз вдохнув полной грудью, он внезапно покачнулся; как видно, от свежего воздуха у него закружилась голова.

— Осторожнее, — сказал я, а один из солдат поддержал Бродерика.

Тот посмотрел на скелет своего друга Роберта Эска, качавшийся на ветру, и губы его вновь искривились в горькой улыбке.

— Вам известно, кто вас отравил? — вполголоса спросил я, приблизившись к арестанту.

— Король Генрих, кто же еще, — ответил тот со слабым смехом.

Мне оставалось лишь пожать плечами.

— Отведите его в повозку, — распорядился я. — А то, чего доброго, он подхватит лихорадку.

Бродерик, бледный как полотно, был явно близок к тому, чтобы потерять сознание. Солдаты помогли ему забраться в повозку, на дне которой лежало несколько подушек. Повозка насквозь пропахла яблоками, и этот уютный запах странно противоречил той мрачной миссии, которую ей предстояло осуществить ныне. Выполняя приказ Малевевера, солдаты накрыли повозку большим куском рогожи, дабы арестант не мог смотреть на город, и мы двинулись назад в аббатство. Полагаю, встречные зеваки были уверены, что солдаты сопровождают повозку с какими-либо предметами роскоши, предназначенными для услаждения королевской свиты.

«Любопытно, знай они, что под грубой рогожей скрывается заговорщик Бродерик, попытался бы хоть кто-нибудь освободить его?» — спрашивал я себя, глядя на косматые тучи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мы с Бараком шли по Фоссгейту, одной из главных городских улиц. Как и вся толпа, окружавшая нас, мы направлялись на публичную репетицию музыкального представления, которое должно было состояться завтра вечером в присутствии короля. Ближе к ночи дождь и ветер стихли, и лишь мокрые листья и сломанные ветки деревьев, во множестве валявшиеся на тротуаре, напоминали о недавнем разгуле стихии; влажные пороги домов поблескивали в лунном свете. В толпе, которая двигалась к Купеческому залу, царило радостное оживление. Никогда прежде я не видел жителей Йорка в столь добром расположении духа.

Я решил сопровождать Барака на репетицию, ибо не имел ни малейшего желания сидеть в одиночестве в своей каморке, прислушиваясь, не отпускают ли собравшиеся в холле клерки язвительных замечаний в мой адрес.

Барак нарядился в свой лучший зеленый камзол, выпустив поверх него обшитый кружевом воротник рубашки. К тому же сегодня нам с Бараком выпала возможность избавиться от почти недельной щетины, ибо в аббатство Святой Марии были согнаны все городские цирюльники. Им предстояло немало работы, ибо все, на кого мог упасть королевский взор, должны были выглядеть наилучшим образом. Я тоже надел новую мантию, а парадную шляпу счел за благо оставить дома. Закрепляя перо, я потратил немало усилий, и мне вовсе не хотелось, чтобы оно вновь покосилось. Завтра в новой шляпе я предстану перед королем. Мысль эта заставила мои внутренности болезненно сжаться.

Мы прошли мимо кафедрального собора; он был ярко освещен изнутри, витражные окна, подобно разноцветным фонарям, горели на фоне темного неба.

— Посмотрите только, какая красота, — тронул я за рукав Барака.

— Да, зрелище впечатляющее, — кивнул он. — Все готово к приезду короля.

Парочка подмастерьев с хохотом пробежала прямо по луже, обдав нас дождем брызг; я поспешно отряхнул свою мантию.

— Вчера вечером я прогулялся по трактирам и много чего наслушался, — с ухмылкой сообщил Барак. — Оказывается, горожане получили приказ к приезду короля уничтожить все выгребные ямы. Да только как выполнить этот приказ, они не знают, ибо самой большой

помойкой здесь служит река, а ныне сбрасывать в нее нечистоты запрещено. Городские власти не хотят, чтобы вонь ударила в нос королю, когда он будет проезжать мимо. В результате многим жителям приходится накапливать нечистоты на своих задних дворах. Смрад там стоит такой, что можно задохнуться. Зато на улицах все в полном порядке.

— Я так понимаю, в городе немало недовольных, — заметил я.

— Да, — кивнул Барак. — У большинства жителей Йорка визит короля не вызывает особой радости.

— Надеюсь, вчера, гуляя по трактирам, вы не ввязались в какую-нибудь заваруху?

— Я же сказал вам, что буду осторожен. Для того чтобы не вызвать лишнего любопытства, пристал к компании плотников. Почти все они были из Йорка, но некоторые приехали из Лондона. За работу им щедро заплатили, так что они полны самых верноподданнических чувств к его величеству. А в те таверны, где южан не слишком жалуют, мы не заглядывали. Кстати, вчера я видел кое-то интересное, — сообщил он, пристально поглядев на меня.

— И что же это было?

— Точнее сказать — кто, — поправил Барак. — Вчера я со своими новыми приятелями оказался в бедной части города. И как вы думаете, кого я увидел в каком-то грязном переулке? Кто заходил в двери некоей подозрительной таверны, про которую плотники сказали, что нам там делать нечего?

— Говорите, не томите.

— То был не кто иной, как мастер Крейк, — сообщил Барак. — Он надвинул шляпу на самый нос и завернулся в темный плащ. Но луна светила ярко, и я сразу узнал его пухлые щеки. Вид у него, надо сказать, был весьма озабоченный.

— А он вас заметил?

— Наверняка нет.

— Крейк, — задумчиво пробормотал я. — Вот уж не ожидал, что он по ночам посещает питейные заведения, да еще такие, которые пользуются дурной славой. И что ему там понадобилось?

— Возможно, кто-то назначил ему встречу в этом трактире.

Я молча кивнул. Тем временем толпа вынесла нас на площадь, на которой стоял Купеческий зал. Это было трехэтажное здание весьма внушительных размеров. Прямо перед ним возвышалась сцена, закрытая занавесями и освещенная многочисленными факелами. Все пространство площади было уже сплошь запружено народом. Члены различных гильдий

старались держаться вместе; я заметил также нескольких богато одетых людей в окружении слуг; то были придворные, заранее прибывшие в Йорк. Констебли в мундирах городской стражи не давали людям подходить к сцене слишком близко. Я заметил, что в дверях Купеческого зала стоят солдаты. Доспехи их посверкивали в свете факелов. Несомненно, Малевеверер исполнил свое намерение и усилил меры предосторожности.

Молодой человек в мантии стряпчего приблизился к нам и отвесил низкий поклон.

— Приветствую вас, брат Шардлейк, — изрек он.

Взглянув в его серьезное лицо, я узнал городского рикордера, с которым познакомился в ратуше два дня назад.

— Добрый вечер, брат Танкерд, — поклонился я. — Я полагаю, последние приготовления завершены?

— Надеюсь, что так. Мы слишком долго готовились, и, откровенно говоря, я уже не верю, что завтра великое событие наконец свершится, — сказал он с деланным смехом. — В самом деле, невозможно представить, что завтра я буду произносить речь перед королем. Я слышал, сэр Джеймс Филти весьма доволен работой, которую вы проделали с прошениями.

— По крайней мере, недовольства он не выразил.

— Признаюсь, я испытываю немалое беспокойство.

— Как и все прочие.

— Замечательно все-таки, что мне выпал случай увидеть короля собственными глазами. Говорят, в молодости он был невероятно красив — высокий, стройный, белолицый. Во всем христианском мире не было принца красивее.

— С той поры, как король был принцем, миновало более тридцати лет, — напомнил я.

— У вас огромный синяк, сэр, — заметил мастер Танкерд, окинув меня внимательным взглядом.

— Да, синяк изрядный, — усмехнулся я. — Завтра я постараюсь спрятать это украшение под шляпой.

— А как продвигается расследование относительно смерти мастера Олдройда? — любопытно спросил Танкерд. — Удалось что-нибудь выяснить?

— Я более не занимаюсь этим расследованием. Ныне оно находится в ведении сэра Уильяма Малевеверера.

Тут кто-то окликнул Танкерда, и он, извинившись, исчез в толпе. Я повернулся к Бараку, который, изо всех сил вытягивая шею, высматривал в толпе предмет своих вожделений.

— Хотел бы я знать, где она? — пробормотал он.

— Мистрис Ридбурн? Да вон.

Я указал на группу придворных, стоявшую чуть в стороне. Леди Рочфорд, раскрасневшись от возбуждения, рассказывала что-то окружившим ее дамам. Как и всегда, лицо ее выражало крайнюю степень недовольства. В нескольких шагах от нее переминалась с ноги на ногу Дженнет Марлин, а рядом с ней — Тамазин. Мистрис Марлин бросала на сцену осуждающие взгляды. Что до Тамазин, то, судя по ее сияющему лицу, она предвкушала немалое удовольствие.

Внезапно дыхание у меня перехватило, ибо я узнал невысокого тщедушного человека, облаченного в роскошную, отороченную мехом мантию. Вне всякого сомнения, рядом с леди Рочфорд стоял Ричард Рич, глава Палаты перераспределения монастырского имущества. Он о чем-то беседовал с Деремом, молодым секретарем королевы. Год назад я имел неосторожность нажать врага в лице этого могущественного вельможи. Одно из дел в суде лорд-канцлера я проиграл именно потому, что Билкнэпа, моего противника, поддерживал Рич. Я предполагал, что встреча наша неизбежна, и все же сейчас поджилки у меня предательски затряслись.

Барак тоже увидел нашего заклятого недруга.

— Надо же, эта каналья уже здесь, — пробормотал он.

— У меня нет никакого желания вступать с ним в беседу.

— Тогда я, с вашего позволения, оставлю вас и подойду к ним, чтобы поговорить с Тамазин. Уж конечно, меня Рич не узнает. Где ему помнить такую мелкую сошку.

— Делайте, как считаете нужным.

— А вы смотрите не ловите ворон. Здесь полно карманников, — предостерег Барак и начал проталкиваться сквозь толпу к прекрасной Тамазин.

Оставшись в одиночестве, я почувствовал себя до крайности неудобно. Карманников я не особенно опасался. А вот убийца вполне мог нанести новый удар здесь, в толпе.

В дверях Купеческого зала показались музыканты с флейтами и лютнями в руках. На сцену поднялась целая процессия хихикающих мальчишек, возглавляемая человеком в мантии церковного регента. Они скрылись за занавесями.

— Вон он, мой маленький Освальд! — в волнении крикнула женщина рядом со мной.

Спина и шея у меня отчаянно затекли, и я горько сожалел о том, что никто не побеспокоился поставить на площади скамейки. В памяти вновь

всплыло имя Блейбурн. Возможно, этот человек родом из того самого округа в Кенте, о существовании которого я узнал благодаря судебной тяжбе. Следует ли мне сообщить об этом Малевереру? Если между Блейбурном и графством Кент действительно существует связь, он должен об этом знать. Уже сейчас в Йорке полно солдат, прибывших из Кента, а завтра их количество многократно возрастет. Тем не менее внутренний голос подсказывал мне, что Малеверер примет мое сообщение без особой признательности. Напротив, узнав, что я, вопреки его приказанию, не выбросил загадочного Блейбурна из головы, он, скорее всего, будет весьма недоволен.

— Брат Шардлейк.

Глубокий звучный голос, раздавшийся у меня за спиной, заставил меня вздрогнуть. В следующее мгновение я повернулся и расплылся в улыбке.

— Рад вас видеть, брат Ренн. Как поживаете?

Старый законник, облаченный в теплый плащ и шляпу, тяжело опирался на трость.

— От сырости у меня побаливают суставы. Но расскажите, ради бога, что произошло с вами? Малеверер сказал, что на вас напал какой-то неизвестный злоумышленник, ударил по голове и похитил шкатулку, которую вы нашли в доме Олдройда.

— Все так и было. Но, к счастью, удар оказался не столь уж сильным.

— По синяку, что красуется у вас на голове, этого никак не скажешь.

— Ерунда. Вчера я очень беспокоился, узнав, что сэр Уильям пожелал вас допросить.

— Я не из тех, на кого Малеверер может нагнать страху, — усмехнулся старый законник. — К тому же это была всего лишь беседа. Я ответил на его вопросы и отбыл восвояси.

— С юным подмастерьем Олдройда он обошелся до крайности жестоко.

— Меджи рассказала мне. В Йорке новости распространяются быстро. Надеюсь, все неприятности остались для юного Грина позади. Насколько мне известно, сейчас гильдия стекольщиков подыскивает ему новое место.

— Рад слышать это.

— Я помню сэра Уильяма еще с той поры, когда он был всего лишь младшим сыном в знатной семье, — сообщил Ренн. — После восстания у него появилась возможность прорваться к власти. Этот человек весьма честолюбив. Надо сказать, люди, на которых лежит тень незаконного происхождения, нередко обладают чрезмерно развитым честолюбием.

— Так он незаконный отпрыск?

— По крайней мере, так говорят. О семье Малеверер ходит немало

сплетен. Сорок лет назад отец и мать сэра Уильяма сопровождали в Шотландию Маргариту Тюдор, которая вступила в брак с королем этой страны. Если верить слухам, в Шотландии матушка сэра Уильяма вела себя до крайности легкомысленно. И есть все основания полагать, что родившийся у нее сын явился плодом запретной страсти.

— Вот как.

— Уильям Малевверер стремится идти к своей цели напролом. Но, полагаю, настанет день, когда излишняя напористость сыграет с ним скверную шутку и в погоне за почетом и властью он обойдет сам себя.

Ренн махнул рукой, предсказывая падение Малевверера, и крупный изумруд на его перстне сверкнул в свете факелов.

— Я решил, что мне необходимо развеяться, и сегодняшнее представление прекрасно подходит для этой цели, — перевел он разговор на другую тему. — Предлагал Меджи составить мне компанию, но она отказалась. По ее мнению, подобные развлечения грешны.

— Но это всего лишь музыкальное представление.

— Но в нем принимают участие музыканты, которые играют во время мистерий. Да и кое-какая обстановка тоже позаимствована оттуда. Вообще, моя старая Меджи неодобрительно относится ко всякого рода развлечениям. Подобно многим жителям Йорка, она весьма консервативна, особенно в вопросах религии.

Мастер Ренн снисходительно улыбнулся; в переменчивом свете факелов морщины, бороздившие его лицо, казались особенно глубокими.

Занавес начал подниматься. Толпа откликнулась на это возбужденными возгласами, которые уступили место восхищенному шепоту, когда всеобщему взору открылась изысканно украшенная сцена. Расписной задник изображал лесную лужайку, над которой сияло голубое небо; вдали, над горными вершинами, красовалась радуга. Легкие бумажные облака, укрепленные на невидимых проволоках, скользили туда-сюда. Мальчишки-хористы выстроились в ряд, за ними полукругом стояли музыканты.

— Наконец-то горожане увидят настоящее представление, — шепотом сказал Ренн. — Я с детства обожал смотреть театральные мистерии. Искренне жаль, что реформаторы сочли их кощунственными и запретили.

— Да, — согласился я, — тут сторонники реформы, что называется, перегнули палку.

— Уверен, мистерии приносили немалую пользу, — продолжал Ренн. — Благодаря им даже неграмотные могли познакомиться с библейскими историями и жизнью нашего Спасителя.

Он говорил с неподдельным пылом, и я осознал, что собеседник мой

является человеком глубокой и искренней веры; увы, о себе я более не мог сказать того же.

Музыканты тем временем настраивали инструменты. Шепот стих, сменившись напряженной тишиной ожидания. И в этой тишине отчетливо прозвучал резкий и пронзительный голос леди Рочфорд:

— Но это чистая правда! Неопытность Анны Клевской доходила до смешного. Она искренне верила, что обычный поцелуй способен...

Заметив устремленные на нее любопытные взоры, леди Рочфорд покраснела и прикусила губу.

«Господи, эта женщина столь же глупа, сколь и громкоголоса», — пронеслось у меня в голове.

Я заметил, что Барак оживленно беседует с Тамазин. Взгляд сэра Ричарда Рича скользнул по мне, но выражение лица его оставалось непроницаемым и бесстрастным. Я торопливо отвернулся. В этот момент музыканты начали играть.

Прозвучало несколько веселых мелодий, исполненных с немалым искусством. Затем вступил и хор:

Добро пожаловать в Йорк, король, великий повелитель!
Солнечные лужайки и темные горы приветствуют тебя.
Ты приносишь с собой справедливость и милосердие,
Прощаешь нам наш тяжкий грех.
И как свет приходит на смену тьме и ненастью,
Так к нам вернутся благоденствие и процветание.

Когда прозвучали последние слова, бумажные тучи, скользнув по проволокам, раздвинулись, открыв огненно-желтое солнце, а радуга поднялась еще выше.

— Остается лишь надеяться, что завтра, во время представления, не разразится еще один ливень, — прошептал Ренн. — Это изрядно испортило бы впечатление.

За первой песней последовала вторая, за ней — третья. Все они прославляли верноподданнические чувства жителей Йорка, а также выражали сожаление о прошлых грехах и уверенность в том, что визит короля принесет в город благополучие и процветание.

Однообразие представления вскоре мне наскучило, и я начал бросать взгляды по сторонам. В большинстве своем зрители взирали на сцену с благоговейным восторгом; однако некоторые, преимущественно рослые жители долин, стояли, пренебрежительно скрестив руки на груди, и насмешливо улыбались.

Через полчаса наступил антракт; занавес опустился, и в толпе появились многочисленные продавцы пирогов. Подносы, на которых они несли свой товар, заставили меня вспомнить о письменной доске Крейка. Повернувшись к Ренну, я встретил его серьезный внимательный взгляд.

— Брат Шардлейк, вам не известно, как долго король намерен пробыть в Йорке? — осведомился он. — Объявлено, что он предполагает встретиться здесь с королем Шотландии. Однако никто не слышал о том, что тот оставил свою страну.

— Я пребываю в полном неведении.

— Думаю, король проведет в нашем городе несколько дней, — заметил Ренн. — Я бы хотел знать об этом точно, ибо мне необходимо сделать некоторые приготовления.

Старый законник набрал в грудь побольше воздуха и произнес, не сводя с меня глаз:

— Сэр, могу я быть с вами откровенен?

— Разумеется.

— Видите ли, я намереваюсь уехать в Лондон вместе с королевской свитой. Хочу посетить юридические корпорации и попытаться отыскать своего племянника, Мартина Дейкина.

— Но может быть, благоразумнее будет сперва написать ему? — спросил я, с удивлением глядя на старика. — Ведь, насколько я помню, между вами произошла ссора?

— Я не могу ждать, — решительно покачал головой мастер Ренн. — Скорее всего, у меня более не будет возможности попасть в Лондон. Я слишком стар, чтобы путешествовать в одиночестве. В прежние времена я оказал немало важных услуг многим жителям Йорка. В том числе и нашему общему другу Малеввереру — в то пору, когда он еще не вознесся так высоко. Полагаю, я могу рассчитывать на то, что мне будет позволено присоединиться к королевской свите.

— Несомненно. И все же после семейного раздора, который длился многие годы...

— Я должен увидеть племянника во что бы то ни стало, — перебил меня Ренн.

Меня поразила страсть, прозвучавшая в голосе старого законника, обычно столь размеренном и спокойном. Ренн сморщился, лицо его внезапно исказила страдальческая гримаса.

— Что с вами, брат? — воскликнул я, схватив его за руку. — Вы нездоровы?

— Пощупайте мой живот, — неожиданно попросил он. — Вот здесь, с

этой стороны.

Изумленный этой странной просьбой, я послушно прижал руку к тому месту, на которое указывал Ренн, и ощутил под пальцами какой-то твердый ком. Ренн вновь впери в меня взгляд.

— У меня в животе опухоль, — произнес он. — День ото дня она растет и в последнее время причиняет мне боль. Точно такая же опухоль была у моего отца. В течение года она лишила его сил и свела в могилу.

— Но возможно, опытный лекарь...

— Я потратил на лекарей немало времени и денег, — нетерпеливо махнул рукой Ренн. — Против моей болезни они бессильны. А я хорошо знаю, как она беспощадна, ведь отец умирал у меня на глазах. Мне не дожить до весны, брат Шардлейк.

— Брат Ренн, я очень вам сочувствую, — пробормотал я, ошеломленный этим известием.

— О том, что я болен, не знает никто, кроме Меджи. Но... — Ренн тяжело перевел дух и заговорил своим обычным, спокойным и невозмутимым тоном: — Надеюсь, вы понимаете, что сам я не в состоянии совершить путешествие в Лондон. Вместе с королевской свитой я доберусь до Халла, а затем, на корабле, до Лондона. Король передвигается не спеша, и такой путь будет мне по силам. А если вы будете рядом, это послужит мне огромным облегчением. По крайней мере, я буду знать, что не останусь без помощи, если болезнь свалит меня с ног.

— Брат Ренн, я непременно сделаю для вас все, что могу, — убежденно произнес я.

— А когда мы прибудем в Лондон, возможно, вы не откажетесь проводить меня в Грейс-Инн, — продолжал старый законник. — Один я, чего доброго, заплутаю. Я не был в Лондоне пятьдесят лет, и, по слухам, он изрядно вырос за это время. Простите мою бесцеремонность, сэр, — заключил он с грустной улыбкой. — Но, увы, я вступил в такую пору, когда не могу уже рассчитывать только на себя.

— Вы можете рассчитывать на меня, — заверил я. — Поверьте, мне очень жаль...

— Не надо сожалений! — с досадой перебил старик. — Жалеть меня совершенно не за что. Я прожил долгую жизнь, куда более долгую, чем большинство людей. Хотя, спору нет, я предпочел бы, чтобы смерть явилась ко мне внезапно, избавив от томительного ожидания близкого конца. Впрочем, будь это так, я, возможно, не успел бы завершить некоторых важных дел. А сейчас, даст бог, я встречу с Мартином и помирюсь с ним. После этого я могу умереть спокойно.

— Не сомневаюсь, мы отыщем вашего племянника.

Меж тем голоса хористов взмыли вверх, в запредельные выси, но представление более не занимало меня.

— Отец мой был фермером, всю жизнь провел в деревне неподалеку от Холдернесса, — сообщил Ренн, когда хор вновь зазвучал тише. — Он возлагал на меня большие надежды, работал не покладая рук, чтобы я мог выучиться на законника.

— Мой отец тоже был фермером, — откликнулся я. — В Личфилде. Я похоронил его незадолго перед тем, как приехать в Йорк. Увы, я не был заботливым сыном и навещал его непростительно редко.

— Никогда не поверю в то, что вы были плохим сыном.

— Тем не менее отец мой умер в одиночестве.

Взгляд Ренна на несколько мгновений стал рассеянным, словно бы устремленным внутрь.

— Когда единственный мой сын умер и я понял, что других детей у меня не будет, мне было трудно с этим смириться, — произнес он. — Полагаю, тоска и отчаяние, которые я испытывал в ту пору, привели меня к ссоре с родными моей бедной жены. Я непременно должен помириться с Мартином. На всем белом свете у меня не осталось других родственников.

— Мы найдем его, сэр, — уверенно повторил я. — Мой помощник Барак способен отыскать иголку в стоге сена.

— Вот уж не думал, что вы тоже сын фермера, — с улыбкой заметил Ренн. — Вероятно, именно поэтому мы так легко сошлись друг с другом, — добавил он с некоторым смущением.

— Очень может быть.

— Простите за то, что я обременяю вас своими заботами.

— Вы удостоили меня своим доверием, и я почитаю это за честь.

— У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность. Прошу вас, с этой минуты зовите меня просто Джайлс. Как старого друга.

— А вы меня — Мэтью, — сказал я, протянув руку.

Пожатие старика оказалось на удивление крепким. У меня даже мелькнула мысль о том, что, возможно, он ошибается относительно смертельности своего недуга. Ренн похлопал меня по плечу и обернулся к сцене, где в эту минуту вновь поднялся занавес и мальчик-хорист в одеянии знатной дамы запел печальную песню о любви.

В аббатство Святой Марии я возвращался в одиночестве, ибо разговор с Джайлсом заставил меня забыть об угрожавшей опасности. Мысли о семейной ссоре, разлучившей старого законника с племянником, не выходили у меня из головы. Судя по всему, причиной этой ссоры

послужило отнюдь не случайное недоразумение.

«Несомненно, покойной жене Ренна семейные неурядицы доставили немало переживаний», — со вздохом подумал я.

— Пели недурственно, правда? — раздался знакомый голос у меня за спиной.

Обернувшись, я увидел Барака. Он пребывал в превосходном расположении духа. Рядом с ним шла Тамазин, не сводившая со своего спутника сияющего взгляда. Миловидное ее лицо покрывал румянец.

«Что ж, — подумал я, — эта красotka, подобно всем прочим хорошеньким девушкам, без труда получила то, что хотела».

Однако остаться со своим кавалером наедине Тамазин пока не удалось, ибо Дженнет Марлин тоже была здесь. По своему обыкновению, выглядела она так, словно только что глотнула уксуса. Но каштановые локоны, обрамлявшие ее лицо, придавали ему до странности юный вид и противоречили его кислому выражению. Мысленно я вновь подивился сходству между этой придворной дамой и Сюзанной, подругой моих детских лет.

— Да, представление удалось на славу, — кивнул я.

— Наверняка королю оно очень понравится! — с пылом воскликнула Тамазин. — Может, потом его сыграют еще раз в аббатстве Святой Марии, для шотландского короля. Оказывается, все эти приготовления были сделаны для него, — добавила она со вздохом. — А мы-то думали, для королевы. Думали, здесь, в Йорке, будет объявлено, что она беременна. Жаль, что это не так. Королева такая душка.

— Правда?

— Честное слово, королева ужасно мила. Я видела ее много раз, хотя, конечно, ни разу не имела чести с ней говорить.

Вне всякого сомнения, Тамазин изо всех сил пыталась завоевать мое расположение. Барак, пристально поглядев на меня, догадался, что мне сейчас не до праздной болтовни.

— Идемте, — сказал он, потянув свою спутницу за руку. — А то мы перегородили всю дорогу.

И он увлек Тамазин вперед, оставив меня в обществе мистрис Марлин, которая наградила меня ледяной улыбкой.

— А вам понравилось представление, мистрис? — любезно осведомился я.

— Не слишком, — проронила она, устремив на меня взгляд своих больших темных глаз. — Я должна поговорить с вами.

Глазами она указала на удалявшиеся спины Тамазин и Барака.

— Мне не нравится, что ваш помощник не оставляет своих ухаживаний за мистрис Ридбурн. Здесь, в Йорке, я несу за нее ответственность. И я не хочу новых неприятностей для нас обеих. Мне вполне хватило того разноса, который устроил нам сэр Уильям.

— Но Барак тут вовсе ни при чем, — возразил я. — Виной всему послужила сама мистрис Ридбурн. Если бы она не...

— Мастер Барак — мужчина, а значит, в первую очередь отвечать должен именно он, — не терпящим возражений тоном ответила Дженнет Марлин.

— Мистрис Ридбурн производит впечатление весьма бойкой особы, которая в состоянии сама о себе позаботиться, — заявил я. — Вне всякого сомнения, для вас это тоже не тайна, ведь вы хорошо знаете свою подопечную. Мистрис Ридбурн очень хороша собой и великолепно одевается, — добавил я, кивнув на нарядное зеленое платье Тамазин.

Неодобрение, сквозившее во взоре моей собеседницы, стало более отчетливым.

— Как бы то ни было, дальнейшее сближение этих двоих представляется мне до крайности неблагоприятным, — отчеканила она. — Что до вашего помощника, то, простите, он отнюдь не кажется человеком, способным позаботиться о чести девушки. Такие, как он, думают лишь об удовлетворении собственной похоти. Тамазин очень молода, и ей не приходится рассчитывать на чью-либо помощь или защиту. Она круглая сирота и не имеет родственников. Мой долг — оградить ее от возможных опасностей. И предостеречь от сближения с молодыми людьми, которые видят в знакомстве с ней способ устроиться на службу при дворе, — процедила Дженнет Марлин, по-прежнему буравя меня взглядом. — Что до ее нарядов, все ваши подозрения напрасны. Бабушка Тамазин оставила ей немного денег. Стремление хорошо выглядеть — в природе молодых девушек, и я не вижу ничего зазорного в том, что часть этих денег Тамазин тратит на платья. Тем более нет никаких оснований упрекать ее в излишней расточительности.

— Вы до крайности несправедливо судите о моем помощнике, — бросил я довольно резко.

— Вот как? По-вашему, он образец нравственности и чужд корыстным устремлениям? — усмехнулась она и скривила рот, словно у нее внезапно разболелись зубы.

— В том, что у него и мысли не было с помощью Тамазин устроиться на придворную службу, я могу поручиться. Да и зачем ему это? Я плачу ему вполне приличное жалованье.

— Для многих двор весьма притягателен сам по себе, — надменно заявила мистрис Марлин.

— Вы правы. Но мы с Бараком не относимся к их числу. Мы, лондонские законники, и так неплохо устроены.

— Однако же вы тоже не упускаете случая показаться при дворе, — обожгла меня взглядом мистрис Марлин. — Говорят, завтра вы предстанете перед королем.

— Таковы мои обязанности, — пояснил я, мысленно досадуя на то, что она напомнила мне о завтрашнем испытании. — Я ведь занимался разбором прошений, поданных на высочайшее имя.

— Насколько мне известно, этим ваши обязанности не исчерпываются. Вы ведь выполняете секретные поручения сэра Уильяма?

— Кто вам это сказал? — нахмурившись, спросил я.

— Как говорится, слухами земля полнится, — пожалала она плечами.

— Никаких тайных поручений я не выполнял. Я всего лишь дал ему несколько советов по вопросам, связанным с различными тонкостями законовещения. Любопытно, о чем столь оживленно беседуют Барак и мистрис Ридбурн? — счел я за благо сменить тему разговора.

Барак, склонившись к уху Тамазин, нашептывал ей что-то до того забавное, что девушка сотрясалась от смеха. Мистрис Марлин некоторое время буравила взглядом их спины, потом обернулась ко мне, и во взгляде ее мелькнуло нечто, весьма похожее на ненависть. Воспоминание двадцатилетней давности ожило в моей памяти, и я вновь увидел сельскую лужайку и несчастную, затравленную Сюзанну, в ярости винившую меня во всех своих невзгодах.

— Я сразу поняла, что вы до крайности честолюбивы, — заявила Дженнет Марлин. — Вы из тех, кто всю свою жизнь карабкается по общественной лестнице и ради этого продвижения готов на все. А ваш помощник, разумеется, ничем не отличается от своего хозяина.

— Ваши суждения излишне скороспелы! — сердито воскликнул я, в это мгновение позабыв о правилах учтивости.

Разговор так захватил нас обоих, что мы остановились, вынуждая всех прочих пешеходов обходить нас стороной.

— Надеюсь лишь, вы не из тех, кто использовал церковные реформы в качестве трамплина для собственных амбиций, — произнесла она, глядя мне прямо в лицо. — Именно так поступил Малевверер.

— Клянусь, сударыня, вы слишком много себе позволяете, — пробурчал я. — Особенно если учесть, что удовольствие познакомиться с вами я имел совсем недавно. Могу я узнать, почему вас так занимает моя скромная

персона?

Мистрис Марлин, что называется, и бровью не повела.

— Я слышала, как ваш помощник рассказывал Тамазин о прошлом своего патрона, — изрекла она, по-прежнему неотрывно глядя на меня. — О том, как в прежние времена вы были ревностным сторонником реформ. О том, что вы служили лорду Кромвелю. Но сейчас прежний ваш пыл угас, это видно всякому. Подобно многим, ныне вы заботитесь лишь о собственном благополучии.

Мы говорили так громко, что прохожие бросали на нас любопытные взгляды. Один парень даже крикнул:

— Эй, сударь, отвесь этой визгливой ведьме хорошую оплеуху!

— Знаете, почему бедный мой Бернард оказался в Тауэре? — спросила мистрис Марлин, которая, казалось, ничего не видела и не слышала. — Потому что в Лондоне нашлись люди, пожелавшие завладеть его землями. И эти люди возвели на него клевету, обвинив в папизме и в заговоре против короля! Но это ложь, гнусная ложь!

Голос ее истерически зазвенел.

— Я очень сожалею о печальном уделе вашего жениха, сударыня, — холодно произнес я. — Но сам я не имею ни малейшего отношения к постигшему его несчастью. Не думаю, что столь непродолжительное знакомство позволяет вам судить о моих взглядах и жизненных целях. При всем почтении, которое я питаю к вам, я не могу терпеть подобных оскорблений. Понимаю, что в вашем нынешнем положении козел отпущения необходим, однако прошу уволить меня от сей тягостной роли!

Завершив свою тираду, я резко повернулся и пошел прочь, оставив Дженнет Марлин в одиночестве.

Полчаса спустя я вошел в ворота аббатства Святой Марии. За время моего отсутствия работникам удалось поднять рухнувший шатер, и они суетились вокруг него, в свете факелов отчищая грязь с золотой парчи.

Я вошел в королевский особняк. Все приготовления к приезду монарха были завершены, и здесь царила тишина. Лишь несколько слуг и придворных скользили по коридорам в благоговейном молчании; по всей видимости, они упражнялись в той манере поведения, которая потребуется от них завтра, когда дом этот станет резиденцией короля.

Стражник проводил меня в кабинет Малевевера. Тот сидел за столом, погруженный в чтение каких-то бумаг. В свете свечей лицо его, обрамленное черной бородой, казалось бледным и особенно неприветливым.

— Что вам еще надо? — пробурчал он, подняв на меня взгляд.

— Сэр, мне в голову пришла одна мысль.

— Говорите, не тяните.

Я рассказал ему о том, какие воспоминания связаны у меня с именем Блейбурн.

— Может, все это не более чем случайное совпадение, сэр, — завершил я свой рассказ. — Но я решил поставить вас в известность. Ведь среди стражников много уроженцев Кента.

— Значит, по-вашему, этот Блейбурн тоже родом из Кента? — пророкотал Малеверер. — Что ж, это вполне может быть.

Губы его искривились в язвительной ухмылке.

— Однако проку от вашего открытия ровным счетом никакого, мастер Шардлейк. Эдвард Блейбурн умер задолго до того, как вы появились на свет. Сегодня я был на Тайном совете. И узнал немало интересного о Блейбурне.

Он смерил меня надменным взглядом.

— Но все это не подлежит разглашению.

— Мне остается лишь принести свои извинения за напрасное беспокойство, сэр.

— Завтра кто-нибудь из членов Тайного совета непременно пожелает с вами встретиться, — сообщил он. — Вам придется еще раз рассказать все, что вы знаете. И принести свои заверения в том, что вы намерены хранить нерушимое молчание. А напоследок вы, разумеется, получите хороший нагоняй, который вполне заслужили.

Мысленно я отметил, что к Малевереру вернулась прежняя самоуверенность. Вне всякого сомнения, ему удалось убедить Тайный совет, что причиной всех произошедших бед является моя неосмотрительность.

— Однако никто не снимает с вас обязанности заботиться о Бродерике, — продолжал Малеверер. — Непременно навестите его, прежде чем отправитесь спать. Вы должны посещать его каждый день, дабы удостовериться, что он пребывает в добром здравии. Охранник отведет вас в его камеру.

— Я отправлюсь к нему прямо сейчас, сэр Уильям.

— Я уже поговорил с мастером Редвинтером, — процедил Малеверер. — Предупредил, что впредь ему лучше воздерживаться от подобных просчетов.

Он махнул рукой, давая понять, что более меня не задерживает, и проводил меня до дверей взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

Вслед за стражником я вышел во двор и направился к монастырским

строениям, теснившимся за церковью. В прежние времена здесь жили и трудились монахи аббатства Святой Марии; теперь бывшие кельи и дортуары опустели. Мебели в них почти не было, лишь в некоторых я заметил кровати, как видно, предназначенные для прибывающих завтра гостей. По узкому каменному коридору стражник провел меня в глубь дома и остановился в самом конце, перед массивной дубовой дверью с зарешеченным оконцем, сквозь которое проникал свет свечи. Двое солдат, из тех, что сопровождали нас в замок, стояли у дверей в карауле.

— Как себя чувствует заключенный? — осведомился я.

— Он все время лежит, сэ. Но недавно его осмотрел лекарь и сказал, что ему лучше.

— Слава богу. А где мастер Редвинтер?

— Сейчас он в камере, с арестантом. Вы тоже хотите войти?

Я кивнул, и солдат отворил дверь.

Бродерик, растянувшись на постели, крепко спал. Редвинтер, опустившись на корточки у его изголовья, изучал лицо спящего узника. На собственном его лице застыло выражение сосредоточенной, неизбывной злобы. Скрип двери заставил его обернуться; завидев меня, он вскочил на ноги с легкостью, невольно возбуждившей мою зависть.

— Мне сказали, что заключенному лучше, — произнес я вполголоса.

— Он спит. И мне придется спать здесь же, в камере. Да еще и разделять с ним ночной горшок. Таким образом сэ Уильям решил меня наказать.

— Бродерик говорил что-нибудь?

— Нет. До того как он заснул, я пытался его расспросить. Но он упорно нес чушь, которую вы уже слышали. О том, что его отравил король. Если бы мне предоставили действовать по собственному усмотрению, я быстро заставил бы его выложить правду.

— Будь это так легко, не возникло бы надобности отправлять заключенного в Лондон.

Во взгляде тюремщика сверкнули столь хорошо мне знакомые ледяные искорки.

— Запомните, мастер Шардлейк, сломать можно любого человека. Вся штука в том, чтобы к каждому подобрать особый способ.

Удостоверившись, что жизни Бродерика ничего не угрожает, я отправился в свое временное пристанище. В холле, по обыкновению, несколько клерков играли в карты. Я сухо кивнул им и постучал в дверь каморки Барака.

— Да?

— Это я. Нам надо поговорить.

Я вошел в свою комнатушку и, ощутив внезапный приступ усталости, опустился на кровать. Через несколько минут появился Барак. С первого взгляда было понятно, что настроение у него превосходное.

— Что-то рано вы сегодня вернулись, — усмехнулся я. — Неужели вам с мистрис Ридбурн не удалось найти укромного местечка для продолжения приятной беседы?

— Эта мегера Марлин стережет Тамазин, как цепной пес, так что ни о каком продолжении не могло быть и речи. После того как вы бросили ее посреди дороги, она буквально рвала и метала. Куда это вы вдруг заторопились?

— Мне надо было навестить заключенного. Не все могут целыми вечерами предаваться радостям флирта.

— Ну и как он?

— У него есть свой цепной пес — мастер Редвинтер. Что до мистрис Дженнет Марлин, она придерживается на ваш счет отнюдь не лестного мнения. Полагает, вы ухаживаете за Тамазин, дабы она помогла вам получить место при дворе.

— Вижу, она готова возвести на меня любой поклеп, — рассмеялся Барак. — На самом деле она просто боится потерять Тамазин.

— Но почему она так заинтересована в этой девушке? — пожал плечами я. — Не похоже, что они слишком привязаны друг к другу.

— Я уже спрашивал Тамазин об этом. Думаю, единственная причина в том, что Тамазин весела, как птичка, и помогает мистрис Марлин отвлечься от грустных размышлений. Конечно, сейчас, когда ее жених в Тауэре, ее одолевает тоска. А впрочем, как известно, сердце женщины — загадка! — с самодовольным видом заключил Барак.

— Благодаря вам я имел удовольствие вдоволь насладиться обществом мистрис Марлин. Не знаю почему, но эта особа крепко меня невлюбила. Вообразила, что я — закоренелый честолюбец, готовый на все ради собственной выгоды. Слышали бы вы, как яростно она меня обличала. Откровенно говоря, мне даже показалось, что у нее не все в порядке с головой.

— Я расспросил Тамазин о леди Рочфорд, — сообщил Барак. — Похоже, эта старая сплетница держит всех в страхе. Ей ничего не стоит опорочить кого угодно. Она служила фрейлиной сначала у Джейн Сеймур, потом у Анны Клевской. И говорят, за плату передавала лорду Кромвелю все секреты королев.

— Кэтрин Говард тоже достаивает леди Рочфорд своим доверием?

— Со стороны может показаться, что они очень близки. Но, по словам Тамазин, королева не доверяет леди Рочфорд ни на йоту. Мистрис Марлин ее тоже не жалует. Говорит, что леди Рочфорд не имеет никаких моральных устоев.

— Этим она ничуть не отличается от всех прочих придворных, — усмехнулся я. — Похоже, наша самоуверенная мистрис Марлин сохранила достойную удивления наивность.

Я вздохнул и перевел разговор на другое.

— Что вы намерены делать завтра, пока я буду принимать участие в торжественной церемонии? Наверняка вновь болтать с Тамазин?

— Нет, завтра ей будет не для меня, ведь она должна подготовиться к приезду королевы. Думаю, я схожу в город, посмотрю на въезд короля.

Барак устремил на меня пристальный взгляд.

— Знаете, по-моему, вы были слишком холодны с Тамазин, когда разговор зашел о королеве. И она это заметила.

— Ее выходка с подстроеной кражей произвела на меня весьма удручающее впечатление, — заявил я. — К тому же незадолго до встречи с вами я узнал одну печальную новость.

И я рассказал Бараку о смертельной болезни Джайлса Ренна и о его просьбе помочь ему в поисках племянника.

— Бедный старикан, — пробормотал Барак. — С виду он такой крепкий.

— Я обещал мастеру Ренну, что вы тоже поможете ему отыскать племянника.

— Разумеется, — кивнул Барак. — Как только вернемся в Лондон, сразу примусь за поиски. По правде говоря, я бы отправился в Лондон уже завтра. Здесь мне уже осточертело.

— Мне тоже, — кивнул я и добавил после недолгой паузы: — Мистрис Марлин сообщила мне, что Тамазин — круглая сирота и на всем белом свете у нее нет ни единого родственника. Она сказала, мать девушки умерла, однако о ее отце даже не упомянула. Впрочем, у Тамазин есть немного денег, которые ей оставила бабушка.

— Тамазин не знает, кто ее отец, — сказал Барак. — По ее словам, мать никогда о нем не рассказывала. Скорее всего, своим появлением на свет она обязана кому-нибудь из королевских слуг. Ведь мать ее всю жизнь проработала при дворе швеей, и никаких других знакомых у нее просто не было. У Тамазин есть кое-какие догадки на этот счет. Но возможно, все это ерунда.

— И какие это догадки?

— Да так, пустые фантазии, — не без смущения буркнул Барак.

— Наверняка она воображает, что отец ее — знатный вельможа? — предположил я.

Барак лишь пожал плечами, но я понял, что попал в точку.

— После возвращения в Лондон вы собираетесь продолжить знакомство с Тамазин? — осведомился я с подчеркнутым равнодушием.

— Возможно.

«Да уж, слепому видно, что эта девушка зацепила тебя не на шутку, — мысленно добавил я. — И хотя ты известный шалопай, на этот раз, похоже, сердце твое в опасности — возможно, впервые в жизни».

Впрочем, будущее отношений Барака и Тамазин не слишком меня волновало. Куда больше тревожило, намерен ли он и впредь служить под моим началом.

— Представляете, Тамазин видела королеву, — не без гордости сообщил Барак.

— Да, она мне рассказывала.

— Говорит, с виду королева совсем девчонка. Да и ведет себя не так, как того требует ее высокое положение. Назначила своим секретарем Дерема, с которым играла в детстве. А сейчас этот надутый болван прибыл сюда и пытается давать распоряжения леди Рочфорд. По словам Тамазин, старая карга просто в бешенстве.

Я безучастно кивнул, ибо взаимные неудовольствия, столь частые в темном придворном мире, ничуть меня не занимали.

Барак немного помолчал и произнес совсем другим, серьезным тоном:

— Знаете, а у меня из головы не выходит мастер Крейк. Никак не могу понять, что ему понадобилось в грязной таверне прошлой ночью.

— Да, то, что вы рассказали, — довольно странно, — оживился я. — Есть и другие весьма подозрительные обстоятельства. Если кто-то может передвигаться по аббатству, не возбуждая любопытства, так это Крейк. В момент гибели Олдройда он находился поблизости. И благодаря своей должности он может взять любые ключи. Например, ключи от ризницы.

— Но после нападения на вас его обыскали и не нашли ровным счетом ничего, — напомнил Барак.

— А что, если у него был сообщник? Вместе с этим сообщником они требовали, чтобы Олдройд отдал документы. Но стекольщик отказался и поплатился за это жизнью. А потом Крейк увидел, как мы принесли заветную шкатулку в аббатство.

— И сообщник ударил вас по голове, схватил шкатулку и скрылся, — подхватил Барак. — А Крейк остался на месте преступления. Но почему

они вас не прикончили, вот вопрос! Они же видели, что некоторые документы вы успели прочитать.

— Не знаю, из каких соображений они сохранили мне жизнь, но так или иначе мне трудно представить, что Крейк замешан в заговоре. Подобные рискованные авантюры требуют немалой выдержки, которой он лишен. И существует ли связь между похищением бумаг и отравлением Бродерика? Возможно, все это дело одних и тех же рук.

— Но почему? Ведь Бродерик — один из главарей заговора. Значит, его отравили его собственные сообщники.

— Не исключено, он сам попросил, чтобы ему принесли яд, — задумчиво произнес я. — И именно поэтому, когда его спрашивают, что произошло, он отвечает загадками. Да, этот человек вполне мог пойти на самоубийство, дабы не опасаться, что пытки окажутся невыносимыми и развяжут ему язык. Но каким образом ему передали яд?

Я нахмурился, не находя ответа.

— Эти злополучные бумаги наверняка обладают особой важностью для заговорщиков. В противном случае Тайный совет не стал бы придавать их пропаже такого значения. Итак, заговорщики похитили бумаги и попытались навсегда закрыть рот Бродерику. Возможно, с его согласия.

— Но почему Олдройд так упорствовал в своем нежелании расстаться с бумагами?

— Вероятно, он не доверял своим сообщникам. А им, надо сказать, не занимать жестокости. Они устроили Олдройду ужасную смерть. А меня почему-то пощадили. Одному богу известно, по умыслу или по случайности. Надеюсь, по умыслу.

Я тяжело перевел дух и сообщил:

— Завтра, после торжественной церемонии, мне предстоит беседа с кем-то из членов Тайного совета. Боюсь, она будет не слишком приятной.

— Может, они решат, что нас лучше отправить в Лондон, — мечтательно протянул Барак.

— Я тоже на это надеюсь. И, видит бог, не стал бы возражать против подобного решения, хотя его никак не назовешь лестным для моей репутации законника. Но впутываться в здешние дела у меня нет ни малейшего желания. Я и так сто раз пожалел, что уступил Кранмеру и дал согласие присматривать за Бродериком.

Я потряс головой, словно отгоняя назойливые мысли, и с жаром провозгласил:

— Богом клянусь, Барак, я хочу, чтобы завтрашний день был уже позади!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Утром меня разбудили петушиные крики. Надо сказать, что несколько дюжин этих птиц способны создать воистину оглушительную какофонию. Несколько мгновений я лежал, недоумевая, откуда в аббатстве взялись петухи, и лишь потом вспомнил, что это будущие участники боев. Обитатели соседних каморок тоже проснулись и, посылая проклятия голосистым птицам, кряхтели и откашливались.

Утро выдалось ясное, солнце всю сияло на безоблачном небе. Распахнув окно, я первый раз за все свое пребывание в Йорке ощутил не промозглый холод, но живительное тепло. В полном соответствии с песней, которую я слышал на вчерашнем представлении, король прогнал ненастье. По крайней мере, невежественные жители города будут неколебимы в этом убеждении. Взглянув на церковь, я впервые во всей красе увидел ее высоченный шпиль, который в прежние дни терялся в пелене туч. Сейчас он указывал в небеса, подобно громадному сверкающему пальцу.

Я облачился в свою лучшую мантию, отороченную мехом, и с осторожностью увенчал голову новой шляпой, перо на которой заранее укрепил самым тщательным образом. Надвинув шляпу таким образом, чтобы край ее закрывал синяк на лбу, я вышел из своей каморки.

Через распахнутые двери я видел, как клерки тщательно прихорашивались, оправляли мантии и разглядывали свои лица в маленьких стальных зеркалах. Нынешнее утро обошлось без обычной оживленной болтовни. Каждый был поглощен собственной персоной и сосредоточенно готовился к важной роли, которую ему предстояло сыграть сегодня. Барак в красном камзоле стоял в дверях своей каморки и с язвительной улыбкой наблюдал за царившей вокруг суетой.

— Что это вас так веселит? — осведомился я.

— Да так, забавно смотреть на этих олухов, — вполголоса откликнулся он. — Но, думаю, сейчас нам с вами лучше поспешить в трапезную. Сегодня вам непременно нужно плотно позавтракать, ведь одному богу известно, когда вам удастся пообедать.

— Да, завтрак нам обоим не помешает, — кивнул я, тронутый его заботой. — Кстати, как я выгляжу?

— Как расфуфыренный павлин. Пышные наряды вам чертовски не идут. Но синяка не видно, а это главное.

Мы пересекли двор и вошли в трапезную, где было полным-полно

клерков и мелких чиновников, которые, подобно нам, торопились подкрепиться перед трудным днем. Плотники, завершившие свою работу, вне всякого сомнения, еще спали. В трапезной тоже витала напряженная атмосфера, не было слышно ни шуток, ни смеха. Все вздрогнули и обернулись, когда один из конюхов уронил на пол тарелку с холодным мясом.

— Господи боже! — возопил бедолага. — Пропал мой новый камзол! Из-за этого проклятого жира он весь в пятнах!

— Некоторые здешние обитатели так перетрусил, что, того и гляди, лишатся последнего разума, — усмехнулся Барак.

— Завидую бездельникам, у которых нет повода для беспокойства, — не преминул уколоть я. — Смотрите не слишком изнуряйте себя ходьбой. Ведь вам предстоит длительная прогулка по городу.

После этого шуточного напутствия мы с Бараксом расстались. Он отдал мне салют и исчез, а я присоединился к разряженной взволнованной толпе, шествующей к королевскому особняку. Я чувствовал себя путешественником, вступившим на корабль, которому предстояло плавание к далеким неведомым берегам.

Оказавшись во внутреннем дворе, я едва не зажмурился, ослепленный сверканием парчовых шатров, залитых ярким утренним солнцем. Начищенные доспехи и копья солдат, стоявших в карауле у павильонов, тоже добавляли немало блеска к общей картине; шлемы стражников венчали разноцветные плюмажи. Многочисленные флаги Англии и Шотландии развевались на теплом ветерке. Конюхи выводили из церкви лошадей и седлали их; на шее каждого животного висел номер, благодаря которому хозяин мог без труда найти своего коня. Я вытянул шею, выглядывая Предка, но не увидел его.

У крыльца королевского особняка во множестве толпились чиновники в роскошных камзолах, плащах и мантиях. На лицах их застыло выражение крайней озабоченности, голоса звучали приглушенно. Я поднялся по ступенькам и вошел внутрь.

Вдоль стен главного холла недвижно замерли стражники. На обеих лестницах возились слуги, втаскивая по частям исполинские кровати, которые предстояло установить в спальнях короля и королевы. Леди Рочфорд и Дерем, секретарь королевы, осыпали слуг бранью, ибо им казалось, что те недостаточно бережно обращаются с роскошным резным изголовьем. Ради торжественного случая леди Рочфорд облачилась в красное парчовое платье, расшитое ирисами. Щеки покрывал толстый слой белил, скрывающий багровый румянец.

— Вот недоумки! — в исступлении восклицала леди. — Вы поцарапаете угол! Мастер Дерем, вам придется проследить, чтобы эти болваны все сделали должным образом! Я должна идти.

— Я секретарь, а не дворецкий! — немедленно парировал Дерем.

Приглядевшись к нему поближе, я решил, что наружность у него довольно неприятная. Вне всякого сомнения, в своем отороченном бобром плаще он выглядел весьма представительно, однако узкое лицо, при всей правильности черт, казалось излишне подвижным и беспокойным.

— Так позовите сюда управляющего двором королевы! — на ходу бросила леди Рочфорд.

Я перевел взгляд на другую лестницу. Несколько слуг, выбиваясь из сил, тащили наверх перину невероятных размеров. Она была так велика и пышна, что, случись ей упасть на носильщиков, они, без сомнения, не сумели бы выбраться и погибли от удушья.

Кто-то бесцеремонно ткнул меня в бок. Едва не подпрыгнув от неожиданности, я обернулся и увидел сэра Джеймса Филти, взиравшего на меня без всякой приветливости. На нем была парчовая мантия с широкими плечами и богатой меховой оторочкой. Рядом с ним стоял рикордер Танкерд, подобно мне облаченный в добротную, но скромную черную мантию, одну из пуговиц которой он беспрестанно теребил. На плече у него висела кожаная сумка с золотыми уголками, где, вне всякого сомнения, находилась его речь. Коуфолд, клерк Филти, держал в руках толстую пачку петиций, перевязанную красной лентой и запечатанную воском.

— Где вы до сих пор пропадали? — злобно прошипел сэр Джеймс. — Почему я должен вас искать? И куда запропастился брат Ренн?

— Сегодня я его еще не видел.

— Идите во двор и отыщите свою лошадь. Брат Танкерд, сделайте милость, оставьте пуговицу в покое. Иначе вы предстанете перед королем в мантии без пуговиц. Что касается ваших патронов, они просто вывели меня из себя! Надеюсь, они знают, что делают.

— Члены Городского совета тверды в своем решении облачиться в убогие одеяния лишь тогда, когда они окажутся за пределами города, — сообщил Танкерд.

Филти презрительно фыркнул и направился к дверям. Мы с рикордером обменялись понимающими взглядами и последовали за ним. Мрачное лицо Филти немного прояснилось, когда он увидел у крыльца Джайлса Ренна; на почтительном расстоянии от старого законника стоял конюх, державший за поводья трех лошадей. Предок, узнав меня, тихонько заржал от радости.

— Доброе утро, Мэтью, — жизнерадостно произнес Джайлс.

Глядя на него, ни одна живая душа не заподозрила бы, что он смертельно болен. Нарядная мантия придавала ему импозантный вид, а шапка, расшитая драгоценными камнями, ничуть не отвечала последним требованиям моды, зато была ему очень к лицу.

Сэр Джеймс приказал поместить прошения в сумку, прикрепленную к седлу лошади Ренна. Длинная седая борода вельможи потешно развеивалась на ветру из стороны в сторону, что отнюдь не соответствовало его надменной мине. Когда все было готово и мы взобрались на лошадей, сэр Джеймс произнес, указывая на ворота:

— Городская делегация ждет на улице. По сигналу охраны вы присоединитесь к ним и поскачете в Фулфорд.

Несколько мгновений он поочередно сверлил нас всех глазами.

— Не забудьте мои наставления, — бросил он напоследок. — Надеюсь, вы меня не опозорите.

Мы пропустили небольшую группу придворных, среди которых я заметил леди Рочфорд и Ричарда Рича. Настал наш черед двигаться к воротам.

— Удачи вам, мастер Шардлейк! — крикнул мне вслед чей-то звонкий голос.

Обернувшись, я увидел Тамазин Ридбурн, которая провожала процессию взглядом. Ее новое платье, голубое с желтой отделкой, превосходило по красоте все те, что я видел на ней прежде.

«Вероятно, от бабушкиного наследства осталось не много», — пронеслось у меня в голове.

Сразу за воротами толпилось великое множество всадников, все как один — в ярких нарядных костюмах. По моим подсчетам, их собралось здесь никак не меньше двух сотен.

Взгляд мой упал на мэра, лицо которого было почти столь же пунцовым, как и его мантия. Заняв свои места в процессии, мы замерли в ожидании. Чуть впереди, на дороге, я увидел отряд верховых солдат — их было около тридцати, и спины их лошадей покрывали роскошные чепраки.

Джайлс Ренн беспрестанно вертел головой; чувствовалось, что он пребывает в великом возбуждении, хотя и не хочет этого показать.

— Какая огромная толпа, — заметил я. — Кто все эти люди?

— Члены Городского совета и представители гильдий. А еще наиболее знатные из местных дворян. Думаю, мы скоро двинемся в путь.

— А что там за проблема возникла с членами Городского совета и с их костюмами? — обратился я к Танкерду.

— Им было приказано встретить короля в скромных темных одеждах, дабы таким образом выразить свое раскаяние и смирение. Но они заявили, что оденутся подобным образом лишь за пределами города, ибо не хотят возбуждать насмешек уличных зевак. Сэру Джеймсу это решение пришлось не по нраву — он опасается, что столь поспешное переодевание, да еще и посреди поля, не обойдется без путаницы. Так что мэр Холл в весьма затруднительном положении, не зная, чьему желанию следует потрафить — Филти или советников.

Что-то мелькнуло прямо перед моим носом, и я догадался, что проклятое перо вновь накренилось. Пришлось снять шляпу и в очередной раз приколоть перо булавкой, стараясь не растрепать его окончательно. Тут раздался голос капитана стражников: «Трогай! Трогай!» Мне оставалось лишь поспешно нахлобучить шляпу на голову и взяться за поводья. Вслед за членами Городского совета мы выехали за ворота Бутхэм. По обеим сторонам от нас, гремя доспехами, ехали солдаты.

Процессия пересекла пустынный город. На улицах не было ни души, однако к каждому окну прилипло по нескольку любопытных физиономий. Ночью улицы посыпали смесью песка и золы, приглушавшей цоканье копыт. За процессией следовали люди с граблями, которые незамедлительно разравнивали песок. Некоторые улицы были украшены гирляндами из белых роз, и кое-где из окон свисал пестрый ковер или же кусок яркой ткани; впрочем, подобных украшений было совсем немного. Мне вспомнился рассказ Джайлса о том, как пышно жители Йорка украсили свой город к приезду короля Ричарда Третьего.

— Как продвигается расследование дела о смерти мастера Олдройда? — спросил старый законник, когда я обратил к нему взгляд.

— Этим делом занимается королевский коронер.

— Насколько мне известно, мастер Олдройд был весьма опытным и искусным стекольщиком. То, что во время работы он упал, не может не вызвать удивления. В городе поговаривают, что его, возможно, столкнули с лестницы. Но кому он мог помешать?

— Не могу сказать вам ничего определенного, — смущенно пробормотал я.

— В последнее время в аббатстве Святой Марии происходит слишком много несчастных случаев, — продолжал Джайлс. — У Малевевера есть все основания для беспокойства.

— Вы правы.

— А вы по-прежнему занимаетесь расследованиями? — продолжал расспросы Джайлс.

— К счастью, нет.

Мы миновали еще одни городские ворота, Фулфорд, украшенные гирляндами. Я заметил, что гниющие головы и члены казненных исчезли.

«Интересно, намерены ли городские власти выставить их вновь после торжественной церемонии?» — пронеслось у меня в голове.

За воротами теснились низенькие домики, но вскоре мы оказались посреди открытой равнины. По обеим сторонам, насколько хватало глаз, тянулись зеленые пастбища и коричневые вспаханные поля, на которых сверкали лужицы, оставленные вчерашним дождем. Дорога тем не менее находилась в превосходном состоянии, все выбоины были предусмотрительно засыпаны.

Чуть впереди у обочины стояло несколько карет, окруженных солдатами и слугами. Около них члены Городского совета спешили. В неловком молчании они сняли свои роскошные одеяния и облачились в длинные мантии унылого рыжевато-коричневого оттенка, которые слуги извлекли из карет. Странно было видеть мэра Холла раздетым; нахмурившись, он с отвращением взглянул на убогую мантию и решительно всунул в рукава свои жирные белые руки. Слуги бережно сложили роскошные наряды советников и отнесли их в кареты. Головных уборов, отвечающих скромным мантиям, приготовлено не было; как видно, членам Городского совета полагалось предстать перед королем с обнаженными головами. Я окинул взором поля: вдали виднелся силуэт пахаря, бредущего вслед за упряжкой волов. Сердце мое болезненно сжалось при воспоминании об отце.

Капитан бережно извлек из кармана часы.

— Трогай! — вновь скомандовал он.

Советники вскарабкались на лошадей, мы проехали еще немного вперед и остановились у большого каменного креста, возвышавшегося у обочины. Изгороди, ограждавшие пастбища, были снесены по обеим сторонам дороги, дабы расчистить как можно больше пространства. Капитан стражников остановил свою лошадь у самого подножия креста и соскочил с седла. Звучным бодрым голосом он приказал всем спешиться и выстроиться в ряды по двадцать человек — впереди члены Городского совета, затем чиновники, подобные мне и Джайлсу, а сзади — все прочие. Джайлс извлек из седельной сумки прощения и вручил мне.

— Они будут у вас до самого прибытия короля, — сказал он. — Помните, в какой момент вы должны передать их мне?

Я молча кивнул и прижал к груди толстую пачку, оказавшуюся весьма тяжелой.

Танкерд, беспокойно поднимая то одну, то другую бровь, поправил на плече ремень своего кожаного портфеля и присоединился к чиновникам. Конюхи брали лошадей под уздцы и уводили подальше от дороги, на пастбище. Когда мы наконец выстроились в ряды, капитан окинул нас взыскательным взглядом и занял свое место впереди. Несколько сотен глаз было устремлено на Фулфордскую дорогу.

— Нам остается только ждать, — вполголоса произнес Джайлс.

Я тихонько потянул свою ноющую шею и поморщился, ибо в хребте что-то болезненно щелкнуло.

Мы замерли в молчании; напряжение возрастало с каждой минутой. Несмотря на огромное скопление людей, тишина стояла такая, что слышен был шелест листьев, падающих с деревьев у дороги. Лошади паслись далеко в поле, рядом с неким длинным низким сооружением, затянутым коричневой тканью. Я никак не мог понять, что это такое. Несколько слуг суетилось вокруг, укрепляя какие-то длинные деревянные планки. На каждой из этих планок я заметил круглые отверстия, прорезанные через равные интервалы. Размера они были примерно такого, чтобы в них могла пройти человеческая голова. Мне оставалось лишь гадать об их предназначении. Джайлс недоуменно пожал плечами, когда я бросил на него вопросительный взгляд.

Солнце светило вовсю, и запах пота, исходивший от томящихся в ожидании людей, становился все ощутимее. Я коснулся шляпы, проверяя, на месте ли злополучное перо, и с сочувствием подумал о советниках, вынужденных стоять на таком солнцепеке с непокрытой головой. Мэр Холл беспрестанно вытирал бисеринки пота со своей лысой макушки.

Прежде чем мы увидели королевский кортеж, о его приближении сообщил звук, подобный отдаленным раскатам грома. Звук становился все более отчетливым, и я осознал, что это топот нескольких тысяч копыт. Затем на пологом склоне вдали я различил нечто вроде темной полосы невероятных размеров. Полностью заполнив широкую дорогу, она медленно приближалась к нам, словно расплзающееся по земле гигантское пятно. От цокота копыт, казалось, дрожали земля и воздух; испуганные птицы взлетали с ветвей.

Я увидел очертания нескольких огромных карет, в каждую из которых было впряжено по несколько мощных лошадей. По обеим сторонам процессии сплошной цепочкой скакали верховые солдаты в красных мундирах. Издали процессия казалась бесформенной пестрой тучей; но по мере того, как она приближалась, взор мой различил всадников в роскошных одеяниях, которые восседали на лошадях, украшенных почти

столь же пышно, как и их хозяева.

Я отчаянно напрягал зрение, пытаюсь разглядеть короля. В это мгновение оглушительный рев труб заставил нас всех вздрогнуть; в следующее мгновение королевский кортеж прирос к земле примерно в четверти мили от нас. Цоканье копыт смокло, сменившись гулом голосов, который, пронесшись над толпой, растаял, подобно шуму волн.

Мы ждали, замерев в молчании. Витавшее в воздухе напряжение было столь велико, что становилось почти невыносимым. Даже Джайлс утратил свою обычную невозмутимость, его голубые глаза сверкали от возбуждения.

— Ну вот, наконец-то, — прошептал он, встретив мой взгляд.

Леди Рочфорд, Ричард Рич и другие придворные отделились от толпы встречающих и двинулись навстречу королевской свите; через несколько минут они растворились в многоцветных рядах. Молчание, все более томительное, продолжалось. Но вот долгожданное действие началось.

Солдаты, сопровождавшие нас, двумя рядами выстроились вдоль дороги, между нами и королевским кортежем. Несколько человек выдвинулись вперед и неторопливым шагом двинулись по направлению к нам. К солдатам присоединился десяток герольдов в пурпурных плащах, расшитых королевскими гербами и лилиями; каждый из них держал в руках длинную трубу, украшенную ярким флажком. Затем появились два конюха в ливреях королевских цветов, белого и зеленого. Оба вели под уздцы лошадей и остановились в нескольких футах от нас. Длинные, покрытые роскошной вышивкой чепраки, покрывавшие спины лошадей, свисали чуть ли не до земли; позолоченные кисточки на сбруе сверкали на солнце. Одна из лошадей, серая кобыла, отличалась впечатляющими размерами; однако она казалась миниатюрной в сравнении с исполинским могучим жеребцом.

«Лошади короля и королевы», — догадался я.

Все свидетельствовало о том, что приближается великий миг, когда мы увидим монарха. Накал ожидания, охвативший толпу, достиг предельной точки. Я чувствовал, что воротник моей рубашки взмок от пота. Главный камергер, пожилой человек, в руках у которого сверкал золотой меч, знак его высокой должности, важно прошествовав по дороге, замер невдалеке от нас. За ним последовали леди и джентльмены в роскошных нарядах, по большей части пурпурных с позолотой.

Среди них я заметил рослого широкоплечего мужчину с каштановой бородой, по форме напоминавшей лопату. По рассказам я знал, что именно так выглядит Чарльз Брэндон, герцог Суффолк, видный вельможа,

организовавший путешествие. Он являлся членом Тайного совета, следовательно, знал о смерти Олдройда, загадочном признании некоего Блейбурна и моей оплошности, в результате которой важные документы оказались в руках злоумышленников.

«Возможно, все это известно и королю», — подумал я с внезапным содроганием.

Группа придворных пажей, маленьких мальчиков в желто-зеленых плащах и шапочках, заняла место рядом со взрослыми. Теперь мы могли как следует разглядеть королевскую свиту, наряды, усыпанные драгоценными камнями, и непроницаемые, застывшие лица. Зрелище было впечатляющее, однако долгое ожидание так утомило меня, что я никак не мог сосредоточить внимание на происходящем. Мысли невольно обратились к пахарю, которого я видел по пути. Я думал о том, как часто отцу моему приходилось брести по полю за упряжкой волов. Любопытно, спрашивал я себя, что бы подумал отец, увидев меня сейчас? Наверное, гордился бы, узнав, что его сыну выпала честь предстать перед королем.

Звонкая тишина, внезапно воцарившаяся над огромным людским сборищем, заставила меня позабыть о своих размышлениях. Все, абсолютно все звуки: и гул голосов, и шарканье подошв — на несколько мгновений стихли. Потом герольды подняли свои трубы, и несколько нот, взятых в унисон, разбили безмолвие. Я услышал какой-то шорох — это члены Городского совета Йорка опустили на колени. Мы с Джайлсом сняли шляпы и последовали их примеру. Коснувшись коленями травы, я ощутил, какая она влажная.

Вперед выдвинулись две фигуры. Украдкой подняв глаза, я увидел чрезвычайно грузного мужчину, рядом с которым стояла тоненькая девушка в расшитом серебром платье. В следующее мгновение, испугавшись собственной дерзости, я низко склонил голову. Тишину нарушали лишь шаги короля и королевы да тихое поскрипывание. Услыхав его, я вспомнил, что король вроде бы пользуется корсетом, ибо пытается скрыть свою тучность.

Венценосная чета остановилась примерно в шести футах от нас. Стоя на коленях, со склоненной головой, я мог рассмотреть лишь подол платья королевы, затейливо расшитый разноцветными драгоценными камнями, и белые башмаки короля, чьи квадратные носы были украшены золотыми пряжками. Ноги короля, обтянутые белыми чулками, показались мне невероятно толстыми. Я заметил также, что при ходьбе он тяжело опирается на палку с драгоценными инкрустациями. Сердце мое едва не выскакивало из груди, к которой я крепко прижимал петиции и безнадежно

измятую шляпу.

— Жители Йорка, я жду изъявлений вашей покорности!

Голос, исходивший из столь мощной груди, оказался неожиданно высоким, почти визгливым. Бросив взгляд в сторону, я увидел, как рикордер Танкерд, стоя на коленях, разворачивает длинный свиток пергамента. Он поднял глаза на короля и испустил тяжкий, судорожный вздох. Затем он открыл рот, но в течение нескольких длинных, томительных мгновений не мог произнести ни единого звука. Тишина, воцарившаяся в эти мгновения, была воистину ужасающей. Наконец к рикордеру вернулся дар речи, и он произнес громко, отчетливо и ясно:

— Могущественный и милостивый государь...

То была длинная речь, выдержанная в самом что ни на есть покаянном и самоуничижительном тоне.

— Мы, ваши ничтожные подданные, имели несчастье предать ваше королевское величество, не дав должного отпора проискам гнусных заговорщиков. Мы самым низким образом нарушили клятву любви и верности, принесенную вашему королевскому величеству. Вина наша огромна, и мы с сердечным трепетом припадаем к стопам вашего королевского величества...

Поднять голову я не осмеливался, хотя и шея, и спина у меня отчаянно затекли от неудобного положения, усугубляемого необходимостью держать проклятые петиции. Искося взглянув на Джайлса, я увидел, что львиная его голова склонена едва ли не до земли. Выражения его лица я рассмотреть не мог.

Танкерд тем временем подошел к заключению своей речи.

— О милостивый повелитель, мы смиренно просим вас принять этот документ, выражающий искреннее раскаяние, коим исполнены сердца жителей Йорка...

Рикордер склонился еще ниже и передал пергамент одному из пажей, выступившему вперед.

Настала очередь мэра. В руках он держал две великолепные чаши, которые я уже видел в городской ратуше. Мэр тяжело опустился на колени и в смиренных выражениях обратился к королю с просьбой принять сей дар от своих недостойных подданных. Я заметил, что мэр весь взмок от пота. От волнения он заикался, так что речь его прозвучала довольно невнятно. В какой-то момент я отвлекся, позабыв об ожидающем меня испытании. К действительности меня вернул дрожащий шепот Джайлса:

— Идем! Наш черед!

Внутри у меня все сжалось, когда я поднялся и, низко склонив голову,

пошел вслед за Джайлсом.

«Глупо так трусить, — говорил я себе. — Ведь в былые времена моим другом и покровителем был сам Томас Кромвель, и у меня хватало мужества выступить против Ричарда Рича и герцога Норфолка».

Однако сейчас мне предстояла встреча не просто с могущественным вельможей, но с помазанником Божьим, главой церкви, которому вверено попечение о душах трех миллионов подданных. В эти мгновения я искреннее верил, что величие того, к кому мне предстояло обратиться, превосходит земные пределы.

Мы остановились рядом с рикордером Танкердом. Стоя посреди коленопреклоненной толпы, я чувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение. Король был так близко, что я видел, как ветер шевелит ворсинки меха, которым был оторочен его плащ. Огромные рубины на его камзоле сверкали прямо у меня перед носом. Так как глаза мои по-прежнему были устремлены вниз, я заметил, что левая лодыжка короля намного толще правой. Сквозь белый чулок проглядывали бинты, которыми она была перевязана. Я разглядел даже небольшое желтое пятно на чулке. В следующее мгновение порыв ветра донес до меня гнилостный запах, вне сомнения испускаемый гнойной язвой.

Тут я услышал звучный и ясный голос Джайлса:

— Я припадаю к вашим стопам, ваше величество, дабы выразить чаяния жителей Йорка, которые уповают на вашу справедливость и питают надежду, что вы примете их прошения.

— Я приму их, — произнес король.

Джайлс повернулся ко мне, и я, по-прежнему не поднимая головы, передал ему прошения.

И тут я уронил свою шляпу. Злополучное перо вылетело и вонзилось в землю. Исправить оплошность я не осмелился. Мне оставалось лишь беззвучно проклинать собственную неловкость. Меж тем Джайлс, разделив прошения надвое, вручил их пажам, а те поднесли их королю. Монарх едва коснулся бумаг рукой — холеной белой рукой, на каждом пальце которой сверкало кольцо с драгоценным камнем. В следующий миг к нему подошел чиновник и унес прошения.

До слуха моего донесся смех, и я с изумлением осознал, что это смеется король.

— Богом клянусь, сэр, вы на редкость представительный старикан, — обратился он к Джайлсу своим пронзительным голосом. — Что, на севере все такие рослые?

Не совладав с желанием взглянуть если не на лицо короля, то хотя бы на

лицо Ренна, я осмелился чуть-чуть поднять голову. Старый законник, польщенный замечанием монарха, довольно улыбался.

— Я далеко не столь высок, как ваше величество, — произнес он. — Впрочем, никто из простых смертных не дерзнул бы сравниться с вами.

Король расхохотался вновь, раскатисто и искренне.

— Слушайте все! — изрек он. — Глядя на этого славного старика, я вижу, что уроженцы севера отличаются красотой и телесной крепостью. Поглядите только на второго законника рядом с ним, на этого неуклюжего горбуна, что уронил свою шляпу. Мне известно, он житель юга. Воистину, в сравнении со своим собратом по сословию этот уродливый паук имеет жалкий вид.

За спиной моей раздался угодливый смех жителей Йорка. Вспомнив данные мне наставления, я поднял голову. Теперь, когда король удостоил меня заметить, я имел на это право.

Король был так высок, что мне пришлось вытянуть шею, дабы рассмотреть его лицо под усеянной драгоценными камнями шляпой. Я увидел багровые, отвислые щеки, рыжеватую седеющую бороду, маленький, плотно сжатый рот и крючковатый нос внушительных размеров. Глубоко посаженные, устремленные прямо на меня глаза короля показались мне точной копией глаз Редвинтера; такие же маленькие, голубые, исполненные ледяной жестокости.

С содроганием я осознал, что королю известно, кто я такой, известно, что я не сумел сохранить важные документы. Он едва заметно кивнул мне головой, уголки его рта тронуло подобие улыбки. Затем он повернулся и, тяжело опираясь на палку, похромал к своей лошади. Я поймал на себе любопытный взгляд королевы Кэтрин. Пухленькое ее личико сияло молодостью и свежестью, однако она вряд ли могла претендовать на звание красавицы. Она слегка нахмурилась, словно грубость царственного супруга пришлась ей не по душе. Минуту спустя она тоже направилась к своей кобыле. До слуха моего долетел какой-то шум — это жители Йорка разом встали с колен.

Я наклонился, чтобы поднять перо и шляпу. Страх и обида, пережитые мною, были так велики, что я действовал словно во сне. Внезапно кишки мои пронзила боль, такая сильная, что я замер на месте, не в силах пошевелиться. Попытавшись отыскать глазами Джайлса, я убедился, что он уже далеко; голова его возвышалась над толпой. Озираясь по сторонам, я наткнулся на презрительные и насмешливые взгляды. Лишь на лице рикордера Танкерда застыло смущенное выражение. Я схватил его за руку повыше локтя.

— Брат Танкерд, где здесь нужник? — прошептал я, залившись краской. Он указал рукой на равнину, где стояло странное приземистое сооружение, которое я заметил прежде.

— Вон там.

Тут только я догадался о значении планок с круглыми отверстиями.

— Вам лучше поспешить, — предупредил меня Танкерд. — Доброй половине советников тоже понадобилось это заведение.

В самом деле, через поле брели, спотыкаясь, несколько человек, облаченных в унылые коричневые мантии. Я припустил вслед за ними; новый взрыв смеха, раздавшийся мне вслед, заставил мои уши вспыхнуть. Кто-то из советников издал жалобный стон, свидетельствующий о том, что ему не удалось достичь нужника своевременно.

Я вернулся в город вместе с жителями Йорка, следуя за королевским кортежем и охраной, впереди огромной шумной толпы; я ощущал, что толпа эта, подобно огромному чудовищу из Книги Иова, готова меня раздавить. Грубая шутка короля обернулась для меня настоящим бедствием; я уже не мог найти спасения от всеобщего, далеко не сочувственного любопытства.

Миновав ворота Фулфорд, мы оказались на городских улицах. На мостовых толпились зеваки, сдерживаемые солдатами. Появление короля было встречено приветственными возгласами, впрочем, отнюдь не слишком громкими и дружными. Я озирался по сторонам, надеясь увидеть Барака и Тамазин, но их нигде не было. Насколько я знал, во время следующей торжественной церемонии перед королем должны были предстать участники восстания 1536 года, которым сохранили жизнь из политических соображений. Но прежде король намеревался присутствовать на службе в кафедральном соборе; по окончании службы раскаявшимся заговорщикам вменялось в обязанность подползти к монарху на животе.

Мне хотелось одного — отделаться от назойливого внимания, и потому, воспользовавшись первой брешью в оцеплении, я свернул на боковую улицу и направился в аббатство Святой Марии. Мысль о том, что слухи о сегодняшнем происшествии дойдут до Линкольнс-Инна, доставляла мне множество терзаний; как известно, стряпчие — большие охотники до сплетен. В том, что тягостные воспоминания о сегодняшнем дне будут преследовать меня до конца жизни, можно было не сомневаться. На душе было так тяжело, что я и думать забыл об угрожавшей мне опасности.

Подойдя к церкви, я, даже не приласкав Предка на прощание, передал его конюху и побрел восвояси. Джайлс оставил меня в тяжелую минуту, и это обстоятельство отнюдь не улучшало моего настроения. Мне казалось,

будь он рядом, скажи мне несколько слов в поддержку, унижение мое не было бы столь уж тягостным. Я замедлил шаг, сознавая, что мне необходимо отвлечься от грустных размышлений; если я сейчас окажусь в своей камере наедине с собственной обидой, это может привести к самым удручающим последствиям. Поколебавшись немного, я решил навестить Бродерика; мрачная обстановка тюрьмы вполне соответствовала моему расположению духа.

Стражник отдал мне салют, на который я ответил коротким кивком. Редвинтер, сидя в коридоре у дверей камеры, читал «Покорность истинного христианина», книгу, в которой утверждалось, что король является наместником Бога на земле. Вид он имел столь же надменный и самоуверенный, как и всегда; борода, и без того холеная, была недавно подстрижена цирюльником.

— Как прошла церемония? — осведомился он.

Я невольно вздрогнул. Взгляд тюремщика слишком живо напомнил мне исполненный ледяной жестокости взгляд короля. Вне всякого сомнения, негодяй заметил, что я пребываю в расстроенных чувствах.

— Превосходно, — сухо бросил я.

— Перо на вашей шляпе изрядно покривилось.

Я счел за благо промолчать.

— Надеюсь, обошлось без неожиданностей? — впери в меня пронзительный взгляд, продолжал расспросы Редвинтер.

— Все прошло согласно плану.

— Король был весел или же, напротив, печален?

— Насколько я могу судить, он был чрезвычайно весел. Как себя чувствует Бродерик?

— Спит. Сегодня утром он немного поел. Пищу для него приготовил королевский повар в собственной кухне его величества. Под моим наблюдением. Я сам отнес пищу Бродерику и наблюдал, как он ест.

— Я хотел бы его увидеть.

— Как вам будет угодно.

Редвинтер поднялся и снял с пояса связку ключей. В глазах его по-прежнему светилось любопытство.

— Король удостоил вас разговором?

— Он сказал мне всего несколько слов.

— Это великая честь.

— Да.

— Возможно, замечание его величества касалось вашего синяка? — с насмешливой улыбкой предположил Редвинтер.

— Нет, синяка он не увидел, — отрезал я, чувствуя, как все у меня внутри закипает от злости.

— Но тогда о чем же он говорил с вами? — еще шире улыбнулся Редвинтер. — А, догадался. Наверняка король изволил пройтись насчет вашего горба! Я знаю, он терпеть не может всякого рода телесных изъянов, хотя его шут, Уилл Сомерс, горбун. По слухам, король верит в приметы. Неудивительно, что, увидав ваш горб...

Тут я сделал то, чего не делал со студенческих лет, — набросился на Редвинтера с кулаками. Схватив врага за горло, я несколько раз ударил его затылком о каменную стену. Но он значительно превосходил меня в силе и, оправившись от неожиданности, сбросил мою руку и мощным ударом отшвырнул меня к противоположной стене. В коридор ворвались солдаты, но Редвинтер предупреждая вскинул руку.

— Все в порядке, — произнес он. — Мастер Шардлейк немного возбужден, но я сумел его успокоить. Полагаю, недоразумение между нами улажено.

Солдаты с недоумением переводили взгляды с меня на Редвинтера. Я, прислонившись к стене, с трудом переводил дух. На губах тюремщика играла злорадная улыбка.

— Вы знаете, какое наказание ожидает того, кто дерзнет завязать драку в резиденции королевского двора? — осведомился он. — Ему отрубят правую руку. Таков приказ короля. Впрочем, полагаю, что для человека, напавшего на надзирателя, который охраняет государственного преступника, подобная кара окажется слишком мягкой. Особенно если учесть, что этому человеку поручено заботиться о сохранности арестанта.

Во взгляде, устремленном на меня, вспыхнули ледяные огоньки торжества.

— Так что, сэръ, отныне вы всецело в моей власти, — тихо произнес он. — Я могу избавиться от вас, как только пожелаю. Помните об этом. Солдаты все видели. Мне удалось-таки найти ваше уязвимое место, — добавил он с издевательским смехом. — Вы терпеть не можете, когда вам напоминают, кто вы на самом деле. Когда вам без околичностей говорят, что вы уродливый горбун.

— Я уродлив телом, а вы — душой, — прохрипел я, задыхаясь от бешенства. — Вы ненавидите все живое. Ваша единственная отрада — превращать жизнь других людей в ад.

Редвинтер вновь расхохотался, весело и невозмутимо. Внезапно я ощутил, что ярость моя улеглась. Ненавидеть этого человека не имело смысла. Он не заслуживал ненависти, как не заслуживает ее бешеная

собака.

— Откройте камеру, — бросил я.

Редвинтер отпер дверь и, с издевательской почтительностью отвесив мне поклон, пропустил внутрь. Отделавшись наконец от его общества, я с трудом удержал вздох облегчения.

Бродерик лежал на своей койке. Лицо его покрывали грязные разводы, одежда насквозь пропахла рвотой.

«Надо распорядиться, чтобы его помыли и переодели», — подумал я.

Взгляд заключенного, неотрывно устремленный на меня, был исполнен живого любопытства. Вне всякого сомнения, наш разговор с Редвинтером он слышал до последнего слова.

— Я пришел узнать, как вы себя чувствуете, — произнес я ровным голосом.

Неожиданно он поманил меня рукой.

— Идите сюда, присядьте около моей койки, и поговорим. Он ничего не услышит. Вы правы, его единственная отрада — превращать жизнь других людей в ад. Не откажем и мы себе в удовольствии немного позлить его.

После недолгого колебания я все же подошел и осторожно опустился на колени возле кровати заключенного. Суставы мои протестующе скрипнули. Бродерик взглянул на измятую шляпу, которую я по-прежнему сжимал в руках.

— Значит, король обошелся с вами жестоко? — едва слышно спросил он.

Я промолчал, однако ему не требовалось ответа.

— Да, жестокость — это основное свойство его природы, — продолжал Бродерик. — Подобно Редвинтеру, он получает удовольствие, унижая других людей и доставляя им страдания. Судьба несчастного Роберта Эска — убедительное тому подтверждение.

— Я не собираюсь поносить короля.

— И все же вы понимаете, что он вполне заслужил звание еретика.

— Смешно придавать значение старым легендам, — устало проронил я.

— Это не легенда, — непререкаемым тоном изрек Бродерик. — Это пророчество. Оно было известно всем, кто принял участие в «Благодатном паломничестве». Мерлин предсказал, что на английский трон взойдет король-еретик, тиран, который в наказание за свои злодеяния лишится королевства. И впредь никто из его потомков не будет царствовать в Англии. Даже если ему удастся произвести на свет новых вырожденков, никому из них не видать английского престола.

Я вперил в арестанта пронзительный взгляд. Почти то же самое

прошептал перед смертью Олдройд. Бродерик подался вперед и с неожиданной силой сжал мою руку повыше локтя.

— Придет тот, кто лишен одного глаза, но смотрит далеко вперед; он соберет благородных рыцарей в войско, и цыпленок убьет каплуна, — с пылом прошептал он.

Взглядом он, казалось, хотел прожечь меня насквозь.

— Вы видели короля своими глазами, — вновь зашептал он, судорожно переводя дух. — Видели, каков он — человек, которого объявили величайшим из земных правителей, наместником Бога на земле. Неужели после этого вы будете отрицать, что звание изверга принадлежит ему не по праву?

— Отпустите мою руку, сэр Эдвард.

— Но вы не станете отрицать, что в пророчестве говорилось именно об Эске? У Роберта был один глаз, второй он потерял вследствие несчастливой случайности.

— Однако Эску не удалось осуществить свои намерения. Король оказался победителем, а он — побежденным.

— Эск заронил в землю зерна, которые дадут пышные всходы, — провозгласил Бродерик. — Близится пора, когда еретик будет низложен.

— Не желаю слушать подобный бред, — заявил я, высвободив наконец свою руку.

— Вы прекрасно знаете, что это не бред, — заявил Бродерик. Голос его звучал спокойно и твердо. — Царствовать королю недолго. Но мне осталось жить еще меньше. Полагаю, он лишится трона вскоре после моей смерти.

Взгляды наши встретились, и я подивился холодной уверенности, сиявшей в глазах Бродерика.

— Ваши речи — это не просто бред безумца, это государственная измена, и я не собираюсь более их выслушивать, — пробормотал я, с усилием поднимаясь с колен.

— Идите, — вздохнул Бродерик. — Вы можете сколь угодно распинаться в верности королю. Но я знаю, вы видели его истинное лицо.

Подойдя к двери, я с удовлетворением заметил, что Редвинтер приник к прутьям решетки.

— Что он вам сказал? — злобно спросил тюремщик, едва я оказался в коридоре. — О чем вы так долго шептались?

— Вас это не касается, — проронил я, с нарочитым вниманием рассматривая свою многострадальную шляпу.

Не простившись с Редвинтером, я резко повернулся и зашагал прочь.

Спиной я ощущал, что солдаты провожают меня глазами. В том, что они сообщат сержанту Ликону о моем столкновении с тюремщиком, у меня не было никаких сомнений.

Оказавшись в своей камере, я первым делом бросил проклятую шляпу на пол и принялся топтать ее, пока она не превратилась в бесформенный ком. Разделавшись со шляпой, я обессиленно рухнул на кровать.

Некоторое время я лежал, погружившись в воспоминания. Я размышлял о том, как стремительно Томас Кромвель поднимался все выше по государственной лестнице, о том, как малая толика его славы, сияние которой становилось все ослепительнее, досталась даже мне. И вот наконец могущественный мой друг и покровитель оказался в непосредственной близости от трона, однако же торжество его было недолгим. Король, повелитель страны и глава церкви, поборник закона и справедливости, лишил недавнего приближенного своей благосклонности и отправил на плаху.

Ныне мне выпала честь, о которой мечтает каждый смертный, — честь предстать перед королевским взором. Но величайшая честь обернулась для меня величайшим позором, ибо король с отвращением отвел свой взор от жалкого горбатого паука.

Воспоминание об оскорбительной сцене, разыгравшейся сегодня утром, вновь пробудило во мне приступ ярости. Я не заслужил подобного унижения. Возможно, в словах Бродерика содержится доля истины, с содроганием признался я сам себе. Возможно, Генрих VIII и в самом деле еретик, тиран, погруживший страну в кровавую пучину, и недалеко пора, когда он лишится своего трона.

«Что ж, так ему и надо», — мысленно признал я.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В течение нескольких часов я лежал, погружившись в тягостное оцепенение. Наконец шум, который подняли вернувшиеся клерки, сообщил мне, что все церемонии, назначенные на сегодня, завершились. Судя по оживленным голосам, соседи мои пребывали в состоянии крайнего возбуждения.

— Видели того жирного старого торговца в рубахе из мешковины, который полз по булыжникам на карачках? Вот была потеха! Он так выпучил глаза, что я думал, они у него вылезут из орбит.

По всей вероятности, клерки имели удовольствие полюбоваться, как бывшие участники заговора пресмыкаются в пыли перед королем, стоявшим на крыльце кафедрального собора.

— Да уж, этот старикан немало всех посмешил. Живот у него был такой здоровенный, что едва не волочился по камням.

— Знаете, кого мне напомнили эти болваны? Калек, что в прежние годы подползали к кресту во время празднования Пасхи.

— Эй, Раф, попридержи язык. Ты что, забыл, что подобные обряды под запретом?

— Но я ведь только сказал...

Я лежал, не ощущая ни малейшего желания выходить из своей каморки и присоединяться к их обществу. Вдруг до меня донесся знакомый голос. Это был Коуфолд.

— Слыхали, как король отделал горбатого законника?

— Да, мне рассказали городские клерки, которые были в Фулфорде.

Я узнал голос Кимбера, молодого стряпчего, с которым познакомился в первый же вечер.

— Король сказал, что по сравнению со своим собратом из Йорка Шардлейк выглядит жалким горбатым пауком. По словам клерков, Шардлейк побледнел как мел. Он посмотрел на королеву, словно ища у нее защиты, а потом побрел прочь, будто побитая собака.

— Король обошелся с беднягой жестоко, — заметил кто-то.

— Вовсе нет! — решительно возразил Коуфолд. — Это Филти и все прочие, как видно, лишились рассудка. И как только они могли допустить, чтобы во встрече короля участвовал горбун. Можно подумать, они намеренно решили опозориться! Что они, не знают, что от горбунов надо держаться подальше? Как-то раз моя матушка коснулась руки нищего

горбуна, подавая ему милостыню, и с тех пор вся ее жизнь пошла наперекосяк.

Терпению моему пришел конец. Я поднялся с кровати и, рывком распахнув дверь, выскочил из своей каморки. В холле немедленно воцарилось молчание.

— И когда же ваша матушка имела несчастье коснуться горбуна? — спросил я, вперив взгляд в Коуфолда. — Полагаю, незадолго до того, как она вас зачала. Судя по вашей наружности и душевным качествам, жизнь ее пошла наперекосяк до такой степени, что ей пришлось спариться с самцом свиньи.

Чей-то неуверенный смех, раскатившись, тут же смолк. Коуфолд пытался испепелить меня взглядом. Я понимал, что ему отчаянно хочется наброситься на меня с кулаками, но разница в положении вынуждает его держать себя в узде. Провожаемый мертвым молчанием, я вышел на улицу. Ощувив боль в ладонях, я взглянул на них и увидел, что они в крови; я так крепко сжал кулаки, что ногти поцарапали кожу.

Мне оставалось лишь досадовать на собственную несдержанность. В том, что выходка моя принесет мне немало вреда, можно было не сомневаться. После столь чудовищного оскорбления Коуфолд, разумеется, будет пакостить мне при всяком удобном случае. Мысленно я отметил, что самообладание стало изменять мне непозволительно часто. Сегодня я вышел из себя уже дважды — только что и во время разговора с Редвинтером.

«Необходимо взять себя в руки!» — приказал я себе.

Я несколько раз вдохнул полной грудью, наблюдая, как в пустой загон заводят небольшое стадо местных овец с длинными черными мордами. Прежние обитатели загона, разумеется, отправились на скотобойню, и вскоре мясо их окажется в прожорливых утробах придворных.

Во двор вышел здоровенный лохматый детина в грязном фартуке; в руках он держал длинную палку и мешок, из которого капала кровь. Он направился напрямиком к медвежьей клетке. При его приближении огромные косматые звери, без движения лежавшие на земле, поднялись и начали нюхать воздух. Парень, опустив мешок на землю, достал из него несколько кусков мяса и принялся бросать их сквозь прутья, держась от клетки на безопасном расстоянии. Медведи, вскинув морды, ловили мясо с удивительной ловкостью, обнажая при этом устрашающие желтые клыки. Один кусок упал, не долетев до клетки. Медведь высунул лапу сквозь прутья и попытался дотянуться до него длинными черными когтями. Парень испустил грозный окрик и ударил по лапе палкой. Зверь жалобно

взревел и отдернул лапу. Смотритель при помощи палки просунул мясо в клетку.

— Сколько раз тебе говорить, господин косолапый, не высовывайся! — проворчал смотритель, глядя прямо в маленькие красные глазки зверя.

Я прошел вдоль церкви и оказался в главном дворе. День уже клонился к вечеру, однако по-прежнему было тепло — к счастью для меня, ибо в припадке ярости я выскочил, не накинув ни плаща, ни мантии. Вечер ожидался спокойный и ясный — один из тех тихих осенних вечеров, когда в воздухе стоит легкий туман и с деревьев бесшумно опадают разноцветные листья. Однако безмятежность природы лишь усугубила мрак, в который была погружена моя душа.

Несмотря на тишину, стоящую во дворе, он кишел людьми, словно муравейник. У королевского особняка стояло в карауле множество солдат. Наверное, король и королева сейчас в своих покоях, решил я. Слуги беспрестанно носились туда-сюда, и я едва не столкнулся с каким-то парнем, который тащил к одному из павильонов резной стул. Уступая ему дорогу, я прислонился к стене, наблюдая за царившей вокруг суетой.

Взрыв деланного смеха заставил меня вздрогнуть. Обернувшись, я увидел нескольких придворных и среди них — леди Рочфорд, успевшую переодеться в желтое шелковое платье. Рядом с ней я заметил Дженнет Марлин, которая прижимала к груди маленькую лопоухую собачку. Всех прочих придворных дам, нарядно разодетых, набеленных и нарумяненных, я видел впервые. Пышные их юбки громко шелестели по булыжным камням.

Леди обменивались остротами с молодыми людьми в ярких богатых костюмах. Все они были мне незнакомы, за исключением Франциска Дерема, секретаря королевы. Последний имел довольно хмурый вид — должно быть, потому, что вниманием дам безраздельно завладел атлетически сложенный юноша со скульптурно-правильным лицом и вьющимися каштановыми волосами. Судя по пурпурному камзолу с золотыми пуговицами и роскошному кружевному воротнику, обладатель столь счастливой наружности отнюдь не испытывал недостатка в средствах. Когда он повернул голову, в ухе у него сверкнул драгоценный камень. Однако же, получше приглядевшись к красавцу, я решил, что черты его, излишне мягкие и подвижные для мужчины, свидетельствуют о слабом и вздорном характере.

— Вам лучше взять у мистрис Марлин свою собачку, леди Рочфорд, — заявил молодой щеголь, насмешливо улыбнувшись Дженнет. — Судя по ее яркому румянцу, собачка слишком нагрела ей грудь.

Дженнет, и в самом деле красная, как пион, бросила на шутника злобный взгляд.

— Пожалуй, я последую вашему совету, мастер Калпепер, — ответила леди Рочфорд. — Дайте мне его, Дженнет.

Мистрис Марлин передала ей крошечного песика, который недовольно заворочался, ибо леди Рочфорд едва не задушила его в объятиях.

— Говорят, что держать в руках собаку очень полезно, ибо это благотворно сказывается на пищеварении, — сообщила леди Рочфорд. — Ты лучше всяких снадобий, мой маленький Рекс.

— Я знаю более верные и приятные средства, идущие на пользу женскому пищеварению, — заявил Калпепер, заставив дам смущенно захихикать.

К моему удивлению, леди Рочфорд бросила на юнца взгляд, исполненный девического кокетства.

— Фу, сэр, как вам не стыдно! — пропела она с заливистым смехом.

— Нет ничего стыдного в том, чтобы доставить удовольствие прекрасной леди! — заявил Калпепер и погладил собачку, которая в ответ сердито твякнула.

Я заметил, что короткая ее шерстка успела испачкаться в белилах, толстым слоем покрывавших шею леди Рочфорд. Компания направлялась в мою сторону, и я торопливо отвернулся; однако Дженнет Марлин все же встретилась со мной глазами и нахмурилась. Глядя вслед блистательному обществу, я думал о том, что три его члена — леди Рочфорд, мистрис Марлин и секретарь Дерем — видели, как я входил в королевский особняк со злополучной шкатулкой в руках.

Еще некоторое время постояв на дворе, я решил вернуться в свою каморку.

«И куда только запропастился Барак? — сердито спрашивал я себя. — Наверняка наслаждается обществом красотки Тамазин».

Я уже собирался войти в дом, когда кто-то окликнул меня по имени. Обернувшись, я увидел, что ко мне направляется мастер Крейк.

— Как вы себя чувствуете, брат Шардлейк? — спросил он, сияя улыбкой.

Судя по его дружескому обращению, слухи о позоре, который я претерпел сегодня утром, еще не успели до него дойти.

— Превосходно. А как ваши дела, сэр?

— Представьте себе, на меня обрушился бесконечный поток жалоб, — с тяжким вздохом сообщил Крейк. — Все прибывшие недовольны предоставленным им жильем. Кажется, они готовы вменить мне в

обязанность извести вшей и клопов во всех постоянных дворах Йорка.

— По-моему, сюда прибыло несколько тысяч человек, — заметил я. — И как только вам удалось их всех разместить? Для такой уймы народу никаких гостиниц не хватит.

— Если у вас есть свободная минутка, я могу показать, где они все устроились, — с хитрой ухмылкой проронил Крейк.

Я недоверчиво вскинул бровь.

— Все? За одну минуту?

— По крайней мере, все слуги и челядь. А их прибыло более двух тысяч.

— Что ж, идемте. Думаю, это весьма впечатляющее зрелище.

— Я бы скорее назвал его кошмарным, сэр. Идемте же.

К моему удивлению, Крейк повел меня в церковь. Войдя внутрь, я едва не оглох от стоявшего там шума. Почти все стойла были заняты верховыми лошадьми. Конюхи сновали взад-вперед с охапками сена или же чистили животных. Запах навоза, казалось, насквозь пропитал все вокруг. В нескольких боковых капеллах я увидел кузнечные горны; кузнецы трудились не покладая рук, выковывая новые подковы взамен тех, что пришли в негодность за время путешествия.

«Сюда прибыло около пяти тысяч лошадей, — мысленно прикинул я. — Значит, им потребуется двадцать тысяч подков».

Пол в нефе был сплошь покрыт грязной соломой и навозом. Дабы не испачкаться, мастер Крейк приподнял край своей мантии. В дальнем конце нефа я увидел массивную дверь, около которой стояли в карауле двое солдат. Они отдали честь Крейку.

— Есть здесь кто-нибудь? — осведомился Крейк.

— Нет, сэр, сейчас никого.

— Тогда идемте, сэр, — сказал Крейк, повернувшись ко мне. — Вы в состоянии подняться по лестнице?

— Надеюсь, что да, — ответил я.

На несколько мгновений мною овладело замешательство: я отнюдь не был уверен, что поступаю благоразумно, в одиночестве следуя за человеком, который, вполне возможно, покушался на мою жизнь. Но я отогнал сомнения прочь. Возвращаться в свое временное пристанище, к «любезным» и «приветливым» соседям, у меня не было ни малейшего желания.

Солдаты распахнули перед нами дверь, и мы начали подниматься по винтовой лестнице. Подъем длился долго, и оба мы изрядно запыхались. Наконец Крейк распахнул еще одну дверь, и мы оказались на бывшей

колокольне, давно уже лишившейся колоколов, отправленных на переплавку. Весь неф был виден отсюда как на ладони. Далеко внизу горели кузнечные горны; багровое пламя, полыхавшее на фоне темных стен, производило довольно зловещее впечатление. Внезапно в памяти воскресла смертельная схватка, которую четыре года назад мне пришлось выдержать на другой колокольне, в монастыре Скарнси. Тогда я был на волосок от гибели. Пережитый ужас овладел мною, и я вздрогнул, когда мастер Крейк коснулся моей руки.

— Вам не слишком уютно на такой высоте, сэр? Должен признаться, у меня тоже поджилки трясутся. Но ради подобного зрелища можно пережить несколько неприятных минут.

Он указал рукой на окно.

— Взгляните только.

Я подошел к окну. Зрелище, открывшееся мне, было до такой степени необычным, что у меня глаза на лоб полезли. Поля, раскинувшиеся за монастырем, превратились в подобие гигантского бивуака. Огромные пространства были обнесены плетеными изгородями, сотни солдатских палаток возвышались вокруг костров, дым от которых устремлялся в синее предвечернее небо. В котлах невероятных размеров готовилась пища. За лагерем вплотную друг к другу громоздилось множество телег, охраняемых солдатами. Мощные тягловые лошади щипали траву на лугу за оградой. Мне показалось, что их никак не менее нескольких сотен. В некотором отдалении работники копали ямы для отхожих мест. Людей в лагере было столько, что их хватило бы на целый город. Некоторые развлекались игрой в футбол, другие сражались в кости или же просто сидели около палаток. На самодельной арене устроили петушиный бой, и зрители оглашали воздух хохотом и ободрительными возгласами.

— Господи боже, — только и мог пробормотать я.

— Как видите, место нашлось для всех, — с довольной улыбкой изрек Крейк. — Кстати, это я предложил устроить на колокольне наблюдательный пункт. Офицеры и чиновники в любой момент могут подняться сюда и посмотреть, что творится в лагере. Слава богу, в мои обязанности это не входит. Я несу ответственность лишь за размещение придворных и джентльменов.

— Мне никогда прежде не доводилось видеть такого огромного скопления людей, — заметил я. — То, что всех удалось устроить на постой, — настоящее чудо.

Крейк довольно кивнул; заходящее солнце осветило его круглое лицо, сделав особенно заметными бесчисленные морщины.

— Короли нередко совершают длительные путешествия, и потому среди вельмож есть люди, искушенные в подобных делах, — пояснил он. — К тому же разместить тысячу слуг ничуть не труднее, чем разместить армию во время военного похода. Но конечно, приготовления потребовали немалых усилий. Да и денег тоже, — добавил он, многозначительно вскинув бровь. — Вы представить себе не можете, сколько все это стоило.

Я окинул взглядом бесконечные ряды повозок.

— Сегодня утром я был поражен тем, что за королевским кортежем следует так много клади.

— А как же иначе? Они везут с собой шатры и палатки, ведь иногда, вдали от городов, даже членам Тайного совета приходится ночевать на бивуаке. Ну и пропасть всякой всячины — от съестных припасов и фуража до гончих собак короля. Ведь иногда при виде какого-нибудь дикого животного у него возникает желание поохотиться. Да, и еще у них с собой множество оружия, — сообщил Крейк, и взгляд его, устремленный на меня, неожиданно стал серьезным. — Ведь от северян всего можно ожидать. В случае непредвиденных осложнений возчики и носильщики превратятся в солдат.

Я указал на ряд разноцветных палаток, расположенных в некотором отдалении от всех прочих. Люди, толпившиеся вокруг них, образовали подобие очереди.

— А там что такое?

Крейк вспыхнул и смущенно откашлялся.

— Там... э-э... сопровождающие.

— Сопровождающие?

— Иными словами, проститутки.

— Понятно.

— Никто из тех, кто принимает участие в путешествии, не имеет возможности взять с собой жену, — пояснил Крейк. — За исключением короля, конечно. Мы не можем допустить, чтобы толпы ошалевших от вожделения мужчин осаждали города, которые встречаются им на пути. Так что шлюхи в обозе — это вынужденная необходимость. Кстати, их отбирали самым тщательным образом. Вовсе ни к чему, чтобы эти девки распространяли по всей Англии французскую болезнь и прочую заразу. Видите сами, скучать без дела им не приходится.

— Да, мужчины должны удовлетворять свои потребности.

— Разумеется. Но, скажу откровенно, прежде я и думать не думал, что королевские слуги — столь грубый, невежественный сброд. Видели бы вы,

что они вытворяют по дороге. Напиваются до потери сознания, оскорбляют поселян, справляют нужду у самых палаток. А уж до чего они вороваты, это и представить невозможно. Если бы повозки с кладью не охраняли солдаты, их мигом обчистили бы! Что до наглости и дерзости, тут они вовсе не знают себе равных. На любое замечание отвечают откровенным хамством и даже в присутствии придворных не пытаются сдерживать свои грязные языки. Новое учение изрядно испортило простых людей, — покачивая головой, изрек Крейк. — Оно вселило в них гордыню и надменность. Но может, вы придерживаетесь иного мнения? — спросил он, и в глазах его зажглись любопытные огоньки. — Я слышал, вы были убежденным приверженцем реформ.

— Те времена давно миновали, — покачал я головой. — И ныне я не могу назвать себя приверженцем чего бы то ни было.

— А помните наши студенческие годы? — со вздохом спросил Крейк. — До того как Нэн Болейн перевернула всю страну с ног на голову, жизнь текла куда спокойнее. По крайней мере, все мы были уверены в завтрашнем дне и не ждали от него неприятных сюрпризов.

— Человеку свойственно воспринимать прошедшее в радужном свете, — изрек я.

— Возможно, вы правы, — кивнул Крейк. — И все же то были славные денечки. Когда я начал служить при дворе, там заправляла знать старой закалки. Эти люди не шли ни в какое сравнение с нынешними вельможами, поднявшимися из низов. Кромвеля больше нет, но при дворе по-прежнему полно людей низкого происхождения и самых низких устремлений.

— Таков, например, Ричард Рич, — кивнул я. — Накануне я видел его в Йорке.

Услыхав мои слова, Крейк едва не подпрыгнул на месте, чем немало меня поразил.

— Вы знакомы с Ричем? — спросил он, метнув на меня взгляд, в котором испуг мешался со злобой.

— В Лондоне мне довелось вести дело, в котором ответчиком выступал Рич. Точнее, один из его ставленников.

— Это не человек, а ядовитая змея! — с жаром заявил Крейк.

— Вполне разделяю ваше мнение.

Я ожидал, что Крейк объяснит мне причины столь жгучей неприязни. Однако он счел за благо переменить тему.

— Скажите, удалось ли схватить злоумышленника, который на вас напал? — осведомился он. — Или хотя бы выяснить, кто это был?

— Пока ничего не известно, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. —

Но преступника непременно найдут.

— Возможно, вы не знаете, но после нападения на вас мы усилили меры безопасности. Слишком много тревожных событий произошло в аббатстве за последние дни. Ведь очень может быть, смерть несчастного Олдройда была отнюдь не случайной. По крайней мере, по городу ходят упорные слухи, что его убили.

— Вот как?

— Да, — кивнул Крейк. — Так что, вы сами понимаете, у тех, кто отвечает за безопасность короля, есть веские основания для беспокойства. Мы и прежде не допускали в аббатство посторонних — в городе достаточно проходимцев, которые под видом слуг могут проникнуть в дома и утащить все, что плохо лежит. Но вчера я получил новое распоряжение, согласно которому всякого, кто пожелает проникнуть в аббатство, не имея соответствующих документов, следует непременно задержать и подвергнуть допросу. Как вы полагаете, сэръ, эта мера оградит нас от новых удручающих происшествий?

«Судя по всему, бывший мой однокашник пытается выудить у меня какие-нибудь сведения, — пронеслось у меня в голове. — Но для настоящего злоумышленника делает это слишком бесхитростно».

— Не могу сказать ничего определенного, мастер Крейк.

— Признаюсь, у меня душа ушла в пятки, когда Малевевер приказал меня обыскать.

— Но вам нечего было опасаться. Убедившись в вашей невинности, он освободил вас от всяких подозрений. Или он опять вызывал вас для беседы?

— Слава богу, нет. Но меня беспокоит одно обстоятельство. Я... я не раз говорил с покойным Олдройдом. Может быть, я беседовал с ним чаще, чем кто-либо другой из обитателей аббатства.

Крейк испустил сокрушенный вздох.

— Признаюсь, отправляясь в Йорк, дабы заблаговременно подготовиться к прибытию короля и его свиты, я немало страшился встречи с местными жителями. Все эти рассказы о свирепости и грубости северян, каждый из которых в душе мятежник, произвели на меня сильное впечатление. И надо сказать, тревожные мои ожидания в значительной мере оправдались, ибо здешние горожане держались со мной до крайности настороженно и недружелюбно. Лишь мастер Олдройд неизменно был готов поддержать беседу. Мне нравилось его открытое, приветливое лицо, только и всего.

Крейк вновь тяжело вздохнул.

— Но я боюсь, что мои разговоры с Олдройдом не прошли незамеченными и навлекут на меня новые беды. Мастер Шардлейк, при вашей проницательности вы наверняка заметили, что здешнее великолепие обманчиво. Каждый из нас, будь он жителем Йорка или южанином, должен постоянно остерегаться. И это чрезвычайно утомительно.

«Крейк наверняка что-то скрывает», — пронеслось у меня в голове.

Ноздри мои, казалось, чуяли запах чужой тайны. На память пришел рассказ Барака о том, как он видел Крейка в таверне, пользующейся сомнительной репутацией.

— Полагаю, в первые дни после приезда вы ощущали себя очень одиноким, — заметил я.

— Еще бы! Кроме мастера Олдройда, мне словом было не с кем перемолвиться.

— Да, эта поездка принесла вам немало хлопот и тревог. Тем приятнее будет вернуться в Лондон, где вас с нетерпением ждет семья. Если мне не изменяет память, у вас семеро детей?

— Семеро. Надеюсь, что Господь не оставил их своими милостями и все они живы и здоровы. Как и их матушка. Моя супруга Джейн.

К моему удивлению, при этих словах на лицо его набежала тень.

— Она так не хотела, чтобы я принимал участие в этом путешествии.

Пухлые пальцы Крейка беспокойно теребили пуговицу.

— Разлука наша длится дольше, чем мы предполагали, и одному богу известно, когда я смогу соединиться с семьей. Боюсь, после моего возвращения на меня обрушится целый град упреков. И я не скоро смогу вернуть себе расположение своей дражайшей половины, — заключил он с деланным смехом.

Я понял, что идиллическая картина семейной жизни, которую я нарисовал, размышляя о Крейке, весьма далека от истины. В какое-то мгновение я уже хотел напрямую спросить его, что ему понадобилось ночью в таверне. Но потом сообразил, что вопрос мой заставит его насторожиться. Нет, будет намного благоразумнее посетить ту таверну вместе с Баракком и разузнать, что к чему.

— Думаю, нам пора спускаться, сэр, — произнес я вслух. — Вскоре стемнеет, а обратный путь лучше проделать при хорошем освещении. Спасибо вам за то, что показали мне лагерь. Сегодня вечером я непременно совершу прогулку в поля и осмотрю его вблизи.

— Всегда рад оказать вам услугу, сэр, — улыбнулся Крейк и первым двинулся вниз по лестнице.

Спустившись, я пересек церковь и вышел во второй двор. Внимание

мое привлёк сплошной людской поток, тянувшийся к боковым воротам, носившим название ворот Святого Олафа. Вне всякого сомнения, люди эти, подобно мне, вознамерились взглянуть на огромный лагерь. У меня не было желания присоединиться к толпе, в которой вполне могли оказаться очевидцы моего недавнего унижения. Поэтому, завидев скамью под старым буком, я опустился на нее. Земля вокруг была сплошь покрыта багряно-красными листьями, которые опадали с едва слышным шелестом. Сидя здесь, в стороне, я мог наблюдать за движением у ворот, не опасаясь привлечь внимание.

Мысли мои упорно возвращались к тягостному происшествию в Фулфорде. Напрасно я приказывал себе выбросить унижительные воспоминания из головы; никакие усилия рассудка не могли мне помешать беречь собственную душевную рану. Неужели я действительно побледнел как мел? И устремил на королеву взгляд, умоляющий о защите? Возможно, я вызвал у нее жалость. Впрочем, она сама нуждалась в сочувствии. Юная девушка, которую выдали замуж за грузного старика с гниющей ногой, вряд ли пребывает на седьмом небе от счастья. Я вспомнил глаза короля, холодные и жестокие. И это повелитель Англии, попечению которого Господь вверил души сотен тысяч подданных. Неужели сам Бог вещает его устами? По крайней мере, так утверждает архиепископ Кранмер. Всех нас с детства учили видеть в монархе не простого смертного, но помазанника Божьего, а в последние годы король был объявлен чуть ли не полубогом.

Я никогда не верил в божественную сущность земных правителей, но до сегодняшнего дня и представить себе не мог, что пышные хвалы воздаются человеку, столь неприглядному телесно и душевно. Но ведь наверняка я — не единственный, кто разглядел уродство под пышной мантией. Вне сомнения, истинная сущность короля не осталась тайной для тех, кто его окружает. Или же сверкание власти затуманило их взор? Любопытно, какое впечатление произвел король на Джайлса? Вероятно, друг мой был очень польщен, услышав похвалу из уст монарха.

Я вновь с горечью подумал о том, что Джайлс не счел нужным дожидаться меня, сказать несколько слов утешения и поддержки. Прежде старый законник отнюдь не производил впечатления человека, способного отвернуться от того, кто попал в неловкое положение.

— Слава богу, я вас нашел.

Подняв глаза, я увидел стоявшего у скамьи Барака.

— Я никуда не пропадал, — ухмыльнулся я. — Это вы куда-то запропастились.

— А вы не думаете о том, что вам опасно сидеть на скамье в одиночестве?

— Сейчас я не расположен особенно заботиться о собственной персоне. Вы уже слышали о том, что произошло в Фулфорде?

— Слышал. Когда я вернулся домой, этот подонок Коуфолд как раз живописал вашу встречу с королем во всех подробностях. Похоже, она представлялась ему прекрасной мишенью для шуток.

— Я уже предупреждал, что ему лучше отказаться от подобных упражнений в остроумии. Но похоже, мои слова пропали втуне.

— Что до меня, я сказал без обиняков: если он не заткнется, я разобью его глупую башку о стену. И если слова мои тоже пропадут втуне, я незамедлительно перейду к действиям.

— Спасибо, — смущенно пробормотал я. — Что-то произошло? — добавил я, заметив, что Барак встревожен.

— Ну да. Я же говорю: я с ног сбился, пока вас искал. Малевверер желает немедленно видеть нас обоих. Он ждет нас в королевском особняке.

— Этого еще не хватало, — вздохнул я, чувствуя, что тягостные мои воспоминания улетучились, уступив место насущным тревогам.

— Сюда пожаловал один из членов Тайного совета, — сообщил Барак. — И он хочет незамедлительно расспросить нас об исчезнувших документах.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мы поспешно направились к королевскому особняку. Два стражника провели нас по коридорам, где в благоговейном молчании прохаживались пышно разодетые придворные и челядь. Король и королева находились в своих апартаментах наверху. Мне вспомнилось, как нынешним утром слуги тащили в королевские опочивальни огромные перины.

Малеверер, в красном шелковом камзоле, с массивной золотой цепью на шее, восседал за своим письменным столом. Сделав нам с Баракком знак подойти поближе, он некоторое время молча сверлил нас взглядом.

— Итак, господин стряпчий, как я и предполагал, один из членов Тайного совета решил с вами побеседовать, — изрек он наконец, и губы его тронула зловещая улыбка. — Не сомневаюсь, вам интересно будет узнать, кто удостоил вас разговора, — добавил он, услышав шаги в коридоре.

Я счел за благо промолчать. Раздался требовательный стук в дверь. Малеверер вскочил с неожиданной резвостью. Стремительность, с которой выражение самодовольного чванства сменилось на лице его выражением раболепной угодливости, была воистину поразительна. Впрочем, мне некогда было наблюдать за преображением Малеверера, ибо в комнату вошел не кто иной, как Ричард Рич, облаченный в роскошную мантию из зеленого бархата.

— Сэр Ричард, — пробормотал Малеверер, — ваше посещение — большая честь для нас. Прощу вас, садитесь.

— Благодарю вас, сэр Уильям, — учтиво ответил Рич и опустился в кресло.

Малеверер замер рядом, всем своим видом выражая готовность исполнить любое приказание вельможи. Рич повернул голову ко мне, и острые его черты сложились в подобие язвительной гримасы.

— Мастер Шардлейк, мой брат по сословию. Я видел вас в Йорке минувшим вечером. Да будет вам известно, сэр Уильям, мы с мастером Шардлейком старые знакомые.

— Здесь, в Йорке, от него одни неприятности, — буркнул Малеверер.

— О да, мне известно, что мастер Шардлейк — большой искусник по этой части, — проронил Рич, не сводя с меня ледяных серых глаз. — В прошлом году он несколько раз пытался причинить неприятности мне. И сейчас он ведет против меня тяжбу в суде лорд-канцлера.

— В самом деле? — спросил Малеверер, на лице которого отразился

неподдельный ужас.

— Увы, это так. Вам известно, сэр Уильям, что сегодня утром король оказал мастеру Шардлейку великую честь? Он обратил на него свой взор и даже удостоил его нескольких слов. Точнее, король сказал несколько слов относительно его персоны.

— До меня дошли какие-то слухи...

— Все клерки только об этом и говорят. Брату Шардлейку было поручено передать королю прошения, с которыми жители Йорка обратились к его величеству. Во время торжественной церемонии он предстал перед монархом вместе с каким-то местным стряпчим...

— Старым Ренном, — угодливо подсказал Малеверер.

— А, значит, его зовут Ренн. Должен вам сказать, эта парочка представляла собой довольно нелепое зрелище. Ренн, несмотря на свои преклонные лета, очень высок ростом и отличается превосходной осанкой. Рядом с ним брат Шардлейк выглядел не слишком представительно, — со смехом сообщил Рич. — Король изволил заметить, что уроженцы севера радуют глаз своей красотой и силой. В отличие от некоторых жалких уродов, прибывших с юга.

Малеверер бросил на меня быстрый взгляд и ухмыльнулся.

— О, остроумие его величества недаром вызывает всеобщее восхищение! — воскликнул он. — Никто не сравнится с ним в умении к месту пошутить! Думаю, жителям Йорка его шутка была особенно приятна.

— Да, судя по их дружному хохоту, они были весьма довольны.

— Вы можете гордиться, мастер Шардлейк! — с глумливой усмешкой изрек Малеверер. — Не каждому удастся стать мишенью королевского остроумия.

— Я счастлив, если мне удалось улучшить настроение королю и жителям славного города Йорка, — отчеканил я.

— Неплохо сказано, — со смехом произнес Малеверер.

— Да, но боюсь, этому ответу не хватает искренности, — процедил Рич. — Насколько мне известно, друг наш нередко грешит сарказмом.

Он подался вперед и переплел пальцы рук.

— Впрочем, мы уделили его скромной особе слишком много времени. Не будем забывать о делах. Мастер Шардлейк, насколько мне известно, в ваших руках находилась шкатулка с документами чрезвычайной важности. Вследствие вашей неосмотрительности эти документы были похищены. Сэр Уильям рассказал мне о случившемся, но я хочу услышать эту историю из ваших собственных уст.

— Как вам будет угодно, сэра Ричард.

Я рассказал ему о нашем визите в дом Олдройда, о том, как мы обнаружили в стене тайник, где хранилась шкатулка, о том, как мы доставили шкатулку в аббатство, и в завершение — о том, как неизвестный злоумышленник напал на меня во время чтения бумаг. Когда я объяснял, почему Бараку не удалось взломать замок, Рич недовольно сдвинул брови.

— Вы не имели никакого права открывать шкатулку, — заявил он. — Вам следовало дожждаться возвращения сэра Уильяма и передать ему шкатулку в неприкосновенности.

— Я сознаю, что совершил ошибку, сэра Ричард, и очень сожалею о ней.

— И я тоже, — подал голос Барак.

Рич презрительно фыркнул и повернулся к Бараку.

— А вам, молодой невежа, следует помнить, что вашего покровителя больше нет в живых, — процедил он. — И ваше нахальство может выйти вам боком. Нынешний ваш патрон вряд ли сможет вас защитить. К тому же он, как и вы, проявил себя настоящим недотепой.

Некоторое время Рич хранил задумчивое молчание, потом вновь поднял на меня ледяные глаза.

— Кто-нибудь видел, как вы принесли шкатулку в королевский особняк?

— Когда мы вошли в холл, там стояли леди Рочфорд, мистрис Марлин и Дерем, секретарь королевы. Они обратили на нас внимание, потому что я имел неосторожность запачкать плащ.

— Как это вам удалось завести знакомство со столь высокопоставленными особами? — удивленно выпучив глаза, спросил Рич.

— Речь идет вовсе не о знакомстве, сэра Ричард. Просто... — В поисках поддержки я метнул взгляд на Барака.

— Просто этот повеса Барак завел шашни с кухаркой, которая находится в подчинении у мистрис Марлин, — поспешно пояснил Малевверер.

— Кто-нибудь еще вас видел? — продолжил расспросы Рич.

— Только мастер Крейк, который позволил нам оставить шкатулку в своем кабинете. А еще мастер Ренн, которого мы встретили по дороге, и сержант, стоявший в карауле у ворот аббатства.

— Я уже допросил всех троих, — сообщил Малевверер. — И девчонку-кухарку тоже. А заодно и мальчишку, служившего у Олдройда подмастерьем. Но ничего любопытного из них вытянуть не удалось.

— Во дворе аббатства нас видело множество людей, с которыми мы

незнакомы, — добавил я.

— А с леди Рочфорд вы беседовали? — осведомился Рич после недолгого размышления. — Расспрашивали ее о шкатулке?

— Нет, сэр. Я допросил только Дженнет Марлин. Что до леди Рочфорд, я не осмелился беспокоить особу, которая является приближенной ее величества.

— Вы поступили разумно, — кивнул Рич. — Человек вашего положения, разумеется, не имеет права допрашивать леди Рочфорд и Дерема. Но управляющий двором королевы вполне может задать им несколько деликатных вопросов. А на мистрис Марлин следует обратить особое внимание. Ее жених, стряпчий из Грейс-Инна, заключен в Тауэр. Его подозревают в участии в весеннем заговоре.

— Насколько мне известно, сама мистрис Марлин свободна от каких-либо подозрений, — заметил Малеверер. — Перед тем как позволить ей принять участие в путешествии, достойные доверия лица изучили всю ее подноготную и...

— Я позабочусь о том, чтобы леди Рочфорд и Дерем ответили на интересующие нас вопросы, — бесцеремонно перебил Рич. — А вы еще раз допросите Марлин. Возможно, мы сумеем кое-что прояснить.

Он резко повернулся и поочередно наставил длинный тонкий палец сначала на меня, потом на Барака.

— А вам, брат Шардлейк, следует обуздать собственное неумное любопытство. Иначе оно доведет вас до беды. Некоторые из членов Тайного совета считают, что после совершенного проступка вас необходимо отправить в Лондон. Но я придерживаюсь иного мнения. Лучше оставить вас здесь, под моим присмотром. Кроме того, вы должны выполнить поручение архиепископа, с которым вы тоже справляетесь отнюдь не блестяще. Я слышал, что заключенный, вверенный вашим попечениям, был отравлен и едва не отправился на тот свет.

— Это так, сэр Ричард. Но сейчас его жизнь вне опасности.

— Он сказал, кто его отравил?

— Нет. Но если мне будет позволено поделиться своими догадками...

— Говорите!

— Полагаю, Бродерика отравили с его собственного ведома. Он полон желания умереть.

— Как вы считаете, это возможно? — спросил Рич, повернувшись к Малевереру.

— Вполне. От этого Бродерика можно ожидать все, что угодно. В замке Йорка его не раз допрашивали с пристрастием, однако он не сказал ни

единого слова. Палачи были вынуждены отказаться от пыток, ибо опасались, что заключенный умрет.

— А какие приспособления они использовали?

— Все как обычно — дыбу, раскаленное железо. Но разумеется, здешние палачи далеко не так искусны, как лондонские.

— Да, и к тому же им вовсе ни к чему слушать признания Бродерика. Именно поэтому король приказал доставить его в Тауэр. Там за дело возьмутся настоящие мастера. Жаль, что столько времени потеряно даром, — покачал он головой.

— Надеюсь, через несколько дней заключенный уже будет на корабле, — сказал Малеверер.

— Да, но для этого требуется благоприятный ветер. Конечно, можно отправить его по суше, но это небезопасно. К тому же дожди изрядно испортили дороги, а королевский кортеж превратил их в настоящее месиво. А всякая задержка в пути чревата самыми непредсказуемыми последствиями.

Рич вновь обратил взор ко мне.

— В каком состоянии здоровье арестанта?

— После отравления он очень ослаб. Сегодня я беседовал с ним, — сообщил я после некоторого колебания. — Он вспоминал старинную легенду о короле-еретике. Судя по всему, он в нее верит.

— Эта легенда излагалась в одном из исчезнувших документов? — обернулся Рич к Малевереру.

— Она имела самое широкое хождение среди заговорщиков, — пожал плечами Малеверер. — И в том, что в нее верит Бродерик, нет ничего удивительного.

— Удивительно другое, — проронил Рич, вперив в меня пронзительный взгляд. — С какой стати Бродерик решил рассказать эту легенду вам? Если он на это решился, значит, у него были основания полагать, что вы отнесетесь к его рассказу с сочувствием. Я прав?

— Бродерик слышал мой разговор с Редвинтером, — признался я и судорожно перевел дыхание. — До Редвинтера уже дошли слухи о королевской шутке, и он позволил себе несколько весьма уничижительных замечаний в мой адрес. Возможно, именно это обстоятельство подвигло Бродерика на откровенность. Но клянусь, я не сказал ни слова против короля.

— Что ж, в самом скором времени выясним, так ли это, — бросил Рич, откинувшись на спинку кресла. — И если сейчас вы покривили душой, пеняйте на себя. Вы и так навлекли на себя неудовольствие Тайного совета.

Мой вам совет, мастер Шардлейк: умерьте свои душевные склонности и следуйте, так сказать, склонности телесной. Иными словами, держите голову вниз и не суйте нос в чужие дела.

— Я понял вас, сэра Ричард.

— Да, держите голову вниз, — повторил Рич. — Это самое разумное, что вы можете сделать при нынешних обстоятельствах.

Он говорил очень медленно, тщательно подбирая слова. Взгляд его серых, тусклых, как у покойника, глаз был неотрывно устремлен на меня.

— Неосмотрительность, проявленная вами здесь, в Йорке, нанесла весьма ощутимый удар по вашей деловой репутации, — процедил он, подавшись вперед. — Возможно, вы сумеете восстановить свое доброе имя, если по возвращении в Лондон посоветуете Городскому совету отказаться от апелляции по делу Билкнэпа.

Взгляды наши встретились.

«Вероятно, на заседании Тайного совета Рич сам вызвался побеседовать с провинившимся стряпчим, — догадался я. — Он никак не мог упустить возможность оказать на меня давление».

Рич ждал ответа, но я хранил молчание.

— В любом случае у вас нет никаких шансов выиграть это дело, — все так же медленно и размеренно произнес Рич. — Мне не составит труда добиться, чтобы судья принял благоприятное для меня решение.

— И кто же он, этот судья?

— Узнаете в свое время. Если, конечно, позволите ослиному упрямству одержать верх над благоразумием. Верьте моему слову, вы окажете Городскому совету немалую услугу, посоветовав отказаться от бессмысленной тяжбы. Этим вы уберезите их от ненужных трат.

Верить слову Рича никак не входило в мои намерения, однако об этом я предпочел молчать. Джек обеспокоенно взглянул на меня. Это не ускользнуло от внимания Рича.

— Возможно, вы посоветуете своему хозяину внять голосу разума, — обратился он к Бараку. — В противном случае ему придется горько пожалеть о своей несговорчивости. Я вас больше не задерживаю. Можете идти.

Малеверер нагнулся к уху Рича и что-то горячо зашептал.

— Сэр Ричард, может, мы воспользуемся случаем и обсудим вопросы, связанные с собственностью казненного Эска? — донеслось до меня. — Если мы согласуем все издержки...

— Не сейчас, — нахмурившись, отрезал Рич. — Я же велел вам уходить, — сверкнул он глазами на меня. — И пошлите за этой женщиной,

мистрис Марлин.

Он нетерпеливо махнул рукой, и мы с Баракком вышли из комнаты. Стражник, ожидавший в коридоре, проводил нас вниз.

— Эти двое явно затеяли какое-то новое мошенничество, — прошептал я на ухо Баракку.

Во дворе было уже совсем темно.

— Черт, черт, черт! — с жаром произнес Барак. — Мы попали в скверную передрагу.

— Вы выразились на редкость точно, — с горечью заметил я.

— А как вы намерены поступить с делом Билкнэпа?

— Я не верю, что Рич подкупил судью. Будь это так, он не преминул бы назвать его имя. Нет, он, как говорится, пытается взять меня на испуг.

— Взять вас на испуг? — повторил Барак, резко остановившись.

Мне редко случалось видеть его в таком волнении.

— Вы слишком много о себе воображаете, — сердито выпалил он. — Если вы будете серьезно досаждать Ричу, он прихлопнет вас, как муху. Что ему стоит разделаться с каким-то стряпчим, к тому же впавшим в немилость у Тайного совета!

— Я могу рассчитывать на покровительство архиепископа Кранмера.

— Да где он, ваш Кранмер? В Лондоне! Он и знать не будет, что с вами произошло. Да и в любом случае он не станет выступать против Рича. Ссориться с Тайным советом ему вовсе ни к чему.

— Кранмер...

— Никогда не будет портить отношения с сильными мира сего из-за такой мелкой сошки, как вы. Или я. А я ведь тоже влип в историю. И черт меня дернул затеять возню с этой проклятой шкатулкой!

— Я никогда не отказывался от дела, которое считаю справедливым, и не намерен делать этого впредь! — провозгласил я.

— Однако вы сами знаете, что шансов на победу у вас нет.

— Я не из тех, на кого можно оказывать давление.

Я так разволновался, что почти кричал.

— Ослиное упрямство, — изрек Барак. — Ослиное упрямство и непомерная гордость. Эти качества, которыми природа наделила вас с излишней щедростью, приведут нас обоих к гибели.

Он собирался сказать что-то еще, но передумал, махнул рукой и пошел прочь.

— Черт, черт, черт! — только и оставалось повторять мне.

Проходивший мимо клерк взглянул на меня с удивлением. Я обогнул церковь и направился к скамье под буком, которую облюбовал прежде.

Опустившись на скамью, я вновь принялся наблюдать за любопытными, которые по-прежнему тянулись в сторону лагеря. В воздухе повеяло вечерней прохладой, заставлявшей меня зябко поеживаться.

Вспышка Барака явилась для меня полной неожиданностью. Год назад, когда я с ним познакомился, он держался весьма вызывающе и отнюдь не испытывал трепета перед теми, кто был неизмеримо выше его по положению. Но тогда у него был могущественный покровитель. Ныне, как не преминул напомнить Рич, лорд Кромвель мертв. А сам Барак недавно признался, что какая-то часть его существа жаждет спокойной и размеренной жизни. Тем не менее слушать, как мой своенравный помощник упрекает меня в отсутствии рассудительности и в упрямстве, было по меньшей мере странно.

Что касается гордости, то, возможно, он прав, не без приятного чувства сказал я себе. Мне действительно есть чем гордиться. Я никогда не изменял своему долгу и неизменно защищал интересы своих клиентов в полном соответствии с требованиями закона и справедливости. В мире, где царствует подкуп, я сумел создать себе репутацию безукоризненно честного стряпчего. Репутацию, которую вовсе не так просто запятнать. И никаким надменным вельможам, при всем их могуществе, не удастся это сделать.

Подобные размышления, которым я предавался, сидя под деревом, постепенно вернули мне душевное равновесие. Да, говорил я себе, моя честность и неподкупность — это все, что у меня есть, и потому я никогда не поступлюсь ими. Но втягивать Барака в обреченную на поражение схватку с Ричем у меня нет никакого права. Точно так же, как нет у меня и права бросать своих клиентов, даже если шансы на победу ничтожны. Барак слишком умен, чтобы не понимать этого.

Звук приближающихся шагов заставил меня вздрогнуть. Страх за собственную жизнь, забытый на время, снова овладел мною. Вглядываясь в темный силуэт, который стремительно приближался ко мне, я с облегчением понял, что это женщина. Широкий подол ее платья шуршал по ковру из опавших листьев, покрывавших землю вокруг скамьи. Когда женщина подошла ближе, я с удивлением узнал в ней Тамазин. На девушке было нарядное желтое платье, которое я уже видел прежде, шею украшало великолепное серебряное ожерелье.

— Мистрис Ридбурн?

Девушка сделала реверанс и устремила на меня неуверенный взгляд. Она казалась растерянной и смущенной, от обычной ее бойкости не осталось и следа.

— Мне бы хотелось поговорить с вами, сэр... — пробормотала она. — Я увидела, как вы сидите здесь в одиночестве, и решила, что вы не откажетесь...

— О чем вы хотите поговорить? — пришел я к ней на помощь.

— Дело очень важное, сэр. Важное для меня.

— Я готов вас выслушать, — кивнул я и жестом указал на скамью рядом с собой.

Тамазин, опустившись, некоторое время молчала, словно не зная, с чего начать. Я тем временем украдкой разглядывал ее. Вне всякого сомнения, девушка была очень хороша — высокие скулы, полный, свежий рот, точеный подбородок. Впрочем, она была так молода, что казалась мне почти ребенком.

— Мистрис Марлин только что вызвали к сэру Уильяму, — наконец произнесла Тамазин. — Он желает ее допросить.

— Мне это известно. Мы с Бараксом только что были у него. С нами беседовал сэр Ричард Рич.

— Мистрис Марлин очень сердита. Она терпеть не может сэра Уильяма.

— У меня уже был случай это понять, — кивнул я. — Если вы помните, я присутствовал при их встрече в минувшую среду.

Напоминание об этом неприятном событии заставило Тамазин залиться краской.

— Мистрис Ридбурн, вне всякого сомнения, вы поступите разумно, если постараетесь держаться подальше от меня и от мастера Барака, — сказал я, тщательно подбирая елова. — Поверьте, знакомство с нами чревато для вас крупными неприятностями.

— Да, сэр.

— Только что нам сделали весьма серьезное предупреждение. Возможно, мастер Барак сам вам обо всем расскажет. Подчас он бывает излишне несдержан на язык.

— Он очень обеспокоен, сэр.

— Это не слишком на него похоже. Обычно он пребывает в счастливой безмятежности, оставляя мне право терзаться от беспокойства.

Я не сводил глаз с Тамазин, пытаюсь понять, насколько хорошо она осведомлена о наших с Бараксом делах. В интересах самой девушки было бы лучше, если бы Баракс воздержался от особых откровенностей.

— Вам известно, где сейчас мастер Барак? — спросил я.

— Он пошел в поля, поглядеть на лагерь. Я хотела сказать вам, сэр...

Тамазин осеклась, так и не набравшись решимости.

— Слушаю вас, — ободряюще произнес я.

«Наверное, для того, чтобы подойти ко мне, девушке потребовалась вся ее смелость, — пронеслось у меня в голове. — Ведь для нее я суровый и занудливый старый сухарь, всячески помыкающий ее возлюбленным».

— Я очень сожалею о том, что пыталась вас обмануть. Я имею в виду... ну, эту кражу.

— Да, с вашей стороны это был до крайности неразумный поступок, — кивнул я. — Женщине подобные выходки не к лицу. Гнев Малеверера вполне понятен. И все же ему не следовало обращаться с вами так грубо.

— О, это сущая ерунда, — пробормотала она, потупив голову. — В моей жизни было и не такое, мастер Шардлейк. Мне пришлось самой пробивать себе дорогу. Хотя моя мать тоже служила при дворе.

— Да, Барак мне рассказывал.

— Она была швеей, шила ливреи для телохранителей королевы. Работала при Катерине Арагонской, потом при Анне Болейн.

— Вот как?

— Да. А семь лет назад, во время чумного поветрия, она умерла.

— Мне очень жаль, — мягко откликнулся я. — Тогда многие лишились близких. В том числе и я.

— Мне было тогда двенадцать лет. На всем белом свете некому было обо мне позаботиться, кроме бабушки. Но она была так стара и больна, что мне самой приходилось заботиться о ней.

— Наверняка вам пришлось несладко.

— Я никогда не знала, кто мой отец. Но думаю, он человек благородных кровей, — сказала Тамазин, и в глазах ее на мгновение вспыхнули гордые огоньки. — Моя мать говорила, что он занимал при дворе важный пост.

— Вот как?

— Да. Должно быть, он принадлежал к числу высокопоставленных придворных.

«Скорее всего, он служил портным», — мысленно поправил я, с сожалением взглянув на Тамазин. Наверняка мать придумала сказку об отце благородных кровей, чтобы утешить дочь, подсластить горечь незаконнорожденности.

— Вижу, сэр, слова мои не вызвали у вас особого доверия, — проникательно заметила девушка. — Но я верю, что отец мой был не из простых. И горжусь этим. Хотя, поверьте, мне пришлось вытерпеть немало оскорблений. Люди ведь очень жестоки.

— Да, это так, — кивнул я. — И вы поступаете правильно, не обращая внимания на насмешки жестоких людей.

«А как следует поступать, если жестокой насмешки тебя удостоил сам

король?» — мысленно задал я вопрос самому себе.

— Бабушка посоветовала мне воспользоваться тем, что чума унесла многих швей, и занять место матери, — продолжала Тамазин. — Я так и сделала, сэр. Пришла к управляющему двором и сказала, будто я искусная швея. Хотя, скажу вам честно, тогда я едва умела делать несколько стежков.

— Как видно, вы всегда умели обводить людей вокруг пальца, — усмехнулся я.

— К этому меня вынудила жизнь, сэр, — нахмурившись, проронила Тамазин. — Только обман недолго оставался обманом. Я работала день и ночь и вскоре действительно стала искусной швеей. Другие девушки, те, что работали вместе с матерью, учили меня в память о ней. Нам, беднякам, приходится всячески изворачиваться. Я должна была кормить себя и бабушку, а швеям неплохо платят. К тому же, работая при дворе, я ощущала себя в безопасности.

— Я все понимаю. И не осуждаю вас.

— Так что мне сызмальства пришлось научиться жить своим умом.

— Как и Бараку.

— Когда в тот день я увидела его в городе, меня, поверите ли, точно в сердце что-то кольнуло. Так он мне приглянулся, что и сказать нельзя. И я решила — почему бы мне не познакомиться с этим пригожим молодчиком?

— Должен признать, мистрис Ридбурн, осуществляя свое желание, вы проявили немало сообразительности, — изрек я с едва заметной улыбкой. — Да и смелости тоже. Насколько я понимаю, вы не из тех, кто позволит рыбке сорваться с крючка.

— Как вы сами сказали, сэр, подобные выходки не к лицу порядочной женщине, — серьезно произнесла Тамазин. — Но я ничуть не жалею о том, что сделала. Ведь мы с мастером Баракком нашли друг друга. И я хочу попросить вас об одном — пожалуйста, не чините нам препятствий. Или вы считаете, что подобная просьба с моей стороны — непозволительная дерзость?

— Я считаю, что вы весьма необычная молодая особа, мистрис Ридбурн, — произнес я, устремив на девушку испытующий взгляд. — Поначалу я думал, что вы чрезмерно легкомысленны. Но вижу, я ошибался.

— Джек сказал мне, что у вас вышла размолвка. Он очень сожалеет о своих словах.

— В последнее время я его не узнаю. Прежде ему и в голову не пришло бы призывать меня к осторожности. А теперь его раздражают противоречия. Какая-то часть его существа жаждет спокойной и размеренной жизни, какая-то по-прежнему стремится к авантюрам.

— Я надеюсь, он все же предпочтет спокойную жизнь, — заявила Тамазин. — Мне бы очень хотелось, чтобы он продолжал работать у вас и добился наконец устойчивого положения.

— Я начинаю понимать, к чему вы клоните, мистрис Тамазин, — усмехнулся я. — Если я не ошибаюсь, вы хотите предложить мне сделку.

— Просто мне кажется, что мы можем друг другу помочь, — пожалала плечами девушка. — Джек очень вам предан, сэр. Он говорит о вас с восторгом. По его словам, вы сочувствуете простым людям и понимаете их нужды.

— Неужели он и в самом деле так сказал?

Какие бы цели ни преследовала Тамазин, ей удалось задеть мою чувствительную струну.

— Да, сэр, конечно. И он очень переживает из-за похищенного содержимого шкатулки. Все время твердит, что это его вина. Думаю, он стал таким раздражительным лишь потому, что сердится на себя. Прошу, не будьте с ним слишком суровы.

— Я подумаю над тем, что вы сказали, мистрис, — изрек я с глубоким вздохом.

— Это все, о чем я прошу, сэр.

— Вижу, вы успели очень привязаться к Бараку. Надеюсь, он разделяет ваши чувства?

— Я тоже на это надеюсь, сэр. После возвращения в Лондон мы можем продолжить наши встречи. Но все зависит от желания Джека.

— Вы сказали мне, что устроились работать швеей, — заметил я. — А как получилось, что вы стали служить под началом мистрис Марлин и леди Рочфорд?

— После смерти Джейн Сеймур при дворе произошли большие перемены. Мистрис Корнуоллис, кондитерша королевы, предложила мне поступить на кухню. Она научила меня выпекать пирожные и сладкое печенье.

— Она прониклась к вам симпатией?

— Да, она очень добра ко мне.

— Я вижу, вы обладаете способностью завоевывать людские сердца. Впрочем, как вы сами сказали, беднякам приходится всячески изворачиваться.

— В прошлом году, когда король женился на королеве Кэтрин, меня оставили на кухне. Выяснилось, что новая королева тоже обожает сладости. Но я работаю под началом мистрис Марлин.

— Мистрис Марлин производит впечатление довольно суровой особы.

— Ко мне она очень добра. Хотя ей приходится тяжело. Другие леди осыпают ее насмешками.

«Доброе отношение людей нередко служит наградой тому, кто сам наделен добротой», — подумал я.

Судя по всему, это в полной мере относится к Тамазин.

— А как к вам относится леди Рочфорд? — спросил я вслух. — Что вы можете сказать о ее характере?

— К счастью, мне почти не приходится иметь с ней дело, сэр. Откровенно говоря, я ее побаиваюсь. По слухам, она может погубить кого угодно.

— Вы полагаете, эти слухи справедливы?

— Похоже, что так, сэр. Одно могу сказать — леди Рочфорд обожает собирать сплетни и при случае способна обернуть их человеку во вред. Уж конечно, ее никак не назовешь глупой, — добавила Тамазин, нахмурившись. — Но подчас она ведет себя... неразумно.

— Скажем так, она ведет слишком рискованную игру, — поправил я.

— Да, вы правы. И подобными играми она занималась всю жизнь. Но королеве она предана всей душой. И та тоже очень к ней привязана.

— Сегодня я имел честь видеть королеву, — сообщил я.

— В Фулфорде? — в некотором замешательстве уточнила Тамазин.

— В Фулфорде. Джек рассказал вам о том, что там произошло?

— Рассказал, — потупившись, проронила она. — С вами поступили очень... несправедливо.

— Не будем об этом вспоминать. Но так или иначе, я полон желания оставить Йорк и вернуться в Лондон. Полагаю, вы всецело это желание разделяете.

— Да, сэр, — кивнула Тамазин, поднимаясь со скамьи. — Прошу прощения, но я должна уйти. Мне необходимо увидеть мистрис Марлин.

— Барак знал о вашем намерении поговорить со мной?

— Нет, сэр. Я все решила сама.

— Признаюсь, Тамазин, вы меня очаровали. Впрочем, я далеко не первый, кто оказался во власти ваших чар. Вы не будете возражать, если я вас провожу?

— Спасибо, сэр, но в этом нет необходимости, — с улыбкой ответила Тамазин. — Как вы уже поняли, я привыкла сама о себе заботиться.

— Тогда доброй вам ночи.

Тамазин сделала реверанс, повернулась и решительно зашагала прочь. Провожая ее взглядом, я думал о том, что ошибался, считая эту девушку пустоголовой кокеткой. Возможно, Барак нашел свою судьбу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Смелость, которую проявила Тамазин, подойдя ко мне, доверие, с которым она со мной говорила, заставили меня устыдиться своего недавнего поведения. Мне было неприятно вспоминать о том, что при встречах с этой девушкой я едва не пренебрегал требованиями учтивости.

Становилось все прохладнее, и потому я поднялся со скамьи, решив прогуляться до лагеря в полях и по возможности отыскать Барака. Миновав дверь во внутренней стене, я пересек дорогу и подошел к плетеной ограде, которой был обнесен лагерь. У ворот стояли в карауле двое часовых. Я предъявил им свои документы, и они пропустили меня внутрь.

В ноздри сразу ударил густой запах дыма, немых человеческих тел и нечистот. Трава на поле была сплошь вытоптана неисчислимым множеством ног и копыт. Вдруг где-то поблизости раздался призывный звук горна, и обитатели лагеря, похватав деревянные миски и кружки, стремглав бросились к кострам. Час для обеда был поздний, и люди наверняка успели изрядно проголодаться.

Стоя поодаль, я наблюдал за обедающими. В прямоугольной яме был разложен огромный костер; над ним, на невероятных размеров вертеле, жарился целый бык. Поварята без устали суетились вокруг: одни добавляли в огонь поленьев, другие крутили ручку вертела под наблюдением старшего повара, с которого градом катился пот. Прямо под брюхом быка, щедро поливаемые сочившимся из него жиром, на железных спицах жарились цыплята. Поварята ловко извлекали готовых птиц и раскладывали их на огромные блюда. Я поразился проворству, с которым действовали эти мальчуганы в кожаных фартуках и косынках, закрывающих их лица от брызг жира. Тарелки, которые протягивали им обитатели лагеря, мигом наполнялись. Со всех сторон доносились крепкие шутки и хохот, однако в большинстве своем люди держались вполне пристойно. Вид у всех был усталый — ведь сегодня им пришлось встать на рассвете, присутствовать на торжественной церемонии в Фулфорде, а потом разбивать здесь палатки и раскладывать костры.

Глядя на шустрых поварят, суетившихся среди языков пламени и брызг жира, я подумал, что Крейк отозвался о придворной челяди с незаслуженным пренебрежением. Разумеется, организация королевского путешествия потребовала от высоких сановников немалых усилий, однако же и простые работники были достойны всяческих похвал. Если бы не

дружные и согласованные действия всех этих кучеров, поваров и носильщиков, планы, намеченные вельможами, оказались бы неосуществленными.

За спиной моей раздалось покашливание. Обернувшись, я увидел Барака.

— О, вы здесь, — пробормотал я нарочито равнодушным тоном. — Это зрелище производит сильное впечатление, правда?

Несколько мгновений мы молчали, наблюдая, как обитатели лагеря, рассевшись на корточки у костров, торопливо поглощают свой обед.

— На дальнем поле пасется несколько сотен великолепных суффолкских лошадей, — сообщил Барак. — Никогда я не видел такого множества.

— А мне удалось окинуть взглядом всю панораму, — похвастался я. — Мастер Крейк водил меня на колокольню. Там устроили смотровую площадку, дабы чиновники могли в любой момент удостовериться, что в лагере все в порядке.

— Наверняка старина Крейк сто раз повторил, что все это настоящий кошмар, — ухмыльнулся Барак.

— А как же иначе, — со смехом подтвердил я.

— Простите за то, что я вышел из себя, — буркнул мой помощник, и лицо его стало серьезным. — Общество этих продувных бестий, Малевевера и Рича, кого угодно доведет до помешательства.

— Причины вашей вспышки мне вполне понятны. Но и вы поймите — я не могу бросить дело, пока у нас остается хотя бы малейший шанс выиграть процесс.

— Да, ваши принципы мне известны.

Барак немного помолчал и резко сменил тему.

— Я тут разговаривал с одним клерком, который тоже был в Фулфорде.

— И что же он вам рассказал? — спросил я, метнув на него быстрый взгляд.

— Рассказал, что мастер Ренн серьезно захворал сразу после церемонии.

— Вот как?

— Да, по его словам, старикан рухнул на землю без сознания. Пришлось отвезти его домой в карете.

— Так вот почему он исчез так внезапно. Я-то думал, он от меня скрывается. Ваш клерк не знает, как он чувствует себя сейчас?

— Ему известно лишь, что старика отвезли домой. Думаю, он не так уж плох, иначе к нему вызвали бы врача.

— Завтра я непременно его навещу. А вам с Тамазин удалось увидеть короля?

— Удалось. Господи боже, ну и здоровенный же он. Рядом с ним королева кажется крошечной, точно мышь рядом со слоном. Король вовсю улыбался и махал рукой, делал вид, что у него прекрасное настроение. Да только лица у горожан были довольно злые, и от короля их отделяла цепочка солдат.

— Да, жители Йорка настроены не слишком радушно, — кивнул я.

Жар, идущий от костра, становился невыносимым.

«Любопытно, как это поварам удастся подолгу вращать ручку вертела, не изжарившись заживо?» — подумал я.

— Идемте, — повернулся я к Бараку. — Иначе тоже превратимся в жаркое.

Мы неторопливо обошли лагерь. К этому времени темнота сгустилась окончательно, хотя костры и факелы, установленные перед палатками, давали достаточно света. Холодный ветер доносил до нас запах дыма, заставляя беспрестанно покашливать.

— Сегодня у меня с Редвинтером вышла драка, — сообщил я. — Думаю, вам стоит об этом знать.

— Ну уж и драка? — недоверчиво протянул Барак.

Я рассказал ему о том, как у нас дошло до рукопашной. Выслушав, он одобрительно присвистнул.

— Честно говоря, у меня тоже руки чесались дать ему пару оплеух. После того, что он сказал о евреях Йорка. Богом клянусь, эта каналья умеет довести человека до белого каления.

Он вперил в меня пронзительный взгляд.

— Как вы думаете, он намеренно пытался вывести вас из себя?

— В этом у меня нет ни малейших сомнений. Он надеется, что сможет держать меня в узде. Скажите-ка, а о прибытии шотландского короля вам ничего не довелось услышать?

— О короле Джеймсе никто не говорит ни слова. Что до обитателей лагеря, то, насколько мне удалось выяснить, они рассчитывают отдохнуть здесь несколько дней. Сами видите, устроились они неплохо — разумеется, если не зарядят проливные дожди. Будем надеяться, местные фермеры в состоянии обеспечить всю эту прорву съестными припасами. По рассказам, в Понтефракте королевская свита опустошила все окрестности и слугам пришлось довольствоваться весьма скудными порциями.

— Сейчас время урожая, так что, думаю, с провиантом не будет больших затруднений, — заметил я, подумав о том, что местным фермерам

выпала возможность неплохо нажиться.

— Да, и платят поставщикам по весьма высоким ценам, — вторил моим мыслям Барак. — Это еще один способ, посредством которого король намерен завоевать расположение жителей Йорка.

Я окинул взглядом лагерь. Некоторые его обитатели прогуливались взад-вперед, другие сидели возле своих палаток с мисками в руках, ожидая, когда и для них наступит время обеда.

— Люди здорово устали, — заметил Барак. — Подумать только, они в пути почти три месяца!

Я кивнул, мысленно позавидовав той легкости, с которой Джек вступал в разговоры с простонародьем.

Мы подошли к кругу, где проходили петушиные бои. Зрители громко подбадривали двух черных петухов, которые с остервенением набрасывались друг на друга, нанося удары железными крючками, прикрепленными к их когтям. Перья обоих бойцов покраснели от крови.

— Ваш петух опять проигрывает, — донесся чей-то голос с жеманной растяжкой. — Лучше вам не вступать со мной в пари на петушиных боях, мастер Дерем. Все равно я окажусь в выигрыше.

Оглянувшись, я увидел смазливую щеголю, которого леди Рочфорд называла Калпепер. Рядом с ним стояли еще несколько придворных. Все прочие зрители старались держаться от них на почтительном расстоянии. Свет костра выхватывал из темноты самодовольное лицо Калпепера. На лице Дерема, стоявшего рядом, играла саркастическая ухмылка.

— Я тоже не останусь внакладе, сэр, — сообщил он. — Ведь я поставил не только на своего петуха, но и на вашего.

— Но как же так... — в замешательстве пробормотал Калпепер.

Дерем лишь усмехнулся.

Про себя я отметил, что, при всем успехе, которым красавчик Калпепер пользуется у дам, умом он явно не блещет.

Тут Дерем увидел меня. Нахмурившись, он сделал шаг вперед.

— Эй, вы! — крикнул он с чванливой развязностью. — Вы ведь стряпчий Шардлейк?

— К вашим услугам, сэр.

— Сэр Уильям Малеверер расспрашивал меня о какой-то расписной шкатулке, которую вы якобы притащили в королевский особняк несколько дней назад. Какого черта вы впутали меня в свои махинации, грязный крючкотвор?

— Я никуда вас не впутывал, сэр, — ответил я ровным голосом. — Сэр Уильям пожелал узнать, кто мог видеть, как я пронес в дом шкатулку. Я

вспомнил, что вы и леди Рочфорд стояли в холле. Вне всякого сомнения, вы меня видели. Мой плащ, запачканный известью, весьма вас позабавил.

— Да что это за шкатулка такая? — процедил Дерем. — Малеверер не счел нужным мне сообщить. Сказал только, из нее что-то украли.

Я в растерянности огляделся по сторонам. Люди, привлеченные пронзительным голосом секретаря королевы, уже начали на нас оглядываться. Малеверер, разумеется, пришел бы в ярость, узнав, что пустоголовый повеса разносит по лагерю государственные тайны.

— Из шкатулки пропали бумаги, сэр, — вполголоса произнес я. — И сэр Уильям намерен отыскать их во что бы то ни стало.

— Это я без вас знаю, невежа! — Лицо Дерема побагровело от злости. — Вам известно, кто перед вами?

— Мастер Дерем, секретарь королевы.

— Да, и я не советую вам передо мной забываться, — угрюмо буркнул Дерем.

Внезапно по губам его скользнула издевательская ухмылка.

— Кстати, не тот ли вы горбун, которого сегодня утром поднял на смех король?

— К вашим услугам, сэр, — устало проронил я.

В том, что мне придется запастись немалым терпением, дабы смиренно переносить выходки высокопоставленных грубиянов, я уже имел возможность убедиться на опыте.

— Э, да вы стали знаменитостью. О вас говорит весь город, — с хохотом заявил Дерем и презрительно отвернулся.

Барак схватил меня за руку и оттащил прочь.

— Канальи, — процедил он сквозь зубы. — Тамазин уже пожаловалась мне, что этот мерзавец Калпепер пытался к ней приставать. Он не пропускает ни одной хорошенькой женщины, и ему, как одному из королевских камердинеров, все сходит с рук.

— Этот шалопай прав, я и в самом деле стал знаменитостью, — усмехнулся я. — Не знаю только, куда скрыться от свалившейся на меня славы.

— Не переживайте, ваша слава недолговечна. Завтра в аббатстве состоится медвежья травля, на которую приглашена вся местная знать. Наверняка вечером только и разговоров будет, что об этой забаве. А о том, как король проехался на ваш счет, никто и не вспомнит.

— Надеюсь, вы правы, — кивнул я. — Вы собираетесь пойти на травлю вместе с Тамазин?

— Она заявила, что подобные зрелища не по ней. Видно, она тоже

излишне чувствительна. Но в отличие от вас она хотя бы женщина.

— Вы намерены продолжать встречи с Тамазин, вернувшись в Лондон? — с улыбкой осведомился я. — Или ваша привязанность к ней так же недолговечна, как и моя слава?

— А почему это вас заботит? — удивился Барак. — Мне казалось, Тамазин вам не по нраву.

— Возможно, я был к ней несправедлив.

— Что ж, посмотрим, как все сложится, — проронил Барак, загадочно улыбаясь. — Не люблю загадывать наперед. К тому же сейчас мне кажется, будто мы никогда не вернемся в Лондон.

— Представьте, мне тоже. Идемте, на свежем воздухе у меня разыгрался аппетит. Как вы думаете, сегодня нам, как обычно, подадут ужин в трапезной?

— Наверное.

Мы двинулись по направлению к аббатству. Около одной из палаток я заметил сержанта Ликона, стоявшего в окружении солдат. Он поклонился мне, и я кивнул в ответ. Проходя мимо площадки, где намертво сцепились два огромных мастифа, я увидел рослого человека, стоявшего в задних рядах возбужденной кровавым зрелищем толпы. Он одобрительно кивнул, когда один пес разорвал другому брюхо, выпустив наружу окровавленные кишки.

— Редвинтер, — сказал я на ухо Бараку. — Давайте обойдем толпу стороной, у меня нет ни малейшего желания с ним встретиться.

Однако недруг мой, как выяснилось, обладал отличным зрением. Прежде чем мы успели свернуть в темноту, он бросил на меня насмешливый взгляд.

— Что это он здесь прохлаждается? — удивился Барак. — Я думал, он ни на минуту не оставляет Бродерика.

— Наверное, Малеверер позволил ему ненадолго оставить свой пост. В любом случае, пошел он к чертям. Осторожнее, здесь грязно.

Мы миновали лагерь и оказались на лужайке, за которой возвышались деревья. Высокие стены аббатства смутно белели в лунном свете.

— Завтра суббота, — заметил я. — Вы можете развлекаться, как вам заблагорассудится. Что до меня, я навещу мастера Ренна, узнаю, как его здоровье. К тому же необходимо сделать кое-какие приготовления к судебному слушанию прощений. Если мастер Ренн не в состоянии этим заниматься, я справлюсь и один.

— Медвежья травля намечена на утро, — сообщил Барак. — А после кое-кто из клерков собирается на соколиную охоту. Я бы не прочь к ним

присоединиться.

Он немного помолчал и добавил:

— Думаю, Тамазин подобное развлечение тоже пришлось бы по душе.

— Вполне одобряю ваше намерение. Свежий воздух пойдет вам на пользу. Как там говорится в старинном стихотворении? Сокол для короля...

— Кречет для леди, — с готовностью подхватил Барак.

— Ястреб-тетеревятник для фермера, ястреб-перепелятник для священника...

— Пустельга для мошенника, — со смехом заключил Барак. — Надеюсь, кто-нибудь одолжит мне пустельгу.

— Тамазин поделилась со мной некоторыми соображениями относительно своего отца, — внезапно перевел я разговор на другую тему.

— Вот как? — удивленно вскинул бровь Барак. — А когда вы виделись с Тамазин?

— Мы встретились случайно. И разговорились. Полагаю, прежде я был не вполне справедлив к этой девушке.

— Рад, что вы это поняли.

— Она уверена, что ее отец занимал высокое положение при дворе.

— Думаю, ее покойная мать выдумала эту сказку в утешение дочери. В положении незаконнорожденного дитяти мало приятного.

— В точности так же подумал и я, когда услышал рассказ Тамазин.

На память мне пришел Малевверер, надменный и самоуверенный. На нем тоже лежало клеймо незаконнорожденности. И он из кожи вон лез, чтобы заставить людей об этом позабыть.

— Тэмми — на редкость сметливая и сообразительная особа, — заявил Барак. — Но, по-моему, она слегка сдвинулась на своем отце. Точнее, на его благородном происхождении. Таковы уж все женщины, — изрек он с тяжким вздохом. — Они обожают тешить себя выдумками. А Тамазин это тем более необходимо, ибо в отличие от большинства женщин она не слишком религиозна. Она сызмальства вертится при дворе и имела возможность понять, что религия нередко оказывается ширмой, которая прикрывает алчность и политические амбиции.

— Так или иначе, было бы не худо узнать, кому Тамазин на самом деле обязана своим появлением на свет.

— Полагаю, это не так уж трудно, — кивнул Барак. — Я напишу одному своему старому знакомому, который служит в дворцовом ведомстве. Давным-давно, когда я еще работал на лорда Кромвеля, я оказал ему небольшую услугу. Уверен, он не откажется сообщить мне сплетни, которые сопровождают все без исключения придворные интрижки. Даже не

слишком значительные.

— Боюсь только, правда не слишком порадует Тамазин.

— Если выяснится, что отец ее занимал на дворцовой кухне должность мойщика посуды или же отгонял прочь бродячих собак, я не вижу надобности сообщать об этом Тэмми.

— Да, подобную правду лучше держать при себе.

Тут до нас донеслись голоса. На дороге, ведущей из лагеря в аббатство, было совсем темно, однако впереди, в поле, я увидел костер, вокруг которого собралось несколько человек. Рядом темнела яма, наполненная хворостом. Два мальчугана возились с невероятных размеров вертелом, устанавливая его над ямой.

— Пока не прикрепляй к нему ручки, Дэнни, — распорядился тучный повар в грязном фартуке.

— Хорошо, отец, — откликнулся из темноты звонкий голос.

Вертел был так длинен, что я с трудом разглядел силуэт мальчика, державшего дальний его конец.

— А где этот чертов бык?

— Оуэн пошел посмотреть.

— Не орите так. Иначе, прежде чем мы насадим быка на вертел, сюда сбежится целая толпа. Кто здесь? — рявкнул повар, как видно, услышав наши шаги.

Разглядев мою мантию, он торопливо сдернул шапку.

— Простите мою грубость, сэр. Но мы не хотим, чтобы люди собрались до того, как еда будет готова.

— Мы всего лишь шли мимо, — заметил я, приближаясь к костру. — Никогда прежде не видел такого громадного вертела. Вы что, собираетесь зажарить быка целиком?

— Да, а под его брюхом разместим цыплят и уток. Сегодня вечером нам предстоит накормить больше сотни прожорливых глоток.

— Я так полагаю, вам к этому не привыкать? Ведь во время путешествия вы постоянно готовите для огромного множества людей?

Я был рад перемолвиться словом с человеком, который ничего не знал об утреннем происшествии в Фулфорде.

— А как же иначе? — пожал плечами повар. — И скажу я вам, частенько нам приходилось стряпать в куда более скверных условиях. Как-то раз мы никак не могли развести костер из-за проливного дождя. Люди остались без ужина и в результате едва не подняли мятеж. Солдатам пришлось усмирять буянов. Скорее бы уж вернуться в Лондон, — заметил повар, покачав головой. — В дороге я такого нахлебался, что кухни

Хэмптон-Корта кажутся мне раем.

Пронзительный крик одного из мальчуганов заставил повара замолчать. До меня долетел какой-то странный скрежет. В следующее мгновение Барак повалил меня на землю.

— Какого черта вы... — пробормотал я, барахтаясь во влажной траве.

Внезапно голос мой прервался от ужаса, ибо огромный металлический стержень просвистел в воздухе в нескольких футах от моей головы. Если бы не Барак, я оказался бы насаженным на вертел. Барак и повар со всех ног устремились к яме.

— Он мертв! — донесся до меня дрожащий голос повара. Морщась от боли в шее, я поднялся. Барак и повар склонились над распростертой на земле маленькой фигуркой.

— Кто-то ударил парнишку по голове, — обернулся ко мне Барак. — А затем метнул в вас часть вертела. Ясно как день, он собирался вас убить.

— Дэнни! — сквозь слезы зывал повар. — Дэнни!

— А мальчик, неужели он... — выдохнул я.

— Сейчас посмотрим.

Повар опустился на землю, положив голову сына к себе на колени. К великому своему облегчению, я увидел, что мальчик шевельнулся.

— Осторожнее, — бросил Барак. — Надо осмотреть рану и перевязать ее.

— Идите к черту со своими дурацкими советами! — с внезапной злостью крикнул повар. — Моего сына из-за вас едва не убили!

— Мне очень жаль, — произнес я, опускаясь на землю рядом с ним. — Куда он ранен?

— У него весь затылок в крови, — пробормотал повар.

Я осторожно ощупал череп мальчугана.

— По-моему, рана не слишком глубокая. По крайней мере, кость цела.

— Отец! — простонал мальчик. — У меня все плывет перед глазами.

На вид пареньку было никак не больше двенадцати лет. «У кого только поднялась рука на ребенка?!» — с яростью подумал я.

— Лежи спокойно, — нагнулся я к мальчику. — Скоро все пройдет.

— Тот, кто его ударил, хотел убить вас, сэр, — произнес повар, пристально глядя на меня.

— Я вижу уже лучше, — заявил мальчик, попытался приподняться и со стоном упал на колени отца. — Вот только голова кружится.

— Мальчику необходим покой, — заявил я. — Накройте его одеялом, и пусть лежит не вставая. Если завтра ему не станет лучше, приходите ко мне, я дам вам денег на лекарства. Как вас зовут, приятель?

— Гудрич, сэр.

— Приходите в аббатство и спросите мастера Шардлейка.

— Хорошо, сэр.

Повар опасно огляделся по сторонам.

— А вы уверены, что злодей больше не вернется? Вдруг он притаился поблизости?

— Сейчас посмотрим, — угрюмо проронил Барак. Взяв длинную хворостину, он запалил ее в костре и, сжимая в руке самодельный факел, ринулся в темноту. Я следовал за ним. Однако нам не удалось увидеть ничего, кроме поблескивавшей в сумраке реки и смутных очертаний палаток.

— Похоже, этот мерзавец успел удрать, — заявил Барак, вернувшись к костру.

— Скорее всего, он скрылся в лагере, — кивнул я. — Нам тоже ни к чему здесь задерживаться.

В это время к костру подъехала телега, на которой лежала туша быка. Я подошел к повару, по-прежнему державшему на коленях голову сына, и тронул его за плечо:

— Запомните мое имя — мастер Шардлейк. Завтра непременно дайте мне знать, как себя чувствует ваш сын.

— Наверное, надо сообщить о покушении властям!

— Этим я займусь сам. Ни о чем не беспокойтесь. А завтра приходите ко мне в аббатство. Всякий покажет вам, где квартируют стряпчие.

Мы вернулись к палаткам и, оказавшись в относительной безопасности, остановились, озирая лагерь. Некоторые из его обитателей, покончив с едой, развлекались игрой на музыкальных инструментах. Мелодичные звуки флейт и волынок возносились в ночное небо.

— Итак, злоумышленник, покушавшийся на мою жизнь, не отступил от своего намерения, — тихо произнес я. — Сегодняшний день выдался слишком хлопотливым и заставил меня позабыть об опасности.

— Но почему он повторил свою попытку только сейчас, вечером?

— Наверное, прежде у него не было возможности. Он увидел нас в лагере и решил воспользоваться случаем.

— Да здесь, в лагере, бродят толпы зевак. Так что определить, кто из них преступник, нам будет трудновато. Если бы Малеверер соблаговолил сообщить, чем так уж важны похищенные бумаги, это могло бы навести нас на след.

— Ну, от Малеверера вы не дождетесь подобной откровенности. Конечно, я сообщу ему о случившемся. Но даже если он пожелает меня

защитить, ему вряд ли удастся это сделать. Слишком много народу собралось сейчас в одном месте.

— Не думаю, что ваша участь слишком беспокоит этого надутого индюка.

— К тому же они с Ричем заняты сейчас какими-то темными делами. Так что на помощь со стороны Малевевера рассчитывать не приходится. Что до Рича, он будет только рад от меня избавиться.

— Но не подозреваете же вы...

Барак осекся и многозначительно присвистнул.

— Откровенно говоря, я теряюсь в догадках. Одно можно сказать с уверенностью — тот, кто дважды пытался меня убить, повторит свою попытку.

— Мы можем попросить разрешения вернуться в Лондон. Возможно, учитывая нависшую над вами опасность, нам не откажут.

— Я в этом отнюдь не уверен. Дела мои здесь еще не закончены. К тому же с чего вы взяли, что в Лондоне я буду в безопасности? Там злоумышленнику не составит труда меня отыскать.

Я вновь окинул взором беспорядочно снующую толпу. Мне не раз доводилось иметь дело с убийцами, покушавшимися на мою драгоценную персону, но никогда прежде я не чувствовал себя таким беспомощным.

— Благодарю вас, Джек, — негромко произнес я, взглянув на Барака. — Вы спасли мне жизнь. Если бы не ваши проворство и сообразительность, лежать бы мне с пробитой головой.

— Я обернулся, едва заслышав подозрительный звук, и увидел эту железяку уже в воздухе. Для того чтобы толкнуть вас на землю, мне хватило доли секунды.

Некоторое время я хранил молчание, потом набрал в грудь побольше воздуха и произнес:

— Я принял решение, Джек. Теперь я точно знаю: кто-то за мной охотится. Но я не собираюсь становиться легкой добычей. Роль охотника больше мне по душе. И я приложу все усилия, чтобы выследить и поймать злоумышленника. Но мой неведомый враг или враги не остановятся ни перед чем. Сегодня они едва не убили ребенка. Завтра под угрозой могут оказаться другие люди. Опасность нависла и над вами, Джек, — произнес я, не сводя взгляда со своего помощника. — Готовы вы мне помочь? По совести говоря, я не имею права рассчитывать на вашу помощь, ведь в последнее время я вел себя самым скверным образом, — добавил я, вспомнив историю с Тамазин.

— Вы сами прекрасно знаете, что я вас не оставлю, — без колебания

заявил Барак. — Мне тоже роль охотника нравится куда больше, чем роль беспомощной добычи.

Он протянул руку, и я горячо пожал ее.

— Можете на меня рассчитывать, — буркнул мой помощник.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Утро следующего дня, субботы, выдалось холодным и туманным. Шпиль собора тонул в серой дымке, сочившейся мелким дождем. Минувшим вечером я попытался увидаться с Малеверером, однако меня не допустили к нему, сообщив, что он занят. Ночь я провел почти без сна. Едва рассвело, мы с Баракком поднялись и вышли во двор. Уходя, я запер дверь своей каморки. После первого покушения я всегда запирался на ночь и не оставлял дверь открытой в свое отсутствие.

Два огромных медведя мирно спали в своих железных клетках. Сегодня им предстояло сразиться с разъяренными мастифами, дабы доставить развлечение королю и его приближенным.

Мы обогнули церковь. Взглянув на деревья, я заметил, что листьев на них почти не осталось: осень давала знать о своем приближении. Две шустрые белки рыжими искрами носились по ветвям.

По навесным дорожкам вдоль стен аббатства без усталости расхаживали солдаты, вооруженные мечами и ружьями; лишь стражникам разрешалось носить оружие в королевской резиденции. Высшие чиновники тщательно следили за тем, чтобы никто не нарушал этого распоряжения. Мы с Баракком решили, что это нам на руку, — по крайней мере, я могу не опасаться удара мечом. Наш неведомый враг, кем бы он ни был, более всего боится быть узанным. Судя по всему, вчера, увидев нас в лагере, он долгое время следовал за нами на почтительном расстоянии, выжидая подходящий момент. И когда этот момент настал, не замедлил им воспользоваться.

— Вы уверены, что сегодня мне не стоит вас сопровождать? — уже в который раз спросил Барак.

— В этом нет нужды. Поговорив с Малеверером, я направлюсь напрямик к мастеру Ренну, а после вернусь в свою каморку. При свете дня мне ничего не угрожает, к тому же я намерен избегать безлюдных мест. Так что вы можете спокойно развлекаться.

— Тогда я отправлюсь на охоту. Один из клерков одолжил мне ястреба-тетеревиатника. Конечно, птица не бог весть какая. Судя по всему, приручили ее всего несколько недель назад. Но это лучше, чем ничего.

— Прошу вас, не забывайте об осмотрительности.

Баракк направился к воротам аббатства, а я — к дверям королевского особняка. У крыльца выстроились в ряд стражники. Подняв глаза вверх, на окна королевской спальни, я увидел, что они закрыты ставнями.

«Любопытно, разделяет ли королева ложе со своим супругом?» — пронеслось у меня в голове. Воспоминание о гнилостном запахе, исходившем от больной ноги монарха, заставило меня содрогнуться.

Я предъявил караульному свои документы, и тот провел меня в кабинет сэра Уильяма. Несмотря на ранний час, Малеверер уже поднялся и, сидя за столом, по обыкновению читал какие-то бумаги. Вид у него был утомленный, под глазами залегли темные круги. Мысленно я не мог не признать, что человек этот не дает себе никаких поблажек.

— Что еще случилось? — проворчал он, устремив на меня неприязненный взгляд. — Вот уж не ожидал с утра пораньше увидеть вашу кислую физиономию.

— Минувшим вечером меня вновь пытались убить, сэр Уильям. Я решил, что должен поставить вас в известность.

Сообщение это не могло не заинтересовать Малеверера. Он внимательно выслушал мой рассказ и задумчиво нахмурился, буравя меня взглядом.

— А может, это был всего лишь несчастный случай? — процедил он. — Возможно, поваренок выпустил железный прут из рук, а когда тот едва вас не прикончил, повалился на землю и стал изображать из себя умирающего. Эти пройдохи хитры, как кошки, и готовы на любую каверзу, чтобы избежать наказания.

— У мальчика вся голова была в крови, — возразил я. — К тому же железный прут в меня метнула явно не детская рука. И конечно, это не могло произойти по неосторожности.

Я невольно вздрогнул, вспомнив, как смертоносный вертел пролетел совсем близко от моей головы.

Некоторое время Малеверер хранил молчание, потом произнес негромко и размеренно:

— Мы много размышляли о том, кто именно мог похитить бумаги. Вне всякого сомнения, это дело рук заговорщиков, которым удалось ускользнуть от возмездия. Ныне некоторые из них скрываются среди болот, другие нашли прибежище в Шотландии. Но несомненно, среди них есть и такие, что обитают в Лондоне, выдавая себя за верных слуг короля. Кто-то из них мог принять участие в путешествии. Однако после похищения никто из сопровождающих короля не покинул Йорк. Возможно, злоумышленник передал бумаги своим сообщникам, а сам остался здесь. Ему необходимо покончить с вами — единственным человеком, который успел ознакомиться с содержимым шкатулки. По крайней мере, заговорщики убеждены, что вы это сделали, — нахмурившись, поправился

Малеверер. — Возможно, они полагают, что вы не сочли нужным сообщить мне о результатах своих изысканий, — мрачно заключил он.

— Возможно, — кивнул я.

— Я безотлагательно сообщу Тайному совету об очередном покушении на вас.

— Сэр Уильям, быть может, учитывая все обстоятельства, мне будет позволено вернуться в Лондон? — нерешительно спросил я.

— Об этом нечего и думать, мастер Шардлейк, — отрезал Малеверер. — Вы будете приманкой, на которую мы, вполне вероятно, сумеем выманить преступника.

— И, вполне вероятно, подобная игра будет стоить мне жизни, — с горечью заметил я.

— Соблюдайте осторожность — и останетесь живы, — равнодушно пожал плечами Малеверер. — В конце концов, именно вы упустили документы и заслуживаете наказания. А о том, чтобы вернуться в Лондон, больше и речи не заводите.

Он насмешливо уставился на меня; на губах его играла презрительная улыбка, толстые волосатые пальцы беспрестанно тербели конец бороды.

— Мне остается лишь повиноваться, сэр Уильям, — произнес я подчеркнуто невозмутимым тоном. — Сегодня я намерен посетить мастера Ренна. Насколько мне известно, он серьезно захворал. Возможно, он не сможет присутствовать на судебном слушании прошений. На этот случай необходимо сделать некоторые приготовления.

— Я говорил, что Ренн слишком стар для столь ответственного поручения, — проворчал Малеверер. — Если выяснится, что он и в самом деле не в состоянии присутствовать на слушании, пришлите мне записку. Нам придется искать ему замену. Вы для такого дела не годитесь, — изрек он, и губы его вновь тронула издевательская улыбка. — Здесь необходим человек, обладающий представительной внешностью и незапятнанной репутацией.

Я счел за благо промолчать и, поклонившись, вышел вон. Спускаясь по лестнице, я думал о том, что спасение моей собственной жизни всецело предоставлено мне самому. С этого дня буду носить на поясе кинжал, решил я; придется пренебречь королевским распоряжением.

Шагая к кафедральному собору, я увидел на улицах множество работников в ливреях с городскими гербами, посыпавших мостовые песком и золой. Очевидно, король вновь собирался удостоить город своим посещением; предстояли новые церемонии и развлечения. Я окинул взглядом низенькие домики, теснившиеся вдоль Питергейта, и вновь

подумал о том, что распоряжение городских властей, на время королевского визита запрещающее жителям Йорка выбрасывать мусор в реку, чревато для горожан весьма ощутимыми неудобствами. Страшно представить, что творится сейчас на задних дворах. Что ж, картина весьма символичная, решил я. Снаружи все блестит и сверкает, а на задворках смердят груды нечистот.

Войдя в квартал, прилегающий к кафедральному собору, я постучал в двери мастера Ренна. На лице старой служанки, открывшей мне дверь, застыло выражение беспокойства.

— Доброе утро, Меджи, — приветствовал ее я. — Как себя чувствует мастер Ренн? Я слышал, он захворал.

— Сегодня мастер никак не может работать, — с сокрушенным вздохом сообщила служанка. — Он не вставал с постели. Сейчас у него лекарь.

— Я пришел не работать. Мне лишь хочется его навестить.

— Входите, сударь, — после недолгого колебания разрешила она. — Я пойду спрошу, сможет ли мастер Ренн вас принять.

Меджи провела меня в гостиную. Огонь в очаге не горел; сокол, спрятав голову под крыло, дремал на своей жердочке. При виде птицы я сразу вспомнил о Бараке и Тамазин, которые сейчас развлекаются соколиной охотой. Хотя я и храбрился перед Баракком, в аббатстве я чувствовал себя до крайности неуютно, но здесь, в доме Ренна, можно было забыть об угрожавшей мне опасности.

Я подошел к книгам, которые по-прежнему громоздились на полу пыльными стопками. Неплохо бы отыскать карту Кента, пришло мне в голову. Тогда я мог бы убедиться, что деревня Брейбурн действительно существует. Я сам не знал, зачем мне подобное подтверждение, однако моя решимость распутать клубок загадок росла с каждой минутой. Как видно, подобным способом я старался оправиться от стыда и унижения, которые пережил в Фулфорде.

Вернулась Меджи и сообщила, что мастер Ренн просит меня к себе. Вслед за служанкой я прошел в маленькую, но хорошо обставленную спальню. Джайлс лежал на пышной пуховой перине. Перемены, произошедшие с ним всего за один день, поразили меня; лицо его, до невероятности бледное, так осунулось, что казалось ссохшимся. К своему удивлению, я увидел в комнате доктора Гибсона, который о чем-то оживленно беседовал с пациентом.

— Доброе утро, мастер Шардлейк, — расплылся в улыбке доктор.

— Доктор Гибсон уже рассказал мне, что знаком с вами, — произнес Джайлс, протягивая мне руку. — Однако он молчит о том, при каких

обстоятельствах произошло ваше знакомство. Что ж, умение хранить тайны является добродетелью не только стряпчих, но и медиков. Надеюсь лишь, что у вас не было необходимости обращаться к услугам доктора в качестве больного?

Я крепко пожал руку старика, радуясь тому, что голос его не утратил прежней бодрости и звучности.

— Нет, я вполне здоров. А вот вы...

— О, вчера, признаюсь, я чувствовал себя прескверно. Но, к счастью, сегодня дела мои пошли на поправку. Уверен, к понедельнику я буду на ногах. Ведь именно на этот день назначено первое слушание прошений.

— Я должен вас оставить, джентльмены, — поднялся со своего места доктор Гибсон. — Мастер Ренн, я объясню вашей экономке, как готовить порошок.

С этими словами он вышел из комнаты.

— Садитесь поближе, Мэтью, — попросил Джайлс.

Я подвинул стул к его кровати. Он пристально посмотрел на меня и испустил тяжкий вздох.

— Я понимаю, что слова, которые произнес вчера король, причинили вам боль. Поверьте, я горько сожалею о том, что невольно стал участником его жестокой шутки.

— Признаюсь, за свою жизнь мне множество раз доводилось выдерживать подобные шутки, — усмехнулся я. — Хотя, конечно, никогда прежде скромная моя персона не являлась мишенью королевского остроумия, да еще при подобном стечении народа. Но довольно обо мне, сэр. Я слышал, вы почувствовали себя плохо сразу после завершения церемонии?

— Да. Такого жестокого приступа у меня еще не было. А ведь с утра я был бодр и свеж. До того самого момента, как король посмотрел мне прямо в глаза и заговорил со мной. Тогда...

Ренн внезапно осекся.

— Что тогда?

— Вы сочтете меня выжившим из ума дураком.

— Отнюдь.

— Мои ощущения в эту минуту трудно описать. Сердце вдруг сжалось от ужаса. На несколько мгновений я словно забыл, кто я и что здесь делаю. Когда король отвернулся, я с трудом сделал несколько шагов и, оказавшись в толпе, едва не лишился сознания. К счастью, среди участников церемонии было много моих добрых знакомых. Они доставили меня домой, не привлекая особого внимания к моему плачевному состоянию.

Ренн протянул руку к кружке, стоявшей у изголовья, и сделал большой глоток. Я ощутил запах эля с пряностями.

— Впечатление было такое, словно взгляд короля вытянул из меня все силы, — покачав головой, пробормотал Ренн.

— Меня его глаза тоже поразили. Своей беспощадностью.

Ренн засмеялся, но смех его прозвучал несколько нарочито, словно он хотел скрыть обуревавший его страх.

— Знаете, после встречи с королем на память мне пришла старая легенда, которая во времена восстания передавалась из уст в уста, — произнес он.

— Легенда о короле-еретике?

— Да, именно она. — Ренн удивленно вскинул бровь. — Вам она тоже известна?

— Мне доводилось ее слышать.

— Конечно, подобные разговоры не доведут нас до добра, да и припоминать глупые небылицы совершенно ни к чему. Причины моего приступа очевидны. Я слишком много работал и во время церемонии изрядно переволновался. Знаете, мне давно уже хотелось увидеть короля собственными глазами. И мое желание исполнилось. — Он задумчиво покачал головой. — А королева, она же совсем девочка.

— Откровенно говоря, мне очень ее жаль.

— Свежа как наливное яблочко. Но королевской стати пока нет в помине.

— Это появится со временем. В ней ведь течет кровь Говардов.

— Да, Говардов. Надо сказать, род этот кичится своей древностью, не имея на то никаких оснований. — Ренн снова испустил вздох. — Все эти разговоры о божественном происхождении королевской власти настраивают умы на слишком возвышенный лад. Неудивительно, что, увидев помазанника Божьего воочию, испытываешь нечто вроде... разочарования.

— Да, реальность оказывается довольно неприглядной. Король уродлив телесно и душевно.

— Но королевская власть — залог благополучия нашей страны, — изрек Ренн, не сводя с меня внимательного взгляда. — Не будь ее, Англия погрузилась бы в пучину кровавого хаоса.

— Жители Йорка уже пытались свергнуть королевскую власть, причем два раза. Пять лет назад и минувшей весной.

— Да, здесь у нас была великая смута. Скажите, а какое настроение царит в городе? Как горожане встречают короля?

— По словам Барака, приветственные возгласы звучат без особого воодушевления.

— Когда в Йорк приезжал Ричард Третий, все было совершенно иначе.

— Ричард, прозванный Горбуном, — задумчиво пробормотал я. — С ним у меня тоже связаны кое-какие воспоминания...

— Какие же?

— Помню, давным-давно, в детстве, я как-то играл в гостиной. А отец и его друзья сидели за столом и о чем-то беседовали. Один из них упомянул о каком-то событии, произошедшем во времена Ричарда. И, забыв о моем присутствии, назвал короля Ричардом Горбуном. Взгляд, который украдкой бросил на меня отец, навсегда останется в моей памяти. В нем было столько жалости, в этом взгляде. И столько горечи.

— Вижу, в жизни вам пришлось пережить немало тяжелых минут, — сочувственно произнес Ренн.

— Тяжелые минуты выпадают на долю каждого, — пожал плечами я.

— Как бы то ни было, все эти рассказы об увечье короля Ричарда — измышления его недругов, — заметил Ренн. — Я ведь видел его собственными глазами. И могу поклясться, он был прям как стрела. Лицо у него было суровым, волевым и решительным. Но отнюдь не жестоким.

Ренн откинулся на подушки.

— Господи боже, сколько лет пролетело с тех пор! Тогда я был совсем мальчишкой.

Он вновь вперил в меня пристальный взгляд.

— Мэтью, я надеялся, что силы не оставят меня так быстро. Но приступ, который я пережил вчера, — это дурной знак. Судя по всему, недуг поступит со мной так же беспощадно, как с моим отцом. А это означает, что боль будет терзать меня почти постоянно и промежутки хорошего самочувствия будут становиться все короче. Боюсь, по дороге в Лондон я доставлю вам немало хлопот.

— Не беспокойтесь ни о чем. Мы с Бараксом с удовольствием окажем вам любую помощь, на какую только способны.

— Вы очень добры, Мэтью, — произнес Джайлс, и взгляд его увлажнился слезами.

В следующее мгновение он смущенно отвернулся.

Я почему-то подумал о том, что за всю свою жизнь ни разу не видел слез на глазах отца. Они оставались сухими, даже когда умерла мать. На несколько мгновений в комнате повисло неловкое молчание. Потом я произнес нарочито беззаботным тоном:

— Раз уж я здесь, позвольте попросить вас об одном небольшом

одолжении.

— Да-да, разумеется. Я к вашим услугам.

— Мне нужна карта Южной Англии. Хочу кое-что проверить. В связи с делом, которым занимался в Лондоне. Возможно, в вашем богатом книжном собрании есть и карты?

— Конечно, есть, — кивнул Ренн, и в глазах его вспыхнули любопытные искорки. — Это старинные карты, составленные еще монахами, но, поверьте, они не так уж плохи. Правда, я собирал по большей части карты северных графств, и все же, надеюсь, среди них отыщется несколько таких, что пригодятся вам. Заодно посмотрите мою библиотеку. Она находится в задней части дома и занимает две комнаты. Скажите Меджи, чтобы дала вам ключи. Карты и планы хранятся в первой комнате, на третьей полке, что на южной стене. К сожалению, сейчас я не могу встать и помочь вам в поисках.

— Ничего, я справлюсь сам.

Я поднялся, ибо почувствовал, что больной устал.

— Завтра я пошлю вам записку, узнать, как вы себя чувствуете. Если силы к вам не вернуться, я сообщу об этом Малевереру. Ему придется искать вам замену. Он уже сказал, что не позволит мне председательствовать на слушаниях.

— Уверен, завтра я смогу приступить к работе, — с жаром заявил Ренн.

Несколько мгновений он молчал, потом нерешительно добавил:

— Не принимайте произошедшее слишком близко к сердцу, Мэтью. Все это лишь политические игры, и не более того. Лично против вас король ничего не имеет.

— Да, он лишь воспользовался случаем провести сравнение между мной и коренным жителем Йорка. Сравнение, столь невыгодное для меня. Конечно, политические соображения сыграли тут свою роль. Но поверьте, я видел, что собственная жестокость доставляет королю удовольствие. И это произвело на меня особенно тягостное впечатление.

— Политика не отделима от жестокости, — задумчиво изрек Ренн.

— Это я понял давно.

Сердечно простившись с Джайлсом, я спустился на первый этаж. В холле доктор Гибсон беседовал с Меджи.

— Мастер Ренн разрешил мне воспользоваться его библиотекой, — обратился я к старой служанке.

— Сейчас принесу ключи, — ответила она без большой охоты.

— Как дела у мастера Ренна? — спросил я, оставшись наедине с лекарем.

— Недуг скоро сведет его в могилу, — произнес он, печально покачав головой.

— Он рассказал мне, что отец его скончался от той же самой болезни. Неужели она неизлечима?

— Да. Подобные опухоли не знают снисхождения. Они способны сожрать самого сильного и крепкого человека. Так что нам остается лишь молить Господа о чуде.

— Но если чуда не произойдет? Сколько осталось мастеру Ренну?

— Трудно сказать. Я прощупал его живот. Пока что опухоль не слишком велика, но она растет с каждым днем. В любом случае, он проживет не больше нескольких месяцев. Насколько мне известно, мастер Ренн намерен совершить путешествие в Лондон. Для человека в его положении — это чистой воды безумие.

— Возможно. Но эта поездка чрезвычайно важна для него. И я обещал, что помогу ему добраться до Лондона.

— Боюсь, вам будет не так просто выполнить это обещание.

— Но отказываться от своих обещаний я не привык.

Несколько мгновений мы оба молчали, затем я спросил:

— Вы навещали Бродерика, доктор?

— Да, и могу вас заверить, что он вне опасности. Бродерик молод и, несмотря на скверное обращение, сохранил достаточный запас сил.

Я кивнул, довольный тем, что на этот раз мне удалось получить четкий ответ. Тут вернулась Меджи с ключами, и я простился с лекарем. Служанка вновь проводила меня наверх, в узкий коридор, расположенный за спальней Ренна.

— Мастер мало кому разрешает заходить в библиотеку, — сообщила женщина, с сомнением глядя на меня. — Вы уж, сделайте милость, не переставляйте книги. Мастер любит, чтобы в библиотеке был порядок.

— Обещаю не нарушать его.

Меджи отперла внушительную дубовую дверь и пропустила меня в комнату, пропахшую пылью и мышинным пометом. Это было просторное помещение, как видно, в прошлом служившее спальней. Открытый дверной проем позволял разглядеть соседнюю комнату. Стены от пола до потолка покрывали полки, сплошь заставленные книгами, свернутыми пергаментами и старинными рукописями. Я в изумлении огляделся по сторонам.

— Я понятия не имел, что речь идет о таком громадном собрании. Наверняка здесь насчитывается несколько сотен книг.

— Да уж не меньше. Мастер собирал книги чуть не пятьдесят лет.

Меджи тоже окинула взглядом пыльные полки и покачала головой, словно давая понять, что подобное увлечение представляется ей не слишком разумным.

— Наверняка у него есть каталог?

— Нет, сэра, он держит все в голове.

Тут я заметил на стене маленькую картинку, изображавшую компас. Определив с ее помощью, где южная стена, я подошел к ней. Как и сказал Ренн, на третьей полке лежали свернутые в рулоны карты.

— Я вас оставлю, сэра, — буркнула Меджи. — Мне надо приготовить порошок, который лекарь прописал мастеру для облегчения боли.

— Он очень страдает?

— Боль мучает его почти все время.

— Он переносит ее стоически.

— Ну, это он умеет.

Меджи поклонилась и вышла из комнаты.

Оставшись в одиночестве, я оглядел полки более тщательно. Изумление мое возросло, когда я начал перебирать карты. Произведения монахов, которые удалось спасти Ренну, были воистину восхитительны. Я бережно разворачивал карты Йоркширского побережья и сельской местности, украшенные изображениями святых гробниц и мест, где происходили чудеса. Встречались здесь и карты других графств, и среди них — большая карта Кента, судя по всему, сделанная около двух столетий назад. Возможно, она не отличалась большой точностью, однако названия всех, даже самых маленьких, деревушек и селений были выписаны с чрезвычайным тщанием.

У окна, из которого открывался вид на собор, стоял письменный стол. Я разложил на нем карту и принялся ее изучать. Прежде всего я нашел Эшфорд и к юго-западу от него обнаружил деревню под названием Брейбурн. На западе находилось село Ликон, откуда вел свое происхождение мой знакомый сержант. Я задумчиво потер подбородок. Итак, в прошлом столетии человек по имени Блейбурн или Брейбурн приехал в Йорк из Кента и сделал здесь письменное признание, которое до сих пор вызывает тревогу у сильных мира сего. Но что это мне дает? Я надеялся, что сумею нащупать некую путеводную нить, которая поведет меня к дальнейшим открытиям. Но отыскал лишь название глухой деревеньки, расположенной в стороне от больших дорог.

Я вернул карту на полку и принялся бродить вдоль стен, поражаясь разнообразию книг и рукописей, многие из которых относились к весьма древним временам. Здесь были книги на латыни, на английском и

старофранцузском языках, биографические сочинения, труды по истории, медицине, архитектуре и садоводству. Отсутствие книг по законоведению немало меня удивило, но, пройдя в другую комнату, я увидел, что ими заставлены все полки. Наряду с классическими трудами, такими как сочинения Брэктона, я обнаружил и старинные ежегодники, а также собрания уложений и парламентских актов. Не без волнения я отметил, что многие из них отсутствуют даже в библиотеке Линкольнс-Инна, которая, увы, была далеко не столь богата, как мне того хотелось бы.

Взяв один из ежегодников, я вернулся к письменному столу. Погрузившись в описания давних процессов, я позабыл о времени. С детства чтение было для меня самым верным средством отвлечься от тревог и неприятностей. И теперь, вникая в юридические подробности, я ощутил, как на душу мою снизошли покой и умиротворение. Когда я наконец вернулся к действительности, пролетело уже несколько часов. С мыслью о том, что за копии этих ежегодников Линкольнс-Инн выложила бы неплохие деньги, я спустился в кухню. Меджи сидела у окна и что-то шила. Я кашлянул, дабы привлечь ее внимание.

— Боюсь, я злоупотребил гостеприимством вашего хозяина, Меджи. Увы, дорвавшись до чтения, я забываю обо всем.

Она улыбнулась — впервые за все время нашего знакомства. Как ни странно, улыбка у нее оказалась приятная.

— Хорошо, что книги мастера хоть кому-тогодились. А то сейчас многие люди считают их хламом. Говорят, прошлое надо забыть, а книги, которые о нем рассказывают, — попросту сжечь.

— Библиотека вашего хозяина достойна восхищения.

— Мастер сейчас спит.

Старая служанка выглянула в окно, где по-прежнему моросил мелкий дождь.

— Надо же, дождь так и не унялся. Хотите чем-нибудь перекусить?

— Благодарю вас, — ответил я, лишь сейчас осознав, что изрядно проголодался.

— Если хотите, я принесу вам поесть прямо в библиотеку. И свечу тоже принесу, а то становится темно.

«Почему бы не воспользоваться столь любезным предложением?» — сказал я себе.

— Если вы не возражаете, я почитаю еще, — ответил я вслух. — Очень вам признателен, Меджи.

Я вновь поднялся в библиотеку. Через несколько минут Меджи принесла мне кружку пива, ломоть хлеба, миску своей безвкусной, но

сытной похлебки и большую восковую свечу.

Утолив голод, я вновь принялся осматривать комнату. Она была выдержана в спартанском стиле — вся мебель состояла из письменного стола, голые половицы даже не были прикрыты циновками. Наверняка Джайлс провел здесь множество счастливых одиноких часов.

«Что станет с этим бесценным собранием после его смерти?» — с грустью подумал я.

Тут в голову мне пришла внезапная мысль, и я бросился к полке, где хранились собрания парламентских актов. На удачу я почти не рассчитывал; и все же в библиотеке, где хранились столь редкие ежегодники, мог оказаться и нужный мне документ. Я шарил глазами по полкам, пока не отыскал увесистый том, относившийся к последней трети прошлого столетия. На коричневом кожаном переплете красовался герб кафедрального собора. Схватив том в охапку, я едва не бегом бросился к столу. Небо за окном уже начало темнеть, и я был благодарен Меджи, которая снабдила меня свечой.

Бережно переворачивая пергаментные страницы, я дошел до актов 1484 года. Вот и знакомое заглавие «Titulus Regulus». «Королевский титул».

«Настоящим актом закрепляется право на престол за ныне царствующим монархом и его потомками», — прочел я слова, которые успел пробежать глазами, просматривая документы, хранившиеся в шкапулке Олдройда.

Сердце мое бешено заколотилось. Я тщательно осмотрел парламентскую печать, скрепляющую акт, сравнил его с другими документами, помещенными в книгу. Вне всякого сомнения, то была точная копия, сделанная не менее полувека назад. Утверждая, что этот акт является подделкой, Малевьерер пытался ввести меня в заблуждение. Однако же я никогда не слышал о подобном документе; причины, по которым акт этот был извлечен из парламентских архивов, оставались для меня тайной.

С трудом переведев дух, я принялся за чтение. Акт был невелик и занимал всего пять страниц. Он был выдержан в форме обращения к королю Ричарду III. В начале документа излагались обстоятельства, побудившие палату лордов и палату общин обратиться к этому монарху с просьбой взойти на престол. После весьма цветистого и многословного описания упадка, в котором пребывала страна, разговор пошел о женитьбе короля Эдуарда IV. Эту историю я смутно помнил. Король Эдуард, дед нынешнего короля, женился на вдове довольно низкого происхождения, Элизабет Вудвиль, хотя в это время был уже заключен брачный контракт,

согласно которому «король был помолвлен с благородной дамой Элеанор Балтер... посему сожителство вышеупомянутого короля и вышеупомянутой Элизабет является прелюбодейством, и отпрыски, зачатые в грехе, лишаются всяких прав на наследование престола».

Далее в акте говорилось о том, что ближайший наследник, герцог Кларенс, запятнал себя государственной изменой и посему потомки его тоже утратили право на престол. Права эти перешли к герцогу Глостеру — Ричарду III.

«... кой является законным сыном и наследником Ричарда, покойного герцога Йоркского, и был рожден на землях, принадлежавших его отцу; посему законность его происхождения не вызывает сомнений».

Я в изнеможении откинулся на спинку кресла. Наконец мне стало понятно, почему Малеверер не желал, чтобы хоть одна живая душа взглянула на этот акт. Перед глазами у меня возникло родословное древо, хранившееся в похищенной шкатулке. Притязания на трон короля Генриха были основаны на том, что мать его является дочерью короля Эдуарда IV. Если брак короля не был законным, значит, его внук не имел никаких прав на английскую корону. Истинными наследниками престола являлись потомки Джорджа, герцога Кларенса. Именно по этой причине Маргарет Солсбери и ее сын были брошены в Тауэр и казнены без всякой вины.

Я резко поднялся и несколько раз прошелся по комнате. Тут проснулась моя интуиция законника. История, связанная с браком короля Эдуарда, отнюдь не являлась тайной, мне неоднократно доводилось ее слышать. Я прекрасно знал, как трудно доказать обвинение в невыполнении брачных обязательств. Всякий, кто желает отказаться от брачного контракта, может заявить, что дал обещание жениться другой женщине, прежде чем обручился с той, что ныне предъявляет к нему претензии. Мне не раз доводилось сталкиваться с хитрецами, которые, дабы избежать нежеланной женитьбы, подкупали женщин, и те клялись на суде, что обручены с ними.

Что касается короля Эдуарда, его супруги Элизабет Вудвиль и благородной дамы Элеанор Балтер, все они мертвы вот уже более полувека. Посему доказать, что брак короля являлся незаконным, возможно лишь в том случае, если невыполненный брачный контракт существует в письменном виде. Но в этом случае столь важный документ наверняка был бы упомянут в лежащем передо мной акте. Нет, скорее всего, акт этот явился попыткой изыскать обстоятельства, оправдывающие воцарение Ричарда. Ведь в то время захват трона Ричардом был уже свершившимся фактом; это произошло в 1483 году. Акт издан год спустя. Конечно, получи этот документ огласку, это было бы чревато для нынешнего короля кое-

какими неприятностями, но подлинной угрозы его царствованию не представляло.

Я вновь перечел акт от первой до последней строки. Одна фраза привела меня в недоумение. Зачем понадобилось утверждать, что Ричард является «законным сыном и наследником покойного герцога Йоркского»? Неужели законность его происхождения подвергалась сомнению? Может, в то время по стране ходили слухи, согласно которым Сесиль Невиль родила сына вовсе не от своего высокопоставленного супруга?

В памяти моей всплыло странное замечание Малевевера.

«Да, все началось с Сесиль Невиль», — пробормотал он, когда я описывал ему генеалогическое древо.

Однако это соображение ровным счетом ничего не проясняло. Если бы существовал малейший повод объявить Ричарда III незаконнорожденным, Тюдоры, вне сомнения, не преминули бы им воспользоваться. Уж конечно, после воцарения Генриха VI на всех углах кричали бы, что трон, узурпированный бастардом, вернулся законному владельцу.

Я снова пробежал глазами акт, однако не нашел никаких объяснений странному обороту, привлекающему мое внимание. Утомившись от умственных усилий, я подошел к окну и принялся любоваться собором. Перед закатом на затянутом тучами небе блеснуло наконец солнце, и лучи его зажгли разноцветными огнями великолепные витражные окна. Не без удивления я подумал о том, что провел в библиотеке Ренна почти весь день.

Вернув пухлый том на полку, я вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз.

Меджи я нашел в гостиной. Она кормила сокола рубленным мясом, лежавшим на тарелке.

— Простите, что я так долго засиделся. К стыду своему, я совершенно забыл о времени.

Женщина поставила тарелку на стол и вытерла руки о фартук.

— Я очень признателен за ваше гостеприимство, Меджи.

— Мастер все еще спит, — сообщила старая служанка. — Скажите, сэр, если он все же надумает ехать в Лондон, вы о нем позаботитесь? — неожиданно спросила она.

— Обещаю заботиться о нем, как о родном отце, — заверил я.

— Скажите, как по-вашему, опасно он захворал? Я спрашивала у лекаря, но он что-то темнит. Не хочет пускаться в откровенности с глупой старой служанкой.

— К сожалению, Меджи, болезнь мастера Ренна очень серьезна.

— Да, мастер тоже говорит, что ему немного осталось, — сокрушенно

вздохнула Меджи. — Не знаю, как я буду без него. Он ведь такой добрый, такой приветливый. И жена его, упокой Господь ее душу, отличалась редкой добротой.

Она осенила себя крестом.

— Сама не понимаю, как это вышло, что мастер рассорился с семьей своей жены. Он жалеет об этом. Больше всего на свете он хочет отыскать молодого Мартина и помириться с ним.

— Я постараюсь помочь ему в поисках.

— Ох, мне бы так хотелось, чтобы мастер помирился с племянником. А то он весь извелся. Он ведь понимает, что был не прав.

— Скажите, Меджи, а из-за чего произошла семейная ссора?

Служанка прикусила губу.

— Да все из-за проклятой политики. Разве вы не знаете? Я думала, он вам рассказал.

— Нет, о причинах ссоры он не обмолвился ни словом. Впрочем, это не имеет значения. Так или иначе, я надеюсь, что он выполнит свое намерение, отыщет племянника и с божьей помощью вернется в Йорк.

Меджи кивнула, и глаза ее наполнились слезами, которые она изо всех сил старалась сдерживать. Попрощавшись с ней, я вышел из дома.

Оказавшись на улице, я обнаружил, что дождь прекратился. Однако в воздухе стояла промозглая сырость, и порыв ледяного ветра заставил меня вздрогнуть. Торопливо шагая, я вспоминал слова Томаса Мора, которые в первую нашу встречу процитировал мастер Ренн: «Войны — это излюбленные игры королей, а всем подмогкам на свете они предпочитают эшафоты». Да, в справедливости этих слов трудно усомниться и по сей день, подумал я, плотнее запахиваясь в плащ и незаметно сжимая рукоятку кинжала. Памятуя об угрожающей мне опасности, я старался идти по середине улицы, то и дело бросая настороженные взгляды в темные дверные проемы.

В аббатстве царили тишина и покой. Я обошел смутно белевшую в сумерках церковь и оказался во втором дворе. У дверей бывшего монастырского лазарета я немного помедлил, прислушиваясь к доносившимся изнутри оживленным голосам. Вновь встречаться с клерками у меня не было ни малейшего желания, однако иного выбора не оставалось. Рывком распахнув дверь, я вошел в холл, утопающий в клубах табачного дыма. Несколько человек сидели у огня, с увлечением играя в карты. Все они оставили свое занятие и обратили ко мне любопытные взоры. Исключение составил мастер Коуфолд. Как видно, угрозы Барака возымели действие, ибо недавний мой противник поспешно потупил

голову.

— Добрый вечер, — громко произнес я. — Скажите, мастер Барак у себя?

— Его здесь нет, сэр, — ответил юный Кимбер.

— Он предпочитает проводить время в обществе смазливой девки, — заметил кто-то из клерков, и остальные встретили его слова смехом.

Я кивнул и пошел в свою каморку, чувствуя, как несколько пар глаз уставились в мою горбатую спину. Закрыв за собой дверь, я вздохнул с облегчением, запер дверь на замок и растянулся на кровати.

Через некоторое время до меня донесся топот множества ног; как видно, клерки гурьбой вышли во двор, ибо настала пора ужина. Я тоже изрядно проголодался, но чувствовал, что не в состоянии вновь оказаться под огнем любопытных взглядов. Мысленно признавшись себе, что у меня не хватит решимости войти в трапезную в одиночестве, я закрыл глаза и забылся дремой.

Как видно, я проспал несколько часов, ибо, проснувшись, услышал храп и сонное бормотание соседей, доносившееся со всех сторон. Я вышел в холл. Огонь в очаге все еще теплился.

Чувствуя неприятную тяжесть в голове, я решил немного прогуляться. Наверняка во дворе в столь позднее время не было ни одной живой души. Дверь я открыл как можно осторожнее, ибо она громко скрипела, а я отнюдь не хотел кого-нибудь разбудить. Оказавшись на улице, я увидел, что тучи рассеялись и на небе сияет луна. Я осмотрелся по сторонам, высматривая, не притаился ли где-нибудь в укромном уголке неведомый злоумышленник, и направился к арке, за которой начиналась тропинка, ведущая к реке.

Внезапно какой-то звук заставил меня содрогнуться и сжать рукоять кинжала. В проеме арки темнела неясная фигура, точнее, две.

— Кто здесь? — окликнул я дрожащим голосом.

Из темноты, держась за руки, выступили Барак и Тамазин. Я едва не рассмеялся от облегчения. Вне сомнения, я помешал им целоваться, однако не испытывал особого раскаяния по этому поводу. В следующее мгновение я разглядел их лица, и веселость мою точно ветром сдуло. Барак был бледен как мел, а глаза Тамазин расширились от ужаса.

— Ради бога, что случилось? — выдохнул я.

— Тише, тише.

Барак схватил меня за руку и потащил в тень.

— Нельзя, чтобы нас увидели! — прошипел он.

— Но почему? Я не...

— Мы слишком долго гуляли, — одними губами произнес Барак. — А Тамазин запрещено выходить из дому по ночам.

— Все это ерунда. Скажите наконец...

— Мы кое-что видели, сэр, — прошептала Тамазин. — И, бог свидетель, лучше бы нам этого не видеть.

— Я знаю, что имел в виду Олдройд, — сообщил Барак. — Помните его слова? «Если у Генриха и Кэтрин Говард родится дитя, ему не бывать истинным наследником престола. Она знает об этом». Не представляю только, как ему стало об этом известно?

— О чем? Послушайте, сегодня я обнаружил в библиотеке Ренна нечто весьма интересное. Копию парламентского акта, в котором...

— Забудьте об этом! — нетерпеливо затряс головой Барак. — Слова Олдройда не имели никакого отношения к старым бумагам. Он говорил о том, что творится здесь и сейчас. А я могу сказать, что мы трое оказались в весьма скверной переделке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я в полном недоумении переводил взгляд с Барака на Тамазин. Барак напряженно вглядывался в темноту.

— Видишь кого-нибудь? — шепотом осведомилась Тамазин.

— Нет. Одному богу известно, куда он скрылся.

— Да о ком вы говорите? — с досадой спросил я.

— Нам надо отыскать спокойное местечко, где мы сможем поговорить без помех, — повернулся ко мне Барак.

— Трапезная открыта всю ночь, — сообщила Тамазин. — Солдаты, сменяясь с караула, там отдыхают.

— Солдаты нам совершенно ни к чему, — усмехнулся Барак.

— Да может, сейчас там никого нет. В любом случае, мы можем сесть за самый дальний стол.

— А который сейчас час? — спросил я, внезапно осознав, что не имею представления о времени.

— Около двух, — сказал Барак. — Ладно, попробуем сунуться в трапезную.

— Может, вы наконец отбросите свою проклятую таинственность и объясните, что вас так напугало? — возвысил я голос.

Беспокойство, охватившее Барака и Тамазин, передалось мне в полной мере.

— Если мы ему расскажем, мы навлечем на него опасность, — проронила Тамазин, метнув на меня многозначительный взгляд.

— Он и так в опасности, так что терять ему нечего, — возразил Барак. — Идемте.

Он широким шагом направился к трапезной. Мы с Тамазин едва поспевали за ним.

Дверь и в самом деле оказалась открытой, просторное помещение заливал тусклый свет свечей, стоявших на столах. У самой двери несколько солдат пили пиво. Все прочие столы были пусты. Солдаты, уставшие после долгих часов, проведенных в карауле, не обращали на нас ни малейшего внимания. Сбросив стальные нагрудники и увенчанные плюмажами шлемы, они небрежно развалились на скамьях. Барак провел нас в самый дальний угол комнаты.

— Думаю, нам стоит заказать по кружке эля, — заявил он и направился к утомленному слуге, сидевшему неподалеку от огромной бочки.

Мы с Тамазин опустились на скамью. Девушка склонила голову и закрыла лицо руками; белокурые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Я заметил, что руки ее слегка дрожат. Как видно, она и в самом деле испугалась не на шутку.

Вернулся Барак с тремя кружками в руках. Он опустился на скамью рядом с Тамазин так, чтобы дверь все время была у него перед глазами. Я с нетерпением ожидал, когда он наконец соизволит заговорить, но он хранил молчание, прерываемое лишь тяжкими вздохами.

— Вы знаете, что сегодня после медвежьей травли состоялась соколиная охота, — изрек он наконец. — Мы с Тамазин были там. Вместе с несколькими клерками.

— Продолжайте, прошу вас.

— Все складывалось так хорошо, — покачав головой, подала голос Тамазин. — И на душе у меня было легко-легко. Сейчас даже трудно в это поверить.

— Да, поохотились мы на славу, — подхватил Барак. — А потом вновь зарядил дождь, и мы отправились в ближайшую деревню. Провели там весь день до вечера. Вернувшись в аббатство, заглянули к вам. Но вы спали без задних ног, и мы решили вас не будить. Зашли сюда, в трапезную, поужинали. А потом...

— Джек...

Тамазин, залившись румянцем, бросила на меня многозначительный взгляд.

— Я хочу рассказать ему все по порядку, Тэмми, — пожал плечами Барак. — Один из клерков снабдил меня ключами от конторы, которая постоянно пустует. И вот мы...

— О том, чем вы там занимались, не так трудно догадаться, — усмехнулся я. — Но что произошло после? Почему вы так испугались?

— Из конторы мы вышли примерно час назад. Тамазин давным-давно должна была вернуться в королевский особняк, она спит в помещении для слуг. Вот мы и думали, как бы ей туда пробраться. У дверей ведь стоит караул, и солдаты наверняка осыпали бы нас дурацкими шутками. А потом мы заметили дверь, около которой никого не было. С той стороны, где разместились королева. Мы побежали туда, проверить, вдруг дверь окажется незапертой. Тут-то мы их и увидели.

— Кого?

Мой помощник и Тамазин как по команде огляделись по сторонам. Язык, казалось, прилип Бараку к нёбу.

— Помните того хлюста, Томаса Калпепера, которого мы вчера

встретили на петушинных боях? — наконец выдал из себя. — Он еще был с Деремом?

— Конечно, помню. Вы еще сказали, что этот мальчик — один из камердинеров короля.

— Да, он неплохо устроился, — косо ухмыльнулся Барак. — Так вот, в дверях мы увидели его. Он прощался с королевой.

— С королевой?

— Рядом с ним стояла королева Кэтрин собственной персоной. Я-то никогда ее не видел, но Тамазин сразу ее узнала.

— Да, сэр, это была королева, — кивнула Тамазин. — А за спиной у нее я разглядела леди Рочфорд.

— Вы хотя бы понимаете, что говорите? — потрясенно пробормотал я.

— Еще бы нет, сэр, — с отрывистым смешком бросил Барак. — Мы говорим, что в час пополудни видели королеву на пороге ее покоев. Видели, как она разводила нежности с известным придворным повесой.

— Господи боже.

В памяти у меня всплыло первое утро, проведенное в аббатстве. Я своими ушами слышал, как леди Рочфорд устроила нагоняй Крейку, не позаботившемуся о запасных дверях в покои королевы. Она утверждала, что двери эти необходимы на случай пожара.

— Вы не знаете самого худшего, — едва слышно проронила Тамазин. — Они нас видели.

— Что?

— Первым нас увидел Калпепер, — подтвердил Барак. — От неожиданности он словно к месту прирос. Леди Рочфорд заметила, что с ним творится что-то неладное, высунулась из дверей и тоже нас увидела. Господи боже, ее так и перекосило от злобы. И от страха. Она схватила королеву за рукав, втащила ее в дом — та только пискнула — и захлопнула дверь. А этот болван Калпепер озирался по сторонам, не зная, что делать. Наконец он напялил себе на голову шляпу и отправился восвояси. Шляпа у него, надо признать, шикарная, — добавил Барак и вновь хрипло расхохотался.

Я почувствовал, что во рту у меня пересохло, и сделал большой глоток эля.

— А как была одета королева? — обратился я к Тамазин. Девушка сразу смекнула, к чему я веду.

— Она была в полном облачении, — заверила она. — В желтом платье, одном из самых своих любимых. На ней были серьги и ожерелье, а щеки слегка нарумянены...

— Значит, у нас нет никаких оснований предполагать, что они занимались чем-то... непристойным. В противном случае королева вряд ли выглядела бы столь парадно.

— Чем они занимались, не имеет значения, — возразил Барак. — Калпепер ночью был в покоях королевы. Даже если они играли там в карты, этого вполне достаточно, чтобы отправить его на плаху.

— А заодно с ним и королеву. Как известно, одну из супруг Генриха уже постигла подобная участь. А компанию королеве составит леди Рочфорд. Никак не могу взять в толк, зачем ей понадобилось ввязываться в подобную авантюру. Она что, не понимает, что рискует жизнью?

— Одному богу известно, о чем думает леди Рочфорд, сэр, — пробормотала Тамазин. — Поговаривают, она слегка тронулась умом.

— А почему вы так уверены, что королева просталась с Калпепером? — нахмурившись, осведомился я. — Может быть, его позвали за какой-то надобностью. Он постучал, и ему открыли...

— Не порите чушь, — раздраженно перебил меня Барак. — По-вашему, если в час ночи кто-то постучит в дверь кухни, королева и ее первая фрейлина сами помчатся открывать?

— Согласен, мое предположение выглядит не слишком убедительно.

— Знаете, среди придворных дам давно уже ходят всякие слухи, — сообщила Тамазин. — Говорят, королева была равнодушна к мастеру Калпеперу еще до своего замужества. И к мастеру Дерему, своему нынешнему секретарю, она тоже... была привязана с самого детства. Потому эти два джентльмена терпеть не могут друг друга. Но никому даже в голову не приходило...

— Думаю, она лишилась рассудка, — сжав кулаки, бросил Барак.

— Господи Иисусе, если вскорости объявят, что королева в положении, то, вполне возможно... Это будет означать, что она носит ребенка Калпепера, — пробормотал я и испуганно прикусил губу. — Да, теперь я понимаю, о чем говорил перед смертью стекольщик. «Если у Генриха и Кэтрин родится дитя, ему не бывать истинным наследником престола. Она знает об этом». Наверняка он имел в виду королеву.

— В этом можно не сомневаться, — кивнул Барак. — По всей вероятности, связь между ней и этим хлюстом продолжается уже несколько месяцев. Иначе заговорщики не успели бы о ней проведать.

Барак недоуменно покачал головой.

— Диву даюсь на этого Калпепера. Неужели он не понимает, что со стариной Генрихом шутки плохи? И надо быть законченным болваном, чтобы стянуть лакомый кусок у него из-под носа.

— Если после того, как народу будет торжественно объявлено о беременности королевы, станет известно о ее неверности, то репутации короля будет нанесен весьма существенный урон, — задумчиво произнес я. — Кстати, леди Рочфорд и Дерем видели, как мы вошли в особняк со шкатулкой в руках. В свете последующих событий это обстоятельство приобретает особое значение.

— Возможно, признание, которое вы начали читать, сделал человек, который, подобно нам, застал голубков с поличным, — предположил Барак.

— Нет, это невозможно, — покачал я головой. — Признание Блейбурна написано много лет назад. Что до парламентского акта, озаглавленного «Titulus Regulus», он относится к тысяча четыреста восемьдесят четвертому году.

— Вы говорили, в шкатулке было много других бумаг, на которые вы даже взглянуть не успели, — напомнил Барак.

— Да, это так.

— Очень может быть, в них говорилось о королеве и ее любовнике.

— Сэр, я ничего не понимаю, — робко вступила в разговор Тамазин. — О каких бумагах идет речь? Кто такой Блейбурн и что это за парламентский акт?

Я растерянно поглядел на девушку. Новость, которую сообщили Барак и Тамазин, заставила меня позабыть обо всем на свете, и я имел неосторожность заговорить о содержимом шкатулки в присутствии третьего лица. Тем самым я навлек на Тамазин еще большую опасность. Впрочем, ситуация, в которой оказались мы трое, была столь серьезна, что хранить друг от друга тайны более не имело смысла.

— Мы с Джеком обыскали дом убитого стекольщика и обнаружили там шкатулку, наполненную старинными документами, — сообщил я, набрав в грудь побольше воздуха. — А несколько часов спустя эти документы у нас похитили.

— Я знаю, — кивнула девушка. — Из-за этого меня допрашивали. И мистрис Марлин тоже.

— Скорее всего, именно эта шкатулка послужила причиной смерти стекольщика, — продолжал я. — Меня тоже несколько раз пытались убить. Думаю, потому, что я успел бросить взгляд на ее содержимое. Правда, я сумел проглядеть лишь несколько документов, лежавших сверху. Но злоумышленникам это не известно.

Я рассказал Тамазин о двух нападениях, которым подвергся в королевском особняке и в лагере, где разместились слуги, а также о признании Блейбурна и парламентском акте, озаглавленном «Titulus

Regulus». Напоследок я упомянул, что отыскал копию этого акта в библиотеке мастера Ренна. Глаза девушки изумленно расширились.

— Господи боже, угораздило же вас попасть в переделку, — прошептала она.

— Да, так глубоко в дерьме мы еще не плавали, — с невеселым смехом изрек Барак.

Шум, раздавшийся в дальнем конце комнаты, заставил меня обернуться. Солдаты встали, с грохотом отодвинули скамьи и устало побрели к дверям. В трапезной, если не считать слуги, оставались лишь мы трое. Слуга, притулившись за столом, спал, опустив голову на руки. Я повернулся к Бараку и Тамазин. Страх и волнение так изменили их лица, что оба, казалось, постарели на несколько лет.

— Что будем делать? — спросил Барак. — Сообщим обо всем Малеввереру?

— Думаю, с этим спешить не стоит, — возразил я. — У нас ведь нет никаких доказательств. А они, конечно, будут все отрицать. В результате вы навлечете на себя весьма серьезные неприятности.

— Но если между похищенными документами, королевой и ее любовником существует связь, значит, у леди Рочфорд тоже рыльце в пушку, — нагнувшись вперед, прошептал Барак. — Наверняка за покушениями на вас стоит именно она. И можно не сомневаться, она не оставит вас в покое.

— Нет, — решительно возразила Тамазин. — Леди Рочфорд может действовать только по приказу королевы, а королева никогда не пойдет на убийство. Поверьте мне, у нее добрая, щедрая душа. Просто она еще очень молода и неопытна.

— Здесь, при дворе, в этом змеином гнезде, люди быстро приобретают опыт хитрости и ненависти, — заметил Барак.

— Да, только не королева. Всякий, кто ее знает, скажет вам, что она еще неразумная девчонка. Наверняка она по уши влюбилась в этого красавчика и совсем потеряла голову.

— Возможно, королева и правда не способна на убийство, — согласился Барак. — Но я убежден, что леди Рочфорд способна на все.

— И все же мне трудно поверить, что она подстроила оба покушения, — задумчиво произнес я. — По моему мнению, она не из тех, кто способен организовать столь рискованное дело.

Несколько мгновений я хранил молчание, потом обернулся к девушке:

— Тамазин, как по-вашему, какие шаги сейчас предпримет леди Рочфорд?

— Я думаю, решать все-таки будет королева, а не эта старая мегера, — вставил Барак.

— Нет, королева непременно попросит совета у леди Рочфорд, — покачала головой Тамазин. — На ее месте я попыталась бы заставить нас замолчать. Пустила бы в ход подкуп. Или запугала бы до полусмерти.

— Полагаю, вы правы, Тамазин, — заметил я. — И сейчас нам лучше всего молчать и ждать от них дальнейших действий. В зависимости от того, каковы будут эти действия, мы будем действовать сами. Если они предпримут попытку причинить нам вред, мы обратимся к Малевереру. Впрочем, если они ничего не предпримут, мы все равно расскажем ему обо всем. Но до понедельника лучше обождать.

— Думаю, к Малевереру стоит обратиться, не откладывая, — заявил Барак.

— Нет. Говорю же вам, у нас нет никаких доказательств. Представляете, что будет, если эта история дойдет до короля? Скорее всего, королева сумеет ему доказать, что на нее возвели напраслину. Тогда нам придется распрощаться с головами. Сейчас мы проводим вас в королевский особняк, — повернулся я к Тамазин. — Солдаты пропустят вас в такой час?

— Пропустят. Я далеко не единственная девушка, которой не спится по ночам.

— Вот они, придворные нравы, — усмехнулся я.

Повернувшись к Бараку, я заметил, что в глазах его по-прежнему светится сомнение. Как видно, мои доводы не показались ему убедительными. Вдруг он увидел что-то за моей спиной. Глаза его расширились, губы побелели.

— Слишком поздно, — проронил он.

Я быстро повернулся. В трапезную вошли несколько солдат, возглавляемых сержантом Ликоном. Отделившись от своих людей, он направился к нам. Взгляд его в растерянности перебегал по нашим лицам.

— Что произошло? — спросил он. — Вид у вас такой испуганный, словно вы все стоите на краю разверзшейся преисподней.

— Ровным счетом ничего, сержант, мы...

— Поздно вы решили поужинать.

— Мы просто заболтались. Но сейчас и в самом деле поздно. Пора ложиться спать.

— Сэр, я должен кое о чем вам сообщить. С глазу на глаз, — произнес сержант, потупив голову.

Вместе с ним я отошел на несколько шагов в сторону. Краем глаза я заметил, что солдаты разбудили слугу, и он, зевая во весь рот, наливает им

пиво. Судя по этой мирной картине, они явились сюда отнюдь не с намерением нас арестовать.

Ликон вперил в меня серьезный взгляд. Во время наших прежних встреч он держался дружелюбно и приветливо, но сейчас на лице его застыло настороженное, почти враждебное выражение.

— Один из моих людей сообщил мне, что между вами и надзирателем Редвинтером произошла серьезная заваруха, — отчеканил сержант. — В коридоре возле камеры заключенного.

— А, вот вы о чем. Да, нам пришлось выяснить отношения.

— Я обязан сообщить об этом сэру Уильяму Малеввереру. Но, по словам моего человека, Редвинтер сделал все, чтобы вывести вас из себя.

— Да, сержант, по этой части он большой искусник. Но мне не следовало поддаваться на провокацию.

— Поэтому я решил, что об этом случае лучше молчать. У сэра Уильяма и без того много забот, и не стоит лишний раз ему докучать. Но вы должны мне пообещать, что впредь ничего подобного не произойдет.

— Обещаю держать себя в руках.

Сержант удовлетворенно кивнул.

— А как себя чувствует Бродерик? — осведомился я. — Сегодня я не успел к нему заглянуть.

— Так же, как и прежде.

Ликон вновь метнул на меня пронзительный взгляд, поклонился и направился к своим солдатам. Я вернулся к Тамазин и Бараку.

— Что ему от вас понадобилось? — прерывающимся от волнения голосом спросил мой помощник.

— До него дошли слухи о моей драке с Редвинтером. Он обещал не сообщать об этом властям, если я впредь не буду поддаваться на провокации. Думаю, Редвинтеру более не удастся вывести меня из терпения. Мне теперь не до его колкостей.

Мы проводили Тамазин в королевский особняк. Аббатство было погружено в темноту и безмолвие. Золотая монета настолько смягчила сердца караульных, что они пропустили девушку в дом, воздержавшись от сальных шуточек. Мы с Баракком молча вернулись к себе и разошлись по своим каморкам. Сон не шел ко мне еще долго после того, как я улегся в постель.

Утро воскресенья, против всех ожиданий, оказалось ясным и солнечным. Я одевался, когда в дверь моей каморки постучал Барак.

— Там пришел наш вчерашний знакомый, мастер Гудрич.

Торопливо покончив со своим костюмом, я вышел во двор.

Повар ожидал меня на крыльце.

— Как себя чувствует ваш сын? — первым делом осведомился я.

— Парнишке лучше, сэр, хотя рана на голове у него здоровенная. Я разрешил ему сегодня не работать.

— Слава богу, обошлось без серьезных последствий.

— Да. Но, сэр...

Повар осекся, пристально глядя на меня. Я решил, что он хочет попросить денег, и уже потянулся к кошельку. Повар, заметив мое движение, покачал головой.

— Я только хотел спросить — кто мог так отделать мальчугана? А вдруг он снова на него нападет?

— Уверен, этого не случится, мастер Гудрич. Тот, кто ранил вашего сына, намеревался убить меня. И можете не сомневаться, мы отыщем злоумышленника во что бы то ни стало...

— Об этом случае надо сообщить властям, сэр. Сейчас, когда здесь король...

Повар бросил в сторону королевского особняка взгляд, исполненный благоговейного ужаса.

— Не беспокойтесь, я обо всем позабочусь. И передайте вашему сыну мои наилучшие пожелания.

Повар поклонился и направился к калитке, ведущей в лагерь. Я проводил его глазами.

— Ну, как дела у мальчугана? — раздался у меня за плечом голос Барака.

— Он поправляется. Идемте завтракать.

Мы зашагали к трапезной. Я увидел, что работники разбирают одну из клеток, в которой прежде содержался медведь.

— Этот славный зверь прикончил шестерых псов в присутствии самого короля, — с гордостью сообщил мне смотритель, заметивший мой любопытный взгляд. — А потом пал на поле битвы, как истинный воин.

Обитатель второй клетки, огромный косматый медведь, сидел к нам задом. Заслышав голоса, он потянулся и испустил низкий жалобный стон. Шкура его во многих местах была порвана и слиплась от крови.

— Завтра снова состоится травля? — осведомился Барак.

Смотритель бросил на зверя оценивающий взгляд.

— Да, думаю, этот парень еще себя покажет. Прежде чем его прикончат, он сумеет выпустить кишки нескольким собакам.

Я невольно содрогнулся и поспешно пошел прочь.

Завтракали мы в молчании. За соседними столами торопливо

поглощали пищу придворные и слуги, торопившиеся на церковную службу. Мысли о предстоящем дне не давали мне покоя. Блаженные часы, проведенные в библиотеке Ренна, казались далеким воспоминанием.

— Когда Тамазин нет рядом, я места себе не нахожу, — признался Барак, отодвигая тарелку. — Ведь в королевском особняке с ней может случиться все, что угодно.

— Вы не можете постоянно находиться рядом с Тамазин, Джек. Будем надеяться на лучшее. Как я уже сказал вчера, нам остается только ждать.

— После того что случилось вчера ночью, я утратил всю свою рассудительность, — невесело усмехнулся Барак. — Вы собираетесь сегодня в церковь? Служба пройдет в храме Святого Олафа и, говорят, будет совсем короткой.

— Откровенно говоря, у меня нет желания идти.

— У меня тоже. Но сидеть целый день в четырех стенах я хочу еще меньше, — пожал плечами Барак.

— Я знаю одно укромное местечко. Мы с вами можем устроиться там и понаблюдать, что творится вокруг.

Я отвел Барака к скамье под буком, где позапрошлым вечером беседовал с Тамазин. Сидя в тени дерева, мы провожали глазами людей, спешивших в церковь. С тех пор как в аббатстве поселился король, здесь постоянно стояла тишина. Человеческие толпы передвигались почти беззвучно, никто не позволял себе ни смеха, ни выкриков.

Мимо нас прошествовали несколько придворных; некоторых из них я видел прежде в лагере. Дерем, бывший среди них, заметил меня и наградил злобным взглядом. Я высматривал Калпепера, но его нигде не было.

— Любопытно, король и королева будут присутствовать на службе? — подал голос Барак.

— Полагаю, они останутся в королевском особняке.

— Из соображений безопасности? Неужели они так боятся жителей Йорка?

— У них есть для этого веские основания, — со вздохом изрек я. — А у местных жителей есть веские основания для недовольства.

— Вы, часом, не заделались папистом? — спросил Барак, искоса взглянув на меня.

— Насчет этого можете не опасаться. И сейчас я имел в виду отнюдь не вопросы религии. Просто в течение многих лет к жителям севера относились до крайности пренебрежительно. Как к людям низшего разряда.

Я заметил мастера Крейка, шедшего среди пышно разодетых

чиновников, и помахал ему рукой. Немного поколебавшись, он приблизился к нам.

— Вы разве не собираетесь в церковь, мастер Шардлейк?

— Возможно, я посету позднюю обедню.

— А мы только что спустились с колокольни, — сияя улыбкой, сообщил Крейк. — По всему лагерю несколько священников служат мессы на открытом воздухе. Впечатляющее зрелище, доложу я вам. Простите, я должен спешить, иначе опоздаю.

И, отвесив нам поклон, он устремился вслед за своими спутниками.

— Этот господин так и сыплет любезностями, но, по-моему, на душе у него кошки скребут, — заметил Барак, проводив его глазами.

— Пожалуй, вы правы.

— Надо бы заглянуть в ту таверну, где я его встретил. Узнать, что к чему.

— Действуйте, — кивнул я. — Кстати, Тамазин тоже может узнать что-нибудь о Крейке.

— Я не буду ее об этом просить, — отрезал Барак, метнув на меня сердитый взгляд. — Ей ни к чему навлекать на себя новые неприятности.

— Как хотите, — пожал я плечами. — В любом случае, нам стоило бы разузнать побольше о мастере Калпепере. Выяснить, кто его друзья, из какой он семьи. И особенно хотелось бы знать, есть ли у него связи в северных графствах.

— Я постараюсь выведать всю его подноготную, — заверил Барак. — Без помощи Тамазин, — добавил он, нахмурившись. — Я и так чувствую свою вину перед ней. Ведь в эту переделку она попала из-за меня.

«Да, этой девушке удалось зацепить Барака всерьез», — отметил я про себя.

— Думаю, не будь вас, эта история все равно не обошла бы ее стороной, — сказал я вслух.

— Как бы мне хотелось, чтобы все наши подозрения оказались ерундой, — вздохнул Барак. — Может, слова Олдройда все-таки не имеют отношения к тому, что мы видели вчера...

Он сунул руку под рубашку и нащупал на груди древний иудейский талисман, который когда-то подарил ему отец.

— Но если стекольщик перед смертью все-таки говорил... о тех двоих, значит, Малеверер и люди короля уже что-то подозревают? — неуверенно произнес он.

— Я не имею об этом даже отдаленного понятия.

— Как знать, может, король уже давно лишился мужской силы, —

продолжал Барак. — Он ведь мучается ногами уже много лет.

— Все может быть.

— Не исключено, он еще на что-то способен, но семя у него слабое и старое, как и он сам. А юный Калпепер извергает мощный поток. Способный зачать новую жизнь.

— Думаю, нам не стоит чересчур увлекаться подобными предположениями, — заметил я.

— Кстати, о немощах и недугах. Как себя чувствует старина Ренн?

— Не лучшим образом. Я застал его в постели. Впрочем, он утверждает, что завтра сможет принять участие в судебном слушании прошений. Я пообещал, что сегодня навещу его вновь. Если хотите, можете пойти со мной. По крайней мере, в доме Ренна мы можем чувствовать себя в полной безопасности.

В церковь все еще тянулись опоздавшие, и среди них я заметил Дженнет Марлин, которая шла в обществе двух незнакомых мне дам.

— А где Тэмми? — обеспокоенно спросил Барак. — Обычно она сопровождает мистрис Марлин.

Он прикусил губу.

— Не могли бы вы подойти к мистрис Марлин и узнать насчет Тамазин? — обратился он ко мне. — Мне, человеку низкого положения, не пристало разговаривать с леди.

Я поднялся, сделал несколько шагов по направлению к дамам и поклонился. На мистрис Марлин было серое платье из дамасского шелка и головной убор старинного фасона, с двумя длинными хвостами, развевавшимися у нее за спиной. Она сделала своим спутницам знак не ждать ее и остановилась. К своему удивлению, я заметил, что на губах ее играет улыбка, правда несколько неуверенная.

— Добрый день, мастер Шардлейк. Вы тоже идете в церковь?

— Нет. Но, если позволите, я хотел бы кое о чем у вас спросить. Вижу, сегодня с вами нет мистрис Ридбурн. Надеюсь, она здорова?

— Тамазин слегка прихворнула и осталась в своей комнате.

Мистрис Марлин вновь наградила меня неуверенной улыбкой, набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Сэр, во время нашей прошлой встречи я была с вами непозволительно груба. Приношу свои извинения. Я очень привязалась к Тамазин и тревожусь за ее участь, — добавила она, метнув быстрый взгляд на Барака. — Но если она и ваш помощник прониклись друг к другу привязанностью, нам не следует мешать их любви, правда?

— Правда, — пробормотал я, ошеломленный ее тирадой.

Оказывается, в последние дни не только я один изменил свое отношение к роману Барака и Тамазин. Возможно, Тамазин пустила в ход все свое обаяние, чтобы заставить мистрис Марлин смягчиться. Впрочем, Дженнет Марлин производила впечатление особы, которая не слишком легко поддается на чары.

— Я была так резка с вами, сэр, потому что на душе у меня тяжело, — произнесла она, не сводя с меня огромных карих глаз. — Вам ведь известно, мой жених брошен в Тауэр, хотя он ни в чем не виновен.

— Я все понимаю и не держу на вас обиды.

— Вам не доводилось слышать, как долго король намерен пробыть в Йорке? — осведомилась она, беспрестанно теребя на пальце обручальное кольцо.

— Нет, сударыня. Судя по всему, это никому не известно. Думаю, все зависит от того, прибудет ли сюда король Шотландии.

— Пока что никто и словом не обмолвился о том, что он направляется в Йорк, — покачала головой мистрис Марлин. — А вчера в королевском особняке говорили о новых набегах на наши границы.

Она огляделась по сторонам и произнесла:

— Откровенно говоря, мне здесь изрядно надоело.

— Мне тоже.

— Я совсем извелась от тревоги за Бернарда. Насколько мне известно, ему до сих пор не предъявили обвинения. Сэр, вы опытный законник. Скажите, как долго его могут держать в Тауэре, ни в чем не обвиняя?

— Сколько угодно. Конечно, если на то будет распоряжение короля. Но тем не менее арест вашего жениха можно опротестовать. У вас в Лондоне есть хорошие знакомые?

— Только стряпчие — друзья Бернарда. Но, сами понимаете, они опасаются ввязываться в подобное дело.

— И все же не стоит отчаиваться. Возможно, ваша преданность спасет жизнь вашему жениху.

— Мне очень жаль, что в пятницу король обошелся с вами так... грубо, — неожиданно произнесла она, вновь скользнув по мне взглядом блестящих карих глаз.

— Благодарю вас, — растерянно пробормотал я.

— Мне на собственном опыте довелось узнать, каково это — быть мишенью жестоких шуток. То, что вы называете преданностью, кажется прочим придворным дамам глупостью, достойной всяческих насмешек.

— Этот мир слишком жесток.

— Раньше я считала, что вы заодно с сэром Уильямом Малевверером, но

сейчас я вижу, что ошиблась. Малевверер на весь Йоркшир славится своим коварством и низостью.

— К счастью, мне он не друг и не патрон.

— Рада это слышать. Но скажите, как случилось, что вы приняли участие в королевском путешествии?

— Архиепископ Кранмер попросил меня помочь местному стряпчему в разборе прошений, поданных на королевское имя.

— Да, говорят, архиепископ — порядочный и благородный человек. Вы служите у него?

— В некотором смысле.

— Еще раз примите мои извинения. Я судила о вас до крайности несправедливо и сожалею об этом.

Мистрис Марлин сделала мне реверанс и поспешила к церкви, у дверей которой нетерпеливо переминался с ноги на ногу служитель.

Я вернулся к Бараку.

— О чем вы так долго болтали? — пробурчал он.

— Она попросила извинения за резкие слова, которые позволила себе во время нашей прошлой встречи. И сказала, что более не собирается чинить препятствий вашим отношениям с Тамазин. Странная особа, — добавил я, покачав головой. — Одному богу известно, что творится у нее на душе.

— А она сказала, где Тамазин?

— Ваша зазноба пожаловалась на недомогание и попросила разрешения остаться в своей комнате. Полагаю, она поступила вполне разумно. Если вчерашнее происшествие выйдет наружу, Дженнет Марлин окажется в чрезвычайно затруднительном положении, — сказал я, бросив взгляд на закрытые двери церкви. — Тамазин подчиняется ей, а сама она находится в подчинении у леди Рочфорд.

— Подобные затруднения — сущий пустяк по сравнению с нашими.

— Что ж, думаю, нам пора навестить мастера Ренна, — предложил я, оставив последнюю фразу Барака без ответа. — Оставим на время это злополучное аббатство.

Настороженно озираясь по сторонам, мы обогнули павильоны, где, кроме часовых, не было ни одной живой души, и направились к воротам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда мы проходили мимо королевского особняка, я увидел на ступенях крыльца человека в отороченной серым мехом мантии и с массивной золотой цепью на шее. То был сэра Ричард Рич. Он тоже меня заметил. Сердце мое тоскливо сжалось, когда он, сделав сопровождавшим его клеркам знак оставаться на месте, направился напрямиком к нам. Я низко поклонился.

— О, мастер Шардлейк, — произнес Рич, растянув губы в улыбке. — И молодой Барак с вами. Он что, служит у вас клерком?

— Да, сэра Ричард.

— Разве он умеет читать и писать? — спросил Рич, бросив на Барака насмешливый взгляд. — Только что я имел беседу с королем, — сообщил он, не дождавшись ответа. — После того как нынешней весной в Йорке был раскрыт очередной заговор, все земли заговорщиков отошли к моему ведомству. Мы обсуждали, как ими лучше распорядиться.

— Это весьма важный вопрос, сэра Ричард.

— Король намерен щедро наградить тех йоркширских дворян, которые сохранили ему верность. Хотя ныне, когда над страной тяготеет постоянная опасность вторжения извне, ему необходимо извлекать из своих земель максимальный доход.

Рич вновь растянул в улыбке свои тонкие губы.

— Кстати, разговор о доходах заставил меня вспомнить еще об одном обстоятельстве. Вы подумали о том, о чем я говорил? Насчет тяжбы барристера Билкнэпа и Городского совета?

— Да, сэра Ричард, — произнес я, судорожно переведя дух. — И должен сказать, я не разделяю вашей уверенности в том, что судья в любом случае вынесет благоприятное для вас решение. Как говорится, тот, кто хвалится козырями в начале игры, обычно блефует.

Затаив дыхание, я ожидал, как Рич ответит на мои слова. Говорить так с канцлером Палаты перераспределения имущества было с моей стороны недопустимой дерзостью, но сейчас не простой стряпчий обращался к всемогущему вельможе, а законник беседовал со своим собратом по сословию. Глаза Рича угрожающе прищурились, и я понял, что не ошибся в своих предположениях. Он еще не успел заручиться поддержкой судьи и пытался взять меня на испуг.

— Отойдем на минуту, — процедил он и, схватив меня за руку повыше

локтя, оттащил на несколько шагов от Барака.

Взгляд его полыхал ледяной злобой.

— Вам, без сомнения, известно, что у меня есть общие дела с вашим здешним патроном, сэром Уильямом Малевверером, — произнес он прерывающимся от ярости голосом. — Сэр Уильям намерен увеличить свои земельные владения, и Палата перераспределения готова продать ему земли. Не забывайте, брат Шардлейк, сэр Уильям обладает в Йорке непререкаемой властью. А вы здесь совсем один, если не считать вашего прихвостня-недоумка. К тому же король с первого взгляда проникся к вам неприязнью. Так что вам не стоит слишком зарываться.

Рич выдержал многозначительную паузу и продолжал:

— Кстати, я не советовал бы вам посылать в Лондон письмо относительно дела Билкнэпа. Я знаю наверняка, вы еще не успели это сделать.

Должно быть, на лице моем отразилось удивление, ибо Рич довольно усмехнулся.

— Неужели вы думали, сэр, что почта, отсылаемая и получаемая участниками королевского путешествия, не просматривается? Это было бы до крайности неосмотрительно.

Он вперил в меня взгляд холодных серых глаз.

— Хорошенько запомните все, что я сказал. И остерегайтесь переходить мне дорогу.

С этими словами он резко повернулся и пошел прочь.

— Чего он от вас добивался? — подскочил ко мне Барак.

Я вкратце передал ему свой разговор с Ричем.

— По своему обыкновению, он сыпал угрозами, — завершил я свой рассказ. — Впрочем, на угрозы он не скупился и в прошлом году.

Говорил я нарочито бодрым тоном, однако на сердце стало еще тревожнее. Я прекрасно понимал, что угрозы Рича — это отнюдь не пустой звук.

— Нам нужно немедленно вернуться в Лондон, — с пылом заявил Барак. — И взять с собой Тамазин.

— Мы не можем этого сделать, пока не получим разрешения. Так что все мы в ловушке. Точно мухи в меду.

— Точнее, в дерьме, — угрюмо бросил Барак.

Мы вошли в соборный квартал и направились к дому Джайлса. Дверь открыл сам старый законник. Выглядел он намного лучше, чем вчера; на морщинистых щеках вновь появился румянец. Он провел нас в гостиную. Меджи, сидевшая у очага с шитьем в руках, встала и поклонилась. Хозяин

попросил ее подать гостям вина, а нас пригласил садиться. Сокол, нахохлившийся на своей жердочке, с любопытством поглядывал на нас своим черным глазом-бусинкой.

— Рад, что сегодня вам лучше, сэ, — сказал я.

— Благодарю вас, — с улыбкой откликнулся Джайлс. — Отдых пошел мне на пользу. А снадобье, прописанное доктором Гибсоном, изрядно облегчило боль. Как поживаете, мастер Барак? Удалось вам вчера увидеть короля?

Старик держался со своей обычной непринужденностью и о короле упомянул беззаботным, почти легкомысленным тоном.

— Да, сэ. Я видел, как король въезжал в город. Спору нет, выглядит он внушительно.

Во взгляде, который Барак метнул на Ренна, мелькнуло смущение. Как видно, никогда прежде моему помощнику не доводилось общаться с человеком, медленно умирающим от неизлечимого недуга, догадался я.

— Да, осанка у короля чрезвычайно величественная, — кивнул Джайлс.

Меджи принесла вина и тарелку с печеньем. Я заметил, что она избегает моего взгляда, но никак не мог понять причину этого.

— Превосходное французское вино. Самый подходящий напиток в такое ясное солнечное утро, — изрек Джайлс, отхлебнув из своего бокала. — Угощайтесь, джентльмены. Уверяю вас, это сладкое печенье стоит попробовать. Из конторы лорда-камергера мне уже принесли список просителей, которые будут присутствовать в замке на первом судебном слушании, — сообщил он. — Насколько мне известно, всего слушаний будет два.

— Вы уверены, что завтра сможете председательствовать на слушании? — спросил я.

— Совершенно уверен, — решительно кивнул Джайлс. — К тому же дела, которые нам предстоит разбирать, не требуют особых умственных усилий.

— Но что, если стороны не согласятся с нашим решением?

— Пусть тогда едут в Лондон и попытают счастья в тамошнем суде, — усмехнулся Джайлс. — Впрочем, вряд ли кто-нибудь пожелает поступить подобным образом.

— Тем выше ответственность, которая лежит на нас. Завтра мы предстанем вершителями справедливости.

— Разумеется. Я оставил список просителей на столе в своем кабинете. Там же лежат и сумки с петициями. Быть может, мастер Барак возьмет на себя труд отобрать те прошения, что нам предстоит разбирать завтра.

Полагаю, нам стоит оживить их в памяти.

— Отличная идея, — кивнул я. — Вы согласны, Барак?

Барак с готовностью поднялся со своего места.

— Мой кабинет расположен на первом этаже, рядом с гостиной, — пояснил Джайлс. — И захватите с собой вина. Когда есть чем промочить горло, работа идет веселее.

Едва за Бараксом закрылась дверь, Джайлс повернулся ко мне.

— Насколько я понял, вчера Меджи изменила своей обычной молчаливости и немного рассказала вам о моей ссоре с племянником.

— У вас нет оснований упрекать свою служанку в болтливости. Она упомянула лишь, что ссора вышла из-за политики.

— И все же бедняжка Меджи чувствовала себя виноватой, — грустно улыбнулся Джайлс. — Но если вы, Мэтью, согласны помочь мне, вам лучше узнать все. Хотя, признаюсь, мне до сих пор тяжело вспоминать об этой истории.

— Я все понимаю. Но, Джайлс, вы уверены, что у вас хватит сил для такого длительного путешествия? После недавнего приступа...

Ренн нетерпеливо махнул своей большой рукой; изумруд сверкнул в солнечном свете.

— Я поеду в Лондон во что бы то ни стало, — заявил он с неожиданной резкостью. — Решение принято, и никакие обстоятельства не заставят меня изменить его. Но позвольте рассказать вам о моем племяннике.

— Как вам будет угодно.

— К моей величайшей скорби, все дети, которых Господь послал мне и моей дорогой супруге, умерли в ранние годы, — начал Джайлс. — У жены моей была сестра, Элизабет, которая состояла в браке с человеком по имени Дейкин. То был мелкий клерк, серый и неприметный человечек, лишенный даже намека на честолюбие. Я всегда относился к нему с некоторым пренебрежением. И признаюсь, подчас мне становилось завидно, что сын их вырос высоким и крепким парнем, не знавшим ни единой болезни. Когда юноша достиг соответствующего возраста, он был отправлен на обучение в Грейс-Инн. Разумеется, я снабдил его рекомендательными письмами. Как вы понимаете, мне, бездетному, не составило труда привязаться к племяннику всей душой, — произнес он с грустной улыбкой. — Мартин обладал незаурядным умом и, несмотря на свою молодость, отличался независимостью суждений. Эту черту я особенно в нем ценил, ибо она встречается крайне редко. Вы наделены ею в высокой степени, — добавил старик, указав на меня бокалом.

— Благодарю вас, — со смехом ответил я.

— Однако подчас независимость суждений чревата весьма опасными последствиями, — изрек Джайлс.

— Полностью с вами согласен, — кивнул я.

— Каждый год Мартин приезжал в Йорк, навестить родителей. Здесь, в этой гостиной, мы проводили веселые безмятежные вечера — Мартин, его родители, моя жена и я, — вздохнул Джайлс, обведя комнату глазами. — Ныне все мертвы, за исключением меня и Мартина.

Губы его сжались в тонкую линию.

— Мартин рассказывал мне о Лондоне, о своих товарищах, но ни словом не упоминал о том, что действительно занимало его ум. Девять лет назад, летом тысяча пятьсот тридцать второго года, он снова приехал домой. Король все еще был женат на Катерине Арагонской, но вот уже несколько лет пытался получить у Папы развод и жениться на Анне Болейн. Вся эта история уже подходила к концу. Вскоре, как вы помните, король порвал с Римом, назначил Кранмера архиепископом Кентерберийским и заставил его объявить свой первый брак недействительным.

— Да, я все это прекрасно помню.

— Здесь, на севере, весть о разрыве с Римом повергла всех в ужас. Мы понимали, что теперь, когда королевой стала поборница реформ Анна Болейн, к власти придут еретики, подобные Кромвелю. Так и произошло в действительности.

— В ту пору я тоже был ярым поборником реформ, Джайлс, — не преминул сообщить я. — С Кромвелем я был хорошо знаком еще до того, как он поднялся к вершинам власти.

Джайлс вперил в меня испытующий взгляд. Оказывается, глаза его могли быть чрезвычайно острыми.

— Судя по тому, что вы говорите в прошедшем времени, ныне вы не являетесь ярим поборником реформ? — осведомился он.

— Да, пыл мой изрядно угас. Впрочем, в стан папистов я тоже не переметнулся.

— Что до Мартина, то пыл его казался неугасимым. Никогда прежде не встречал я человека, столь ревностно отстаивающего свои убеждения.

— Так он был реформатором?

— Напротив, папистом. Сторонником королевы Катерины. Разумеется, участь первой супруги короля не могла не возбуждать сочувствия. Она прожила с Генрихом более двадцати лет, неизменно оставаясь его верной и преданной спутницей. И король поступил до крайности жестоко, бросив ее ради Анны Болейн. Однако и я, и мой племянник понимали, что дело тут не

только в новом увлечении Генриха. Королеве Катерине перевалило за сорок, и она более не могла иметь детей. У короля была только дочь, а он жаждал иметь наследника мужского пола. У него оставался один лишь выход — жениться на молодой женщине, способной родить ему сына. Иначе династия Тюдоров кончилась бы с его смертью.

— Да, наследник был ему необходим.

— В то время многие из нас полагали, что лишь от королевы Катерины зависит, сохранится ли в Англии истинная религия, — продолжал Ренн. — Все могло сложиться иначе, если бы она последовала разумному совету Папы и отправилась в монастырь, предоставив королю возможность жениться вновь.

Старый законник сокрушенно покачал головой.

— Но королева была по-женски упряма и недалновидна. Она настаивала на том, что Господь благословил их брак и лишь смерть разлучит ее с Генрихом. А в результате случилось то, чего сама королева опасалась больше всего, — страна оказалась в пучине религиозной розни.

— Да, как это ни парадоксально, именно королева Катерина, рьяная католичка, некоторым образом спровоцировала реформацию.

— Увы, Мартин не видел этого парадокса. Он был неколебимо убежден в том, что король обязан хранить верность Катерине Арагонской. И о своих убеждениях он объявил нам за столом.

Джайлс вновь окинул комнату глазами.

— Признаюсь откровенно, я пришел в ярость. Ведь в отличие от этого юнца я прекрасно понимал, что несговорчивость королевы вынудит ее супруга пойти на разрыв с Римом. Так в конце концов и случилось. Теперь, когда обе королевы, и Катерина Арагонская, и Анна Болейн, мертвы, кажется странным, что мы вели из-за них столь жаркие споры. Но в ту пору мы, сторонники прежней религии, разделились на два лагеря. Люди здравомыслящие, подобно мне, ждали от королевы уступок, а упрямы, подобные Мартину, этих уступок отчаянно не желали. Да, Мэтью, тогда мы наговорили друг другу много неприятных вещей, — признал Ренн, покачав своей львиной головой. — Родители Мартина встали на сторону сына, и это лишь усугубило мой гнев. Я понял, что прежде он не раз обсуждал с ними свои политические взгляды. Мысль о том, что он был столь скрытен со мной, своим покровителем и наставником на стезе закона, была мне чрезвычайно обидна.

В голосе Джайлса послышалась невольная горечь.

— Но почему вы решили, что с родителями он был откровеннее, чем с вами? — спросил я. — Возможно, его родители просто решили поддержать

сына.

— Возможно, — кивнул Джайлс. — Признаюсь, в те минуты я особенно остро осознал, что сам я бездетен, и это привело к тому, что с языка моего сорвались новые резкости. Жена моя подлила масла в огонь, заявив, что полностью согласна со своими родными. Ей не следовало так поступать. По моему разумению, жена должна поддерживать мужа при любых обстоятельствах. Так или иначе, спор наш кончился тем, что я выгнал из своего дома Мартина Дейкина и его родителей.

Я в удивлении взглянул на Джайлса. Трудно было представить, что этот спокойный и уравновешенный человек был способен на вспышку столь необузданного гнева. Впрочем, вполне вероятно, болезнь укротила его нрав.

— С тех пор я ни словом не обмолвился ни с Мартином, ни с его родителями. Бедной моей жене наша ссора доставила много горя. До конца своих дней она так и не простила мне моего жестокого поступка.

Джайлс вновь сокрушенно покачал головой.

— Бедная, бедная моя Сара, как горько я жалею о том, что причинил ей столько огорчений. Три года назад в Йорк пришла чума и унесла мою несчастную жену. Несколько недель спустя родители Мартина последовали за ней. Мартин приехал сюда, дабы устроить похороны, но нелепая гордыня не позволила мне встретиться с ним. Я даже не знаю, женился ли он и есть ли у него дети. Во время нашей ссоры он был еще холост.

— Я понимаю ваши чувства, Джайлс, — заверил я. — И думаю, нечто подобное пережили многие жители Англии. Религиозная рознь расколола немало семей.

— Да, но ныне я обвиняю в случившемся только себя, — проронил старый законник. — Гордыня и упрямство — это тяжкие грехи, а я слишком долго не мог избавиться от их власти. И сейчас у меня осталось лишь одно желание — примириться с Мартином. Спорить нам больше не о чем, — добавил он с невеселым смехом. — В конце концов мы оба проиграли. Победа осталась за Кромвелем и реформаторами.

— Наверное, Джайлс, мне стоит открыть перед вами свои собственные взгляды, — заметил я. — Я более не считаю церковные реформы несомненным благом, но при этом отнюдь не убежден в преимуществах старой религии. Беспощадные фанатики встречаются среди католиков столь же часто, как и среди реформаторов.

— К концу жизни я стал куда снисходительнее относиться к чужим убеждениям, — сказал Джайлс, пристально глядя на меня. — Но сам я по-прежнему крепок в вере. Вера — это то, что необходимо человеку более

всего.

Некоторое время он хранил молчание, потом заметил:

— По слухам, король разочаровался в реформах и не прочь повернуть их вспять. Но я не думаю, что слухи эти соответствуют истине. Будь это так, король прежде всего избавился бы от Кранмера.

— По-моему, король пребывает в постоянных колебаниях, — пожал я плечами. — Он более никому не доверяет и склоняется то к одной, то к другой партии.

— Значит, политика, которую он ведет, зависит лишь от его сиюминутных прихотей?

— Должно быть, он убежден, что все его прихоти внушены ему Господом. Ведь он считает себя исполнителем Божьей воли.

— Как бы ни различались наши взгляды, думаю, в одном мы полностью согласны, — прищурился Джайлс. — Оба мы далеки от мысли, что устами короля вещает Бог.

— Когда мы начинали церковную реформу, мы и думать не думали, что король займет место Папы, — заметил я.

То, что Ренн является убежденным католиком, отнюдь не явилось для меня открытием. Об этом я догадывался по многим признакам. И все же во время нынешнего разговора старый законник открылся для меня с неожиданной стороны. Судя по тому, как сурово он обошелся с родными, не разделявшими его убеждений, прежде он был настоящим деспотом.

«Впрочем, у каждого из нас есть в шкафу свои скелеты», — сказал я себе.

— Что ж, довольно печальных воспоминаний, — со вздохом изрек Джайлс. — Идемте посмотрим, как дела у молодого Барака.

— Джайлс, прежде чем мы завершим этот разговор, я, в свою очередь, хочу вам в кое в чем признаться, — произнес я после недолгого колебания.

— В чем же? — удивленно взглянул на меня старый законник.

— Вчера, когда я смотрел карты в вашей библиотеке...

— Да-да. Удалось вам найти то, что требовалось? Меджи сказала, вы провели в библиотеке несколько часов.

— Я нашел то, что искал, и очень вам благодарен. Кстати, должен сказать, ваше собрание поразило меня своим богатством.

— Я собираю книги и рукописи на протяжении последних пятидесяти лет, — с довольной улыбкой сообщил Джайлс.

— Кстати, вам известно, что в вашем собрании находятся ежегодники, которых нет даже в библиотеках юридических корпораций? Я думал, что они утеряны безвозвратно.

— Неужели?

В глазах старика вспыхнули огоньки детской радости.

— Уверен, Линкольнс-Инн неплохо заплатила бы вам за право снять копии. Но я нашел в вашей библиотеке кое-что не менее интересное. Парламентский акт, который, по моим предположениям, был изъят из всех архивов. Акт этот носит заглавие «Titulus Regulus».

Несколько секунд Джайлс молчал, сверля меня взглядом прищуренных глаз.

— А, вот вы о чем, — проронил он наконец.

— Я хотел узнать, известно ли вам, что вы владеете подобной редкостью?

— Да, конечно. Так вы прочли акт? И что вы о нем думаете?

— То, о чем там говорится, не стало для меня откровением, — пожал я плечами. — До меня и прежде доходили слухи, согласно которым брак короля Эдуарда Четвертого и Элизабет Вудвиль не является законным, ибо прежде король заключил брачный контракт с другой женщиной. Но дело это давнее, и ныне установить истину не представляется возможным. Полагаю, вступив на престол, король Ричард принялся собирать все доказательства того, что пришел к власти на законных основаниях.

— Возможно, — с безразличным видом кивнул Джайлс.

— И все же, если этот документ получит огласку, он способен причинить королю немало неприятных хлопот.

Губы Джайлса тронула едва заметная улыбка.

— Представьте себе, Мэтью, история, связанная с этим актом, происходила на моей памяти, — сказал он. — В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что мне перевалило за семьдесят. В год, когда был опубликован «Titulus Regulus», я изучал закон в Грейс-Инне. А на следующий год люди нового короля явились в корпорацию и забрали все копии. Дабы подвергнуть их уничтожению.

— Джайлс, простите, если мои слова покажутся вам бестактными, но живых свидетелей тех событий ныне осталось немного. А как я уже сказал, для короля весьма нежелательно, чтобы акт этот стал достоянием гласности.

— Копию, которую вы видели, я случайно отыскал десять лет назад, — по-прежнему улыбаясь, сообщил Джайлс. — Как раз тогда реформаторы собирались сжечь книги из библиотеки собора. Некоторые из них мне удалось спасти. К сожалению, мое собрание мало для кого представляет интерес. Раньше Мартин проводил в моей библиотеке немало времени, да иногда кто-нибудь из собратьев-законников заглядывал ко мне, дабы

отыскать нужное постановление. Но, думаю, вы первый, кто оценил мою библиотеку по достоинству. Судя по тому, что вам удалось отыскать этот акт, вы как следует осмотрели все полки. Ведь у меня нет никакого каталога, я все держу у себя в голове. Скажите, вы не рассказали Малевереру о своей находке?

— Разумеется, нет. Но вы должны знать, что такой же документ хранился в шкатулке, и он похищен неизвестным злоумышленником...

— Значит, вы видели еще одну копию акта? — перебил меня Джайлс. — Но что это за шкатулка?

— Более я не имею права ничего вам рассказать. Но поверьте, вы поступите разумно, если избавитесь от этого документа.

— Вы говорите правду, Мэтью? — спросил старик, пристально глядя на меня.

— Поверьте, лишь тревога за вашу безопасность подвигла меня на этот разговор. Неприятности, которые огласка «Titulus Regulus» может причинить королю, мало меня волнуют. Но мне бы не хотелось, чтобы из-за этого проклятого акта пострадали вы или кто-либо другой. В нынешние времена хранение подобной редкости чревато опасными последствиями.

Несколько мгновений старик молча глядел в огонь.

— Полагаю, вы правы, — произнес он наконец. — Мне трудно решиться на то, чтобы расстаться хотя бы с одним экземпляром своей коллекции, ибо она слишком долго тешила мое тщеславие. Но, как видно, это необходимо.

— Надеюсь, это единственный опасный документ, который вы храните?

— Единственный. Сам-то я уже ничего не боюсь. Но, как я понимаю, если «Titulus» обнаружат после моей смерти, у моих душеприказчиков могут возникнуть серьезные проблемы?

— Да, — смущенно кивнул я. — Меджи это тоже принесет немало бед. Ее замучают допросами. Да и более печальный поворот событий тоже весьма вероятен.

— Господи боже, меньше всего на свете я хочу подвергать опасности Меджи. И куда только катится Англия? Хорошо, Мэтью, я последую вашему совету. Прощу, подождите здесь.

Он поднялся с кресла так резко, что покачнулся и схватился за ручку.

— Вам не нужна моя помощь? — вскочив, спросил я.

— Нет-нет. Просто я слишком долго провалялся в постели, и ноги у меня ослабли.

С этими словами Джайлс уверенным шагом направился к дверям и вышел из комнаты. Я подошел к очагу и уставился на пляшущие языки

пламени.

«Любопытно, составил ли Джайлс завещание и к кому перейдет библиотека?» — пронеслось у меня в голове.

Наверное, к племяннику. Но удастся ли нам отыскать Мартина Дейкина в Лондоне? Стряпчий из Грейс-Инна, ярый приверженец консервативных взглядов, в 1536 году он вполне мог принять участие в заговоре Роберта Эска. А если тогда он уцелел, ныне его вполне могли заподозрить в сочувствии к мятежникам.

«Скорее всего, Мартин Дейкин находится сейчас в Тауэре», — вздохнул я про себя.

Как и жених Дженнет Марлин, тоже стряпчий из Грейс-Инна.

Тут вернулся Джайлс. С изумлением я увидел у него в руках увесистый том с пресловутым актом, а также острый нож.

— Вы видите, Мэтью, я полностью вам доверяю, — с грустной улыбкой сказал старый законник.

Положив книгу на стол, он осторожно вырезал несколько страниц и, вздохнув, поднес их к глазам.

— Никогда прежде я не совершал подобного варварства, — пробормотал он.

Затем Ренн подошел к очагу и решительно бросил злополучные страницы в огонь. Вместе мы наблюдали, как старый пергамент вспыхнул и моментально почернел. Сокол тоже с любопытством глядел в огонь, отблески которого играли в его глазках-бусинках.

— Я понимаю, решиться на это вам было тяжело, — проронил я.

— Но я не жалею о содеянном. Вы правы, мы живем в опасные времена. О, взгляните-ка в окно.

Когда я подошел к окну, Джайлс указал мне на низкорослого грузного человека в одеянии священника, который быстро шагал по улице, направляясь к собору.

— Я видел его из окна библиотеки. Знаете, кто это?

— Доктор Ли, настоятель кафедрального собора. В прошлом — уполномоченный Кромвеля, наводивший страх на всю округу. Гроза монастырей.

— И его назначили настоятелем собора? — удивился я.

— Да, чтобы он следил за архиепископом Йоркским. Вы знаете не хуже моего, Мэтью, что сейчас время соглядатаев и осведомителей.

Вновь выглянув в окно, я заметил какую-то женщину, которая, подняв юбки и выставив на всеобщее обозрение стройные лодыжки, со всех ног бежала по узкой улице. Длинные белокурые волосы развевались у нее за

плечами. То была Тамазин.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Через несколько мгновений в дверь постучали, и вскоре Меджи ввела в гостиную запыхавшуюся Тамазин. Девушка, с трудом переводя дух, сделала подобие реверанса.

— Сэр, простите мое вторжение! — выпалила она. — Стражник у ворот сказал мне, что вы отправились в город, и я догадалась, что вы здесь. Вам необходимо безотлагательно вернуться в аббатство. А где Джек?

— В соседней комнате.

Меджи отправилась за Баракком. Джайлс с удовольствием разглядывал девушку, раздумывая от быстрой ходьбы.

— Богом клянусь, ныне при дворе служат прелестные скороходы, — заметил он, скользнув глазами по нарядному зеленому платью и французскому капору Тамазин.

— Боюсь, сегодня нам не удастся просмотреть прошения, — заметил я.

— Ничего страшного. Мы уже знакомы с ними, и, уверен, завтра не возникнет никаких затруднений. Приходите в замок к девяти, и мы начнем слушание.

Джайлс с интересом взглянул на меня.

— Скажите, произошло что-то непредвиденное? Вас срочно требует Малеверер?

— Нет, этот вызов мы как раз предвидели, — буркнул я.

Джайлс воздержался от дальнейших вопросов, кивнул и снова обратил взор на Тамазин. Девушка, польщенная столь откровенным вниманием, зарделась еще сильнее.

— Откуда вы родом, мистрис? — осведомился Джайлс.

— Из Лондона, сэр.

— Как и мастер Барак.

В это мгновение Барак появился в дверях собственной персоной. Он бросил на Тамазин обеспокоенный взгляд.

— Надеюсь завтра увидеть вас обоих, — произнес на прощание Джайлс.

Я извинился за то, что нам приходится покидать его дом в такой спешке, и мы расстались.

— Ради бога, что случилось? — обратился Барак к Тамазин, едва мы оказались на улице.

— Мои худшие опасения подтвердились, — вздохнула девушка. — Я

была в своей комнате, когда туда ворвалась леди Рочфорд, злая как черт. Она приказала мне срочно привести вас, Джек. Сказала, что будет ждать нас в одном из павильонов. Я неслась сломя голову почти всю дорогу.

— Ну, я бы не сказал, что подтвердились мои худшие опасения, — ухмыльнулся Барак, повернувшись ко мне. — Старая мегера хочет всего лишь поговорить с нами. Убивать нас она пока не намерена.

— Ее намерения известны одному богу, — буркнул я. — Или, точнее, дьяволу.

— Сэр, о вас леди Рочфорд не упомянула, — заметила Тамазин. — Она сказала, что хочет поговорить со мной и Джеком.

— Полагаю, леди Рочфорд не будет возражать против моего присутствия, — заявил я непререкаемым тоном. — И возможно, присутствие законника заставит ее обуздать свой пыл и воздержаться от грубостей.

— Вы не знаете леди Рочфорд, сэр, — растерянно пробормотала Тамазин.

Мы вошли в ворота аббатства и направились к павильонам, около которых, кроме стражников, по-прежнему не было ни единого человека.

— Она ждет нас вот здесь, — сказала Тамазин, указав на одно из этих причудливых сооружений.

Башни, стоявшие по обеим сторонам арки, казалось, были сложены из кирпича; лишь подойдя к ним вплотную, можно было разглядеть, что на самом деле они деревянные и кирпичная кладка — не что иное, как чрезвычайно искусная роспись. Стражники у входа скрестили пики, преграждая нам путь.

— У нас назначена встреча с леди Рочфорд, — сказал я.

— Ее светлость велела нам пропустить только молодого человека и девушку, — заявил один из стражников, окинув нас взглядом.

— Обстоятельства изменились, — бросил я.

Стражник по-прежнему буравил меня глазами; я вспомнил, что на поясе, в нарушение королевского приказа, висит кинжал, и невольно поежился. Но солдат кивнул, как видно, решив, что моя персона не представляет опасности.

— Вторая дверь налево, — сообщил он.

Затем он и его товарищ убрали пики, и мы вошли в павильон. Мною овладел приступ внезапного страха. Что, если за покушениями на мою жизнь действительно стояла леди Рочфорд? Что, если сейчас она намерена убить нас? Подобные опасения смешны, оборвал я сам себя. Солдаты видели, как мы входили в павильон. Они знают, что нас ожидает леди

Рочфорд. Задумай она избавиться от опасных свидетелей, ей не избежать разоблачения.

Внутренний двор, в котором мы оказались, был сплошь выложен мрамором, стены, испускавшие запах свежего дерева, тоже расписаны под мрамор. Дверей здесь оказалось множество, и около каждой стоял стражник.

— Леди Рочфорд выбрала не слишком подходящее место для встречи, — прошептал я на ухо Тамазин. — Наверняка стражники сочтут наше появление странным.

— Леди Рочфорд известна своими странностями, — пожала плечами девушка. — К тому же до прибытия шотландского короля павильоны все равно пусты. И стражники озабочены лишь тем, чтобы охранять их от слуг, которые могут позариться на дорогую утварь и гобелены.

Мы вошли в дверь, о которой упомянул караульный, миновали холл и оказались в просторном зале, украшенном восхитительными гобеленами. Я скользнул взглядом по буфету, на котором сверкали золотые тарелки, по двум огромным резным креслам с подушками из малинового бархата. Судя по всему, именно здесь будет происходить встреча королей, отметил я про себя.

Стражник распахнул перед нами очередную дверь. Мы оказались в комнате гораздо меньшего размера. Мебели там не было, но стены покрывали редкой красоты гобелены, на которых была представлена жизнь Иоанна Крестителя. В дальнем конце комнаты стояла леди Рочфорд, облаченная в ярко-красное платье с чрезвычайно глубоким вырезом. Обнаженная грудь знатной дамы, подобно ее щекам и шее, была густо набелена. Голову венчало нечто французское, расшитое жемчугом. Лицо, и без того отнюдь не приветливое, приняло до крайности свирепое выражение, когда она увидела меня.

— Как вы посмели привести сюда этого стряпчего? — надменно процедила леди. — Клянусь богом, мистрис Ридбурн, если вы замыслили подстроить с его помощью какую-то каверзу, пеняйте на себя.

Столь суровый прием немало меня смутил, однако я счел за благо не выказывать этого.

— Мое имя Мэтью Шардлейк, миледи, — произнес я, отвесив низкий поклон. — Мастер Барак служит у меня клерком. Он и мистрис Ридбурн пользуются моим покровительством. Должен вам сообщить, что мне известны события прошлой ночи.

Леди Рочфорд, не удостоив меня взглядом, сделала несколько шагов по направлению к Тамазин. Грудь ее тяжело вздымалась от гнева. Я испугался,

что она сейчас ударит девушку.

— Кому еще ты рассказала, мерзавка? — прошипела она. — Отвечай, кому?

Внезапно я догадался, что леди Рочфорд испугана не меньше нашего.

— Никому, миледи, — едва слышно пролепетала Тамазин.

Леди Рочфорд скользнула по мне злобным взглядом, потом обернулась к Бараку.

— У вас на редкость странное имя, — растерянно пробормотала она. — Вы англичанин?

— Англичанин от макушки до пяток, миледи, — отчеканил Барак.

Леди Рочфорд снова обожгла глазами Тамазин. Казалось, вся ее ярость сосредоточилась именно на девушке. Это было вполне объяснимо, учитывая, что Тамазин, простая служанка, полностью находилась в ее власти.

— Отвечай, что ты вчера видела, дрянь? — процедила леди. — Точнее, что тебе померещилось? Тебе и этому шалопаю, с которым ты завела шашни.

— Я видела мастера Калпепера, миледи. — Голос Тамазин дрожал, но говорила она четко и ясно. — Он стоял у дверей в кухню королевы. Сама королева стояла в дверях, а вы — рядом с ней. Мне показалось, королева и мастер Калпепер прощаются.

Леди Рочфорд разразилась фальшивым смехом.

— Ты и твой ухажер, вы оба выжили из ума! — заявила она. — К вашему сведению, мастер Калпепер приходил в королевский особняк, чтобы увидеться со мной. Когда мы прощались, королева услышала наши голоса и спустилась вниз посмотреть, что происходит. У этого юного наглеца Калпепера хватает самонадеянности за мной ухаживать. Разумеется, я устроила мальчишке нагоняй.

Тамазин молчала, не зная, как ответить на столь откровенную чушь.

— Королева не имеет к этому никакого отношения, — возвысила голос леди Рочфорд. — Ровным счетом никакого отношения. И всякий, кто дерзнет утверждать обратное, навлечет на себя гнев короля. Советую вам всем хорошенько это запомнить.

— Да, вне всякого сомнения, король придет в величайший гнев, узнав, что королеву видели ночью в обществе известного придворного повесы, — подал голос я. — Даже если предметом домогательств Калпепера являлась отнюдь не королева, подобная ночная встреча выходит далеко за рамки приличий.

Щеки и грудь леди Рочфорд побагровели под слоем белил, глаза метали

молнии.

— Насколько я понимаю, вы тот самый горбун, над которым король изволил подшутить в Фулфорде, — прошипела она. — Что это вы себе позволяете, гнусный крючоктвор? Похоже, вы решили отомстить королю за то, что он прошелся насчет вашей горбатой спины?

— Вы заблуждаетесь относительно моих намерений, миледи, — отчеканил я. — Я всего лишь хочу защитить этих молодых людей.

— О намерениях стряпчих нетрудно догадаться, — презрительно прищуриив глаза, бросила леди Рочфорд. — Все вы хотите одного — денег. Отвечайте, во сколько вы оцениваете молчание — свое и этих двоих?

— Вы вновь заблуждаетесь, миледи. Меня заботит лишь сохранность моей собственной жизни. А также жизни моего клерка и этой девушки.

— Что вы имеете в виду? — грозно сдвинула брови леди Рочфорд. — С чего вы взяли, что вам угрожает опасность?

— Люди, которые имели несчастье узнать чужие тайны, имеют веские основания опасаться за свою жизнь. В силу своего ремесла мне нередко приходится сталкиваться со всякого рода злодеяниями, и потому я знаю, что говорю.

Глаза леди Рочфорд по-прежнему полыхали злобой, однако она решила изменить тактику и растянула губы в улыбке.

— Но вы напрасно вообразили, что стали свидетелем чужой тайны, сэръ, — заявила она нарочито беззаботным тоном. — Королева всего лишь позволила себе немного поболтать с другом детства. Она еще совсем дитя, и это путешествие с его длинными церемониями и бесконечными переездами по грязным дорогам изрядно ее утомило. Ей необходимо немного развлечься. Уверена, король не стал бы возражать против столь невинных бесед. Но, как известно, придворные сплетники все видят в извращенном свете, и потому королева предпочитает видеться с друзьями под покровом ночи. И разумеется, ей не хотелось бы, чтобы эти встречи получили огласку.

— Пусть королева развлекается, как ей угодно, — ответил я, про себя удивляясь быстроте, с которой леди Рочфорд отбросила первую версию произошедшего. — Все мы не имеем привычки распускать сплетни и хотим лишь одного — как можно скорее вернуться в Лондон и забыть об этом утомительном путешествии.

— Значит, вы будете молчать? — спросила леди Рочфорд, и во взоре ее вновь вспыхнули надменные огоньки. — Держите язык за зубами, и, обещаю, никто вас не тронет.

— Мы будем немые как рыбы, — заверил Барак, а Тамазин молча

кивнула.

Леди Рочфорд обвела нас всех довольным взглядом.

— Хранить молчание — в ваших интересах, — произнесла она с прежним высокомерием. — В конце концов, всякий спросит, что клерк и служанка делали во дворе ночью. Вам, мистрис Ридбурн, следовало находиться в своей комнате. Мистрис Марлин излишне к вам снисходительна. Не забывайте, если я того захочу, вы быстро лишитесь своего места. Да и мистрис Марлин тоже.

— У мистрис Ридбурн отличная память, — заверил я. — Она не забудет вашего предостережения. Кстати, о мистрис Марлин. Ей известно о том, что случилось прошлой ночью?

— Разумеется, нет, — с нарочитым смехом ответила леди Рочфорд. — Кто будет пускаться в откровенности с этой сухой жердиной? Нет, кроме вас троих, об этом никто не знает. И, если вы будете благоразумны, никогда не узнает.

— Мы дали обещание и намерены его сдержать, — произнес я. — Надеюсь, вы тоже сдержите свое. Впрочем, как законник, я должен вас предупредить, что приму необходимые меры предосторожности.

В глазах леди Рочфорд вновь вспыхнул затаенный страх.

— Какие еще меры предосторожности? Вы обещали, что о случившемся никто не узнает.

— Я не нарушу своего обещания, если, на случай своей внезапной смерти, оставлю письмо, в котором изложу все известные нам обстоятельства.

— Нет! — возопила леди Рочфорд. — Никаких писем! Если только все это выйдет наружу... Неужели вы воображаете, будто я причиню вам вред? Не думала, что вы настолько глупы! Даже если королева дала бы приказ избавиться от вас — чего она по своей доброте никогда не сделает, — насильственная смерть всегда возбуждает слишком много подозрений, которые нам совершенно ни к чему!

Несколько мгновений леди Рочфорд молчала, содрогаясь всем телом.

— Я хочу лишь, чтобы вы молчали, молчали, молчали! — сорвалась она на крик.

— Миледи, вам самой не мешало бы замолчать или, по крайней мере, говорить тише, — заметил я. — В противном случае стражник, который, вероятно, подслушивает у дверей, будет слишком хорошо осведомлен о предмете нашей беседы.

Леди Рочфорд зажала рот руками.

— Да-да, — растерянно пробормотала она.

Ее взгляд, устремленный на дверь, был полон такого откровенного ужаса, что на секунду мне стало жаль эту женщину.

— Нам всем следует проявлять сдержанность и осмотрительность, — назидательно изрек я.

— Вы производите впечатление человека, достойного доверия, — заявила леди Рочфорд, вперив в меня взгляд.

— Благодарю за лестные слова, — ответил я, склонив голову. — Если вы не возражаете, мы вас оставим.

Я выжидающе посмотрел на леди Рочфорд, но она лишь кивнула и отвернулась.

Мы с Баракком поклонились, Тамазин сделала реверанс, и мы вышли из комнаты.

По непроницаемому лицу стражника трудно было судить, слышал ли он что-нибудь. Никто из нас не произнес ни единого слова, пока мы не оказались за пределами павильона, на лужайке перед королевским особняком. Тут я прислонился к какой-то повозке, вытащил из кармана платок и вытер испарину со лба.

— Благодарю вас, сэр, — прошептала Тамазин. — Если бы не вы, я умерла бы со страха.

— Да, выдержались молодцом, — подхватил Барак. — Заставили старую каргу поджать хвост.

— Мне приходится иметь дело с судьями, а манеры у них ничуть не лучше, чем у леди Рочфорд, — усмехнулся я. — Но, честно вам признаюсь, разговор этот дался мне нелегко.

И в самом деле, голова слегка кружилась, а сердце словно хотело выскочить из груди.

— Вы хорошо себя чувствуете, сэр? — обеспокоенно спросила Тамазин. — Вы бледны как мел.

— Дайте мне немного прийти в себя.

Я перевел дух и потряс головой.

— В последние дни я ощущаю себя человеком, оказавшимся в утлой лодчонке в открытом море. Огромные волны накатываются одна за другой, бросают мое жалкое суденышко из стороны в сторону, и одному богу известно, чем все это кончится.

— Ох, как бы мне хотелось оказаться на настоящей лодке, точнее, на корабле, — вздохнул Барак. — На корабле, который доставит нас в Лондон.

— Надеюсь, вскоре ваше желание исполнится. Кстати, вы заметили, что леди Рочфорд перепугалась не на шутку? Похоже, между королевой и Калпепером действительно что-то есть. Или старая интриганка боится

утратить свое положение?

— Кто ее знает, — пожала плечами Тамазин. — Одно могу сказать: по слухам, Калпепер и Франциск Дерем на дух не переносят друг друга.

— Да, Дерем тоже имеет честь быть другом детства королевы, — задумчиво пробормотал я.

— Но как они отважились на подобный риск? — недоуменно спросил Барак. — Похоже, все они лишились рассудка: и Калпепер, и королева, и леди Рочфорд.

— Леди Рочфорд производит впечатление до крайности взбалмошной особы, способной на любые безрассудства. Что до Калпепера... Судя по всему, он из тех, кто привык идти на поводу у своих желаний.

— Наглый расфуфыренный петух, — с отвращением бросила Тамазин.

Я вспомнил, что, по рассказам Барака, Калпепер пытался флиртовать с хорошенькой служанкой.

— Королева Кэтрин, конечно, еще совсем девочка, — добавила Тамазин. — Но все же она не настолько глупа, чтобы запасть на Калпепера.

— Ну, и что мы будем делать? — обратился ко мне Барак. — Будем молчать, как обещали старой мегере? Или расскажем обо всем Малеввереру?

— Будем молчать. Я привык выполнять свои обещания. К тому же я не думаю, что леди Рочфорд имеет отношение к истории с похищенными документами. Скорее всего, она даже не знает об их существовании.

— Знаете, я тут попыталась расспросить слуг о Калпепере, — сообщила Тамазин. — Выяснилось, что при дворе он уже четыре года. Родом он из Гудхерста, это в Кенте. Иногда ездит домой навестить родных.

— Я вам очень признателен, Тамазин, — улыбнулся я, стараясь не показать, как заинтересовало меня это известие.

— А теперь я должна идти. Наверняка мистрис Марлин давным-давно меня хватилась.

Тамазин сделала нам реверанс и поспешила в дом.

— Девушка отлично держится, — заметил я, обернувшись к Барaku.

— На самом деле она совсем извелась от страха, только не подает виду, — буркнул он. — Знаете, что она сказала вчера? Вот бы, говорит, узнать наконец, кто он, мой отец. Вдруг он и в самом деле важная персона. Тогда нам было бы у кого искать защиты. Я ей на это ответил: будь он хоть самая крупная шишка, против короля он никто. А передряга, в которую мы вляпались, имеет к королю прямое касательство. Бедная Тэмми! На редкость разумная девчонка, но на своем неведомом папаше совсем свихнулась.

— Да, и как мы с вами уже решили, все ее предположения построены на весьма зыбкой почве, — кивнул я. — Кстати, весьма любопытно, что Калпепер, как выяснилось, родом из Кента. Хотел бы я знать, где он расположен, этот Гудхерст? Вдруг рядом с деревенькой под названием Брейбурн?

— От Кента до Йорка путь неблизкий, — равнодушно промолвил Барак. — Но сюда идет человек, который его проделал, — добавил он, заметив кого-то у меня за спиной.

Я обернулся и увидел сержанта Ликона, торопливо шагавшего к нам. Судя по встревоженному лицу молодого солдата, он нес дурную весть.

— Господи боже, какие еще беды на наши головы? — пробормотал я себе под нос.

Приблизившись, сержант приветствовал нас салютом. Как и во время нашей прошлой встречи в трапезной, держался он холодно и отстраненно.

— Я везде вас ищу, мастер Шардлейк, — произнес он. — Сэр Уильям Малевверер желает немедленно вас видеть. Сейчас он в камере сэра Эдварда Бродерика.

— А что случилось с Бродериком? — спросил я, предчувствуя недоброе.

События минувшей ночи заставили меня позабыть о собственных обязанностях по отношению к заключенному.

— На его жизнь совершено еще одно покушение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Приказав Бараку ждать меня в нашем временном жилище, я вслед за Ликоном двинулся к зданию, в котором поместили узника.

— Как это произошло? — спросил я, едва поспевая за сержантом.

— Редвинтер воспользовался разрешением сэра Уильяма и вышел из камеры, чтобы немного размяться, — не замедляя шага, ответил Ликон. — Незадолго до этого арестант поел под его наблюдением. А минут десять спустя после ухода Редвинтера стражники услышали какой-то странный звук и догадались, что арестанта рвет. Они вбежали в камеру и обнаружили его на полу в луже блевотины. Бедняга едва дышал. Солдаты позвали меня. Я приказал немедленно принести пива и соли, смешал их и заставил арестанта выпить. При отравлениях это первейшее средство. Потом я послал за доктором Гибсоном. Сейчас он у заключенного. Сэр Уильям Малеверер тоже там. Он просто рвет и мечет.

— Вы поступили чрезвычайно разумно, сержант.

Ликон промолчал. Про себя я вновь отметил, что по какой-то неведомой причине от прежней его приветливости не осталось и следа.

Мы миновали длинный коридор, шаги наши гулко отдавались по каменным плитам. Дверь в камеру Бродерика была открыта нараспашку, и оттуда доносился кислый запах рвоты. Несмотря на зловоние, в камере было полно народу. Двое солдат, стоя у постели Бродерика, поддерживали его в сидячем положении. Заключенный был смертельно бледен и, похоже, плохо понимал, что с ним происходит. Один из солдат открыл ему рот, давая доктору Гибсону возможность влить туда какого-то снадобья. Редвинтер понуро стоял в стороне. В глазах его, помимо злобы, я заметил отблески еще какого-то чувства. Возможно, то была растерянность. Малеверер, скрестив руки на груди, грозно хмурился. Он бросил на меня взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

— Где вас черти носили? — процедил он.

— Я... я навещал мастера Ренна, сэр Уильям.

— Выйдем отсюда, — приказал Малеверер.

Редвинтер последовал было за нами, но Малеверер обернулся и рявкнул:

— А вы оставайтесь на месте! Арестанта вновь пытались убить, — бросил он, когда мы оказались в коридоре.

— Отравление?

— Редвинтер клянется, что лично надзирал за приготовлением пищи, сам принес ее заключенному и не сводил с него глаз, пока тот ел. А через десять минут Бродерик в корчах свалился на пол. Если Редвинтер не лжет, у злоумышленников не было никакой возможности подсыпать арестанту яд. Слова Редвинтера подтверждает сержант Ликон. Но в таком случае арестанта мог отравить один-единственный человек, — отчеканил он, многозначительно поджав губы. — И человек этот — сам Редвинтер.

— Но зачем ему это делать, сэр Уильям? К тому же он не мог не понимать, что, поступая подобным образом, подставляет себя под удар.

— Его соображения мне не известны, — процедил Малеверер, явно сознававший, как неубедительны его обвинения. — Мне известны лишь факты.

— Наверняка возможность подсыпать заключенному яд была у кого-то еще. Кто знает, что Бродерик находится в аббатстве?

— Всего несколько человек, — злобно тряхнув головой, буркнул Малеверер. — Но, вполне вероятно, они оказались слишком болтливы. Сейчас ни на кого нельзя полагаться.

— По словам сержанта Ликона, Редвинтер вышел из камеры, как только заключенный закончил свой обед, — сказал я. — Он отправился размять ноги. Что, если злоумышленник проник в камеру в его отсутствие?

— А как, скажите на милость, он проскользнул мимо караульных? — проворчал Малеверер. — И каким образом заставил Бродерика проглотить яд?

— Может быть, заставляя не потребовалось, — предположил я. — Вполне вероятно, Бродерик сам хотел умереть и с готовностью принял принесенную отраву.

Шум, донесшийся из камеры, заставил Малеверера обратить взор к дверям. Громко звеня цепями, которыми были скованы лодыжки арестанта, солдаты подняли его, усадили в кресло Редвинтера и вынесли в коридор. Вслед за ними вышел доктор Гибсон. Рубашку лекаря покрывали пятна, лицо побагровело от волнения.

— Там слишком темно, и я не могу осмотреть больного как следует, — пояснил он.

Я принялся разглядывать Бродерика. Он был бледен, как мертвец, дышал тяжело и прерывисто. Однако глаза оставались открыты, и в какое-то мгновение я поймал на себе его укоряющий взгляд.

Малеверер подозвал сюда тюремщика.

— Я только что сказал мастеру Шардлейку, что у меня есть весьма серьезные подозрения на ваш счет, — изрек он. — Кроме вас, никто не мог

отравить заключенного.

Редвинтер метнул на меня взгляд, исполненный жгучей ненависти.

— Уверен, мастер Шардлейк постарался всячески укрепить вас в этом мнении, — процедил он сквозь зубы.

— Ошибаетесь, — бросил Малеверер. — Мастер Шардлейк со мной не согласен.

Слова эти явно стали для Редвинтера полной неожиданностью. Он в замешательстве переводил глаза от меня на Малеверера.

— Клянусь, я не давал ему яд, — заявил он наконец. — Не понимаю, почему я заслужил подобные подозрения?

— Не смейте распускать язык передо мной, вы, гнусный недоумок! — рявкнул Малеверер и сделал угрожающее движение по направлению к тюремщику.

Тот подался назад, и я впервые увидел, как в ледяных глазах Редвинтера заметались огоньки страха.

— Клянусь, сэр Уильям, я ни в чем не виноват, — понурившись, пробормотал он.

Лекарь меж тем влил в глотку Бродерика очередную порцию соленого пива, и того вновь вырвало. Тонкая струйка желтой жидкости стекала у него по подбородку.

— Он вне опасности? — обратился Малеверер к лекарю.

— По крайней мере, я вывел весь яд из его желудка. Хорошо, что солдат, который его обнаружил, догадался сразу вызвать рвоту.

— Можно мне осмотреть камеру? — обратился я к Малевереру.

— Зачем?

— Сам не знаю. Но если признаки отравления появились у Бродерика спустя десять минут после того, как мастер Редвинтер вышел из камеры, возможно, заключенный принял яд сам.

— Где он мог взять яд? — взревел тюремщик. — Я осматриваю камеру каждый день! В ней невозможно ничего спрятать!

— Осматривайте, если хотите, — устало кивнул Малеверер.

Я вошел в пустую камеру. На каменном полу не удалось обнаружить ничего, кроме пятен рвоты. Я прошелся по камере взад-вперед, надеясь, что взор мой наткнется на какой-нибудь необычный предмет. Малеверер и Редвинтер, подобно двум огромным воронам, не сводили с меня глаз.

Деревянные миска и чашка, которыми пользовался Бродерик, были пусты. Скорее всего, доктор Гибсон уже забрал статки пищи, дабы подвергнуть их исследованию. Всю обстановку камеры составляли кровать, табуретка и пустой ночной горшок. Я сбросил с кровати перепачканные

рвотой одеяла и принялся ощупывать соломенный тюфяк.

Вдруг я заметил, что между стеной и кроватью что-то белеет. Мгновение спустя находка была у меня в руках.

— Что это? — раздался за спиной голос Малевверера.

— Носовой платок.

К моему удивлению, то был женский носовой платок, сложенный вчетверо. Судя по украшавшим его кружевам, он явно принадлежал леди.

— И все? — разочарованно протянул Малевверер.

На ощупь платок оказался до странности жестким, к тому же его покрывали темные пятна. Я вытащил из кармана свой собственный платок, расстелил на кровати и сверху положил находку.

— Сейчас посмотрим, что там такое, — тихо произнес я и, осторожно взяв свой платок за уголки, направился к дверям.

Свободной рукой я по пути прихватил табуретку. Бродерик, впавший в забытье, распростерся в кресле. Доктор Гибсон склонился над ним. Отойдя от них на несколько шагов, я поставил табуретку на пол и развернул на ней свой носовой платок. Все мы — я, Малевверер и Редвинтер — устремили взгляды на маленький белый квадратик.

— Эка невидаль! — разочарованно проворчал Малевверер. — Видно, какая-то шлюха подарила этому болвану платок на память, и он любовался им на досуге!

— У заключенного не было никакого платка, — озадаченно нахмурил лоб, пробормотал Редвинтер. — Его самым тщательным образом обыскивали два раза: сначала в замке, сразу после ареста, затем здесь. Никаких сувениров вроде этого платка ему бы не оставили. Посетителей к нему не допускали. И уж конечно, среди тех, кто заходил в камеру, не было женщин.

Я нагнулся ниже, разглядывая пятна, покрывавшие платок.

— Вы говорите, когда заключенного перевезли сюда из замка, его обыскали вновь? — обратился я к Редвинтеру.

— Да. Заставили раздеться донага и осмотрели все его вещи.

— Однако оставалось одно место, где он мог спрятать платок, — сказал я, указав на темные пятна.

На несколько мгновений воцарилось молчание, потом Малевверер недоверчиво расхохотался.

— Вы хотите сказать, что этот парень спрятал подарок своей возлюбленной себе в задницу? — пророкотал он.

— Именно так он и поступил, — кивнул я. — Только, полагаю, его возлюбленная, если таковая имеется, тут ни при чем. Он использовал

дамский носовой платок лишь потому, что тот меньше и тоньше мужского.

— И зачем ему это понадобилось?

— В платке что-то было.

Мне не хотелось прикасаться к этому кусочку ткани, но все же я взял его за уголок и осторожно развернул. К моему великому разочарованию, там ничего не оказалось. Я наклонился еще ниже и принюхался, почти касаясь платка носом. От ткани исходил едва ощутимый запах, чрезвычайно неприятный, но отличавшийся от запаха испражнений. Я нахмурился, пытаюсь припомнить, где и при каких обстоятельствах я ощущал этот гнилостный аромат. Вне сомнения, это было совсем недавно. Да, конечно, запах этот исходил от забинтованной ноги короля во время злополучной церемонии в Фулфорде.

— Что вы там вынюхиваете, стряпчий? — сердито спросил Малеверер. — Может, вы еще попробуете эту гадость на вкус?

— Сэр Уильям, нам необходимо позвать доктора Гибсона.

Малеверер сделал лекарю знак подойти. Я поделился с ним своими предположениями. Доктор Гибсон с неохотой склонился над платком.

— Что вы скажете об этом запахе, сэр? — нетерпеливо спросил я. — Это запах яда?

— Бог свидетель, этот запах знаком мне слишком хорошо, — грустно усмехнулся лекарь. — Это запах разложения и смерти. Я часто...

— Так существует яд с таким запахом? — перебил Малеверер.

— Если и существует, мне он не известен.

— Ядов на свете множество, и, скорее всего, один из них хранился в этом проклятом платке, — заявил Малеверер, и глаза его довольно блеснули. — Заключение спрятал его в самом надежном месте, выжидая случая пустить в ход. Наконец случай этот подвернулся, и он отравил себя, дабы избежать пыток, которые ожидают его в Лондоне.

Он метнул взгляд на Бродерика, который по-прежнему не подавал признаков жизни.

— Богом клянусь, у этого малого были причины поторопить собственную смерть.

— Да, но кто принес ему яд? — возразил Редвинтер. — Как я уже сказал, все то время, что он провел в заточении, к нему не допускали посетителей.

— Что, даже священник его не навещал?

— Нет. Из Лондона поступил приказ, согласно которому ни один человек, помимо охраны, не должен видеть заключенного. Я следовал этому распоряжению неукоснительно. Захватить платок с ядом из дома он

тоже не мог. Его арестовали ночью и доставили в замок в одной ночной рубашке. Одежду принесли позднее и тщательно обыскали, прежде чем ему передать.

— Но так или иначе, яд оказался в распоряжении Бродерика, — покачал я головой. — Первый раз он пытался отравить себя еще в замке. Попытка окончилась неудачей, однако ему удалось нас перехитрить и спрятать остатки яда. Сегодня он снова попытался покончить с жизнью. Яд подействовал так быстро, что Бродерик не смог спрятать платок в обычное место. Он лишь успел сунуть его в щель между стеной и кроватью.

— И его вновь постигла неудача, — добавил доктор Гибсон. — Сержант вовремя дал рвотное.

Малеверер опять посмотрел на беспомощно распростертое в кресле тело.

— Значит, никакого злоумышленника на самом деле не было, — проворчал он.

— Да, — кивнул я. — Никто не посягал на жизнь Бродерика, кроме него самого.

— Да, но ведь кто-то принес ему яд, — буркнул Малеверер и вновь грозно зыркнул на Редвинтера. — И этот «кто-то» ухитрился проскользнуть мимо вас. А может, он воспользовался вашими услугами?

— Клянусь, я ничего не передавал заключенному и никого не допускал к нему, — дрогнувшим голосом заявил Редвинтер.

— И все же из-за вашей неосмотрительности он едва не отправился на тот свет, — произнес Малеверер. — До тех пор пока дело не будет раскрыто, я освобождаю вас от обязанностей надзирателя. Сержант Ликон! — гаркнул он.

Молодой солдат незамедлительно явился на зов.

— Отныне вы несете ответственность за арестанта, — изрек Малеверер. — Я приказываю вам постоянно находиться здесь и не спускать с него глаз. Редвинтер, отдайте ему ключи.

Несколько мгновений Редвинтер колебался, однако счел за благо не перечить разгневанному вельможе. Дрожащей рукой он достал из кармана ключи и передал Ликону.

Бродерик тем временем начал приходить в себя: он застонал и пошевелился.

— Сэр, но у меня нет опыта... — растерянно пробормотал Ликон.

— Мастер Шардлейк поможет вам разрешить все затруднения, — отрезал Малеверер. — Доктор Гибсон, возьмите этот платок и тщательно исследуйте его. Мне необходимо узнать, что за яд там находился. А вы,

ротозей, следуйте за мной, — бросил он, обернувшись к Редвинтеру. — Вас поместят под стражу, мастер Редвинтер. До той поры, пока невиновность ваша не будет доказана.

Тюремщик обжег меня ненавидящим взглядом, словно именно во мне видел виновника всех своих злоключений. Он явно хотел что-то сказать и уже открыл было рот, но солдаты окружили его с обеих сторон, увлекая вслед за Малевверером. Когда все они вышли из коридора, я перевел дух и повернулся к сержанту Ликону:

— Я полагаю, сержант, заключенного лучше вернуть в камеру.

Солдаты перенесли Бродерика. Тот открыл глаза и устремил на меня мутный взор.

— Итак, вы пытались лишиться себя жизни, — сказал я.

— Только не говорите мне, что это великий грех, — хрипло прошептал заключенный. — Я все равно обречен на смерть и хотел лишь, чтобы она была менее мучительной. Но видно, мне предстоит пройти весь путь до конца.

— Кто принес вам яд? — спросил я.

— Король-еретик, кто же еще, — усмехнулся Бродерик. Приступ мучительного кашля заставил его согнуться пополам.

Смущенное покашливание сержанта, раздавшееся за моей спиной, заставило меня вздрогнуть.

— Сэр, что я должен делать? — растерянно спросил Ликон. — Я совершенно не знаком с правилами...

Я объяснил ему, что отныне он лично должен следить за приготовлением пищи для заключенного, а также надзирать за тем, как Бродерик ест.

— Полагаю, сэр Уильям найдет время, чтобы дать вам более подробные указания, — сказал я наконец. — Да, и еще одно. Вы не должны вступать с заключенным в разговоры и позволять солдатам беседовать с ним. В Лондоне ему предоставят возможность наговориться вволю.

— Вы думаете, его отравил тюремщик? — спросил Ликон, пристально глядя на меня.

— Все может быть. Но мне кажется, тюремщик тут ни при чем.

— Мне доводилось слышать немало рассказов о пытках, которыми славятся палачи в Тауэре. Если хоть половина этих рассказов — правда, я понимаю, почему Бродерик хочет ускорить свой конец.

— Тем не менее вы должны сделать все, чтобы он не смог осуществить это желание. А я займусь расследованием и попытаюсь выяснить, что к чему.

— По моему разумению, от всех этих расследований мало толку, — неожиданно резко заявил сержант. — Зачастую они лишь запутывают дело, а вовсе не вносят в него ясность.

— Что вы имеете в виду?

Ликон молчал, явно пребывая в замешательстве.

— Помните, я рассказывал вам о земельной тяжбе, в которую втянули моих родителей? — сказал он наконец.

— Помню.

— Несколько дней назад я получил из дома письмо. Исход дела зависел от того, сумеют ли мои родные доказать, что земли, на которых семья наша хозяйствует с незапамятных времен, были ей подарены местным монастырем. Похоже, доказательства отыскались.

— Так, значит, вас можно поздравить с хорошей новостью?

— Да уж чего там хорошего, — покачал головой сержант. — Выяснилось, что четыре года назад монастырские земли и владения лорда были размежеваны вновь. И ферма моих родителей оказалась на участке, который принадлежит лорду. Тогда, четыре года назад, из Лондона нарочно вызвали стряпчего, чтобы он определил границы по закону.

Сержант набрал в грудь побольше воздуха и заявил, взглянув мне прямо в глаза:

— Этим стряпчим были вы, сэр. Мой дядя, тот, что умеет читать, ездил в Эшфорд и видел там документы за вашей подписью.

— Да неужели, — растерянно пробормотал я. — Я прекрасно помню то дело, но...

— Я так полагаю, вы сделали все по закону, — вздохнул Ликон. — Справедливо разделили земли между лордом и тем человеком, что купил монастырские владения. А родители мои в результате лишились своего клочка.

Я молчал, не зная, что ответить.

— Э, да что тут говорить, — с горечью махнул рукой сержант. — Не родился еще тот стряпчий, которого заботит участь бедняков.

Он повернулся и зашел в камеру, оставив меня в одиночестве.

Полчаса спустя мы с Бараком сидели на нашей любимой скамье под буком. То было уютное местечко, откуда открывался хороший вид на аббатство. День клонился к вечеру; порывы разыгравшегося холодного ветра заставляли нас зябко кутаться в плащи. Желтые листья беспрестанно кружились над головами; земля вокруг скамейки была покрыта ими, как ковром.

— А осень в этих местах холодная, — заметил Джек. — Похоже, в день

приезда короля природа улыбнулась последний раз.

— Да, — безучастно проронил я, уставившись на шпиль церковной башни.

— Все пытаетесь решить, кто же принес Бродерику яд?

Я уже успел рассказать ему о последних тревожных событиях.

— Ответить на этот вопрос необходимо. Завтра я непременно побываю в замке, осмотрю камеру, в которой содержался Бродерик.

— Там сейчас заключен бедняга повар.

— Надеюсь, его отпустят. Ведь мы точно знаем, что ни он, ни его страпня совершенно не причастны к отравлению.

— А все благодаря вашей сообразительности, — провозгласил Барак. — Малевверер должен быть вам признателен.

— Ну, вряд ли этот человек знает, что такое признательность, — усмехнулся я. — Тем более мне так и не удалось связать все нити воедино. Несмотря на все усилия.

— Я тоже только и делаю, что ломаю голову над этими загадками. Она уже и болеть начала с непривычки.

— Давайте думать вместе. Предположим, отравление Бродерика не имеет отношения к другим преступлениям — к убийству Олдройда, похищению документов и двум нападениям на меня.

— Вы и правда думаете, тут нет никакой связи?

— Возможно — нет, возможно — есть. Давайте сначала рассмотрим первую версию.

— Давайте.

— Выстроим все события в цепочку. Итак, стекольщик Олдройд погибает, упав с лестницы. Кто находился поблизости от места преступления? Во-первых, Крейк.

— Если на то пошло, Тамазин тоже была неподалеку, — с нарочитым смехом заявил Барак.

— Да, по ее словам, она ожидала мистрис Марлин. Которая, кстати, на место не явилась, — добавил я, бросив на Барака многозначительный взгляд. — Запомним это обстоятельство.

— В то утро стоял жуткий туман, не позволявший ничего разглядеть толком, — припомнил Барак. — Кто угодно мог незаметно подойти к церкви и столкнуть стекольщика с лестницы.

— Да, кто угодно. Крейк, леди Рочфорд, даже молодой Ликон, который оказался на месте гибели стекольщика подозрительно быстро.

— И кто же из них, по-вашему, запер нас в ризнице? — спросил Барак, в досаде вздымая ногой ворох листьев.

— Если бы я это знал, не было бы нужды ломать наши бедные головы. Все, что мне удалось разглядеть, — край черного плаща или мантии. А еще мы можем с уверенностью сказать, что преступник быстр на ноги.

— Опасность всякому придаст проворства, — усмехнулся Барак.

— Перейдем к другому неприятному событию. К похищению документов, во время которого я едва не расстался со своей брэнной жизнью.

— И снова круг подозреваемых слишком широк. Всякий, кто свободно владеет собственными ногами, мог пробраться в королевский особняк, огреть вас по голове и утащить документы.

— Да, но не всякий знал, что шкатулка там находится. Припомним, кто видел, как мы принесли ее. Снова старина Крейк. Затем Дженнет Марлин.

— И наша добрая знакомая леди Рочфорд. И сержант Ликон. А также с полсотни людей, которые толкались во дворе аббатства.

— Вы правы. Ликон, например, все время оказывается поблизости от места событий. И мы обращаем на него внимание, ибо хорошо его знаем. Но, помимо него, нас наверняка видело с полдюжины солдат, которых мы попросту не заметили. Для нас они всего лишь безликие фигуры в красных мундирах.

— То же самое можно сказать и о пресловутом Крейке. Ведь он — единственный здешний чиновник, с которым мы хорошо знакомы. Кстати, перечисляя тех, кто видел шкатулку, вы кое-кого забыли.

— Кого же?

— Мастера Ренна.

— Джайлса? — нахмурившись, переспросил я. — Но его не было в аббатстве в то утро, когда убили Олдройда.

— Почему вы так уверены? Он имеет допуск в аббатство. Никто не обратил бы внимания на еще одного законника в черной мантии, их здесь и так полным-полно. Так что старикан вполне мог явиться сюда с утра пораньше и прикончить Олдройда. Сэр, я знаю, вы с ним подружились, и сам питаю к нему симпатию. В этом городишке не так много приятных людей, а он — один из них. Но, надо признать, у нас есть все основания включить мастера Ренна в число подозреваемых. Он имеет связи в городе, он знал Олдройда, и он мог беспрепятственно пройти в аббатство.

— Да, но зачем ему убивать? Вспомните о его неизлечимом недуге. Жизнь мастера Ренна стремительно катится к концу. И у него осталось единственное желание — отыскать племянника и примириться с ним.

— Согласен, он мало похож на убийцу.

— Тем не менее вы были правы, когда сказали, что мы никого не

должны исключать из круга подозреваемых. В том числе и мастера Ренна.

Мысль о том, что неведомый племянник Джайлса может быть связан с заговорщиками, заставила меня нахмуриться.

— Вы хорошо помните времена «Благодатного паломничества»? — обратился я к Бараку.

— А как же иначе. В ту пору лорд Кромвель приказал мне и другим осведомителям выяснить, пользуются ли мятежники сочувствием среди жителей Лондона. Выяснилось, сочувствие это куда сильнее, чем он ожидал, — заметил Джек, внимательно поглядев на меня.

— По слухам, особенно сильно сочувствовали мятежу законники, практикующие в Грейс-Инне, — подхватил я. — Там всегда было много уроженцев северных графств. Роберт Эск принадлежал именно к этой корпорации.

— Я знаю.

— Жених Дженнет Марлин тоже практиковал в Грейс-Инне. Сейчас он в Тауэре. Надеюсь, племянника Джайлса, его собрата по корпорации, миновала подобная участь.

Я испустил тяжкий вздох.

— Простите, я отвлекся. Перейдем к следующему — второй попытке меня убить. Как вы помните, она состоялась поздно вечером, в лагере для прислуги.

— Господи боже, там толклись толпы народу, — усмехнулся Барак. — Начнем с Калпепера и Дерема. Этот хлюст Дерем нас видел и не преминул наругать.

— Да, по своему обыкновению. Кстати, этот наглый юнец, секретарь королевы, вполне может быть связан с весенним заговором. В день убийства Олдройда он находился в Йорке. Помните, мы видели его около таверны? Он прибыл в город с первой партией придворных. Вне всякого сомнения, у нас есть все основания включить его в число подозреваемых.

— Сержант Ликон тоже был в лагере, — припомнил Барак. — И Редвинтер, который имеет на вас здоровенный зуб.

— Редвинтер тут ни при чем, — возразил я. — Уверен, он сохраняет лояльность архиепископу Кранмеру. И, узнай он что-нибудь о заговоре, сразу сообщил бы Малевереру или самому архиепископу.

Я задумчиво потер подбородок.

— Крейка мы в лагере не заметили. Но я говорил с ним как раз перед тем, как туда пойти, и сообщил о своем намерении. Кстати, мы давно уже собираемся заглянуть в подозрительную таверну, в которой вы его видели. Почему бы не сделать это сегодня вечером?

— Думаю, мне лучше пойти туда одному, — покачал головой Барак.

— Нет, я составлю вам компанию. Во-первых, мне ни к чему сидеть сложа руки, это лишь усугубит мое дурное расположение духа...

Я осекся, охваченный внезапной догадкой.

— Слушайте, Джек, у меня сейчас мелькнула любопытная мысль. Что, если второе покушение на мою драгоценную особу не имело никакого отношения к первому?

— Как это? — изумился Барак.

— Возможно, Рич решил прихлопнуть надоедливую муху, — пояснил я. — Он решил, что, если я буду убит, смерть мою неминуемо свяжут с похищенными бумагами. Впрочем, я далеко в этом не уверен. Для того чтобы подстроить убийство, требуется немало хлопот. Да и риск нельзя сбрасывать со счетов. Конечно, я имел неосторожность досадить Ричу, проявив в деле Билкнэпа столь неудобное для него упорство. Но все же не до такой степени...

— Вы досадили ему в крайней степени, — серьезно глядя на меня, перебил Барак. — А Рич из тех, кто пойдет на все, лишь бы убрать со своего пути любое препятствие. Но все же я не думаю, что он решил от вас избавиться подобным способом. По-моему, подкупить судью проще и безопаснее, чем убивать излишне упорного стряпчего.

— Вы правы, — кивнул я. — Господи боже, мы совсем запутались! Верно говорят: быть охотником куда проще, чем добычей.

— Вы ничего не сказали об акте, который обнаружили в библиотеке Ренна. Разве он не помогает что-нибудь прояснить?

— Нет, он лишь сильнее все запутывает. Но больше всего меня тревожит тайна, в которую вы с Тамазин невольно проникли минувшей ночью. Я все-таки думаю, нам стоит рассказать обо всем Малевереру.

— Но вы сами сказали: доказательств у нас нет, — возразил Барак. — Если леди Рочфорд, Калпепер и королева будут все отрицать, мы не сумеем уличить их во лжи. В результате нас объявят клеветниками со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да и к Малевереру у меня нет никакого доверия. Он из тех, кто соврет — не дорого возьмет. Помните, как он не моргнув глазом объявил подделкой акт, который оказался самым что ни на есть подлинным. Может, вам стоит написать Кранмеру, объяснить, что случилось, и попросить дальнейших распоряжений.

— Вы забыли о том, что все письма, отсылаемые из Йорка, просматриваются. И в любом случае ответ пришел бы дней через десять, не раньше. Пока что я не вижу выхода, — сокрушенно покачал я головой, — и никому здесь не доверяю. Разумеется, кроме вас.

Барак в ответ лишь испустил тяжкий вздох. Несколько минут мы подавленно молчали.

— Мне бы надо увидеться с Тамазин, — сказал наконец мой помощник. — Если не возражаете, я пойду.

— Да, конечно.

— Она сама не своя от страха.

— Это вполне понятно.

— Давайте я провожу вас в комнаты.

У крыльца бывшего монастырского лазарета мы договорились, что Барак вернется в девять и мы отправимся в таверну.

Я вошел в свою каморку и запер дверь на замок. Растянувшись на кровати, я с грустью подумал о том, что доставляю всем одни лишь беды: Барак из-за меня покинул Лондон и отправился в чреватое опасностями путешествие; семья сержанта Ликона по моей милости лишилась своего клочка земли; Бродерика я спас, дабы доставить его в руки палачей. Перед мысленным моим взором вновь возникло лицо короля, на губах которого играла жестокая улыбка. Я затряс головой, отгоняя неприятное видение. В том, что воспоминания о встрече с королем будут преследовать меня до конца жизни, у меня не было никаких сомнений. Не каждому выпадает случай своими глазами увидеть короля-еретика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Перезвон колоколов кафедрального собора разносился во влажном ночном воздухе, наполняя собой весь город. Было совсем темно. Мы с Баракком брели по немощеным улицам в сторону Фоссгейта, к тому грязному закоулку, где располагалась занимающая нас таверна.

— Сюда, — шепотом сказал Барак и указал на узкий переулок.

Неба здесь почти не было видно, ибо между выступающими верхними этажами домов оставался лишь узкий просвет. Все двери и ставни были закрыты, и лишь кое-где сквозь щели пробивалась полоска тусклого света. В дальнем конце переулочка со скрипом раскачивалась на ветру какая-то вывеска.

— Это там, — потянул меня за рукав Барак. — Видите, на вывеске нарисован белый олень. Так эта таверна и называется.

— Да, место не слишком приглядное, — заметил я, озираясь по сторонам. — Вы правы, такому человеку, как Крейк, здесь делать нечего.

Резкий запах мочи, долетевший из сточной канавы, заставил меня поморщиться.

— Вы не оставили своего намерения войти? — спросил Барак. — Уверен, внутри таверна производит еще более гнусное впечатление, чем снаружи.

— Тем не менее нам необходимо узнать, какая надобность привела сюда Крейка, — ответил я и, сжимая рукоять кинжала, двинулся по улице вслед за Баракком.

По совету своего помощника я надел самый старый и невзрачный плащ и камзол. Проходя мимо запертых дверей, я не мог отделаться от ощущения, что за каждой из них скрывается пара любопытных глаз. Но слежки не было — на протяжении всего пути от аббатства Святой Марии мы постоянно оглядывались и непременно заметили бы назойливого спутника.

Барак рывком распахнул дверь в таверну. Убогая обстановка вполне отвечала моим ожиданиям: вся мебель состояла из грубых столов, скамей и стойки, за которой весьма неряшливого вида женщина разливала домашнее пиво. Посетители были под стать убранству — угрюмые, скверно одетые, грязные. В комнате царил пронизывающий холод, и, оглядевшись по сторонам, я убедился, что очага здесь нет. Собака, принадлежавшая двум молодым жителям долин, сердито заворчала при нашем появлении.

— Тише, Крэг.

Хозяин пса, здоровенный парень в плаще из бараньей кожи, потрепал его по загривку.

— Глянь-ка, Дэви, что за невидаль! — обратился он к своему приятелю. — В «Белый олень» заявила парочка джентльменов.

Барак направился напрямиком к стойке и попросил у хозяйки две кружки пива. Она не сразу его поняла, и ему пришлось овторить свой заказ. — Э, да это южане! — громко изрек хозяин собаки. — Крэг сразу учуял их вонь.

— Приятель, мы заглянули сюда, чтобы выпить пива, — повернувшись к нему, любезно пояснил Барак. — И у нас нет ни малейшего желания затевать с вами свару.

Предчувствуя недоброе, я окинул таверну взглядом. Посетителей было где-то около десятка. Судя по виду, все они являлись жителями Йорка, и все восприняли наш приход как личное оскорбление. Парни из долины, похоже, успели изрядно нагрузиться пивом.

Хозяйка поставила на стойку две деревянные кружки с пивом. Все скамьи были заняты; нам нашлось бы место, если бы кто-нибудь из посетителей дал себе труд подвинуться, но никто и не подумал этого сделать. Мы в растерянности стояли посреди комнаты.

— Что, джентльмены, не знаете, куда приткнуться? — со смехом спросил парень по имени Дэви. — Эй, Алан, уступи-ка место господам южанам, — предложил он, ткнув своего приятеля в бок. — Это ведь наверняка знатные господа, всякой швали въезд в Йорк сейчас заказан. И деревенщина вроде тебя не должна сидеть в их присутствии.

— Знатные они или нет, все мы ведем свой род от праотца Адама, — лениво откликнулся Алан, как видно, обладавший более миролюбивым нравом.

— Золотые слова, — подхватил Барак. — И потому я не вижу надобности делить людей на северян и южан.

— Вот как, сударь? Только когда вы дерете с нас три шкуры, вы забываете о нашем родстве, — процедил Дэви.

— Да ладно тебе, — примирительно заметил Алан. — Сегодня никто не драл с тебя шкуру. А сами мы неплохо нажились на своих баранах. Я и думать не думал, что мы получим за них такие хорошие деньги.

— Да, но когда король и его свита уедут из Йорка, цены снова упадут, — не унимался Дэви. — У южан денег куры не клюют, а у здешних жителей в карманах гуляет ветер.

Не зная, как отыскать повод для ссоры, он буравил нас злобным взглядом.

Я молча отхлебнул отвратительного на вкус пива.

— Вы что, явились сюда по делу, господа хорошие? — громко спросил один из сидевших на скамье.

По моему разумению, вопрос этот никак нельзя было счесть остроумным, однако завсегдатаи таверны встретили его оглушительным смехом.

— По делу? — растерянно переспросил я.

— Да уж, вряд ли вы явились сюда, чтобы насладиться нашей компанией.

За этими словами последовал новый взрыв хохота.

Дверь отворилась, и в таверну вошел высокий тощий парень в грязном фартуке. Он окинул посетителей недовольным взглядом и направился к нам.

— Могу я помочь вам чем-нибудь, джентльмены? — спросил он.

Мы с Бараком обменялись многозначительными взглядами. Судя по всему, в этой таверне не только торговали пивом.

— Даже не знаю, — протянул Барак. — Нас сюда привело довольно деликатное дело...

Человек в фартуке указал на дверь, и мы с облегчением вышли из комнаты, оказавшись в узком, насквозь пропахшем пивом коридоре. Единственная свеча освещала лестницу, ведущую на второй этаж.

— Простите, если эти невежи вели себя слишком развязно, — сказал хозяин, плотно закрыв дверь. — Видите ли, у нас в Йорке не слишком жалуют южан...

— Это мы давно уже поняли, — перебил я. — Вы сказали, что можете нам помочь. Что вы имели в виду?

— Это зависит от того, что вы пожелаете.

Маленькие пронзительные глазки хозяина беспрестанно перебежали с моего лица на лицо Барака.

— Один из моих друзей был здесь примерно неделю назад, — начал я. — Он чиновник из свиты короля. Упитанный мужчина средних лет с изрядной плешью, обрамленной светлыми волосами.

— А, — в настороженном взгляде хозяина мелькнуло облегчение, — я знаю, о ком вы говорите. Так это он рассказал вам, что у нас можно славно провести время?

— Именно он, — кивнул я.

— Превосходно, — с видом заговорщика улыбнулся хозяин. — Но скажите мне, что вы предпочитаете. Хотите, чтобы молоденькая девушка слегка пощекотала вас кинжалом? Или вы разделяете вкусы своего друга и

любите опытных, бывалых шлюх? Можете не сомневаться, у нас есть такие, что зададут вам хорошую трепку.

В глазах его зажглись хитрые огоньки.

— Поверьте мне на слово, мы выполним даже те желания, в которых вы боитесь признаться самим себе.

От неожиданности я лишился дара речи. Все мои предположения не имели ничего общего с действительностью.

— Так, значит, у вас можно найти женщину, которая угодит самым необычным вкусам? — подал голос Барак.

— Именно так, сударь мой, — с готовностью закивал хозяин. — Дурехи из публичных домов слыхом не слыхивали о том, что умеют наши красотки. А если девчонки вам не по душе, к вашим услугам — свежие, как яблочки, мальчуганы. Я ищу славный товар по всему Йорку, и вы не пожалеете, если попробуете моего угощения. Даже монахи в свое время были довольны. А уж они по части похоти не знали себе равных.

— Увы, нас привела к вам отнюдь не забота о собственных удовольствиях, — быстро произнес Барак. — Один высокопоставленный чиновник, не желающий, чтобы его здесь видели, послал нас узнать, что к чему. Думаю, вы сможете удовлетворить его желания. Мы поговорим с ним и вернемся. Надеюсь, у вас найдется уединенная комната, недоступная любопытным взглядам?

— Не сомневайтесь, сэр, я все устрою наилучшим образом.

— Вот вам два шиллинга за беспокойство, — сказал Барак и вручил хозяину две монеты.

— А этот ваш... чиновник, он, надеюсь, хорошо заплатит?

— Его щедрость приятно вас удивит.

— Могу я узнать, как его имя, сэр? — спросил сводник, хитро сощурившись.

— В этом нет никакой необходимости, — отрезал Барак. — Вскоре мы вернемся и сообщим вам, каковы его намерения.

— Лучше приходите утром, до открытия, джентльмены. Тогда весь этот сброд не будет вам докучать.

— Так мы и сделаем. Кстати, нам совершенно ни к чему снова появляться перед вашими посетителями. Есть у вас задняя дверь?

Хозяин кивнул и провел нас к задней двери, выходящей в узкий вонючий переулок. Мы торопливо зашагали прочь. Лишь оказавшись у Фоссгейта, мы замедлили шаг. Неожиданно Барак расхохотался во весь голос.

— Ох, ну и дела творятся на белом свете. Оказывается, этот увалень

Крейк обожает, чтобы его секли старые потаскухи. Кто бы мог подумать! И это добропорядочный отец целой кучи ребятишек! Представьте только, днем он носится по аббатству как угорелый, без конца шуршит своими бумагами, а ночью...

Новый приступ хохота не дал Бараку договорить.

— А вы быстро смекнули, что к чему, — ухмыльнулся я. — Я, честно говоря, не сразу понял, куда этот пройдоха клонит. Можно подумать, вы неплохо осведомлены по части... особенных вкусов.

— Я вообще человек бывалый, — пожал плечами Барак. — У лорда Кромвеля имелись осведомители среди лондонских сводников, в особенности среди тех, кто потакал всяким диковинным пристрастиям. И если моему патрону надо было оказать давление на кого-нибудь из своих врагов, такой сводник оказывался настоящим кладом.

— Оказать давление? Вы имеете в виду шантаж?

— Можно употребить и это слово.

— А какое вы имели отношение ко всему этому?

— Понятно какое, — нахмурился Барак. — Встречался с этими сводниками и передавал лорду Кромвелю сведения об их клиентах. Вам прекрасно известно, какого рода обязанности я выполнял, — напустился он на меня. — Далеко не все они были мне по нутру.

Он вновь пожал плечами.

— Но если ты служишь человеку, который ведет крупную политическую игру, тут уж не до чистоплюйства.

— А чиновники, которые потакают грязным похотям, должны понимать, что рискуют своей репутацией, — назидательно изрек я. — Слушайте, а может, Крейк так часто вступал в разговоры с Олдройдом именно потому, что хотел разузнать, есть ли в Йорке притоны вроде этого?

— Есть только один способ проверить, верна ли ваша догадка. Спросить у Крейка.

Мне вовсе не хотелось ставить своего бывшего однокашника в отчаянно неловкое положение, однако другого выбора не оставалось.

— Завтра я поговорю с ним.

Некоторое время мы не произносили ни слова.

— А Тамазин знает, что вы служили у лорда Кромвеля? — прервал я молчание.

— Я рассказал ей об этом, но в подробности не вдавался, — откликнулся Барак, метнув на меня пронзительный взгляд. — Тамазин они ни к чему. Да и вы прежде не проявляли излишнего любопытства.

— Простите, если я задел ваши чувства.

— Ерунда, — покачал головой Барак. — На самом деле, вы должны быть мне благодарны. Если бы не моя сообразительность, вы бы еще долго не могли понять, что за товар вам предлагают. Пока не оказались бы в обществе жирной шлюхи, вооруженной розгами. Она бы отделала вас за милую душу. А на следующий день некий доброжелатель сообщил бы о ваших похождениях в королевский особняк.

Я невольно рассмеялся. Мы приблизились к воротам Бутхэм, шаги наши гулко раздавались на булыжной мостовой.

— Джек, вскоре после приезда в Йорк у нас был разговор относительно ваших планов на будущее, — вновь заговорил я. — Насколько я понимаю, они до сих пор не определились?

— Все, что я хочу сейчас, — вернуться в Лондон целым и невредимым, — пожал плечами Барак. — А там и о планах на будущее можно поговорить.

В аббатство Святой Марии мы вернулись поздно. К тому времени, как стражник пропустил нас через ворота, пробило одиннадцать; аббатство уже погрузилось в сон. Лишь часовые бодрствовали, совершая свою бесконечную прогулку по навесным дорожкам вдоль стен; тусклый свет луны играл на блестящих шлемах. Солдаты стояли в карауле около павильонов и королевского особняка, погруженного в темноту.

Я вспомнил, что завтра с утра король собирается на охоту. О прибытии шотландского короля по-прежнему не было ни слуху ни духу.

— Меня ждет Тамазин, — сообщил Барак. — Но прежде чем идти к ней, я провожу вас домой.

— Как это вы проберетесь в ней в такой час? Или у вас есть тайное любовное гнездышко?

В словах моих, против намерения, послышался оттенок ханжества. Барак внимательно посмотрел на меня.

— К счастью, есть, — ответил он. — Тамазин говорит, на душе у нее спокойно, только когда я рядом.

— Если о ваших отношениях станет известно, ей не миновать беды.

— Ничего ей не будет, — махнул рукой Барак. — За те три месяца, что длится королевское путешествие, добрая половина служанок королевы завела с кем-нибудь шашни. Да и сама королева, как выяснилось, никак не может служить образцом высокоморального поведения.

С этими словами он обогнал меня и быстро зашагал в сторону церкви. Я понял, что задел его за живое. Один из стражников, стоявших у павильона, громко чихнул, и звук этот заставил меня вздрогнуть. Но я был рад, что в аббатстве так много вооруженных солдат. Даже сейчас, ночью,

все чувства мои были напряжены в ожидании внезапного нападения.

Проходя через церковь, я увидел, что многие конюхи ночуют прямо здесь, рядом с лошадьми, расстелив на соломе одеяла. Очертания людей и животных смутно вырисовывались в свете свечей, укрепленных в высоких железных подсвечниках. Лошади, принадлежавшие придворным и чиновникам — их было более сотни, — смиренно стояли в своих стойлах, к каждому из которых была прикреплена табличка с именем владельца. Мощных тягловых коней здесь не было — они паслись в полях, поблизости от лагеря. Про себя я отметил, что все устроено весьма разумно — каждый хозяин может в любой момент воспользоваться своим скакуном.

— Давайте посмотрим, как там Сьюки и Предок, — обратился я к Бараку.

— Давайте, — буркнул он.

Стойла наших лошадей оказались рядом. Мальчуган-конюший, дремавший на охапке сена, при нашем появлении сел и сонно потянулся. Круглое лицо его было еще совсем детским; к куртке прилипли бесчисленные соломинки.

— Что вам здесь надо? — сурово спросил он, разглядев поношенные плащи, в которые мы нарядились для визита в таверну.

— Мы хозяева этих лошадей, — пояснил я. — Пришли посмотреть, как они себя чувствуют.

— Они здоровехоньки, сэр. Можете сами убедиться.

— Отлично. Спи, приятель, мы заглянули лишь на минутку.

Мы немного поговорили с лошадьми, погладили их и почесали за ушами.

Предок, по обыкновению, имел спокойный и безмятежный вид, а Сьюки, кобыла Барака, беспрестанно переступала с ноги на ногу, тихонько ржала и уклонялась от руки хозяина.

— Ты скучаешь, Сьюки? — ласково спросил он. — Надоело все время стоять? Потерпи, милая, может, совсем скоро мы двинемся в путь. Все зависит от шотландского короля.

— Мы прогуливаем их взад-вперед по нефу, чтобы они размяли ноги, — сообщил конюший. — Выводить их во двор нам строго-настрого запрещено. Там и без того толчея.

— Понятно, — кивнул я.

— А как вы думаете, сэр, король Джеймс действительно приедет? — спросил мальчуган. — Нам всем уже здесь надоело. Скорее бы вернуться домой.

— Увы, намерения короля Джеймса совершенно мне не известны, — с

улыбкой ответил я. — Что ж, нам пора спать. Спокойной тебе ночи, приятель.

Мы вышли во второй двор, в котором располагались загоны для скота. Барак бросил многозначительный взгляд на здание в дальнем конце двора.

— А, так ваша возлюбленная ждет вас там?

— Да.

— Так идите скорее. Я могу и один добраться до своей комнаты, — предложил я, чувствуя свою вину за невольно нанесенную Бараку обиду.

— Уверены, что обойдетесь без меня?

— Конечно. Идите спокойно. Когда мы проходили через церковь, нас никто не преследовал. Я все время был настороже.

Барак мгновенно растаял в темноте, а я двинулся по тропинке, ведущей в наше временное жилище. Проходя мимо клетки с медведем, я заметил, что он стоит на задних лапах, вцепившись в железные прутья своими устрашающими когтями. Завидев меня, он издал жалобный звук, удивительно напоминающий человеческий стон. Я остановился и с сочувствием поглядел на несчастного зверя. Несомненно, раны, которые он получил во время травли, причиняли ему немало страданий. Медведь вновь издал звук — на сей раз это было низкое угрожающее рычание. Маленькие глазки неприязненно уставились на меня. Я уловил тяжелый запах, исходивший от его шкуры.

«Как же тебе не повезло, бедняга, — вздохнул я про себя. — Ты жил в своем дремучем лесу, далеко в Германии, но тебя поймали, заперли в клетку и доставили на корабле в Англию. Каждый день тебе доставались тычки и удары, разжигающие твою природную свирепость. В конце концов ты оказался на арене, полной остервеневших от злобы собак. Ты выжил, но вскоре на этой арене ты встретишь свою смерть. И все это для того, чтобы доставить удовольствие людям с каменными сердцами. Таким, как король».

Металлическое лязганье, долетевшее до слуха, заставило меня резко обернуться. На память моментально пришел железный вертел, едва не пробивший мне голову. Но во дворе по-прежнему не было ни души.

Взгляд мой скользнул по клетке с медведем. В следующее мгновение я осознал, что дверь ее открыта. Чья-то неведомая рука потянула вверх веревку, запирающую клетку. Зверь не сводил с меня маленьких злобных глаз. Дверь с громким треском ударилась о крышу клетки.

Тогда зверь вышел наружу и остановился на тропе. Он по-прежнему неотрывно смотрел на меня. В загоне с овцами, расположенном рядом, поднялся настоящий переполох — испуганные животные громко блеяли и метались как угорелые. Медведь издал грозный рык и взмахнул в воздухе

передними лапами; длинные загнутые когти сверкнули в лунном свете.

Пятясь спиной, я отступил на несколько шагов. На поясе у меня висел кинжал, но он был жалкой игрушкой против столь могучего противника. Медведь опустился на все четыре лапы и, угрожающе рыча, двинулся ко мне. Зверь сильно припадал на одну заднюю лапу, должно быть, поврежденную во время схватки с собаками, иначе он догнал бы меня в считанные мгновения. Но все равно он бежал очень быстро, до меня доносился жуткий скрежет когтей по булыжнику. Я со всех ног помчался по тропе, не зная, где скрыться; увидев открытую дверь церкви, я бросился туда. Мне казалось, я уже чувствую, как страшные когти рвут мне спину, а громадная косматая туша прижимает к земле.

Вбежав в церковь, я попытался закрыть тяжелую дверь, но она слишком долго простояла открытой. Дерево отсырело, и дверь не поддавалась моим усилиям.

— Помогите! — что есть мочи заорал я. — Медведь вырвался из клетки!

До меня донеслись встревоженные голоса. Медведя я не видел, возможно, он пробежал мимо церкви или свернул в другую сторону.

Ко мне подбежало трое конюших, и среди них — мальчуган, с которым я недавно беседовал.

— Что случилось, сэр?

— Медведь вырвался из клетки, сейчас он во дворе! Скорее помогите мне закрыть эту проклятую дверь! И пусть кто-нибудь позовет солдат! Быстрее!

С ужасом я вспомнил, что всем обитателям аббатства запрещено носить оружие. Разумеется, не было его и у конюхов. Все они еще не до конца проснулись и тупо смотрели на меня, не понимая, что происходит.

— Господи боже, поможет мне кто-нибудь закрыть эту дверь?! — истошно возопил я.

— Да что такое... спаси нас Бог! — пробормотал один из конюших, увидав косматый силуэт, появившийся в дверях.

Припадая на заднюю лапу, медведь вошел в церковь. Он беспрестанно вертел головой и принюхивался, словно пытался найти врага по запаху. Мы отступили вглубь. Лошади, уловив запах хищника, принялись испуганно ржать и отчаянно бить ногами о стены денников. Шум, казалось, испугал медведя. Он замер на месте, поглядывая по сторонам своими маленькими, глубоко посаженными глазками, из пасти его струйкой стекала слюна. Затем он вновь поднялся на задние лапы и открыл пасть, показав пару устрашающих клыков. Я заметил, что рваная рана на его задней лапе

открылась и кровоточит. Несомненно, хищник, выдержавший накануне схватку со сворой собак, был охвачен страхом, растерянностью и болью. Все это делало его особенно опасным.

Вместе с конюхами мы отступали все дальше и дальше, беспомощно оглядываясь по сторонам в поисках надежного укрытия. Но в пустой церкви спрятаться было негде. Испуганные лошади устроили настоящую какофонию, некоторые из них били по стенам денников с такой силой, что в воздух летели щепки. Я надеялся, что шум заставит медведя повернуть назад, однако зверь снова опустился на все четыре лапы и припустил за нами. При этом он не сводил с нас взгляда, словно ему приятно было наблюдать, как люди, его заклятые враги, в страхе бегут от него, выказав свою презренную слабость. Качая мохнатой головой, он поглядывал то на одного конюха, то на другого; однако моя персона явно привлекала его особое внимание. Возможно, причиной было то, что я оказался первым человеком, которого зверь встретил после своего освобождения.

Мне казалось, с того момента, как я ворвался в церковь, прошла целая вечность; на самом деле пролетело всего лишь несколько минут, на протяжении которых мы чувствовали на себе свирепый взгляд медведя. Никто не решался повернуться и броситься наутек, опасаясь, что зверь перейдет в нападение.

Пятясь спиной, я поскользнулся на грязной соломе и упал. Испустив пронзительный вопль, я поспешно вскочил, но конюхи успели за это время отступить дальше, оставив меня один на один с медведем. От рассвирепевшего хищника меня отделяло не более десяти футов. Я заметил, что через всю церковь за медведем тянется кровавый след. От шума, поднятого обезумевшими от страха лошадьми, закладывало уши.

Зверь, по-прежнему не сводя с меня глаз, неторопливо приближался. До меня донесся дружный топот ног — как видно, конюшие наконец припустили бегом, и не подумав прийти мне на помощь. Медведь сделал еще несколько шагов. Увидев рядом огромный железный подсвечник с горящими свечами, я в порыве отчаяния схватил его обеими руками и запустил в преследователя. Бросок не попал в цель, подсвечник лишь слегка задел зверя. Тот с грозным рыком отскочил в сторону, а подсвечник, упав на кучу соломы, моментально запалил ее. Медведь немного отступил, по-прежнему буравя меня взглядом. Потом он поднялся на задние лапы и бросился на меня. Едва не оглохнув от собственного крика, я закрыл лицо руками.

Сквозь сомкнутые пальцы я увидел, как рядом что-то мелькнуло. В следующее мгновение раздался какой-то глухой звук, и медведь отскочил

назад. Открыв глаза, я увидел, что из мощной его груди, подрагивая, торчит стрела. Еще одна просвистела в воздухе и вонзилась в косматую шкуру зверя. За ней последовала третья. Медведь, испустив душераздирающий рев, взмахнул в воздухе передними лапами.

Должно быть, четвертая стрела попала ему прямо в сердце, ибо зверь с глухим стоном повалился на бок, прямо на кучу горящей соломы. мех его сразу же начал дымиться, но это уже не доставляло косматому никаких страданий.

Сотрясаясь всем телом, я прислонился к колонне. Перед глазами все плыло.

— Скорее тушите огонь! Несите воду! — донесся до меня знакомый голос.

Конюхи вместе с двумя солдатами бросились к горящей куче соломы и принялись колотить по ней вениками. Довольно быстро им удалось сбить пламя, и после того, как на солому вылили несколько ведер воды, последние искры с шипением потухли. Я в тупом оцепенении глядел на солдат в красных мундирах, с луками через плечо. Внезапно передо мной оказался сержант Ликон.

— Сержант, как все это... как вы здесь оказались? — едва ворочая языком, пролепетал я.

— Я был в камере Бродерика, когда услышал шум и крики. Ведь дом, в котором находится арестант, совсем рядом с церковью. Я сразу понял: в церкви творится что-то неладное, позвал своих людей и бросился сюда. Хорошо еще, у нас были с собой луки. На ваше счастье, стрелки из Кента бьют точно в цель, — добавил он, угрюмо взглянув на меня.

— Вы спасли мне жизнь, — выдохнул я.

— Но как медведь оказался в церкви?

— Кто-то поднял дверь клетки.

— Что?

— Кто-то поднял дверь клетки, — повторил я. — Медведь загнал меня в церковь. Убегая от него, я поскользнулся и упал.

Вдаваться в подробности не было ни малейшего желания. Я обвел церковь глазами. Один из конюхов, встретив мой взгляд, смущенно отвернулся. Труп медведя лежал на почерневшей соломе, испуская вонючий дым.

Со двора доносились возбужденные голоса. Судя по всему, переполох, поднятый в церкви, перебудил половину лагеря.

Вскоре церковь наполнилась слугами и солдатами. Вокруг мертвого медведя собралась целая толпа любопытных.

— Он набросился на горбатого законника, — донесся до меня чей-то голос. — Того самого, что король поднял на смех в Фулфорде.

Сержант Ликон тоже услышал это, и на его добродушном круглом лице мелькнула тень.

— Так вы считаете, кто-то намеренно выпустил медведя? — обратился он ко мне.

— В этом у меня нет никаких сомнений, — ответил я, судорожно переводя дух. — Кто-то знал, что я буду возвращаться именно этим путем, и выжидал, когда я подойду к клетке.

Но кто он, этот неведомый враг? И откуда ему известны мои планы?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Сержант Ликон приказал одному из своих солдат проводить меня в королевский особняк. Солдат рассказал о происшествии стражнику, стоявшему в карауле у дверей. Тот провел меня в дом, попросив двигаться и говорить как можно тише, ибо король и королева уже легли почивать. Внутри особняка царила тишина, солдаты, стоявшие в карауле в коридорах, дремали, прислонившись к стенам. Тусклый свет свечей выхватывал из темноты роскошные гобелены и мебель.

Вслед за караульным я поднялся на второй этаж. Солдат постучал в дверь кабинета Малевевера.

— Войдите! — раздался низкий звучный голос.

К своему великому удивлению, я увидел в кабинете не только Малевевера, но и сэра Ричарда Рича. Оба сидели у стола, заваленного какими-то бумагами, судя по виду — купчими на землю. В заголовке одной из них я успел разглядеть выведенное крупными буквами имя: «Роберт Эск из Отона». Малевевер, поймав мой взгляд, поспешно свернул документ.

— Что вам еще надо? — рявкнул он. — Господи боже, даже ночью от вас нет покоя.

— Приношу свои извинения, сэр Уильям. Но на меня вновь совершено покушение, и я подумал, что вам следует об этом знать.

— Какое еще покушение?

Я по возможности кратко рассказал о столкновении с медведем. Когда я закончил, Рич негромко рассмеялся.

— Знаете, брат Шардлейк, в фигуре любого горбуна есть что-то медвежье, — заметил он. — Возможно, зверь принял вас за маленькую медведицу и захотел познакомиться с вами поближе.

Произнося эту тираду, он не сводил с меня глаз и при этом поспешно сворачивал документы, разбросанные на столе Малевевера. Мне не составило большого труда понять, что бумаги эти отнюдь не предназначались для посторонних глаз. Глумясь надо мной, Рич рассчитывал отвлечь мое внимание.

— Может статься, вы правы, сэр Ричард, — смиренно ответил я. — Но в любом случае кто-то намеренно открыл клетку.

Малевевер позвал стражника, ожидавшего в коридоре.

— Приведите смотрителя, который отвечает за медведей, — распорядился он. — Немедленно.

Солдат поклонился и вышел.

— Сегодня я допрашивал повара из лагеря для прислуги, Гудрича, — сообщил Малеверер, пристально глядя на меня. — Из его слов трудно понять, что там произошло на самом деле. Может, эти олухи не справились с вертелом, который чуть вас не пришиб, и разыграли целое представление, чтобы скрыть свою оплошность. А может, кто-то в самом деле огрел по голове мальчишку и пытался убить вас. Послушаем, что скажет смотритель. Если сегодняшней случай — это и в самом деле покушение, значит, тогда, в лагере, на вас тоже покушались.

— А бумаги из шкатулки найти не удалось? — спросил сэр Ричард. — Те, что были похищены по милости этого ротозея? — добавил он, бросив на меня уничижительный взгляд.

— Не удалось. Полагаю, они давно в руках заговорщиков.

— Но таинственные злоумышленники здесь, среди нас. Они едва не отправили на тот свет Бродерика и не оставляют в покое старину Шардлейка. Я полагаю, Бродерика следует перевезти обратно в замок и допросить с пристрастием. Наверняка ему многое известно.

— Герцог Суффолк убежден, что допрос с пристрастием следует отложить до Лондона, и король полностью с ним согласен, — покачал головой Малеверер. — Поначалу они хотели вызвать сюда опытного пыточного мастера из Тауэра. Но потом решили: пока тот прибудет, заключенный успеет проделать полпути в Лондон. Надеюсь, его все же удастся доставить в Лондон живым.

— Для этого необходимо двинуться в путь как можно быстрее. А это зависит от того, скоро ли шотландский король соизволит пожаловать в Йорк.

— Если Джеймс не притащит в Йорк свою шелудивую задницу, шотландцам придется горько об этом пожалеть, — процедил Малеверер.

Раздался стук в дверь, и солдаты ввели смотрителя. Здоровенный детина поклонился, едва не касаясь пола головой. Рич брезгливо сморщил нос.

— Господи боже, ну и смердит от тебя!

— Простите, милорд, — пролепетал смотритель. — Я как раз убирал из церкви труп медведя...

— Каким образом твой подопечный выбрался из клетки? — грозно нахмурившись, спросил Малеверер. — Ты что, забыл запереть щеколду, болван ты этакий?

— Нет, сэр, клянусь, это невозможно. Там вообще нет щеколды. Дверь поднимается вверх при помощи веревки. Так намного безопаснее, сэр.

Видно, кто-то поднял ее и привязал веревку к задней стене клетки. А потом убежал. Вот медведь и вышел на свободу.

— Я так понимаю, медведя может выпустить всякий? — процедил Малеверер. — На двери нет никакого замка?

— Нет, сэра. Я и думать не думал, что кому-то взбредет в голову выпускать такого свирепого зверя. И для чего? Неужели ради шутки?

— Нет, для того, чтобы совершить убийство, — подал голос я. — Теперь я понял, что произошло. Мой неведомый враг увидел, как мы с Баракком вошли во двор аббатства. Он понял, что я неминуемо пройду мимо клетки с медведем, обежал церковь и открыл дверь клетки.

— А куда подевался ваш ненаглядный Баракк? — бросил Малеверер.

— Отправился в гости, — в некотором замешательстве ответил я. — С моего разрешения.

— Решил навестить девку? Ту самую смазливую кухарку?

Я счел за благо промолчать.

— Извините, сэра Уильям, но я более не в состоянии выносить этой вони, — изрек Рич, поднимаясь и собирая бумаги. — С вашего разрешения, я вас оставляю.

Он поклонился Малевереру и вышел прочь.

— Вижу, тебе плевать на свои обязанности, грязный олух! — напустился Малеверер на понурого смотрителя. — Страшно представить, что было бы, вырвись медведь из клетки, когда поблизости находился король!

— Но я...

— Заткни свою вонючую пасть! И слушай внимательно, что я скажу. О том, что дверь открыл какой-то неизвестный шутник, никому ни слова. Спросят — тверди, что сам забыл как следует ее запереть. Тревожные слухи нам совершенно ни к чему. Уяснил?

— Да, сэра Уильям. Обещаю, буду нем как рыба.

— Иначе пеняй на себя. Всё, убирайся прочь! Да, кстати, в Йорке будут устраивать еще медвежьих травли?

— Да, сэра, во вторник будет еще одна. В лагере, для развлечения челяди. Для нее доставят новых медведей.

— Так вот, пусть их держат где угодно, только не в аббатстве. И смотри глаз с них не своди. Еще одна подобная оплошность — и ты сам окажешься на арене вместе с медведем. Посмотрим, скольких собак ты сумеешь прикончить. Уяснил?

— Да, сэра Уильям.

— Вот и отлично. Проваливай.

Смотритель, пятась задом и беспрестанно кланяясь, выскочил за дверь. Малеверер испустил тяжкий вздох и повернулся ко мне.

— С этого дня пусть ваш бездельник Барак сопровождает вас везде и повсюду. Не оставайтесь в одиночестве ни на минуту. С вашей стороны было до крайности глупо разгуливать ночью без сопровождающего. И это после того, как в лагере вас едва не насадили на вертел.

— Да, это было чистой воды безрассудством, — покорно кивнул я.

— Кто за вами охотиться, вот что любопытно, — прищурился Малеверер. — Этот пройдоха неуловим, словно призрак, возникающий из воздуха.

Он снова вздохнул и махнул рукой.

— Я вас больше не задерживаю. Ступайте.

Когда я двинулся к двери, Малеверер бросил на меня косой взгляд и заговорил вновь:

— Кстати, помимо неуловимого злоумышленника у вас есть еще один враг, тоже весьма опасный. Я имею в виду Ричарда Рича. Вы поступите благоразумно, если посоветуете лондонскому Городскому совету отказаться от этой проклятой тяжбы. В противном случае вы изрядно навредите собственной репутации и деловым интересам.

Я хранил молчание.

— Э, я вижу, вы упрямы как осел, — нахмурившись, проворчал Малеверер. — Смотрите, как бы ваше упрямство не испортило вам всю оставшуюся жизнь.

Спускаясь по лестнице, я думал о совете Малеверера. В том, что он дал мне его, исходя из своих собственных интересов, не было никаких сомнений. Благодаря Ричу он рассчитывал завладеть землями Роберта Эска и жаждал оказать ответную услугу главе Палаты перераспределения имущества.

Барак вернулся далеко за полночь. Я позвал его в свою каморку и рассказал о недавнем происшествии, присовокупив, что отныне, по распоряжению Малеверера, ему придется сопровождать меня везде и всюду.

— Я сделал бы это и без распоряжения этого надутного болвана, — буркнул Барак.

— Кстати, он догадался, что вы отправились на свидание с Тамазин. Теперь вы сможете проводить время в ее приятном обществе, лишь когда я сию здесь запаerti.

— Почему бы Малевереру не отправить нас в Лондон? — пожал плечами Барак. — Возня с прошениями подходит к концу.

— Дело тут не в прошениях, — вздохнул я, бросив взгляд в темное окно. — Судя по всему, из меня хотят сделать наживку. И с помощью этой наживки поймать злоумышленника.

— Хотел бы я знать, кто он, эта растреклятая каналья, — вздохнул Барак. — У вас есть хоть какие-нибудь соображения на этот счет?

— Как я уже сказал Малевереру, преступник очень осторожен и умеет выжидать подходящего случая. На этот раз он притаился во дворе и увидел, как мы возвращаемся. Думаю, он давно уже собирался напустить на меня медведя и наконец понял, что лучшей возможности не представится. Быстро обогнул церковь и открыл клетку. Как видите, наш враг сообразителен, проворен и хитер.

— Вы полагаете, он действовал в одиночку?

— Судя по всему, да.

— Как по-вашему, у него есть опыт в подобных делах?

— А вы как думаете?

— По-моему, он впервые решился отправить человека на тот свет, — заявил Барак. — Опытный убийца не стал бы разводить такой канители. Он просто-напросто подстерег бы вас в темном углу и вонзил бы нож вам в живот. А этот больше всего боится, что его увидят и узнают. Отсюда следует, что мы имеем дело с кем-то из обитателей аббатства. Так что, пока я рядом, он не осмелится к вам приблизиться. Здесь, в комнате, вы тоже в безопасности. В доме всегда полно клерков, и он не рискнет сюда врываться.

— Вряд ли эти клерки встанут на мою защиту, — ответил я с горькой усмешкой. — Может, мой враг и дилетант, но чрезвычайно настойчивый и решительный, — добавил я, подойдя к окну. — Он не отступит от своего намерения разделаться со мной. И все из-за этих бумаг. Люди, которые открыли на меня охоту, убеждены, что я успел как следует их просмотреть. Увы, это не так. Знай я об этих бумагах побольше, возможно, я не терялся бы сейчас в догадках. Акт, озаглавленный «Titulus Regulus», не выходит у меня из головы. Надо сказать, он составлен в весьма двусмысленных выражениях.

Я замер у окна, вперившись взглядом в непроглядную тьму. На память мне пришел сон, который я видел в первую ночь после приезда в замок, сон, в котором я, подобно Бродерику, оказался в тюремной камере. Мысль, внезапно пронзившая мой мозг, заставила меня вздрогнуть.

— Что это вы? — встрепенулся Барак. — Кого-нибудь увидели?

— Нет-нет. Просто в голову мне пришло одно любопытное соображение. Относительно яда, которым отравился Бродерик. Никто не

понимает, откуда он мог его взять.

— Да, это настоящая загадка.

— Мне кажется, я нашел ответ.

— Вот как?

— Но пока я ни в чем не уверен. Завтра состоится судебное слушание прошений, и нам так или иначе придется отправиться в замок. Воспользуемся случаем и как следует осмотрим камеру.

На следующее утро мы спозаранку явились в замок. Ветер, дувший нам в лицо, был насквозь пропитан ледяной моросью. Скелет Эска по-прежнему болтался на башне. Казалось бы, пора привыкнуть к этому зрелищу, но оно в очередной раз заставило меня содрогнуться. Отыскав взглядом башню, в которой находилась камера Бродерика, я решил посетить ее во время первого перерыва.

Мы вошли в здание суда. На скамьях в холле сидели просители, в большинстве своем ремесленники и фермеры; впрочем, я заметил нескольких человек в богатой одежде, которые держались обособленно. Моя мантия законника привлекла всеобщее внимание. Я то и дело ловил на себе оценивающие взгляды.

Джайлса мы нашли в судебном зале, просторной комнате со стенами, обшитыми темными панелями. На одной из стен красовался королевский герб, под ним стоял длинный стол, покрытый зеленой скатертью. Судя по бодрому виду Джайлса, он полностью оправился от приступа болезни, широкое морщинистое лицо выражало крайнюю сосредоточенность. Рядом с ним сидел какой-то тощий темноволосый человек лет тридцати, в черной мантии с кокардой Совета северных графств.

— Мэтью, Барак, как я рад вас видеть, — приветствовал нас Джайлс. — Барак, присаживайтесь сюда. Надеюсь, вы возьмете на себя труд вести записи. Все уже готово: и чернила, и превосходные острые перья.

Он сделал жест в сторону человека с кокардой.

— Это мастер Ральф Уотерс, представитель Совета северных графств.

Я поклонился. Мастер Уотерс ответил тем же. Скорее всего, он занимал не слишком высокий пост — по крайней мере, держался дружелюбно и без всякой надменности.

— Мастер Уотерс прибыл сюда, ибо некоторые дела, которые нам предстоит разбирать, затрагивают интересы совета, — пояснил Джайлс. — Например, дело о принудительной продаже земли или жалоба на то, что совет скупает съестные припасы по заниженным ценам. Мастер Уотерс получил распоряжения, согласно которым совету следует по возможности идти на уступки.

— Да, люди должны убедиться в милосердии королевского правосудия, — с улыбкой заметил чиновник. — Но это не значит, что вы должны быть снисходительны к мошенникам, — добавил он, многозначительно подняв палец. — К тем, кто пытается одурачить совет, необходимо применить суровость.

— Мы с каждым поступим так, как того требует справедливость, — заверил Джайлс. — Ну что, брат Шардлейк? Готовы защитить обиженных и наказать виноватых?

Сознание того, что сейчас он предастся любимому делу, несомненно, наполняло радостью сердце старого законника.

— Что ж, приступим, — произнес он, довольно потирая руки. — Просмотрим дела и после пригласим просителей.

Все утро мы провели в судейском зале, разбирая тяжбы и вынося решения. Минувшей ночью я натерпелся страху, и мне странно было сознавать, что я являюсь представителем власти и окружен всеми ее атрибутами. Я гнал от себя кошмарные воспоминания, мешавшие полностью отдаться моей нынешней роли.

В большинстве своем разбираемые дела были чрезвычайно просты. Нередко накал взаимной неприязни сторон далеко не соответствовал ничтожности предмета спора. Уладить подобные недоразумения не составляло труда. В том случае, если жалоба была направлена против Совета северных графств, мастер Уотерс являл собой образец беспристрастия и терпимости. Впрочем, само количество жалоб свидетельствовало о том, что совет зачастую превышает свои полномочия и отнюдь не пользуется расположением жителей Йорка.

В полдень мы наконец позволили себе прерваться. Слуга подал холодное мясо и хлеб. Торопливо перекусив, я кивнул Бараку.

— С вашего позволения, мы оставим вас, джентльмены, — произнес я. — Думаю, мы вернемся где-то через полчаса.

Мастер Уотерс молча кивнул, а во взгляде Джайлса мелькнуло откровенное любопытство.

Мы с Бараком вышли во двор. Дождь прекратился, но ветер, еще более сильный, чем обычно, едва не срывал с меня мантию.

— Госпожи боже, у меня чертовски ноют пальцы, — пожаловался Барак. — Я не привык так много писать. Ну, посмотрим, какие тайны откроет нам эта башня.

Мы пересекли двор и вошли в караульное помещение. Уже знакомый мне солдат с грубым, точно вытесанным из камня, лицом согласился провести нас в камеру, где прежде содержался Бродерик.

С тех пор как отсюда выпустили повара, никто и не подумал навести здесь порядок. Циновки на полу превратились в грязное месиво, на кровати валялось засаленное одеяло. К железному кольцу в стене по-прежнему были прикреплены цепи, некогда сковывавшие руки и ноги Бродерика. На кровати лежали кандалы.

— Ну, с чего начнем? — вопросительно взглянул на меня Барак.

Я подошел к кровати и поднял ручные кандалы, затем отошел на несколько шагов так, чтобы цепь натянулась во всю длину. Итак, Бродерик мог отойти от кровати на восемь футов. Я сделал полукруг по камере, глядя на пол и стены. Барак и стражник с недоумением наблюдали за моими действиями.

— Что это вы надумали? — поинтересовался наконец мой помощник.

— Пытаюсь понять, как передвигался по камере Бродерик. Смотрю, не попадет ли на глаза что-нибудь необычное.

— Лично я ничего необычного здесь не вижу.

— Пока что я тоже.

Я остановился у окна.

— Да, он мог дойти досюда. Я так и думал. Он ведь упоминал, что постоянно смотрит на скелет Эска.

Из окна была видна противоположная башня, на вершине которой раскачивался скелет. Ветер швырнул мне в лицо дождевые брызги. Мгновение спустя ноздри уловили знакомый запах — тот самый, что исходил от носового платка Бродерика и от гниющей ноги короля. Я уставился на длинную свинцовую трубу, которая спускалась по стене и обрывалась у самого окна, там, где стену пересекала глубокая трещина. На конце трубы виднелся какой-то белый, склизкий на вид нарост; вода стекала с него прямо в трещину. Вне всякого сомнения, то был губчатый гриб; я заметил, что кто-то отломал от него несколько отростков.

— Ну и здоровенный же гриб вырос на дождевой трубе, — заметил я, повернувшись к стражнику.

— Всякая дрянь быстро растет от сырости, — равнодушно откликнулся он.

— А откуда тянется эта труба?

— С самого верха башни, откуда же еще. Там у нас кухня, где готовят еду для солдат. Прежде кое-кто из стражников там спал. А после того, как сюда поместили Бродерика, их оттуда вытурили.

— Надо полагать, в трубе полно всякой гадости, — обратился я к Бараку. — Остатков мяса и овощей, которые давным-давно успели сгнить.

С этими словами я сбросил мантию, вытащил из кармана носовой

платок, просунул руку сквозь решетку и, с усилием дотянувшись до губчатого гриба, отломал от него кусок. Стоило мне прикоснуться к его отвратительной склизкой поверхности, желудок мой болезненно сжался. Я понюхал свою добычу и протянул ее Бараку. Он сморщил нос и отскочил.

— Зачем вам эта мерзость? Воняет дерьмом или даже хуже.

Я вновь просунул руку сквозь решетку и оторвал еще несколько кусков гриба.

— Вот он, яд, которым отравился Бродерик, — заявил я, разглядывая обрывки смердящей губки, лежавшие на моей ладони. — Его носовой платок насквозь пропитался этим запахом. Он увидел ядовитый гриб за окном своей камеры. И решил, что с его помощью сможет покончить с собой.

— Господи боже! — Лицо стражника исказила гримаса отвращения. — Да неужели он по собственной воле проглотил такую гадость?

— Его толкнуло на это отчаяние. Ради того, чтобы умереть, он готов на все.

— А откуда ему известны свойства подобных грибов? — осведомился Барак.

— Думаю, он ничего не знал об их свойствах. Надеялся лишь, что порция этой смердящей губки окажется для него смертельной.

— И он завернул эту дрянь в носовой платок и спрятал в собственной заднице, — пробормотал Барак.

При этих словах стражник судорожно сглотнул, явно борясь с тошнотой.

— Я же сказал, он дошел до крайней степени отчаяния. Да и мужества ему не занимать. Не каждый решится проглотить столь отвратительное лакомство, не зная, какие последствия оно вызовет — смерть, паралич или невыносимые муки. Так или иначе, одну загадку мы разрешили. Теперь нам не надо ломать голову над тем, кто передал Бродерику яд.

— Но как вы догадались про этот чертов гриб?

— Я знал лишь, что Бродерик ухитрился добыть яд, не выходя из своей камеры. Я понял, что здесь не обошлось без окна. Никакой другой связи с внешним миром у него не было. Если хорошенько поработать мозгами, можно найти ответ на любой вопрос, — добавил я с самодовольной улыбкой.

Мы вышли из камеры и спустились вниз.

— Вернувшись в аббатство, я первым делом сообщу о своем открытии Малевереру, — сказал я, наблюдая, как ветер гоняет по двору ворохи опавших листьев. — Пусть снимет все подозрения с Редвинтера.

Я невесело усмехнулся.

— Вот только вряд ли эта бестия будет благодарна мне за услугу.

— Наверняка он возненавидит вас еще сильнее.

— Бедный Бродерик. Он готов на все, лишь бы избежать мучений, которые ждут его в Тауэре. — Я сокрушенно покачал головой. — Что ж, мы можем быть спокойны. В аббатстве он не сумеет достать ядовитых грибов.

— Средство оказалось не слишком надежным, — заметил Барак. — Как видно, грибы эти столь отвратительны на вкус, что желудок извергает их, не давая отраве впитаться в кровь. Похоже, поступок Бродерика вызывает у вас восхищение, — буркнул он, пристально глядя на меня.

— Признаюсь, я не могу не отдать должное его отваге и решимости, — кивнул я. — А мысль о предстоящих ему страданиях невольно пробуждает во мне сочувствие.

После перерыва мы вернулись к прежним занятиям. Поток просителей казался неиссякаемым, но лишь одно дело по-настоящему взволновало меня и даже подвигло высказать несогласие с Джайлсом.

То была жалоба от поставщика досок, которые пошли на строительство павильонов в аббатстве Святой Марии. В соответствии с условиями контракта поставщик должен был получить деньги несколько месяцев назад, однако Совет северных графств до сих пор не выплатил ему ни шиллинга. Отчаявшись получить свои деньги, бедняга прибегнул к королевскому правосудию.

— Это довольно запутанное дело, — в некотором замешательстве заявил мастер Уотерс, когда мы проглядывали документы в отсутствие просителя.

— Почему? — удивился Джайлс. — По-моему, все ясно как день. Совет обязан выплатить мастеру Сегвику причитающиеся ему деньги. Я знаю этого человека. Он не богат и не может себе позволить поставлять товар бесплатно.

Молодой чиновник смущенно заерзал на стуле.

— Тут есть некоторая трудность, — пробормотал он. — Если мы выплатим деньги этому поставщику, совет захлестнет целый поток требований об оплате. А выполнить все эти требования ныне не представляется возможным, ибо совет испытывает... э-э... некоторую нехватку наличных.

— Вы хотите сказать, к приезду короля совет заказал слишком много всякой всячины, не считаясь при этом с имеющимися в его распоряжении средствами?

— Сейчас сэръ Роберт Холгейт как раз ведет переговоры с королевским

казначейством, — пояснил Уотерс, переводя обеспокоенный взгляд с меня на Джайлса. — Возможно, скоро мы сумеем изыскать необходимые деньги. Вы видели сами, во всех прочих делах, касающихся совета, я был готов пойти на компромисс. В данном случае совет тоже не отказывается от своих обязательств, но просит отсрочки. Спустя некоторое время мастер Сегвик непременно получит все, что ему причитается.

Джайлс понимающе улыбнулся и перевел на меня вопросительный взгляд.

— Мы собрались здесь, дабы защищать справедливость, — отчеканил я. — И никакие посторонние соображения не должны влиять на наше решение.

— Но разве возможно отделить справедливость от политики? — вполголоса осведомился Джайлс.

— Возможно, если следовать букве и духу английских законов.

Я отдавал себе отчет в том, что слова мои звучат излишне высокопарно, но не мог не выразить собственных убеждений на этот счет.

— Если решение, принятое по данному делу, не удовлетворит совет, в дальнейшем я буду куда менее уступчив, — заявил мастер Уотерс — Мне очень жаль, но именно таковы полученные мною распоряжения.

— Мы должны с этим считаться, Мэтью, — мягко заметил Джайлс.

Я сердито пожал плечами, но счел за благо отказаться от дальнейших возражений. Добившись справедливости для поставщика досок, я лишил бы других просителей надежды на справедливое разрешение их дела.

Мы вызвали мастера Сегвика. Это был пожилой человек, который явно оробел, оказавшись в зале суда. Запинаясь, он изложил свою просьбу.

— Можете не сомневаться, Совет северных графств выплатит вам все, что задолжал, — изрек Джайлс, когда поставщик смолк. — Ведь совет действует от имени и в интересах самого короля, а значит, вы можете всецело на него полагаться.

— Но когда я получу свои деньги, сэр? — вздохнул мастер Сегвик. — Они нужны мне до зарезу: я по уши в долгах.

Джайлс, вскинув бровь, посмотрел Уотерса, предоставляя ему дать ответ просителю.

— Потерпите немного, дружище, — сказал тот, стараясь, чтобы голос его звучал как можно убедительнее. — Совсем скоро вы все получите.

— Да ведь мои кредиторы...

— Также могут подождать, — непререкаемым тоном перебил Джайлс. — Всем нам следует проявлять терпимость. Вы можете сказать своим кредиторам, что просьба ваша признана законной и совет выразил

готовность заплатить вам... — он сделал паузу, — в самом скором времени.

Поняв, что на иное решение рассчитывать не приходится, поставщик побрел к дверям. Я проводил глазами его понуро сторбленную фигуру. Джайлс, переведя дух, многозначительно поглядел на Уотерса.

— Надеюсь, сэр, этот человек и правда получит свои деньги в самом скором времени, — произнес он.

— Можете не сомневаться, так оно и будет, — заверил Уотерс. — Нам совершенно ни к чему множить число недовольных. Настроение в городе и без того оставляет желать лучшего.

— Мы обманули надежды этого бедняги, — не преминул заметить я, поглядев на Джайлса. — Да еще и нагнали на него страху.

— Мы, законники, не можем удовлетворять все надежды и упования, — пожал он плечами. — И порой, если это необходимо, нам приходится пускаться на лицедейство.

Тем не менее мое замечание задело его за живое. Он нахмурился и погрузился в чтение очередного дела. Просители следовали один за другим, а на улице меж тем разыгралась настоящая буря. До нас доносились завывания ветра и лязганье железных ставень.

Наконец за последним просителем закрылась дверь.

— Что ж, мы неплохо потрудились, — заявил Джайлс. — Думаю, завтра мы покончим с остальными.

На ум мне невольно пришла давняя поездка в Кент и земельная тяжба, в результате которой семья сержанта Ликона лишилась своей фермы. Мысль о том, что зачастую обстоятельства не дают законнику вершить справедливость, не выходила у меня из головы.

— Барак сделает копии принятых нами решений, — сказал я вслух. — Вам они нужны, мастер Уотерс?

— Да, разумеется, — ответил чиновник, вытягивая свои длинные ноги. — Как там дела в аббатстве? — осведомился он. — Я слышал, заботы о безопасности короля возложены на сэра Уильяма Малевевера.

— Да. Вы его знаете?

— Нет, лично я с ним не знаком. Но он славится своим суровым нравом. А также неумными амбициями, которые он готов удовлетворить любой ценой. Впрочем, это понятно, — добавил Уотерс с многозначительной улыбкой. — Люди, на которых лежит клеймо незаконнорожденности, нередко бывают излишне амбициозны.

— Историю, связанную с его появлением на свет, я уже слышал.

— По слухам, он решил не вступать в брак до тех пор, пока не приберет к рукам несметное количество земель. По его мнению, лишь богатство

заставит людей забыть о его сомнительном происхождении. Поговаривают, в молодости он был влюблен в девушку из семейства Невиль, но она отвергла его притязания. Невили — один из самых старых родов в Йорке, и, конечно, их фамильная гордость не знает границ. Нелепо было надеяться, что девушка из такой семьи отдаст свою руку человеку, которого, может статься, мать нагуляла на стороне.

— Вот как? — проронил я.

В памяти всплыла фраза, которую Малеверер произнес, когда я, описывая королевское родословное древо, упомянул имя Сесиль Невиль.

«Все началось с Сесиль Невиль», — сказал он тогда.

— Думаю, отвергнутые притязания отнюдь не улучшили его нрава, — заметил я.

— Уж конечно, — кивнул Уотерс. — Не знаю, известно ли вам, что мать и отец сэра Уильяма — точнее, человек, который считается его отцом, — сорок лет назад входили в свиту королевы Маргарет. Они сопровождали ее в Шотландию, когда она сочеталась браком с королем этой страны. Сэр Мартин Малеверер вскоре возвратился в Йорк. Супруга его возвратилась много месяцев спустя с ребенком на руках. Неудивительно, что у сэра Мартина возникли серьезные сомнения в своем отцовстве. К тому же ребенок появился на свет за пределами Англии.

Я невольно вздрогнул, ибо слова эти колокольным звоном отдались у меня в мозгу. Перед мысленным взором возникли строчки парламентского акта: «Он был рожден на землях, принадлежавших его отцу, и посему законность его происхождения не вызывает сомнений». Так в «Titulus» говорилось о Ричарде III. У меня перехватило дыхание. Подобная фраза могла означать — кто-то из братьев или сестер короля не мог похвастать столь же незапятнанным происхождением. Над ним тяготело подозрение в незаконнорожденности.

— Брат Шардлейк? — донесся до меня обеспокоенный голос Уотерса. — Вам нехорошо?

— Нет, что вы. Я чувствую себя превосходно.

— Брат Шардлейк слишком ушел в себя, — со смехом заметил Джайлс.

— Простите, я и в самом деле задумался. Видите ли...

Крики и топот бегущих ног, долетевшие со двора, заставили меня смолкнуть.

— Что там происходит?

Джайлс и Уотерс, недоуменно переглянувшись, устремились к дверям. Мы с Бараксом тоже обменялись взглядами. Я вздрогнул, ибо шум напомнил мне страшное приключение в церкви, которое я пережил прошлой ночью.

— Пойдем поглядим, что там такое, — предложил Барак.

Мы спустились во двор замка. Слуги и клерки, не обращая внимания на дождь, уже толпились там. Солдаты, выбегая из караульного помещения, устремлялись напрямик к возвышению, на котором стояла сторожевая башня. У подножия этой башни валялась бесформенная куча костей, перевитых цепями.

— Скелет Эска сорвался, — перекрестившись, сказал мастер Уотерс. — Ветер сбросил его вниз.

Солдаты принялись собирать кости, дабы не оставить ни одной на поживу охотникам за реликвиями.

— Как странно, что это произошло именно во время визита короля, — вполголоса произнес Ренн и многозначительно вскинул бровь. — Жители Йорка наверняка сочтут подобное совпадение дурным знаком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Час спустя я уже объяснял Малевереру, каким образом Бродерик ухитрился добыть яд. Выслушав меня, он покачал головой и отрывисто рассмеялся.

— Богом клянусь, голова у вас варит неплохо, — заявил он, пристально глядя на меня и, по своему обыкновению, теребя в пальцах конец длинной бороды. — Значит, Бродерик сумел перехитрить этого болвана Редвинтера.

Малеверер вновь издал короткий хриплый смех.

— Когда об этом станет известно, Редвинтер мигом лишится своей репутации опытного тюремного надзирателя. Я приказал ему не выходить из своей комнаты. Ну, раз мы выяснили, что он здесь ни при чем, думаю, можно позволить ему выйти из заточения. Вы оказали ему немалую услугу, брат Шардлейк.

— Долг служителя закона — опровергать несправедливые подозрения. Даже если они тяготеют над таким человеком, как Редвинтер.

Улыбка, игравшая на губах Малеверера, превратилась в косую усмешку.

— Э, сэр, я вижу, вы большой любитель громких фраз. А я, признаюсь, не жалею напыщенных педантов.

Я счел за благо промолчать. Малеверер отвернулся и уставился в окно, наблюдая, как работники во дворе при помощи веревок укрепляют шатры, едва не поваленные ветром. Я украдкой разглядывал его угрюмое широкое лицо, размышляя про себя о том, что у этого неумолимого и грубого человека тоже есть свое уязвимое место. Тень подозрения в незаконнорожденности омрачила всю его жизнь. Странно было думать о том, что этому надменному вельможе доводилось слышать за своей спиной издевательский смех.

— При такой погоде шатры долго не простоят, — сквозь зубы процедил Малеверер. — Этот чертов шотландский король не торопится.

— О том, прибудет ли он, по-прежнему ничего не известно, сэр?

— Вас это не касается, — отрезал Малеверер. — Я прикажу Редвинтеру вернуться к своим обязанностям, — сменил он тему разговора. — А вы, как и прежде, не оставляйте Бродерика своими попечениями. Каждый день навещайте его хотя бы один раз. Слышите, каждый день! Наверняка он не отказался от намерения покончить с жизнью и придумает что-нибудь еще.

Малеверер задумчиво посмотрел на меня.

— Если Бродерик отравил себя сам, значит, единственный человек,

которого действительно пытались убить, — это вы.

— Судя по всему, так оно и есть.

— Смотрите не пренебрегайте моим распоряжением и ни на шаг не отпускайте от себя вашего шалопаю-клерка. А теперь идите.

Он махнул рукой. И я, поклонившись, вышел за дверь. После этого разговора я лишь укрепился в своем решении ничего не говорить Малевереру о ночном свидании королевы и Калпепера — этот человек не вызывал ни малейшего доверия. К тому же у меня было немало случаев убедиться в его неприязни. Вне всякого сомнения, он не упустил бы случая подложить мне свинью.

Выйдя во двор, я заметил, что ветер немного стих. Барак ждал меня у крыльца. Проходя мимо павильонов, я различил знакомую круглую фигурку в развевающейся длинной мантии. Это был мастер Крейк.

— У нас есть возможность разгадать еще одну загадку, — шепнул я Бараку.

Крейк зашел в церковь, и мы последовали за ним. Внутри царили шум и суета, конюхи сновали туда-сюда, во всех боковых капеллах горели кузнечные горны, под ногами валялись навоз и солома. При свете дня я разглядел, что стены разукрашены похабными рисунками, изображавшими грудастых женщин и мужчин с членами невероятных размеров.

— Куда запропастился Крейк? — спросил Барак, озираясь по сторонам.

— Наверное, поднялся на колокольню.

Взгляд мой упал на кучу обгорелой сломы, которая по-прежнему валялась у стены; убитого медведя, к счастью, давно убрали.

Подойдя к двери, ведущей на колокольню, мы осведомились у стражника, там ли Крейк. Он кивнул и пропустил нас. Поднявшись на несколько пролетов, мы обнаружили моего бывшего однокашника. Он сидел на табуретке, уписывая здоровенный ломоть хлеба с мясом, и смотрел в окно. Наше появление немало его удивило.

— Что привело вас сюда, мастер Шардлейк?

На губах Крейка играла приветливая улыбка, но в глазах вновь метнулись настороженные огоньки, которые я уже замечал прежде.

— С этими хлопотами мне трудно выбрать время, чтобы перекусить, — пояснил он, указывая на кусок хлеба с мясом. — Пришлось укрыться здесь. Заодно и на лагерь погляжу. Это зрелище никогда мне не надоедает. Удивительно смотреть на землю с такой высоты, словно ты птица и паришь в небе.

Я выглянул в окно и в свете угасающего дня вновь разглядел великое множество людей, суетившихся возле своих палаток. Кто-то просто сидел,

кто-то играл в карты, кто-то наблюдал за петушиным боем. Тут и там горели костры, и ветер донес до меня запах дыма. В отдалении, за рядами повозок, несколько работников рыли новые выгребные ямы.

Крейк встал и подошел ко мне.

— Дерьмо и отбросы — вот самая большая проблема, — со вздохом изрек он. — Когда больше двух тысяч человек размещаются в одном месте, через пару дней оно превращается в огромную выгребную яму. Поля вдоль дорог, по которым проехал король, так загажены, что фермеры не скоро смогут их засеять. А если сбрасывать отходы в реку, вся рыба миглом передохнет. Увы, человек так устроен, что не может не гадить.

Я внимательно посмотрел на пухлощекое, сияющее приветливостью лицо и набрал в грудь побольше воздуха, готовясь к неприятному разговору.

— Мастер Крейк, я хотел бы кое-что с вами обсудить, — произнес я наконец.

— Я весь внимание, сэр. Судя по вашему тону, вопрос чрезвычайно серьезный, — с деланным смехом ответил Крейк.

— Да, вы правы, вопрос очень серьезный.

Крейк вновь уселся на табуретку. Глаза его беспокойно перебегали с меня на Барака.

— Вы помните шкатулку? — спросил я. — Ту, что мы пытались спрятать в вашем бывшем кабинете?

— Думаю, я буду помнить эту злополучную шкатулку до конца своих дней, сэр.

— Вам известно, что в ней хранились важные документы?

— Мне известно лишь одно: эти чертовы документы пропали, и меня подозревали в их похищении. Люди Малеверера обыскали меня самым бесцеремонным образом. После мне приказали молчать о случившемся, и, клянусь богом, я выполнил это приказание.

— Не так давно Джек видел вас ночью в Йорке. Вы заходили в таверну под названием «Белый олень».

Крейк метнул на Барака взгляд, исполненный откровенного ужаса.

— Какое это имеет отношение к похищенным документам? — пролепетал он, не сумев скрыть дрожь в голосе.

— Вчера мы тоже посетили эту таверну. И выяснили, что ее владелец угощает своих клиентов отнюдь не только пивом. Он предлагает им женщин — скажем так, определенного сорта...

Крейк содрогнулся всем телом, его пухлые щеки залил багровый румянец.

— Вас привело в эту таверну желание развлечься... подобным образом? — продолжал я свой допрос.

Крейк не ответил, лишь закрыл лицо ладонями.

— Говорите же, — настаивал я. — Мне необходимо услышать ваш ответ.

— Мне стыдно... — донесся до меня едва слышный шепот. — Стыдно глядеть вам в глаза.

— Я начал этот разговор отнюдь не для того, чтобы устыдить вас, мастер Крейк. Прошу вас, посмотрите на меня.

Тяжело вздохнув, Крейк опустил руки. Мне показалось, что он внезапно постарел на несколько лет. Лицо его являло собой гримасу отчаяния, в уголках глаз стояли слезы.

— Эта таверна — грязный, отвратительный притон, — одними губами произнес он. — Но, бог свидетель, в Лондоне я навидался немало подобных мест. Может, со стороны я кажусь человеком, которому повезло в жизни. Только в действительности это не так.

Он зашелся горьким смехом и вдруг затараторил с лихорадочной поспешностью:

— У меня есть жена, дети, достойное положение в обществе, почет и уважение. Но увы, никто не знает, какие грязные похоти скрывает моя душа. Воистину, я недостойн ступить по земле. Монахи, у которых я учился, быстро разгадали мою низкую натуру. Они смеялись надо мной и постоянно меня секли. С тех пор я полюбил розги, полюбил телесную боль. Лишь когда я испытываю телесную боль, я получаю удовлетворение, ибо чувствую, что получаю по заслугам.

Он вновь зашелся смехом, таким отчаянным, что у меня похолодело в груди.

Рассказ его не мог не возбуждать отвращения. Но в то же время я чувствовал жалость к бедняге, попавшему в ловушку собственных извращенных пристрастий, которые находились за пределами моего разума.

— Но как вы отыскивали эту таверну? — выдавил я из себя. — Вам рассказал о ней Олдройд?

— Нет. Я пытался навести разговор на городские бордели, намекал, что меня просили узнать о них высокопоставленные чиновники, одуревшие от долгого воздержания. Но он ничем не мог мне помочь. Он был человеком твердых устоев и подобными вещами не интересовался. Нет, мне пришлось идти в город и пускаться в рискованные расспросы. Так я и узнал про таверну «Белый олень».

— Что ж, спасибо за откровенность, — кивнул я. — Простите за то, что я был столь неделикатен. То, что вы рассказали, действительно не имеет никакого отношения к моим делам.

— Увы, я рассказал не все.

Крейк вновь вздохнул, так тяжело, словно у него разрывалось сердце. Однако выражение лица его немного прояснилось. Казалось, он отвратил взор от ада, царившего в его душе, и увидел окружающий мир.

— Я должен открыть вам кое-что еще, — выпалил он. — В Саутворке есть публичный дом, который я часто посещаю. Мадам, которая содержит этот дом, — осведомительница Ричарда Рича.

— И снова Рич, — пробормотал я и добавил, метнув взгляд на Барака: — Насколько мне известно, Кромвель тоже не чурался подобных методов.

— После того как Кромвеля казнили, многие его осведомители перешли на службу Ричу. Содержатели публичных домов за плату сообщают ему имена своих клиентов. О, для лорда Кромвеля такая мелкая рыбешка, как я, не представляла никакого интереса. А вот Рич — совсем другое дело. Вам известно, каковы мои служебные обязанности. В Лондоне я занимаюсь тем же, чем занимаюсь здесь, — размещаю придворных в королевских дворцах.

— Да-да.

— Вам, без сомнения, известно также, что по части алчности сэра Ричард Рич не знает себе равных в Англии. Особенно он жаден до недвижимого имущества. А от меня порой кое-что зависит. Если я доложу управляющему двором, что какое-либо здание, прежде принадлежавшее монастырю, не подходит для размещения придворных, его пустят с торгов за ерундовую цену. И можете не сомневаться, Ричард Рич не упустит такой кусок.

— Так он шантажировал вас?

— Да, — вздохнул Крейк. — Сказал, если я не буду действовать в его интересах, он расскажет обо всем жене. А у моей супруги крутой нрав, сэра. Узнай она только неприглядную правду, немедленно оставит меня и всему свету растрезвонит о моих порочных наклонностях. И я больше никогда не увижу детей.

По щекам Крейка ручьями текли слезы, которых он, казалось, не замечал. Неожиданно он смахнул их и взглянул на меня с вызовом:

— Я выложил вам все, как на исповеди. Вы сами видите, мои тайны никак не связаны с похищением документов. Думаю, мне нет нужды предупреждать — если тайны эти выйдут наружу, вы навлечете на себя гнев Ричарда Рича. И разрушите мою жизнь.

— Рич и сейчас продолжает вас шантажировать?

— Да. Малеверер хочет приобрести дом в Лондоне. Дом этот расположен поблизости от Смитфилда и принадлежит короне. Рич всячески содействует Малевереру и требует от меня назначить за этот дом смехотворно низкую цену. А разницу между этой ценой и истинной стоимостью дома они с Малеверером поделят пополам.

— Думаю, Малеверер не уступит Ричу в алчности, — заметил я. — Здесь, в Йоркшире, он готов скупить чуть не все земли.

— О здешних его делах мне ничего не известно, сэр, клянусь вам, — замотал головой Крейк. — Умоляю, сохраните в тайне все, что вы от меня узнали.

— Я никому не скажу ни слова, мастер Крейк. Я понял, что ваши тайны не имеют ко мне ни малейшего касательства.

— Правда?

В покрасневших глазах Крейка вспыхнули огоньки надежды.

— Клянусь вам. Мне бы очень хотелось помочь вам выпутаться из сетей Рича. Я знаю на собственном опыте, что человек этот очень опасен.

Крейк испустил вздох облегчения.

— Я так вам признателен, так признателен... — пролепетал он. — И...

Он осекся, окончательно смешавшись.

— Что вы хотели сказать? — пришел я на помощь.

— Я думал, вы будете надо мной смеяться, — донесся до меня едва слышный шепот. — Любой другой на вашем месте...

Я смотрел на внезапно осунувшееся лицо Крейка и думал о том, какой мрак этот человек носит в своей душе. Впрочем, разве душевный мрак, сокрытый за респектабельной наружностью, такая уж большая редкость?

— Мне слишком хорошо известно, как больно ранят насмешки, — проронил я.

Я решил навестить Бродерика, а после воспроизвести королевское родословное древо и сопоставить его с тем, что говорилось в «Titulus Regulus» о происхождении Ричарда III. Успех изысканий, предпринятых мною в замке, окрылил меня, а разговор с Крейком, разрешивший еще одну загадку, прибавил уверенности.

У дверей камеры Бродерика стояли в карауле сержант Ликон и еще один солдат. Сержант сухо кивнул нам с Бараком.

— Все в порядке? — осведомился я.

— Да. Заключение целый день лежит на своей кровати. С солдатом, которого я к нему приставил, даже словом не обмолвился.

— Мне удалось узнать, где он добыл яд, — не без гордости сообщил я и рассказал сержанту об открытии, сделанном в замке. — Думаю, Редвинтер

вскоре вновь приступит к своим обязанностям, — заметил я напоследок.

— А я-то надеялся, что мы его больше не увидим, — буркнул Ликон.

— Боюсь, нам еще долго придется терпеть его общество, — вздохнул я. — Сержант, я должен поблагодарить вас и ваших людей, — произнес я после недолгого молчания. — Если бы не вы, встреча с медведем закончилась бы для меня весьма печально.

— Мы всего лишь выполняли свой долг, — пожал плечами Ликон. — Хотя, признаюсь, услышав крики, я сперва подумал, что это уловка. Ведь кто-то мог нарочно поднять переполох, чтобы отвлечь стражу и освободить Бродерика. Я не знал, что и делать. А потом наконец решился запереть заключенного и вместе со своими людьми бросился в церковь.

— Слава богу, вы приняли верное решение. Остаься вы на своем посту, медведь разорвал бы меня на клочки.

Сержант кивнул, но взгляд его по-прежнему оставался холодным и неприязненным.

— Я много думал о том, что вы мне рассказали, сержант, — сделав над собой усилие, продолжал я. — Мне тяжело сознавать, что ваши родители лишились земли по моей вине. Боюсь, я вынес решение, не изучив должным образом все обстоятельства, связанные с передачей земель в аренду. У ваших родителей сохранились какие-либо документы, подтверждающие их права?

— Нет. — Он уныло покачал головой. — Все документы давным-давно утеряны. Но на протяжении нескольких поколений предки мои арендовали землю у монахов.

— Если бы нам удалось найти записи, которые это подтверждают, это многое изменило бы. Можно было бы добиться пересмотра дела.

— Мои родители не умеют ни читать, ни писать, — смущенно пробормотал сержант. — Они во всем полагаются на дядю, а он, честно говоря, тоже не слишком большой грамотей. И уж конечно, услуги стряпчего им не по карману.

— А когда они должны будут покинуть свою ферму?

— Через шесть месяцев, — вздохнул сержант. — Не позднее дня весеннего равноденствия.

— Послушайте, я чувствую свою ответственность за это дело. После возвращения в Лондон я могу оказать вам помощь. Если хотите, конечно.

— Я же сказал, родители мои бедные люди. Они не могут платить стряпчему.

— Я ничего с них не возьму. Про вопо, как говорим в таких случаях мы, юристы.

Лицо молодого солдата посветлело.

— Правда, сэр? О, если бы вам удалось вернуть нашу ферму...

— Я ничего не обещаю. Но я сделаю все, что возможно.

— Спасибо.

Сержант взглянул на меня в некотором замешательстве.

— Признаюсь, когда я узнал, что злополучное решение вынесли именно вы, я клял вас на чем свет стоит.

— Проклятия меня не берут, — усмехнулся я. — За свою жизнь я получал их слишком много.

— Если вы нам поможете, я до конца дней своих буду благословлять ваше имя, — с пылом заверил сержант. — Вы представить себе не можете, как я вам благодарен...

— Пока что вам не за что меня благодарить, — буркнул я, несколько смутившись. — Если вы не возражаете, я хотел бы увидеть Бродерика.

Ликон кивнул и извлек из кармана ключи.

— И зачем только люди заключают себе подобных в темные вонючие камеры? — задумчиво изрек он. — Ведь в мире и без того достаточно бед и страданий.

Бродерик пластом лежал на своей койке. Вид у него был столь измученный, что сердце мое невольно сжалось от сострадания. В неровном свете свечи преждевременные морщины, избородившие его юное лицо, казались особенно глубокими. Завидев меня, он с трудом поднял голову.

— У вас есть чем утолить жажду? — спросил я.

— Да, — кивнул он и указал на кувшин, стоявший на полу.

— Я знаю, где вы раздобыли яд, сэр Эдвард, — тихо произнес я. — Вы отравились ядовитыми грибами, которые росли в водосточной трубе за вашим окном.

Несколько мгновений он неотрывно смотрел на меня, потом отвел взгляд.

— Какая разница, — безучастно проронил он. — Мне не удалось избавиться себя от мучений. И другого шанса у меня не будет.

— Как только вы сумели заставить себя проглотить такую гадость?

— Мысль о том, что мне предстоит, была сильнее отвращения, — пожал плечами Бродерик. — Я зажимал нос руками, чтобы не чувствовать запаха, и заталкивал грибы в себя вместе с водой.

— Да, запах они издают ужасающий.

— Все оказалось напрасно, — бросил Бродерик. — Мой желудок изверг отраву. Он оказался слишком чувствительным.

Бледное лицо его исказила гримаса злобы и отчаяния.

— Послушайте, почему бы вам не рассказать им все, что они от вас требуют? — произнес я, глядя ему прямо в глаза. — В конце концов под пытками они все равно вытянут из вас все. Зачем обрекать себя на бессмысленные страдания? А если вы будете откровенны, вы сможете подать просьбу о помиловании. Как знать, может, оно будет вам даровано.

Бродерик зашелся хриплым судорожным смехом.

— Неужели вы думаете, я поверю их обещаниям? — спросил он, отсмеявшись. — Роберт Эск был слишком доверчив. Вы сами видели, какое помилование ему даровали.

— Кстати, сегодня его скелет упал с башни, — сообщил я. — Его сбросил разгулявшийся ветер.

На лице Бродерика мелькнуло подобие улыбки.

— Это недоброе предзнаменование, — проронил он. — Король-еретику есть над чем задуматься.

— Странно слышать от вас разговоры о предзнаменованиях и пророчествах. Я полагал, в них верят лишь простолюдины, не получившие никакого образования.

Бродерик хранил молчание. Я не сводил с него глаз, думая о том, как много тайн хранит этот измученный человек. Вероятно, ему известно, что за документы хранились в шкатулке. Возможно, он знает о том, какую угрозу они могут представлять для нынешнего короля. А что, если он осведомлен о любовных похождениях королевы и о том, какую выгоду собирались извлечь из них заговорщики? Так или иначе, мне оставалось лишь теряться в догадках. Любые расспросы находились под строжайшим запретом.

— Если Генрих — еретик и узурпатор, кто, по вашему мнению, имеет право на английский престол? — неожиданно для себя самого спросил я. — Кое-кто считает, что на трон должна была взойти графиня Солсбери.

— Кое-кто может считать все, что ему вздумается, — с косой усмешкой бросил Бродерик.

— Но в любом случае принц Эдуард, единственный сын короля, является его законным наследником.

Я помолчал несколько мгновений и заговорил вновь:

— А также сыновья, которых может родить королю королева Кэтрин. По слухам, она уже беременна.

— Вот как? — равнодушно проронил Бродерик.

В глазах его не промелькнуло ни малейшей искорки интереса.

— Все ваши ухищрения напрасны, сэр, — заявил он с презрительным смехом. — Вы зря принимаете меня за дурака.

— Я просто хотел поддержать разговор.

— Уверен, вы ничего в своей жизни не делаете просто так. А знаете, чего бы мне действительно хотелось?

— Любопытно узнать.

— Я бы хотел, чтобы вы находились в камере пыток Тауэра, когда палачи примутся показывать на мне свое мастерство. Вам было бы полезно увидеть собственными глазами, к чему привели ваши заботы и попечения.

— Вы можете избежать знакомства с лондонскими палачами, если расскажете все сейчас.

— Убирайтесь, — дрожащим от негодования голосом произнес Бродерик.

Я встал, подошел к дверям и постучал, дабы стражник меня выпустил.

Стоило мне выйти в коридор, сердце болезненно екнуло, ибо я лицом к лицу столкнулся с Редвинтером. Он заметно осунулся, под глазами залегли темные круги. Для человека, привыкшего упиваться собственной властью, внезапный арест явился особенно чувствительным ударом. Избегая встречаться со мной взглядом, Редвинтер уставился на Барака, которой с подчеркнуто независимым видом прислонился к стене.

— Я слышал, ваш хозяин разузнал, каким образом отравился Бродерик, — процедил тюремщик.

— Да, — кивнул Барак. — Бродерик оказался на редкость изобретательным.

— Более у него не будет случая проявить свою изобретательность, — заявил Редвинтер. — Я вновь приступаю к своим обязанностям. Малевверер сказал, что мне следует вас поблагодарить, — пробурчал он, наконец повернувшись ко мне.

В ответ я молча пожал плечами.

— Думаю, вы считаете меня своим должником, — с досадой произнес Редвинтер. — Что ж, радуйтесь.

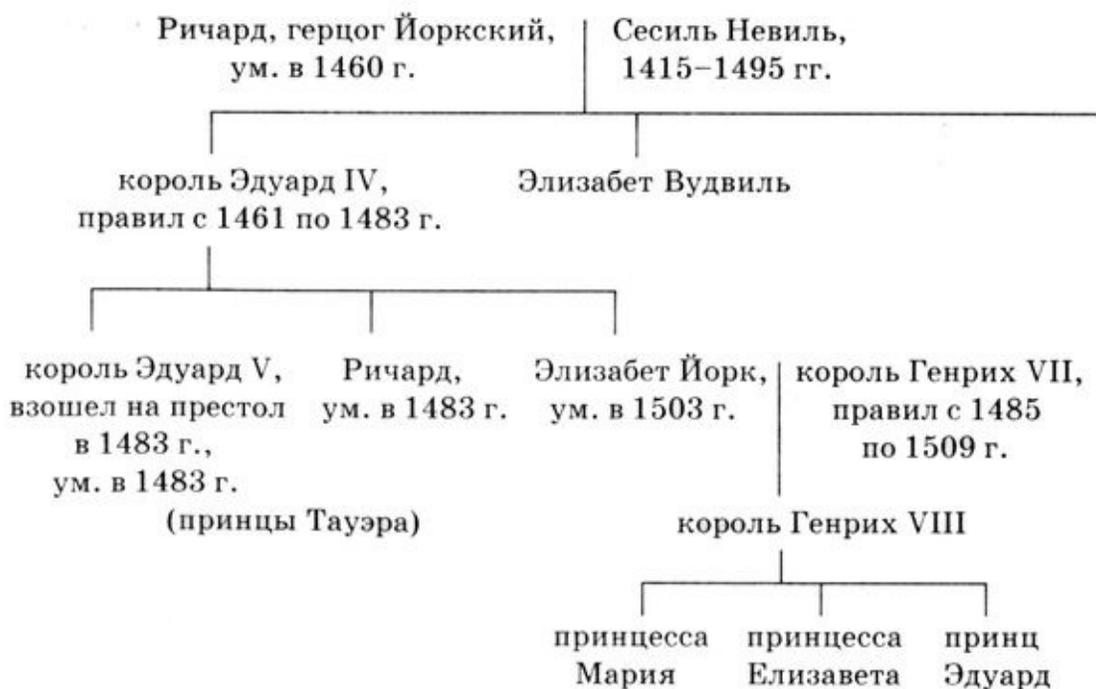
— Не вижу никаких оснований для радости, — отрезал я.

— И правильно делаете, — усмехнулся Редвинтер. — Один раз я уже одержал над вами верх. Можете не сомневаться, я сумею сделать это вновь.

Он прошел мимо, едва не задев меня плечом, и резким голосом приказал солдату немедленно передать ему ключи от камеры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Мы с Бараксом сидели перед кроватью, на которой был разложен листок с изображением королевского родословного древа. Я воспроизвел его по памяти, как только вернулся в свою каморку. Лампа, стоявшая на подоконнике, бросала тусклый свет на имена королей и их ближайших родственников.

— И каким образом эти каракули помогут нам определить, кто на вас напал? — устало спросил Баракс.

— Тот, кто пренебрегает подробностями, никогда не найдет верного ответа, — назидательно изрек я. — Так что запаситесь терпением.

Баракс молча нахмурился, а я продолжал:

— Итак, в «Titulus» особо подчеркивается, что Ричард Третий родился во владениях своего отца и посему «законность его происхождения не вызывает сомнений». Этот оборот заставил меня насторожиться. И, поразмыслив, я увидел здесь скрытый намек на то, что один из братьев Ричарда был незаконнорожденным.

— Вы же сами утверждали, что этому акту не следует безоговорочно

доверять, — возразил Барак. — Говорили, здесь собраны воедино все, даже самые шаткие доказательства того, что Ричард не узурпировал английский престол, а взошел на него по праву. И как мы узнаем, верна ли ваша догадка?

— Может статься, один из похищенных документов подтвердил бы мою правоту, — заметил я и ткнул пальцем в имя Сесиль Невиль, выведенное на вершине древа.

— Если кто-нибудь из ее детей был незаконнорожденным, это объясняет странную фразу, которую бросил при мне Малевеверер. Когда бумаги пропали, он заявил: «Все началось с Сесиль Невиль».

— Помимо Ричарда Третьего, у этой дамочки было еще двое сыновей, — задумчиво потерев подбородок, пробормотал Барак.

— Да. Георг, герцог Кларенс, отец Маргарет, графини Солсбери, казненной в этом году. И Эдуард Четвертый, который приходится дедом нынешнему королю.

— Если существуют документы, которые ставят под сомнение законное происхождение ветви Кларенсов, королю это только на руку, — сказал Барак. — Он не преминул бы предать их широкой огласке.

— А вот заговорщикам подобные свидетельства совершенно ни к чему, — подхватил я. — Они ни за что не стали бы их хранить, напротив, постарались бы уничтожить. Значит, под подозрением оказывается Эдуард Четвертый, дед короля. Кстати, говорят, между дедом и внуком существует большое внешнее сходство.

— Но если Эдуард Четвертый не являлся сыном герцога Йоркского...

Барак осекся, устремив на меня полный ужаса взгляд.

— Значит, в его жилах течет не королевская кровь, — закончил я. — Следовательно, нынешний король имеет на престол куда меньше прав, чем представители ветви графини Солсбери. А все права короля основаны на том, что он приходится сыном Генриху Тюдору.

— В жилах которого текла лишь малая толика королевской крови.

— Именно так. Если мои предположения справедливы, жирной чертой здесь подчеркнуты имена представителей незаконной династии, — указал я на родословное древо. — Все это потомки Эдуарда Четвертого.

— А кто же был его отцом?

— Одному богу известно, что там произошло двести лет назад. Возможно, отцом Эдуарда был какой-нибудь благородный дворянин, принадлежавший ко двору герцога Йорка. Возможно, он носил имя Блейбурн, — добавил я, вскинув бровь.

Барак в ответ лишь изумленно присвистнул.

— Что-то я никогда не слышал о знатном семействе с такой фамилией, — заявил он спустя несколько мгновений.

— Я тоже не слышал. Но немало знатных родов оборвалось навсегда во время войны Алой и Белой розы.

— Все это более чем серьезно, — произнес Барак едва слышно, хотя в подобных предосторожностях не было надобности. Наши соседи отправились обедать, и в доме царила тишина. — За одно упоминание о том, что король принадлежит к незаконной линии, нас могут обвинить в государственной измене.

— Но если это действительно так и тому существуют доказательства, трон под королем вскоре может зашататься. Особенно если огласку получат не только документы, но и история, связанная с неприглядным поведением королевы Кэтрин. Тогда от величия короля не останется и следа. Трудно с благоговением относиться к внуку бастарда и рогоносцу. Пожалуй, Генрих станет мишенью для насмешек.

— Столь важное дело — не повод для шуток, — сердито прищурившись, осадил меня Барак.

— Вы правы. Но все же меня забавляет мысль о том, что великий Генрих на самом деле всего лишь потомок кукушонка, подброшенного в королевское гнездо. Если мои предположения верны, — продолжал я, согнав с лица усмешку, — в распоряжении заговорщиков оказались сведения, способные произвести в стране настоящую бурю. Эти сведения ставят под сомнение не только законность детей, которых когда-нибудь произведет на свет Кэтрин Говард, но и законность пребывания Генриха на троне. Полагаю, заговорщики намеревались пустить в ход столь мощное оружие, когда мятеж будет в полном разгаре. Однако подходящий момент так и не настал, ибо заговорщиков предали прежде, чем они успели привести свои планы в исполнение.

— Предали? — переспросил Барак. — Вы, верно, хотели сказать, что заговорщиков разоблачили? Человек, который сделал это, сослужил Англии добрую службу.

— Да, конечно, их именно разоблачили. А документы, с которыми они связывали столько надежд, удалось спасти. До поры до времени их спрятали в тайнике в доме Олдройда. Вне всякого сомнения, заговорщики не сомневались, что им еще подвернется случай пустить документы в ход, — произнес я, пристально глядя на Барака. — Бродерик заявил, что час падения Генриха близок. Может статься, у него есть веские основания так полагать. Ведь тайны, порочащие короля, по-прежнему находятся в руках его заклятых врагов.

— Вы хотите сказать, что назревает еще одно восстание? Но в Йорке сейчас все гайки закручены крепко-накрепко. По-моему, солдат в этом городе больше, чем простых жителей.

— Да, но король и его свита не будут находиться здесь вечно. Вскоре они уедут, а вместе с ними уедут и солдаты. Поддержание порядка в Йорке вновь будет возложено на местных констеблей. А еще неизвестно, кому принадлежат их симпатии. Сейчас жители Йорка воздерживаются от открытых проявлений недовольства, но всякому ясно: они приветствуют короля отнюдь не слишком сердечно. Не далее как сегодня мастер Уотерс упомянул, что настроение в городе оставляет желать лучшего. Кранмер сам признался, что властям до сих пор не удалось вырвать заговор с корнем. Некоторые его главари бежали, и сейчас власти, пытаясь выйти на их след, хватают тех, на кого пала лишь тень подозрения. Думаю, именно поэтому в Тауэре оказался жених Дженнет Марлин.

— А те, кто, подобно Бродерику, действительно осведомлен о планах заговорщиков, пока держат язык за зубами, — заметил Барак. — Но все это не более чем ваши домыслы. И, надо сказать, весьма опасные домыслы.

— Тем не менее эти домыслы очень многое объясняют. Например, причину, по которой выделены некоторые имена на родословном древе. Или двусмысленные выражения в «Titulus Regulus», которые до сих пор оставались для меня загадкой. А также замечание Малеверера относительно Сесиль Невиль.

— Но кто пытался вас убить? Ответ на этот вопрос по-прежнему покрыт мраком, и все ваши рассуждения ничуть его не проясняют.

— Пока нет. Но я хотя бы понял, почему заговорщики вознамерились убить меня во что бы то ни стало. Они думают, что я успел прочесть все документы, они знают, что я связан с Кранмером. Возможно, они предполагают, что, вернувшись в Лондон, я незамедлительно сообщу архиепископу о содержимом шкатулки, а до поры храню молчание, ибо не доверяю Малевереру.

Я встал, разорвал листок с изображением родословного древа на мелкие кусочки и сжег на фитиле лампы.

— Это так уж необходимо? — удивился Барак.

— Необходимо, — кивнул я, бросив обгорелые клочки на пол и потоптавшись на них.

Внезапная мысль заставила меня задать Бараку неожиданный вопрос:

— Как бы вы поступили, будь вы заговорщиком, которому удалось избежать ареста? Предположим, вы скрываетесь где-нибудь вместе с ценными документами, похищенными из шкатулки.

Барак погрузился в задумчивость.

— Я бы выждал, пока король, его свита и охрана вернутся в Лондон, — наконец заявил он. — Потом я вышел бы из своего убежища и попытался вновь раскинуть сеть заговора на севере. Но на этот раз я остерегался бы осведомителей и не распускал бы язык перед непроверенными людьми.

— А почему сеть заговора, как вы выражаетесь, должна охватить только север? Юг тоже не должен оставаться в стороне. В Грейс-Инне, например, найдется немало недовольных нынешним королем.

— Вы правы, необходимо наладить связи по всей стране. А потом, выждав подходящий момент, перейти к решительным действиям. Растрезвонить по всему свету, что Генрих — внук бастарда, а королева Кэтрин — шлюха. Думаю, лучшее время для мятежа — весна. Зимой воевать слишком тяжело, особенно если у твоих людей недостаточно еды и теплой одежды.

— Думаю, именно так рассуждают заговорщики. Кстати, если королева Кэтрин действительно беременна, им это только на руку. Беременность послужит неопровержимым доказательством ее связи с Калпепером.

— А как насчет всех этих клятв и заверений, которые принесли королю местные дворяне? Если появятся доказательства того, что король не имеет законных прав на престол, эти клятвы утратят свою силу?

— Разумеется, утратят. Подобное известие изменило бы все.

— Пожалуй, в результате Малеверер лишился бы головы, которая украсила бы ворота Йорка?

— Если бы мятеж вспыхнул вновь, Малевереру бы не поздоровилось, — пробормотал я, опускаясь на кровать. — И, признаюсь, я понимаю, что северяне имеют все основания быть недовольными. Жизнь здесь отличается от жизни южных графств далеко не в лучшую сторону.

— Вот как? — нахмурился Барак. — А о том, что мятежники только и мечтают, как бы вернуть Папу, вы, видно, позабыли. К тому же они будут искать поддержки за границей и, конечно, первым делом обратятся за помощью к шотландцам. А там, где шотландцы, там и французы...

— Да, пролились бы реки крови, — вздохнул я.

Барак задумчиво почесал голову.

— А как вы думаете... — нерешительно начал он.

— О чем вы?

— Известна ли королю темная история, связанная с рождением его деда? Знает ли он, что не имеет законных прав на престол? Я уверен, что знает. Ведь стоило Малевереру упомянуть имя Блейбурна в разговоре с герцогом Суффолком, поднялся настоящий переполох. А уж если герцог

осведомлен о том, что этот самый Блейбурн является истинным предком короля, королю это известно наверняка.

— Вы полагаете, он знает, что взошел на трон, не имея на то законных оснований, но тем не менее делает все для сохранения своей власти?

— Будь вы на его месте, вы что, поступили бы иначе?

— Мне трудно представить себя на его месте, — усмехнулся я. — Одно могу сказать с уверенностью: король даже не догадывается, что молодая жена ему изменяет. В противном случае он не стал бы ей потворствовать. Не такой у него нрав. И еще в одном я убежден — нам не стоит делиться своими соображениями с Малеверером. Узнай он только, что я проник в скрытый смысл «Titulus», моя догадливость будет стоить мне жизни.

— Да уж, тогда не только у заговорщиков возникло бы желание навсегда заткнуть вам рот.

— Так что пока нам стоит придерживаться правила «Молчание — золото». Надеюсь, король не задержится здесь слишком долго. Я жду не дождусь, когда мы окажемся на корабле, идущем в Лондон.

— А когда мы вернемся, вы расскажете обо всем Кранмеру?

— Посмотрим, — уклончиво ответил я.

— Тамазин придется возвращаться вместе с королевской свитой. А это путешествие, скорее всего, затянется на несколько недель. Девчонка не показывает виду, но после того, что случилось, она не знает ни одной минуты покоя.

В голосе Барака послышалась неподдельная забота, и я понял, как много для него значит Тамазин.

— Нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы она вернулась с нами, на корабле?

— Это не так просто. Необходимо измыслить вескую причину, по которой Тамазин должна вернуться в Лондон раньше всех остальных слуг.

— Можно сказать, что кто-нибудь из ее родственников тяжело захворал.

— Я попытаюсь что-нибудь придумать, — пообещал я. — Но прежде надо узнать, какие перспективы ожидают нас самих.

— Спасибо, — с облегчением вздохнул Барак. — Скажите, а зачем королю возвращаться в Халл? Он ведь уже там был.

— Насколько мне известно, он намерен укрепить защитные сооружения этого города.

— Ехать туда со всей свитой и челядью — большая морока.

— Он король и волен делать все, что пожелает. Кстати, есть еще один человек, которому я должен во что бы то ни стало обеспечить место на корабле. Это мастер Ренн. Я обещал ему помощь и должен выполнить свое

обещание. Знаете, подчас мне кажется, что, заботясь о нем, я искупаю свою вину перед покойным отцом.

— Я тоже привязался к старикану. И мне его жаль. Хотя, глядя на него, никогда не подумаешь, что он стоит на краю гроба. По крайней мере, голова у него варит наилучшим образом, и сегодня, во время слушаний, всякий мог в этом убедиться.

— Да, с виду Джайлс бодр и крепок. Но доктор Гибсон уверен, что ему осталось жить совсем немного, — с грустью заметил я.

— Я так понял, решение, которое он принял по делу торговца древесиной, вас не удовлетворило?

— Нет. Но он живет в Йорке и должен руководствоваться многочисленными соображениями, которые мне не известны.

— Как вы думаете, завтра мы покончим с прошениями?

— Надеюсь. Тогда дело, по которому мы сюда прибыли, будет завершено.

— Может, утром нам стоит сходить в город и немного развеяться? — предложил Барак. — Не сидеть же все время в этом проклятом аббатстве. Тамазин сказала, завтра они с мистрис Марлин намерены пройтись по городским лавкам, — сообщил он, слегка покраснев. — Им надо купить ткань для починки белья королевы. Я обещал, что около половины одиннадцатого попытаюсь быть на площади Святой Елены. Сегодня я не виделся с Тамазин. Я ведь не могу оставить вас ни на минуту.

— Что ж, завтра нам придется вместе отправиться на свидание. Я буду, так сказать, вашей дуэньей. Не волнуйтесь, я призову на помощь весь имеющийся у меня такт.

Следующее утро оказалось ясным и солнечным, однако пронзительный ветер так и не утих. Король, по слухам, вновь отправился на охоту. Мы с Баракком двинулись в город. Это был базарный день, и на улицах Йорка яблоку было негде упасть. По пути мы столкнулись с несколькими чиновниками из королевской свиты, которые самозабвенно бранились с купцами. По всей видимости, те скупили слишком много товаров, дабы взвинтить на них цены.

Тамазин сообщила Баракку, что они с мистрис Марлин намерены посетить лавку в Конигейте. Мы прибыли на площадь Святой Елены вскоре после десяти. Я бросил взгляд на улицу, на которой стоял дом Олдройда, и припомнил день, когда нам едва удалось избежать схватки с разъяренными стекольщиками. Не подоспей мастер Ренн на выручку, нам с Баракком не поздоровилось бы. На другой стороне площади возвышалась городская ратуша, по ступенькам которой беспрестанно поднимались и спускались

люди.

Потом я перевел взгляд на церковь Святой Елены и заметил в церковном дворе, под деревом, уютную скамью.

— Пойдемте посидим немного, — предложил я, указав на нее Бараку.

— Вы стали большим любителем скамеек под деревьями, — усмехнулся он.

— Когда касаешься спиной ствола, можно не ожидать удара сзади, — ответил я.

— Хорошо, идемте, — кивнул Барак. — Оттуда мы непременно их увидим. А выглядеть это будет так, словно мы ходили в город по своим надобностям и присели отдохнуть.

Мы вошли в церковный двор и опустились на скамью. Могилы, возвышавшиеся вокруг, были покрыты золотисто-желтым ковром опавших листьев. Все здесь дышало тишиной и покоем.

— Поглядите-ка, вон рикордер. Он заметил нас и машет рукой, — ткнул меня в бок Барак.

И в самом деле, рикордер Танкерд, стоя на крыльце ратуши, приветственно махал нам. Встреча с этим человеком была мне неприятна, ибо он напомнил мне происшествие в Фулфорде. Однако я помахал в ответ, и рикордер направился к нам.

— Отдыхаете, джентльмены? — спросил он, приблизившись.

Взгляд, который Танкерд бросил на меня, был полон откровенного любопытства. Возможно, он намеревался доложить своим коллегам, как я выгляжу после перенесенного унижения. Вне сомнения, вид у меня был усталый и озабоченный, хотя причиной того послужило не только королевское остроумие.

— Да, решили немного побездельничать, прежде чем приступить к слушанию оставшихся прошений.

— Надеюсь, слушания проходят без всяких затруднений?

— Все идет как по маслу. Брат Ренн способен разрешить любую проблему.

— Из всех стряпчих Йорка брат Ренн пользуется наибольшим уважением. Но, насколько мне известно, в последнее время он не берется за новые дела. Полагаю, годы берут свое и он решил наконец удалиться на покой.

— Хорошему законнику годы не помеха, — уклончиво заметил я.

— Да, конечно. Тем более брату Ренну никто не даст его лет. Впрочем, в последнее время он немного сдал.

Я не ответил, и Танкерд не стал продолжать этот разговор.

— Я должен оставить вас, джентльмены, — заявил он. — Дела не терпят отлагательств. От совета требуют, чтобы он вынудил местных фермеров продать все имеющиеся у них в запасе продукты, даже зерно для посевов. Впрочем, королевские поставщики предлагают хорошую цену. Шотландский король не торопится, а королевской свите каждый день необходимы горы снеди.

Несколько минут Танкерд молчал, потом пристально взглянул на меня и произнес вполголоса:

— То, что сказал вам король, просто возмутительно. И я далеко не единственный, кто так думает.

— Благодарю вас, — выдавил я, в изумлении подняв глаза на рикордера. — Так, значит, в ратуше королевскую шутку не сочли забавной?

— Ее сочли жестокой и низкой. Поступив с вами подобным образом, король отнюдь не способствовал своей доброй славе.

— Спасибо, брат Танкерд. Мне приятно это слышать.

Рикордер поклонился и зашагал прочь. Я проводил его взглядом.

— Вот они, вот! — снова толкнул меня Барак.

Проследив за направлением его взгляда, я увидел мистрис Марлин и Тамазин, которые медленно шествовали по улице. Вслед за ними вооруженный слуга тащил огромную корзину, вне сомнения, наполненную отрезами ткани, тесьмой и кружевами.

— Доброе утро! — приветствовал их я.

Дженнет Марлин повернула голову, но солнце ударило ей прямо в глаза, вынудив прищуриться и сдвинуть брови. Узнав меня, она остановилась в некотором замешательстве.

— Может, мы отдохнем немного, мистрис? — вкрадчиво предложила Тамазин. — Я на ногах с раннего утра. А здесь такое приятное, такое уютное местечко.

Про себя я отметил, что девушка явно обладает даром убеждения.

Мистрис Марлин внимательно поглядела на нас, возможно, догадываясь, что встреча была отнюдь не случайной. Тем не менее она решила ответить на просьбу Тамазин согласием.

— Что ж, давайте немного посидим. Несколько минут отдыха нам не помешают.

Я поднялся со скамьи и с поклоном пригласил мистрис Марлин сесть.

— Для нас всех здесь слишком мало места, — заявила Тамазин. — Мастер Барак, пожалуй, нам с вами лучше устроиться вон под тем деревом. Я покажу вам, каких красивых вещей мы накупили.

— Горю желанием посмотреть, — провозгласил Барак и вслед за

Тамазин отправился к старому дубу, стоявшему поодаль.

Я остался наедине с Дженнет Марлин. Слуга, войдя в церковный двор, уселся на траву на почтительном расстоянии от нас.

— Как поживаете, мистрис Марлин? — осведомился я.

Выглядела она далеко не лучшим образом, в огромных глазах стояла печаль. Непослушные кудри, выбившись из-под капора, упали ей на лоб, и она с досадой отбросила их.

— Вы получили какие-нибудь новости из Лондона? — задал я еще один вопрос.

— Нет. И до сих пор не известно, как долго мы пробудем в этом кошмарном городе.

— Только что я беседовал с местным рикордером, и он сообщил, что королевские поставщики пополняют запасы провизии.

— Слуги, которых разместили на постой в лагере, уже начинают проявлять недовольство. Того и гляди, вскоре начнутся беспорядки, вроде тех, что вспыхнули в Понтефракте.

Мистрис Марлин испустила сокрушенный вздох.

— Господи боже, как горько я сожалею о том, что согласилась участвовать в этом путешествии!

Она устремила на меня грустный взгляд.

— Предполагалось, что Бернард, мой жених, тоже поедет вместе с нами. Ему предстояло заняться работой, которую выполнили вы, — сообщила она, немного поколебавшись. — Разбором прошений.

— Вот как. Я этого не знал.

— Да, похоже, должность, которая вам досталась, приносит несчастья. Бернарда арестовали, а человек, которого первым назначили на его место, скоропостижно скончался.

«Так вот в чем кроется причина ее первоначальной враждебности», — отметил я про себя.

Впрочем, сейчас Дженнет Марлин избавилась от власти предубеждения и прониклась ко мне доверием. Мне было приятно, что она более не держит на меня зла. Порой мне даже начинало казаться, что рядом со мной Сюзанна, подруга моих детских лет.

«Впрочем, нельзя увлекаться подобными подменами, — сказал я себе. — Мистрис Марлин — это вовсе не Сюзанна, а Джайлс Ренн — не мой отец».

— Один из друзей Бернарда убедил меня не отказываться от поездки, — продолжала Дженнет. — Он тоже стряпчий и практикует в Линкольнс-Инне. В апреле, когда Бернарда бросили в Тауэр, я навещала его каждый

день. Но его друзья сказали, что я могу навлечь на себя подозрения, и посоветовали на время оставить Лондон. Леди Рочфорд тоже очень настаивала на моем участии. Она ко мне привыкла и более никому не доверяет свои наряды.

— Я понимаю, как тяжело вам было уезжать из Лондона.

— Если бы в деле Бернарда произошли хоть какие-то изменения, я вернулась бы в Лондон незамедлительно. Но вот уже несколько месяцев ему не предъявляют никаких обвинений. Простите, сэр, — внезапно оборвала сама себя мистрис Марлин. — Представляю, как я наскучила вам своими сетованиями.

— Вы мне ничуть не наскучили, сударыня, — возразил я. — Напротив, я очень вам сочувствую. Как ваш жених переносит тяготы тюремного заключения? Друзья его навещают?

— Да, — кивнула Дженнет, повертев на пальце обручальное кольцо. — Они приносят ему еду и прочие необходимые вещи. И камера у Бернарда не такая сырая и холодная, как те, что находятся под землей. Мы выложили тюремщикам целое состояние, чтобы они устроили Бернарда получше, — добавила она с горечью.

— Алчность тюремщиков известна всем.

— И все же я боюсь, что пребывание в камере окажется губительным для его здоровья. Приближается зима. Страшно подумать, какая стужа царит зимой в Тауэре.

— Возможно, ваш жених выйдет на свободу еще до наступления холодов.

В ответ она лишь вздохнула.

— Все его друзья практикуют в Грейс-Инне? — осведомился я.

— Почему вы об этом спрашиваете? — настороженно вскинула ресницы мистрис Марлин.

— Племянник одного из моих друзей принадлежит к этой корпорации, — пояснил я. — Вот я и подумал, что они с вашим женихом могут быть знакомы. Тем более он тоже с севера.

И я рассказал ей о Джайлсе, о его намерении найти племянника и о том, что вызвался ему помочь.

— Выходцы с севера действительно стараются держаться вместе, — кивнула Дженнет. — Зачастую их объединяют общие взгляды. Ведь почти все они — приверженцы традиционных религиозных устоев.

— Полагаю, племянник моего друга тоже таков. Кстати, его зовут Мартин Дейкин.

— Это имя я слышу впервые.

— Но вам, наверное, известно, не был ли арестован еще кто-нибудь из стряпчих Грейс-Инна. Ведь в тысяча пятьсот тридцать шестом году эта корпорация имела несчастье навлечь на себя серьезные подозрения властей.

— Нет, о других арестах я ничего не знаю.

— Что ж, значит, есть надежда, что Мартин Дейкин на свободе. Скажите, а в какой палате практиковал ваш жених?

— Почему вы говорите о нем в прошедшем времени? Он непременно выйдет на свободу и будет практиковать. Как и прежде, в Гарден-Корт.

— Простите мою не деликатность.

Дженнет молчала, потупившись. Потом она устремила на меня огромные печальные глаза и заговорила вновь:

— Вы знаете, что послужило поводом для ареста Бернарда?

— Нет, сударыня.

— Вот как? — Во взгляде ее вновь мелькнула подозрительность. — Я думала, до вас дошли здешние пересуды.

— До пересудов я не охотник.

— Единственная вина Бернарда состоит в том, что он знаком с двумя джентльменами из Йорка, которые принимали участие в заговоре. Все трое дружили с детства.

— Возможно, его друзья сообщили на допросе, что ваш жених тоже был среди заговорщиков?

— Нет, — покачала она головой. — Даже под пытками они не стали возводить на Бернарда напраслину. Обоих казнили, а останки их выставили на Фулфордских воротах. К счастью, перед приездом короля головы заговорщиков сочли нужным убрать.

— Значит, никаких свидетельств против вашего жениха не существует?

— В конце прошлого года Бернард получил письмо от одного из своих старых друзей. Там говорилось о том, что вскоре настанут лучшие времена. Но Бернард не придавал этому никакого значения. Как вы помните, прошлое лето выдалось на редкость засушливым и неурожайным. И Бернард решил, что друг его пишет о надеждах на лучший урожай. Так он сам мне сказал.

— Если это письмо — единственная улика, вашему жениху нечего опасаться.

— В наши дни не много нужно, чтобы уличить человека в измене. В особенности если он противник религиозных преобразований и не считает нужным этого скрывать. Не подумайте только, что Бернард принадлежит к числу рьяных папистов. Нет, я приложила немало стараний для того, чтобы убедить его в благодетельности библейского христианства. И, если только

женщина способна в чем-то убедить мужчину, мне удалось это сделать. Но Бернард известен своими традиционными взглядами, а этого вполне достаточно, чтобы объявить его государственным преступником. Особенно если найдется хитрец, умеющий вливать яд в уши сильных мира сего.

— О ком вы говорите? — насторожился я. — Значит, у вашего жениха есть враг, которому выгодно с ним поквитаться?

— Здесь, в Йоркшире, Бернард купил землю, прежде принадлежавшую небольшому монастырю, — пояснила Дженнет. — С одной стороны участок этот вплотную примыкал к поместью его семьи. А с другой стороны — к владениям другой семьи, которая тоже не прочь расширить свои земли, — процедила она, и губы ее сжались в тонкую ниточку. — Так что, если Бернарда уличат в государственной измене, кое-кто действительно извлечет из этого выгоду. Земли Бернарда отойдут к королю и будут проданы за бесценок.

Она сделала многозначительную паузу.

— Фамилия семьи, о которой я говорила, — Малеверер.

В памяти моей ожил исполненный жгучей ненависти взгляд, который Дженнет бросила на сэра Уильяма, когда их с Тамазин привели к нему в кабинет.

— Господи боже, этот человек готов скупить все земли в Англии! — с горечью воскликнула она.

— Насколько мне известно, он уже наложил руку на поместья Роберта Эска и намерен приобрести недвижимость в Лондоне.

— Причина подобных неумных appetitов — в том, что он незаконнорожденный ублюдок.

Последнее слово Дженнет Марлин словно выплюнула.

— Ему кажется, что богатство заставит людей забыть о его темном происхождении. Никогда прежде алчность и стяжательство не достигали подобного размаха. Люди ради денег готовы на все.

— Вынужден согласиться с вами, сударыня.

— Но Малеверер никогда не добьется своего, — заявила она, сжав руки в изящные кулачки. — Мы с Бернардом поклялись друг другу в верности, и ничто не заставит меня изменить этой клятве.

Голос ее звучал едва слышно.

— Все смеются надо мной, говорят, что единственная причина моей верности Бернарду — в том, что никто больше не позарится на высохшую старую деву. Но...

— Сударыня, — осторожно перебил я, несколько смущенный ее откровенностью.

Но Дженнет была полна желания выложить то, что накопело у нее на душе.

— Люди не могут понять, как крепко мы связаны с Бернардом. Мы дружим с самого детства. Мои родители умерли, когда я была маленькой девочкой, и я выросла в его семье. Он на три года старше меня и всегда был мне поддержкой и опорой. Я привыкла считать его кем-то вроде старшего брата.

Она вновь устремила на меня испытующий взгляд.

— Скажите, сэр, вы верите в небесное предначертание? Верите, что Божественный промысел неразрывно соединяет пути мужчины и женщины?

Я неловко заерзал на скамье. Излияния Дженнет слишком напоминали строки из какой-нибудь цветистой любовной поэмы, которые были при дворе в большой моде.

— Не знаю, что и сказать вам, сударыня, — пробормотал я. — Все это слишком сложно. Порой нам кажется, что какой-то человек предназначен нам небом, но он отнюдь не разделяет наших чувств. Увы, мне на собственном опыте довелось узнать, что такое безответная любовь.

Она посмотрела на меня долгим взглядом и медленно покачала головой.

— Вы меня не поняли. Я всегда знала: никто и ничто не сможет отнять у меня Бернарда. Даже когда он женился на другой, это не поколебало моей уверенности. А потом жена его умерла, и он сделал мне предложение. Вы сами видите, наш брак был предопределен на небесах.

Глаза Дженнет сверкали таким воодушевлением, что мне стало не по себе.

— Ради него я готова на все, — с жаром заявила она. — На все.

— Мне очень жаль, что обстоятельства препятствуют вашему счастью, — тихо произнес я.

Мистрис Марлин внезапно встала.

— Мы должны идти, — сказала она и бросила взгляд на Тамазин и Барака.

Девушка показывала своему ухажеру отрезки роскошной ткани, на которую Барак взирал с откровенно скучающим видом.

— Тамазин, нам пора, — окликнула ее мистрис Марлин. — Мы и так слишком задержались.

Тамазин уложила ткань в корзину, стряхнула с платья опавшие листья и поспешила к нам. Барак следовал за ней.

— Всего вам наилучшего, сэр, — сказала мистрис Марлин и, сделав реверанс, двинулась к воротам.

Когда женщины удалились, Барак покачал головой.

— Господи боже, Тэмми была невыносима. Представляете, она заставила меня разглядывать все эти чертовы кружева и тряпки. И при этом без умолку расписывала их достоинства. Я едва не выл от тоски. Но пришлось слушать, чтобы ее не обидеть.

— Смотрите будьте с ней настороже, а то мигом превратитесь в подкаблучника, — усмехнулся я.

— Этому не бывать, — убежденно заявил Барак, но губы его тронула улыбка. — Простите за то, что оставил вас в обществе мистрис Марлин.

— Вам не за что извиняться. Мистрис Марлин, судя по всему, более не питает ко мне неприязни, и я провел время чрезвычайно приятно.

— В отличие от меня.

— Она много рассказывала о своем женихе. А еще я узнал кое-что любопытное о нашем благородном сэре Уильяме.

И я рассказал Бараку о том, каким образом Малеверер рассчитывает завладеть землями Бернарда Лока.

— Что до мистрис Марлин, то она, похоже, живет и дышит только своим Бернардом, — заметил я напоследок. — Ее душа и сердце принадлежат ему всецело.

— Подобная преданность делает ей честь.

— Да, но что с нею станется, если жениха ее постигнет печальная участь? Ее жизнь тоже будет погублена безвозвратно.

— Вижу, вы прониклись к этой леди большой симпатией, — ухмыльнулся Барак. — Может, вы сумеете занять место ее жениха?

— Думаю, на свете нет мужчины, который сумел бы это сделать, — со смехом возразил я. — Кроме того, у мистрис Марлин слишком страстная натура, а семейной жизни это отнюдь не на пользу.

Я бросил взгляд в ту сторону, куда ушли наши недавние собеседницы.

— Остается лишь надеяться, что мастер Лок выйдет на свободу и соединится наконец со своей суженой.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Через несколько часов мы вернулись в замок, дабы вновь приступить к слушанию прошений. Кости Эска убрали, и лишь обрывок цепи, болтавшийся на верхушке башни, напоминал о ее жутком украшении. Поначалу мне показалось, что цепь покрывают кровавые пятна, но потом я догадался, что она проржавела насквозь.

На этот раз Джайлс, против своего обыкновения, держался с просителями излишне резко. Несколько раз он с раздражением обрывал невнятно лепечущих простолюдинов, так что мне даже пришлось вмешаться. Около пяти мы закончили. Мастер Уотерс собрал свои бумаги и отвесил нам поклон.

— Насколько я знаю, вам предстоит путешествие в Лондон, джентльмены, — сказал он на прощание. — Желаю вам благополучно добраться.

— Спасибо, — ответил я. — Правда, одному богу известно, когда мы двинемся в путь.

— Да, судя по всему, король пока не собирается покидать Йорк.

Когда за Уотерсом закрылась дверь, я обернулся к Джайлсу. Вид у него был до крайности утомленный, щеки бледны, плечи опущены. Когда он встал, тяжело опираясь на палку, я заметил, что он, как ни странно, напоминает мне короля.

— Вы плохо себя чувствуете, Джайлс? — с тревогой осведомился я.

— Неважно, — кивнул он. — С вашей стороны было бы очень любезно проводить меня домой, Мэтью.

Боль и усталость заставили Джайлса позабыть о лондонском произношении, и в речи его ощущался сильный йоркширский акцент.

— Да, разумеется.

Я помог старику спуститься по лестнице и выйти во двор. Барак следовал за нами. Порыв холодного ветра заставил Джайлса содрогнуться.

— Король Джеймс заставляет себя слишком долго ждать, — пробормотал он. — Может, он и не собирается в Йорк?

— Нам остается лишь строить предположения, — пожал плечами я. — Ведь нам ничего не известно о том, какие договоренности существуют между двумя монархами.

— Верьте моему слову, король Джеймс не приедет! — убежденно заявил Ренн. — Господи боже, надо быть законченным болваном, чтобы

явиться в чужую страну и отдать себя на милость короля Генриха.

Барак обеспокоенно огляделся по сторонам. К счастью, поблизости не было ни одной живой души.

— О подобных вещах не стоит говорить так громко, Джайлс, — предостерег я.

— Вы правы, — кивнул старый законник. — Хотя я говорю чистую правду. О господи, времени у меня осталось совсем мало! — воскликнул он со страстью, неожиданной в столь сдержанном человеке. — Мне надо как можно скорее попасть в Лондон.

Мы отвели Джайлса домой, передали на попечение Меджи и направились в аббатство. По пути я молился о том, чтобы у старика хватило сил проделать длинный путь, найти племянника и на пороге смерти обрести мир и душевное равновесие.

Прибыв в аббатство, мы сразу направились в трапезную, ибо у Барака была там назначена встреча с Тамазин. Время обеда уже наступило, и в трапезной царило обычное оживление. Клерки и слуги болтали и перебрасывались шутками в точности так, как и до прибытия короля; к его присутствию успели привыкнуть, и благоговейный трепет несколько поутих. Тамазин сидела за тем самым столом, который мы облюбовали прежде. Оттуда было хорошо видно, кто входит в трапезную. Одета она была, как и всегда, весьма нарядно — голубое шелковое платье, маленький изящный чепчик, из-под которого рассыпались по плечам пышные золотистые локоны.

— Ну что, сударыня, сегодня у вас было много хлопот? — светясь от радости, спросил у нее Барак.

— Нет, день сегодня выдался спокойный, — ответила Тамазин. — Король и королева снова уехали на охоту. Добрый вечер, сэр, — с улыбкой обернулась она ко мне.

— Добрый вечер, Тамазин, — откликнулся я и опустился на скамью рядом с Баракком.

Ощущать себя третьим лишним было не слишком приятно, хотя ни Барак, ни Тамазин не подавали виду, что я им мешаю.

— Сегодня мне придется провести весь вечер, не выходя из комнаты, — сообщил я. — Надо просмотреть кое-какие бумаги.

Никаких бумаг у меня не было, но я решил не докучать влюбленным своим присутствием. Девушка поняла мою хитрость и наградила меня благодарной улыбкой.

— Сегодня мы с мистрис Марлин долго разговаривали, — продолжал я. — Она рассказала мне о своем женихе.

— Бедная мистрис Марлин, — вздохнула Тамазин. — Она готова рассказывать о своем женихе всякому, кто согласен слушать. И при этом обвиняет в его бедах сэра Уильяма. Ей надо быть осторожнее. Надеюсь, ее обвинения не дойдут до его ушей.

— Полагаю, ей сейчас не до осторожности, — заметил я. — Ее злополучный жених — вот единственное, что у нее на уме.

— Но это так понятно, — улыбнулась Тамазин. — О ком ей и думать, как не о человеке, в которого она влюблена с детства? Тем более человек этот сейчас в Тауэре. Правда, многим подобная преданность кажется глупой. Некоторые дамы позволяют себе насмешки, которые глубоко ранят душу...

— Я на собственном опыте знаю, как больно ранят насмешки.

— Но мистрис Марлин никогда не дает воли обиде, она всегда держит себя в руках. Иной раз мне плакать хочется, глядя на нее.

— Насколько я понял, мистрис Марлин свято убеждена, что она и мастер Лок предназначены друг другу небом. Может статься, я ошибаюсь, но мне подобная пылкость представляется чрезмерной. По моему разумению, она свидетельствует об излишней впечатлительности натуры.

— Позволю себе не согласиться с вами.

Тамазин улыбнулась, но в глазах ее сверкнул холодок.

— По моему разумению, сильное чувство достойно восхищения при любых обстоятельствах.

На несколько мгновений над столом повисло неловкое молчание.

— Мы должны кое-что рассказать тебе, Тэмми, — перегнувшись через стол, негромко произнес Барак. — Прошлой ночью на мастера Шардлейка вновь напали.

— Правда?

Она в тревоге взглянула на меня, и только сейчас я заметил, что вид у нее усталый, а под глазами залегли темные тени. Барак рассказал ей о моем столкновении с медведем. Когда он смолк, девушка испустила тяжелый вздох.

— От этой истории кровь холодеет в жилах. Значит, не подоспей вовремя солдаты, медведь разорвал бы вас?

— На мелкие клочья, — ответил за меня Барак. — К счастью, солдаты были рядом, охраняли заключенного.

— Человека по имени Бродерик? — спросила Тамазин.

— Откуда вы слышали о Бродерике? — всполошился я. — О том, что он здесь, не должен знать никто. Это вы ей рассказали? — набросился я на Барака. — Я же предупреждал, что вам не следует распускать язык. Ради

безопасности Тамазин.

— Предупреждали, — виновато пробормотал Джек. — Но она поклялась никому не рассказывать.

— Болтливость может принести нам всем много бед.

— Я не из болтливых, сэра, — отчеканила Тамазин, и взгляд ее, устремленный на меня, неожиданно стал жестким и колючим. — Жизнь приучила меня к осторожности.

— Тэмми говорит, что леди Рочфорд глаз с нее не спускает, — поторопился сменить тему Барак.

— Да, от нее не стало никакого покоя, — невозмутимым тоном заметила Тамазин и налила себе похлебки.

Я заметил, что руки ее дрожат. Несомненно, после того, как мы имели несчастье узнать тайну королевы, девушка жила в постоянном напряжении. До сих пор ей удавалось скрывать свои чувства, но сегодня они вышли наружу.

Прошел день, потом еще один и еще, а от короля Шотландии по-прежнему не было никаких известий. Павильоны и шатры каждый день тщательно чистили, около них по-прежнему стояли в карауле стражники. Однажды, пересекая двор в обществе Барака, я заметил в дверях одного из павильонов сэра Ричарда Рича. Встретившись с его ледяным взглядом, я торопливо отвел глаза.

— Есть какие-нибудь новости о деле Билкнэпа? — осведомился Барак.

— Нет. Я написал в Лондон письмо, где настоятельно рекомендовал Городскому совету ни в коем случае не отказываться от тяжбы, ибо у меня есть все основания рассчитывать на ее благоприятный исход. Но боюсь, письмо мое не попало по адресу. Наверняка Рич приказал, чтобы вся моя корреспонденция перехватывалась и доставлялась ему.

— Зачем тогда вы писали?

— Дабы убедить его в неколебимости своих намерений.

Барак недоуменно вскинул бровь, однако воздержался от каких-нибудь замечаний. Когда я наконец позволил себе оглянуться, Рич уже исчез.

Погода стояла ясная и солнечная, но с каждым днем становилось все холоднее; деревья обнажились, и во дворе аббатства постоянно жгли кучи опавших листьев. Я чуть ли не каждый день навещал Джайлса. Старик держался бодро, но во время каждого своего визита я замечал, что лицо его осунулось еще сильнее.

Как-то раз, когда мы вдвоем сидели за обедом, он развлекал меня историями о процессах, в которых ему довелось участвовать на протяжении последних пятидесяти лет. Мне оставалось лишь удивляться,

участником скольких забавных и печальных случаев стал за свою жизнь Джайлс. Однако я чувствовал, что мысли старого законника витают где-то далеко.

— Джайлс, а вы не думаете, что вам следует написать племяннику? — осторожно заметил я. — Письмо придет в Лондон намного раньше нас.

— Нет, писать я не буду, — решительно покачал головой Джайлс. — Может статься, племянник мой бросит письмо, не читая. Ссора наша была слишком серьезной, и на долгие годы мы перестали друг для друга существовать. Помимо всего прочего, я и адреса его не знаю. А вы что, полагаете, что мне не перенести дороги в Лондон? — спросил он, пристально глядя на меня.

— Вам лучше знать, каковы ваши силы, Джайлс, — пробормотал я в некотором замешательстве. — Кстати, в какой палате практикует Мартин Дейкин? То есть где он практиковал до вашей размолвки?

— В Гарден-Корт. А почему вы спрашиваете?

— Это поможет нам его отыскать. Возможно, сейчас он служит там же.

«Надо же, какое совпадение», — мысленно отметил я.

Племянник Джайлса практиковал в той же палате, что и злополучный Бернард Лок. Впрочем, удивляться тут нечему. В Грейс-Инне не так много палат, а выходцы из северных графств предпочитают держаться вместе. Поразмыслив, я решил не упоминать об этом обстоятельстве, скорее всего совершенно незначительном.

В десять вечера явился Барак, дабы сопроводить меня домой. Когда я уже стоял в дверях, Джайлс положил руку мне на плечо.

— Я очень признателен вам за ваши заботы, Мэтью, — с чувством произнес он. — Родной сын не мог бы проявить ко мне больше внимания.

— Ну что вы, — смущенно пробормотал я. — Я делаю лишь то, что сделал бы любой истинный друг. Спасибо за приятный вечер, Джайлс. Ваш увлекательный рассказ помог мне отвлечься от собственных неприятностей.

— Вам удалось разрешить затруднения, связанные с наследством вашего отца?

— Вопрос будет решен в ближайшее время. Я уже написал кредитору, сообщил, что выплачу задолженность, как только получу деньги за работу, которую выполнил здесь.

— Конечно, нельзя допускать, чтобы ферма вашего отца попала в чужие руки. Случись это, вы будете упрекать себя до конца дней.

Я молча кивнул.

На самом деле в последнее время я почти не вспоминал об отцовской

ферме. Мысль о том, что я не питаю никакой привязанности к дому, где родился и вырос, больно кольнула меня в сердце. Перед внутренним взором возникло лицо отца, исполненное грусти и разочарования.

— Но я полагаю, Мэтью, у вас есть и другие причины для беспокойства? — вперив в меня изучающий взгляд, осведомился Джайлс. — Помните тот день, когда девушка из аббатства прибежала за вами и молодым Баракком? Все вы тогда были встревожены не на шутку. И с тех пор вы постоянно чем-то озабочены.

— Вы правы, Джайлс, у меня есть для этого причины, — произнес я с извиняющейся улыбкой. — Но о них мне не следует говорить.

— Ни в коей мере не хочу быть назойливым, — вскинул руку Джайлс. — Но если у вас возникнет желание поделиться своими проблемами, я всегда готов вас выслушать.

С этими словами он распахнул дверь. Барак, ожидавший на крыльце, поклонился. Я окинул взглядом длинную улицу, погруженную во тьму.

— Я буду рад, если в воскресенье вы оба навестите меня, джентльмены, — сказал Джайлс, переводя глаза с меня на Барака. — Я покажу вам кафедральный собор. Наверняка вы еще не были внутри?

— Нет, — ответил я.

Впервые увидев величественное здание собора, я решил непременно осмотреть его внутреннее убранство, но хлопоты, навалившиеся на меня в Йорке, заставили позабыть об этом намерении.

— А вы, молодой Барак, приводите с собой ту красотку, что как-то прибегала за вами. Мне будет приятно на нее посмотреть.

— Спасибо за приглашение, мастер Ренн.

— Значит, решено. В воскресенье я жду вас. Доброй вам ночи, джентльмены.

— Доброй ночи, Джайлс, — кивнул я и вслед за Баракком вышел на улицу.

По привычке, укоренившейся у меня в последнее время, я отчаянно напрягал слух и зрение, стараясь не пропустить ни малейшего шороха и движения теней. Разговору это не мешало, и я рассказал Баракку, что племянник мастера Ренна практиковал в той же палате, что и Бернард Лок.

— Как только мы вернемся в Лондон, я безотлагательно схожу в Грейс-Инн, узнаю, как обстоят дела у Мартина Дейкина, — завершил я свой рассказ. — Надеюсь, он не разделит печальной участи своего земляка.

— А я надеюсь, что мы когда-нибудь вернемся в Лондон, — угрюмо процедил Барак.

Следующий день заставил нас вспомнить о том, что мы нажили

непримиримого врага в лице леди Рочфорд. Все утро мы с Бараком провели за работой. Необходимо было проверить все постановления, принятые во время слушания прошений, и передать их Малеввереру. После этого я мог считать свою миссию выполненной.

Закончив чтение, я в сопровождении Барака пересек внутренний двор, вошел в королевский особняк и вручил бумаги клерку. После этого мы, как было условлено заранее, встретились с Тамазин и отправились обедать. Мы уже подходили к трапезной, когда я заметил леди Рочфорд, шествовавшую в окружении нескольких придворных. Сердце болезненно сжалось. Калпепера среди спутников леди Рочфорд не было, но Дерема я прекрасно разглядел. Потупив головы, мы попытались проскочить мимо. Однако надежды на то, что леди Рочфорд не удостоит нас своим вниманием, не оправдались.

— Мистрис Ридбурн!

Резкий голос леди Рочфорд заставил нас всех дружно остановиться и обернуться. Мы с Бараком низко поклонились, Тамазин сделала глубокий реверанс.

— Что это вам понадобилось во дворе, мистрис? — сурово процедила леди Рочфорд.

Взгляд ее колючих глаз перебежал с меня на Барака. Все прочие придворные тоже разглядывали нас с откровенным любопытством.

— Я иду в трапезную, миледи. С позволения мистрис Марлин, — пролепетала Тамазин.

— Мистрис Марлин чересчур распустила своих служанок, — изрекла леди Рочфорд, смерив девушку заносчивым взглядом. — Подобные вольности не доводят до добра. А вы, мастер Шардлейк, как я вижу, ни на шаг не отпускаете своего помощника, — продолжала она, полоснув по мне глазами. — Несомненно, столкновение с медведем произвело на вас сильное впечатление. Вам повезло, что несчастный зверь оказался не слишком расторопным. Прояви он больше свирепости, вы, как и любой законник, унесли бы с собой в могилу много чужих секретов.

И леди Рочфорд зашлась деланным отрывистым хохотом. Я взглянул ей прямо в лицо, пытаясь понять, следует ли расценивать ее слова как прямую угрозу. Вряд ли леди Рочфорд станет угрожать мне прилюдно, решил я. Как и большинство обитателей аббатства, она уверена, что медведь вырвался из клетки сам по себе. Ей лишь захотелось напомнить, что она постоянно за нами наблюдает, и, если мы предпримем какие-либо нежелательные шаги, она тоже перейдет к решительным действиям. К тому же она полагает, что я выполнил свое обещание и на случай внезапной гибели оставил в

надежном месте разоблачительное письмо.

— Как и всякий законник, я забочусь о сохранности секретов, миледи, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно спокойнее и невозмутимее. — Не только чужих, но и своих. Можете не сомневаться, я унесу с собой в могилу далеко не все, что мне известно.

— Что ж, тряситесь над своими секретами, — бросила леди Рочфорд, резко повернувшись и присоединилась к своим спутникам.

Мы продолжили свой путь. Но не успели пройти и нескольких ярдов, как я услышал за спиной торопливые шаги. В следующее мгновение чья-то тяжелая рука бесцеремонно легла мне на плечо и заставила обернуться. Нос к носу я столкнулся с Франциском Деремом. Взгляд его буквально метал молнии, лицо, обрамленное черной бородой, исказила гримаса ярости.

— Что ты себе позволяешь, неотесанный болван! — прошипел он. — Как ты посмел столь непочтительно говорить с леди Рочфорд! Для простого крючкотвора ты много о себе воображаешь. Да если я захочу, наглое ты насекомое, от тебя мокрого места не останется.

На брань вельможи я мог ответить лишь молчанием. К счастью, Дерем поостерегся пустить в ход кулаки, как видно, вспомнив о суровой каре, которая ожидает забияк, затеявших драку в королевской резиденции.

— Ты не на шутку рассердил меня, горбун! — рявкнул Дерем. — А такому ничтожеству, как ты, лучше не сердить человека, который занимает высокое положение. Если не хочешь крупных неприятностей, на коленях ползи к леди Рочфорд и вымаливай у нее прощение.

Я судорожно перевел дух. Вокруг нас собралось уже множество зевак, привлеченных занимательной сценой. Леди Рочфорд стояла чуть поодаль среди придворных. Судя по выражению ее лица, она пребывала в некотором замешательстве. Наконец она подошла к Дерему и сжала его руку повыше локтя.

— Оставь его, Франциск. Он не стоит твоего гнева.

Злоба, сверкавшая во взоре Дерема, сменилась величайшим недоумением. То, что леди Рочфорд проявила благоразумие и терпимость, не могло не поразить его, ибо подобные качества отнюдь не входили в число достоинств этой дамы.

— Да неужели вы хотите, чтобы наглость этого горбуна сошла ему с рук? — пробормотал Дерем.

— Не стоит поднимать шум из-за пустяков, — проронила леди Рочфорд.

— Хороши пустяки! У вас что, есть причина прощать ему дерзости?

— На этот раз вы позволяете себе дерзость, Франциск, — отчеканила леди Рочфорд. — Вы задаете недопустимые вопросы.

— Убирайся!

Дерем выпустил мое плечо, повернулся и зашагал прочь. Леди Рочфорд бросила на меня испепеляющий взгляд и отошла, шурша юбками. Нетрудно было догадаться, что она с великим удовольствием заставила бы меня выпить до дна чашу унижения, и лишь связавшая нас тайна помешала ей сделать это.

— Говорят, Дерем подозревает, что у королевы завелись от него секреты, и это выводит его из себя, — шепотом сказала Тамазин, когда леди Рочфорд удалилась на безопасное расстояние.

— Что ж, будем надеяться, что он и далее будет пребывать в неведении, — заметил я. — Или, по крайней мере, не узнает, что мы тоже имеем к этим секретам непосредственное отношение.

В воскресенье никаких известий от короля Джеймса так и не последовало; меж тем мы провели в Йорке уже тринадцать дней.

После завтрака я в обществе Барака и Тамазин направился к мастеру Ренну. Небо было затянуто тучами, ветер, хотя и не сильный, пронизывал насквозь, заставляя плотнее кутаться в плащи.

— Мне давно хотелось осмотреть собор, — жизнерадостно сообщила Тамазин.

— К тому же выбраться из этого проклятого аббатства всегда приятно, — подхватил Барак.

Мы прошли по Питергейту и приблизились к собору. Я не отводил глаз от огромного восточного окна, думая о том, что, возможно, ни один христианский собор в мире не имеет витража подобных размеров. Окно это я видел много раз и успел к нему привыкнуть, но сегодня оно вновь поразило меня своим великолепием. Служба уже кончилась, на улицах было пустынно, однако около собора и у ворот я заметил множество солдат. Двое из них скрестили пики, преградив нам путь.

— Сейчас в соборе король. Что вам надо?

Мы обменялись растерянными взглядами. Я предпочел бы повернуться и уйти, но это было бы неучтиво по отношению к Джайлсу. Пришлось показать стражнику свои бумаги и объяснить, что у нас назначена встреча с законником, который проживает в соборном квартале. Солдат позволил нам войти, но предупредил, что при появлении королевской свиты мы должны отойти в сторону и, низко склонив головы, замереть на месте. Мне показалось, что солдат бросил насмешливый взгляд на мою горбатую спину. Возможно, он слышал о происшествии в Фулфорде, а может, у меня просто разыгралось воображение.

За оградой царила тишина, на всех углах и перекрестках стояли солдаты

в красных мундирах и шлемах с плюмажами. Мы с Бараком и Тамазин поспешили к дому мастера Ренна. Меджи, которая за эти дни успела проникнуться ко мне расположением, провела нас в гостиную. Джайлс стоял у очага, грустно глядя на опустевшую жердочку сокола.

— Доброе утро, Мэтью. Рад видеть вас, мастер Барак и мистрис Ридбурн.

Он радушно улыбнулся Тамазин.

— Очаровательные девушки давно уже не достаивали этот дом своим посещением.

— А где ваш сокол, Джайлс? — осведомился я.

— Бедная Октавия умерла. Сегодня утром Меджи обнаружила ее лежащей на полу. Октавия очень стара. Я мечтал, что еще выберусь с ней на охоту, дам ей возможность полетать и погреться на солнце. Увы, часто мы откладываем выполнение наших намерений до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Джайлс бросил на меня взгляд, исполненный жгучей печали, и я понял, что он думает о своем племяннике.

— Прошу вас, садитесь, — пригласил старик, растянув губы в улыбке. — Выпьем вина. Сейчас мы не можем идти в собор, ибо там король. Так что простым смертным придется подождать.

Джайлс медленной, но уверенной поступью подошел к столу и налил вина в бокалы. Потом он обратился к Тамазин, попросив ее рассказать, какого рода обязанности ей приходится выполнять во время путешествия. Девушка с готовностью поведала несколько историй из жизни королевской челяди и посетовала на трудности, которые претерпевают слуги, вынужденные в походных условиях заботиться о нарядах своих господ. Имени леди Рочфорд она ни разу не упомянула. Ренн слушал с неподдельным интересом, то и дело задавая вопросы. Общество молодой красивой девушки явно было ему приятно.

Наконец с улицы донесся шум и голоса солдат. Джайлс подошел к окну.

— Судя по всему, королевский визит завершился. Солдаты уходят с постов. Думаю, сейчас ничто не помешает нам посетить собор.

— Мне бы так хотелось увидеть короля поближе, — призналась Тамазин. — Когда он въезжал в Йорк, я видела его издали и всего несколько мгновений.

— Да неужели у вас не было случая разглядеть его получше? — удивился Джайлс.

— Нет. Вот королеву я вижу часто. Правда, мне ни разу не выпадало чести поговорить с ней.

— Ну, может, разговор с королем — это и большая честь, но удовольствия он доставляет не много. Не правда ли, Мэтью?

— Истинная правда, — с чувством подтвердил я.

Мы вышли из дома и по узкой улице подошли к собору. Увы, мы ошиблись — король еще не уехал. Во дворе собора выстроились в ряд солдаты, а Генрих, тяжело опираясь на палку, спускался по ступенькам. За ним следовала свита. Рядом с королем я заметил седовласого человека в мантии архиепископа и догадался, что это архиепископ Йорка. Король, облаченный в тяжелую, отороченную мехом мантию, под которой виднелись богато расшитый камзол и массивная золотая цепь, как видно, распекал архиепископа. Лицо его, еще более багровое, чем обычно, было искажено гневом. Следуя полученным распоряжениям, мы замерли, низко склонив головы. Про себя я молился, чтобы король прошел мимо, не узнав меня и не отпустив в мой адрес еще одну из своих милых шуток.

— Господи боже! — донесся до меня визгливый голос Генриха. — Такая богатая гробница достойна вместить останки монарха, а для гнилых костей какого-то архиепископа это слишком большая роскошь! Чтобы завтра же от этой падали и следа не осталось! Вы поняли меня, Ли? Содержимое этой гробницы должно оказаться в выгребной яме, иначе там окажетесь вы!

Король злобно возвысил голос.

— Я приказал уничтожить гробницы по всей Англии. Как вы смели меня послушаться? Запомните, я, и только я, являюсь единственной властью, которая вершит дела церкви!

Судя по тому, что голос короля доносился все глуше, он проследовал мимо. Я осмелился поднять глаза. Процессия медленно удалялась. Я отыскал глазами широкую спину в бархатной мантии. Неужели этот упоенный своим величием человек — внук бастарда? Мысль эта заставила меня содрогнуться. В какое-то мгновение мне даже показалось, что король сейчас догадается о моих крамольных предположениях. Я заметил, что он очень сильно хромот. Без палки, украшенной драгоценными камнями, он вряд ли смог бы ходить. Солдаты цепочкой потянулись со двора вслед за монархом.

— Что ж, Тэмми, твоя мечта исполнилась, — улыбнулся Барак. — Сейчас ты видела короля совсем близко.

— Вот уж не думала, что он такой старый, — вздохнула девушка. — Бедная королева.

— Она достойна сожаления не более, нежели мы все, — изрек Джайлс. — Идемте в собор.

Стоило вступить под высокие своды, как у меня дух перехватило от восхищения. И размерами, и роскошью убранства Йоркский собор превосходил собор Святого Павла. Я изумленно озирался по сторонам, стараясь сквозь легкую дымку фимиама разглядеть все до мельчайших подробностей. Внутри витражи производили еще более сильное впечатление. Огромное восточное окно неодолимо притягивало взор. В многочисленных боковых капеллах священники бормотали слова молитв. Про себя я вновь подивился несообразностям церковной реформы: прекрасную церковь в аббатстве Святой Марии превратили в конюшню, в то время как собор оставили в неприкосновенности.

— Что это, мастер Ренн? — удивленно спросила Тамазин, указав на расписную фигуру дракона, стоящую в одном из нефов.

— Всего лишь рычаг, при помощи которого открывается крышка большой купели. Тот, кто его соорудил, был не лишен чувства юмора. Правда, сейчас подобные украшения производят странное впечатление.

Я присоединился к Бараку, который разглядывал причудливо украшенную боковую капеллу. Чуть поодаль стояли несколько священнослужителей. В одном из них я узнал человека, на которого Ренн указал мне как на настоятеля собора. На лице его застыло выражение мрачного удовлетворения.

— Выполняйте приказ, — бросил он. — Завтра же наймите рабочих.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Шаги его гулко отдавались по каменным плитам.

— Король приказал уничтожить гробницу, что находится на хорах, — пояснил Барак. — Он пришел в ярость, увидев, что люди нанесли к ней множество жертвований.

— А вы, как я понимаю, подслушивали? — улыбнулся я.

— Не вижу в этом большого греха, — пожал плечами Барак. — Да и чем мне здесь заняться? По правде говоря, все эти старые церкви ничуть меня не интересуют.

— А вот Тамазин, напротив, в восторге.

— Видно, вы с ней родственные души.

— Кстати, вы получили ответ из Лондона? Относительно ее предполагаемого отца?

— Ни слова. Да и она о нем не упоминает. Откровенно говоря, все эти разговоры о ее благородном происхождении так мне надоели, что однажды я вышел из себя, — не без смущения признался Барак. — Сказал, что ей лучше забыть о своем папаше раз и навсегда и не забивать голову глупостями. Может, я был слишком груб. Но так или иначе, она не стала

мне перечить.

Мы подошли к Тамазин, которая разглядывала перегородку, отделявшую хоры от нефа. На ней возвышались статуи английских королей, от Вильгельма Завоевателя до Генриха V. Изображения были выполнены с чрезвычайным искусством. Я насчитал одиннадцать фигур.

— Очень красиво, правда? — обернулась ко мне Тамазин.

— Великолепно.

— А почему Генрих Пятый — последний? — спросила девушка, указав на крайнюю статую. — Ведь после него в Англии было еще много королей.

— Хороший вопрос. Быть может, ответ на него знает мастер Ренн.

Я огляделся по сторонам в поисках Джайлса, однако того и след простыл.

— Наверное, он пошел туда, — сказала Тамазин, указав на дверь, ведущую на хоры.

— Пойду поищу его. Нет, вы оставайтесь здесь, — добавил я, заметив, что Барак и Тамазин намерены следовать за мной.

Я опасался, что искать уединения Джайлса заставил новый приступ болезни, и хотел уберечь его от посторонних взоров.

Хоры были сплошь заставлены деревянными скамьями с высокими резными спинками. У одной из стен возвышалось огромное сооружение из темного дерева, украшенное арками и колоннами. То была исполинская гробница. По бокам ее были устроены ниши, в которых люди могли преклонять колена и молиться. На постаменте горой лежали пожертвования: четки, кольца, ожерелья и прочие драгоценности.

В одной из ниш я увидел Джайлса. Опустившись на колени, старик горячо молился, губы его беззвучно двигались. Звук моих шагов заставил его обернуться. Он с усилием поднялся на ноги.

— Простите, я не хотел вам мешать, — виновато пробормотал я.

— Нет, это вы меня простите, что я столь неучтиво покинул вас, — улыбнулся Джайлс. — Видите, это та самая гробница святого Уильяма, что привела короля в такую ярость.

— А что это за святой?

— Он был одним из первых архиепископов Йорка. Согласно легенде, однажды мост через Уз обвалился как раз тогда, когда на нем находилась церковная процессия, возглавляемая Уильямом. Но, по милости небес, ни один человек не пострадал. С тех пор святой Уильям считается покровителем Йорка. Как видите, до сих пор люди приходят к нему, дабы попросить о помощи и заступничестве.

Я смущенно кивнул. Все эти сказки о чудесах, якобы сотворенных

древними святыми, всегда были для меня пустым звуком. Что до гробницы, то из-за чрезмерного обилия украшений она показалась мне почти уродливой.

— Многие полагают, что, расправившись с Кромвелем, король охладел к церковным реформам, — продолжал Джайлс. — Думаю, это не так. Мы слышали собственными ушами, как он приказал уничтожить гробницу святого Уильяма. Этот человек одержим непомерным тщеславием.

— Судя по всему, так оно и есть, — кивнул я.

— Но вы одобряете его приказ? — спросил Джайлс, метнув на меня пронзительный взгляд.

— Признаюсь откровенно, святые и их гробницы ничего не значат для меня. Но, полагаю, жестоко и несправедливо лишать многих людей того, что служит им поддержкой и утешением.

— Да, жителям Йорка некуда будет приходиться со своими бедами, — вздохнул Джайлс. — Но нам пора идти.

Бросив на гробницу прощальный взгляд, он двинулся к дверям. Оказавшись в нефе, мы увидели, что Барак и Тамазин все еще разглядывают статуи королей.

— Мастер Ренн, почему здесь нет статуй тех королей, что правили Англией после Генриха Пятого? — обратилась к старику Тамазин.

— Прежде здесь стояла статуя Генриха Шестого, короля из династии Ланкастеров, который понес поражение в войне двух роз, — пояснил Джайлс. — Многие считали его святым, и потому люди оставляли у подножия статуи бесчисленные приношения. Королям из династии Йорков это пришлось не по душе, вот статую и убрали.

Он повернулся ко мне и добавил, многозначительно вскинув бровь:

— Как видите, вычеркнуть из истории можно не только святого, но и монарха.

Мимо нас, направляясь на хоры, торопливо прошли два клерка. Я услышал, как один из них говорит другому:

— Так точно завтра?

— Точно. Королю надоело ждать, и он заявил, что завтра с утра отправляется в Халл. Он просто рвет и мечет. И все из-за этой несчастной гробницы, а еще потому, что король Джеймс обманул его ожидания.

— Простите, джентльмены, но я невольно услышал обрывок вашего разговора, — произнес я, нагнав клерков. — Неужели король завтра покидает Йорк?

— Именно так, сэр, — с улыбкой ответил старший из клерков. — Завтра на рассвете. Он более не намерен ожидать, соизволит ли прибыть король

Джеймс. Сборы уже идут вовсю.

Он снова улыбнулся, довольный тем, что может сообщить такую приятную новость.

Повернувшись к своим спутникам, я увидел, что их лица сияют.

— Слава богу! — выдохнула Тамазин. — Наконец-то мы отсюда выберемся!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда мы вернулись в аббатство Святой Марии, все там уже изменилось до неузнаваемости. Шатры были свернуты, работники бережно выносили из павильонов роскошную мебель и гобелены и грузили их на повозки.

К нам подошел какой-то чиновник, надзиравший за сборами.

— Скажите, джентльмены, ваши лошади находятся в церкви?

— Да.

— Будьте любезны забрать их завтра с утра. В шесть все должны собраться во дворе аббатства.

— Так рано?

— Медлить никак нельзя. Завтра прежде наступления сумерек король уже должен быть в Хоулме. Он, так сказать, хочет как можно скорее отряхнуть с ног своих Йоркскую пыль.

— А где мы завтра будем спать? — осведомился Барак.

— Разумеется, в палатках, в открытом поле. В Хоулме есть помещичья усадьба, но дом так мал, что сможет вместить лишь короля и его приближенных. Простите, джентльмены, я должен вас оставить.

С этими словами чиновник отошел в сторону и схватил за локоть какого-то клерка, спешившего по своим делам.

— Итак, завтра всем нам предстоит спать на сырой земле, Тэмми, — усмехнулся Барак, повернувшись к Тамазин.

— Ночлег в поле меня не страшит, — покачала головой девушка. — Слугам королевы всегда предоставляют хорошие палатки. Ну, или почти всегда, — добавила она, состроив гримасу.

Мы расхохотались. Перспектива скорого отъезда всем подняла настроение.

— Мне следует узнать, сделаны ли все необходимые приготовления к отъезду Бродерика, — вполголоса обратился я к Бараку. — Увидимся позже.

— Может, мне лучше пойти с вами?

Поколебавшись, я решил, что в разгаре дня вполне могу обойтись без провожатого.

— Не надо. Там полно солдат, так что опасаться нечего. Через час встретимся в трапезной.

Расставшись со своими спутниками, я поспешил к зданию, в котором содержался заключенный. Мысли мои крутились вокруг Джайлса. Он

сказал, что завтра на рассвете прибудет в аббатство. Оставалось лишь надеяться, что он сумеет найти нас в той суматохе, которая, вне сомнения, воцарится здесь перед отъездом. Сейчас старый законник, вероятно, готовится к дальнему путешествию, с которым связывает столько надежд.

Сержант Ликон, вместе с еще одним солдатом, стоял в карауле возле камеры Бродерика. Я сердечно его приветствовал.

— Ну, сэр, вот мы и дождались, — заявил сержант. — Завтра наконец двинемся в путь. Что до меня, я оставляю Йорк без всяких сожалений.

— Я тоже. Уже решено, каким образом будут перевозить Бродерика?

— Да, его повезут в закрытой карете в сопровождении Редвинтера. Об этом нам сообщил сам сэр Уильям. Похоже, он чертовски рад наконец избавиться от Бродерика. Вскоре заключенный окажется в Тауэре.

— Да, — кивнул я.

«Новость, которая так обрадовала меня, для Бродерика означает лишь одно — приближение смертельных мук», — пронеслось у меня в голове.

— Как он себя ведет?

— По обыкновению, почти не встает со своей койки. Сейчас с ним Редвинтер. Он вернулся к своим обязанностям, — добавил сержант, и в голосе его послышалась откровенная неприязнь.

Я заглянул в камеру сквозь зарешеченное оконце в дверях. Бродерик лежал на койке, Редвинтер сидел на табурете у его изголовья и что-то тихонько говорил. Глаза заключенного беспокойно поблескивали в свете свечи. В следующее мгновение взгляд мой встретился с его взглядом. Редвинтер тоже меня увидел, недовольно сдвинул брови, затем подошел к дверям и отпер их.

— Вот и вы, мастер Шардлейк, — процедил он. — Мы с сэром Эдвардом так устали друг от друга, что с нетерпением ожидали вашего визита.

— У сэра Эварда все благополучно? — осведомился я.

— Вполне. Ест он с отменным аппетитом и, полагаю, чувствует себя превосходно.

Однако же вид Бродерика отнюдь не подтверждал слов тюремщика. За минувшие сутки лицо его приобрело заметный желтоватый оттенок.

— Ему необходимо больше двигаться, — заметил я.

— О том, чтобы выводить его из камеры, не может быть и речи, — решительно покачал головой Редвинтер. — Так что до самого Лондона ему придется обходиться без свежего воздуха и прогулок. Спору нет, досуг у него не слишком разнообразный. Правда, я из кожи вон лезу, чтобы немного развеять его скуку. Сейчас развлекал сэра Эварда историями о

башне Лоллард и о заключенных, с которыми мне довелось познакомиться.

— Этот весельчак пытался нагнать на меня страху рассказами о том, как по его приказу людей пытали каленым железом и выпускали им кишки, — приподнявшись на локте, сообщил Бродерик. — Признаюсь, рассказы эти изрядно мне надоели. Так что я и в самом деле рад видеть вашу длинную физиономию, мастер Шардлейк.

— Сэр Эдвард, вам сообщили о том, что завтра мы отбываем в Халл? — спросил я.

— Конечно, он все знает, — ответил вместо заключенного Редвинтер. — Подумать только, весь путь мне придется трястись вместе с ним в тесной закрытой карете.

— Насколько мне известно, следующую ночь мы проведем в местечке под названием Хоулм.

— Я бывал в Хоулме, — кивнул Бродерик. — Там находится поместье, прежде принадлежавшее сэру Роберту Констеблу, который во время «Благодатного паломничества» был правой рукой Эска. Останки Констебла висят на городских воротах Халла, а поместье его прибрал к рукам король. Дом, кстати, очень красив, — добавил он, немного помолчав.

Не зная, что ответить, я отделался невразумительным мычанием и, поймав взгляд Редвинтера, указал глазами на дверь.

— Мне надо сказать вам несколько слов, сэр.

Редвинтер вслед за мной вышел в коридор и приказал караульному войти в камеру. Судя по всему, заключенного не оставляли в одиночестве ни на минуту.

Прислонившись к стене, Редвинтер устремил на меня вопросительный взгляд. Сержант Ликон стоял чуть поодаль, опираясь на пику.

— Бродерик выглядит далеко не лучшим образом, — заявил я. — Он очень бледен. В камере душно, и это его губит. Ему необходим свежий воздух.

— Завтра он прокатится в карете и хорошенько проветрится, — усмехнулся Редвинтер.

— Я не уверен, что он в состоянии выдержать все тяготы пути.

— Ваше мнение никого не волнует, — отрезал тюремщик. — Существуют правила, и я не собираюсь их нарушать.

— Отправляя меня сюда, архиепископ Кранмер предупредил, что однажды своими попечениями вы уже довели заключенного до смерти, — отчеканил я, глядя прямо в глаза Редвинтеру. — Если это повторится вновь и Бродерик не доедет до Лондона живым, я бы не хотел оказаться на вашем месте.

Я полагал, что слова мои вызовут у тюремщика приступ ярости, но он лишь кивнул и растянул губы в улыбке.

— Мне не в чем себя упрекнуть, мастер Шардлейк. Ошибиться может каждый. К тому же сейчас обстоятельства совсем иные. Хотите, я расскажу вам, как и почему умер тот арестант?

— Рассказывайте, если считаете нужным.

— Это случилось семь лет назад, — неторопливо начал Редвинтер. — Король тогда недавно женился на Анне Болейн. Так вот, в Лондон явился монах из какого-то монастыря в Хертфордшире и начал поносить короля на улицах. Он громогласно вещал, что за разрыв с Римом король будет проклят Богом. Разумеется, его схватили и доставили к архиепископу, однако он отказался назвать имена покровителей, которые предоставляли ему кров и пищу. Бывший ваш патрон, Кромвель, хотел отправить монаха в Тауэр и при помощи пыток сделать его разговорчивее. Но архиепископ решил оставить его в башне Лоллард. Он не сомневался, что тюремный холод остудит пыл еретика и развяжет ему язык. Монаха доверили моим попечениям, приказав обращаться с ним без всякого снисхождения и вытянуть из него как можно больше сведений.

— И что же?

— Старый еретик оказался на редкость упрямым и дерзким. Он обрушил на меня потоки брани, а когда я принес ему английский молитвенник, запустил им мне в голову. Вот я и решил привести его в чувство, применив старое испытанное средство. Взял и подвесил его за руки к потолку камеры, так, чтобы он мог касаться пола лишь кончиками пальцев. Говорят, шотландцы обычно подвешивают человека за большие пальцы рук, но мне такой способ не по нраву. Суставы слишком быстро рвутся, а я хотел, чтобы у брата Фредерика было время поразмыслить над своим поведением.

Я бросил на тюремщика взгляд, исполненный отвращения, которое он, по всей вероятности, и хотел возбудить своим рассказом.

— Старому монаху пришлось воздержаться от обличений, ибо человеку, натянутому как струна, весьма трудно дышать, не то что извергать брань. Откуда ж мне было знать, что у столь рьяного еретика окажется слабое сердце. Теперь-то я понимаю: мне следовало принять во внимание его комплекцию и багровый цвет лица. Он был излишне жирен и ужасно пыхтел, когда ему приходилось подниматься по лестнице. Каюсь, я не придавал этому значения, и в результате моей оплошности монах унес с собой свои тайны. Провисев всего сутки, он умер. Должен признать, архиепископ был чрезвычайно недоволен. Он даже направил меня в Тауэр

на обучение. И там опытные мастера объяснили мне, по каким признакам определять, пытки какой тяжести способен вынести тот или иной заключенный.

— Кранмер направил вас на обучение к тауэрским палачам?

— Да, он более не хотел терять важных арестантов из-за моей неопытности. Теперь, решая, какой способ воздействия применить, я всегда учитываю состояние заключенного.

— И как только земля носит такого, как вы?! — бросил я.

— О, мой горбатый друг, вам стало жаль монаха? На самом деле я оказал брату Фредерику бесценную услугу. Страдания, которые ему пришлось пережить, — ничто в сравнении с четвертованием или сожжением заживо, которые неминуемо его ожидали. Так что я проявил истинное милосердие.

Я повернулся, не в силах более переносить общество этого выродка.

— Я слышал, вы беседовали с Бродериком в мое отсутствие, — произнес он мне вслед. — Об английском престоле и о правах на него. И упомянули о возможной беременности королевы.

Удивление заставило меня обернуться.

— О, солдаты, стоящие в карауле, тоже имеют уши, и я приказал им передавать мне каждое ваше слово, — усмехнулся Редвинтер. — Вы нарушили приказ, согласно которому вам запрещено вызывать арестанта на откровенность.

— Это была самая обычная беседа, — растерянно пробормотал я.

— Вот как? — Редвинтер прожег меня взглядом. — Порой мне кажется, что вы преследуете некую тайную цель, мастер Шардлейк, и ваши заботы о заключенном вызваны отнюдь не только мягкосердечием, свойственным многим калекам. Если мои подозрения справедливы, берегитесь.

Обедая в трапезной в обществе Барака, я беспрестанно повторял про себя слова Редвинтера. За соседними столами люди торопливо утоляли голод, дабы безотлагательно приступить к сборам. В трапезной было даже шумнее, чем обычно: радость, охватившая всех в предвкушении отъезда, казалось, носилась в воздухе. Наверное, в аббатстве не было человека, которому не хотелось бы вернуться в Лондон, и осуществление этого желания близилось.

Слово за словом я прокрутил в памяти подробности недавней беседы с Бродериком. Вне всякого сомнения, я не позволил себе ничего крамольного. Об осторожности я никогда не забывал, хотя у меня и мысли не было, что Редвинтер приказал одному из караульных подслушивать. Скорее всего, он подкупил солдата. Поначалу я хотел сообщить сержанту Ликону о

недостойном поведении одного из его людей, но, поразмыслив, решил, что в этом нет надобности. В любом случае я более не буду рисковать и вызывать Бродерика на разговоры.

— Как вы думаете, когда мы попадем в Лондон? — прервал мои размышления Барак.

— Для того чтобы добраться до Халла, потребуется дня три-четыре. А потом еще неделя плавания. Когда мы окажемся в море, многое будет зависеть от погоды. Но все равно на корабле мы доберемся быстрее, чем верхом.

— Всю эту неделю вас никто не тревожил, — задумчиво произнес Барак. — Может, неизвестный, который на вас покушался, решил-таки оставить вас в живых?

— Надеюсь, так оно и есть. Но, честно говоря, всю неделю у меня не было ни единой спокойной минуты.

— Слава богу, через неделю вся эта скверная история кончится, — заметил Барак. — Мы вернемся в Линкольнс-Инн и снова займемся привычными делами. Сейчас даже судейская тягомотина представляется мне желанной.

Сердце мое сжалось от радости.

— Так вы решили продолжать работать под моим началом?

— Ничего лучше мне не придумать.

— Когда мы приедем в Халл, я первым делом попытаюсь добыть места на корабле для Джайлса и Тамазин. Наверняка потребуется дать кое-кому взятку. Но, между нами, я могу себе это позволить. И Джайлс тоже.

— Спасибо, — тихо проронил Барак.

Спал я тревожно, ибо мысли о предстоящем отъезде, вкупе с доносившимися со двора криками и грохотом повозок, не давали мне покоя. С первыми рассветными лучами я поднялся и оделся, впервые после прибытия в Йорк натянув сапоги для верховой езды. Соседи наши тоже уже встали. Проходя через холл, я увидел как несколько клерков толпятся у очага, который один из них пытается зажечь. Холодно кивнув, я вышел во двор.

День обещал быть пасмурным и прохладным, небо сплошь затянула пелена туч. Барак стоял на крыльце, озираясь по сторонам. Двор выглядел непривычно пустым. Загоны для скота исчезли, так же как и их обитатели.

— Вот и кончились последние славные денечки аббатства Святой Марии, — изрек Барак. — Я слышал, король приказал уничтожить уцелевшие витражные окна и снять с церкви крышу.

Я поглядел на церковь, шпиль которой снова терялся в тумане, и

вспомнил беднягу Олдройда.

Позавтракав, мы пошли забрать лошадей. Плотники снова были при деле — они разбирали павильоны. Я с сожалением подумал о том, какая пропасть средств и усилий затрачена на эти ненужные сооружения. Королевские слуги бережно заворачивали в непромокаемую ткань огромный гобелен, посверкивавший золотыми листьями. Длина гобелена составляла не менее сорока футов, и для того, чтобы свернуть его, потребовалось четыре человека; солдаты стояли рядом, охраняя бесценную вещь. Около распахнутых дверей церкви царила невероятная суeta. Люди выводили своих лошадей и присоединялись к небольшим группам, тут и там собиравшимся во дворе. Войдя внутрь, мы оказались в толпе владельцев лошадей, сновавших туда-сюда вдоль рядов стойл. По большей части скакуны уже были оседланы. Навстречу мне попался сержант Ликон.

— Вы тоже отправляетесь сегодня? — спросил я.

— Да, если найду свою лошадь.

Вдруг кто-то бесцеремонно толкнул меня в спину, заставив сердито обернуться.

— Дорогу свите королевы!

Несколько придворных, окруженных слугами, которые расчищали им путь, вели к дверям своих лошадей. Я заметил среди них Франциска Дерема. Он тоже меня увидел и наградил издевательской улыбкой. Когда придворные прошли, мы с Бараксом продолжили поиски.

— Осторожнее, сэра, осторожнее! — донесся до меня знакомый женский голос.

Впереди я увидел Дженнет Марлин. Какой-то молодой придворный пытался успокоить свою лошадь. Животное, как видно, испугавшись толпы и шума, закидывало голову и ржало, угрожая задеть копытами мистрис Марлин. Баракс выступил вперед.

— Эй, придержите лошадь! — крикнул он. — Здесь дама.

С помощью Баракса придворному удалось успокоить коня.

Я тем временем предложил мистрис Марлин руку и отвел ее на безопасное расстояние. Она была так испугана, что, казалось, не сразу меня узнала.

— Это вы? О, благодарю вас.

— Вы ищете свою лошадь?

— Да, она должна быть где-то здесь.

Мы с Бараксом помогли мистрис Марлин отыскать принадлежавшую ей серую кобылу, уже оседланную.

— Подождите нас, — предложил я. — Мы только найдем своих

лошадей.

— Нет, я должна идти, — вспыхнув, возразила мистрис Марлин. — Я очень признательна вам за помощь.

И, взяв свою кобылу за поводья, она двинулась к дверям.

— Ей не слишком по душе, когда ее считают слабой, беспомощной женщиной, — заметил Барак.

— Да, гордостью она наделена с избытком, — кивнул я.

Мы наконец подошли к стойлам, где ждали нас Сьюки и Предок, тоже уже оседланные. Лошади беспокоились, и мы не без труда вывели их из церкви. Кобыла Барака всегда была норовистой, но возбуждение, в котором пребывал мой обычно невозмутимый гнедой мерин, удивило меня.

— Можно было бы обойтись без подобной сумятицы, — заметил я. — Того и гляди, кого-нибудь задавят.

Вновь оказавшись во дворе, я вздохнул с облегчением. Здесь были клерки и мелкие чиновники, сопровождавшие высокопоставленных вельмож; кто-то уже взобрался в седло, кто-то держал лошадь под уздцы. Придворные короля и королевы стояли поодаль, у ворот. Законники собирались вокруг седобородого сэра Джеймса Филти. Заметив нас, он поставил два крестика в списке, который держал в руках.

Среди челяди королевы я заметил Тамазин. Вид у нее по-прежнему был встревоженный. Девушка сидела на серой кобыле, очень похожей на лошадь Дженнет Марлин. Поблизости на мощной вороной кобыле красовалась леди Рочфорд, облаченная в лиловый плащ. Рядом на сером жеребце восседал Ричард Рич. Окинув взглядом королевскую свиту, блиставшую роскошными нарядами и позолоченной сбруей, я с удивлением увидел Малеверера. Как видно, он намеревался сопровождать короля. Это открытие отнюдь не доставило мне удовольствия. Тут я ощутил на себе чей-то злобный взгляд и, оглянувшись, увидел Томаса Калпепера. Он сразу же отвернул в сторону свою красивую голову.

К нам приблизился мастер Крейк верхом на крепком и выносливом чалом жеребце. Даже сидя в седле, он не расстался со своей письменной доской и, по обыкновению, сосредоточенно перебирал прикрепленные к ней бумаги. Заметив меня, он растерянно отвел взгляд, и я догадался, что он предпочел бы избежать встречи. Однако мастер Крейк пересилил себя и приветственно кивнул.

— Добрый день, мастер Шардлейк, — сказал он с неуверенной улыбкой.

— Добрый день, мастер Крейк, — откликнулся я самым что ни на есть дружелюбным тоном. — Господи боже, сегодня в конюшнях жуткая

толкотня.

— Да, все ищут лошадей. К счастью, я забрал свою с утра пораньше.

— Теперь хлопот у вас прибавится. Ведь придется размещать королевскую свиту на новом месте.

— Именно поэтому я выезжаю буквально через минуту. Мне необходимо заблаговременно прибыть в Хоулм и проверить, все ли готово к приезду короля.

— Насколько я понял, нам предстоит путешествовать в обществе других законников.

— Да, и поэтому вам придется подождать. Сначала аббатство покинут король и королева в сопровождении своих придворных и челяди. Затем — крупные вельможи и их сопровождающие, за ними — государственные чиновники высокого ранга. Боюсь, законники будут замыкать процессию. За ними поедут лишь слуги да повозки с поклажей. Строгая очередность чрезвычайно важна во время подобных передвижений.

— Разумеется.

Крейк бросил взгляд в сторону королевского особняка. Слуга срезал розы, растущие у крыльца, и бережно складывал колючие стебли на стоявшую рядом повозку. Шум и суматоха, царившие вокруг, казалось, ничуть его не волновали. Я подумал о том, что после отбытия короля особняк вновь будет служить резиденцией Совету северных графств.

— Король был в ярости из-за того, что Джеймс позволил себе пренебречь его приглашением, — вполголоса сообщил Крейк. — Он обещал обрушить на головы шотландцев грома и молнии. Думаю, они дорого заплатят за неучтивость своего монарха.

— Что ж, подобная... — я замешкался, подбирая не слишком резкое слово, — суровость вполне соответствует нраву короля Генриха.

— Вы правы.

На несколько мгновений меж нами повисло неловкое молчание.

— Что ж, сэр, я должен вас оставить, — нарушил его Крейк. — Мне пора в путь. Может статься, более нам не суждено увидеться.

— В таком случае всего вам наилучшего.

— И вам также, — проронил он и тихо добавил: — Я всегда буду вспоминать о вас с благодарностью.

С этими словами Крейк повернул лошадь и поскакал к воротам.

— Бедный старый олух, — проронил Барак, проводив его задумчивым взглядом.

— Не такой уж старый, — усмехнулся я. — Тихо, Предок!

Мой гнедой мерин заржал и отпрянул в сторону.

— Пока не будем взбираться в седла, — предложил Барак. — Пусть лошади немного успокоятся.

— Конечно, конечно. Смотрите-ка, вот и Джайлс. Но где его лошадь?

Старый законник только что вошел в ворота. Он нес тяжелую корзину с поклажей. Оказавшись во дворе, он с озабоченным видом огляделся по сторонам. Выдающийся рост его был сейчас особенно заметен, ибо он на голову возвышался над толпой. Я помахал Джайлсу рукой, и он направился к нам.

— Доброе утро, Мэтью, доброе утро, молодой Барак, — произнес он, с трудом переводя дух. — Боюсь, у меня возникло серьезное затруднение. Вчера моя лошадь поранила копыто об острый камень, и временно она не годится для путешествия. Не представляю, что делать.

— Наверняка здесь найдутся свободные лошади, — заметил Барак.

— Если свободные лошади и есть, они в лагере, а не в аббатстве, — возразил я. — Сейчас мы вряд ли сумеем найти коня.

— Садитесь на Сьюки, а я пойду пешком, — великодушно предложил Барак. — Наверняка мы подыщем вам лошадь в самом скором времени.

Джайлс испустил вздох облегчения.

— Спасибо, молодой Барак. Вы уверены, что готовы уступить мне свою славную кобылку?

— Я же сказал: берите.

— Думаю, лучше вам ехать на Предке, — заметил я. — Нрав у него смиренный, а кобыле Барака вряд ли понравится, если на нее сядет незнакомец. Меня она хорошо знает и, надеюсь, не выразит желаний сбросить. Так что садитесь на Предка.

— Спасибо, спасибо, — смущенно пробормотал Джайлс. — Без вас я бы совсем пропал, джентльмены.

Какой-то чиновник, подъехав к Филти, принялся сверять свои документы со списком, который тот держал в руках.

— Джентльмены, на коней! — скомандовал Филти, обернувшись к томящимся в ожидании законникам.

— Давайте я вам помогу.

Барак сделал из своих рук ступеньку и помог Джайлсу взгромоздиться на Предка.

Старый законник взялся за поводья и поерзал, устраиваясь в седле поудобнее.

В следующий миг Предок заржал так пронзительно, что у меня заложило уши, и взвился на дыбы. Джайлс испуганно закричал и отчаянно вцепился в поводья, однако лошадь вознамерилась сбросить седока во что

бы то ни стало. Оцепенев от ужаса, я увидел, что Джайлс вылетел из седла вниз головой. Вне сомнения, он раскроил бы себе череп о камни, не подоспей на выручку Барак. Он подхватил старика, и оба полетели на землю, причем Барак испустил сдавленный вопль.

Все, кто толпился во дворе, повернулись в нашу сторону. Раздавались сочувственные восклицания и смех. Джайлс, освободившись от хватки Барака, растянулся на земле.

— Джайлс, вы ничего себе не повредили?

— Вроде ничего, — едва ворочая языком, пробормотал старик.

— Как вы, Джек? — повернулся я к Бараку.

Он попытался сесть, но, застонав, вновь повалился навзничь. Лицо его залила смертельная бледность.

— Черт! — проскрежетал он сквозь зубы. — Проклятая лодыжка...

Я обвел взглядом толпу, которая уже собралась вокруг нас.

— Позовите лекаря! — крикнул я. — Человек повредил себе ногу!

Двое клерков схватили Предка за поводья, с трудом сдерживая разбушевавшуюся лошадь. Конь мой, обычно столь спокойный, все еще пребывал в крайнем возбуждении, закидывал голову и ржал, словно испытывал сильную боль. Неожиданно хрупкая фигурка протолкалась сквозь толпу и склонилась над Баракком. Это была Тамазин.

— Джек! — дрожащим голосом восклицала она. — Что с тобой, Джек?

— Ничего страшного, кошечка. Я повредил ногу, только и всего.

— Я услышала твой крик и подумала...

— Это был самый обычный несчастный случай.

Барак огляделся по сторонам и потупился, явно смущенный всеобщим вниманием. Вдруг толпа расступилась, и перед нами предстал сэр Джеймс Филти.

— Что здесь происходит? — грозно нахмурившись, спросил он. — Убирайтесь прочь! — рявкнул он на Тамазин. — Женщине не подобает так вести себя!

— Мой клерк повредил ногу, — произнес я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно.

— Он спас мне жизнь, — подхватил мастер Ренн, с усилием поднимаясь на ноги. — Лошадь сбросила меня с седла.

Внезапно гул толпы затих, и, вскинув голову, я увидел леди Рочфорд. Лицо ее светилось откровенным злорадством.

— Что случилось? — бросила она.

— Несчастный случай, миледи, — с поклоном ответил Джайлс. — Этот человек, спасая меня, сломал ногу.

— Только и всего? — спросила она, переводя взгляд с Барака на Тамазин, а потом на меня.

— Ему этого вполне достаточно, миледи, — ответил я и тоже поклонился.

Не сказав более ни слова, леди Рочфорд повернулась и двинулась прочь. Толпа почтительно расступалась перед ней.

— Ступайте, Тамазин, — сказал я, помогая девушке подняться на ноги. — Вам не о чем беспокоиться. Я позабочусь о Джеке.

Тамазин судорожно перевела дух и кивнула.

— А что с вашей лошастью? — спросила она, взглянув на Предка, который по-прежнему возбужденно перебирал ногами. — Какая муха ее укусила?

— Не знаю, — пожал плечами я.

— Поглядите, она словно пытается сбросить седло, — заметила Тамазин. — Смотрите, сэ, да у бедняги кровь!

Глаза мои расширились от изумления, когда я увидел, что по гладкому боку Предка стекает струйка крови.

— Тамазин, помогите мне снять седло, — обратился я к девушке. — Только будьте осторожны, иначе лошадь снова начнет лягаться.

Под любопытными взглядами зевак мы бережно сняли седло. У меня дыхание перехватило от ужаса, когда я обнаружил под ним обломок колючего стебля розы, глубоко впившийся в спину несчастного животного.

— Все понятно, — выдохнул я. — Кто-то еще раз попытался со мной разделаться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Множество глаз видело, как мы сделали свою зловещую находку, и слухи о покушении на горбатого законника распространились по двору со скоростью лесного пожара. Через несколько минут томительного ожидания к нам подошел лекарь из королевской свиты и осмотрел ногу Барака. По его словам, кость не была сломана и Барак лишь повредил связки. Лекарь наложил на ногу повязку и предупредил, что больной не сможет ходить в течение нескольких дней. При помощи костылей, наспех сооруженных из ветвей дерева, Барак поковылял в сторону лагеря, где стояли повозки. Слуга, за которым специально посылали в лагерь, поддерживал его. Решено было, что на повозке Барак доберется до Хоулма. Король и королева уже отбыли, все остальные ожидали своей очереди.

— Черт, вот неудача! — пробормотал Барак, опираясь на руку слуги. — Ненавижу всякие хвори!

— Поудобнее устройте ногу, — посоветовал Джайлс. — Уверен, скоро вы снова будете бегать. Я мог бы до бесконечности повторять, как я вам признателен, но словами этого все равно не выразишь.

— Я рад, что вы остались целы и невредимы, сэра, — буркнул Барак и обвел взглядом пустеющий двор.

Вереница всадников тянулась к воротам, плотники сноровисто разбирали павильоны, церковь вновь погрузилась в безмолвие.

— Хорошо хоть, мне не пришлось остаться в этом проклятом городишке, — вздохнул Джек и заковылял прочь.

Тут я увидел, что к нам приближается дородная фигура. Вне всякого сомнения, то был Малеверер. Рядом с ним шагал сэра Ричард Рич, весьма представительный в своем черном плаще с богатой меховой опушкой.

— Ну, что на этот раз? — процедил Малеверер, уперев руки в боки. — Мне доложили, у вас снова неприятности.

— Этот человек обладает способностью притягивать беды, — не без язвительности изрек Рич.

— Скажете вы наконец, что произошло? — гаркнул Малеверер.

Я кивнул в сторону особняка, где слуга по-прежнему срезал розы.

— Кто-то взял колючий стебель и положил его под седло моей лошади.

С этими словами я предъявил Малевереру стебель, который все еще сжимал в руках.

— Господи боже, этот малый сильно рисковал, — присвистнул

Малеверер.

— Напротив, риска здесь почти никакого не было, — возразил я. — Сегодня в церкви царила такая суматоха, что всякий смог бы зайти незамеченным в стойло чужой лошади. А для того, чтобы подсунуть эту пакость под седло, много времени не требуется.

Про себя я отметил, что Дерем сегодня был в церкви. А Крейк, по его собственным словам, забрал свою лошадь раньше всех. Впрочем, подобные подозрения не имели под собой никаких оснований, ведь в церкви нынешним утром побывали сотни людей.

— Черт побери, мы имеем дело с сообразительной канальей! — заявил Малеверер. — И, судя по всему, отступить от своих намерений он не собирается. А мы по-прежнему не представляем, кто он такой.

Малеверер свирепо сдвинул брови. Я лишний раз убедился, что догадки мои справедливы и меня действительно используют в качестве наживки.

— Вы тоже покидаете Йорк, сэр Уильям? — осведомился я.

— Да, я проделаю с королевской свитой весь путь до Лондона. У меня там дела, — пояснил он и добавил с ухмылкой: — Так что вам не скоро удастся избавиться от моего общества. Что с лошадью? — спросил он, устремив взор на Предка.

— У бедняги глубокая рана на спине, и сегодня он никому не позволит сесть в седло.

— Мы подберем вам другую лошадь. А эта пойдет в обозе. Все это чревато серьезной задержкой. Повозки не могут выехать прежде, чем законники займут свое место.

Малеверер злобно сверкнул на меня глазами, словно стройный распорядок был нарушен по моему злему умыслу.

— Ждите здесь, — распорядился он и удалился.

— Надеюсь, брат Шардлейк, более с вами не произойдет никаких неприятностей, — вкрадчиво заметил Рич, глядя на меня с издевательской улыбкой. — Вашим друзьям в лондонском Городском совете будет вас очень не хватать.

С этими словами он повернулся и последовал за Малеверером.

Джайлс, бледный и ошеломленный, озабоченно сдвинул брови.

— Кто-то пытается вас убить? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Да, кто-то крепко меня невзлюбил. Это уже третье покушение.

— Но какова причина?

— Этого я не знаю. Предполагаю лишь, что все дело в той проклятой шкатулке, которую мы нашли в доме Олдройда. Тот, кто на меня покушается, думает, что я успел ознакомиться с ее содержимым.

— Так вы полагаете, похититель документов и ваш неведомый враг — одно и то же лицо?

— Скорее всего, так оно и есть. Но он охотится за мной напрасно. По иронии судьбы, я едва успел пробежать глазами несколько документов, что лежали в шкатулке сверху. Кстати сказать, они отнюдь не показались мне важными. Впрочем, Джайлс, мне не следовало рассказывать вам об этом. Тем самым я навлекаю на вас опасность.

— Неудивительно, что в последнее время у вас был такой обеспокоенный вид, — заметил старый законник. — А я-то ломал себе над этим голову.

К нам подошел немолодой солдат с всклокоченной рыжеватой бородой. Он вел под уздцы мощную серую лошадь.

— Меня зовут Темплмен, сэр, — представился он. — Эту лошадь я привел для вас. А вашу мне приказано увести.

— Спасибо, дружище, — кивнул я.

Новую лошадь я уступил Джайлсу, а сам взобрался на Сьюки. Солдат взял за поводья беднягу Предка и последовал за нами к воротам.

Бросив прощальный взгляд на аббатство Святой Марии, я расстался с ним без всяких сожалений.

Бесконечная процессия медленно пересекала Йорк. Возглавляли ее король и королева, за ними следовала знать, затем чиновники и в самом хвосте — законники и клерки. Меня охватило странное ощущение: казалось, я подхвачен течением огромной реки. Горожане успели привыкнуть к королю и его свите, и проезд наш не возбуждал особого любопытства. Зевак в окнах было мало, да и те, судя по выражению лиц, радовались, что жизнь в Йорке возвращается на круги своя.

Мы выехали на дорогу, которая вела на восток. Двигались по-прежнему со скоростью, едва превышавшей скорость человеческого шага. Цоканье копыт и скрежет повозок, следовавших за кортежем, сливались в ровный гул. Вокруг расстилались плоские равнины и заливные луга, кое-где поблескивали пруды. Ветер, резвясь на просторе, ерошил гривы лошадей и хлопал знаменами, которые несли солдаты. Время от времени какой-нибудь всадник, которому приказано было доставить из одной части кортежа в другую записки или устные распоряжения, выезжал на обочину и пускался вскачь.

К полудню мы пересекли мост, круто изогнувшийся над быстрой рекой.

— Дервент, — сообщил Джайлс. — Никогда прежде не видел эту реку столь полноводной.

— Удивляться здесь нечему, если вспомнить, какое дождливое выдалось

лето, — заметил я, бросив на своего спутника изучающий взгляд.

Старый законник, судя по всему, оправился от потрясения. Щеки его слегка порозовели, и в седле он держался весьма уверенно. Хотя придорожные картины были достаточно однообразны и отнюдь не поражали воображения, я с удовольствием озирался затаенный туманной дымкой горизонт. Лишь сейчас я осознал, как тягостно на меня воздействовало замкнутое пространство аббатства Святой Марии.

Селения встречались до крайности редко — за все время, проведенное в пути, мы проехали лишь несколько крошечных деревенок. Их обитатели, стоя в дверях, провожали нас безучастными взорами; матери крепко прижимали к себе детей.

После полудня последовал приказ остановиться на обед. Все оставались на своих местах, а несколько поваров, двигаясь от хвоста процессии к ее голове, раздавали ломти хлеба и куски холодного мяса. Все изрядно проголодались и с аппетитом набросились на еду. Поглощая хлеб с мясом, я услышал цокот копыт и увидел мистрис Марлин, которая следовала вдоль процессии на своей изящной серой кобылке. Рядом с ней ехала Тамазин. Заметив меня, обе остановились.

— Вот и вы, сэр! — радостно воскликнула Тамазин. — А мы ездили проведать Джека.

— Ну и как он?

— Он неплохо устроился в повозке, на которой везут непромокаемые плащи. Она стоит где-то в полумиле отсюда, — сообщила Тамазин. — Правда, Джек говорит, что чувствует себя ужасно глупо. Сэр, прошу вас, после приезда в Хоулм последите, чтобы Джек поберег свою больную ногу, — добавила Тамазин, устремив на меня серьезный взгляд.

— Обещаю вам глаз с него не спускать.

Тут вдоль процессии пронесся крик: «Трогай!» Король, судя по всему, был полон решимости добраться до Хоулма как можно быстрее. Мистрис Марлин и Тамазин решили проехать часть пути рядом с нами.

— Я была поражена, услышав о сегодняшнем происшествии, — сказала Дженнет Марлин. — Насколько я поняла, кто-то подсунул под седло вашей лошади колючий стебель розы, рассчитывая, что обезумевшее от боли животное сбросит вас. Но разве у кого-то есть причина желать вам смерти?

— Кое-кто полагает, что я знаю важные тайны, мистрис.

Дженнет Марлин повернулась в седле и окинула взором бесконечный людской поток.

— Я чувствую, дух зла витает над этой толпой, — проронила она, пристально поглядев на меня. — Может, вам лучше было направиться

прямоком в Лондон?

— Мои обязанности не позволяют мне сделать этого.

— Тогда будьте осторожны.

— Дорогу! Дорогу! — раздался резкий голос.

Гонец, везущий послание какого-то чиновника, скакал вдоль процессии. Дженнет Марлин отъехала чуть в сторону, освобождая ему путь. Тамазин оказалась совсем рядом со мной.

— А вдруг все это подстроила леди Рочфорд? — спросила она тревожным шепотом. — Ведь как только Джек упал, она сразу к нам подскочила.

— Думаю, она тут ни при чем, — покачал я головой. — Судя по ее виду, случившееся было для нее полной неожиданностью.

— Мне все время приходится быть рядом с ней, и я совсем извелась, — призналась Тамазин. — Зря я надеялась, что все наши беды кончатся, стоит выехать из Йорка.

— Не позволяйте страху одержать над вами верх, Тамазин. Уверен, все закончится благополучно.

Дженнет Марлин вновь подъехала к нам.

— Думаю, нам стоит вернуться в свиту королевы, Тамазин, — сказала она и, пристально глядя на меня, вновь произнесла: — Будьте осторожны!

— Благодарю за участие, — кивнул я.

Проводив глазами всадниц, поскакавших к голове процессии, я повернулся к Джайлсу и встретил его вопросительный взгляд.

— Неужели у вас нет никаких подозрений относительно того, кто на вас покушался?

— Нет, никаких. А если бы они и были, мне следовало бы держать их при себе.

Некоторое время мы ехали в молчании.

Дорога шла слегка вверх, по обеим ее сторонам простирались топкие заливные луга. Вскоре они уступили место невозделанным заболоченным землям, на которых зеленели островки темно-коричневого тростника. Унылые окрестности оказали гнетущее воздействие на участников процессии: шум разговоров стих.

— Подобные виды нагоняют тоску, — заметил я, обернувшись к Джайлсу.

— Да, эти болота — не только унылое, но и чрезвычайно опасное место, — откликнулся он. — Смотрите, там, впереди, уже видна цель нашего путешествия.

И старик указал рукой на возвышавшийся впереди холм, увенчанный

старинной церковью в окружении багряно-золотистых деревьев. По склонам холма тянулись цепочки домов.

— Вот и Хоулм.

— Вы бывали здесь?

В первый раз с тех пор, как мы выехали из Йорка, губы старика тронула улыбка.

— Еще бы нет. Я здесь родился.

Я не представлял, каким образом наша процессия взберется по склонам холма; для тяжелогруженных повозок такая задача была неосуществима. Но мы остановились у его подножия, у помещичьего дома, возвышавшегося среди отвоеванных у болот полей. Все спешили и в ожидании переминались с ноги на ногу возле своих коней. Мимо нас с грохотом проехало несколько повозок с клетками, в которых путешествовали гончие короля. Утомленные дорогой собаки лаяли и повизгивали.

— Как мы будем устраиваться на ночлег? — спросил я у Темплмена, который держал под уздцы Предка.

— Посыльные сообщат нам, где размещаться, — ответил солдат, окинув расстилавшиеся вокруг поля неодобрительным взглядом. — Место здесь сырое, — проворчал он. — Наверняка все наши тюфяки промокнут насквозь. Что ж, нам к этому не привыкать.

— Я, пожалуй, дойду до деревни, — сказал Джайлс. — Хочу в последний раз навестить места, где прошло мое детство.

— Давно вы здесь не были?

— Более пятидесяти лет. В последний раз я приезжал сюда, когда умерла моя мать.

Джайлс отвязал от седла свою трость и окинул взглядом крутой склон холма.

— Наверное, в деревне не осталось ни единого человека, который меня помнит, — вздохнул он. — Но я не могу упустить возможности навестить могилы родителей. Вы присмотрите за моей лошадью, дружище? — обратился он к солдату.

— Разумеется, сэр.

— Увидимся на стоянке, Мэтью. Надеюсь, нам дадут поужинать. Хотя я понятия не имею, как можно приготовить еду посреди болот.

И Джайлс зашагал в сторону холма, неспешно проталкиваясь сквозь толпу.

Я бросил взгляд в сторону помещичьего дома. Королевская свита уже собралась у крыльца. Стоило посмотреть на нее даже издали, и в глазах начинало рябить от разноцветных шелков, бархата, драгоценностей и

перьев. Взор мой невольно привлекла исполинская фигура, на голову возвышавшаяся над окружающими. Это был король. Отведя взгляд, я увидел какого-то тщедушного человечка в бело-зеленой ливрее Тюдоров, который явно пробирался ко мне. Встретив мой взгляд, он снял шапку и поклонился.

— Вас прислал сэр Уильям Малевверер? — осведомился я.

— Нет, сэр. Ваше присутствие требуется в другом месте.

— Кому еще я понадобился? — довольно резко спросил я, про себя пожалев, что рядом нет Барака.

— Этого я не могу вам сказать, сэр. Но приказ, полученный мною, исходил из самых высоких сфер.

Я нахмурился, однако покорно последовал за посыльным. Он шагал так проворно, что я едва поспевал за ним. С замиранием сердца я подумал о том, что меня мог потребовать к себе король, но, к счастью, посыльный вел меня вовсе не к помещицъему дому.

— Так все же кому я понадобился? — повторил я свой вопрос, с трудом переводя дыхание.

— Через несколько минут вы все узнаете, сэр, — ответил посыльный, обходя повозку, груженную говяжьими тушами.

Он повел меня в поле, где уже было установлено несколько просторных шатров. Вокруг них сновали почти исключительно женщины, и я предположил, что шатры эти предназначены для ночлега челяди королевы. Подойдя к самому большому, посыльный отдернул полог и с поклоном пригласил меня войти.

Войдя, я поразился царившему здесь уюту. Пол был устлан тростниковыми циновками, многочисленные восковые свечи заливали пространство ровным золотистым светом. К великому моему изумлению, я увидел Барака, который опирался на деревянный костыль. Рядом с ним стояла Тамазин, чуть живая от испуга. Напротив возвышалась леди Рочфорд, на лице которой застыло суровое и надменное выражение. В палатке была еще одна женщина — невысокая, изящная, в сером атласном платье и головном уборе, украшенном жемчужинами невероятной величины. С содроганием осознав, кто это, я склонился в низком поклоне перед королевой Кэтрин.

— Прошу вас, поднимайтесь, — донесся до меня звонкий девичий голос.

Я распрямылся, не в состоянии унять колотившую меня дрожь. Королева с любопытством меня рассматривала. Вблизи она показалась мне совсем девочкой. Однако, несмотря на полудетские черты пухлого личика,

я ощутил, что это юное создание распространяет вокруг себя аромат соблазна. Огоньки беспокойства, горевшие в ореховых глазах королевы, делали ее еще более привлекательной. Леди Рочфорд выступила вперед.

— Похоже, от неожиданности он лишился дара речи, ваше величество, — не без сарказма заметила она. — Во время наших предыдущих встреч он был чрезвычайно боек и речист.

Я хранил молчание, ожидая, когда заговорит королева. Но она по-прежнему разглядывала меня, не произнося ни слова.

— Леди Рочфорд сказала мне, что мистрис Ридбурн и этот человек, Барак, находятся под вашим покровительством, — молвила она наконец.

— Да, ваше величество.

— Я помню вас, — продолжала королева. — И мне очень жаль, что в Фулфорде с вами обошлись так жестоко.

— Я не стою ваших сожалений, ваше величество.

— Мне сообщили, что сегодня было совершено покушение на вашу жизнь, — сказала королева.

— Да, ваше величество. Кто-то подложил колючий стебель розы под седло моей лошади. Но я уступил лошадь своему другу. Обезумевшее животное выбросило его из седла, и он непременно бы погиб, если бы не ловкость и проворство мастера Барака.

Королева перевела взгляд на леди Рочфорд. Казалось, она не знала, что еще сказать. Однако спустя несколько мгновений она собралась с мыслями.

— Вам известно, кто и по какой причине мог так поступить с вами? — спросила королева.

— Неизвестно, ваше величество, — ответил я и, поколебавшись, добавил: — Но это не первое покушение на мою жизнь. Обо всех предшествующих попытках, равно как и о той, что имела место сегодня, я поставил в известность сэра Уильяма Малевевера, — сообщил я, глядя на леди Рочфорд.

— Посмотрите только, как он буравит меня глазами, ваше величество! — взвилась леди Рочфорд. — Уж конечно, он вообразил, что это я решила с ним разделаться!

— Это правда? — спросила королева, и голос ее слегка дрогнул.

Я слегка замешкался, но потом ответил решительным тоном:

— Я не питаю никаких подозрений относительно леди Рочфорд. Как я уже сказал, мне неизвестно, кто и по какой причине покушался на мою жизнь.

Королева тяжело вздохнула.

— Я пригласила вас сюда, сэр, лишь для того, чтобы заверить — никто

из моих приближенных не имеет отношения к покушению на вас, — изрекла она.

— Благодарю вас, ваше величество. Откровенно говоря, я полагал, что обязан чести видеть вас совсем другому происшествию. Тому, о котором мы уже беседовали с леди Рочфорд.

В глазах королевы зажглись огоньки страха. Она вновь повернулась к леди Рочфорд, словно в поисках поддержки.

— О каком происшествии вы говорите? — процедила леди Рочфорд.

— Оно непосредственно связано с заговором.

На лице леди Рочфорд мелькнуло растерянное выражение, однако она с глубокомысленным видом кивнула:

— Понимаю.

— Ради бога, не говорите мне о заговорах! — воскликнула королева, умоляюще вскинув руки. — Я ничего не понимаю в политике и ничего не желаю понимать!

Возможно, подобная тактика со стороны этой девочки наиболее благоразумна, отметил я про себя; если она позволит политическим группировкам втянуть ее в свои игры, ей не миновать беды.

— Да, а насчет того, что... что вы видели в аббатстве Святой Марии... — пробормотала королева, бросив взгляд на Барака и Тамазин, которые за все время не проронили ни елова. — Леди Рочфорд сказала мне, вы дали слово молчать. И я... я полагаюсь на ваше слово.

И она гордо вскинула голову, как видно, вспомнив о том, что королеве не пристало выглядеть испуганной девчонкой.

Не зная, что ответить, я низко поклонился.

— Надеюсь, до сих пор вы держали свое слово? — донесся до меня пронзительный голос леди Рочфорд.

— Клянусь, о том, что мы видели, не узнает ни одна живая душа, — заверил я.

— Полагаю, сами вы сделали выводы, для которых не было ни малейших оснований, — заявила леди Рочфорд другим, нарочито беззаботным тоном. — Королева всего лишь хотела скоротать вечерок в обществе человека, которого знает с детства. В этом нет ровным счетом ничего предосудительного. К тому же я все время находилась рядом с ними.

— Это правда, — едва слышно проронила Кэтрин Говард. — Вы верите слову своей королевы?

— Да, ваше величество, — произнес я и не покривил душой.

В том, что свидание, происходившее под бдительным надзором леди

Рочфорд, не могло зайти слишком далеко, у меня не было ни малейших сомнений. Каковы бы ни были желания королевы, она не рискнула их осуществить. Я ощутил острую жалость к этой недалекой и легкомысленной девочке, отданной в жены грубому и жестокому старику. Воистину, двор — это волчья стая, и беззащитным овечкам там несдобровать.

— Благодарю вас, — с улыбкой сказала королева. — Можете не сомневаться, по возвращении в Лондон вас ожидает достойная награда.

— Служить вам — вот лучшая награда, ваше величество.

— Тогда я признательна вам вдвойне. И искренне надеюсь: тот, кто на вас покушался, будет схвачен и получит по заслугам.

— Помните, вы дали слово самой королеве, — подала голос леди Рочфорд. — Мне стоило немалых ухищрений устроить эту аудиенцию. Королеве следует быть в помещицьем доме, рядом со своим супругом. Пришлось сказать, что ей необходимо переодеться.

Королева, не сказав более ни слова, вышла прочь. Леди Рочфорд, махнув рукой в знак того, что мы можем уйти, последовала за ней. Мы с Тамазин помогли Бараку выйти из палатки. В молчании дойдя до края поля, мы остановились.

— Черт побери, — растерянно пробормотал Барак.

— Джек! — с укором сказала Тамазин.

— Когда я вошел в этот шатер и увидел королеву, я едва не наложил в штаны, — сообщил мой помощник.

— Ну и что вы об этом думаете? — обратился я к Тамазин.

— По-моему, королева сказала нам чистую правду, сэръ.

— Согласен с вами. Сейчас я более, чем прежде, уверен, что ее отношения с Калпепером совершенно невинны. Королева так молода... — вздохнул я, покачав головой.

— Да, эта свеженькая девчонка — лакомый кусочек, — не преминул заметить Барак. — Неудивительно, что Генрих положил на нее глаз.

— Разумеется, ухаживания молодого щеголя ей приятны, — сказал я. — А леди Рочфорд, подобно многим пожилым дамам, обожает устраивать тайные свидания. Но, думаю, они обе не настолько глупы, чтобы пуститься во все тяжкие. А сейчас они так испуганы, что никакой флирт им не в радость. Нам пора идти, — добавил я, взглянув в ту сторону, где теснились повозки. — Надо узнать, куда нас определили на ночлег.

— Посмотрите-ка вон туда, — сказал Барак и указал глазами в сторону.

Проследив за направлением его взгляда, я заметил нескольких чиновников, которые рассматривали нас с откровенным интересом. Среди

них был Крейк. В следующее мгновение сердце мое екнуло, ибо я узнал Ричарда Рича. Несомненно, он видел, как мы выходим из шатра королевы. Одному богу было известно, какие заключения он из этого сделает.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мы вернулись на дорогу, где Темплмен, грызя яблоко, по-прежнему стоял возле лошадей, которые щипали травку на обочине. В поле уже появились островерхие солдатские палатки. Барак, несмотря на костыль, ковылял с большим трудом и, если бы не мы с Тамазин, вряд ли сумел бы преодолеть столь значительное расстояние. Я привык во всех критических обстоятельствах полагаться на силу и выносливость своего друга, и нынешняя его беспомощность приводила меня в замешательство.

Подойдя к Предку, я заметил, что славный мой мерин немного успокоился и пришел в себя. Впрочем, судя по глубоким ссадинам на спине, в ближайшее время нечего было и думать о том, чтобы он ходил под седлом.

— Вы не знаете, где нам предстоит ночевать? — спросил я у Темплмена.

— Нет, сэр. Надо немного подождать. Когда все будет готово, нам сообщат.

Телега проехала так близко, что нам пришлось посторониться. Барак покачнулся и наверняка упал бы, не поддержи его Тамазин.

— Проклятая нога! — с досадой воскликнул он. — До чего мерзко ощущать себя калекой!

— Вам ни к чему пробираться сквозь толпу к своей повозке, — заметил я. — Думаю, вам с Тамазин лучше остаться здесь, рядом с Темплменом, и подождать, пока нас определят на ночлег.

— А вы что намерены делать? — с подозрением осведомился Барак.

Я чувствовал неодолимое желание выбраться из беспокойной шумной толпы.

— Пойду прогуляюсь до деревни. Отыщу мастера Ренна и вернусь вместе с ним.

— Скоро стемнеет, сэр, — напомнила Тамазин. — К тому же, разгуливая в одиночестве, вы подвергаете себя опасности.

— Мне необходимо размять ноги. И в деревне я буду в большей безопасности, чем в этой толчее. Увидимся позже.

Дабы избежать дальнейших возражений, я резко повернулся и направился по дороге в сторону холма.

Проталкиваясь сквозь толпу, я наблюдал, как повозки, сворачивая с дороги, въезжали на поля. Офицеры в зеленых мундирах отдавали

распоряжения. Многие из них носили на груди доски для письма, в точности такие, как у Крейка. Одна из повозок перевернулась, и солдаты пытались освободить мощных тягловых лошадей, завалившихся на бок. Животные жалобно ржали и били ногами. Я заметил, что в повозке перевозили оружие — в дорожной пыли валялись мечи, ружья и арбалеты. Солдаты поспешно собирали их и относили в поле, внимательно следя за тем, чтобы никто из прохожих не утащил под шумок какое-нибудь смертоносное приспособление.

Пройдя еще немного вперед, я увидел в поле черную карету, стоявшую особняком. Карету окружало полдюжины солдат, на дверцах ее красовались королевские гербы. Узнав сержанта Ликона, я направился к нему. Сапоги мои громко хлюпали по мокрой траве. Подойдя ближе, я увидел, что у кареты нет окон, а двери ее плотно закрыты. Сержант отдал мне салют.

— Путешествие прошло благополучно? — осведомился я.

— Да, обошлось без всяких неожиданностей, — откликнулся сержант. — Я слышал, сэр, какой-то негодяй подсунул колючку под седло вашей лошади, — добавил он, с любопытством глядя на меня.

— Похоже, нет человека, который бы об этом не слышал, — усмехнулся я.

— Подобные происшествия случаются не каждый день, — пожал плечами Ликон. — Это как-то связано с Бродериком? — спросил он, кивнув на карету.

— Полагаю, нет. Вся эта толчея и суматоха так утомили меня, что я решил немного прогуляться, — сменил я изрядно надевшую мне тему.

— Поначалу, когда мы только выехали из Лондона, я тоже не мог привыкнуть к толпе, — с улыбкой признался сержант. — А теперь я не обращаю на нее внимания. Так же будет и с вами.

— Я отнюдь не уверен, что когда-нибудь смогу привыкнуть к такому людскому рою. Так или иначе, прогулка пойдет мне на пользу. Мой друг некоторое время назад пошел в деревню. Возможно, вы видели, как он проходил мимо? Такой рослый крепкий старикан в мантии законника с тростью в руках?

— Да, я его видел, — кивнул Ликон. — Только он прошел уже давно, и вы вряд ли его нагоните.

Он вновь бросил обеспокоенный взгляд на карету.

— Сэр, наш заключенный меня тревожит. По моему разумению, выглядит он скверно. Лицо желтое, как лимон. И похоже, его постоянно тошнит. Неплохо бы вывести его на свежий воздух. Сидя все время взаперти, да еще в обществе тюремщика, можно лишиться последнего

здоровья.

— Вы правы.

— Откровенно говоря, у меня сердце разрывается, глядя на беднягу. Может, он и заговорщик, только с человеком всегда следует обращаться по-человечески. Он еле ноги таскает, а ведь, говорят, ему нет и тридцати.

— Да, он молод, — кивнул я. — И вся его вина состоит в том, что он отстаивал свои убеждения. Теперь за эти убеждения ему предстоит умереть в муках. Впрочем, в наши дни подобный удел постигает многих.

— Да, в убеждениях он тверд, — произнес сержант Ликон, пристально глядя на меня. — И по-моему, готов не только принять за них смерть, но и убивать. Если бы этой весной мятеж не задушили на корню, в стране пролились бы реки крови.

— Согласен с вами, — кивнул я. — Нет ничего страшнее кровопролития. Должно быть, сочувствие, которое вызывает у меня наш арестант, заставило меня позабыть о тяжести совершенного им преступления. Но, как бы то ни было, я обязан заботиться о его здоровье. Надо поговорить с Малеверером, может, он позволит арестанту прогулки на свежем воздухе. Что до Редвинтера, у меня нет ни малейшего желания его видеть, — сказал я, бросив взгляд на черную карету. — На обратном пути я загляну и узнаю, как себя чувствует Бродерик.

— Будьте осторожны, сэр. Как выяснилось, у вас есть опасные враги.

— Об осторожности я никогда не забываю. Скажите, а как обстоят дела с фермой ваших родителей? Вы получили от них какие-нибудь известия?

— Только письмо от дяди. Он пишет, мои старики очень горюют об утрате земли. Он хочет свозить их в Лондон, повидаться со мной. Думает, это их утешит. Я тоже не прочь с ними повидаться. После того как мы вернемся в Лондон, я буду служить в Тауэре.

— Непременно приведите ко мне своих родителей, когда они приедут в Лондон, — сказал я. — Я очень сожалею, что стал невольной причиной их бед, и сделаю все возможное, чтобы исправить свою оплошность.

— Вы думаете, нашу землю можно вернуть?

— Не могу сказать ничего определенного, пока не увижу бумаги. Но, повторяю, я сделаю все возможное.

Сержант устремил на меня долгий испытующий взгляд.

— Вы моя последняя надежда, сэр. Не представляю, что будет с моими стариками, если у них отнимут землю.

Чувство собственной вины не оставляло меня, когда я двинулся по тропе, которая поднималась на крутой склон холма. По обеим сторонам широкой тропы росли дубы, и ее покрывал сплошной ковер опавших

листьев, так что я постоянно боялся поскользнуться. Вокруг стояла тишина, и в какой-то момент мне стало не по себе. Но потом я понял, что издали увижу любого, кто попытается ко мне приблизиться, и успокоился.

Прохладный ветер заставлял меня плотнее кутаться в плащ. Вскоре я оказался в деревне, которая состояла из единственной улицы, вдоль которой тянулись убогие домишки. Несколько куриц сосредоточенно рылись в песке, прямо посреди дороги валялась свинья. Что до людей, то, за исключением ребятишек, игравших в огромной луже, я не увидел ни одной живой души. Как видно, взрослые были внизу, в полях, помогали путешественникам устроиться на ночлег.

За деревней дорога стала резко забирать вверх. Оказавшись на самой вершине холма, я увидел открытую площадку, на которой возвышалась церковь, выстроенная в норманнском стиле. Старинное кладбище, видневшееся слева от церкви, простиралось до самого леса. Прежде чем войти в кладбищенские ворота, я остановился, чтобы перевести дух. Здесь, наверху, воздух был необыкновенно чистым и свежим. Справа я заметил сигнальную башню, высотой примерно футов двадцать, и подошел поближе, чтобы рассмотреть ее. Несколько лет назад Кромвель отдал приказ возводить подобные сооружения на холмах по всей стране. Тогда над Англией нависла опасность войны с Францией и Испанией, странами, которые сохраняли верность Папе и защищали его интересы.

Отсюда, с холма, открывался вид на лагерь, устроенный в полях. И вновь, как и в Фулфорде, когда я впервые увидел процессию, это огромное скопление народа показалось мне бесформенным пестрым пятном, которое растеклось на поверхности земли. Я нашел взглядом помещичий дом, на эту ночь ставший резиденцией короля. Это был красивый старинный особняк. По словам Бродерика, король отобрал его у Роберта Констебла.

«Король прибрал к рукам владения многих своих подданных», — пронеслось у меня в голове.

— В ясные дни отсюда видно кафедральный собор Йорка.

Голос, внезапно раздавшийся за моей спиной, заставил меня вздрогнуть. Обернувшись, я увидел Джайлса.

— Господи боже, как вы меня напугали.

— Простите. Я как раз шел к могиле родителей, когда увидел вас. Из-за опавших листьев вы не слышали моих шагов. Вид у вас печальный, Мэтью.

— Я просто устал от суеты и многолюдья и почувствовал неодолимое желание прогуляться. Здесь, наверху, так легко дышится.

— Да, и все, что творится внизу, представляется таким мелким и незначительным.

Взгляд старика устремился к туманному горизонту. Солнце садилось в белесые тучи, пронизывая их своими пурпурными лучами.

— Представляете, давным-давно, в ранней юности, я часто стоял здесь и глядел на далекие очертания собора, — сказал Джайлс, опираясь на палку. — И в один из вечеров решил, что выучусь на законника и буду жить в Йорке.

— Вы выполнили свое намерение.

— Да, — кивнул Джайлс. — Сколько лет прошло с той поры, страшно подумать. Тогда отношения человека и Бога представлялись ясными и определенными. А потом все перевернулось с ног на голову, — изрек он с сокрушенным вздохом. — Йорку и северным графствам подобное перемещение пошло не на пользу.

— Возможно, после визита короля все наладится.

— Не думаю, что визит короля хоть в какой-то мере способствовал разрешению назревших на севере проблем, — покачал головой Джайлс. — Да, он сумел подкупить местных дворян и заставил их принести клятву верности. Но достаточно взглянуть на лица простых людей, чтобы понять — они отнюдь не испытывают верноподданнических чувств.

— Джайлс, да вы, похоже, из тех, кто ненавидит богатых и мечтает отобрать от них все их имущество, — заметил я с натужным смехом. — Порой мне кажется, подобная мера не лишена справедливости.

— Нет-нет, вы неверно истолковали мои слова, — затряс своей львиной гривой Джайлс. — Я рьяный приверженец монархии. Убежден, лишь королевская власть может принести Англии благоденствие. К несчастью для этой страны, у нее нет достойного короля.

— Не могу не согласиться с вами, — кивнул я, устремив взор в поля.

Они начинались у самого подножия холма и резко обрывались у кромки болот, которые тянулись на многие мили.

Я решил сменить тему разговора, вновь осознав со всей остротой, какими шаткими стали мои убеждения, некогда столь неколебимые.

— А где находилась ферма ваших родителей, Джайлс? — осведомился я.

— Вон там, — указал он палкой на несколько жавшихся друг к другу домов. — Мой отец своими руками осушил участок земли. Вы видите сами: здешние болота очень велики, и заблудиться в них не составляет труда. Раньше неподалеку отсюда находился небольшой монастырь, и его монахи сопровождали путников через болота и искали сбившихся с пути. Этого монастыря уже нет. Король отобрал у монахов их убогое пристанище.

— В детстве вы были счастливы? — спросил я.

— О, более чем, — откликнулся Джайлс, просияв улыбкой.

— А разве ваш отец не хотел, чтобы вы продолжили его дело и занялись бы хозяйством на ферме?

— Нет. Я хорошо учился в школе, и отец быстро понял, что книги и ученые споры интересуют меня куда больше, чем дренажные канавы и навоз для удобрения. Родители возлагали на меня большие надежды, они не сомневались, что смогут гордиться мной.

— Я тоже сызмальства полюбил книги. А еще я любил рисовать и до недавнего времени баловался красками. Но я всегда понимал, что отец мой хотел бы иметь совсем другого сына — здорового, крепкого и выносливого. Такой сын с малых лет был бы ему помощником и со временем стал бы хорошим хозяином на ферме.

— Родители поступают разумно, когда принимают своих детей такими, какие они есть. К тому же у вашего отца не было повода для разочарований. Ведь умная голова — ничуть не меньший дар, чем здоровое и крепкое тело.

— Думаю, он пытался убедить себя в этом, — с грустной улыбкой заметил я. — Что до матери, я плохо ее помню. Она умерла, когда мне было десять лет.

— Значит, вы получили чисто мужское воспитание, не смягченное женской лаской.

— Да. И надо признать, после смерти матери нрав моего отца стал куда более суровым и замкнутым.

Несколько мгновений никто из нас не произносил ни слова.

— Я хотел побывать на могиле родителей, а после зайти в церковь, — нарушил молчание Джайлс. — Может, вы присоединитесь ко мне?

— С удовольствием. В скором времени мне предстоит установить памятник на могиле отца, а мне никак не решить какой.

Вслед за Джайлсом я вошел в кладбищенские ворота. Надгробные плиты на большинстве могил были сделаны из песчаника и изрядно пострадали от времени и непогоды. Джайлс подвел меня к единственному на все кладбище мраморному памятнику. Надпись на нем была проста:

Эдвард Ренн 1421-1486

И его супруга Агнесс 1439-1488

Покойтесь с миром

— Они оба умерли, когда я был студентом, — вздохнул Джайлс. — Моя матушка была предана отцу всей душой. Смерть его стала для нее непереносимым ударом, и полтора года спустя она последовала за ним.

— Она была намного моложе вашего отца.

— На восемнадцать лет. Отец уже был женат прежде, но брак его остался бесплодным. Жена его умерла, когда им обоим было лет по сорок. Она похоронена в склепе своей семьи. А отец женился вторично, на моей матери. И на старости лет Бог послал ему сына, то есть меня.

— Семья моего отца из поколения в поколение жила в Личфилде, — сообщил я. — Думаю, это было одной из причин того, что отец так болезненно принял мое нежелание заниматься хозяйством на ферме. Он хотел, чтобы я продолжил семейную традицию.

— А мой отец в молодости перебрался в Хоулм из Уокфилда. Так что о крепких семейных связях с этим местом речи не было.

— Памятник очень красив, — заметил я. — Мрамор всегда выглядит благородно. Думаю, я тоже установлю на могиле отца мраморное надгробие.

— Оставьте меня на несколько минут, Мэтью, — попросил Джайлс. — Я присоединюсь к вам в церкви. Поверьте, она стоит того, чтобы туда заглянуть.

Я повернулся и медленно пошел по тропе, ведущей к церкви.

Треск сухой ветки заставил меня остановиться. В тревоге я окинул взглядом деревья, бросавшие на церковный двор темные тени, но не заметил ни малейшего движения.

«Должно быть, олень», — решил я, входя в церковь.

Внутри царил полумрак, разгоняемый тусклым светом свечей. Арочные своды и потолочные балки были расписаны белыми розами Тюдоров. В боковой капелле я увидел статую Пресвятой Девы, перед которой мерцала свеча.

«Королю Генриху это не понравилось бы», — отметил я про себя.

Опустившись на деревянную скамью, я предался воспоминаниям о своем невеселом детстве и об отце, с которым так и не сумел достичь понимания; свет угасающего дня, проникающий сквозь витражные окна, постепенно слабел. Перед внутренним взором стояло лицо отца, хмурое и не улыбочивое. Да, нрав у него был суровый. Откровенно говоря, даже став взрослым, я приезжал домой без особой радости.

Дверь открылась, и вошел Джайлс. Постукивая палкой, он вошел в боковую капеллу, осенил себя крестом, взял свечу и зажег ее от той, что стояла перед статуей. Затем он подошел ко мне, тяжело опустился на скамью, а свечу поставил на пол.

— Красивая церковь. — Он повернулся ко мне. — В детстве я прислуживал в алтаре. Как и все мальчишки, я был горазд на всякие

проказы. Вместе с другими сорванцами мы частенько ловили мышей, которые лакомились церковными свечами, впрягали их в крошечные повозки, что мастерили из щепок, и выпускали в нефе.

— Мне тоже доводилось прислуживать в алтаре, — с улыбкой вспомнил я. — Но увы, проказничать я себе не позволял и относился к своим обязанностям чрезвычайно серьезно.

— Однако впоследствии вы стали убежденным сторонником реформ, — заметил Джайлс, с любопытством глядя на меня.

— Да, я был горячим приверженцем изменений в церковной жизни. Сейчас мне самому трудно в это поверить. Думаю, в стане реформаторов я оказался потому, что привык подвергать все сомнению.

— Мне кажется, эта привычка не изменила вам и поныне.

— Возможно. Раньше я сомневался в установлениях старой церкви, сейчас я подвергаю сомнению целесообразность реформ.

— Это капелла Констеблов, — сказал Ренн, кивнув в сторону боковой капеллы.

— Ее установила семья сэра Роберта Констебла?

— Да. На протяжении веков они владели здесь землями. В этой церкви до сих пор ежедневно служат мессу за упокой их душ. Кстати, во времена моего детства здешний священник тоже принадлежал к семейству Констебл.

— Среди местных жителей Констеблы пользовались любовью?

— Ничуть. Все они отличались алчностью и притесняли местных крестьян без всякого снисхождения. И Роберт Констебл был ничуть не лучше остальных. Но он умер за свои убеждения и, полагаю, искупил этим все свои грехи.

«Подобная участь неминуемо ожидает и Бродерика», — подумал я, припоминая недавний разговор с сержантом Ликоном.

— Говорят, скелет Констебла до сих пор висит на городских воротах Халла, — произнес я вслух.

— Да. Так что нам не избежать этого тягостного зрелища.

Джайлс немного помолчал и заговорил вновь:

— После смерти отца я продал ферму Констеблам. Сам я жил в Йорке и не имел никакой возможности заниматься хозяйством. Так же, как и вы. Так что, если вы продадите ферму отца, вы не должны чувствовать себя виноватым.

— Вы правы. Но мне хотелось бы сохранить эту ферму в память об отце.

Джайлс пристально поглядел на меня и покачал головой.

— На вас навалилось слишком много бед, Мэтью. Сначала смерть отца, потом покушения таинственного врага. Ведь вы сказали, покушений было несколько?

— Три, если считать случай с колючим стеблем под седлом лошади, — произнес я, мгновение поколебавшись. — Или, точнее сказать, четыре. Ведь неведомый похититель документов явно хотел вышибить мне мозги. А неделю назад, в лагере для челяди, кто-то метнул в меня огромный вертел, на котором жарят мясо.

— Господи боже.

— А несколько дней спустя, когда я проходил через двор аббатства, кто-то выпустил из клетки медведя, который едва не разорвал меня на клочки.

— Еще того не легче.

— Скорее всего, тот, кто за мной охотится, думает, что я успел ознакомиться с содержимым шкатулки. На самом деле я лишь мельком проглядел несколько документов, лежавших сверху. Одним из них был парламентский акт, озаглавленный «Titulus Regulus», — добавил я после недолгого молчания.

— Тот самый, копию которого вы обнаружили в моей библиотеке?

— Да. Именно поэтому я посоветовал вам от него избавиться.

— А я-то никак не мог понять, почему вы сочли его столь опасным. А что еще было в этой таинственной шкатулке? — с откровенным любопытством осведомился Джайлс.

— Более ничего достойного упоминания.

— Упустив документы, вы наверняка навлекли на себя гнев Малевевера, — заметил Джайлс.

— Да, он просто рвал и метал. Более того, он сообщил о случившемся Тайному совету, так что я у них на дурном счету.

— И как только у вас хватило сил выдержать столько ударов? — мягко осведомился Джайлс. — Включая тот, что вы получили в Фулфорде?

— Человеку приходится выносить удары судьбы, ибо у него нет иного выбора, — пожал плечами я. — Полагаю, вы знаете это не хуже моего. Ведь с вами судьба тоже обошлась не слишком милостиво.

— Да, я многое перенес, — прошептал старик, потупив голову. — Господь посылает испытания всем своим чадам, и нам надлежит принимать их с кротостью и смирением. Но подчас, в минуты отчаяния, я думаю, что нередко эти испытания превышают меру человеческой выносливости.

Я поерзал на скамье, чувствуя, как затекла моя многострадальная шея.

— Пожалуй, нам пора возвращаться. Вскоре станет совсем темно.

— Позвольте мне побыть здесь еще несколько минут, — попросил

Джайлс. — Я хотел бы прочесть молитву.

— Разумеется. Я подожду вас у сигнальной башни.

Я вышел на воздух. Солнце уже скрылось за горизонтом, церковный двор погрузился в сумрак. Подойдя к склону холма, я поглядел на раскинувшийся внизу лагерь; огни многочисленных костров и факелов разгоняли темноту, все окна особняка были освещены. Наверняка мастер Крейк позаботился о том, чтобы король и королева, устроившись в своей временной резиденции, не испытывали ни малейшего неудобства.

Молитва, которую решил прочесть Джайлс, оказалась долгой. Я вдоволь налюбовался лагерем, обошел сигнальную башню, рассматривая, как она устроена, а друг мой все не появлялся.

Я нетерпеливо переминался с ноги на ногу, думая о том, что возвращаться придется в полной темноте. К тому же я ощутил, что мой мочевого пузырь переполнен. Оглядевшись по сторонам, я удостоверился, что рядом нет ни одной живой души, развязал штаны и со вздохом облегчения пустил струю. Закончив, я оглянулся и замер, точно громом пораженный. В десяти футах от меня стояла Дженнет Марлин в темном плаще с капюшоном. Губы ее были плотно сжаты, в руках она держала арбалет, нацелив стрелу прямо мне в сердце.

Лишившись дара речи, я наблюдал, как Дженнет слегка передвинула арбалет на плече. Мне оставалось лишь ждать, когда стрела вонзится в грудь. Однако Дженнет не торопилась.

— На этот раз вы от меня не уйдете, — бросила она, и голос ее резанул мой слух, словно скрип напильника.

За спиной Дженнет виднелась церковь, темный силуэт четко вырисовывался на фоне вечернего неба. Мягкий свет, льющийся из ее окон, казался таким приветливым и уютным.

Губы Дженнет тронуло подобие улыбки.

— Напрасно вы рассчитываете, что старик прибежит к вам на помощь.

— Что... что вы с ним сделали?

Она устремила на меня огромные глаза, в которых полыхал огонь ненависти.

— Не волнуйтесь, ваш друг цел и невредим. Я всего лишь закрыла церковную дверь, просунув в ручки крепкую палку. Так что ему придется посидеть взаперти. Я не убиваю тех, кто не заслужил смерти.

— А я, значит, заслужил? И за какие же провинности вы осудили меня на смерть?

Она не удостоила меня ответом, но арбалет в ее руках слегка дрогнул. Я понял, что сама она натянута туже, чем тетива, и с содроганием подумал о

том, что рука ее каждый миг может сорваться.

Единственное мое спасение заключалось в том, чтобы отвлечь ее разговорами.

— Так, значит, это вы едва не насадили меня на вертел? — осведомился я. — И медведя тоже выпустили вы? А сегодня положили мне под седло колючку?

— Да, все мои попытки окончились неудачей. Впервые случай разделаться с вами подвернулся мне, когда я увидела вас в лагере — в тот вечер я прогуливалась у реки. Но я оказалась недостаточно меткой.

Огонь, сверкавший в ее глазах, казалось, разгорался все сильнее. Я терялся в догадках, не понимая, чем заслужил подобную ненависть.

«Возможно, меня оклеветали», — предположил я.

— Вскоре я узнала от Тамазин, что вы отправились в город, — продолжала Дженнет. — Мне оставалось лишь притаиться во дворе и ждать вашего возвращения. Никакого оружия у меня не было, но я рассчитывала, что в темноте сумею с вами справиться. Незаметно следуя за вами, я оказалась возле клетки с медведем. И сразу поняла, что он сможет сослужить мне службу. Но и на этот раз все сорвалось. О, все эти две недели я не спускала с вас глаз! — с жаром воскликнула она. — Я наблюдала за вами из окон и из укромных мест во дворе. И когда сегодня я увидела, как вы шагаете по дороге, ведущей на холм, я поняла — небеса посылают мне еще один шанс.

— А арбалет вы похитили из перевернутой повозки с оружием.

— Верно, — кивнула Дженнет.

Казалось, она обрела самообладание, руки ее более не дрожали, а взгляд, устремленный на меня, был полон решимости.

«Не молчи, — приказал я себе. — Если ты замолчишь, тебе конец».

— На кладбище я заметил, что кто-то смотрит на меня из зарослей. Но решил, что это олень. Кстати, Олдройда убили вы?

— Да. Этот человек тоже заслужил смерть. Он прятал у себя эту проклятую шкатулку. И не согласился отдать ее мне даже после того, как узнал, что меня прислал Бернард.

— А, так вы выполняете поручение своего жениха? Значит, Бернард Лок принимал участие в заговоре?

— Да.

— Но я считал вас сторонницей реформ.

— Так оно и есть на самом деле. Впоследствии Бернард пожалел о том, что позволил заговорщикам втянуть его в свои замыслы. Он хотел уничтожить документы, хранившиеся в шкатулке. По его словам, они

способны пошатнуть престол. Спасти короля от происков изменников и предателей — вот цель, которую он преследует. И я готова на все, чтобы ему помочь.

«Вряд ли этот Бернард Лок искренне раскаялся, — отметил я про себя. — Скорее всего, он использует обезумевшую от любви женщину в качестве слепого орудия».

Внезапно я заметил крупную темную фигуру, которая приближалась к Дженнет со стороны церкви. Это был Джайлс.

Каким-то образом он сумел освободиться и спешил мне на выручку. Старик двигался совершенно бесшумно, в руках он держал палку, уже занесенную для удара. Мне необходимо было выиграть еще несколько мгновений.

— И как же вы с женихом решили действовать? — вновь обратился я к Дженнет.

— Бернард сказал мне, что документы находятся у мастера Олдройда, стекольщика из Йорка, и тот держит их в тайнике, который устроил в своем доме. В том, что стекольщика придется убить, Бернард не сомневался. Тот ни за что не расстался бы с бумагами по доброй воле.

— И вы столкнули злополучного стекольщика с лестницы?

— У меня не было другого выбора, — недрогнувшим голосом заявила Дженнет Марлин. — Он ведь был заговорщиком, изменником и заслужил смерть. Но я не успела забрать у мертвеца ключи от тайника, потому что его лошадь, обезумев от страха, помчалась во двор и подняла тревогу.

— Вы слышали, что к повозке стекольщика идут люди, и спрятались в церкви?

— Да, вы и этот болван Барак едва меня не поймали. А после разрушили все мои замыслы. Пока я ломала голову над тем, как раздобыть ключи, вы побывали в доме у Олдройда и забрали шкатулку. Мне стоило огромного труда не выдать себя, когда я увидела ее у вас в руках.

— И вы решили завоевать мое расположение, не оставляя при этом намерения меня убить? Но чем я так вам не угодил? Вы думали, что я успел ознакомиться с содержимым шкатулки?

Джайлс был уже за спиной Дженнет. Однако он медлил наносить удар, как видно, опасаясь, что, падая, Дженнет успеет выпустить стрелу.

— Я решила с вами сблизиться и выведать, что вам известно, — кивнула Дженнет. — Вы представить себе не можете, до чего мне было противно любезничать с вами и слушать, как вы расточаете слова, исполненные поддельного сочувствия. Я ведь прекрасно знала: вы видели документы, которые служат опасной уликой против Бернарда. О, всякий

раз, когда я приветливо вам улыбалась, мне хотелось вас убить! Всякий раз, когда я видела вашу уродливую горбатую фигуру, меня едва не тошнило от отвращения...

Наконец-то мне стала понятна причина ее ярости.

— Сударыня, вы заблуждаетесь, — мягко произнес я. — Никаких бумаг, имеющих отношение к вашему жениху, я не видел.

— Ложь! Мне ясны ваши намерения. Вы ни о чем не рассказали Малеввереру, потому что ему не доверяете. Но, едва вернувшись в Лондон, вы побежите к своему хозяину Кранмеру и все ему доложите. Уж конечно, вы узнали...

Она не успела договорить, потому что в этот момент Джайлс со всей силы опустил палку ей на затылок. Раздался ужасающий хруст проломленных костей. Дженнет, испустив приглушенный стон, повалилась на землю. Раздался легкий щелчок, и я дернулся вправо, едва успев уклониться от стрелы, которая вонзилась в деревянную стену сигнальной башни. Когда я вновь взглянул на Дженнет, она ничком лежала на земле, голову ее прикрывал капюшон плаща, рядом валялся арбалет. Джайлс стоял над ней, слегка покачиваясь.

Я подбежал к Дженнет и взял ее за руку. Рука оказалась вялой и безжизненной. Перевернув ее на спину, я убедился в том, что она мертва. Каштановые кудри насквозь пропитались кровью, огонь ненависти, полыхавший в огромных глазах, угас. Они были пустыми и тусклыми, как у рыбы. Я отошел в сторону, согнулся пополам и изверг на землю содержимое своего желудка.

Рука Джайлса легла мне на плечо.

Я обернулся к своему спасителю. Расширенные зрачки и слегка подрагивающие щеки старика говорили о том, сколь сильное потрясение он пережил.

— Я убил ее? — спросил он хриплым шепотом.

Я кивнул.

— Вы спасли мне жизнь. Слышали, что она говорила?

— Слышал достаточно, чтобы все понять. Господи боже, — судорожно выдохнул он, глядя на распростертое на земле тело.

— А как вам удалось выбраться из церкви?

— Эту церковь я знаю как свои пять пальцев. Поняв, что переднюю дверь мне не открыть, я всего лишь воспользовался другой, боковой.

Он снова бросил взгляд на убитую.

— Я так боялся, что не успею и она пустит стрелу.

Я поднял арбалет и сжал руку Джайлса.

— Идемте. Надо скорее вернуться в лагерь и сообщить обо всем
Малевереру.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На обратном пути мне пришлось приноравливаться к медленной поступи Джайлса; в темноте старик шагал особенно осторожно, тщательно ощупывая тропу палкой. Я нес арбалет, который изрядно оттягивал мне руку.

— А где сейчас Малеверер? — осведомился Джайлс. — В особняке рядом с королем?

— Думаю, да. По крайней мере, первым делом мы отправимся туда.

— Трудно поверить, что женщина могла совершить подобные злодеяния.

— Женщины способны на многое, — проронил я.

Спустившись с холма, мы повернули направо, к помещицкому дому. Я заметил, что Джайлс едва передвигает ноги от усталости.

— День выдался для вас слишком тяжелым, — сказал я, коснувшись его руки. — Может, вам лучше вернуться в лагерь, отыскать свою палатку и отдохнуть?

— Нет, я пойду с вами, — возразил старик. — Малеверер наверняка захочет побеседовать с нами обоими.

Мы подошли к высокой стене, окружавшей усадьбу. У кованых железных ворот стояли в карауле солдаты. Они ни за что не хотели пропускать нас, и мне стоило большого труда убедить одного из них позвать Малеверера. Джайлс обессиленно опустил на поросший травой бугорок и склонил голову на сложенные руки.

— Вы плохо себя чувствуете? — забеспокоился я.

— Ничего страшного. Так, небольшая боль. Но это скоро пройдет.

Я с тревогой смотрел на него, вспоминая о том, как он лишился чувств в Фулфорде. Наконец ворота отворились и к нам подошел Малеверер, всем своим видом выразивший недовольство и досаду.

— Господи боже, вы что, лишились последнего разума? Как вы смели явиться в резиденцию короля? — грозно нахмурившись, пророкотал он.

Но стоило ему взглянуть мне в лицо, и он понял, что нас привело к нему безотлагательное дело.

— Что еще случилось?

— Только что на меня снова напали, — сообщил я и указал на арбалет, который держал в руке. — Выпустили стрелу. Моим неведомым врагом оказалась Дженнет Марлин.

— Кто? Эта кислая старая дева?

Малеверер, казалось, не верил своим ушам.

— Где она?

— Лежит на земле у здешней церкви. Она мертва.

Несколько мгновений Малеверер сверлил меня глазами, потом перевел взгляд на Джайлса.

— Зачем вы притащили с собой этого старикана?

— Мастер Ренн все видел. И он спас мне жизнь.

— Мне пришлось ударить ее палкой по голове, и удар оказался смертельным, — сказал Джайлс, глядя прямо в лицо Малевереру. — Другого выхода у меня не было.

Малеверер протянул руку к арбалету.

— Одна из повозок, перевозивших оружие, перевернулась, — пояснил я. — Поднялась суматоха, и мистрис Марлин сумела похитить арбалет.

— Зайдите в дом, — сквозь зубы приказал Малеверер. — Оба.

Вслед за ним мы прошли через сад и оказались в просторном холле. К счастью, никаких признаков присутствия короля здесь не наблюдалось. Малеверер провел нас в комнату на нижнем этаже, превращенную в кабинет, и уселся за письменный стол. Мы стояли напротив. В неверном свете свечей лицо Джайлса казалось особенно бледным и изнуренным.

— Быть может, вы позволите мастеру Ренну сесть, сэръ Уильям? — осмелился спросить я. — Он пережил сильное потрясение.

Малеверер, взглянув на старика, буркнул нечто нечленораздельное. Я расценил это как согласие и подвинул Джайлсу стул.

— Благодарю вас, — кивнул тот.

— Ну? — проскрежетал Малеверер. — Что там у вас произошло?

Я рассказал ему обо всем, что случилось на холме, сообщил, что, по собственному признанию Дженнет Марлин, охотилась на меня именно она. Разумеется, упомянул я и о причине, побудившей Дженнет разделаться со мной. Говоря об этом, я не преминул заметить, что Дженнет заблуждалась и никаких документов, опасных для ее жениха, я не видел. Малеверер выслушал меня с непроницаемым лицом. Когда я закончил, он повернулся к Джайлсу и указал на палку, которую старик держал меж колен:

— Значит, вы вышибли ей мозги вот этой штуковиной?

— Да.

Джайлс взглянул на свои руки, увидел на них кровь и содрогнулся.

— Вам, наверное, удалось услышать многое из того, что она говорила? — спросил я.

— Лишь несколько последних фраз. Я не хотел ее убивать. Я никогда не

поднимал руки на человека. И думать не думал, что под конец жизни мне доведется кого-то убить...

— А вот, однако, же довелось, — бросил Малеверер. — Что это с вами? — спросил он, презрительно взглянув на старика. — Вид у вас такой, словно вы вот-вот грохнетесь без сознания. Для законника вы слишком чувствительны.

— Мастер Ренн нездоров, — пояснил я.

Малеверер озабоченно нахмурился.

— Тогда его следует незамедлительно убрать отсюда. Король не потерпит, чтобы в одном доме с ним находились больные. Стража!

На зов незамедлительно явился солдат, и Малеверер приказал ему узнать, где находится отведенная Джайлсу палатка и проводить его туда.

Солдат помог Джайлсу подняться.

— Все это так ужасно, — тихо пробормотал старик, бросив на меня взгляд.

Когда дверь за ним закрылась, в комнате повисло молчание. Малеверер, по обыкновению, теребил конец своей длинной бороды, пальцы его двигались с удивительной быстротой. Потом он нагнулся и вытащил что-то из ящика стола. То была пресловутая шкатулка. Я уставился на изображение Дианы-охотницы, украшавшее крышку. Прекрасная Диана в платье по моде прошлого столетия наставила свой лук на оленя.

— Я не расстанусь с ней с того самого дня, как пропали документы, — пробурчал Малеверер. — Частенько гляжу на нее и думаю, в чьих руках ей довелось побывать.

Он разразился хриплым смехом.

— Если бы только вещи могли разговаривать! Тогда я заставил бы эту шкатулку рассказать о том, что ей доверили хранить. Вот уж не думал, что документы похитила эта тощая жердина Марлин, — покачал он головой. — Сейчас же прикажу обыскать всю ее поклажу. Бумаги наверняка спрятаны среди ее тряпья.

— У меня тоже и мысли не было подозревать мистрис Марлин, — сказал я. — Но ради освобождения своего жениха она была готова на все. А человек, готовый на все, намного опаснее обычного злоумышленника. Логику его понять куда труднее, ибо отчаяние толкает его на самые невероятные поступки.

— Надо признать, для бабы эта Марлин не так глупа, — изрек Малеверер. — По крайней мере, у нее хватило ума похитить ключи от церкви. И она знала, что в качестве приближенной леди Рочфорд может разгуливать по аббатству, не привлекая внимания.

— Да, она была умна и расчетлива, — кивнул я. — Настолько расчетлива, что решила завоевать мою дружбу. И это ей удалось, — добавил я с грустной улыбкой. — Я проникся к ней искренней симпатией.

— Да вы, часом, не влюбились ли в нее? — ухмыльнулся Малеверер, насмешливо поглядев на меня.

— До этого не дошло, сэр Уильям, — покачал я головой. — Я чувствовал, что эта женщина находится в плену всепоглощающей страсти. А излишне страстные натуры всегда отпугивали меня. Как и все одержимые, она без труда оправдывала собственные жестокие деяния. Ей казалось, что благородная цель, к которой она стремится, оправдывает любые жертвы. — Я перевел дух и добавил: — Кстати, она была убеждена, что мастер Лок попал в Тауэр не без вашей помощи. По ее словам, вы хотели завладеть его землями, и потому, окажись Лок изменником, вам это было бы на руку.

Против всех моих ожиданий, Малеверер разразился хохотом.

— Несусветная чушь! Я всего лишь выполнил приказ Тайного совета и отправил этого негодяя в Лондон. Хотя от выгодных приобретений я никогда не отказывался, и, если земли Лока отойдут казне, я, возможно, куплю их.

В глазах его на мгновение зажглись алчные огоньки, губы тронула довольная улыбка, весьма не соответствующая предмету нашего разговора. Мысль о грядущем приумножении своих земельных владений доставляла ему невыразимое удовольствие. Как видно, он рассчитывал, что вскоре богатство его будет столь велико, что все забудут о его темном происхождении и он сможет сделать блестящую партию.

— Что ж, бояться вам больше нечего, — обратился он ко мне. — Не понимаю, почему у вас такой мрачный вид?

— Кое-какие обстоятельства по-прежнему остаются для меня неясными, — признался я. — Почему мистрис Марлин была так уверена, что я просмотрел все документы, хранившиеся в шкатулке? Ведь когда она подкралась ко мне, чтобы ударить по голове, она не могла не заметить, что к большинству бумаг я даже не притронулся.

— Может, она решила, что вы уже все прочли и снова сложили в шкатулку, — пожал плечами Малеверер.

— Она не сомневалась, что я видел все, однако скрыл это от вас, намереваясь сберечь тайну для Кранмера.

— Так может, она была недалеко от истины? — спросил Малеверер, буравя меня взглядом. — Ведь я должен полагаться лишь на ваши заверения.

— Я сказал вам правду, сэр Уильям.

Он вновь устремил на меня взгляд, исполненный подозрительности и неприязни.

— Я прикажу обыскать ее сундуки. Но если мы ничего не найдем, мне придется допросить всех, кто был с нею связан. Прежде всего юную красотку Ридбурн. И леди Рочфорд тоже.

— Леди Рочфорд будет весьма недовольна, — усмехнулся я. — Что до Тамазин, вы, конечно, нагоните на нее большого страху.

— Ничего, переживет.

«Стоит солдатам появиться в шатре, где разместились приближенные королевы, Тамазин и леди Рочфорд придут в полное смятение, — подумал я. — Они сразу вообразят, что тайна ночного свидания королевы и Калпепера вышла наружу».

Возможно, так оно и произойдет — кто знает, какие откровения таят в себе исчезнувшие бумаги.

— Сэр Уильям, насколько я понял, мистрис Марлин намеревалась незамедлительно уничтожить эти документы. С тех пор как они оказались у нее в руках, прошло уже достаточно времени, и, полагаю, она привела свои намерения в исполнение.

Малеверер кивнул и вновь принялся тереть пальцами бороду.

— Что ж, если мы не найдем документы, значит, она от них избавилась. Документы хранил у себя Олдройд, а он был одним из заговорщиков.

— Да, так же, как и Бернард Лок. Но, по словам его невесты, он искренне раскаялся. Мистрис Марлин убедила себя, что служит благородной цели, ибо хочет разрушить замыслы заговорщиков, а не только уничтожить улики против своего жениха. Хотя я убежден, что Лок тревожился лишь о спасении собственной шкуры.

— Все, кто оказался в Тауэре, тревожатся именно об этом, — усмехнулся Малеверер. — Особенно после того, как увидят дыбу и услышат дикие вопли пытаемых.

— Полагаю, Бродерик не из тех, кто ради спасения собственной шкуры поступит убеждениями.

— Пока что он еще не в Тауэре, вот и храбрится, — проворчал Малеверер. — Что же, если она и в самом деле уничтожила бумаги, она оказала нам услугу. Хотя, конечно, члены Тайного совета предпочли бы увидеть их своими глазами.

Он поднялся.

— Локу придется ответить на несколько неприятных вопросов. А я отдам распоряжение немедленно приступить к обыску.

Жажда действия, исходившая от его мощного тела, была так велика, что я ощущал ее почти физически.

— Да, и надо приказать доставить вниз тело этой мерзавки, — бросил он, направляясь к дверям. — А то деревенские олухи увидят его и поднимут переполох. До моего возвращения никуда не уходите, ясно?

С этими словами Малевверер вылетел прочь. Мантия развевалась у него за спиной. Я опустился на стул, на котором прежде сидел Джайлс. Разговор с Малевверером в очередной раз убедил меня, что тот отнюдь не блещет умом и берет лишь решительностью и напором.

Я испустил тяжкий вздох и окинул комнату взглядом. Скорее всего, прежде она служила кабинетом хозяину дома. На одной из стен висел гобелен, изображающий сцену охоты. Может статься, казненный Роберт Констебл частенько останавливал на нем взор, так, как это сейчас сделал я? Повернувшись к окну, я уставился в непроглядную тьму и предался раздумьям.

Даже сейчас я не мог думать о Дженнет Марлин без сожаления. Любовь к Бернарду Локу пробудилась в ней еще в детстве и постепенно превратилась в настоящую одержимость. Дженнет была не лишена привлекательности и наверняка могла бы выйти замуж за другого, но сердце ее безраздельно принадлежало Локу. Любопытно бы узнать, что он из себя представляет? Возможно, это обаятельный повеса, способный заставить любую женщину плясать под свою дудку.

Благодаря своему ремеслу я нередко сталкивался с подобными пройдохами — иногда женщины, которых они обобрали до нитки, пытались найти защиту у закона. Несомненно, Лок сознавал, что Дженнет любит его беспредельно и готова на все, лишь бы спасти его от казни. И он превратил ее в убийцу. Если это так, он виноват куда сильнее, нежели эта несчастная женщина. Я содрогнулся, ибо перед моим мысленным взором возникло лицо Дженнет, исполненное жгучей ненависти. Именно такой я видел ее в последний раз, когда она нацелила стрелу мне в сердце.

Взгляд мой упал на шкатулку.

«Интересно, кому она принадлежала прежде?» — подумал я.

Вне сомнения, владелец ее был богат. Открыв шкатулку, я заглянул внутрь и ощутил едва уловимый запах пыльных старинных бумаг. Неужели Дженнет Марлин и в самом деле уничтожила все документы? Если это так, правда об отношениях королевы и Калпепера так и не выйдет наружу. Впрочем, меня это ничуть не волновало. Верноподданнические чувства, которые я питал к Генриху, остались в прошлом. К тому же у меня были основания полагать, что он занимает престол, не имея на то законных прав.

Возможно, именно об этом говорилось в таинственном признании Блейбурна. А значит, исчезновение содержимого шкатулки было великим благом в первую очередь для короля.

Тут дверь внезапно распахнулась, заставив меня вздрогнуть, и в комнату ворвался Малеверер.

— Какого черта вы трогаете шкатулку? — грозно нахмурившись, спросил он и опустился в кресло. — Никаких бумаг в сундуках этой негодяйки не обнаружено, — сообщил он, не дождавшись ответа. — Только пачка писем ее ненаглядного жениха, перевязанная голубой ленточкой. Я проглядел эти послания, но не нашел в них ничего интересного, кроме слащавых заверений в любви. Этот голубок любил поворковать со своей горлицей, — презрительно фыркнул Малеверер. — Я еще поговорю со всеми, кто был с ней связан. Но очень сомневаюсь, что рассказы этого бабья нам помогут. Пожалуй, вы правы и она уничтожила документы. В Йорке костров было более чем достаточно, и ничто не мешало ей бросить бумаги в один из них.

Малеверер откинулся на спинку кресла.

— Ступайте в свою палатку. Если вы мне понадобится, я за вами пошлю. Там, за дверью, ждет солдат, который вас проводит.

— Хорошо, сэр Уильям.

Я поднялся, поклонился и вышел из комнаты. Солдат вывел меня из особняка. Оказавшись на воздухе, я вздохнул с облегчением.

— Король уже поживает? — осведомился я у солдата, лишь для того, чтобы поддержать разговор.

— Нет, сэр, он играет в шахматы с одним из своих камердинеров. Думаю, он ляжет лишь под утро.

Солдат проводил меня в лагерь. Костры догорали. Как видно, все путешественники уже успели поужинать, и многие из них развлекались игрой в карты.

— Далеко идти? — обратился я к своему провожатому. — Я чертовски устал.

— Неслишком. Ваша палатка стоит у самой ограды. А рядом — палатки вашего клерка и старого законника.

Вскоре солдат остановился у трех маленьких островерхих палаток, стоявших почти вплотную друг к другу. Рядом теснились другие палатки, из некоторых пробивался свет; по всей видимости, там тоже разместились законники, по своему положению имеющие право на отдельное жилище. Я поблагодарил своего провожатого и заглянул туда, где, по моим расчетам, должен был помещаться Джайлс.

Старик лежал на походной кровати, которая стояла прямо на траве. Рядом на каком-то ящике пристроился Барак, положивший свою поврежденную ногу на другой ящик. Он попивал пиво.

— Какая уютная сцена, — вполголоса сказал я. — Как ваша нога, Барак? И как себя чувствует мастер Ренн?

— Он спит, — шепотом ответил Барак. — Я ушам своим не поверил, когда он мне все рассказал. Неужели Дженнет Марлин и в самом деле пыталась вас убить?

— Да, и лишь благодаря Джайлсу попытка вновь оказалась неудачной. В результате я остался жив, а Дженнет мертва. Я сообщил обо всем Малевереру. Он приказал обыскать все пожитки мистрис Марлин, однако никаких документов там не обнаружилось.

— Видно, она успела от них избавиться.

— Скорее всего, так оно и есть. Вы не сказали, как ваша нога?

— Пока я не пытаюсь на нее опираться, она не слишком мне досаждаёт. Тэмми помогла мне устроиться. Сейчас она уже вернулась к себе.

— Малеверер собирается ее допросить. Как и всех, кто постоянно общался с Дженнет Марлин. Включая леди Рочфорд.

— Представляю, в какой ужас придет Тэмми, когда все узнает, — вздохнул Барак. — Она очень привязана к мистрис Марлин.

— Кстати, вы не получали известий из Лондона? Относительно отца Тамазин?

— Лишь короткую записку, в которой мой приятель сообщает, что ему удалось нащупать след.

— А ей вы сообщили о своих изысканиях?

— Нет. И если сведения, которые я получу, смогут лишь разочаровать Тамазин, я ни слова ей не скажу. Пусть тешится мечтами.

Я кивнул и, подойдя к койке, взглянул на Джайлса. Старик забылся глубоким сном.

— Он спас мне жизнь, — заметил я, повернувшись к Бараку. — Но, боюсь, потрясение оказалось для него слишком сильным. Мы должны о нем позаботиться.

— Уж конечно, мы не оставим его без помощи и поддержки, — заверил Барак. — Вам больше нечего опасаться, — добавил он, пристально глядя на меня.

— Надеюсь, вы правы.

— А вы в этом не уверены?

— Кое-что остается неясным... Но я слишком устал. И думаю, лучше всего мне сейчас завалиться спать. Как говорится, утро вечера мудренее.

Мысль, неожиданно промелькнувшая у меня в голове, заставила меня улыбнуться.

— Чему это вы? — удивился Барак.

— Солдат, который проводил меня в лагерь, сказал, что король играет в шахматы с одним из своих камердинеров. Вот я подумал, что все это путешествие — изрядно затянувшаяся шахматная партия, в которой настоящий король пытается обыграть северных слонов и тур.

— Настоящий король? — едва слышно спросил Барак, и глаза его сверкнули в свете свечи. — Или кукушонок, подкинутый в королевское гнездо?

— В любом случае мы с вами — ничтожные пешки, которыми жертвуют без всякого сожаления.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Утром мы продолжили путь. Я вновь ехал на чужой лошади, ибо ссадины на спине Предка еще не успели зажить. Он шел в обозе вместе с прочими запасными лошадьми. Барак, несмотря на больную ногу, решил ехать верхом и трясся на спине Сьюки рядом со мной. Джайлс, напротив, был не в состоянии продолжать путь в седле. Утром он едва встал с постели. Взглянув на его серое лицо, я сразу понял, что старика вновь терзает боль, и нашел для него местечко в одной из повозок. События минувшего вечера не прошли даром и для меня. Ночью я почти не сомкнул глаз и теперь зябко кутался в теплый плащ.

В этот день нам предстояло проделать еще более значительный отрезок пути и остановиться в замке Леконфилд, расположенном в пяти милях к северу от Халла. Пейзаж за Хоулмом несколько изменился: равнины уступили место лесистым холмам, которые сейчас, осенней порой, радовали глаз яркостью красок. На востоке я заметил целую цепь холмов, так называемое Йоркширское нагорье.

Цокот копыт и оживленная болтовня, раздававшаяся вокруг, сливались у меня в ушах в ровный гул. Оглянувшись назад, я заметил, что вереница повозок исчезла за крутым поворотом дороги. Впереди раскачивались разноцветные перья на шляпах вельмож и чиновников, по обеим сторонам процессии ехали солдаты в ярких мундирах, блики солнца играли на их начищенном оружии. По обочине то и дело мчались гонцы со спешными сообщениями.

Мне никак не удавалось отогнать тягостное видение: Дженнет Марлин лежит ничком, разбитая голова накрыта капюшоном плаща. Я догадывался, что пережитое потрясение изрядно усугубило состояние Джайлса. Перед глазами стояло мертвенно-бледное лицо старика, в ушах звучали слова: «Я никогда не думал, что под конец жизни мне доведется кого-то убить».

— Вы сегодня как в воду опущенный, — заметил Барак.

— Не могу отделаться от воспоминаний. Так и вижу, как мистрис Марлин лежит на земле мертвая.

— Сегодня утром, перед отбытием, я навестил Тэмми. Она сказала, леди Рочфорд едва с ума не сошла от страха, когда к ней явился Малевверер. Тэмми он тоже допросил, но она ровным счетом ничего не могла ему рассказать. Правда о мистрис Марлин стала для нее настоящим ударом. И утром я застал ее в слезах.

— Она горюет о том, что ее хозяйка убита? — осведомился я. — Или о том, что она оказалась убийцей?

— И о том и о другом.

— Леди Рочфорд наверняка решила, что король узнал правду о легкомысленном поведении своей супруги.

— Да. Когда она поняла, что речь пойдет совсем о другом, к ней сразу вернулась прежняя надменность. Что до мистрис Марлин, леди в один голос твердили, что ничего о ней не знают. За исключением Тамазин, никто не питал к ней теплых чувств. Она всегда держалась особняком и частенько гуляла в одиночестве. Никто не знал, куда и зачем она ходит.

— Во время этих так называемых прогулок она шпионила за мной.

— Вы были правы, когда решили не сообщать Малевереру о ночном свидании королевы и Калпепера, — понизив голос, произнес Барак. — Взбодритесь, вам нечего бояться. Можете больше не ломать себе голову насчет королевского родословного древа и того, что хотел сказать в своем признании некто Блейбурн. Так что выше нос!

— Увы, я не могу разделить ваше беззаботное настроение, — тихо сказал я.

— Но почему?

— Я полагаю, бумаги похитила вовсе не Дженнет Марлин.

— Но почему? — выпучив глаза от удивления, повторил Барак.

— Если бы удар нанесла она, можете не сомневаться — она непременно удостоверилась бы, что я действительно мертв.

— Значит, вы полагаете, у нее был сообщник?

— Нет, это невозможно. Она действовала в одиночку.

— Так кто тогда огрел вас по черепу и похитил эти чертовы бумаги? — нетерпеливо возвысил голос Барак.

— Понятия не имею. Кстати, вчера в ее поведении тоже было кое-что странное. Она вполне могла выстрелить мне в спину, пока я мочился у сигнальной башни. Однако она дождалась, пока я обернусь.

Воспоминание о пережитом заставило меня вздрогнуть.

— Думаю, она хотела спросить, где эти бумаги. Но не успела.

— Все это не более чем ваши домыслы.

— Разумеется. И согласно этим домыслам, она была убеждена, что бумаги у меня. Отсюда и ее уверенность в том, что я знаком с документами, изобличающими Бернарда Лока.

— Но до вчерашнего вечера вы часто с ней беседовали, и она никогда не навела разговор на исчезнувшие бумаги. А вот убить вас она пыталась несколько раз.

— Она не глупа и понимала, что, заговорив о бумагах, сразу наведет на себя подозрения. И, может статься, она рассчитывала, убив меня, обыскать мою каморку. Вероятно, надеялась подкупить для этой цели кого-нибудь из слуг.

— Может, вы и правы, — кивнул Барак.

— Да, но никаких доказательств у меня нет. Если мои предположения верны и документы похитил некто, связанный с заговорщиками, значит, они давно уже находятся в надежном месте.

— Иными словами, бумаги вовсе не уничтожены?

— Никоим образом. И кто-то выжидает, чтобы предать их огласке. Малевверер сказал, что Бернарду Локу зададут несколько неприятных вопросов. Возможно, он знает об участии документов больше, чем мы.

— Бедолаге не миновать дыбы, — заметил Барак.

— Это точно, — кивнул я. — Надеюсь, во время допроса не всплывет имя Мартина Дейкина. Если Джайлс узнает, что племянник в Тауэре, это его убьет.

— Да почему вы вообразили, что племянник нашего старикана связан с Локом? Мало ли законников практикует в одной палате?

— Конечно, это может быть ничего не значащим совпадением, — кивнул я. — К тому же между ними изрядная разница в возрасте. По словам Джайлса, его племяннику уже за сорок. А если Лок ровесник своей невесты, ему должно быть около тридцати.

— А вам известно лучше моего, что законники вообще не слишком общительный народ, — подхватил Барак. — А уж с теми, кто уступает им по опыту, они лишнего слова не скажут.

— За исключением тех случаев, когда их связывают общие интересы, — со вздохом возразил я. — Как только прибудем в Леконфилд, надо непременно навестить Бродерика, — перевел я разговор на другое. — Вчера я так и не удосужился это сделать.

Барак поерзал в седле, пытаясь придать больной ноге более удобное положение.

— Вам лучше рассказать о своих предположениях Малеввереру, — заметил он. — Пусть знает, что бумаги, возможно, целы.

— При случае я поговорю с ним. Но, скорее всего, он поднимет меня на смех. Он из тех людей, кто охотно верит лишь в наиболее удобную ему версию и отбрасывает прочь все остальные.

— И все же кто мог огреть вас по черепу и похитить бумаги? — спросил Барак, озирая толпу.

— Кто угодно, — проронил я, тоже оглядываясь по сторонам. — Кто

угодно.

Через маленький городок Маркет-Уэйтон мы проехали не останавливаясь. Король и королева следовали во главе кортежа, так что мы их не видели. Жители городка высыпали на улицы. Они почтительно сняли шапки, но их лица были такие же каменные, как и у крестьян в придорожных деревнях. Впрочем, появление короля и королевы сопровождалось жидкими приветственными возгласами.

Ближе к вечеру мы оказались в лесистой местности. Деревья с обеих сторон обступили дорогу, а выступающие из земли корни вынудили нас двигаться со скоростью обычного человеческого шага. Когда солнце начало клониться к закату, мы остановились на просторном лугу перед громадным особняком, на старинный манер окруженным рвом. Все всадники спешили. Конюхи обошли процессию, забирая лошадей.

— Вы не знаете, где нам предстоит ночевать? — спросил я у одного из них, когда он брал под уздцы мою лошадь.

— Об этом вам скажут люди управляющего, сэр. Надо немного подождать.

Барак не мог слезть с седла без посторонней помощи и, отчаянно чертыхаясь, оперся на мою руку. К нам подошел Джайлс; он по-прежнему тяжело налегал на палку, но выглядел намного бодрее. Мы уселись на траву и принялись наблюдать за тем, как повозки и люди расползаются по окрестным полям. Кое-где уже появились шатры и палатки. Мое внимание привлекла знакомая черная карета.

— Бродерик, — проронил я.

— Сэр Эдвард Бродерик из Халлингтона? — с любопытством уточнил Джайлс. — Я знал, что он арестован. Так его везут в Лондон?

— Да, — кивнул я.

Мне не было нужды укорять себя за излишнюю болтливость. В пути черная карета без окон возбуждала всеобщий интерес, вопросы были неизбежны, и скрывать тайну далее не имело смысла.

— Вы с ним знакомы? — спросил я у Джайлса.

— Нет, но многое о нем слышал. Он пользовался репутацией весьма достойного молодого человека и рачительного землевладельца.

— В мои обязанности входит следить за тем, чтобы он был доставлен в Лондон живым и здоровым, — пояснил я. — Таково поручение, данное мне архиепископом Кранмером.

— Еще одно поручение? — Джайлс пристально взглянул на меня. — Вы взвалили на себя слишком большой груз, Мэтью.

— Тащить его мне осталось недолго. Вскоре мы прибудем в Лондон, и я

наконец вздохну свободно. А сейчас мне надо узнать, как дела у заключенного. Так что, с вашего разрешения, я вас оставлю.

С этими словами я поднялся и направился к черной карете.

Сержант Ликон, чистивший лошадь, приветствовал меня поклоном.

— Я думал, сэра, вы заглянете вчера, — сказал он.

— Непредвиденные обстоятельства помешали мне сделать это, — проронил я и спросил, взглянув на плотно закрытую карету: — Как себя чувствует заключенный?

— Он вял и безразличен ко всему.

— Редвинтер у него?

— Как обычно, — кивнул сержант и смачно сплюнул на землю.

— Пожалуй, мне стоит повидаться с ними обоими.

— Прощлым вечером здесь был сэра Уильям Малевеверер, — сообщил сержант. — Вид у него был такой мрачный, что не подступишься. Он долго говорил с заключенным, а Редвинтера выставил прочь из кареты. Того так и перекосило от злости.

«Наверное, Малевеверер пытался выяснить, нет ли какой-нибудь связи между Бродериком и Дженнет Марлин», — решил я про себя.

— Что ж, пойду загляну в карету, — сказал я вслух, поднялся на низкую ступеньку и постучал в дверь.

Редвинтер, открыв, неприветливо уставился на меня. Вид у него был усталый и далеко не такой щеголеватый, как обычно. Щеки поросли щетиной, волосы висели спутанными прядями. Удивляться этому не приходилось: в пути мало у кого была возможность холить и лелеять свою персону.

— Я уж думал, вы нас совсем забыли, — не без язвительности изрек Редвинтер и посторонился, пропуская меня в темное и душное нутро кареты.

Спертый воздух насквозь пропитался запахом пота и немых тел. Сидений в карете не было, на полу лежало два соломенных тюфяка — для арестанта и стражника. На одном из них лежал Бродерик, запястья и лодыжки которого сковывали кандалы. Несмотря на темноту, я заметил, что он еще бледнее, чем прежде.

— Здравствуйте, сэра Эдвард, — произнес я.

Он устремил на меня глаза, по обыкновению полыхающие неприязнью.

«Любопытно, известно ли ему что-нибудь о намерениях Дженнет Марлин и ее жениха?» — пронеслось у меня в голове.

Впрочем, в любом случае Малевевереру не удалось бы вытянуть из этого человека ни слова.

— Где мы сейчас? — спросил Бродерик.

— В местечке под названием Леконфилд. Сегодня мы переночуем здесь, а завтра, надеюсь, прибудем в Халл.

— Леконфилд. Вот оно что.

На лицо Бродерика набежала печальная тень.

— Вам приходилось здесь бывать?

— Да, — кивнул заключенный и попытался выглянуть в открытую дверь кареты. — Мы около замка?

— Он совсем близко.

— Мне бы хотелось его увидеть. Хотя бы из дверей. Если это возможно.

— Нет, это невозможно, — отрезал Редвинтер.

— Сделайте милость, смотрите, — разрешил я.

Мне и самому хотелось получше рассмотреть заключенного в свете гаснущего дня. Редвинтер недовольно пожал плечами.

Бродерик попытался подняться на ноги, но тяжелые цепи мешали ему. Я протянул руку, и он неохотно на нее оперся. Сквозь грязный рукав рубашки я чувствовал, как исхудала его рука. Он добрал до открытой двери и жадно уставился на замок.

По мосту, переброшенному через ров, беспрестанно проезжали всадники, и несколько лебедей, потревоженных шумом, с гортанными криками взмыли в небо. Солнце бросало последние отблески на красные кирпичные стены замка. Деревья в своих золотисто-багряных уборах казались в закатных лучах особенно яркими. Глаза Бродерика отвыкли от света, и он беспрестанно моргал. Арестант был так худ и бледен, что сердце мое сжалось от сострадания.

— В детстве я часто приезжал сюда, — сказал он.

Никогда прежде я не слышал, чтобы голос его звучал так мягко.

— Замок этот служил йоркширской резиденцией семейству Перси, — продолжал Бродерик. — Это была одна из самых знатных семей на севере.

— А кому он принадлежит сейчас? — поинтересовался я.

— А кому принадлежит все в этой стране? — в свою очередь спросил Бродерик и сам ответил на свой вопрос: — Королю, кому же еще. Он заставил герцога Нортумберлендского назначить себя своим наследником и после его смерти прибрал к рукам все его имения. А брат и законный наследник герцога, сэр Томас, стал участником «Благодатного паломничества» и был осужден на казнь.

— Где же висят его кости? — с содроганием спросил я.

Бродерик метнул на меня пронзительный взгляд.

— От него не осталось костей. По приказу короля его сожгли в

Смитфилде. И он превратился в пепел, который развеяли по ветру.

Бродерик вперил взгляд в Редвинтера.

— Полагаю, вы это видели. Вы же говорили, что не пропустили ни одной огненной казни.

— Присутствовать на казни предателя — долг всякого честного гражданина, — сдвинув брови, отчеканил Редвинтер.

— А для вас это еще и превосходное развлечение. Воистину, вы созданы для того, чтобы служить королю-еретику.

— Думаю, вы достаточно попрохлаждались у дверей, — со смехом заявил тюремщик. — Вам нечего смотреть на подданных его величества, а им ни к чему видеть грязного изменника.

С этими словами он бесцеремонно взял Бродерика за плечо и отвел на прежнее место. Узник, звеня цепями, опустился на свой тюфяк.

— Мне самому надо бы подышать воздухом, — буркнул Редвинтер. — Можно вас на два слова, мастер Шардлейк?

И он легко спрыгнул на траву. Я спустился вслед за ним, хотя далеко не столь ловко. Редвинтер с наслаждением вдохнул прохладный вечерний воздух.

— Господи, до чего мне осточертела духота. Так, говорите, завтра мы прибудем в Халл?

— Таковы мои предположения. Сказать это с уверенностью пока нельзя.

— Я жду не дождусь, когда кончится это путешествие. В карете трясет немилосердно. Но, по крайней мере, я спокоен за арестанта. Слышал, вас пытались убить, — заметил он нарочито беззаботным тоном. — Убийцей оказалась некая леди, которая в результате сама лишилась жизни.

— Вы хорошо осведомлены.

— Малеверер рассказал мне обо всем, когда приходил допрашивать Бродерика. Наш арестант, разумеется, заявил, что знать не знает ни этой особы, ни ее жениха. Должно быть, вы изрядно досадили вспыльчивой даме своей манерой совать нос в чужие дела?

— Должно быть, — не счел нужным спорить я.

Поддаваться на провокацию Редвинтера, который, несомненно, рассчитывал, что в припадке раздражения у меня развяжется язык, я отнюдь не собирался. Пусть знает лишь то, что сообщил ему Малеверер.

— Бродерик выглядит больным и слабым, — сменил я тему разговора. — К тому же, по словам сержанта Ликона, вы беспрестанно пичкаете арестанта историями о пытках и казнях.

— А о чем еще разговаривать с изменником? — пожал плечами Редвинтер. — Впрочем, я завожу подобные разговоры с умыслом. Скажите,

мастер Шардлейк, вы часто бываете на медвежьей травле или петушиных боях? — спросил он, буравя меня своими ледяными глазами. — Разумеется, нет, — заявил он, не дожидаясь ответа. — Для подобных мужественных забав у вас слишком слабое нутро.

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Когда я был мальчишкой, я ходил на медвежью травлю всякий раз, как только в кармане у меня заводился пенни. А отец брал меня на казни — как на виселице, так и на костре, хотя в те времена они случались не так уж часто. Я рано понял, какое это захватывающее зрелище — смерть, будь то смерть зверя или смерть человека. А еще я понял, что человек и зверь встречают смерть по-разному.

Я не сводил с Редвинтера глаз. Прежде этот человек с непроницаемым ледяным взглядом внушал мне страх, но постепенно страх этот прошел, уступив место безграничному отвращению.

— Так вот, разница состоит в том, что человек знает об ожидающей его неминуемой смерти, — продолжал тюремщик, — а зверь нет. Собака, выбегая на арену, вовсе не думает, что через пару минут медведь выпустит ей кишки, оставив подыхать в мучениях. И медведь не думает о том, что в конце концов собаки неизбежно порвут ему глотку. Они сражаются и умирают, не успев понять, что произошло. А человек томится ожиданием смерти в течение многих дней, иногда многих недель. Он представляет, как петля затянется на его шее, как огонь будет пожирать его плоть. Это тяжело, ох как тяжело... Разумеется, тем, кто уже осужден на казнь, остается лишь покориться своей участи. Но если человек может спастись, раскаявшись и проявив благоразумие...

Редвинтер многозначительно вскинул бровь.

— Да, я рассказывал Бродериду о казнях и пытках, чтобы пробудить в его душе страх. До поры до времени его оградили от телесных страданий. Но я знаю, слово может причинять не меньшую боль, чем раскаленное железо.

— Несмотря на все ваши ухищрения, Бродерик никогда не заговорит, — отчеканил я. — И вы прекрасно это знаете.

— Как говорится, вода камень точит, — усмехнулся Редвинтер. — Все ночи наш узник проводит без сна. И наверняка воображение во всех подробностях рисует ему пыточные камеры Тауэра. От подобных картин кровь стынет в жилах и...

— Знаете что, Редвинтер? — оборвал его я. — Мне кажется, вы лишились рассудка и с каждым днем все глубже погружаетесь в пучину безумия.

С этими словами я резко повернулся и пошел прочь.

Если Редвинтер хотел привести меня в наисквернейшее расположение духа, он своего добился. Я никак не мог отделаться от ощущения, что по мне ползает отвратительное насекомое, которое невозможно стряхнуть. Шагая в сторону замка, я напрасно пытался выбросить из головы очередную стычку с тюремщиком.

На лугу, поблизости от рва, стояли несколько чиновников. Похоже, они вышли подышать свежим вечерним воздухом и оживленно о чем-то разговаривали. Среди них я заметил мастера Крейка, который, как всегда, перебирал бумаги, прикрепленные к доске для письма. Я замешкался, не зная, стоит ли подходить к нему. В том, что встреча со мной приведет Крейка в смущение, не было никаких сомнений, но мне требовалось кое о чем спросить его. Я хотел поговорить с Тамазин, а он наверняка знал, в какой палатке ее поместили.

— Добрый вечер, сэр, — приветствовал я своего бывшего однокашника. — Как всегда, в хлопотах?

— Да, дел по горло, — потупившись, буркнул Крейк.

При этом он непроизвольно отступил от меня на шаг. Хотя причины, заставлявшие его избегать моего общества, были прекрасно известны, столь неучтивые манеры неприятно меня задели.

— Мне необходимо кое о чем у вас спросить, — произнес я холодным и официальным тоном. — Относительно сегодняшнего ночлега.

— К вашим услугам. Но я очень занят. Недавно мне сообщили, что мы проведем здесь четверо суток.

— Четверо суток?

— Именно так. В Халл мы двинемся не ранее первого октября.

Я досадливо прикусил губу. Непредвиденная задержка препятствовала исполнению моего самого горячего желания — оказаться на корабле, плывущем в Лондон.

— Будьте любезны, сообщите мне, где разместили челядь королевы? — спросил я у Крейка, которого отнюдь не собирался посвящать в свои переживания.

Он смотрел на меня, подозрительно прищурившись.

— Мне необходимо поговорить с одной из ее служанок, — счел нужным добавить я.

Пером для письма он указал в поле, где несколько палаток стояло чуть в стороне от остальных:

— Вон там.

— Благодарю вас, — произнес я, растянув губы в улыбке. — Надеюсь,

этой ночью никто не будет без крова.

Но Крейк уже повернулся ко мне спиной. Мне оставалось лишь покачать головой, осуждая подобную неучтивость, и двинуться в сторону поля. Приблизившись к палаткам, я увидел, что навстречу мне, приподняв юбки, дабы они не волочились по мокрой траве, идет Тамазин. Когда мы поравнялись с девушкой, я заметил, что глаза ее покраснели от слез.

— А я к вам, — сказал я. — Хотел сообщить, где мы остановились.

— Какое совпадение, сэр, — с бледной улыбкой произнесла Тамазин. — Я как раз отправилась вас искать. Как себя чувствует Джек?

— Больная нога не слишком его беспокоит — по крайней мере, когда он не пытается на нее опираться. Тем не менее он постоянно ворчит.

— Всякий ворчал бы в его положении.

— Он сообщил мне, что вчера вас допрашивал Малеверер, — сказал я, пристально взглянув на Тамазин.

Губы девушки искривила язвительная улыбка, плохо сочетававшаяся с ее мягкими чертами.

— И вы явились, чтобы допросить меня в свою очередь.

— Мне необходимо знать, что он вам сказал.

— Он допрашивал всех фрейлин и служанок королевы. Но никто из них не смог рассказать ему ничего, что вызвало бы его интерес. И я в том числе. Мистрис Марлин вовсе не пускалась в откровенности. Если она и говорила со мной о чем-то, то лишь о своем женихе, заключенном в Тауэре. А еще вспоминала о своем детстве и юности. Несчастья преследовали ее с ранних лет. Она была круглой сиротой, и, кажется, на всем белом свете лишь мастер Лок относился к ней по-доброму. Я знаю, она совершила много дурного. И все же мне ее жаль.

— Вам будет трудно в это поверить, но мне тоже ее жаль.

Тамазин не ответила.

— А как вела себя леди Рочфорд? По словам Джека, вы рассказывали, что она не сумела скрыть своего испуга?

— Я не присутствовала при беседе Малеверера с леди Рочфорд. Только слышала, как она на него орала. А он орал в ответ. Думаю, леди Рочфорд сразу успокоилась, когда поняла, что Малеверера интересуют вовсе не королева и Калпепер, — произнесла Тамазин, понизив голос. — Кстати, я не видела Калпепера вот уже несколько дней.

— Вижу, вы плакали, Тамазин, — мягко заметил я. — Вы чем-то испуганы?

— Я горевала о мистрис Марлин, — ответила она, посмотрев мне прямо в глаза. — Стоит мне вспомнить о том, что с ней случилось, слезы сами

текут из глаз. Она была так добра ко мне, так добра. Относилась, как к родной дочери.

Несколько мгновений Тамазин молчала, потом набралась решимости и спросила:

— А как поступили с ее телом?

— Понятия не имею. Скорее всего, оставили в Хоулме, приказав местным жителям предать его земле. Тамазин, я не кривил душой, когда сказал, что мне тоже жаль мистрис Марлин. Но все же она пыталась меня убить.

— Я знаю, — испустила тяжкий вздох девушка. — Хотя никак не могу взять в толк, зачем ей это понадобилось.

— Мистрис Марлин сама призналась, что действовала по указке своего жениха. Так что всеми ее поступками двигала любовь, — пояснил я. — Слепая, безрассудная страсть, которая вытеснила все прочие чувства.

— Да, она была предана своему жениху телом и душой. Ради него готова на все. А что с ним будет теперь?

— Его подвергнут допросу.

— С пытками?

— Скорее всего.

— Тяжело думать о том, что любовь может породить так много зла, — снова вздохнула Тамазин.

— Это случается, когда любовь превращается в одержимость и поглощает человека всецело.

— Значит, вы считаете, человеку не стоит отдаваться любви всецело? — спросила Тамазин, с любопытством поглядев на меня.

— Я в этом убежден.

— Тогда мне вас жаль, сэр.

Я взглянул на нее не без суровости.

— Ни при каких обстоятельствах человек не должен забывать о чувстве меры, Тамазин. Вас это касается не в последнюю очередь. Многие сочли бы, что представление, которое вы разыграли ради знакомства с Джеком, свидетельствует... скажем так, об отсутствии равновесия между чувством и разумом. И о том, что увлечение может толкнуть вас к безрассудным действиям.

— Каждый, кто хочет чего-то добиться, должен действовать, — изрекла Тамазин. — От пустых разговоров мало толку.

— Вот как? Кажется, вы взяли на себя труд учить меня жизни?

Тамазин, поняв, что зашла слишком далеко, потупила голову.

— Значит, мистрис Марлин не говорила вам ничего, что проливалось бы

свет на ее намерения?

— Нет.

Тамазин по-прежнему избегала смотреть на меня.

— Но возможно, вы говорили об исчезнувших бумагах? После того, как Малеверер допросил вас обеих?

— Уверяю вас, между собой мы даже словом не обмолвились об этих бумагах. Мистрис Марлин они совершенно не интересовали. По крайней мере, так мне казалось.

Девушка злилась на меня и не давала себе труда это скрыть. Я почувствовал, как в душе моей поднимается волна раздражения.

В молчании мы дошли до палаток, перед которыми сидели на траве Джайлс и Барак. Завидев нас, мой помощник помахал рукой. Лицо девушки просветлело.

— Джек! — воскликнула она и побежала к нему.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В Леконфилде, точнее, в палатках на открытом поле перед замком мы провели три дня. Говорили, что у короля здесь дела. Шотландцы частенько совершали набеги на приграничные деревеньки; это служило несомненным признаком того, что король Джеймс не имеет намерения восстанавливать дружеские отношения с Англией. Возможно, защитные сооружения в Халле действительно требовалось привести в полную боевую готовность.

Участникам путешествия запретили разгуливать по окрестностям; впрочем, у меня не было ни малейшего желания совершать пешие прогулки. За последнее время я так устал, что почти не выходил из своей палатки, отсыпаясь. Отдых пошел мне на пользу, и к концу третьего дня я почувствовал себя бодрым и полным сил. Столкновение со смертью, пережитое в Хоулме, отодвинулось в прошлое, и я вспоминал о нем без содрогания.

Ежедневные посещения Бродерика оставались моей единственной заботой. Карета, в которой находился заключенный, стояла на соседнем поле. Арестант погрузился в полную апатию, целыми днями он неподвижно лежал на своем тюфяке и, казалось, едва замечал мое присутствие. Редвинтер тоже приутих; по крайней мере, более он не предпринимал попыток завязать очередную словесную схватку. Возможно, я задел его за живое, заявив, что считаю безумцем.

В первое утро в Леконфилде я заставил себя отправиться к Малевереру. Стражники провели меня во внутренний двор замка. Дородную фигуру Малеверера я увидал издалека. В следующее мгновение сердце мое неприятно сжалось, ибо в его собеседнике я узнал Ричарда Рича. Оба взглянули на меня с удивлением. Я снял шляпу и поклонился.

— И вновь перед нами вездесущий мастер Шардлейк, — изрек Рич, и его тонкие губы тронула насмешливая улыбка.

Я вспомнил, что в Хоулме он видел, как мы с Бараком и Тамазин выходили из шатра королевы.

«Любопытно, сочтет ли он нужным упомянуть об этом сейчас?» — пронеслось у меня в голове.

Однако Рич ограничился тем, что произнес:

— Я слышал, на вас покушались, но вы сумели сохранить свою драгоценную жизнь. Мне остается лишь сожалеть, что стрела, выпущенная некоей леди, не достигла цели. По крайней мере, она избавила бы меня от

хлопот, связанных с делом Билкнэпа, которое вы так или иначе проиграете.

Рич расхохотался, и Малевверер принялся угодливо ему вторить.

Я так привык к издевательским выпадам Рича, что даже бровью не повел.

— Я хотел бы поговорить с вами, сэр Уильям, — произнес я, глядя на Малевверера. — В голову мне пришли кое-какие соображения, связанные с мистрис Марлин.

— Должен признать, этот мальчик не глуп, — заметил Малевверер, обращаясь к Ричу. — Иногда к нему стоит прислушаться. Представьте себе, он догадался, каким образом Бродерик добыл яд.

— Боюсь, любовь к расследованиям не доведет его до добра, — бросил Рич. — Я оставлю вас, сэр Уильям. О нашем маленьком дельце мы поговорим позднее.

С этими словами он удалился.

— Ну, что вам еще взбрело в голову, брат Шардлейк? — спросил Малевверер, метнув на меня исполненный досады взгляд.

Я рассказал ему о том, что поведение Дженнет Марлин на вершине холма показалось мне несколько странным. Упомянул, как она медлила в решающий момент, по всей видимости, намереваясь задать мне некий важный вопрос.

— Я очень сомневаюсь в том, что документы похитила именно мистрис Марлин, — заключил я свой рассказ. — В этом преступлении она так и не созналась. К тому же нелепо было бы оставлять меня в живых лишь затем, чтобы впоследствии открыть на меня охоту. Вне сомнения, она полагала, что бумаги до сих пор у меня, — добавил я, пристально взглянув на Малевверера. — Возможно, она считала, что я намерен скрыть их от вас и предъявить Кранмеру.

Вельможа сдвинул брови и принялся покусывать свой длинный желтый ноготь.

— Из всего, что вы сказали, следует, что бумаги оказались в руках заговорщиков, — наконец процедил он.

— Да, сэр Уильям, я пришел именно к такому выводу.

— А я думаю, все это не более чем ваши фантазии. Если бы заговорщики завладели бумагами, они не преминули бы предать их огласке.

— Может статься, они выжидают подходящего случая.

— А вы с кем-нибудь делились этими вашими... домыслами? — подозрительно прищурившись, осведомился Малевверер.

— Только с Бараком.

— И что он вам сказал?

— Он, как и вы, отнесся к моим словам без особого доверия, — поколебавшись, признался я.

— Значит, он не так глуп, как кажется. Выбросьте из головы весь этот вздор. И более не надоедайте мне с вашими выдумками, — заявил Малеверер, грозно сдвинув брови.

«Да, подобный поворот событий Малевереру совершенно ни к чему», — отметил я про себя.

Только он решил, что проблема с таинственными документами наконец улажена, как возникает предположение, согласно которому они могли оказаться в руках заговорщиков.

Сообщив об этом Тайному совету, Малеверер рискует навредить собственной репутации.

— Я все понял, сэр Уильям, — с поклоном сказал я и повернулся, чтобы уйти.

Голос Малеверера остановил меня у самых ворот.

— Мастер Шардлейк!

— Слушаю, сэр Уильям.

— Сэр Ричард Рич совершенно прав, — заявил он, обратив ко мне растерянное и злобное лицо. — Вы обладаете даром притягивать неприятности.

Погода стояла отличная, хотя каждый следующий день был чуть холоднее предыдущего. Леконфилд оказался прекрасным местечком; леса, окружавшие поля и замок, радовали взор осенней яркостью красок.

Тем не менее время тянулось медленно. Мы с Баракком и Джайлсом скрашивали досуг игрой в карты. Барак все время оказывался в выигрыше, прибрав к рукам изрядные суммы, и мы сочли за благо перейти к шахматам. Настоящих шахмат у нас, разумеется, не было, но я нарисовал фигуры на обрывках бумаги, и мы с Джайлсом целыми часами обучали Барака премудростям этой игры.

Тамазин мы не видели, ибо правила приличия запрещали ей появляться около нашей палатки. По вечерам Барак, опираясь на палку, ковылял к ней на свидание. После нашей недавней размолвки Тамазин избегала встреч со мной. Должно быть, она обо всем рассказала Бараку, ибо он в моем присутствии почти не упоминал о своей возлюбленной.

Утром, на третий день нашего пребывания в Леконфилде, мы с Джайлсом стояли у палатки, любуясь разноцветным лесом. Я заметил, что в последнее время старик сильно похудел, утратив сходство с крепким кряжистым дубом.

— Как вы себя чувствуете? — осведомился я.

— Боль досаждаёт мне всё чаще, — тихо произнес Джайлс. — Но самое для меня губительное — это холод, от которого в палатках нет спасения. Я чувствую, как он высасывает из меня силы.

Джайлс взглянул на свои крупные руки, повертел кольцо с изумрудом, которое свободно болталось на исхудавшем пальце.

— Того и гляди, я потеряю это кольцо, — вздохнул он. — Мне будет его очень жаль: ведь это память о моем отце.

— Надеюсь, в Халле нас поместят на постой в хорошем доме с кирпичными стенами и очагом, — сказал я. — Насколько мне известно, это большой город и постоянных дворов там предостаточно.

— Я уже позаботился о том, чтобы нас разместили наилучшим образом, — подмигнул мне Джайлс. — Несколько золотых монет, которые перекочевали из моего кармана в карман одного из подчиненных мастера Крейка, обеспечили мне комнату в трактире. А также вам и Бараку.

— Вы слишком щедры, Джайлс.

— Отнюдь, — усмехнулся старик. — Просто я привык распоряжаться деньгами так, чтобы они приносили пользу. К тому же вскоре они мне не понадобятся. Господи боже, знали бы вы, как я скучаю по своему уютному дому, по очагу, около которого ждёт меня старушка Меджи. Я хорошо обеспечил её в своем завещании, так что остаток своих дней она проведёт в достатке, — сказал он, пристально поглядев на меня. — А вам я завещал свою библиотеку.

— Мне? — изумленно выдохнул я.

— Из всех, кого я знаю, лишь вы один оценили мое собрание по достоинству. Правда, у меня есть просьба. Сделайте милость, передайте старинные сборники судебных постановлений в библиотеку Грейс-Инна. Мне будет приятно, что я оказал хотя бы небольшую услугу корпорации, в стенах которой некогда учился.

— Но ваш племянник...

— Мартин получит дом и всё прочее. Перед тем как покинуть Йорк, я составил новое завещание. Мне бы так хотелось увидеть его и сообщить, что я сделал его своим наследником.

— Вы непременно встретитесь, — заверил я, сжав его руку повыше локтя.

Джайлс молчал, на лице его застыло печальное и задумчивое выражение.

Рев охотничьего горна, внезапно огласивший окрестности, заставил нас обоих вздрогнуть. На некотором расстоянии от нас через поле пронеслась кавалькада пышно разодетых всадников, направлявшаяся в сторону леса.

Вслед за лошадьми бежала свора охотничьих собак.

— Король направляется на охоту, — заметил Джайлс. — Я слышал, больная нога мешает ему не только ходить, но и ездить верхом. Так что он предпочитает затаиться в укромном месте с луком и стрелами и выжидать, когда собаки и егеря выгонят к нему оленя. Трудно поверить, что в молодости этот человек по праву пользовался славой одного из лучших охотников и наездников Европы.

«Возможно, славой превосходного наездника этот человек пользовался по праву, — подумал я. — А вот по праву ли он взошел на английский престол?»

Днем нам приказали готовиться к отъезду, который был назначен на завтра, первое октября. В первый день нового месяца холодный восточный ветер принес с собой проливной дождь. Непогода отнюдь не способствовала сборам, и всем нам стоило немалых трудов вновь найти свое место в бесконечной процессии.

Поля превратились в грязное месиво, в котором застревали колеса телег. Брызги грязи летели из-под копыт лошадей, не щадя даже роскошных плащей знатных вельмож. Длительный отдых пошел на пользу ноге Барака, и он держался в седле с прежней уверенностью. Впрочем, думаю, он не раз пожалел о крытой повозке, в которой путешествовал ранее, ибо ливень немилосердно хлестал нас по лицам, вынуждая тащиться со скоростью улитки.

К счастью, через несколько часов, когда мы подъехали к маленькому городку Беверли, дождь прекратился. Мы без остановки проехали через город и вновь оказались среди равнин. Лишь изредка на нашем пути встречались деревни, белые церкви с потускневшими шпилями, вокруг которых теснились убогие домики. Дорога спускалась все ниже, ее окружали плодородные черноземные поля. В разгаре дня я увидел, как впереди сверкнула серебром дельта реки, по ширине превосходящая Темзу. На воде белели паруса бесчисленных судов.

— Мы почти у цели, — с облегчением сообщил Джайлс, который ехал бок о бок со мной.

— Да, я уже вижу порт, — сказал я, чувствуя, как сердце подпрыгнуло от радости. — Эта река называется Хамбер. Не думал, что она такая широкая.

— Одна из самых широких в Англии, — кивнул Джайлс. — Мы поплывем по ней, минуем Спарн-Хед и выйдем в Северное море.

— А вам прежде доводилось бывать в Халле?

— Пару раз я ездил сюда по делам. Но со времени моего последнего

приезда в этот город минуло лет двадцать, не меньше. Глядите, вот и крепостные стены показались.

Я взглянул в ту сторону, куда указывал Джайлс, и увидел городские стены, к которым почти вплотную подступала вода широкой речной дельты и маленькой речушки, впадавшей в Хамбер. Город оказался значительно меньше, чем я ожидал. Размерами он уступал Йорку чуть ли не в два раза.

— Стены какого-то странного цвета, — заметил я. — Красноватого.

— Они сложены из кирпича, — пояснил Джайлс. — Весь кирпич, который используют в Йоркшире, прибывает из Халла.

Когда мы подъехали ближе, я увидел у стен небольшую толпу — как видно, то были представители городской знати, пришедшие поприветствовать короля, удостоившего Халл вторым визитом.

Королевский кортеж остановился. Нам пришлось довольно долго ждать, пока все речи будут произнесены. Впереди теснилось столько всадников, что полюбоваться торжественной церемонией у меня не было никакой возможности. Впрочем, этому обстоятельству я был даже рад, ибо при виде разряженных вельмож и чиновников в памяти снова всплывал Фулфорд. Даже сейчас, по прошествии уже более двух недель, воспоминания эти доставляли мне жгучую боль и стыд.

Наконец меж всадниками стали протискиваться чиновники, указывавшие, куда кому отправляться на ночлег. Я заметил мастера Крейка с неизменной письменной доской на шее. Он делал какие-то пометки в бумагах, прикрепленных к доске при помощи скрепки. Ветер шевелил его списки, словно желая унести их прочь. Крейк приблизился к нам.

— Мастер Шардлейк, вы будете ночевать на постоялом дворе, — произнес он официальным тоном. — Вместе с мастером Ренном и вашим клерком Баракком. Не знаю, кому вы обязаны подобным везением.

Он бросил на меня подозрительный взгляд, как видно, догадываясь о том, что дело не обошлось без взятки. Многие законники, которым вновь предстояло ночевать в палатках, смотрели на нас с нескрываемой завистью.

— Я провожу тех, кто разместится в городе, к месту ночлега, — сообщил Крейк. — Но идти придется пешком. Ваших лошадей отведут в конюшню.

Мы спешили, передали лошадей на попечение конюхов и вместе с другими счастливыми, которым предстояло ночевать на постоянных дворах, отправились в город. Спутниками нашими оказались чиновники куда более высокого ранга, чем мы с мастером Ренном. Подойдя к кирпичным городским стенам, я вновь увидел закованный в цепи скелет, висевший над воротами.

«Сэр Роберт Констебл, — догадался я. — Бывший хозяин особняка в Хоулме, в котором останавливался король».

Ренн отвел от жуткого зрелища взгляд, исполненный откровенного отвращения.

Войдя в городские ворота, мы двинулись по длинной главной улице, которая, как сообщил Крейк, назвалась Лоугейт. Дома, как я заметил, находились в лучшем состоянии, чем в Йорке, да и люди были одеты не так бедно. На нас они смотрели без всякого интереса. Король посещал Халл уже второй раз, и жители города успели привыкнуть к чиновникам в богатых плащах и мантиях.

— Как долго король намерен остаться в Халле? — обратился я к Крейку.

— Понятия не имею, — пожал плечами тот. — Знаю лишь, что король желает составить планы новых оборонительных сооружений.

— А где он остановится?

Крейк указал налево, где над красными черепичными крышами теснилось множество труб:

— Вон там. Особняк, в котором разместится король, раньше принадлежал семейству де Ла Поул.

«Еще один дом, отобранный у законных владельцев», — пронеслось у меня в голове.

Крейк явно не желал продолжать беседу, однако я не унимался.

— Нам предстоит вернуться в Лондон на корабле. Многие из участников путешествия присоединятся к нам?

— Нет. Выехав из Халла, король и вся свита пересекут реку и отправятся в Линкольн. Там вновь предстоит длительная стоянка.

— Что до нас троих, дела требуют нашего присутствия в Лондоне.

Крейк прижал пухлой рукой бумаги, которыми беспрестанно играл ветер.

— Остается надеяться, что погода будет благоприятствовать плаванию, — изрек он, глядя в затянутое серыми тучами небо. — Ну, вот вы и пришли, — добавил он, поднимаясь на крыльцо таверны.

Внутри уже ожидало несколько богато одетых джентльменов. Увидев мантии законников, они пренебрежительно сморщили носы.

— Я должен вас оставить, — сказал Крейк, поклонившись на прощание. — Уверен, в мое отсутствие мои разгильдяи-помощники успели устроить неразбериху. Это просто какой-то кошмар.

С этими словами он повернулся и вышел прочь.

— Этот господин не особенно любезен, — заметил Ренн.

— У него есть причины избегать нашего общества, — ухмыльнулся Барак, опираясь на свой костыль.

Нам с Баракком предоставили просторную и светлую комнату в задней части таверны. Ренн поместился рядом с нами. В комнате был камин, из окна открывался вид на маленькую речушку, по берегам которой теснились дома с красными черепичными крышами. Вновь пошел дождь, по оконному стеклу стекали крупные капли. Барак с наслаждением растянулся на кровати. Я окинул взглядом свои дорожные сумки, не зная, стоит ли распаковывать весь багаж.

С лестницы донеслись тяжелые шаги. Дверь распахнулась без стука, и перед нами предстал Малеверер.

— Неплохо устроились, — насмешливо изрек он, обведя комнату взглядом. — Я пришел сообщить, что Бродерика поместили в городскую тюрьму. Разумеется, вместе с Редвинтером. Для такой важной персоны расчистили целое крыло. Прочим арестантам пришлось потесниться.

Малеверер привычным жестом запустил пальцы в свою угольно-черную бороду.

— Я только что получил от Тайного совета новые распоряжения. Погода стоит переменчивая, и одному богу известно, когда мы окажемся в Лондоне.

— Значит, возможна задержка? — уныло осведомился я.

— Весьма возможна. Именно поэтому король решил не тянуть до Лондона и прямо здесь, в Халле, допросить Бродерика с пристрастием. В здешней тюрьме есть отличная дыба. Мне поручено лично наблюдать за допросом.

До сей поры я надеялся, что Бродерик сумеет каким-то образом избежать предстоящей ему участи. Надежды мои не оправдались. Уже завтра узник взойдет на дыбу.

— Он очень слаб и может не выдержать мучений, — заявил я.

— Приказ есть приказ, — пожал плечами Малеверер. — Может, он и не знает в точности, какие документы хранились в этой проклятой шкатулке. Но все же стоит попробовать развязать ему язык. А уж имена лондонских заговорщиков ему наверняка известны. Мы давно подозревали, что ядро заговора составляют лондонские законники, однако нам никак не удавалось их выследить.

Малеверер громко хрустнул пальцами.

— Ну, завтра проверим, насколько крепким окажется Бродерик. А лондонские мастера тем временем примутся за Бернарда Лока. Поговорят с ним о его перезрелой невесте, с таким рвением выполнявшей все

поручения своего жениха.

Я взглянул в непроницаемое лицо вельможи. Для него допрос узника был лишь самым обычным, хотя и довольно занятым поручением. На губах Малевевера мелькнула косая улыбка, и, не сказав более ни слова, он вышел из комнаты.

— Господи боже, этот человек не знает жалости, — пробормотал Барак, когда дверь захлопнулась. — В точности как лорд Кромвель.

Ночь я провел почти без сна. Мысли о мучениях, предстоящих Бродериду, не выходили из головы. Все мои заботы были направлены лишь на то, чтобы живым и здоровым доставить его в пыточную камеру. Так утверждал сам Бродерик, и, как выяснилось, он был прав.

Бернарду Локу тоже не избежать пыток. Перед моим внутренним взором стояло лицо Малевевера, искаженное бессердечной ухмылкой.

Устав ворочаться с боку на бок, я поднялся и, стараясь не разбудить мирно похрапывавшего Барака, подошел к окну. За стеклом стояла непроглядная тьма, до меня доносился размеренный стук дождя по крыше.

«Наверное, Бродериду сейчас тоже не до сна, — подумал я. — Быть может, в этот глухой ночной час он призывает на помощь все свое мужество».

Мокрый лист бука, подхваченный ветром, прилип к оконному стеклу. Потемневший и скрюченный, он показался мне обвиняющим перстом.

На следующий день, после полудня, в таверну вновь явился Малевевер. Мы с Бараксом и Джайлсом, по обыкновению, коротали время за игрой в карты. Настроение у всех было унылое, ибо разгулявшееся ненастье не оставляло надежд на скорое отплытие. По словам хозяина таверны, в этих местах столь сильный юго-восточный ветер — большая редкость осенью. Но так или иначе, нам приходилось ждать, пока ветер изменит направление.

— Оставьте нас, — бросил Малевевер, взглянув на моих компаньонов. — Я должен поговорить с братом Шардлейком наедине.

Барак и Джайлс вышли из комнаты. Сэр Уильям опустил на стул, и тот жалобно затрещал под его тяжестью.

— Вы были правы насчет Бродерика, — заявил он без всяких предисловий.

— Что с ним?

— Он слишком слаб. Я понял это, как только его привели. В камере все уже было готово: в углу дыба, в очаге накаляются железные прутья. Так что Бродерик с первого взгляда понял, что его ожидает.

Голос Малевевера звучал так, словно он рассказывал о приготовлениях

к обеду.

— Редвинтер с готовностью привел своего подопечного. Бродерик и бровью не повел, увидев все пыточные приспособления. Я сказал, что ему лучше оставить запирательства, иначе мы проверим крепость его костей и наделаем дырок в его шкуре. Но он лишь попросил приступить к делу, не тратя времени на бесполезные увещевания. Должен признать, трусом этого малого никак не назовешь, — поджав губы, изрек Малеверер. — Ну, тогда я решил уважить его просьбу и приказал тюремщикам привязать его к дыбе. А после погнал их прочь — ведь признания Бродерика предназначены не для их ушей. Так что нам с Редвинтером пришлось вертеть колеса своими руками. Минуту, а то и больше арестант не издавал ни звука. А потом заверещал как резаный и тут же потерял сознание. Нам с Редвинтером стоило немалых усилий привести его в чувство. Я уже начал беспокоиться. А Редвинтер, тот вообще переполошился. Сказал, что нам лучше прекратить.

— Однажды заключенный, которого он подверг пыткам, умер, — пояснил я. — Архиепископ Кранмер был тогда очень недоволен.

— Если Бродерик отдаст концы, так ничего и не сказав, король спустит с меня шкуру, — проворчал Малеверер. — И почему только он такой неженка, скажите на милость?

— Долгое тюремное заключение дает себя знать. К тому же он два раза пытался отравиться. Да и путешествие в душной тесной карете отняло у него много сил.

— Между прочим, вам поручено следить за его здоровьем, — буркнул Малеверер.

— Я делал все, что мог.

— И в результате едва не утомили Бродерика. Ну, теперь я сам о нем позабочусь. Буду кормить его как на убой. И ручаюсь, по прибытии в Тауэр он будет свеж как огурчик. Редвинтер не осмелится мне перечить. А вы можете считать свою миссию законченной.

— Но архиепископ Кранмер...

— Я действую согласно распоряжению Тайного совета, — отрезал Малеверер.

— Понимаю, — кивнул я.

Мне оставалось лишь смириться с неизбежным. И, следуя примеру Понтия Пилата, умыть руки.

— Сэр Уильям, не известно ли вам, как долго мы пробудем в Халле? — спросил я.

Малеверер указал на окно.

— Все зависит от погоды. Что до корабля, он готов к отплытию. Помимо Бродерика на нем поплывут несколько чиновников, которые хотят попасть в Лондон как можно быстрее. Будем надеяться, в ближайшие дни дождь прекратится. В любом случае, добираться до Лондона верхом не имеет смысла: дождь превратил дороги в месиво, и тяжелая карета с арестантом будет постоянно застревать.

Он бросил грозный взгляд на окно, усеянное дождевыми брызгами.

— А мне будет позволено вернуться в Лондон на корабле? — набравшись храбрости, осведомился я.

Малеверер освободил меня от попечений о Бродерике, так что мне уже не было необходимости возвращаться в Лондон вместе с ним. Но мне отчаянно хотелось как можно скорее оказаться дома. К тому же я знал, что у Джайлса не хватит сил добраться до Лондона верхом. С замирающим сердцем я ожидал отказа, но, к моему великому удивлению, Малеверер кивнул в знак согласия.

— Да.

— А нельзя ли мне захватить с собой и мастера Ренна? — окончательно осмелел я. — А также мистрис Ридбурн?

Упомянуть о Тамазин было откровенной дерзостью, но я дал обещание, от которого не мог отступить.

— Я не имею к этому касательства, — пожал плечами Малеверер. — Обратитесь в контору управляющего двором. Насколько мне известно, на корабле есть места. Но чиновники, скорее всего, потребуют платы.

— Благодарю вас.

— Приберегите свои благодарности до того времени, как окажетесь в Лондоне живым и невредимым, — изрек Малеверер.

И, бросив насмешливый и зловещий взгляд, он вышел из комнаты, оставив меня в некоторой растерянности.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Погода никак не желала меняться к лучшему. Дожди шли постоянно, а если день обходился без них, порывистый ветер с юго-востока гнал по небу свинцовые тучи. Ни один корабль не мог выйти в плавание. По слухам, король посетил укрепления, расположенные на другом берегу реки. Во время этой поездки он продрог и промок до нитки.

«Хоть он и считает себя наместником Бога на земле, распорядиться погодой не в его власти», — злорадно подумал я.

Несмотря на то, что мы отлично устроились на постоялом дворе, затянувшееся ожидание изрядно утомляло. Особенно тосковал Барак. Поврежденная нога все еще ограничивала его передвижения, и, проводя целые дни в четырех стенах, он пребывал в мрачном и раздражительном настроении. Однако стоило ему увидеть Тамазин, он мигом преобразался. Во время ее визитов я из деликатности выходил и отправлялся к Джайлсу.

Со времени нашей размолвки в Леконфилде Тамазин держалась со мной холодно и отчужденно, а мастера Ренна вообще старалась избегать. Судя по всему, она не могла простить нам смерти Дженнет Марлин, позабыв о том, что эта женщина намеревалась убить меня.

Мы с Джайлсом побывали в конторе управляющего двором, и старый законник выложил немалую сумму, дабы обеспечить местом на корабле не только себя, но и Барака с Тамазин. Джек, узнав об этом, не поскупился на изъявления искренней благодарности, а Тамазин лишь холодно кивнула, приняв услугу как должное.

Стоило дождю прекратиться хоть на несколько часов, Джайлс не упускал возможности совершить прогулку по городу. Как-то после обеда мы сидели в его комнате у огня, и мой друг рассказывал, чем занимался утром. В последнее время старик чувствовал себя неплохо. Однообразная жизнь, которую мы вели, не только нагоняла скуку, но и благотворно сказывалась на здоровье.

— Сегодня я свел знакомство кое с кем из местных стряпчих, — сообщил Джайлс. — Они живут в квартале у самой реки. Там у них даже есть небольшая библиотека.

Это известие заинтересовало меня, ибо в последние дни я часто жалел об отсутствии книг, которые изрядно скрасили бы мой досуг.

— Собрание, спору нет, не слишком богатое. Но старых сборников судебных постановлений там предостаточно. От нечего делать я проглядел

их. Библиотека находится в доме одного барристера, все прочие законники могут пользоваться ею за небольшую плату.

— Даже те, кто выступает в суде против этого барристера? — улыбнулся я.

— А как же иначе? Здесь, вдали от Лондона, люди относятся друг к другу более дружелюбно, даже если по долгу службы и являются противниками. И вот что странно: я никогда более не буду заниматься практикой, а протоколы судебных дел читал с огромным интересом. Удивительно все-таки, какие забавные случаи происходят порой в суде. Жаль, что я уже никогда...

Джайлс осекся, не договорив, и на лицо его набежала печальная тень.

— Гоните прочь тяжелые мысли, — мягко посоветовал я. — Хотя, наверное, это невозможно.

— Сейчас я думаю о том, что мне предстоит, без всякого содрогания, — произнес Джайлс, пристально глядя на меня. — Когда я понял, что болезнь моя неизлечима, отчаянию не было предела. Но за несколько месяцев, прошедших с тех пор, мне удалось примириться с неизбежным. Я уйду со спокойной душой, если сумею уладить последнее дело, которое осталось мне в этой жизни. Отыскать Мартина и примириться с ним. Мне будет легче умирать, сознавая, что я оставил наследство своему кровному родственнику, который будет вспоминать обо мне с благодарностью.

Ренн непроизвольно сжал пальцы в кулак, изумруд на перстне сверкнул в свете свечи.

— Мы непременно отыщем вашего племянника, — заверил я.

И тут же в памяти всплыли слова Малевевера о лондонских законниках, которые являлись ядром заговора.

— Благодарю вас, Мэтью, — кивнул Джайлс и отвел взор к окну. — Кажется, дождь прекратился. Идите наденьте мантию законника, и я провожу вас в библиотеку.

— Господи боже, когда мы наконец выберемся отсюда! — вздохнул я. — Хоть бы завтра погода переменялась!

— Скажите, а тот арестант, Бродерик, он ведь поплывет на корабле вместе с нами? — неожиданно спросил Джайлс.

— Да.

Я уже сообщил ему, что Малевевер освободил меня от обязанностей, связанных с Бродериком.

— Надеюсь, за эти дни он немного окреп.

— А когда мы окажемся в Лондоне, он попадет прямо в Тауэр.

— Именно так.

— Что ж, лучше не думать о том, что ему предстоит.

Мы вышли на улицу, и я с наслаждением вдохнул свежий воздух. Многие участники путешествия воспользовались погожим вечером, чтобы прогуляться. Я заметил, что к нам приближаются несколько клерков. Среди них был грубиян, некогда позволивший себе издевательские замечания в мой адрес. Я нахмурился и отвернул голову.

— Мастер Шардлейк!

Я поверить не мог, что кто-то из клерков осмелился окликнуть меня на улице. Чело мое разгладилось, когда я узнал сержанта Ликона, сменившего военный мундир на синий камзол и штаны. В этом наряде сержант, статный и белокурый, выглядел настоящим красавцем.

— Добрый вечер, сержант! Как поживаете? Вы помните мастера Ренна?

— Разумеется, сэ, — ответил Ликон, почтительно поклонившись Джайлсу.

— А почему вы не в форме?

— Сейчас я не на службе, только и всего. Решил немного подышать воздухом, пока этот проклятый дождь не зарядил вновь.

— Мы тоже гуляем. Если хотите, можете составить нам компанию, — предложил я, так как заметил, что сержант хочет со мной поговорить. — Вы получили какие-нибудь известия от ваших родителей?

— Получить-то получил, да новости у них скверные, — вздохнул Ликон. — Представляете, моего дядю, того самого, что писал для них все бумаги, разбил паралич.

— Весьма сожалею.

— Сэр, вы по-прежнему намерены помочь нам по возвращении в Лондон? — спросил сержант, и в голубых его глазах мелькнуло умоляющее выражение. — Если это так, я напишу родителям, чтобы они приехали в Лондон во что бы то ни стало.

— Я никогда не отказываюсь от своих обещаний. Как только ваши родители приедут в Лондон, приводите их в Линкольнс-Инн.

— Если бы знать, когда я сам окажусь в Лондоне. Я ведь вернусь на корабле. Но одному богу известно, когда он отплывет.

— А, так вы тоже поплывете на корабле?

— Ну да. Вместе с Бродериком. Арестант не может обходиться без охранников.

— А вы его видели? — осведомился я. — Как он себя чувствует?

— С тех пор как мы сюда прибыли, я ни разу его не видел, — покачал головой Ликон. — Он под охраной надзирателей из городской тюрьмы. Я слышал лишь, что его вздернули на дыбу, но быстро прекратили пытку,

потому что он едва не отдал богу душу. Похоже, Редвинтер, который весь путь до Халла не давал арестанту носа высунуть из душной кареты, оказал ему добрую услугу.

— Может, вы и правы.

Мы миновали несколько узких улиц, ведущих к реке Халл. Был час отлива, и чайки, борясь с порывами ветра, носились над мусорными кучами, покрывавшими обнажившиеся берега.

— Мне пора возвращаться, — сказал сержант.

— Напишите родителям, чтобы не отчаивались. Будем надеяться, им не придется расставаться со своей фермой.

Ликон поклонился и зашагал прочь.

— Семья этого парня лишилась своей земли по моей вине, — сообщил я, проводив парня глазами.

— Как это могло произойти?

Я вкратце рассказал Джайлсу о земельной тяжбе, которую разрешил столь несправедливо.

— Не вините себя, — заявил он, внимательно меня выслушав. — Всему виной алчные землевладельцы, которые налетели на монастырские угодья, словно голодные стервятники.

— Монахи, будучи землевладельцами, тоже притесняли арендаторов.

— История семьи сержанта свидетельствует об обратном.

Я не нашелся что ответить.

— Идемте, библиотека уже совсем близко, — сказал Джайлс.

Мы свернули на улицу, застроенную ухоженными четырехэтажными домами, и постучали в одну из дверей. Слуга провел нас через хорошо обставленный холл, и мы оказались в просторной комнате, от пола до потолка заставленной книжными полками. За столами сидели четверо стряпчих в черных мантиях. Все они читали сборники судебных постановлений и делали какие-то пометки на листах бумаги. Один из них, невысокий мужчина средних лет, поднялся со своего места и направился к нам с приветливой улыбкой.

— Рад вас видеть, брат Ренн! Полагаю, ваш спутник — тот самый законник из Лондона, о котором вы мне рассказывали?

— Вы угадали. Позвольте представить вам брата Шардлейка. Мэтью, это брат Хэл Дэвис, хозяин этого дома. Именно ему пришла в голову замечательная идея превратить одну из комнат в библиотеку. Плату он берет самую умеренную, так что никаких выгод не имеет. Все деньги идут на содержание библиотеки.

— Зато Городской совет вручил мне медаль, — с гордостью сообщил

брат Дэвис.

На меня он произвел самое приятное впечатление. Лицо у него было открытое и добродушное, что в нашем сословии большая редкость.

— Вы можете приходить в библиотеку в любое время, — заявил он. — Возможно, это немного скрасит ваше затянувшееся пребывание в Халле.

— Я непременно воспользуюсь вашим любезным приглашением.

— Боюсь, вы не скоро сможете оставить наш город, — продолжал брат Дэвис. — Не припомню, чтобы когда-нибудь прежде в октябре дули такие сильные юго-восточные ветра. Сейчас даже ганзейские купцы опасаются пересекать Северное море.

— Как вы полагаете, когда наконец установится подходящая для плавания погода?

— Трудно сказать, — пожал плечами брат Дэвис. — Погода, как известно, непредсказуема. Может, дожди прекратятся завтра, может, зарядят еще недели на две. В любом случае, я уверен, что всем нам не помешает стакан хорошего вина.

Мы весьма приятно провели час в обществе брата Дэвиса. Потом я заметил, что Джайлс выглядит усталым, и предложил вернуться на постоянный двор. Старик с готовностью согласился. Дождя по-прежнему не было, и в душе моей ожили надежды на благоприятную перемену погоды. Впрочем, на протяжении последних нескольких дней подобные надежды не раз оборачивались разочарованием.

Когда мы проходили по Лоугейту, я заметил нескольких молодых придворных. Громко болтая и смеясь, они шли по самой середине улицы, вынуждая прохожих сторониться. Сердце мое екнуло, когда я увидел среди них Дерема и Калпепера. Калпепер, встретившись со мной глазами, тут же оставил своих спутников и потихоньку скользнул в один из боковых переулков. Дерем заметил это и уставился на меня, грозно сдвинув брови. Схватив Ренна под руку, я ускорил шаг, однако нас нагнал злобный окрик:

— Эй, горбатый крючоктвор! Пойдите-ка!

Спутники Дерема разразились хохотом. Я медленно повернулся. Мастер Дерем, с надменным видом уперев руки в бока, приблизился ко мне на несколько шагов. Затем он остановился и поманил меня. Я неохотно подошел.

— Снова вы путаетесь под ногами, — процедил Дерем. — Удивительно, как это вы осмелились высунуть на улицу свой длинный нос — после того, как вы стали в Фулфорде всеобщим посмешищем.

— У вас ко мне какое-то дело, сэр? — проронил я, стараясь придать своему лицу непроницаемое выражение.

— Что за пакость вы измыслили против мастера Калпепера, горбатый пройдоха? — вполголоса осведомился Дерем. — С чего это он вдруг пустился наутек, едва вас увидав?

— А кто такой мастер Калпепер? — спросил я безучастным тоном, хотя сердце бешено заколотилось.

— Со мной ваши хитрости не пройдут, — прищутив глаза, отчеканил Дерем. — Я прекрасно видел, как в Хоулме кое-кто вышел из шатра королевы. То были вы, собственной горбатой персоной, ваш олух клерк и какая-то девка. Предупреждаю вас, сэр: вороны, которые имеют наглость залетать в высокие хоромы, обычно плохо кончают.

Слова Дерема неприятно поразили меня, ибо я не заметил его среди придворных, стоявших на поле неподалеку от шатра королевы.

— Меня вызвали в шатер королевы по важному делу.

— И по какому же, позвольте узнать?

Вскинув голову, я взглянул Дерему прямо в глаза.

В конце концов, несмотря на всю свою заносчивость, он был всего лишь пустоголовым щеголем, и пышные наряды отнюдь не заменяли ему ума. Да, ему посчастливилось стать секретарем королевы, но узнай она, что он задает столь нескромные вопросы, ему бы не поздоровилось. Но так или иначе, у меня появилась еще одна причина для беспокойства. Дерем мог догадаться, что между нами — мною, Калпепером и королевой — существует какая-то связь, и это неминуемо повлекло бы за собой новые осложнения.

Я молчал, всем своим видом давая понять, что ответа он не дождется. Дерем, как видно, спохватившись, что зашел слишком далеко, счел за благо не настаивать. Бросив на меня испепеляющий взгляд, он повернулся и пошел прочь. Я же, испустив вздох облегчения, вернулся к Джайлсу.

— Идемте, — сказал я и тут же простонал: — О нет!

У меня были причины сокрушаться, ибо нам навстречу шествовал Ричард Рич в сопровождении нескольких вооруженных слуг. Завидев меня, он величественным жестом приказал мне приблизиться. С горечью подумав о том, что слишком много людей имеют право распоряжаться моей персоной одним мановением руки, я повиновался. Во время разговора с Деремом я получил достаточную порцию оскорблений, а Рич, несомненно, приготовил новую.

— И снова он, вездесущий брат Шардлейк, — изрек Рич со своей обычной ледяной улыбкой. — Воистину, он не знает покоя. Сделайте милость, скажите, что за дела у вас завелись с секретарем королевы?

— У меня нет никаких дел с мастером Деремом, сэр Ричард. Он всего

лишь пожелал напомнить мне о происшествии в Фулфорде.

— Ах, вот оно что.

Улыбка Рича стала шире, словно это воспоминание было ему чрезвычайно приятно. Но в следующее мгновение взгляд его вновь стал ледяным.

— Вы, как я вижу, привыкли хватать все пироги подряд, мастер Шардлейк, — вымолвил он. — Но есть один пирог, которым вы можете подавиться. Понимаете, о чем я?

— О деле Билкнэпа, сэр.

— Вы весьма сообразительны, — бросил он, не сводя с меня холодных серых глаз. — Так вот, учтите, это мое последнее предупреждение. Если вы ему не внемлете, я буду не столь любезен.

— Я не намерен отказываться от дела, сэр Ричард.

— Упрямство — большой порок, — поджав губы, произнес Рич. — И вас следовало бы проучить. Но я слишком снисходителен и потому предлагаю вам пятьдесят фунтов. Я знаю, вы нуждаетесь в деньгах, ибо должны расплатиться с долгами по закладной, которые оставил ваш отец.

— Я не намерен отказываться от дела, сэр Ричард.

— Что ж, воля ваша, — кивнул он, и губы его тронула зловещая улыбка. — Не удивляйтесь, если вскоре события примут весьма нежелательный для вас оборот.

— Вы угрожаете мне, сэр? — осведомился я нарочито равнодушным тоном. — Возможно, вы собираетесь меня убить?

— Убивать вас мне нет нужды, — усмехнулся он. — В моем распоряжении множество способов сделать вашу жизнь невыносимой.

— Полагаю, вы прибегнете к наиболее испытанному из этих способов и вновь вынудите клиентов отказаться от моих услуг?

— О нет, я не люблю повторений. Мастер Шардлейк, вы прекрасно знаете, как велика моя власть. Известно вам и то, что я слов на ветер не бросаю. В последний раз спрашиваю: откажетесь вы от дела Билкнэпа?

— Нет, сэр Ричард.

— Что ж, пеняйте на себя.

Он снова растянул губы в улыбке и продолжил свой путь.

Вечер мы коротали в комнате Джайлса за стаканом вина. К Бараку явилась Тамазин, так что мне пришлось ретироваться. Сквозь тонкую стену до нас доносились вздохи, постанывания и скрип кровати.

— Увы, то, чем занимаются наши молодые друзья, носит название прелюбодеяния, а это, как известно, большой грех, — с улыбкой изрек Джайлс. — В качестве патрона мастера Барака вы должны попытаться

вернуть его на стезю добродетели.

— Боюсь, единственным результатом этой попытки будет град проклятий, который он обрушит на мою бедную голову, — со смехом сказал я.

Скрип кровати усилился.

— Как бы он не причинил вред своей ноге, — заметил я.

— Вы тоже можете причинить себе вред, Мэтью, — произнес Джайлс, пристально поглядев на меня.

— Что вы имеете в виду?

— Дело Билкнэпа, которое так волнует Рича. Я не слышал всего, что он вам сказал. Но я слышал вполне достаточно.

— Сначала он пытался меня подкупить, потом стал грозить всеми возможными карами, — со вздохом сообщил я. — Но не на того напал.

— То, что вы отказались от взятки, делает вам честь. Но я не вижу причин, мешающих вам отказаться от тяжбы. Вы же сами понимаете, шансы выиграть ее ничтожны.

— Я не привык отказываться от дела под принуждением. Это противоречит моим принципам.

— Однако законники в большинстве своем поступают именно так. Принципы хороши лишь до той поры, пока они не противоречат благоразумию, Мэтью. К тому же вы окажете своим клиентам добрую услугу, посоветовав не тратить времени и денег на тяжбу, исход которой предрешен заранее. Почему вы так упорствуете, друг мой? Лишь потому, что вам не по душе этот человек, Билкнэп, поставивший закон на службу собственной выгоде? Но закон всегда служил чьей-либо выгоде и будет служить ей до скончания веков.

— Да почему вы решили, что исход тяжбы предрешен заранее? — пожал я плечами. — Будь это так, Рич не стал бы тревожиться и преследовать меня угрозами. Нет, он опасается, что я выиграю дело. Значит, до сей поры он не сумел подкупить никого из судей канцлерского суда. Полагаю, судьи понимают, что справедливость на нашей стороне, и не желают рисковать своей репутацией, принимая решение, заведомо противоречащее закону.

— Возможно, вы правы. Но даже если победа останется за вами, король может заставить парламент принять акт, отменяющий негодный ему закон. Король привык получать все, что пожелает, и для достижения своей цели не брезгует никакими средствами.

— Пусть будет, что будет. А я буду делать то, что велит мне долг. Завтра схожу в библиотеку, посмотрю, какие постановления принимались по

сходным делам. Я так давно не занимался этой тяжбой, что, возможно, сумею взглянуть на нее под другим углом.

— Боюсь, вы вступили в схватку с противником, который многократно превосходит вас силой, — покачал головой Джайлс.

— И все же я не сдамся без боя.

Некоторое время спустя я вышел из комнаты, ибо ощутил потребность посетить отхожее место. В коридоре я увидел Тамазин, которая, возможно, возвращалась именно оттуда. Она скользнула по мне холодным взглядом и неожиданно растянула губы в приветливой улыбке. Но я видел, что льдинки в ее глазах не растаяли.

— Мастер Шардлейк, я так и не удосужилась должным образом поблагодарить вас за ваши хлопоты, — пропела девушка. — Ведь благодаря вам я получила место на корабле. А мне так хочется как можно скорее оказаться в Лондоне.

— Вам следует благодарить мастера Ренна, — отрезал я. — Он заплатил за вашу каюту.

— Возможно, вы будете настолько любезны и передадите ему мою благодарность? — спросила Тамазин, взявшись за ручку двери.

«Эта особа не знает, что такое стыд, — отметил я про себя. — Может статься, это служит подтверждением ее высокого происхождения. Ведь, по слухам, при дворе принято удовлетворять собственные похоти, не обременяя себя приличиями».

— Хорошо, я поблагодарю его за вас, — кивнул я.

— Прошу вас, сэр, не держите на меня обиды, — вкрадчиво продолжала Тамазин. — Знали бы вы, как я сожалею о том, что была с вами излишне резка. Но смерть мистрис Марлин стала для меня сильным ударом... Мне трудно было поверить, что она совершила столько зла. Но я знаю, это так.

— Да, она совершила много зла. И лишь благодаря мастеру Ренну я не стал ее жертвой. Не первой жертвой, заметьте.

— Я все понимаю. И прошу вас простить меня.

— Я вовсе не сержусь на вас, Тамазин. А сейчас, простите, я должен идти.

И я двинулся по коридору, вынудив Тамазин отступить в сторону. Должно быть, девушка сделала неловкое движение, ибо она потеряла равновесие и схватилась за стену, чтобы не упасть. Какой-то предмет, который она прятала под платьем, упал на пол.

— Простите, — пробормотал я, хотя даже слегка не задел девушку. — Позвольте, я подниму.

Нагнувшись, я увидел, что на полу лежат четки, самые обычные дешевые четки, истертые от долгого употребления деревянные бусины на толстой леске.

Лицо Тамазин залилось пунцовым румянцем, когда я протянул четки ей. — Теперь вы знаете мою тайну, сэр, — прошептала она одними губами.

Взяв четки, она зажала их в кулаке. «Должно быть, она носит их на поясе нижней юбки», — догадался я.

— А Бараку известно, что вы католичка? — спросил я, окинув взглядом коридор. — Как-то раз я спросил у него, каковы ваши религиозные убеждения. И он ответил, что у вас их попросту нет.

— Я вовсе не католичка, сэр, — заявила она, взглянув мне прямо в глаза. — Но моя старая бабушка, которая родилась и выросла задолго до реформ, с молодых лет привыкла перебирать эти четки. Она всегда говорила: они помогают ей успокоиться. И я храню их в память о ней.

— Подобные успокоительные средства ныне находятся под запретом, — отчеканил я. — И вам это прекрасно известно. Иначе вы не стали бы прятать четки.

— Да что же дурного, сэр, в том, чтобы перебирать бусины и мысленно повторять молитвы? — с вызовом произнесла Тамазин. — Я делаю это с детства, и это меня успокаивает. А вы сами знаете, сейчас мне есть о чем переживать. Я боюсь, что чужая тайна, в которую мы невольно проникли, причинит горе всем нам. И я грущу о мистрис Марлин.

Взглянув на руку Тамазин, сжимавшую четки, я заметил, что ногти ее обкусаны.

— Ну, если вы перебираете четки лишь для того, чтобы обрести душевное равновесие, в этом нет ничего страшного, — пошел я на попятный.

— Клянусь, сэр, я делаю это лишь по привычке. Хотя сама понимаю, что от этой привычки лучше отказаться. Что до моих религиозных убеждений, они всегда будут в полном согласии с теми, что исповедует король, — не без горечи добавила девушка. — Пусть даже он потребует менять эти убеждения каждый год. Конечно, мне, как всем простым людям, все эти перемены в диковинку. Но пусть король и Господь решают между собой, правда?

— Вполне согласен с вашим мудрым суждением.

Тамазин повернулась, однако не вошла в комнату, где ждал ее Барак, а двинулась по коридору. Несколько мгновений спустя я услышал, как она спускается по лестнице. Я медленно направился тем же путем, про себя размышляя о том, насколько искренна была Тамазин на этот раз. Я знал: ей

ничего не стоит измыслить любую историю, и, может статься, она прячет четки не только в память о бабушке. Я вновь осознал, что эта женщина хранит множество секретов.

На следующее утро дождь зарядил вновь, и я отправился в библиотеку. Сняв в холле мокрый плащ и передав его слуге, я заметил брата Дэвиса, с озабоченным видом спускавшегося по лестнице. Под мышкой он держал большой кожаный портфель.

— Доброе утро, брат Шардлейк! Решили посетить нашу библиотеку? Надеюсь, вы найдете там то, что вас интересует. А я, к сожалению, должен идти. На сегодня назначено слушание дела, которое я веду по поручению Городского совета.

— Скажите, а какова плата за пользование библиотекой?

— Для гостей из Лондона — никакой, — махнул рукой брат Дэвис. — Но я должен кое о чем предупредить вас, — добавил он, понизив голос. — Сегодня в библиотеку спозаранку явился старый брат Сванн. Представьте себе, ему перевалило за восемьдесят. Разумеется, старик давно уже не практикует. Но сюда приходит постоянно. Говорит, хочет быть в курсе всех последних изменений в законодательстве. А на самом деле просто ищет возможности поболтать.

— Понятно, — кивнул я.

— Минуту назад я заглянул в библиотеку и увидел, что старик дремлет у очага. Так что, если хотите почитать без помех, лучше его не будите.

— Спасибо за предупреждение.

Брат Дэвис кивнул, взял у слуги плащ и вышел на улицу, где бушевало ненастье. Я осторожно отворил дверь в библиотеку. Там было уютно и тепло, в очаге весело горел огонь, золотые буквы на корешках старых книг сверкали в его отблесках. Единственным посетителем был старик в потертой мантии, крепко спавший в кресле. Лицо его покрывала густая сеть морщин, сквозь редкие седые волосы просвечивал розовый череп.

Я на цыпочках приблизился к одной из полок, отобрал несколько сборников, в которых содержались постановления по делам, сходным с делом Билкнэпа, и устроился за столом. Открыв первую из книг, я с удивлением обнаружил, что мне трудно сосредоточиться — сказывался длительный перерыв в работе. К тому же слова Джайлса не выходили у меня из головы.

Вне сомнения, он был прав, когда говорил, что я вступил в схватку с противником, который многократно превосходит меня в силе. Взгляд, который на прощание метнул на меня Рич, не предвещал ничего хорошего. И все же мысль о том, что я представляю серьезную угрозу для

всемогущего Рича, льстила моему самолюбию. Вне всякого сомнения, Рич опасался, что я сумею выиграть дело. И мне надо сделать все, чтобы опасения эти подтвердились. Защищать интересы клиентов — мой первейший долг. И если я изменю этому, жизнь моя утратит всякий смысл.

Подняв голову, я увидел, что старик проснулся и с любопытством смотрит на меня удивительно ясными голубыми глазами. Глаза эти превратились в щелочки, когда он улыбнулся.

— Что, брат, похоже, сегодня у вас нет настроения работать?

— Боюсь, вы правы, — со смехом ответил я.

— Мне кажется, я никогда не видел вас прежде. Недавно приехали в Халл?

— Я прибыл сюда вместе с королем и его свитой.

— Ах, вот оно что.

— Позвольте представиться — Мэтью Шардлейк.

С этими словами я встал и поклонился.

— Простите, что я не встаю, — откликнулся старик. — В мои годы это не так просто. Поверите ли, мне восемьдесят шесть лет. Зовут меня Алан Сванн. Барристер высшего разряда. Ныне удалился от дел, — добавил он с усмешкой. — Погода нынче такая, что, хочется нам рыться в книгах или нет, на улицу лучше носа не высовывать.

— Да, осень выдалась на редкость ненастная.

— Разве это ненастье? Вот, помню, в тысяча четыреста шестидесятом разразилась настоящая буря. В тот год еще состоялась битва при Уокфилде.

— Вы помните битву при Уокфилде? — удивился я.

— На память я пока не жалею. Помню как сейчас, в Халл примчался гонец и сообщил, что герцог Йоркский казнен и голова его в бумажной короне выставлена над воротами Йорка. Отец мой был на седьмом небе от радости, он ведь поддерживал Ланкастеров. Да только в конце концов страну все равно захватили представители дома Йорков.

— Я знаю. У меня есть друг, который живет в Йорке. Он рассказывал мне немало историй времен войны двух роз.

— То были тяжелые времена, — изрек брат Сванн. — Очень тяжелые.

Внезапно в голову мне пришла любопытная мысль.

— Наверное, вы помните, как после смерти Эдуарда Четвертого трон захватил Ричард Третий. А дети Эдуарда, так называемые принцы Тауэра, исчезли бесследно.

— Я же сказал, на память я не жалею, — кивнул старик.

— После того как Ричард взошел на трон, по стране поползли слухи, согласно которым брак Эдуарда Четвертого, брата Ричарда, был

незаконным, — продолжал я. — Поговаривали также, что появление на свет самого короля Эдуарда было связано с некими туманными обстоятельствами и, возможно, он не имел законных прав на престол.

Я не сводил глаз с брата Сванна. В 1483 году Джайлс был совсем мальчишкой, а этот живой осколок древности — мужчиной лет тридцати. Возможно, его память хранила множество интересных сведений.

Старый законник молчал. Тишину нарушали лишь завывания ветра в трубе да потрескивание дров в очаге. В какое-то мгновение мне показалось, что брат Сванн, позабыв мой вопрос, вновь погрузился в дрему.

— В течение долгих лет об этом предпочитали не вспоминать, — внезапно повернулся ко мне старик. — Как говорится, все это давно быльем поросло.

— Но я чрезвычайно интересуюсь событиями минувших лет. Как и мой друг из Йорка. Кстати, это он рассказал мне о слухах, связанных с королем Эдуардом.

Обманывая старика, я испытывал легкие угрызения совести; однако вызвать его на разговор было необходимо.

— О, это на редкость занимательная история! — с улыбкой заявил брат Сванн. — Одному богу известно, насколько она соответствует истине. В свое время отец нынешнего короля жестоко расправлялся с каждым, кто заводил об этом разговор.

— Да, мой друг рассказывал мне.

— После того как король Эдуард Четвертый умер, его мать, Сесиль Невиль, сделала публичное признание, — промолвил старик, пристально глядя на меня. — Она заявила, что отцом Эдуарда был вовсе не ее супруг, герцог Йоркский. Согласно ее словам, Эдуард явился плодом короткой связи, которую во время войны она имела во Франции с неким лучником.

Я чувствовал, что сердце мое колотится где-то в горле.

— Как вы понимаете, после этого поднялся жуткий переполох, — негромко продолжал старик. — Из этого окна ужасно дует, — проворчал он, плотнее закутываясь в мантию. — Когда я шел сюда, ветер едва не сбил с меня с ног. А вот, помню, в тысяча четыреста шестидесятом...

— Да, вы рассказывали, что в этом году разразилась страшная буря, — вставил я, стараясь не выдать своего нетерпения. — Но вернемся к Сесиль Невиль...

— Ах да. Так вот, эта леди вышла на крыльцо собора Святого Павла — насколько я помню, дело происходило именно там — и во всеуслышание объявила, что Эдуард Четвертый является отпрыском лучника. Некоторые здешние стряпчие как раз тогда ездили в Лондон, от них я и узнал об этом.

— А имя лучника вы не помните?

— Отчего же нет? Его звали Блейбурн. Эдвард Блейбурн, лучник из Кента.

В ушах у меня застучала кровь.

— И какая участь его постигла?

— Полагаю, к тому времени, как Ричард Третий захватил трон, Блейбурн был уже мертв. Ведь с тех пор, как ему выпала честь обладать телом Сесиль Невиль, минуло уже более сорока лет, — усмехнулся старик. — Скорее всего, с ним своевременно разделались.

— Как вы думаете, существуют ли какие-либо документы, подтверждающие достоверность этой истории?

— По крайней мере, мне о них ничего не известно. Как я уже говорил, после того, как Тюдоры пришли к власти, все разговоры об этом пресекались. Ведь Генрих Седьмой женился на дочери Эдуарда Четвертого, которая стала матерью нынешнего короля. Но, насколько мне известно, во времена Ричарда Третьего вышел некий парламентский акт...

— Озаглавленный «Titulus Regulus», — подсказал я.

— О, вы и об этом знаете?

Во взгляде старика внезапно мелькнуло беспокойство.

— Не уверен, что даже сейчас нам следует говорить о подобных вещах. Прошлое лучше оставить в покое.

— Но вы — один из немногих живых свидетелей тех давних событий.

— Да, дожить до восьмидесяти шести лет удастся немногим, — с гордостью изрек старый законник. — Но вы напрасно называете меня свидетелем... До меня лишь доходили слухи, быть может отнюдь не достоверные.

Я резко поднялся.

— Сэр, мне жаль прерывать наш интересный разговор, но я только что вспомнил о назначенной встрече. Позвольте мне откланяться.

— Так вы уже уходите? — разочарованно пробормотал брат Сванн.

— К сожалению, да.

— Что ж, надеюсь, мы еще увидимся. По утрам я частенько прихожу сюда, к брату Дэвису. Огонь в очаге здесь горит так славно.

На лицо старика внезапно набежала тень печали.

— Брат Дэвис очень добр ко мне. Я знаю, что своей болтовней отрываю людей от дела. Но увы, все мои ровесники давно в могиле.

Я взял его руку, сухую и тонкую, как птичья лапка, и крепко сжал ее.

— Ваша память — это настоящий клад, брат Сванн. Я очень вам благодарен.

И, поклонившись, я вышел. Голова моя слегка кружилась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Склонив голову под порывами ветра, я торопливо шагал по улицам Халла. Мысли мои скакали, соображения и версии беспрестанно сменяли друг друга.

Итак, я был прав, предположив, что Эдуард IV является бастардом. Как я и думал, таинственный Блейбурн — настоящий отец короля. А вот брат Сванн ошибался, полагая, что с лучником, дерзнувшем вступить в связь с герцогиней, разделались, как только эта история вышла наружу. В действительности Блейбурн умер своей смертью и на смертном одре сделал признание, первые строчки которого мне удалось пробежать глазами. Строки, выведенные неровным почерком человека, не привыкшего держать в руке перо, возникли перед моим мысленным взором.

«Я, Эдвард Блейбурн, находясь на пороге смерти, желаю сделать сие признание, дабы весь мир узнал о моем тяжком грехе...»

Скорее всего, он умер до 1483 года, до того, как Сесиль Невиль тоже сделала свое признание. Будь он жив, старуха непременно заявила бы, что соучастник ее грехопадения может подтвердить истинность ее слов.

А в апреле этого года, после того как заговор был пресечен на корню, один из его участников под пытками проговорился о существовании документов, весьма опасных для репутаций нынешнего короля. Но, по всей вероятности, он не знал, где и у кого хранятся эти бумаги. Заговорщики, как правило, не доверяют друг другу и стараются сообщать своим сообщникам лишь минимум необходимых сведений. Бернард Лок, заключенный в Тауэре, знал, что бумаги находятся у стекольщика Олдройда. Но до сей поры Локу удавалось избежать пыток, ибо у него имелись заступники, а свидетельства, подтверждающие его участие в заговоре, были весьма слабы. Тем временем в Йорке арестован Бродерик. Возможно, ему известно многое. Но он упорно хранит молчание, и потому решено отправить его в Лондон и передать в руки искусных палачей.

Любопытно, что представляют из себя прочие документы, хранившиеся в шкатулке? Вероятно, они каким-либо образом подтверждают признание Блейбурна. Одним из таких подтверждений служит «Titulus». Что до родословного древа, оно служит чем-то вроде вспомогательного средства. Но кто посвящен во все подробности этой истории?

Король и члены Тайного совета еще весной узнали о существовании опасных документов. Я рассказал Малевереру, что Олдройд перед смертью

упомянул о некоем Блейбурне, а тот передал это герцогу Суффолку. Стоило герцогу услышать злополучное имя, он сразу переполошился. Возможно, он объяснил Малеввереру причины своей тревоги. И тот произнес фразу, которая так меня озадачила: «Все началось с Сесиль Невиль».

В памяти всплыли последние слова умирающего стекольщика: «Если у Генриха и Кэтрин Говард родится дитя, ему не бывать истинным наследником престола. Она знает об этом».

Пораженный внезапной догадкой, я остановился посреди улицы. Как только я раньше об этом не подумал! Стекольщик имел в виду отнюдь не измену юной королевы, не то, что отцом ее ребенка может оказаться молодой повеса Калпепер. Дети короля не имеют законных прав на английский трон, ибо сам Генрих является внуком лучника. А слова «она знает» относились вовсе не к королеве, а к Дженнет Марлин, только что столкнувшей его с лестницы.

— Так, значит, Кэтрин Говард здесь ни при чем, — неожиданно для себя самого произнес я вслух.

Барак расхаживал по комнате, как видно, не найдя более содержательного занятия; он слишком рано отказался от костыля и, ступая на поврежденную ногу, всякий раз морщился.

— Не слишком себя утруждайте, — предостерег я.

— Нога почти не болит, если не опираться на нее всем телом! — сообщил Барак.

Он вновь шагнул, поморщился и тяжело опустился на кровать.

— Черт, до чего мне надоело быть калекой!

— Джек, мне удалось кое-что выяснить, — произнес я, усаживаясь на свою постель.

— Что еще?

В голосе Барака не слышалось ни малейшей заинтересованности. Но когда я рассказал ему о том, что услышал от брата Сванна, и поделился собственными догадками, он по-трясенно присвистнул:

— Господи боже!

Несколько мгновений Барак молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

— Если все это правда, значит, нынешний король — внук лучника из Кента, — наконец пробормотал он.

— Получается, что так.

У Барака глаза на лоб полезли.

— И королю об этом известно, — продолжал он. — Известно с тех самых пор, как кто-то из заговорщиков проговорился о документах.

— А еще королю известно, что некий стряпчий по имени Шардлейк

отыскал бумаги, а потом упустил их, — продолжил я. — Неудивительно, что он так набросился на меня в Фулфорде. И неудивительно, что заговорщики готовы на все, лишь бы заполучить эти документы. Признание Блейбурна способно сотворить в стране настоящую бурю.

— А Бернард Лок, в прошлом заговорщик, приказал своей невесте уничтожить эти документы, рассчитывая таким образом спасти собственную шкуру.

— Как и всегда в этой жизни, желания и интересы разных людей противоречат друг другу, — пожал плечами я.

— Но каким образом это признание, сделанное неким Блейбурном, попало в руки заговорщиков? Скорее всего, лучник вернулся в Кент, там и отдал богу душу. Как документ оказался в Йорке? К тому же с тех пор прошло более шестидесяти лет. Почему признание решили пустить в ход только сейчас? Что, пять лет назад, во время «Благодатного паломничества», о нем еще не знали?

Я задумчиво потер подбородок.

— Полагаю, дело в том, что Роберт Эск и его сторонники вовсе не стремились к свержению короля. Они хотели избавиться от рьяных реформаторов — архиепископа Кранмера и Кромвеля. А может, вы правы и в то время они не знали о существовании документов.

— Значит, вы считаете, среди бумаг, хранившихся в шкатулке, не было таких, что представляют опасность для Кэтрин Говард и Калпепера? — осведомился Барак, пристально взглянув на меня.

— Не было. Теперь, когда нам известно, что Олдройда убила Дженнет Марлин, его последние слова приобретают иной смысл. Если помните, он сказал: «Она знает об этом». Уверен, он имел в виду свою убийцу.

— Что ж, если все это так, тем лучше для нас, — с нескрываемым облегчением заявил Барак. — Тэмми может спать спокойно. И королева, конечно, тоже. Скажите, а Малеввереру вы намерены сообщить о рассказе старого законника? — осведомился он после недолгого молчания.

— Не вижу в этом смысла, — покачал головой я. — О том, кто такой Блейбурн, он знает и без меня. Так что мне лучше не проявлять излишней осведомленности. Самое разумное, что мы можем сделать, — забыть и об этой истории, и о ночном свидании Кэтрин Говард. И спокойно вернуться домой. Конечно, нам предстоит хранить две опасные тайны. Но я умею держать язык за зубами, да и вы, насколько мне известно, тоже.

— Любопытно, удалось ли заговорщикам заполучить документы? — проговорил Барак.

— Понятия не имею. Но если документы у них в руках, пусть

поступают с ними, как им заблагорассудится. Если им угодно, пусть отпечатают тысячу копий с признания Блейбурна и развешат его на всех углах Лондона и Йорка. Меня это нимало не волнует.

— Но, когда мы вернемся в Лондон, думаю, вам стоит поговорить с Кранмером, — заметил Барак. — Надо, по крайней мере, сообщить ему, что Дженнет Марлин вовсе не уничтожила бумаги. Власти должны знать, какое опасное оружие находится в руках заговорщиков.

— На досуге я подумаю, как лучше поступить.

— Вы должны сообщить обо всем Кранмеру, — настойчиво повторил Барак.

— Я сам знаю, что мне делать, — с раздражением отрезал я.

Про себя я не без удивления отметил, что, несмотря на свое неприятие папизма, в глубине души я невольно сочувствую заговорщикам.

— К тому же пока одному богу известно, когда мы попадем в Лондон, — добавил я, взглянув на усеянное дождевыми брызгами окно.

— Рано или поздно попадем. И снова окажемся в Линкольнс-Инне.

— Вы не изменили своего намерения служить у меня? — спросил я, бросив на Барака испытующий взгляд.

— Пока у меня есть одно лишь намерение — вернуться в Лондон. А там посмотрим. К тому же я хочу посоветоваться с Тэмми.

Произнеся последнюю фразу, он посмотрел на меня с откровенным вызовом.

— Я знаю, Тамазин по-прежнему винит меня в смерти Дженнет Марлин, — произнес я после недолгого колебания. — Она пытается держаться со мной приветливо, ибо понимает, что ей не следует наживать врага в лице человека, у которого вы служите. Но я вижу, что она питает ко мне неприязнь, которой я вовсе не заслужил.

Барак не смог скрыть смущения.

— Тэмми никак не может смириться со смертью мистрис Марлин, — пробормотал он. — Она понимает, что вы ни в чем не виноваты. Но женщины живут чувством, а не разумом.

— Тамазин отнюдь не глуха к доводам разума, когда это в ее интересах, — проворчал я. — Именно поэтому она попыталась вернуть себе мое расположение. Эта девушка из тех, кто не упустит свой кусок хлеба с маслом.

Я медлил в нерешительности, не зная, стоит ли рассказывать Бараку о четках. Впрочем, он все равно не усомнится, что четки Тамазин хранит лишь в память о бабушке. Как и все влюбленные, он безоговорочно примет сторону своей пассии и не станет докапываться до истины.

— С тех пор как Дженнет Марлин погибла, у Тэмми постоянно глаза на мокром месте, — нахмурившись, сообщил Барак. — Она не может понять, что эта особа заслужила смерть. А тут еще постоянные тревоги, связанные с королевой и ее ухажером. Неудивительно, что нрав ее изменился не в лучшую сторону.

— Что ж, полагаю, по приезде в Лондон мне придется привыкнуть к перепадам ее настроения, — проронил я.

— Может, и придется, — дерзко буркнул Барак. — Знаете, в чем ваша главная слабость? — спросил он, посмотрев мне прямо в глаза.

— Ив чем же, скажите на милость?

— Вы совершенно не понимаете женщин. Более того, к нормальным женщинам вас даже не тянет. Если вы и положите на кого глаз, то лишь на какую-нибудь самовлюбленную гордячку. Вроде леди Омор, в которую вы втрескались в прошлом году, или...

— Довольно, — отрезал я, поднимаясь. — Я оценил вашу откровенность и проницательность. В благодарность я тоже буду с вами откровенен. Прежде я думал, что ни одной женщине не удастся вертеть вами по собственному усмотрению. Я ошибался — это без труда удалось прелестной Тамазин. А вы, похоже, даже не заметили, что оказались под каблуком.

Я пожалел об этих словах, едва они сорвались с моих губ. Упрек мой был не вполне справедлив, но в последнее время мы с Джеком успели изрядно друг другу надоест, ибо почти не разлучались. И я, не думая о последствиях, дал волю накопившемуся раздражению.

— У вас есть еще одна слабость, которую уместнее назвать пороком, — злобно прищурился Барак. — Вы чертовски ревнивы. Вам завидно, что у меня есть Тэмми. Надеюсь только, вы немного успокоитесь, когда встретите очередную знатную леди и снова предадитесь сладким мечтаньям.

— Попридержите язык! — взревел я.

— Что, правда глаза колет? — язвительно осведомился Барак.

— Я пошел к мастеру Ренну.

С этими словами я выскочил из комнаты и хлопнул дверью, словно обиженный ребенок.

В течение следующих дней мы с Бараксом держались друг с другом холодно и отчужденно. Об отплытии по-прежнему нечего было и думать: юго-восточный ветер не унимался, и прохудившиеся небеса извергали на город потоки воды. Хозяин постоялого двора ворчал, что ненастье, того и гляди, разорит Халл, ибо в здешний порт давно уже не заходил ни один

торговый корабль. Тамазин, появляясь в таверне, едва кивала мне при встрече. Как видно, Барак рассказал ей о нашей размолвке, а она, возможно, поведала ему о случае с четками.

Отрадой мне служило лишь одно обстоятельство. Благодаря вынужденному отдыху недуг, терзающий Джайлса, казалось, немного отступил. Впрочем, иногда лицо моего друга становилось непроницаемым, и я догадывался, что он испытывает сильную боль. Я проводил с ним большую часть времени, развлекая его занятными случаями из своей практики и взамен выслушивая истории о славном прошлом города Йорка, ныне пришедшего в полный упадок. Я начал сознавать, в каком прискорбном небрежении оказались северные графства после воцарения Тюдоров, питавших к ним застарелую неприязнь.

А еще я сознавал, что, несмотря на всю краткость нашего знакомства, успел привязаться к Джайлсу всей душой, и пережить его смерть мне будет так же тяжело, как и смерть отца. Я твердо решил, что буду с ним до конца, даже если после визита в Лондон он захочет вернуться в Йорк.

Тем временем король и его свита оставили Халл. Четвертого октября в погоде произошла наконец долгожданная перемена: впервые за все время нашего пребывания в городе сквозь тучи проглянуло солнце. Немедленно было объявлено, что завтра королевский кортеж двинется в сторону Лондона.

На следующий день мы с Джайлсом отправились на берег широкой речной дельты и долго стояли, наблюдая, как бесконечная вереница лодок бороздит водную гладь, доставляя бывших наших спутников к берегам Линкольншира. Переправа длилась несколько часов. Говорили, что лодки для королевской свиты были доставлены со всего Йоркшира.

Возвращаясь в таверну, я ощущал какую-то странную опустошенность. В течение долгого времени все мои помыслы были связаны с королевским путешествием, и мне трудно было осознать, что отныне я не имею к нему отношения. Однако же при мысли, что король Генрих, его супруга, а также леди Рочфорд, Калпепер и Дерем отдаляются от меня с каждым часом, у меня точно камень с души свалился.

«Дай бог, я более никого из них не увижу», — сказал я себе.

Отношения королевы и Калпепера, скорее всего, так и не получат огласки. К тому же оба они так напуганы, что вряд ли рискнут продолжить свои ночные свидания. Правда, надо мной по-прежнему тяготели угрозы Рича. Но я чувствовал, что имею все шансы выиграть дело, и не без удовольствия предвкушал возможность сразиться с Билкнэпом в суде.

Увы, вечером после отбытия короля дождь зарядил с прежней силой и

не прекращался в течение следующих десяти дней. Лишь пятнадцатого октября, после того как мы провели в Халле уже две недели, я, возвращаясь из библиотеки брата Дэвиса, внезапно понял, что ветер стих и за последние сутки с неба не упало ни капли.

В библиотеке я не раз разговаривал с братом Сванном, точнее, почтительно внимал рассказам старого законника.

«Возможно, этим беседам пришел конец, ибо корабль наш наконец оставит Халл», — подумал я.

Затем мысли мои обратились к Бродерику. В течение всего времени, проведенного в городе, я не имел о нем никаких известий и не знал, в каком состоянии он пребывает ныне.

В таверне меня ждала записка, в которой Малеверер выражал настоятельное желание меня увидеть. Значит, он еще не вернулся в Йорк. С тревогой думая о том, зачем ему понадобилась моя скромная персона, я направился в бывший особняк семейства де Ла Поул, совсем недавно служивший резиденцией королю. Дом этот, несомненно, превосходил все прочие городские здания и красотой, и размерами.

Стражник провел меня в кабинет Малеверера. Войдя, я прежде всего увидел заваленный бумагами письменный стол, такой же внушительный, как и в прежнем его кабинете. Это был необходимейший атрибут крайне занятого чиновника, которого любил изображать из себя сэр Уильям.

Сам он восседал за столом, вертя в руках гусиное перо.

— Ну, мастер Шардлейк, прощайтесь со славным городом Халлом, — заявил он, бросив на меня холодный, неприязненный взгляд, к которому я успел привыкнуть. — Завтра мы отплываем. Знающие люди говорят, что хорошая погода установилась надолго. Возможно, добираясь до Лондона верхом, мы подверглись бы меньшей опасности. Но будем надеяться, что море не готовит нам неприятных сюрпризов.

— Насколько я понял, вы тоже направляетесь в Лондон, сэр Уильям?

— Да. Мне необходимо дать отчет обо всем случившемся в Йорке. А также уладить кое-какие дела, связанные с приобретением недвижимости.

Я молча кивнул, про себя подумав о том, что недвижимость эту Малеверер наверняка получит почти даром. Он тесно связан с Ричем, а у того есть надежное средство, при помощи которого он может вертеть беднягой Крейком. Уж конечно, мой бывший однокашник предельно занизит цены на те дома, на которые положил глаз Малеверер.

— Завтра будьте в порту ровно в десять. Вы, ваш клерк, девица по имени Ридбурн и старикан, который с вами путешествует. У вас набралась целая свита.

— Все они будут рады узнать о скором отплытии.

— Ваши лошади будут доставлены в Лондон с обозом. А вам, возможно, придется еще раз встретиться со мной и ответить на некоторые вопросы, связанные с мистрис Марлин.

«Значит, забывать о случившемся еще рано», — отметил я про себя.

— Могу я узнать, как долго продлится плавание, сэр Уильям?

— Все зависит от погоды. Меньше недели, если она будет нам благоприятствовать. В любом случае, мы окажемся в Лондоне раньше, чем король.

— А как себя чувствует Бродерик? — осмелился спросить я.

— Превосходно. Мои попечения явно пошли ему на пользу. Он вздумал было отказываться от еды, но я быстро нашел на него управу. Сказал, если он не прекратит эти фокусы, я прикажу вставить ему в глотку клистирную трубку и кормить насильно. Так что теперь он разжирел, словно рождественский каплун.

Малеверер самодовольно улыбнулся и погладил бороду.

— Кстати, гонец недавно привез мне письмо из Лондона. Бернارد Лок не стал заператься. Он признался, что Дженнет Марлин действовала по его наущению.

— И как только ему удалось превратить эту женщину в столь покорное орудие своих замыслов? — тихо проронил я.

— Вы же сами знаете, она была влюблена в него как кошка, — пожал могучими плечами Малеверер. — А он полностью подчинил ее своей воле. Он знал о существовании шкатулки с документами, опасными для короля, и приказал своей невесте похитить ее. Ради того, чтобы выполнить его приказ, она была готова на все, даже на убийство. Лок признался также, что велел Марлин уничтожить документы, а не везти их в Лондон. Хотя в свое время он получил распоряжения, согласно которым в случае провала северного восстания ему следует доставить бумаги в столицу, где за ними явится один из заговорщиков. Своей невесте Лок заявил, что раскаивается и потому желает уничтожить документы, которые могут посеять в стране раздор и смуту. Но в Тауэре он не стал кривить душой и признал, что хотел избавиться от бумаг ради спасения собственной шкуры.

— Так я и думал, — с непроницаемым видом кивнул я.

— Как видно, среди бумаг было письмо, обращенное к Олдройду. В нем содержалось приказание передать содержимое шкатулки Локу и подробно описывалась его внешность. Однако о том, что вместо Лока к стекольщику может явиться женщина, в письме не говорилось ни слова. Поэтому стекольщик и заартачился, и нашей отчаянной Марлин пришлось его убить.

Сами понимаете, письмо, которое она уничтожила вместе с другими документами, служило сокрушительной уликой против ее жениха.

— А он...

Прежде чем вопрос сорвался с моих губ, я с содроганием подумал о том, каким способом был вырван у Лока ответ на него.

— А он назвал имена других заговорщиков?

— Нет. Вероятно, он попросту их не знает. Эти негодяи отнюдь не глупы. Я уже говорил вам, что их организация представляет собой множество ячеек и каждый ее член знаком лишь с несколькими своими сообщниками. К тому же Лок не имел представления о том, что именно помимо опасного для него письма содержалось в шкатулке. Знал лишь, что эти документы обладают чрезвычайной важностью. В Лондоне он был связан с неким мерзавцем, который ныне пустился в бег. Скорее всего, сейчас он в Шотландии, вместе с королем Джеймсом строит планы, как навредить Англии. Лок рассказал лишь, что ему было предписано передать шкатулку некоему барристеру, который явится к нему сам.

— Барристеру из Грейс-Инна?

— Об этом Локу ничего не известно. По крайней мере, так он заявил, и, думаю, он не стал бы закираться.

Малеверер поджал губы.

— Но мы непременно найдем этого барристера. Даже если для этого понадобится посадить в Тауэр всех законников родом из северных графств.

«В том числе и племянника Ренна», — мысленно добавил я, и сердце сжалось от дурного предчувствия.

— А как Бернارد Лок принял известие о гибели своей невесты?

— Он отказывался в это верить. До тех пор, пока тюремщик не показал ему обручальное кольцо, которое я снял с ее пальца и отослал в Лондон.

— Лок очень горевал?

— Кто его знает, — пожал плечами Малеверер. — Меня его переживания ничуть не волнуют.

Неожиданно он встал, пересек комнату и, остановившись рядом, воззрился на меня с высоты своего огромного роста. Я ощутил на своем лице его несвежее дыхание.

— Держите язык за зубами, ясно? — процедил Малеверер. — Вы работали на лорда Кромвеля, следовательно, знаете, что молчание — золото, а болтливость — большой порок.

— Знаю, — кивнул я.

Мысли мои крутились вокруг Мартина Дейкина. Если до сих пор ему удавалось избежать неприятностей, то ныне они неминуемо на него

обрушатся. Как и на всех прочих законников, практикующих в Гарден-Корте.

Малеверер, прищурившись, сверлил меня глазами. На губах его играла столь знакомая мне злоецающая улыбка.

— Кстати, на корабле вы сможете наслаждаться обществом еще одного своего доброго знакомого, — промолвил он. — Сэра Ричарда Рича.

— Неужели он расстался с королем?

— Да, ему тоже необходимо попасть в Лондон как можно скорее.

Малеверер вновь растянул губы в улыбке.

— Кстати, вы вняли советам сэра Ричарда и отказались от того злополучного дела?

— Нет, сэр Уильям.

— Что ж, надеюсь, вы знаете, что делаете, — изрек Малеверер.

В порт мы явились заблаговременно. Впервые за все время нашего пребывания в Халле утро выдалось ясным и безветренным. На небе светило солнце, морские птицы с криками носились над водой. Корабль мы увидели издалека — то была впечатляющих размеров каравелла с огромными квадратными парусами, позволявшими развить большую скорость. Корма корабля поднималась над водой футов на двадцать. Подойдя ближе, мы прочли на боку название — «Неустрасимый». Заделанные отверстия для пушечных дул свидетельствовали о том, что корабль был прежде военным. По всей вероятности, каюты для пассажиров располагались на нижней палубе и были устроены со всеми возможными удобствами. Однако на причале толпилось еще с полдюжины богато разодетых чиновников в сопровождении слуг, и я понял, что нам на удобные помещения рассчитывать не приходится. Среди чиновников я заметил и Рича, и Малеверера, однако ни один из них не удостоил меня даже взглядом.

Мы остановились поодаль, ожидая, когда нам будет разрешено подняться на борт. Джайлс, опираясь на палку, с любопытством разглядывал судно. Не желая преждевременно расстраивать старика, я так и не рассказал ему об опасности, нависшей над племянником. Тамазин стояла рядом с Бараком, готовая в любую минуту поддержать его, ибо он все еще сильно хромал.

— Все готово к отплытию, — повернулся Джайлс к Бараку и Тамазин.

Барак молча кивнул, Тамазин натянуто улыбнулась.

Внимание мое привлекла карета, прогрохотавшая по причалу. Под прицелом любопытных взглядов из кареты вышел сержант Ликон и еще два солдата в красных мундирах. За ними последовал Редвинтер, обеспокоенно

озиравшийся по сторонам. И наконец еще два солдата вывели Бродерика. На узнике был широкий плащ, однако я заметил, что он придерживает правой рукой левую и при каждом движении морщится от боли.

«Всего несколько минут на дыбе — и рука у человека повисла как плеть», — пронеслось у меня в голове.

Бродерик окинул взглядом собравшихся на причале. Глаза его остановились на мне и моих спутниках. Несколько мгновений он неотрывно глядел на нас, но лицо его оставалось непроницаемым. Потом он медленно кивнул, словно хотел сказать: «Посмотрите, что со мной сделали». Солдаты подтолкнули его к трапу, ведущему на корабль. Я заметил, что ноги его по-прежнему скованы кандалами, которые звенели при каждом шаге. Заключенный поднялся на корабль, Редвинтер следовал за ним. Они пересекли палубу и скрылись внизу.

— Так вот он какой, Бродерик, — едва слышно проронил Джайлс. — В Лондоне его ожидает смерть? — спросил он, вперив в меня пронзительный взгляд.

— Да, — неохотно ответил я. — Если он не умрет во время пыток, его казнят. Скорее всего, у него заживо вынут внутренности.

— Я не думал, что он так молод.

К чиновникам подошел какой-то клерк, отвечающий за посадку, и они принялись подниматься по трапу. Некоторые опирались на руки слуг, бросая на воду боязливые взгляды.

Затем клерк приблизился к нам. Это был упитанный суетливый мальчик. Он напомнил мне мастера Крейка, который сейчас скакал по дорогам вслед за королем. Кстати, Крейк не удосужился даже проститься со мной.

— Поднимайтесь на борт, джентльмены, — распорядился клерк.

Джайлс вступил на трап первым. Я повернулся к Бараку:

— Вот оно, счастливое мгновение, которого мы так долго ждали.

— И наконец дождалось. Прощай, Йоркшир! Не дай бог побывать здесь вновь!

С этими словами он оперся на руку Тамазин и двинулся к трапу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Всем нам — мне, Бараку, Тамазину и Джайлсу — были предоставлены крохотные каюты, размерами едва ли превосходившие стенные шкафы. Места там хватало лишь для узкой койки, привинченной к полу. Проходя по коридору, я через приоткрытую дверь увидел слугу, который распаковывал сундуки своего хозяина в другой каюте, куда более просторной и удобной. В конце коридора, у массивной двери, стояли в карауле два солдата; вне всякого сомнения, там находился Бродерик. Скорее всего, общество ему составлял неизменный Редвинтер. Оставив поклажу, мы вчетвером поднялись на палубу. Несмотря на то что день был спокойный и солнечный, здесь пробирал прохладный ветерок. Я с содроганием подумал о том, каково будет в открытом море в ненастье.

Матросы под руководством помощника капитана, грузного мужчины с обветренным лицом, устанавливали паруса. Удостоверившись, что все сделано должным образом, он спустился вниз; тяжелые шаги гулко отдавались по палубе. Потом раздался глухой удар, скрип, и каравелла начала медленно отходить от причала. Джайлс сорвал с головы шапку и помахал ею, провожая глазами йоркширский берег.

— Лучше вам спуститься вниз, — заметил я. — А то, чего доброго, простудитесь.

— Ничего, здесь не так холодно, — покачал он головой и плотнее закутался в плащ.

Внимательно посмотрев на него, я заметил, что глаза старика полны печали. Джайлс опустился на скамью, прибитую к палубе, а мы с Баракком и Тамазином наблюдали, как Халл исчезает из виду. Небольшие волны покачивали корабль, и я ощутил легкую тошноту. Вспомнив совет, некогда полученный от бывалого мореплавателя, я вперил взгляд в линию горизонта.

Неожиданно до слуха моего долетел чей-то шепот:

— Это он, тот самый горбун. В Фулфорде король заставил его обнажить перед толпой свою горбатую спину.

Резко обернувшись, я увидел парочку клерков, которые бросали на меня любопытные взгляды. Я свирепо сдвинул брови, и они сочли за благо отойти прочь.

«Похоже, случай, произошедший в Фулфорде, войдет в легенды и, как всякая легенда, будет обрастать невероятными подробностями, — с

горечью подумал я. — Неужели мне будут до конца дней напоминать об унижении, которому подверг меня король Генрих?»

Хотел бы я знать, что сказали бы эти пустозвоны, узнай они, что сам король — всего лишь внук лучника из Кента.

— О черт!

Барак внезапно пошатнулся, согнулся пополам и изверг содержимое своего желудка прямо на доски палубы. При этом он потерял равновесие и упал с тяжелым стуком. Клерки разразились хохотом, на лицах матросов, суетившихся у мачт, замелькали усмешки. Мы с Тамазин помогли бедолаге подняться и усадили его на скамью. Кислый запах рвоты заставил мой желудок подступить к горлу. Барак был бледен как полотно. Несколько мгновений он сидел, уронив голову на колени, затем поднял на меня искаженное досадой лицо.

— Да что это за напасти такие! Сначала я охромел на одну ногу, теперь из-за этой проклятой качки все мои внутренности готовы вывернуться наизнанку! — пробормотал он. — Черт, только этого не хватало!

Он бросил на клерков испепеляющий взгляд.

— Если бы не больная нога, я бы научил этих весельчаков вежливости.

— Напрасно вы так причитаете, — проронил я. — Вскоре нога ваша заживет и вы вновь будете носиться как угорелый.

— В Лондоне ты должен как следует отдохнуть, Джек, — ласково пропела Тамазин. — Может быть, мастер Шардлейк разрешит тебе немного пожить в своем доме, — добавила она, бросив на меня умоляющий взгляд. — Его домоправительница позаботится о тебе, и ты быстрее поправишься.

— Да, конечно, — растерянно кивнул я. — По приезде в Лондон вы можете пожить у меня.

— Я не нуждаюсь в одолжениях, — буркнул Барак. — Господи, опять накатило... — простонал он и снова уронил голову на колени.

Я подошел к перилам, ибо опасался, что запах рвоты вынудит меня последовать примеру Барака. Просьба Тамазин привела меня в раздражение; это маленькое хитроумное создание верно выбрало момент, когда я не мог отказать. Впрочем, в глубине души я понимал, что мне и в самом деле следует приютить у себя Барака. Предоставленный сам себе, он не будет беречь больную ногу и, пожалуй, останется хромым на всю жизнь.

Через несколько минут я подошел к скамье. Барак согнулся пополам, Тамазин поглаживала его по спине. Джайлс сидел, неловко привалившись к стенке. Его неподвижность заставила меня похолодеть. Но стоило мне взять старика за руку, он открыл глаза.

— Джайлс, как вы себя чувствуете? — мягко спросил я.

Старик сморщился от боли.

— Кажется, я задремал.

— Барак совсем расклеился, его вырвало. Вы не слышали?

Джайлс покачал головой. Он казался усталым, смертельно усталым.

— Из нашего молодого друга вряд ли вышел бы хороший моряк, — произнес он, с усилием улыбнувшись. — Я давно уже не был в море. Но, к счастью, меня никогда не тошнило.

Он бросил взгляд на кромку берега, видневшуюся на горизонте.

— Йоркшир все еще не исчез из виду.

— Думаю, пройдет несколько часов, прежде чем мы выйдем из дельты.

— Хотел бы я знать, как там поживает Меджи. Наверное, старушке очень одиноко без меня.

— Как только мы приедем в Лондон, Джайлс, я безотлагательно приступлю к поискам вашего племянника. Барак мне поможет.

— Значит, ваша размолвка забыта? — понизив голос, осведомился Джайлс.

— А, вы тоже заметили, что между нами черная кошка пробежала? — ответил я вопросом на вопрос.

— Это заметил бы даже слепой. Но в чем причина вашей ссоры? Она как-то связана с этой девушкой?

— Не только. Мы наговорили друг другу много лишнего, — признался я, глядя на потихоньку отдалявшийся берег. — Но все это пустое недоразумение, Джайлс. Как только мы вернемся в Линкольнс-Инн, к привычным делам, нам некогда будет вступать в препирательства. Мы непременно отыщем вашего племянника, — добавил я с улыбкой.

— А как вы собираетесь искать Мартина? — спросил старик, задумчиво глядя на меня.

— Первым дело схожу в Гарден-Корт. Если его там не окажется, казначей корпорации наверняка сообщит мне, где он практикует.

— Так, значит, отыскать его не так сложно?

— Совсем не сложно, — заверил я, мысленно понадеявшись, что слова мои окажутся не столь уж далеки от истины.

В течение трех последующих дней погода оставалась сухой и ясной. Хотя находиться в крошечной каюте было не слишком приятно и прогулки по палубе тоже не доставляли мне особого удовольствия, я благодарил Бога за то, что плавание наше протекает так спокойно. Джайлс большую часть времени проводил в каюте, лежа на койке. Он не позволял себе ни слова жалобы, но по изнуренному лицу я понимал, что боль досаждала ему с

новой силой.

У пассажиров не было причин жаловаться на погоду, однако капитана и команду она отнюдь не радовала. Слабый ветерок едва наполнял паруса, и плавание наше грозило изрядно затянуться.

На четвертый день разнесся слух, что нам придется зайти в Ярмут, город на норфолкском побережье, ибо запасы продовольствия на корабле подходят к концу. Я слышал собственными ушами, как Малевверер ожесточенно препирался с капитаном, однако последний непреклонно стоял на своем.

В Ярмуте мы простояли два дня. Там мы узнали, что король, оставив большую часть своей свиты в Линкольне, поспешил в столицу, ибо получил известие, что принц Эдуард серьезно болен.

— От этого мальчика зависит будущее династии Тюдоров, — заметил Джайлс, когда мы сидели на палубе, наблюдая, как корабли выходят в море из ярмутского порта.

Друг мой заявил, что чувствует себя лучше, и выразил желание подышать свежим воздухом. Однако вид у него по-прежнему был изнуренный, и по лицу то и дело пробегала легкая тень, от которой у меня сжималось сердце. Барак, за несколько дней привыкший к качке, стоял у перил в обществе Тамазин. В последние дни мы с ним обменялись лишь несколькими словами.

— Правда, если королева Кэтрин беременна, у короля может появиться еще один наследник, — продолжал Джайлс. — Но брак их продолжается уже более года и пока остается бесплодным. Возможно, король более не способен оплодотворить женщину.

— Возможно, — равнодушно проронил я.

Известные мне обстоятельства относительно происхождения короля и поведения королевы отбивали у меня всякую охоту обсуждать будущее династии Тюдоров.

— Не дай бог, принц Эдуард умрет, — промолвил Джайлс. — Кто тогда будет наследником престола? Семья герцогини Солсбери уничтожена, обе дочери короля не могут считаться его наследницами. Того и гляди, король Генрих, не проявив достаточной плодовитости, погрузит страну в смуту, — заключил он с горькой усмешкой.

— Мне надо размять ноги, Джайлс, а то они совсем затекли, — бросил я, поднимаясь.

Старик плотнее закутался в плащ.

— Становится холодно. Может, вам лучше вернуться в каюту? — предложил я не слишком уверенно, ибо знал: друг мой терпеть не может,

когда с ним обращаются, как с больным.

Но Джайлс не стал возражать.

— Да, я и в самом деле продрог, — кивнул он. — Будьте любезны, помогите мне спуститься.

Проводив его в каюту, я вернулся на палубу. Тамазин и Барак по-прежнему оживленно болтали и смеялись, стоя у перил. На меня они не обращали ни малейшего внимания, и я почувствовал себя задетым. Барак кивком головы указал Тамазин на моряка, проходившего по палубе. К великому своему удивлению, я увидел, что он держит за хвосты с полдюжины мертвых крыс.

— Это корабельный крысолов, — с ухмылкой пояснил Барак.

Тамазин сморщила свое хорошенькое личико и поспешно отвернулась.

— Знаешь, чем особенно хороша его работа? — легонько толкнув ее в бок, спросил Барак.

— Не знаю и знать не хочу.

— Он ест крыс, которых поймает. Для крысоловов эта дичь — наилучшее лакомство.

— Иногда ты бываешь невыносим, — возмутилась девушка.

— А что я такого сказал? Разумеется, свежее крысиное мясо лучше черствых сухарей, которые едят другие матросы.

Я заметил, что по лестнице с нижней палубы поднимаются два солдата. За ними следовал Бродерик, скованный по рукам и ногам. На фоне двух дюжих парней его изможденная фигура казалась особенно жалкой. Шествие замыкали сержант Ликон и Редвинтер.

Солдаты подвели арестанта к перилам. Остановившись, он устремил взгляд в море. Солдаты следили за каждым его движением, готовые пресечь попытку броситься за борт. Сержант Ликон, пользуясь возможностью, глубоко дышал, наполняя грудь свежим морским воздухом. Редвинтер, заметив меня, приблизился.

— Добрый день, мастер Шардлейк.

Путешествие явно пошло ему не на пользу. Отросшие волосы и борода утратили холеный вид, он побледнел и выглядел утомленным. Постоянно находясь в обществе заключенного, тюремщик и сам страдал от духоты и отсутствия движения. Трудно было поверить, что передо мной тот самый холеный франт, с которым я некогда встретился в замке Йорка.

— Добрый день, мастер Редвинтер. Надеюсь, скоро мы окажемся в Лондоне.

— Вряд ли, — возразил он, взглянув на паруса. — При таком ветре нам придется тащиться бог знает сколько. Я слышал, капитан говорил, что в это

плавание от него отвернулась удача. И на то есть причины.

— Моряки излишне подвержены предрассудкам.

— Быть может. Так или иначе, через несколько дней мы прибудем.

Губы его искривила столь хорошо мне знакомая издевательская ухмылка.

— Наш драгоценный сэр Эдвард наконец окажется в Тауэре, где ему предстоит множество развлечений.

— Он здоров?

— Вполне. Представьте себе, когда я сказал ему, что Спарн-Хед исчез из виду, он рыдал, как дитя. Причитал, что больше никогда не увидит свой ненаглядный Йоркшир. Я сказал ему, чтобы не расстраивался попусту. Может статься, голова его еще побывает в Йорке — в качестве украшения городских ворот.

— Впервые встречаю человека, которому совершенно неведомо сострадание, — бросил я.

— Для того чтобы хорошо исполнять свои обязанности, сострадание мне ни к чему, — усмехнулся Редвинтер. — Как-то раз вы назвали меня безумцем.

При этих словах в глазах его мелькнули злобные искорки, и я вновь осознал, как глубоко сумел его уязвить.

— На это я вам вот что скажу. Безумен тот тюремщик, который проливает слезы над изменниками и предателями. Отвратителен слюнтяй, не способный исполнить предназначение, данное ему Господом.

— Неужели Господь предназначил вас для того, чтобы терзать и мучить других людей?

— Для того чтобы спасти истинную религию, подчас необходимо пролить кровь.

Редвинтер смотрел на меня с презрительным недоумением, словно удивленный тем, что я не понимаю столь очевидных вещей.

— Вы что, не читали Ветхий Завет? Там на каждой странице битвы и кровопролития! Господь устроил этот мир так, что люди должны убивать друг друга. Король это понимает и потому не боится замарать руки в крови.

— А разве в Писании не говорится о том, что кроткие наследуют землю?

— Лишь после того, как сильные духом уничтожат всех врагов истинной веры.

— И когда же это произойдет? После того, как на воротах Йорка будет выставлена отрубленная голова последнего паписта?

— Возможно. Для того чтобы восстановить в этом мире порядок,

необходимо быть сильным, мастер Шардлейк. Сильным и безжалостным. Таким же, как наши враги.

Я отвернулся, утомленный бессмысленным спором. К нам приблизился сержант Ликон.

— Добрый день, мастер Шардлейк, — приветствовал он меня, метнув на тюремщика исполненный неприязни взгляд.

— Добрый день, сержант. Я только что беседовал с Редвинтером, — сообщил я, понизив голос. — Как-то раз я назвал его безумцем. Похоже, с тех пор его безумие лишь усугубилось.

— Сэр Уильям, похоже, тоже так думает, — кивнул сержант, не сводя глаз с Редвинтера, который стоял в стороне, облокотившись на перила. — По крайней мере, он сказал, что отныне главную ответственность за арестанта несую я. Он больше не доверяет Редвинтеру. Это и понятно — в Йорке тот не справился со своим делом и допустил, чтобы арестант отравился.

— Редвинтер, как и все жестокие люди, не слишком умен. Поэтому заключенному удалось его перехитрить.

— Самое обидное для Редвинтера — потерять власть. Иногда он смотрит на меня с такой злобой, словно хочет убить, — заметил Ликон.

— К счастью, скоро мы окажемся в Лондоне и сможем избавиться от его общества, — сказал я. — А как себя чувствует Бродерик? Редвинтер сказал, он рыдал, когда йоркширский берег исчез из виду.

— Да, это правда. Но с тех пор он затих и редко произносит хоть слово. Сержант замешкался, словно не решаясь что-то сообщить.

— Когда он увидел вас, он попросил разрешения поговорить с вами хотя бы минуту, — произнес он наконец.

Я посмотрел в ту сторону, где стоял Бродерик. Тот, не замечая солдат, задумчиво глядел на море.

— Я готов поговорить с ним.

— Отойдите-ка от заключенного на несколько шагов. Он никуда не убежит, — обратился Ликон к своим людям.

Солдаты выполнили приказание.

— Малевверер дал мне под начало двух безнадежных болванов, — пожаловался сержант. — У обоих одно на уме — как бы напиться до бесчувствия. Мне уже пришлось отобрать у них деньги.

Бродерик повернулся ко мне. Тонкое лицо показалось мне еще более изможденным, чем прежде, в свалявшейся бороде и длинных светлых волосах блестели брызги морской воды. Сейчас он походил не на молодого человека, а на иссохшего старичка. Стоило ему хоть слегка пошевелить

левой рукой, лицо его искажала гримаса боли.

— Вы повредили руку? — спросил я.

— Ее повредила дыба, — усмехнулся Бродерик.

Неистовая ярость, некогда сверкавшая в его глазах, угасла, взгляд арестанта поразил меня своим спокойствием. Очевидно, со времени последней нашей встречи в умонастроении Бродерика произошла значительная перемена.

— Я слышал, в Хоулме вас едва не убили, — тихо произнес он. — На вашу жизнь покушалась невеста Бернарда Лока.

— Да, это так.

— Я немного знаю Лока. Он из тех людей, ради которых женщины готовы на все. Так вот, я хотел сказать вам, что не имею к покушению на вас ни малейшего отношения. Малеверер допрашивал меня. И при этом отнюдь не церемонился.

— Мне очень жаль. А в том, что Дженнет Марлин действовала в одиночку, я не сомневался.

Помешкав несколько мгновений, я заговорил вновь:

— Скорее всего, она уничтожила документы, за которыми охотилась. Если только ей удалось их заполучить.

Бродерик хранил молчание.

— Я полагаю, документы мог похитить кто-то другой и ныне они находятся в руках заговорщиков, — продолжал я. — Но Малеверер и слушать меня не захотел. Заявил, что все это пустые домыслы.

Взгляд Бродерика, устремленный на меня, стал более внимательным, но он по-прежнему не проронил ни слова.

— А как вы думаете? — не унимался я. — Согласны с тем, что мои предположения небезосновательны?

Ответа не последовало.

— Но вы не сожалеете о том, что Дженнет Марлин не удалось осуществить свое намерение в отношении меня?

— Я рад, что вы остались живы, — наконец разомкнул губы Бродерик. — Вы были ко мне добры. В тех пределах, в которых позволяла ваша миссия.

— Тем не менее вы убили бы меня, если бы это требовалось для осуществления вашей цели? — спросил я, глядя ему прямо в глаза.

— Без всякого удовольствия, — равнодушно произнес Бродерик. — Я не из тех, кто получает удовольствие при виде чужой смерти. Даже если эта смерть необходима для дела. Как мне кажется, вы тоже не слишком кровожадны.

— Мистрис Марлин заявила, что моя смерть ей необходима. Как и смерть бедняги стекольщика. Признаюсь, мне противна сама мысль о том, что человеческая жизнь может быть жертвой, принесенной на алтарь какой-либо цели.

— Вот как? — Бродерик саркастически ухмыльнулся. — Однако вы согласны с тем, что моя смерть необходима для процветания и благополучия Англии. В противном случае вы отказались бы выполнять поручение Кранмера.

В ответ я лишь сокрушенно вздохнул.

— Почему вы взялись за столь гнусную миссию? — настойчиво спросил Бродерик. — Ведь вы совсем не такой, как эти бессердечные скоты Малеверер и Редвинтер.

— Я многим обязан архиепископу и считал себя не вправе отказаться от его поручения.

Несколько мгновений мы оба молчали.

— Напрасно они думают, что пытками вынудят меня заговорить, — едва слышно проговорил Бродерик.

— Под пытками говорят все, сэр Эдвард, — ответил я так же тихо.

— Только не я.

Губы его тронула едва заметная улыбка, от которой по спине у меня пробежал холодок. То была улыбка человека, знающего, что ему предстоит.

— Они ничего не добьются. И помните, что я сказал вам, мастер Шардлейк. Время короля-еретика подходит к концу.

Он смотрел на меня едва ли не с сожалением.

— Знаете, я часто думаю о том, что вы могли бы стать одним из нас. И может, так оно и случится.

Сделав вид, что не расслышал этих слов, я повернулся и подошел к сержанту Ликону.

— Никогда раньше я не видел его таким спокойным, — заметил я.

— Да, его не узнать. Сказал он что-нибудь важное?

— Лишь заявил, что никакие пытки не заставят его заговорить.

— Он ошибается.

— Так я ему и сказал.

Я направился к люку, ведущему вниз. Редвинтер по-прежнему стоял, облокотившись на перила, и глядел на море.

Вечером после ужина я сидел на палубе и наблюдал, как солнце опускается за горизонт. На море царил почти полный штиль, корабль лишь слегка покачивало. Впрочем, багровый закат и тучи, затянувшие небо, предвещали перемену погоды.

«Будем надеяться, на нас не обрушится новый приступ ненастья», — мысленно пожелал я.

Тамазин на палубе не было, а Барак, стоя поодаль, болтал со слугами.

Вскоре поднялся ветер, наполнивший паруса и позволивший кораблю двигаться быстрее. Я был рад, ибо хотел поскорее оказаться в Лондоне — прежде всего, из-за Джайлса, силы которого заметно таяли.

Почти все пассажиры высыпали на палубу. В наступивших сумерках смутно вырисовывались силуэты, закутанные в плащи. Кто-то дремал, кто-то играл в карты или шахматы. До меня доносились обрывки приглушенных разговоров.

Из люка высунулась голова еще одного человека, пожелавшего подышать свежим воздухом. Под шапкой, усыпанной драгоценными камнями, я узнал острые черты Ричарда Рича. Погрузившись в задумчивость, он прошествовал по палубе. Матросы торопливо отскакивали прочь, уступая ему дорогу. Поравнявшись со скамьей, на которой сидел я, он на мгновение вскинул голову и встретился со мной взглядом. Губы его искривила многозначительная зловецкая ухмылка. Затем он подошел к люку и двинулся вниз по лестнице.

Стоило Ричу скрыться из виду, ко мне подскочил Барак.

— Как надоел этот сукин сын, — прошипел он.

— Да уж, — кивнул я, тронутый его беспокойством.

— Он сказал вам что-нибудь?

— Только бросил злобный взгляд. Думаю, мне пора спуститься в каюту.

— Да, холод пробирает до костей.

— Я весь покрылся мурашками. Но никак не могу понять, холод тому виной или взгляд Рича.

На нижней палубе царила тишина. Проходя мимо дверей Бродерика, я с неудовольствием отметил, что солдаты, стоящие в карауле, угощаются пивом из большой фляги, которую они передавали друг другу. Заметив меня, один из них попытался спрятать флягу за спину. Я нахмурился и вошел в свою каюту. Едва опустившись на койку, я услышал в коридоре громкие голоса и приоткрыл дверь. Двери других кают тоже раскрывались, оттуда выглядывали удивленные лица.

— Какого черта вы наливаетесь пивом прямо на посту?

Сержант Ликон, побагровев от ярости, едва не набрасывался на своих подчиненных с кулаками. Солдаты стояли понурившись, один из них по-прежнему сжимал в руке злополучную флягу. Сержант вырвал ее и швырнул на пол. Осколки брызнули в разные стороны, пиво растеклось по дощатой обшивке. Солдаты смотрели на лужу с нескрываемой тоской.

— Богом клянусь, вам это с рук не сойдет! — не унимался сержант. — Вы оба пойдете со мной к Малевереру! Прямо сейчас!

Лица солдат покрыла бледность. Дверь арестанта отворилась, и оттуда показался Редвинтер.

— Что за шум? — процедил он.

— Эти олухи пили на посту, — бросил сержант Ликон. — Я веду их к Малевереру.

С этими словами он схватил солдат за воротники и потащил по коридору. Редвинтер проводил их довольным взглядом, как видно, радуясь, что у соперника не все идет гладко. Я захлопнул свою дверь прежде, чем он успел меня заметить.

В каюте я вскоре забылся дремой и проснулся оттого, что чья-то рука бесцеремонно трясла меня за плечо. Растерянно моргая, я открыл глаза. Каюту освещал яркий свет лампы. Дверь была распахнута настежь. Из коридора доносился гул возбужденных голосов. Подняв голову, я увидел прямо перед собой мрачное лицо Малеверера. За его спиной маячил Барак в одной рубашке, со спутанными волосами.

— Хватит дрыхнуть! — Малеверер злобно хлопнул меня по лицу. — Просыпайтесь! Вставайте!

Я поднялся на ноги. В дверях я заметил Джайлса, набросившего на плечи одеяло, и Тамазин, закутанную в плащ Барака. Вид у обоих был донельзя растерянный. За их спинами угадывались силуэты других людей. Малеверер, повернувшись к ним, яростно сверкнул глазами.

— Нечего здесь торчать! — рявкнул он. — Отправляйтесь в свои каюты! Иначе посажу всех под арест.

— Да что случилось? — спросил Джайлс, с недоумением глядя на орущего Малеверера.

— Вам лучше вернуться к себе, мастер Ренн, — сказала Тамазин и, взяв старика за руку, потащила его прочь.

Двери других кают начали закрываться, а в моей помимо Малеверера остался лишь Барак.

— Вчера вы говорили с Бродериком, — напустился на меня Малеверер. — Что он вам сказал?

Сердце мое екнуло, когда я припомнил слова Бродерика: «Вы могли бы стать одним из нас».

— Ничего достойного внимания, — пролепетал я. — Я пытался выяснить, что ему известно о Дженнет Марлин. Но он, по обыкновению, оставлял без ответа все вопросы. Но что произошло?

— Сейчас увидите, — буркнул Малеверер. — Идите за мной.

И он, едва не касаясь мощными плечами стен каюты, двинулся к двери. Я последовал за ним, мысленно радуясь, что уснул одетым.

— Что случилось? — шепотом спросил я у Барака.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Меня разбудили крики и топот.

Оказавшись в коридоре, я с удивлением увидел, что дверь каюты Бродерика распахнута. Редвинтер скрючился на полу, закрыв лицо руками. Рядом с ним стоял сержант Ликон.

— Идите сюда! — позвал Малеверер.

Я неохотно подошел к открытым дверям. Барак не отставал ни на шаг. Несмотря на охватившую меня тревогу, мне было приятно убедиться, что он не лишает меня своей поддержки.

Каюта арестанта значительно превосходила мою размерами; между двумя койками, привинченными к полу у противоположных стен, оставалось свободное пространство. В этом пространстве и висел Бродерик, голый до пояса. Из его рубашки была вырвана широкая полоса, одним концом прикрепленная к потолочной балке. Другой ее конец обвивался вокруг шеи узника. Он был мертв, тело его слегка покачивалось, и цепи, сковывавшие исхудалые руки и ноги, тихонько звенели. Ступни не доставали до пола всего два-три дюйма. Будь он немного выше, ему не удалось бы лишиться себя жизни. Глаза его были закрыты, голова склонена набок под неестественным углом.

— Господи боже, — пробормотал я, поспешно отводя взгляд от впалой груди, покрытой следами ожогов. — Но как он...

— Солдаты пьянствовали на посту, — бросил Малеверер. — Сержант Ликон привел их ко мне, я послал их проспаться. Эти чертовы каналы дорого заплатят за свое пьянство. Вечером около арестанта остались только Ликон и Редвинтер. Позднее Ликон отправился ко мне — надо было решить, как наказать этих распоясавшихся ублюдков. А когда он вернулся, Редвинтер валялся на полу у койки. Если верить Редвинтеру, в дверь постучали. Он выглянул, но никого не увидел. А в следующее мгновение кто-то оглушил его ударом сзади. Потом неизвестный вытащил ключи у него из кармана, освободил Бродерика от цепи и убил его.

Малеверер подошел к Редвинтеру, который глядел на него снизу вверх. Испуг и растерянность смягчили обычно непроницаемое лицо тюремщика, и в первый раз за все время нашего знакомства он показался мне человеком, а не порождением ада.

— Бродерик не мог повеситься сам? — спросил я.

— Не мог, — отрезал Малеверер.

Он едва не задыхался от ярости.

«Разумеется, утрата столь важного арестанта будет иметь для него самые нежелательные последствия», — пронеслось у меня в голове.

— Посмотрите на его руки, они же скованы. И длина цепи между наручниками — не более шести дюймов. Наручники не снимали с Бродерика никогда, именно для того, чтобы предотвратить попытку самоубийства. Так что тут не обошлось без помощника. Он разорвал рубашку арестанта, привязал конец к перекладине, помог Бродерику забраться на койку и набросил петлю ему на шею. А потом Бродерик спрыгнул с койки.

— Понятно, — пробормотал я и с усилием вновь перевел взгляд на мертвеца.

— Помощник потянул Бродерика за ноги, чтобы сломать ему шею и избавить от долгих мучений, — продолжал Малевеверер. — Проклятые заговорщики все же оказались хитрее нас. Бродерик добился своего.

Я не сводил глаз с лица узника. После смерти оно приобрело умиротворенное, безмятежное выражение, которого не знало при жизни.

«По крайней мере, Бродерик навсегда избавился от всех нас», — подумал я.

— Не сомневаюсь, что все рассказы Редвинтера — это чушь собачья, — заявил Малевеверер, зыркнув в сторону понурого тюремщика. — Как я могу поверить, что его ударили, если на голове у него ни единой отметины. Эй, вы! — обратился он к Редвинтеру. — С этой минуты вы арестованы за убийство заключенного. И можете не сомневаться, по прибытии в Лондон мы сумеем выяснить, из каких соображений вы это сделали.

Редвинтер уставился на него, словно ушам своим не веря. С губ его сорвался жуткий звук, нечто среднее между стоном и скрежетом зубным.

— Посадите этого негодяя под замок и уберите тело, — обернулся Малевеверер к сержанту Ликону. — Богом клянусь, вы тоже виноваты в случившемся. Вы и ваши разгильдяи. И в Лондоне всех вас ждет наказание. Вот так-то! — прошипел он, вперив взгляд в меня. — Отличная возможность выведать все о планах заговорщиков упущена. Идемте отсюда!

У меня не было ни малейших сомнений в том, что Редвинтер не имеет отношения к смерти арестанта. Малевевереру просто-напросто нужен был козел отпущения, и он нашел его.

Внезапная догадка заставила мое сердце судорожно заколотиться под ребрами. Разумеется, тогда, в королевском особняке, мне нанесла удар вовсе не Дженнет Марлин. Тот, кто сделал это, находится здесь, на корабле.

Это он помог Бродерику умереть.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

На следующее утро на нас обрушилось ненастье — дождь, ветер и шторм, из-за которого пассажиры заблевали всю палубу. После полудня дождь прекратился, я поднялся наверх и, сидя на скамье в одиночестве, озирал бесконечные свинцово-серые просторы Северного моря. Огромные волны, увенчанные белыми пенными гребнями, набегали одна за другой; небо имело в точности такой же свинцовый оттенок, как и море. Я наблюдал за чайками, кружившимися над водой, и размышлял о том, как им удастся выжить посреди разгула стихии.

Я чувствовал, что мне необходимо побыть в одиночестве. Смерть Бродерика и арест Редвинтера породили на судне атмосферу тягостного беспокойства, которая угнетающе действовала на всех его обитателей. Перед мысленным взором упорно всплывало лицо мертвого Бродерика, спокойное, безучастное.

«Как-то примет его Господь?» — вздохнул я про себя.

Самоубийство — великий грех, но Бродерик был осужден на смерть и хотел лишь избежать невыносимых мук. И я, хотя и против собственного желания, оказался среди тех, кто заставил его искать смерти как величайшего блага. А ведь симпатия, которую возбуждал во мне Бродерик, подчас граничила с восхищением. Хотя люди, одержимые одной идеей и готовые ради нее на любые крайности, неизменно меня отпугивали.

Окинув взглядом палубу, я заметил в дальнем ее конце капитана, отдававшего матросам какие-то распоряжения. Все они показались мне встревоженными.

«Вдруг на корабле что-то не так?» — пронеслось у меня в голове.

Тут из люка показался Барак, как и я, закутанный в теплый плащ. Хватаясь за перила, он поднялся наверх, сделал несколько неуверенных шагов по качающейся палубе и опустился на скамью рядом со мной.

— Как себя чувствует мастер Ренн? — спросил он.

— Сегодня он не вставал с постели. Сказал, что у него ничего не болит и он просто хочет полежать. Но я-то вижу, что он слабеет с каждым днем. Боюсь, путешествие оказалось для него слишком тяжелым.

— Но он сам хотел поехать в Лондон во что бы то ни стало, — вздохнул Барак. — Бедный старикан. Увы, мы ничем не можем ему помочь.

Некоторое время мы оба молчали.

— Я слышал, корабельный руль не в порядке, — сообщил Барак,

взглянув на капитана, который широкими шагами расхаживал по палубе. — Вроде бы сломался какой-то важный болт.

— Это серьезная поломка? — встревожился я.

— Серьезная не серьезная, а в открытом море руль не починишь, — пожал плечами Барак. — Нам придется зайти в Ипсвич. Путь до этого порта занял куда больше времени, чем обычно, хотя ветер был попутный. Матросы окончательно уверились в том, что во время этого плавания все идет наперекосяк. Говорят, виной всему дурные приметы.

— Матросы — самый суеверный народ на свете. Кстати, вы не помните, какое сегодня число? Я окончательно сбился со счета.

— Двадцать второе октября. Мы вышли в море семь дней назад. Матросы говорят, Рич просто рвет и мечет. В Ипсвиче он намеревается сойти на берег и ехать в Лондон верхом.

— Если мы дальше будем плыть с такой скоростью, король окажется в Лондоне прежде нас. Хотя сейчас, после смерти Бродерика, это не имеет никакого значения.

Барак молча кивнул, глядя на дождь брызг, которым осыпала палубу разбившаяся о борт волна.

— Я очень вам признателен, — сказал я, — за то, что прошлой ночью не оставили меня без поддержки.

— Не стоит благодарностей, — ухмыльнулся Барак.

— А как дела у Тамазин? — неуверенно осведомился я.

— Прекрасно, — кивнул Джек и, повернувшись, впери́л в меня пристальный взгляд. — Я посоветовал ей прекратить проливать слезы по Дженнет Марлин. Напомнил, что эта дамочка, несмотря на все свои прекрасные душевные качества, была убийцей. Объяснил, что вы не можете горевать о ее смерти, потому что в противном случае она отправила бы вас на тот свет. А еще сказал, что милейшая мистрис Марлин без всякого сожаления расправилась бы с самой Тамазин. Если бы это было нужно для спасения ее ненаглядного жениха.

— В этом можно не сомневаться, — подхватил я.

— Тамазин рано осталась сиротой, и с малых лет ей приходилось самой о себе заботиться, — продолжал мой помощник. — Неудивительно, что она так прикипела душой к Дженнет Марлин. А также к мысли о том, что ее неведомый отец самых что ни на есть благородных кровей. Так что, если выяснится, что папаша не отвечает ее ожиданиям, мне придется держать ее в неведении.

— Даже если ее предположения справедливы, этот благородный отец, скорее всего, знать не захочет дочь, которую нагуляла от него придворная

швея.

— Что верно, то верно. Наверняка он и думать забыл о том, как двадцать лет назад немного позабавился с мамашей Тамазин. Но в любом случае я не хочу причинять ей боль, — сказал Барак с неожиданной серьезностью. — А еще... я сожалею о том, что наговорил вам тогда, в Халле, — добавил он, сосредоточенно разглядывая носки собственных сапог.

— Не будем об этом вспоминать. Мы с вами слишком долго прожили бок о бок, только и всего.

На ум мне пришли четки Тамазин. Но мир, восстановившийся между мной и Баракком, был еще слишком хрупок, и неуместное замечание могло нарушить его вновь.

— Думаю, едва мы прибудем в Лондон, старину Редвинтера отправят в Тауэр, — заметил Джек.

— Да. Его подвергнут допросу.

— Допросу с пристрастием, который ожидал Бродерика?

— Возможно. Но я не верю, что заключенного убил Редвинтер. Малеверер набросился на первого, кто попался ему под горячую руку. Соображения здравого смысла ему неведомы. Словно лошадь в шорах, он видит лишь то, что у него перед носом.

— Но все обстоятельства против Редвинтера. Он все время был рядом с Бродериком. К тому же он говорит, что его ударили по голове, а никакого следа от удара не осталось.

— Можно оглушить человека, и при этом у него не останется даже синяка. Есть одно обстоятельство, которое перевешивает все прочие. У Редвинтера не было никакой причины убивать Бродерика. Зачем ему поступать во вред самому себе?

— Малеверер полагает, что Редвинтер лишился рассудка.

— Да. Отчасти это произошло по моей вине, — вздохнул я.

После того как тело Бродерика унесли, Малеверер, кипя злобой, принялся донимать расспросами меня и сержанта. Ликон припомнил мои слова о безумии Редвинтера, и Малеверер сразу за них ухватился. У него было объяснение дикому поступку Редвинтера — тюремщик, над которым поставили старшего, не вынес обиды и повредился в уме. Желая доказать свою власть над заключенным, он убил его. Напрасно я утверждал, что безумие Редвинтера совсем другого рода и убивать узника он не стал бы ни за что на свете. Малеверер, как обычно, остался глух к доводам, опровергающим удобную для него версию.

— Помимо ваших слов, у Малеверера есть и другие причины

подозревать Редвинтера в безумии, — заметил Барак. — Я слышал, тюремщик, превратившись в заключенного, впал в настоящее буйство. Он буквально лезет на стены каюты, визжит, вопит и призывает кары небесные на голову Малевевера. А в голове безумца могут родиться самые невероятные замыслы.

— Все это не убеждает меня в его виновности. Помимо всего прочего, он не справился бы в одиночку. Ему Бродерик оказал бы сопротивление.

— Вероятно, он оглушил беднягу, а потом сунул его в петлю.

— Я убежден — даже в припадке безумия Редвинтер не стал бы убивать заключенного, — покачал я головой. — Если хотите, я могу поделиться с вами своими предположениями относительно того, что произошло.

— Сделайте милость.

— Когда я в последний раз говорил с Бродериком, он поразил меня своим спокойствием. Может статься, некий неведомый сообщник ухитрился поговорить с ним и узнать, остается ли в силе намерение Бродерика лишить себя жизни. А также предложить свою помощь в осуществлении этого намерения.

Барак лишь недоверчиво присвистнул.

— Пока сержант Ликон распекал пьяных солдат, сообщник выжидал в своей каюте, — продолжал я. — Как только все трое удалились, он выскочил в коридор и, в полном соответствии с рассказом Редвинтера, постучал в дверь, оглушил тюремщика ударом по голове и...

— Вытащил у него из кармана ключи, освободил Бродерика от цепи, помог ему сунуть голову в петлю и повис у него на ногах, чтобы тот долго не мучился, — подхватил Барак.

— Именно так.

Барак устремил взгляд на угрюмое холодное море за кормой.

— Неужели Бродерик добровольно выбрал такую ужасную смерть? — пробормотал он. — Для этого требуется немало мужества.

— Мы уже имели случай убедиться в мужестве этого человека.

Проследив за взглядом Барака, я понял, о чем он думает. Свинцовые волны поглотили тело Бродерика, по морскому обычаю выброшенное за борт. На этом настоял капитан, утверждавший, что покойник на корабле приносит несчастье. Капитан произнес над мертвецом, завернутым в простыню, слова заупокойной молитвы, а затем бранные останки молодого мятежника, глухо ударившись о воду, навсегда исчезли в морской пучине.

— Значит, Бродерику помог умереть кто-то из пассажиров? — спросил Барак.

— Несомненно. Думаю, они были знакомы прежде.

— Вы подозреваете, именно неведомый помощник Бродерика огрел вас по голове в аббатстве Святой Марии?

— Скорее всего, так оно и есть.

Я вкратце передал Бараку свой последний разговор с Бродериком.

— Судя по всему, он знал, кто ударил меня и похитил документы. По крайней мере, он даже не считал нужным этого отрицать. Что до перемены в его настроении, она просто бросалась в глаза. Говорю вам, никогда еще он не был таким спокойным. Раньше, несмотря на всю его браваду, я ощущал, что он боится предстоящих ему мучений. Нынче же этот страх исчез. Думаю, он был уверен в том, что сумеет избежать пыток.

— Но у неведомого сообщника не было никакой возможности поговорить с заключенным. Солдаты и Редвинтер не оставляли его на ни минуточку.

— Это единственная загадка, которую я пока не могу разрешить.

— Ас Малевверером вы поделились своими предположениями?

— Лучше бы я этого не делал. Он лишь поднял меня на смех и заявил, что я тоже повредился в рассудке. Мои предположения ему не нужны, у него ведь уже есть козел отпущения. И он надеется, свалив всю вину на Редвинтера, выйти сухим из воды. Но скорее всего, надежды его не оправдаются. Слишком много просчетов он совершил: упустил сначала важные документы, затем заключенного, на показания которого рассчитывал сам король. Вряд ли он дождетя за это похвалы, — усмехнулся я. — Несомненно, над его карьерой нависла серьезная угроза, и он сам это сознает. Впрочем, с его способностями головокружительной карьеры не сделаешь. Ум и проницательность необходимы даже вельможе, а в распоряжении Малевверера — только напор и грубость.

— Этим он отличается от лорда Кромвеля.

— Да, подобного сравнения он не выдерживает. Как я уже сказал, Малевверер — из тех, кто не видит дальше собственного носа.

Некоторое время мы оба молчали.

— А вам, значит, мои предположения тоже не представляются убедительными? — спросил я наконец.

— Сам не знаю, — пожал плечами Барак. — Если вы правы, подозревать можно любого из пассажиров. И даже любого из членов команды.

— Да, это мог сделать каждый, — кивнул я.

— Прошлым вечером, накануне смерти Бродерика, я видел на палубе Рича, — заметил я, немного помешкав. — Проходя мимо меня, он улыбнулся своей гнусной улыбкой, от которой мороз по коже пробирался.

— Но разве у Рича была причина убивать Бродерика? Зачем ему досаждают королю, лишая его возможности услышать откровения столь важного заговорщика?

— Им могли двигать соображения, о которых мы не имеем даже самого отдаленного понятия, — изрек я.

— Хорошо еще здесь нет этой старой карги, леди Рочфорд, — усмехнулся Барак. — А то и ее пришлось бы подозревать.

— А как же иначе, — согласился я.

Внезапная мысль заставила меня прикусить губу.

— На корабле есть человек, у которого была прекрасная возможность обсудить с Бродериком его намерения и помочь ему умереть, — пробормотал я. — Этот человек родом из Кента.

— Вы говорите о сержанте Ликоне? — В голосе Барака звучало откровенное изумление.

— Может статься, этот парень вовсе не так простодушен, как кажется. С тех пор как старый законник из Халла рассказал мне историю о Сесиль Невиль и лучнике, я все время думаю о том, как сложилась судьба этого малого по фамилии Блейбурн. Судя по всему, приехав из Франции, он вернулся на свою родину, в Кент. Возможно, у него была семья, жена и дети. Знали ли они о его прошлом? Я полагаю, признание, которое Блейбурн сделал на смертном одре, долгое время хранилось у его родных. И лишь перед самым восстанием документ доставили в Лондон, а потом в Йорк.

— Ну, и при чем здесь сержант Ликон? — возразил Барак. — Уж кто-кто, а он совершенно не похож на убийцу.

— Я и не говорю, что он убийца. Тот, кто ударил меня по голове, возможно, вовсе не собирался меня убивать. А Бродерик, как вы сами знаете, был давно одержим желанием лишиться себя жизни. И тот, кто ему помог, лишь избавил осужденного на смерть от лишних мучений. Ликон вполне мог оглушить Редвинтера, помочь Бродерику повеситься и лишь затем отправиться к Малевверу. Что до пьяных солдат, не исключено, сержант сам подсунул им флягу с пивом.

— Вроде все сходится, — выдохнул Барак. — Но...

— Знаю, что вы хотите сказать. Этот славный парень совершенно не похож на заговорщика. Я тоже проникся к нему симпатией. И чувствовал свою вину перед ним и его родителями, которые лишились своей фермы без моего участия. Я даже предложил ему добиться повторного рассмотрения тяжбы.

— А кто сейчас охраняет Редвинтера? — после недолгого раздумья

спросил Барак. — Сержант Ликон?

— Да.

— Вам надо сообщить о своих подозрениях.

— Малеверер меня и слушать не станет, — возразил я. — Он уже нашел виноватого.

— И все же вы должны с ним поговорить.

— Может, вы и правы, — вздохнул я. — Но боюсь, чаша терпения Малеверера скоро переполнится и он обрушит на мою несчастную голову громы и молнии.

Некоторое время мы молча наблюдали за волнами, которые с шумом разбивались о борт, орошая палубу дождем брызг. Потом до нас донесся голос с высокой мачты:

— Земля!

В Ипсвиче, милом маленьком городке, мы провели четыре дня. Неполладки с рулем оказались серьезными, и устранить их было не просто. Пока корабль находился в доке, мы переселились на постоянный двор. Джайлс оставил всякие попытки казаться бодрым и крепким; целыми днями он лежал в постели с посеревшим от боли лицом и на все вопросы отвечал коротко и неохотно.

Я внял совету Барака и отправился побеседовать с Малеверером. Он остановился в лучшей городской таверне, превратив одну из комнат в кабинет. Неведомо где ему удалось раздобыть письменный стол, на котором тут же выросла гора бумаг. Когда я вошел, сэр Уильям что-то писал. Вид у него был утомленный, даже багровый румянец на щеках потускнел. По своему обыкновению, он встретил меня до крайности неприветливо.

— Я занят, мастер Шардлейк, — буркнул он, сдвинув брови. — Необходимо подготовить подробный доклад для Тайного совета.

— Постараюсь не злоупотреблять вашим вниманием, сэр Уильям. Но в голову мне пришли кое-какие соображения относительно смерти Бродерика, и я решил сообщить их вам.

Малеверер испустил тяжкий вздох, однако отложил перо.

— Ну?

Когда я изложил свои подозрения относительно Ликона, на лице Малеверера выразилась величайшая досада.

— И когда вам только надоест плести ерунду! Ликон мог давным-давно убить Бродерика. Зачем ему было ждать, пока мы выйдем в море? — процедил он.

— На самом деле выбрать удобный случай сержанту было не так просто, — возразил я. — Он редко оставался с заключенным наедине.

Рядом постоянно находился Редвинтер и солдаты. Подходящая возможность ему подвернулась лишь на корабле.

— Единственная вина Ликона в том, что он недоглядел за своими олухами и позволил им напиться, — отрезал Малеверер. — Я сообщу об этом в своем докладе, и сержант понесет наказание. Но какого черта ему убивать Бродерика?

— Это мне не известно, сэр Уильям. Я знаю лишь, что при желании он мог это сделать. К тому же он родом из Кента. Помните, что я рассказывал вам о Блейбурне?

— Ради всего святого, не упоминайте этого имени. Как говорится, и стены имеют уши. Я приказал вам выбросить все это из головы. А вы, я вижу, никак не можете успокоиться.

— Простите, сэр Уильям, но я действительно не могу не думать о том, что узнал. Вполне вероятно, признание, которое я начал читать, хранилось у кого-то из потомков Блейбурна и...

— Хватит с меня ваших измышлений! — перебил Малеверер. — Тем более все они построены на пустом месте. К вашему сведению, большинство солдат, сопровождавших короля во время путешествия, родом из Кента. Сержант Ликон служит уже пять лет и проявил себя с наилучшей стороны. За исключением недавнего промаха, за ним не числится никаких нареканий.

— А разве не странно, что столь безупречный служака проявил досадную беспечность именно сейчас? Это само по себе наводит на подозрения.

— Похоже, подозрительность превратилась у вас в настоящую манию. Не иначе, тому виной все эти покушения на вашу драгоценную жизнь. Вы так перетрусил, что в каждом готовы видеть преступника. И что самое печальное, имеее наглость досаждать мне своими бреднями.

Малеверер широким жестом указал на дверь:

— Проваливайте! И не вздумайте являться ко мне вновь.

После того как мы оставили Ипсвич, дурные приметы, судя по всему, утратили свою силу. По крайней мере, плавание продолжалось без всяких приключений, и через четыре дня, первого ноября, мы вошли в Темзу. Стоя у перил, я наблюдал, как корабль разрезает носом спокойные воды дельты. Берега тонули в туманной дымке. Подобно всем прочим пассажирам, я устал, продрог и хотел лишь одного — скорее спуститься на землю. Вскоре в тумане начали вырисовываться контуры лондонских зданий, над которыми возвышался мрачный силуэт Тауэра. Корабль быстро шел по направлению к порту Биллинггейт.

Барак и Тамазин, поднявшись на палубу, остановились рядом со мной. Тамазин взглянула на меня с некоторым смущением. Я ответил ей улыбкой, ибо не имел ни малейшего желания усугублять возникшую меж нами неприязнь.

— По какому поводу такой трезвон? — спросил Барак.

И действительно, колокола во всех городских церквях выводили свои песни.

— Говорят, в честь королевы Кэтрин, — откликнулась Тамазин. — Сегодня король приказал отслужить торжественные службы во всех церквях. Он хочет поблагодарить Бога за то, что тот послал ему наконец хорошую жену.

— Лучше не бывает, — едва слышно произнес Барак.

— Пусть король и его супруга разбираются между собой сами, — так же тихо сказал я. — А нам лучше обо всем забыть. И заняться делами, которые ждут нас в Лондоне.

— Ох, неужели мы наконец вернулись в Лондон? — протянула Тамазин. — Последние полтора месяца я только об этом и мечтала.

— Как и все мы, — кивнул я. — Мне надо спуститься вниз, к мастеру Ренну. Сказать ему, что Лондон уже виден.

Спустившись по лестнице, я открыл дверь каюты Джайлса. Как и всегда в последнее время, он лежал, погрузившись в дрему. Приход мой разбудил его. Он открыл глаза и поглядел на меня с печальной улыбкой.

— Мы почти прибыли, — сообщил я.

— Знаю. Я слышал крики матросов. — Джайлс испустил вздох и произнес: — Итак, добрался до Лондона.

— Как вы себя чувствуете?

— Неплохо. Сейчас я встану.

— Когда мы окажемся у меня дома, вы должны будете отдохнуть в течение нескольких дней. А мы с Бараком тем временем сходим в Грейс-Инн и наведем справки относительно вашего племянника.

— А может, не стоит спешить? — возразил Джайлс. — Если вы не против, подождите, пока я смогу составить вам компанию. Видите ли, мне не хочется, чтобы племянника привели к одру немощного старика, — произнес он с неловким смехом. — Будет намного лучше, если я во время нашей встречи буду твердо стоять на ногах.

— Мы поступим так, как вы того хотите, Джайлс. Уверен, вы вскоре окрепнете. Я попрошу моего старого друга Гая осмотреть вас. Он аптекарь, но заткнет за пояс любого доктора.

— Это тот испанский мавр, о котором вы рассказывали?

— Он самый. Уж конечно, он найдет средство, которое придаст вам сил и избавит от боли. А я сделаю все, чтобы вам у меня было хорошо. Джоан, моя домоправительница, — добрейшее существо на свете. Она еще надоест вам своими заботами.

Сердце мое радостно сжалось, предчувствуя возвращение домой.

«Первое, что я сделаю, — займусь делом Билкнэпа», — пообещал я себе.

— Вы так добры ко мне, — тихо произнес Джайлс. — Словно родной мой сын.

Я ничего не ответил, лишь сжал его руку.

— Собирайтесь и выходите на палубу. Мы будем ждать вас там.

Поднявшись на палубу, я увидел большую лодку, которая покачивалась на воде у самой пристани. В лодке сидело с полдюжины солдат, вооруженных пиками. Конвой, который доставит Редвинтера в Тауэр, догадался я.

На палубу вышел Джайлс.

— Вот мы и в Лондоне, — произнес он, подходя к перилам. — Я и позабыл, какой он громадный.

— Да уж, настоящий людской муравейник, — кивнул Барак. — Говорят, каждый год сюда перебирается не меньше тысячи человек.

— Джек знает город как свои пять пальцев, сэр, — с гордостью вставила Тамазин. — Он покажет вам все, что здесь стоит посмотреть.

— Надеюсь, мистрис, вы тоже составите нам компанию, — галантно заявил Джайлс. — Мне будет приятно пройтись по улицам столицы в обществе столь очаровательной молодой особы.

Корабль бросил якорь. Наши спутники, за время пути утратившие весь свой лоск, толпились у трапа. Могучая фигура Малевевера возвышалась в толпе.

На палубе появился сержант Ликон. Следом за ним двое солдат вывели Редвинтера. Одежда арестованного, прежде столь безупречная, была измята, лицо покрывала щетина, волосы и борода свалялись. Руки и ноги были закованы в кандалы — возможно, те самые, что прежде носил Бродерик. Он шел понуриив голову, словно смирившись со своей участью.

Солдаты подтолкнули его к трапу. Стоило Редвинтеру сойти на пристань, его окружили стражники, успевшие высадиться из своей лодки.

Один из матросов махнул рукой, призывая оставшихся пассажиров высаживаться на берег. Ступив на пристань, я едва не потерял равновесие, ибо за долгое плавание отвык ходить по твердой земле. К счастью, Тамазин и Барак успели меня подхватить.

— Меня тоже шатает, — сообщил Барак. — Вот уж не думал, что разгуливать по земле так трудно.

Я почувствовал, как чья-то рука сжала мое плечо, и обернулся, полагая, что кто-то еще поспешил мне на помощь.

— Все в порядке, я...

Слова замерли у меня на губах, ибо я встретил взгляд сержанта Ликона, непроницаемый и суровый. Хватка его стала жестче. Три солдата с пиками окружили нас, отеснив Барака и Тамазин.

— Вам придется пройти с нами, мастер Шардлейк, — отчеканил сержант.

— Но что... В чем дело? — нахмурился я.

— Вы арестованы, сэр. По подозрению в государственной измене.

Джайлс выступил вперед.

— В государственной измене? — возмущенно переспросил он. — Но это какая-то ошибка.

— Никакой ошибки, сэр, — отрезал сержант. — У солдат, прибывших за Редвинтером, есть приказ об аресте мастера Шардлейка.

— Покажите мне этот приказ, — непререкаемым тоном заявил Джайлс. — Я законник и разберусь, что к чему.

Ликон не стал возражать. Достав из кармана листок бумаги, он протянул его Джайлсу. Друг мой пробежал строчки взглядом, и глаза его расширились от изумления. Дрогнувшей рукой он передал листок мне. Да, это действительно был приказ о моем аресте, подписанный архиепископом Кранмером.

— И какое же преступление мне приписывают? — спросил я, чувствуя, что язык отказывается подчиняться, а колени предательски дрожат.

— Вам сообщат об этом в Тауэре.

— Какой там Тауэр! — возопил Барак, схватив Ликона за руку. — Вы все с ума посходили! Архиепископ Кранмер...

Один из солдат толкнул Барака в грудь, и тот со сдавленным криком рухнул на доски причала. Прежде чем он успел подняться, меня увлекли прочь.

— Выясните, что произошло, Джек! — крикнул я, обернувшись.

— Мы не оставим вас в беде! — крикнула в ответ подбежавшая к Бараку Тамазин.

Лицо Джайлса, провожавшего меня глазами, помертвело от ужаса. В некотором отдалении я заметил придворных, которые с любопытством наблюдали за разыгравшейся сценой. Взгляд мой встретился со взглядом Малевера. Он многозначительно вскинул брови и растянул губы в

злорадной улыбке. Вне всякого сомнения, арест мой не стал для него неожиданностью.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Солдаты отвели меня и Редвинтера в дальний конец причала, где качалась на волнах большая весельная лодка. Ликона среди стражников не было; как ни странно, сознание того, что я оказался в руках совершенно незнакомых людей, подействовало на меня особенно угнетающе. Солдаты подтолкнули меня к ступенькам, покрытым зеленой слизью; спускаясь, я поскользнулся и, не подхвати меня один из стражников, неминуемо свалился бы в воду.

Меня усадили на скамью рядом с Редвинтером; лодка двинулась на середину широкой реки. Я не сводил глаз с причала, где застыли три фигуры — Барак, Тамазин и Джайлс. Увы, они ничем не могли мне помочь.

Лодки, которыми, по обыкновению, кишела Темза, поспешно уступали нам дорогу, ибо красные мундиры солдат наводили на всех страх. Мы поравнялись с небольшим яликом; пассажир его, дородный олдермен, бросил на нас с Редвинтером выразительный взгляд, в котором испуг мешался с сочувствием. Я прекрасно понимал, какие мысли овладели этим человеком.

«На месте этих бедолаг мог оказаться я», — наверняка подумал он.

Мрачный образ Тауэра маячил в сознании каждого жителя Лондона, в городе не было человека, который не опасался бы внезапного ареста. Вот уже и я, не чувствуя за собой никакой вины, могу оказаться в холодных застенках.

«Впрочем, разве для моего ареста нет оснований?» — с содроганием возразил я сам себе.

Слишком много тайн я узнал в последнее время, опасных тайн, способных потрясти самые основы королевской власти. То, что я проник в эти тайны против собственного желания, ничуть не облегчит моей участи. Те, кто призван охранять государственные устои, всеми возможными способами постараются развязать мне язык. Но кто донес на меня, вот в чем вопрос. Дряхлый старик Сванн, законник из Халла, разумеется, ни при чем. Помимо него лишь Бараку известно, как далеко простирается моя осведомленность. Но что, если он пустился в откровенности с Тамазин? Неужели она решила меня погубить? При этой мысли во рту у меня пересохло, и я судорожно сглотнул. Редвинтер, сидевший рядом со мной на скамье, смотрел вперед невидящим взглядом; от неистовства, которое описывал Барак, не осталось и следа. Начался дождь, я ощутил на лице

холодные капли.

Путешествие оказалось коротким; внезапно перед нами возникли серые стены Тауэра. Был час отлива, и вода, отступив, открыла нижнюю их часть, поросшую темно-зеленым илом. Сердце мое едва не выскакивало из груди, когда тяжелая решетка, поднявшись, пропустила нас в так называемые ворота Изменников.

«Когда-то таким же путем в крепость доставили Анну Болейн», — пронеслось у меня в голове.

Анна Болейн, Анна Болейн... Имя это упорно крутилось в мозгу. Конец опальной королевы был мне слишком хорошо известен, ибо по приказу Кромвеля я присутствовал на казни и собственными глазами видел, как голова ее отделилась от хрупкой шеи. Это было пять лет назад, прекрасным весенним днем.

— Выходите!

Лодка ударилась бортом о каменные ступени. Солдаты схватили меня за обе руки и потащили наверх. Оглядевшись по сторонам, я узнал Зеленую башню, над которой с криком носилось воронье. Именно там когда-то встретила свою смерть Анна Болейн. В отдалении возвышался громоздкий силуэт Белой башни. Дождь припустил сильнее.

— Пустите меня! — раздался голос Редвинтера, который, похоже, вышел из оцепенения. — Куда вы меня ведете? Я ни в чем не виноват.

Он попытался вырваться, но с солдатами было не так легко совладать. Вопли арестанта они, казалось, пропустили мимо ушей.

«Да, Редвинтер ни в чем не виноват, — вздохнул я про себя. — Так же, как и я. Так же, как и Анна Болейн. Так же, как и Маргарет Солсбери, которую казнили минувшей весной».

Увы, сознание своей невиновности отнюдь не спасает тех, кто оказался в этом жутком месте.

— Наверх!

Солдаты, обращаясь к нам, отделялись лишь короткими командами. Поднимаясь по лестнице, я снова едва не упал, ибо все еще плохо владел отвыкшими от земной тверди ногами.

— Ждать здесь!

Мы остановились на тропе. Солдаты окружили нас, держа копья в полной боевой готовности. Дождевые капли барабанили по их железным нагрудникам и шлемам. Мимо, склонив голову под дождем, прошел какой-то чиновник. Он взглянул на нас без особого интереса.

«Очередное пополнение», — читалось в его равнодушном взгляде.

Прибытие новых арестантов было здесь самым обычным делом.

«А если отец мой сейчас видит с небес, до чего дошел его сын?» Мысль эта пронзила меня жгучим стыдом, который на несколько мгновений вытеснил страх.

Из Белой башни вышел какой-то человек и направился напрямиком к нам. На нем была шляпа с широкими полями и отороченный мехом плащ. Шествовал он медленно и важно, не обращая внимания на дождь. Когда он приблизился, солдаты отдали ему честь. Я разглядел, что человеку этому, высокому и сухопарому, далеко за тридцать. Лицо его обрамляла холеная светлая борода. Один из солдат передал ему два документа — вне всякого сомнения, постановления об аресте. Чиновник смерил пронзительным изучающим взглядом сначала Редвинтера, потом меня.

— Кто из них кто? — вполголоса осведомился он.

— Горбун — Шардлейк, — сказал один из солдат, указав на меня. — А другой — Редвинтер, сэр Джейкоб.

— Отведите их обоих в башню, — распорядился сэр Джейкоб и, резко повернувшись, пошел прочь.

Солдаты повели нас через лужайку. Вороны кружили над нашими головами.

По широкой лестнице мы поднялись в Белую башню, прошли через просторный сводчатый холл, где караульные солдаты развлекались игрой в кости и карты.

«Должно быть, многие из них сопровождали короля во время путешествия, — думал я, глядя на их безучастные лица. — Может статься, кто-нибудь даже присутствовал на церемонии в Фулфорде».

Прежде мне не раз доводилось бывать в Тауэре по делам, и потому я быстро догадался, что нас ведут в подземелье. При виде освещенной факелами винтовой лестницы, спускавшейся глубоко вниз, сердце мое ушло в пятки, голова закружилась. Окружавшие нас стены блестели от сырости, ибо находились ниже уровня воды. Наконец мы оказались в самом низу, у тяжелой двери с зарешеченным окошком. В точности такой же путь я проделал четыре года назад, намереваясь побеседовать с одним из заключенных. Тогда я был поглощен размышлениями о предстоящем разговоре, и подземная темница не произвела на меня особо устрашающего впечатления.

Сэр Джейкоб постучал в дверь. Раздалось звяканье ключей, и дверь распахнулась, пропуская нас внутрь. Затем она со скрежетом захлопнулась, и я ощутил себя отрезанным от всего мира, абсолютно беспомощным и беззащитным.

Мы оказались в плохо освещенном закутке с каменными стенами и

каменным полом. Было холодно и очень сыро. Посредине стоял стол, придававший этому мрачному помещению до странности домашний вид. На столе горела свеча, в желтом круге света я различил множество бумаг. Надзиратель, который впустил нас внутрь, грузный детина с короткими сальными волосами, громко пыхтел у меня за спиной. Сэр Джейкоб взял со стола какой-то документ и пробежал его глазами.

— А, этот уже готов, — вполголоса изрек он. — Отведите Редвинтера в камеру номер девять. Закуйте в цепи и возвращайтесь. Кэфри здесь?

— Да, сэр Джейкоб.

— Приведите его с собой. А вы ступайте прочь, — обернулся он к солдатам.

Те повиновались. Грохот их шагов постепенно удалялся. Надзиратель взял Редвинтера за локоть и повел прочь по гулкому коридору. Тот не оказал ни малейшего сопротивления. Судя по всему, он вновь впал в оцепенение. Мы с чиновником остались наедине.

— Я — сэр Джейкоб Роулинг, второй смотритель Тауэра, — произнес он, впери в меня пронзительный взгляд. — Все это находится в моем ведении, — добавил он, неопределенным жестом указав по сторонам.

— Да, сэр, — выдохнул я, чувствуя, как могильный холод пробирает до костей.

— Весьма печально, когда человек, занимающий ваше положение, попадает сюда.

В голосе его звучал легкий оттенок упрёка, словно он был учителем, отчитывающим нерадивого ученика.

— Я не знаю, какова причина моего ареста, сэр, — пролепетал я.

Сэр Джейкоб, прикусив губу, молча сверлил меня взглядом.

— Причина имеет непосредственное отношение к королеве, — изрек он наконец.

Я удивленно заморгал. Значит, история Блейбурна здесь ни при чем. Но если это так, почему арестовали меня, а не Барака и Тамазин?

«Так или иначе, тайное стало явным, — подумал я с содроганием. — Меня обвинят в том, что я утаил правду, покрывая любовников. Малевверер наверняка обо всем знал».

— Разве неприятностей, которые выпали на вашу долю в Йорке, оказалось недостаточно? — осведомился сэр Джейкоб, и губы его вновь тронула улыбка снисходительного наставника.

Наставника, которого забавляет глупость нашкодившего мальчишки, вообразившего, что он может избежать наказания. Взгляд его, устремленный на меня, был полон неподдельного любопытства.

— Ваше имя прозвучало в этих стенах совсем недавно, — пояснил он. — Когда Бернард Лок висел на дыбе, мы спросили его, с какой целью его невеста покушалась на вашу жизнь.

Произнося слово «дыба», он не смаковал его, подобно Редвинтеру, не пытался подчеркнуть его жуткий смысл, подобно Малевереру. Нет, голос его звучал ровно и невозмутимо. Тем не менее в глазах у меня потемнело от страха.

— Я знаю, что Дженнет Марлин действовала по наущению Бернарда Лока, — выдавил я из себя.

— Нам известно, что вы хорошо осведомлены. Сэр Уильям упомянул об этом в своем докладе.

— Так меня арестовали по доносу сэра Уильяма?

— Да. Он сообщил, что вы злонамеренно скрывали важные обстоятельства, связанные с королевой и Франциском Деремом.

— Деремом? — повторил я, ушам своим не веря.

— Мастер Дерем состоит в преступных сношениях с королевой Кэтрин, — прищурившись, сообщил сэр Джейкоб. — Согласно донесению сэра Уильяма, вы знали об этом, однако сочли возможным скрыть.

Мозг мой пронзила догадка. Рич видел, как я выходил из шатра королевы. Потом, в Халле, он стал свидетелем столкновения между мной и Деремом. Скорее всего, секретарь королевы давно находился под подозрением. Возможно, следить за ним было поручено Малевереру. Рич рассказал Малевереру о том, что я каким-то образом связан с королевой и смазливый друг ее детства. И они вместе решили меня оклеветать. В результате человека, который знает так много, арестовали за сокрытие тайны, которая вовсе ему не известна.

— Дерем, — вновь пробормотал я.

— В ваших интересах оставить заперательства, Шардлейк.

Сэр Джейкоб говорил спокойно, почти доброжелательно.

Мудрый учитель пытался воззвать к благоразумию зарвавшегося ученика.

— Я покажу вам, что вас ожидает, если вы не проявите должной откровенности.

Произнеся это, сэр Джейкоб не двинулся с места. Он лишь буравил меня взглядом, но это утрашало сильнее, чем самые грозные орудия пыток. Я уже не мог скрыть дрожи, сотрясавшей все мое тело.

Послышалось звяканье ключей, и в комнату вошел грузный надзиратель в сопровождении рослого парня в кожаном переднике. В сумраке я различил, что передник покрывают темные пятна, но никак не мог понять,

кровь это или нет.

— Общайте его, — обернулся к надзирателю сэр Джейкоб.

Я сморщился, ощутив бесцеремонные прикосновения грубых рук. Надзиратель и его помощник вывернули мои карманы и обшарили каждую складку одежды. Они забрали кинжал, кошелек и печать Кранмера и положили все это на стол. Сэр Джейкоб взял в руки печать, осмотрел ее и пробурчал что-то нечленораздельное.

— Пожалуй, Шардлейку пора познакомиться с Бернардом Локом, — бросил он, обернувшись к зрителю.

Толстяк и его помощник вошли в одну из камер. Я с замиранием сердца ожидал встречи с Бернардом Локом, человеком, ради которого меня едва не отправили на тот свет.

Бернарда Лока не вывели, а вынесли в кресле. Он был без кандалов, ибо конечности отказывались ему повиноваться. Обе ноги безжизненно висели, так же как и правая рука; левой, неловко скрюченной, Лок цеплялся за подлокотник.

— Смотри не упади, приятель, — добродушно сказал надзиратель, когда они с помощником опустили кресло посреди закутка.

Лок низко склонил голову, и длинные грязные волосы, падавшие ему на лицо, не давали мне разглядеть его. Он беспрестанно издавал какой-то жалобный звук, нечто среднее между постаныванием и поскуливанием.

Сэр Джейкоб, подойдя к арестанту, схватил его за волосы и заставил поднять голову. Тот застонал громче. Я с ужасом увидел у него на лбу гноящийся ожог. А еще я с удивлением убедился, что Лок никак не мог считаться красавцем. Черты лица у него были тяжелые и грубые, глаза — неестественно выпуклые, как у жабы. Сейчас взгляд этих глаз был совершенно пуст. Лок словно не понимал, где он и что с ним происходит.

— Вот, мастер Лок, вы и подошли к самому концу своего преступного пути, — размеренно и невозмутимо произнес сэр Джейкоб. — Думаю, напоследок вам стоит познакомиться с мастером Шардлейком, вашим собратом по ремеслу. Кстати, именно его ваша невеста несколько раз пыталась убить. Возможно, вы что-нибудь хотите сказать ему?

Лок устремил на меня невидящий взгляд. Каждое движение явно доставляло ему боль.

— Ничего, — сорвалось с его губ.

— Зачем вы все это затеяли? — спросил я. — Зачем вы погубили эту безумную женщину? Ведь это вы толкнули ее на злодеяния, за которые она в конце концов поплатилась жизнью?

Лок не проронил ни слова. Он смотрел на меня без всякого интереса,

словно находился уже за пределами этого мира.

— Вы предали своих бывших сообщников и женщину, которая любила вас всей душой, — продолжал я.

Ответа вновь не последовало.

— А если бы замысел ваш осуществился, вы бы женились на Дженнет Марлин?

По причинам, непонятным мне самому, ответ на этот вопрос был для меня очень важен.

— Возможно, — едва ворочая языком, произнес Лок. Голос у него был сиплый и дребезжащий.

— Какое это сейчас имеет значение?

— А вы знакомы с барристером по имени Мартин Дейкин?

Я знал, что вопрос мой никоим образом не может повредить Дейкину. Если он и был связан с Локом, тот наверняка сообщил об этом под пытками.

В потухшем взгляде Лока на мгновение вспыхнули живые искорки.

— Да. Я знал Мартина.

Я заметил, что он говорит о себе в прошедшем времени, словно считает свою смерть свершившимся фактом. Губы его тронуло жалкое подобие улыбки.

— Дейкин ни в чем не замешан, — проронил он. — И ему ничего не угрожает.

— А кто такой этот Дейкин? — осведомился сэр Джейкоб.

— Племянник одного моего хорошего знакомого, — пояснил я. — Барристер из Грейс-Инна. Дядя давно потерял с ним связь, и я хочу помочь ему в поисках племянника.

— Полагаю, сейчас вам не стоит беспокоиться о чужих племянниках, — усмехнулся сэр Джейкоб. — У вас есть куда более существенные поводы для беспокойства.

Он сделал знак тюремщикам, и они, пыхтя от натуги, понесли Лока прочь.

— Ох, от такой работенки, того и гляди, кишки развяжутся, — проворчал молодой.

— Да уж, — буркнул толстяк. — С тобой чертовски много возни, приятель, — обратился он к Локу.

До меня донесся скрежет отпираемой двери и стон Лока, которого опустили на пол.

— Зачастую перед смертью злоумышленники испытывают такую боль, что она не дает им возможности осознать всю тяжесть содеянного и

достойно подготовиться к переходу в иной мир, — покачав головой, произнес сэр Джейкоб. — Что ж, Локу недолго осталось страдать. Завтра утром он лишится головы.

— Без всякого суда и приговора?

Сэр Джейкоб вперил в меня долгий взгляд, явно удивляясь подобной наивности.

— Полагаю, вы еще не вполне осознали, где находитесь, — проронил он. — Что ж, у вас будет время это сделать. Мы вернемся к нашему разговору позднее.

С этими словами он, более не обращая на меня ни малейшего внимания, сел за стол и погрузился в чтение бумаг. Мне оставалось лишь переминаясь с ноги на ногу, ожидая возвращения тюремщиков.

Я чувствовал, как поджилки мои трясутся, а мысли бешено скачут в голове. Так, значит, королева принимала ухаживания не только Калпепера, но и Дерема? Это казалось невероятным. Но в противном случае Кранмер не подписал бы приказ о моем аресте. Значит, о связи королевы с Калпепером пока ничего не известно. Что до Дерема, я, ничуть не покривив душой, буду отрицать свою осведомленность. Но ведь они наверняка мне не поверят и прибегнут к пыткам. А под пытками я выложу все, расскажу и о втором любовнике королевы, и о сомнительном происхождении короля. Даже Бродерик не полагался на собственную выносливость, а мне до него далеко. Ощувив всю безвыходность своего положения, я закрыл лицо руками и испустил сдавленный стон.

В коридоре раздались тяжелые шаги тюремщиков. Я отвел от лица дрожащие руки и увидел, что сэр Джейкоб неотрывно смотрит на меня. Во взгляде его светилось откровенное удовлетворение.

— Превосходно, — изрек он. — Думаю, он уже сделал нужные выводы. Поместите его вместе с Редвинтером.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Толстый тюремщик заставил меня подняться на один лестничный пролет, затем провел по узкому, тускло освещенному факелами коридору со множеством тяжелых дубовых дверей. Одну из них он отворил и дал мне такого толчка, что я, влетев в камеру, едва не растянулся на каменном полу.

Камера была очень длинной, низкий потолок нависал над самой головой. Кирпичные стены когда-то были побелены, но ныне сырость и плесень покрыли их затейливыми узорами. В дальнем конце камеры я увидел крошечное зарешеченное оконце, сквозь которое проглядывал клочок серого неба. До слуха моего доносился мерный шелест дождевых струй, барабанивших по поверхности реки. Всю обстановку камеры составляли две узкие железные койки, стоявшие на полу друг напротив друга. На одной из них, понуриив голову, сидел Редвинтер. Его руки и ноги были закованы в кандалы. При нашем появлении он даже не пошевелился.

— Садитесь! — скомандовал надзиратель, указав на вторую койку.

Я обессиленно рухнул на тонкий, насквозь отсыревший тюфяк. Одежда на койке не оказалось.

— Протяните руки, — последовал новый приказ. — Да побыстрее. Я не могу возиться с вами весь день.

Тюремщик говорил по-прежнему спокойно, почти добродушно, но, стоило мне взглянуть в его маленькие, заплывшие жиром глазки, я понял, что ему лучше не перечить. Как только я протянул руки, тюремщик извлек из-под кровати наручники и ловко закрепил их на моих запястьях. Затем нагнулся, столь же проворно сковал кандалами мои ноги и, отойдя на шаг, с довольной ухмылкой полюбовался своей работой.

— Вот и готово, — заявил он.

— Разве это необходимо? — спросил я, ощущая предательскую дрожь в голосе.

— Да уж без этого никак нельзя, — заявил тюремщик, которому мой вопрос, похоже, показался забавным. — Такие у нас здесь правила, приятель. И поверьте мне на слово, это еще не самое страшное.

Он бросил взгляд на Редвинтера, который по-прежнему сидел без движения, и вышел из камеры.

Я сидел на койке, оцепенев от ужаса. Цепи были достаточно длинными, они позволяли ходить и двигать руками, но тяжесть их казалась мне невыносимой. К тому же один из наручников оказался тесным и впивался в

кожу при каждом движении.

Внезапно я поймал на себе напряженный взгляд своего соседа. Налитые кровью глаза дико блестели, лицо покрывали разводы грязи. Узнать в нем прежнего Редвинтера, холеного и самоуверенного, было невозможно.

— Что вы натворили? — спросил он надтреснутым голосом.

— Ничего. По крайней мере, в том, в чем меня обвиняют, я не виноват.

— Лжете! — взревел он с неожиданной яростью.

Я счел за благо не отвечать, опасаясь, что этот обезумевший человек набросится на меня с кулаками.

Редвинтер заговорил вновь, торопливо, лихорадочно:

— Вы слабак и всегда были слабаком. А слабаки — опасный народ, я-то это хорошо знаю. Они только и думают, кого бы пожалеть, и готовы проливать слезы даже над закоренелыми негодьями вроде Бродерика. А за каждым преступлением должно следовать наказание — таков закон, установленный Господом. Так говорил мой отец, когда сек меня за всякую провинность, и он был прав, тысячу раз прав.

Редвинтер возвысил голос, словно я пытался ему возражать.

— Бродерик заслужил смерть, — продолжал он. — Но я не убивал его! Возможно, я совершал просчеты, но никто не может обвинить меня в измене! Возможно, мои просчеты заслуживают наказания. Но не столь сурового! — возопил он, потрясая закованными руками.

Глаза его, еще несколько минут назад совершенно безжизненные, метали молнии.

— Вероятно, после допроса выяснится, что вы не имеете отношения к смерти Бродерика, — успокоительно заметил я. — Уверен, вас отпустят. Лично я не сомневаюсь, что заключенного убили не вы.

Слова мои, казалось, не дошли до сознания Редвинтера.

— Просчеты заслуживают наказания, — повторил он. — Но не столь сурового. Лишь деяния, совершенные со злым умыслом, влекут за собой жестокое возмездие. Так говорил мой отец. Когда я забывал вовремя лечь спать, он отвешивал мне всего три удара розгой. Когда я не ложился намеренно, проводя время за играми, меня ожидало двенадцать ударов. Шрамы остались на моей спине до сих пор. Они напоминают о неотвратимости наказания. И о его справедливости.

Я хранил молчание. Редвинтер, полностью погруженный в себя, все равно не расслышал бы моего ответа. Взгляд его рассеянно блуждал по камере.

— Иногда отец заставлял меня встать на колени и в течение получаса смотреть на розги, — донесся до меня его прерывистый голос. — И только

после этого пускал их в дело. Это было частью наказания. С животными такие штуки не проходят, так рассказывал отец. Они не знают, что это такое — ожидание боли. Или ожидание смерти.

Внезапно дикий взгляд Редвинтера остановился на мне.

— Я ведь говорил вам об этом, помните?

— Помню, — кивнул я.

Про себя я подумал о том, что потрясение оказалось слишком сильным, и Редвинтер лишился остатков своего и без того не крепкого рассудка. Так что я заперт в одной камере с безумцем.

— Животные не знают, что им предстоит, — продолжал Редвинтер. — Отец говорил мне об этом, когда мы вместе ходили на медвежью травлю. Бывало, он сжимал мою руку так крепко, что я переставал ее ощущать. А для человека ожидание боли подчас страшнее самой боли. И не только для мальчишки, но и для взрослого мужчины.

Губы его искривила улыбка, от которой меня пробрала дрожь. Никогда прежде не видел я на человеческом лице столь жуткой ухмылки. Не зная, куда от него спрятаться, я прижался к стене. Некоторое время Редвинтер молчал. Когда он вновь посмотрел на меня, мне показалось, что сознание его прояснилось. По крайней мере, взгляд его был исполнен столь хорошо знакомого мне ледяного спокойствия.

— Вы узнаете на собственной шкуре, что такое розга! Впрочем, при чем тут розга! Эта детская забава не идет ни в какое сравнение с приспособлениями для пыток, которыми Тауэр оснащен наилучшим образом. А меня отпустят, потому что я невиновен. Бог свидетель, я невиновен! Наш мудрый король, наместник Господа на земле, не допустит, чтобы пострадал невинный!

Голос Редвинтера сорвался до крика. Им вновь овладело неистовство. Я сжался на койке, ни жив ни мертв от страха.

— Ты, горбатый слюнтяй! — напустился на меня Редвинтер. — В Фулфорде ты уже получил от короля по заслугам!

Он разразился хриплым хохотом, предаваясь злорадному ликованию, в точности как ехидный бес из какой-нибудь назидательной пьесы. Вне сомнения, этот человек не отдавал себе отчета в происходящем, утешаясь собственными безумными фантазиями. Может статься, так было всегда. Внезапно смех Редвинтера стих.

— Малевверер оклеветал меня, — процедил он. — Эта продувная бестия дорого заплатит за свое преступление. Он тоже узнает на своей шкуре, что такое розги. О, с каким наслаждением я буду его сечь!

Он блаженно улыбнулся, как видно, упиваясь сладостным видением.

— А потом настанет черед каленого железа! Ох, если бы голова моя так не кружилась, — пробормотал он с неожиданной растерянностью. — О, если бы я мог выйти отсюда...

Я вновь поразился перемене, произошедшей с ним. Взгляд, мгновение назад столь яростный, ныне был полон мольбы и отчаяния.

— Вам необходимо поговорить со священником, Редвинтер, — произнес я.

— Эти каналы пришлют мне католика, проклятого паписта, которому место на костре...

Голос Редвинтера упал до едва различимого шепота, он тихонько бормотал себе под нос, как это часто делают сумасшедшие.

Решив, что пока он не представляет опасности, я встал и подошел к окну. Передвигать скованными ногами оказалось чрезвычайно трудно. Я вновь подумал о том, что кошмар, преследующий любого жителя Лондона, стал для меня явью. Я заперт в подземной камере, скован цепями по рукам и ногам. Надо мной тяготеет обвинение в государственной измене, и мне неизбежно предстоит допрос с пристрастием. Одному богу известно, какие мучения готовит мне завтрашний день. Дрожь, сотрясавшая мое тело, усилилась. В полном изнеможении я закрыл лицо руками. До слуха моего доносилось лишь приглушенное бормотание Редвинтера и тихий шелест дождевых струй. Никогда за всю свою жизнь я не испытывал столь безысходного ужаса.

Я отошел от окна и, содрогаясь от холода, растянулся на койке. Час шел за часом. Редвинтер затих и, судя по всему, погрузился в дрему. Скрежет ключа в замке заставил нас обоих открыть глаза. Но то был всего лишь молодой надзиратель, который принес нам еду — жидкую похлебку с отвратительным запахом. На поверхности неаппетитного варева плавали хрящи сомнительного происхождения.

— Если хотите, чтобы кормежка была лучше, платите денежки, — заявил парень, поставив миски на пол. — Судя по виду, вы оба джентльмены. Наверняка вас будут навещать друзья.

— А разве здесь разрешены посещения? — спросил я.

— Ясное дело, разрешены, — ответил тюремщик, глядя на меня как на безнадежного недоумка. — Откуда же иначе вы возьмете деньги. Что, вы ждете гостей?

— Надеюсь, ко мне кто-нибудь заглянет, — пробормотал я, лишь сейчас осознав, как отчаянно мне хочется увидеть участливое, дружеское лицо.

— Меня посетит архиепископ Кранмер, — надменно сообщил Редвинтер. — И вместо денег все вы получите хорошую головомойку.

— Может, к вам и король пожалует? — расхохотался надзиратель.

После того как дверь за ним закрылась, Редвинтер схватил свою миску и принялся жадно пожирать похлебку. Я с трудом проглотил несколько ложек вонючей бурды, которая, казалось, тут же принялась разъедать мой болезненно сжавшийся желудок.

Время тянулось медленно. За окном начали сгущаться сумерки. Дождь по-прежнему шлепал по реке. Судя по всему, наши тюремщики используют те же средства, что и отец Редвинтера. Они заставляют нас томиться ожиданием, зная, что воображение истерзает узников картинами предстоящих пыток. Я снова растянулся на койке.

«Барак и Ренн не оставят меня в беде, — сказал я себе. — Они непременно меня вызволят».

С наступлением вечера могильный холод, царивший в камере, заставил меня позабыть обо всем. Одежда моя промокла под дождем по пути в Тауэр, и не приходилось рассчитывать, что здесь она когда-нибудь высохнет. Дождь за окном не унимался. Шелест струй становился то громче, то тише, ибо уровень воды в реке то прибывал, то убывал. Я так окоченел, что попытался завернуться в тощий тюфяк. Со скованными руками это оказалось не так просто. Тюфяк насквозь пропах мочой и потом, соломинки забились мне под одежду, вынуждая беспрестанно почесываться.

Редвинтер не издавал ни звука. В темноте я с трудом различал очертания его тела на противоположной койке. Представив, что он лежит без сна и в его воспаленном мозгу бродят бог весть какие мысли, я беспокойно заерзал. Оставалось надеяться, что сосед мой спит.

Тюфяк немного согрел меня. Я задремал, однако вскоре очнулся от холода. Небо, расчерченное квадратами оконной решетки, начало светлеть. Дождь так и не прекратился. Через некоторое время я снова забылся, погрузившись во власть невероятно отчетливых кошмарных снов. В одном из них меня, закованного в цепи, повели на аудиенцию к королю.

Он возлежал на роскошной кровати в том самом павильоне, где мы некогда имели разговор с леди Рочфорд. Ночная рубашка, в которую был облачен король, не скрывала жирных складок ужасающе грузного тела. Складки пришли в движение, когда Генрих попытался сесть. Я отметил также, что он почти лыс: жалкие остатки рыжеватых волос обрамляли круглую плешь.

— Полюбуйся, что ты наделал, мерзавец! — возопил монарх, грозно сверкнув взглядом.

Он отбросил одеяло, и я увидел на одной из его тумбообразных ног

широкую черную полосу, на которой росли грибы вроде тех, какими отравился Бродерик.

— Ты дорого заплатишь за это, Блейбурн! — заявил король, буравя меня ледяными глазами, столь похожими на глаза Редвинтера.

— Но я вовсе не Блейбурн!

Я умоляюще простер к королю руки, но солдаты остановили меня, потянув за цепи. Раздалось лязганье, и наручники болезненно впились в мои запястья.

Я проснулся от собственного стога.

Боль в запястье была самой настоящей, наручник глубоко впился в мою неловко согнутую руку. Лязганье тоже раздавалось наяву, ибо кто-то поворачивал ключ в дверях. В камеру вошли оба тюремщика — толстяк и его молодой помощник. Еды они на этот раз не принесли, и лица их не предвещали ничего хорошего. Сердце мое бешено заколотилось, внутренности мучительно сжались.

Тюремщики, едва скользнув по мне глазами, повернулись к сидевшему на койке Редвинтеру. Судя по его недоуменному взгляду, со сна он не вполне понимал, где находится.

— Идемте, приятель, — сказал толстяк, заставляя его встать на ноги. — Сэр Джейкоб хочет с вами побеседовать.

— Никуда я не пойду! — воспротивился Редвинтер. — Я ни в чем не виноват! Это Малеверера надо допросить с пристрастием! А я — верный слуга короля и архиепископа Кранмера. Пусти меня немедленно, болван!

Он попытался вырваться, но тюремщик отвесил ему хорошую оплеуху, затем схватил за волосы и заглянул прямо в глаза:

— Прекрати дурить, приятель! Иначе мы потащим тебя волоком!

Редвинтер, оглушенный ударом, сразу притих и позволил вывести себя из камеры. Оказавшись в коридоре, он пришел в себя, ибо до меня донеслись его пронзительные вопли. Судя по всему, тюремщикам все же пришлось тащить его волоком, а он, упираясь скованными ногами, призывал проклятия на голову Малеверера и грозил тюремщикам страшными карами. Я сел на койке, стараясь унять дрожь.

«Вскоре они придут за мной», — вертелось у меня в голове.

Прошло несколько часов.

Снова начался прилив, шлепанье дождя по речной воде стало громче. Прежде мне рассказывали: иногда вода поднимается так высоко, что заливают камеры и заключенные тонут. Впрочем, подобная смерть страшила меня ничуть не больше, чем дыба и прочие орудия пыток. Со странным чувством страха и ожидания я наблюдал, как серые волны

плещутся все ближе от зарешеченного окна. Скрежет ключа в замке отвлек меня от этого занятия.

«Настал мой черед», — с замиранием сердца понял я.

На пороге камеры стоял Барак, за спиной у него маячил молодой тюремщик. Не помня себя от радости, я бросился к Бараку и, потрясая цепями, схватил его за обе руки.

— Джек, Джек! Слава богу, вы пришли!

Столь бурное выражение чувств заставило моего помощника покраснеть от смущения. При виде моих цепей он покраснел еще сильнее.

— Давайте сядем, сэр, — сказал он, осторожно сжав мою руку повыше локтя.

Барак помог мне дойти до кровати и обернулся к тюремщику:

— У нас есть полчаса, верно, дружище?

— Да, — кивнул парень. — За шесть пенсов вы можете болтать с вашим другом полчаса. А если вы принесли ему какой-нибудь гостинец, скажите мне. За это тоже придется заплатить.

С этими словами он вышел из камеры, оставив нас вдвоем.

Барак опустился на койку Редвинтера. Я заметил, что вид у него усталый. Судя по обеспокоенному выражению его лица, новости, которые он мне принес, были отнюдь не утешительными.

— Это койка Редвинтера, — сообщил я с кривой усмешкой.

— Редвинтера? Неужели вас держат в одной камере с ним?

— Да, и признаюсь, соседство не из приятных. Этот человек совершенно обезумел, Джек. Боюсь, со мной произойдет то же самое, если я здесь останусь. Сейчас Редвинтера увели на допрос. Одному богу известно, что ему придется вынести. Что до меня, я особой выносливостью похвастать не могу.

— А те, кто ею хвастает, ломаются так же быстро, как и все прочие, — заметил Барак. — По правде говоря, выглядите вы так, словно вас уже пытали! Скажите, что вам принести?

— Прежде всего, одеяла и сухую одежду. Без них я совсем пропаду.

Я почувствовал, как слова застревают у меня в горле, а к глазам подступают слезы.

— И разумеется, какой-нибудь еды. После я вам заплачу.

— Можете не волноваться, все будет вам доставлено.

— Благодарю вас. Господи боже, Джек, знали бы вы, как я рад вас видеть! Прошу вас, говорите, говорите! Я хочу убедиться, что мир за пределами этой камеры по-прежнему существует. Где вы поселились, у меня?

— Где же еще? Я решил, что ваш дом — пока самое подходящее место для всей нашей компании. Тамазин ухаживает за мастером Ренном. Ох, сэр, бедный старикан совсем плох, — в некотором замешательстве сообщил Барак. — Он еле добрался до Канцлер-лейн, и нам пришлось сразу уложить его в постель.

— Боюсь, он больше не поднимется, — вздохнул я. — Неужели он прибыл в Лондон лишь для того, чтобы умереть?

— Да нет, дело не так плохо, — успокоил меня Барак. — Просто он слишком устал во время путешествия. Отдохнет как следует и еще поднимется на ноги.

— Джоан знает, где я?

— Мы сочли за благо пока не говорить ей об этом. Сказали, что вас затребовали в Уайтхолл по срочному делу. А нам вы велели до вашего возвращения поселиться на Канцлер-лейн и заботиться о мастере Ренне.

— Правильно, — кивнул я.

Несколько мгновений мы молчали.

— Слышите, как шумит дождь? — нарушил я тишину.

— Слышу. В Лондоне погода стоит еще более скверная, чем в Йоркшире. Дожди идут вот уже две недели. Помните то место за вашим домом, где прежде был фруктовый сад? Тот, что правление Линкольнс-Инна приказало вырубить. Они вроде хотят построить там новое здание.

— Конечно помню.

— Так вот, теперь на месте фруктовых деревьев — огромное море грязи. И это море подходит к самым стенам вашего собственного сада. Дальнюю стену, того и гляди, подмоет. Джоан мне показывала.

Я не ответил, ибо мысли мои были слишком далеко от проблем, о которых рассказывал Барак.

— Вчера и сегодня утром я бегал по городу высунув язык, пытался узнать, какова причина вашего ареста, — сообщил он, немного помолчав. — Встретился со всеми своими прежними приятелями из Уайтхолла, да только ничего не добился. Король уже несколько дней как вернулся, но поселился в Хэмптон-Корте. Вызвал к себе всех своих первейших советников, включая Кранмера. Но чем они там заняты, никто толком не знает.

— Возможно, они обеспокоены болезнью принца?

— Нет, мальчуган вовсе не так плох, как говорили. Я подумываю о том, чтобы проникнуть в Хэмптон-Корт. А вам что здесь говорят? Должны же они хоть как-то объяснить, почему держат вас в этой дыре.

— Говорите тише, — попросил я, наклонившись вперед и бросив

выразительный взгляд на дверь. — Мой арест связан с королевой.

И я передал ему все, что узнал от сэра Джейкоба.

— Дерем, — присвистнул Барак. — Да ведь никто из нас думать не думал, что он тоже...

— Если меня будут пытаться, я за себя не ручаюсь, Джек, — перебил я. — Редвинтера уже увели на допрос. Когда я услышал скрежет ключа, сразу решил, что настал мой черед. И понял, что сломаюсь, едва увидев дыбу.

Сжав зубы, я испустил нечто среднее между вздохом и стоном.

— У меня даже было искушение позвать сэра Джейкоба и выложить ему все, как на духу. Рассказать, что у королевы был еще один воздыхатель — Калпепер. А заодно сообщить о Блейбурне. Но я испугался, что подставляю под удар вас с Тамазин.

— Ничего не понимаю, — прикусив губу, пробормотал Барак. — С чего они решили, что вы знали о шашнях королевы и Дерема?

— Все это происки Рича. Помните, он видел, как мы выходили из шатра королевы? А потом, в Халле, Рич стал свидетелем моего разговора с Деремом. Наверняка этот молодой повеса давно был на подозрении. Может, подозрения эти несправедливы. А может, королева оказалась легкомысленнее, чем мы думали.

— И завела себе двух любовников?

— Все может быть. Так или иначе, Рич подговорил Малеверера оклеветать меня. И тот сообщил Кранмеру, что я знал о неверности королевы, но по каким-то причинам не сообщил об этом властям.

— И все-таки я не могу понять, почему вас бросили в Тауэр. Вас должны были отправить для допроса к Кранмеру, тем более в Йорк вас послал именно он.

— Уверен, пытаюсь меня оболгать, враги мои не жалели черной краски, — заметил я.

В присутствии Барака страхи несколько улеглись, и ко мне даже вернулась способность рассуждать логически.

— Все-таки Рич добился своего. Я в Тауэре, деловая моя репутация подорвана, и Городской совет наверняка откажется от тяжбы с Билкнэпом. Мне следовало ожидать чего-то в этом роде. Рич не из тех, кто бросает угрозы на ветер. А судя по зловещим ухмылкам, которыми награждал меня Малеверер, козни против моей скромной персоны они строили вдвоем.

— Похоже, вы правы.

— Прошу вас, Джек, сходите в Гилдхолл и отыщите там мастера Верви. Он один из адвокатов Городского совета, честный и надежный малый. Выясните, не появлялись ли в совете люди Рича. Если я прав и мой арест

подстроено Ричем, посланцы его наверняка донимали Верви настоятельными советами отказаться от тяжбы.

— Будет сделано, — кивнул Барак.

— А потом постарайтесь сообщить Кранмеру все, что сумеете узнать. Уверен, проникнуть в Хэмптон-Корт для вас пара пустяков. Если нужно, пускайте в ход подкуп. Вам ведь известно, где хранятся мои деньги. Если Кранмер узнает, что стал игрушкой в руках клеветников и интриганов, ему это придется не по душе. Да, и замолвите словечко за Редвинтера. Скажите, что он не вынес ложного обвинения и лишился рассудка.

— Да неужели вы хотите помочь этому подонку? — покачал головой Барак. — Пусть посидит.

— Я законник, и мой долг помогать всякому, с кем обошлись несправедливо. Даже если этот человек мне глубоко неприятен.

— Рад, что обычное занудство вам не изменяет, — улыбнулся мой помощник. — Так же, как и пристрастие к высокопарным словесам.

— Как говорится, горбатого могила исправит, — заметил я с горькой ухмылкой.

— Значит, вы уверены, что Редвинтер невинен, как ягненок? — счел за благо сменить тему Барак. — Но кто тогда убил Бродерика?

— Это мог сделать всякий, кто находился на борту корабля. Одно могу сказать: скорее всего, человек этот был в Хоулме и знал о смерти Дженнет Марлин. Об этом тоже расскажите Кранмеру.

— Вы по-прежнему подозреваете Ликона? После того как вас увели, бедняга подошел ко мне и стал рассыпаться в извинениях. Сказал, что очень сожалеет о случившемся. Но он солдат и должен выполнять приказ.

— Я на него не в обиде. Но так или иначе, у него была возможность помочь Бродерику расквитаться с жизнью. Конечно, сейчас я все вижу в дурном свете. Порой мне даже кажется, что история с фермой его родителей — выдумка. Хотя не совсем понятно, зачем она ему понадобилась.

На несколько мгновений в камере воцарилась тишина. Затем я произнес дрожащим голосом:

— Вы моя последняя надежда, Джек. Заклинаю всем святым, помогите мне выбраться отсюда. Я видел, что они сделали с Бернардом Локом. Это развалина, в которой едва теплится жизнь.

Я затряс головой, словно отгоняя тягостное воспоминание.

— Сегодня утром Лока казнили.

Барак поднялся. Теперь, когда он знал, что делать, вид у него был решительный и целеустремленный.

— Сейчас двинусь прямиком в Гилдхолл, — заявил он. — А потом прикину, как найти лазейку в Хэмптон-Корт. Есть у меня на примете один человек, которому я давным-давно оказал услугу. Думаю, настало время получить с него долг. А Тамазин тем временем принесет вам одеяла и все прочее. Я оставил ее у ворот Тауэра. Решил, что внутри ей нечего делать.

— Конечно. Передайте ей привет от меня.

— Она просила передать, что молится за вас.

— Поблагодарите ее. Вы были правы, Джек, когда советовали мне не пренебрегать угрозами Рича, — произнес я в некотором замешательстве. — Но я... я прежде всего законник и не мог отказаться от дела, сознавая, что имею все основания его выиграть. В результате я оказался здесь. И все потому, что не внял вашим предостережениям. Так что у вас есть веский повод упрекнуть меня в легкомыслии.

— Я не собираюсь вас упрекать. Вы остались верны себе и, значит, поступили правильно.

Барак резко сжал мою руку обеими руками.

— Тяжело видеть вас здесь, — пробормотал он с внезапным смущением.

— Так мы снова друзья?

— А как же иначе? Хотя для того, чтобы вернуть мою дружбу, вам не было никакой необходимости попадать в эту каменную нору, — попытался он шуткой скрыть неловкость момента.

При этом он так крепко стиснул мою руку, что я невольно поморщился.

— Осторожнее, — попросил я. — Наручники такие тесные, что, того и гляди, изотрут мне кожу в кровь.

— Простите, — вздохнул он, с отвращением взглянув на железяки.

— Вижу, вы все еще хромаете.

— Ерунда. Нога почти не болит.

— Отправляйтесь в Хэмптон-Корт, Джек. Ради всего святого, поговорите с Кранмером. От этого зависит моя жизнь.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Остаток этого томительного дня я то бродил по камере, то лежал на койке, ожидая новостей. Я понимал, что Бараку требуется время, дабы выполнить поручения, которые я ему дал, и все же с надеждой прислушивался ко всякому шороху, доносившемуся из коридора. На память мне пришел колокольный перезвон, которым встретил нас Лондон вчера — неужели это было только вчера? Тогда Тамазин сказала: король приказал служить во всех церквях торжественные службы, чтобы отблагодарить Бога, пославшего ему столь счастливый брак. Значит, никто еще не открыл ему глаза на неверность жены. Кранмер умен и осторожен, и прежде, чем говорить с королем, он заручится неопровержимыми доказательствами.

Вскоре после полудня в камеру вернулся Редвинтер. Взглянув на него, я с облегчением убедился, что его не подвергали побоям и пыткам. Тем не менее он был вне себя от гнева. Опустившись на свою койку, он принялся что-то бормотать под нос так яростно, что изо рта у него летели брызги слюны. Я напрасно напрягал слух, пытаюсь понять, о чем он говорит. Наконец он взглянул мне прямо в лицо и произнес громко и отчетливо:

— Они сказали, что завтра будут меня пытаться. Зачем? Я уже открыл им все, что знал. Неужели они не видят, что это правда? Отец, разве они поступают правильно? Ты учил меня, что люди должны соблюдать правила, установленные Господом. Почему же они так часто попирают их?

Внезапно он осекся, и губы его искривила слишком знакомая мне зловещая усмешка.

— Я знаю, что вы не мой отец, — процедил он. — Вы уродливый горбун, презренный крючкотвор. Мне ни к чему перед вами распинаться.

Когда свет, проникающий в камеру из оконца, начал тускнеть, дверь отворилась и вошел молодой надзиратель. Он принес три теплых одеяла, аккуратно сложенную одежду, хлеб, сыр и фрукты.

— Одна смазливая девица просила передать все это вам, — с многозначительной ухмылкой сообщил он. — Лакомый кусочек, ничего не скажешь. Как это вам удалось подцепить такую славную подружку?

— Она вовсе не моя подружка.

Надзиратель перевел взгляд на Редвинтера. Тот, поняв, что пришли не за ним, отвернулся к стене.

— Он повредился в рассудке, — прошептал я.

— Похоже, он и в самом деле спятил, — согласился надзиратель. —

Давеча всех нас заставил умирать со смеху. Заявил, что король и архиепископ Кранмер явятся сюда и зададут нам перцу. Ничего, завтра он быстренько придет в себя. Дыба поможет ему привести голову в порядок. Отличное средство, доложу я вам. Ладно, до скорого.

И он вышел, громко хлопнув дверью. Я торопливо отломил краюшку хлеба, кусок сыра и принялся жевать. Только сейчас я понял, как проголодался.

— Не хотите перекусить, Редвинтер? — окликнул я своего соседа.

Когда он повернулся, я увидел, что лицо его залито слезами.

— Нет, — покачал он головой и добавил, пристально глядя на меня: — Они твердят, что я убил Бродерика.

— Я знаю, что это не так.

— Но кто это сделал?

— Не имею понятия. Я лишь уверен, что вы тут ни при чем.

Во взгляде, неотрывно устремленном на меня, вновь зажглись огоньки безумия.

— Всем наплевать на то, что вы думаете, — прошипел он с прежней враждебностью.

— В этом у меня тоже нет ни малейших сомнений.

— Никто не будет слушать жалкого горбуна. И к тому же слюнтя.

С этими словами он вновь повернулся к стене.

— Боже всемилостивый, спаси нас обоих, — пробормотал я.

Настала вторая ночь в камере. Благодаря одеялам, присланным Тамазин, я меньше страдал от холода, но дурные предчувствия терзали меня с прежней силой. Редвинтер бормотал и вскрикивал во сне. Дождь разошелся пуще, и шорох струй напоминал шипение какого-то злобного животного.

Как только в камеру проникли первые лучи рассвета, я поднялся, гремя цепями, и постарался размять затекшие конечности. Затем я прикончил остатки еды. Мысли мои неотступно вертелись вокруг Барака. Где он сейчас? Что он узнал в Гилдхолле? Удалось ли ему проникнуть в Хэмптон-Корт?

Вскоре в замке заскрежетал ключ, и в камеру вошли оба надзирателя.

— Идемте, приятель, — жизнерадостно обратился к Редвинтеру толстяк. — Пора вам немного развлечься.

Часа через два они явились вновь, на этот раз за мной.

— Сэр Джейкоб хочет вас увидеть, — сообщил толстяк.

Как видно, на лице моем отразился ужас, потому что тюремщик попытался меня ободрить:

— Дрожать вам пока что нечего. Сегодня дальше разговоров дело не

пойдет.

Тюремщики провели меня в закуток, в котором стоял письменный стол. У дверей, ведущих в Белую башню, ждал солдат.

— Отведи его ко второму зрителю, — сказал толстяк, кивнув в мою сторону.

Солдат сделал мне знак идти впереди. Спотыкаясь и звеня цепями, я принялся подниматься по узкой лестнице.

Сверху доносился гул голосов. Мысль о том, сколь неприглядный вид я, немывтый, небритый и закованный в цепи узник, буду иметь в глазах солдат, собравшихся в холле, заставила меня вспыхнуть от стыда. Но мы прошли мимо дверей в холл и поднялись еще на один пролет. Стражник остановил меня на лестничной площадке с большим окном без всяких решеток. Пол здесь покрывали свежие циновки. Мой провожатый постучал в дверь, и голос сэра Джейкоба откликнулся:

— Войдите.

Комната, где ждал меня сэр Джейкоб, казалась особенно светлой благодаря выкрашенным желтой краской стенам. Бумаги были разложены на столах аккуратными стопками.

«Совсем не похоже на кабинет Малевевера, — пронеслось у меня в голове. — Там всегда царил беспорядок».

Через окно, испещренное дождевыми каплями, можно было разглядеть Зеленую башню и уголок двора, в котором расхаживали часовые. Сэр Джейкоб, облаченный в синий камзол и белую рубашку, восседал за столом.

— Сегодня вам предоставляется последняя возможность рассказать все без утайки, — важно изрек он. — Если вы не оставите заpiresательств, вас ожидает участь, которая недавно постигла Редвинтера. Полагаю, вы это понимаете.

— Да, сэр Джейкоб, — кивнул я.

Сердце мое бешено колотилось под ребрами. Я вновь ощутил острейшее желание выложить все, что я знал о королеве. Но мысль о том, что я навлеку неприятности на Барака и Тамазин, сковывала язык. К тому же оставалась надежда, что Барак доберется до Кранмера и тот вызволит меня отсюда.

— С сегодняшнего дня королева находится под арестом, — сообщил сэр Джейкоб. — Архиепископ Кранмер располагает сведениями, согласно которым она еще до замужества находилась в прелюбодейственной связи с Франциском Деремом, которого впоследствии сделала своим секретарем. Более того, он намеревался вступить с ней в брак, чему имеются документальные подтверждения. Будучи юристом, вы понимаете, что это

обстоятельство ставит под сомнение законность ее брака с королем.

Растерянность моя была так велика, что я долгое время не мог вымолвить ни слова.

— Мне ничего об этом не известно, сэр, — наконец пробормотал я. — Франциска Дерема я видел всего несколько раз. Но, сэр, я полагаю, мне известен механизм интриги, которая привела меня сюда.

Сэр Джейкоб кивнул, позволяя мне говорить. Я торопливо сообщил о причинах враждебности, которую питал ко мне Рич, о том, как он видел меня у шатра королевы и, позднее, на улице — в обществе Дерема. Пояснил я также, что Дерем отнюдь не удостаивал меня своим расположением, напротив, преследовал насмешками. Перед тем как сообщить, что повод для этих насмешек подал сам король, во всеуслышание отпустивший на мой счет глумливую остроту, я слегка замешкался. Замешательство мое не ускользнуло от взора поднаторевшего на допросах сэра Джейкоба. Он заглянул в одну из бумаг, лежавших у него на столе, и осведомился:

— Так какое дело привело вас в шатер королевы в Хоулме?

К счастью, я тоже поднаторел в своем ремесле законника и приучился быстро находить ответы на самые рискованные вопросы.

— Дело это касалось одной молодой девицы, которая состоит в услужении у королевы, — без запинки отрапортовал я. — Ее имя Тамазин Ридбурн, и она состоит в связи с моим клерком, Джеком Бараком. Леди Рочфорд проведала об этом и доложила королеве.

Сэр Джейкоб нахмурился, потом разразился хохотом — снисходительным хохотом мудрого учителя, который уличил во лжи изворотливого ученика.

— Неужели королева так заботится о нравственности своих служанок? — недоверчиво спросил он.

— Я не знаю, по какой причине королеве было угодно принять прегрешение Тамазин Ридбурн столь близко к сердцу, — пожал я плечами. — Одно могу сказать — обвинение, выстроенное против меня сэром Ричардом Ричем, строится лишь на тех незначительных фактах, о которых я только что имел честь вам сообщить. Не могу поверить, что эти ничтожные обстоятельства оказались единственной причиной моего заключения в Тауэр.

— Напрасно вы полагаете, что обвинение против вас основано на столь уж ничтожных обстоятельствах, — усмехнулся сэр Джейкоб. — Мы располагаем весьма серьезными свидетельствами. Например, в докладе сэра Уильяма Малеврера говорится о том, что один достойный доверия

клерк слышал обрывок разговора, произошедшего в трапезной между вами и Франциском Деремом. Так вот, вы выразили радость по поводу того, что королева неверна своему царственному супругу. Заявили, что король получил по заслугам. И даже поблагодарили Дерема, который, по вашим словам, отплатил королю за унижение, пережитое вам в Фулфорде.

— Все это наглая и бессовестная ложь! — возопил я. — Если этот клерк действительно существует, я догадываюсь, кто его всесильный патрон. Сэр Ричард Рич.

— Ошибаетесь, — покачал головой сэр Джейкоб, и губы его вновь тронула снисходительная улыбка. — Клерк, который счел своим долгом сообщить о ваших недопустимых речах, служит мастеру Саймону Крейку.

— Значит, Рич заплатил этому человеку. Прошу вас, поговорите с ним. С его помощью Рич ввел архиепископа Кранмера в заблуждение.

— Да почему сэр Ричард Рич не сходит у вас с языка? Я же сказал: доклад, послуживший причиной вашего ареста, исходит от сэра Уильяма Малевевера.

— Они с Ричем — одна шайка, — заявил я, более не церемонясь в выражениях. — Прошу вас, допросите клерка, который меня оболгал.

«Наверняка этот чертов клерк пошел на клевету с ведома своего патрона, — мысленно добавил я. — Что ж, удивляться этому не приходится. У Крейка есть веская причина выполнять все требования Рича».

— А теперь перейдем к мастеру Бараку и мистрис Ридбурн, — сказал сэр Джейкоб, вновь заглянув в свои бумаги. — Вчера они принесли вам еду и одежду. Мастер Барак посетил вас, и, согласно донесению тюремщика, вы о чем-то беседовали вполголоса, явно не желая быть услышанными.

— Сэр, неужели на моем месте вы говорили бы в полный голос?

— Я никогда не окажусь на вашем месте, — отрезал сэр Джейкоб.

— Уверен, рассказ клерка на многое прольет свет, — вновь принялся я за свое. — Поиски его не займут много времени. Я здесь уже два дня, и, полагаю, столь незначительное промедление...

Сэр Джейкоб, приложив палец к тонким губам, сделал мне знак молчать и погрузился в задумчивость. Я наблюдал за ним с замиранием сердца. Но он отрицательно покачал головой.

— Я не собираюсь идти у вас на поводу. Напрасно вы пытаетесь отвести мне глаза. Я всегда чувствую, когда заключенный что-то скрывает.

— Сэр Джейкоб, я...

— Довольно уверток! — гневно возвысил голос сэр Джейкоб. — Вы упустили предоставленную вам возможность. Сейчас вас отведут в камеру,

и там вы увидите, что стало с Редвинтером. Возможно, завтра, когда вы окажетесь перед орудиями пыток, действие которых испытал на себе ваш сосед, в вас проснется искренность.

Сердце мое ушло в пятки.

— Сэр Джейкоб, прошу вас, подождите...

— Я имею обыкновение действовать без проволочек. И у меня было множество случаев убедиться, что пытка — это самое надежное средство узнать правду.

Я вновь спустился по лестнице, прошел мимо двери, из-за которой доносились беззаботные голоса и хохот солдат. Внизу, в сыром и темном коридоре, меня ожидали оба тюремщика. Толстяк укоризненно покачал головой.

— Что, решили приберечь свои секреты? Значит, завтра придется побывать в гостях у дыбы. Сэр Джейкоб уже пообещал вам это, вижу по лицу. Мой вам совет — выложите все прежде, чем наши мастера приступят к работе. Не берите пример с вашего соседа. Он оказался не в меру скрытным и дорого за это заплатил.

— Тед, ты видел, что сделали с его ртом? — жизнерадостно спросил юнец. — Постарались на славу!

— Да уж, наши ребята свое дело знают. Видно, они вытащили ему клещами чуть не все зубы. Так что от зубной боли он избавлен до гробовой доски.

Толстый тюремщик схватил меня за руку:

— Идемте, приятель, сосед вас заждался.

— Скажите, а никаких известий для меня не поступало? — спросил я дрожащим голосом. — От моего друга?

— Никаких, — покачал головой тюремщик, увлекая меня к дверям камеры. — Зря вы надеетесь, что друзья ваши все уладят и завтра вас выпустят с извинениями. Не хотите, чтобы ваши кости проверили на прочность, — кончайте скрытничать.

Он повернул ключ в дверях.

— Поверьте мне на слово, я такого навидался... О черт! — внезапно взревел он, выпуская мою руку.

Я недоуменно озираю камеру. Зрелище, представшее моим глазам, поначалу показалось мне чем-то вроде гигантского маятника. Потом я осознал, что на оконной решетке, мерно покачиваясь, висит Редвинтер. Он подтащил к окну обе койки и взгромоздил их одна на другую, потом, по примеру Бродерика, оторвал длинный лоскут от собственной рубашки и соорудил из него петлю, один конец которой прикрепил к решетке, а другой

накинул себе на шею. После этого он спрыгнул с койки. Судя по неестественному наклону головы, он сломал себе шею. Лицо его было ужасно: окровавленный рот, открывшись, обнажал истерзанные беззубые челюсти.

Я подался назад; ноги отказались меня держать, и я медленно сполз вдоль стены.

Удостоверившись, что Редвинтер мертв, толстый тюремщик стремглав бросился к дверям.

— Билли! — вопил он. — Сюда, Билли!

В коридоре раздался топот бегущих ног, и мгновение спустя в камеру ворвался молодой надзиратель.

— Черт! — заорал он в точности так же, как и его напарник. — Мы влипли в дерьмо по самые уши!

Он подскочил к Редвинтеру, затем повернулся к толстяку.

— Койки в камерах должны быть привинчены к полу, разве ты не знаешь?

— Что мне, самому их привинчивать? — буркнул толстяк. — Я давным-давно просил, чтобы сюда прислали рабочих, да только так ничего и не добился. И как он ухитрился справиться с койками, ведь на руках у него живого места не осталось!

Взгляд мой невольно устремился на руки Редвинтера, которые висели вдоль тела как плети. Все ногти были сорваны, ладони покрывали следы ожогов. В глазах у меня потемнело.

— Зря они вздумали забавляться с его зубами! — проворчал Билли. — Лучше бы попросту вздернули его на дыбу! Уж после этого он никак не смог бы повеситься. Ну и подложил же он нам свинью! Погляди-ка, он еще качается, видно, только что спрыгнул.

И он, схватив Редвинтера за ногу, остановил тело.

— И зачем только он это сделал? — с обидой в голосе спросил толстяк.

— Он же знал, что завтра они вновь за него примутся. Вот и решил положить этому конец.

— Он лишил себя жизни, потому что не вынес позора, — тихо произнес я. — Позор был для него хуже любой пытки.

Под наблюдением сэра Джейкоба, явившегося в камеру, тело Редвинтера вынули из петли и унесли прочь.

— Мы так и не добились от него правды, — сердито пробормотал сэр Джейкоб.

«Правду он открыл вам без всяких пыток, — мысленно возразил я. —

Он не убивал Бродерика. И своей смертью продолжил цепочку смертей. Олдройд, Дженнет Марлин, Бродерик, теперь Редвинтер. Шкатулка с документами забрала уже четыре жизни. А сколько смертей повлечет за собой флирт Кэтрин Говард?»

День сменился ночью, которую я провел в полном одиночестве. За окном шелестел бесконечный дождь. Я испуганно озирал темные углы, словно опасаясь, что в одном из них притаился призрак Редвинтера. Подобно волнам прилива, надежда в душе моей то оживала, то сменялась отчаянием. Утром Барак непременно явится или передаст мне записку, внушал я себе. Наверняка он уже побывал в Хэмптон-Корте и поговорил с Кранмером. Но что будет, если новый день не принесет спасительных известий?

Голова моя начинала кружиться, стоило мне подумать о дыбе, клещах и раскаленном железе. И как только я мог вообразить, что смогу обвести вокруг пальца сэра Джейкоба? Прискорбная самонадеянность! Окровавленный рот Редвинтера неотступно маячил перед моим внутренним взором, и я напрасно гнал прочь эту жуткую картину. В самый темный и тягостный ночной час я решил, что Барак и Тамазин непременно скроются из Лондона, дабы избежать ареста и допроса. Однако вскоре я уже клял себя за излишнюю недоверчивость. Нет, Барак никогда не бросит меня на произвол судьбы.

Мне казалось, прошла целая вечность, прежде чем в зарешеченном окне, на котором все еще болтался обрывок рубашки Редвинтера, забрезжил рассвет.

Тюремщики явились за мной около полудня. Судя по их настороженным взглядам, они ожидали сопротивления. Однако я понимал, что борьба совершенно бессмысленна, и потому проявил полнейшую безропотность. Мною овладела странная апатия, словно дух мой уже оставил обреченное на мучения тело.

Мы спустились по лестнице на один пролет, затем, миновав длинный темный коридор, остановились у крепкой дубовой двери. Толстяк постучал. Я неотрывно смотрел на дверь.

Сердце, бешено колотившееся в груди, казалось, принадлежало уже не мне. Дверь отворилась, и тюремщики втокнули меня внутрь.

Я оказался в просторной комнате без окон, с почерневшими от дыма стенами. В нише горела жаровня, напоминавшая кузнечный горн; здоровенный детина в кожаном фартуке, который смотрел на меня, уперев руки в бока, тоже чрезвычайно походил на кузнеца. Коренастый юнец лет семнадцати возился у жаровни, подкладывая угли. Бросив взгляд в угол, я

увидел какое-то громоздкое сооружение, снабженное деревянными колесами и кожаными ремнями, и с содроганием понял, что это дыба. На стене, на специальных крюках, висели разнообразные инструменты — ножи, щипцы, клещи. Я ощутил, как внутренности сковал могильный холод. В следующее мгновение взор мой упал на железное ведро, наполненное золой. В золе белели какие-то горошины весьма странного вида. В следующее мгновение я понял, что это зубы Редвинтера, и колени мои предательски подогнулись.

Здоровенный детина успел подхватить меня прежде, чем я рухнул на пол. Усадив меня на деревянный стул, он сокрушенно вздохнул — в точности так, как сам я вздыхал при виде неточной копии важного документа.

— Дышите глубже, — посоветовал он. — Не двигайтесь и дышите как можно глубже.

Тупо уставившись на палача, я последовал его совету. Он наблюдал за мной с крайне озабоченным видом. На кожаном фартуке темнели застарелые пятна крови.

— Ты уже накалил тонкий нож, Том? — обратился он к своему молодому подручному.

— Да, отец. Все готово.

Мальчишка злорадно улыбнулся мне из-за широкого отцовского плеча.

— Ну что, пришли в себя? — осведомился верзила в фартуке.

— Да. Прошу вас, погодите немного. Я...

— Ну, Том, приступим.

И прежде чем я успел понять, что происходит, палач схватил меня под мышки и заставил встать. Сын его проворно сорвал мой новый камзол, который накануне передала Тамазин, и белую рубашку. Палач, отойдя на шаг, окинул меня пытливым взглядом. В глазах его не мелькнуло ни тени насмешки, лишь интерес опытного и умелого мастера.

— Он в цепях, — удовлетворенно изрек он. — Это хорошо.

И вновь с изумительным проворством они схватили мои скованные руки и просунули цепи в крюк, свисавший с низкого потолка. Я почти висел, едва касаясь пола пальцами ног. Наручники глубоко впились в кожу, прежде растертую до крови. Боль была столь сильна, что с губ моих сорвался крик. Верзила взглянул на меня с презрением.

— Уже готов, — бросил он. — Оно и к лучшему, меньше будет возни. Отвечайте быстро: что вам известно об отношениях королевы и Франциска Дерема?

— Ничего, — простонал я.

«Может, пытки прекратятся, если я расскажу о королеве и Калпепере?»
— пронеслось у меня в голове.

Но вдруг это признание не только не поможет мне, но, напротив, повредит? Вдруг палачи решат, что я пытаюсь отвести им глаза?

— Вы что, не поняли, что сейчас начнется? — проворчал верзила. — Кончайте валять дурака!

— Пытки в Англии запрещены законом! — отчаянно возопил я.

Грубые черты палача исказило подобие усмешки.

— Слыхал, Том? — обратился он к своему отпрыску. — Этот неженка вообразил, что его уже пытаются! Нет, любезный, это все цветочки. Пока мы только готовились к пыткам. Ну-ка, сынок, объясни ему, что к чему.

Юнец выступил вперед. В одной руке он сжимал раскаленный докрасна нож, в другой — клещи. Он поднес эти зловещие орудия к самому моему носу, давая возможность рассмотреть их получше.

— Поначалу мы вырвем вам зубы, — сообщил он с усмешкой. — Причем каждый прежде сломаем. Это куда больнее, чем вырывать с корнем. А потом примемся за ногти. Сорвем их вот этим ножичком.

Дышать с воздетыми над головой руками было трудно, но туман, стоявший у меня в голове, внезапно прояснился. Я осознал весь ужас своего положения с потрясающей ясностью.

— Попробуем опять, — донесся до меня голос палача. — Что вам известно об отношениях королевы и Франциска Дерема?

— Ничего. Прошу вас, погодите...

Скорость, с которой действовали эти двое, всякий раз заставляла меня врасплох. Я и глазом не успел моргнуть, как палач сжал мою голову мясистыми ручищами и кивнул сыну. Я ощутил во рту сначала чужие потные руки, затем — прикосновение металла. Раздался кошмарный треск, и невыносимая боль пронзила все мое существо. На языке я ощутил вкус крови. Боль то слегка отступала, то накатывалась, подобно волне. Юнец отступил назад, сжимая клещи, в которых было зажато что-то белое.

— Ну, теперь-то вы уяснили, что мы не собираемся шутить! — заявил верзила. — Живо выкладывайте все, что знаете о королеве и Дереме! Иначе Том покажет, как он ловко орудует ножом. Пожалуй, мы будем чередовать зубы и ногти.

— Я ничего, ничего не знаю, слышите! — обезумев от боли, вопил я. — Прошу вас, прекратите!

Отец кивнул, и сын, приблизившись, поднял нож к моим скованным рукам.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Раскаленное лезвие замерло, почти касаясь моего ногтя. Судя по пронзительному скрипу, дверь отворилась. Сквозь пелену боли и ужаса до меня доносились чьи-то голоса. Один из них, суровый и властный, явно принадлежал сэру Джейкобу Роулингу. Дверь захлопнулась вновь. Я дико озирался по сторонам; изо рта текла кровь, с губ срывались стоны.

Грузный тюремщик о чем-то говорил со старшим палачом, поглядывая на меня без особого интереса. Палач вновь кивнул сыну, и тот отложил раскаленный нож. Ощутив, как мясистые ручки палача коснулись моего тела, я решил, что сейчас начнется новое истязание. Но верзила всего лишь снял с крюка цепи, сковывавшие мои руки, и опустил меня на пол. На лице его вновь появилось подобие улыбки.

— Сегодня вам крупно повезло, — проворчал он. — Дело придется отложить. Сейчас вас отведут в камеру.

Содрогаясь всем телом, я сплюнул кровь и остатки зуба. Отпрыск палача сломал мне нижний резец. Я так шатался, что толстяку пришлось меня поддержать.

— Идите отсюда, приятель, — добродушно сказал он. — Только прежде оденьтесь. Вот ваш камзол и рубашка.

Он помог мне накинуть одежду и, поддерживая за локоть, повел прочь из жуткого застенка.

— Что произошло? — спросил я, обретая в коридоре дар речи.

Собственный голос показался мне чужим, рана во рту по-прежнему кровоточила. До сего дня мне удавалось сохранить почти все зубы, чем я немало гордился.

— Вас приказано доставить в Хэмптон-Корт, к архиепископу Кранмеру. Вот только не знаю, кто там о вас позаботится. Ведь, сами знаете, Кранмер лишился своего тюремщика. Ох, и подвел же этот чертов Редвинтер нас с Билли! — горестно вздохнул толстяк.

Свернув за угол, я увидел Барака, который стоял у письменного стола в обществе юного Билли. Сердце мое радостно подскочило. От вчерашней растерянности Джека не осталось и следа; судя по его бодрому и самоуверенному виду, ему удалось добиться успеха. Впрочем, стоило ему увидеть меня, он изменился в лице.

— Господи боже! — взревел он. — Что вы с ним сделали, каналы! Да я вас...

— Мы тут ни причем, — перебил его толстяк. — Его пытали по приказу сэра Джейкоба. Мой вам совет — берите его и увозите отсюда под добру-поздорову, пока архиепископ не передумал.

— У нас и так хлопот полон рот, — вставил Билли. — Говорят, вскоре придёт здоровенная барка с новыми заключёнными.

— Ничего, камер на всех хватит, — буркнул толстяк.

Барак сжал мою руку.

— Сколько зубов вам вырвали эти сукины дети?

— Всего один.

— Идёмте отсюда быстрее. В Хэмптон-Корт мы доберёмся по реке. Дождь лёт как из ведра, но я захватил для вас плащ и одеяло. Кстати, вот ваши вещи.

И он протянул мне кинжал, кошелек и печать Кранмера, отобранные при обыске.

— Вы не собираетесь снять с него цепи, болваны? — обратился Барак к тюремщикам.

— Сейчас снимем, — невозмутимо откликнулся толстяк.

Отобрав ключ из связки, висевшей у него на поясе, он, пыхтя, наклонился и освободил сначала мои ноги, потом — левое запястье. Когда дело дошло до правого, тугого наручника, ключ отказался поворачиваться.

— Что за проклятье такое, — пробормотал тюремщик.

— А вы поплюйте на ключ, — посоветовал Барак.

Тюремщик последовал совету, но справиться с ключом ему так и не удалось.

— Похоже, вам придётся носить этот браслет до гробовой доски, приятель, — усмехнулся он.

Барак нагнулся и осмотрел наручник.

— Проржавел насквозь, — сообщил он. — Тут без инструментов не обойдёшься. Дома я избавлю вас от этого украшения. Но только как вы предстанете перед архиепископом, волоча за собой трёхфутовую цепь? Снимите хотя бы этот замок, — повернулся Барак к тюремщикам.

Наручник был соединён с цепью при помощи крошечного замка. Толстяк, ворча, вновь принялся копать в своей связке. Наконец он нашёл подходящий ключ, отпер замок, и цепь со звоном упала на пол. До сей поры я наблюдал за его действиями совершенно безучастно и только облизывал свои потрескавшиеся и вспухшие губы. Но, освободившись от цепи, я неожиданно для себя самого разразился рыданиями, которые эхо разносило под низкими сводами. Барак бережно взял меня за руку и повёл вверх по лестнице через главный холл. На этот раз мне было совершенно

наплевать, что солдаты видят меня в столь неприглядном обличье. Задавать вопросы не было сил; я лишь покорно ковылял вслед за Баракком.

Мы спустились по ступеням Белой башни, и я ощутил под ногами мягкую траву, а на лице — дождевые струи. Вскоре мы вновь оказались у ворот Изменников, через которые я попал в Тауэр. Там нас ожидали лодка, солдат и лодочник в ливрее слуг Кранмера. Проливной дождь вспучил поверхность Темзы, превратив ее в тысячи маленьких водоворотов. Лодочник протянул руку, чтобы помочь мне сесть.

— Осторожнее, ему здорово досталось, — предупредил Барак.

Мы опустились на скамью, и лодочник взялся за весла. Барак накинул мне на плечи одеяло. Я по-прежнему пребывал в оцепенении и, потирая рукой ноющую челюсть, молча смотрел на руку. Мимо нас проплыла барка, которая направлялась к воротам Изменников. Пассажирами ее были джентльмены и леди, окруженные солдатами; все они имели до крайности испуганный вид и не обращали внимания на то, что дождь мочит их роскошные наряды. С изумлением я увидел Франциска Дерема, утратившего все свое высокомерие; белый как мел, он скрючился на скамье. Узнал я также и некоторых дам из свиты королевы. Среди них была леди Рочфорд. Она тоже увидела меня — об этом красноречиво говорил ее исполненный ужаса взгляд. Заметив мой окровавленный рот, она испустила душераздирающий вопль и попыталась встать. Солдат заставил ее опуститься на скамью. Леди Рочфорд вновь испустила вопль, который стоял у меня в ушах еще долго после того, как барка въехала в ворота.

— Вы видели леди Рочфорд? — обратился я к Баракку. — Неужели она арестована?

— Похоже, так и есть. Вероятно, шашни королевы и Калпепера вышли наружу.

— Если и нет, это произойдет в самом скором времени, — мрачно проронил я.

— Но нам это только на пользу, — заявил Барак.

— Пожалуй. После того как эта история перестанет быть тайной, наша к ней причастность никого не будет волновать.

— А какая участь ожидает королеву?

— Полагаю, она кончит свои дни на плахе. Бедное дитя. Бедное неразумное дитя.

Слезы вновь хлынули у меня из глаз. Я вытирал их рукавом и морщился, задевая истерзанную челюсть.

— Вы в состоянии говорить с Кранмером? — осведомился Барак, обеспокоенно глядя на меня.

— Я должен с ним поговорить во что бы то ни стало. Значит, вам удалось к нему проникнуть? — спросил я, с трудом переводя дух.

Барак тряхнул головой, с волос его полетели дождевые капли.

— Перво-наперво я отправился в Гилдхолл и повидался с вашим другом мастером Верви. Вы были правы: в тот самый день, когда вас арестовали, в Городской совет явился приспешник Рича. Он сообщил, что вы — государственный преступник и Городскому совету следует прервать с вами всякие сношения, ну и, разумеется, отказаться от порученного вам дела. Узнав, что вы в Тауэре, они все перепугались до полусмерти. И быстренько согласились отказаться от тяжбы. При условии, что каждая из сторон заплатит свои судебные издержки. Так что, как это ни печально, вам не удастся разбить этого пройдоху Билкнэпа в пух и прах.

— Наплевать, — буркнул я. — Вы как в воду глядели, Джек. Я дорого заплатил за свое упрямство.

— Потом я двинул в Уайтхолл, — продолжал Барак. — Попытался получить там разрешение посетить Кранмера в Хэмптон-Корте. Но выяснилось, что это мертвый номер: во дворец никому ходу нет. Один из моих знакомых в Уайтхолле сообщил мне, что королева арестована, хотя никто еще не знает, по какой причине. У меня было и руки опустились. Но тут ваш старый друг пришел мне на помощь.

— Что еще за друг такой?

— Мастер Саймон Крейк, — с улыбкой сообщил Барак.

— Крейк?

— Я слонялся в Уайтхолле по коридорам, и, думаю, вид у меня был не слишком жизнерадостный. Он подошел ко мне и спросил, что случилось. Я сказал, что вы арестованы. И скорее всего, это происки Рича. Он заявил, что Рича ненавидит, а вам обязан по гроб жизни. Быстренько написал письмо в контору лорда-камергера в Хэмптон-Корте и поручил меня отвести.

— Но со слов здешнего смотрителя я понял, что меня оклеветал один из клерков Саймона Крейка. Он заявил, будто я дружески болтал с Деремом и радовался, что тот наставил королю рога...

Барак расхохотался.

— Я представил, с какой миной вы могли бы это произнести, — пояснил он.

— Значит, Рич обратился прямо к клерку, минуя его патрона.

— Старина Крейк не так уж плох, хотя он и любит, чтобы бабы угощали его розгами по заднице. Кстати, он просил передать, что очень вам сочувствует.

— А я был уверен, что он всегда пляшет под дудку Рича. Значит, в конце концов вам удалось увидеть Кранмера?

— Только его секретаря. Господи боже, в Хэмптон-Корте творится настоящее светопреставление. Солдаты-караульные все время ходили за мной по пятам. Они отвели меня к секретарю Кранмера, и я все ему рассказал. Он отправился к архиепископу и вернулся с приказом забрать вас из Тауэра и отвезти в Хэмптон-Корт.

Он бросил виноватый взгляд на мой окровавленный рот.

— Богом клянусь, я старался не терять времени даром. Прошлую ночь я глаз не сомкнул.

— Я никогда не забуду, что вы для меня сделали, Джек. — Голос мой дрогнул. — Не выразить словами, как я вам признателен.

Лодка быстро шла по самой середине реки. Я сжался под одеялом, по которому упорно барабанили дождевые струи. Вестминстер и дворец Ламбет остались позади.

— Редвинтер мертв, — проронил я, окинув взглядом башню Лоллард. — Он повесился вчера в камере.

— Туда ему и дорога, — буркнул Барак.

— Честно скажу, мне его жаль.

— Вы слишком жалостливы. И частенько во вред себе.

— Может, вы и правы. Как себя чувствует мастер Ренн?

— Ему лучше. Я ведь приводил к нему старого мавра.

— Гая?

На душе у меня стало немного легче при упоминании о старом друге.

— Он осмотрел мою ногу и сказал, что она почти зажила. Что до мастера Ренна, по его словам, старикан изнурен до крайности. Но несколько дней отдыха и хорошая пища помогут ему восстановить силы. Я спросил его, сколько еще протянет мастер Ренн, — сказал Барак, и лицо его стало серьезным. — Он ответил: около месяца. И боли все время будут усиливаться.

— Дай бог, нам удастся отыскать его племянника.

— Конечно удастся. Он не иголка, а Лондон — не стог сена.

— Да, но Мартин Дейкин — приверженец традиционных взглядов и к тому же уроженец севера. Помните, я говорил вам, что видел Бернарда Лока за день до того, как его казнили?

— Помню.

— Так вот, я спросил его, знает ли он Мартина Дейкина. Лок ответил, что знает, но Дейкин ни в чем не замешан. Но выражение, с которым он это сообщил, показалось мне весьма странным. Почти насмешливым.

— Я слышал, что сейчас во всех юридических корпорациях полностью соглядатаев, посланных Тайным советом. Они донимают людей расспросами, пытаются выяснить, не завелась ли где измена. Прежде всего их интересует Грейс-Инн.

— Кто-нибудь арестован?

— Мне об этом ничего не известно. Кстати, я сказал старому мавру о том, что с вами приключилось. И он тут же вознамерился бежать в Тауэр. Мне с трудом удалось его удержать.

— Он верный друг, — улыбнулся я.

— Должен сказать, дома у вас не все гладко. Джоан и Тамазин, мягко говоря, не слишком поладили.

— Надеюсь, у вас хватило ума поселиться с Тамазин в разных комнатах?

— Дело не в этом, — пожал плечами Барак. — Они наперебой ухаживают за стариной Ренном и никак не могут его поделить. Две женщины под одной крышей — это всегда раздоры. Но Тамазин всячески старается не сердить Джоан.

Мысль о том, что Тамазин хозяйничает у меня дома, была мне не особенно приятна, но я постарался не выдать своего неудовольствия.

— В конце концов вы окажетесь у Тамазин под каблуком, — только и позволил я себе заметить.

— Не на такого напала, — ухмыльнулся Барак. — Да, завтра я должен встретиться с одним из своих приятелей. С тем самым, кого я просил разузнать об отце Тамазин.

— И что ему удалось выяснить?

— В записке, которую я получил, говорится лишь, что у него есть для меня новости.

Мы погрузились в молчание. Я потирал то ноющую челюсть, то руку, сдавленную наручником. При виде показавшихся вдали башен Хэмптон-Корта душа моя вновь ушла в пятки.

Солдаты, перегордив пристань, проверяли документы у всех, прибывших в Хэмптон-Корт. Барак показал им письмо Кранмера, то самое, что вызволило меня из Тауэра. Нам приказали подождать под деревянным навесом вместе с другими визитерами. Я попытался по возможности привести в порядок свою разорванную одежду и спустил пониже манжет рубашки, дабы скрыть наручник. Под железным браслетом образовалась глубокая ссадина, боль в десне заставляла меня постоянно морщиться. Сопровождавший нас солдат не отходил от меня ни на шаг.

«Я остаюсь арестантом», — пронеслось у меня в голове.

К нам подошел чиновник. Я узнал в нем того самого клерка с неслышными шагами, который более двух месяцев назад проводил меня к Кранмеру. При виде моего опухшего, окровавленного рта глаза его расширились от удивления. Он провел нас через широкую лужайку. Солдат неотступно следовал за мной. Войдя во дворец через одну из задних дверей, мы принялись петлять по скудно освещенным коридорам. Выглянув в окно, я увидел внутренний двор, в котором толпились солдаты. Среди них я заметил знакомую фигуру. Это был сержант Ликон. Мне показалось, что вид у него удрученный.

Клерк остановился перед небольшой дверью.

— Подождите здесь, мастер Шардлейк. Архиепископ сейчас занят.

«По крайней мере, меня вновь называют «мастер», — мысленно отметил я.

Клерк повернулся к Бараку:

— Вам придется подождать в другом месте. Прошу, идемте со мной.

— До скорого, сэр, — бросил Барак и неохотно последовал за клерком.

Солдат распахнул дверь, пропуская меня внутрь, и вновь закрыл ее за моей спиной. Я догадался, что там он встал у дверей в карауле. Стены в комнате, в которой я оказался, были увешаны гобеленами, изображавшими сцены из жизни Древнего Рима. В очаге ярко горел огонь. Увидав у очага несколько подушек, я опустил на одну из них, даже не дав себе труда снять мокрый плащ. Не в силах бороться с охватившей меня усталостью, я закрыл глаза.

Сознание того, что в комнате я не один, заставило меня очнуться от дремы. Открыв глаза, я увидел архиепископа Кранмера, облаченного в белую мантию и черную епитрахиль. Он не сводил с меня глаз, сухое аскетичное лицо выражало величайшее беспокойство.

Я поспешно поднялся на ноги. Новый приступ боли пронзил мою челюсть, и с губ сорвался невольный стон.

— Не делайте резких движений, мастер Шардлейк, — произнес Кранмер, протягивая мне руку. — Иначе у вас закружится голова. Садитесь сюда.

Я рухнул на стул, который придвинул мне архиепископ.

— Что с вашим лицом? — тихо осведомился он.

Про себя я заметил, что сам Кранмер тоже выглядит отнюдь не лучшим образом. Щеки его посерели от усталости, под глазами залегли темные круги.

— В Тауэре меня подвергли пыткам, ваша светлость, — ответил я. — Прежде чем прибыл Барак со спасительным письмом, палачи успели

вырвать мне зуб.

Звук собственного голоса показался мне невероятно гнусавым.

— Я не давал приказа пытать вас, — нахмурился Кранмер.

Некоторое время он молчал, явно предаваясь колебаниям, затем заговорил вновь:

— Ко мне явился сэр Ричард Рич и заявил, что королева... вступила в преступную связь со своим секретарем Деремом, и вам об этом известно. Он знал, что я уже располагаю достойными доверия сведениями относительно неверности королевы. Один из ее старых слуг сообщил, что Кэтрин Говард вступала в плотские сношения с Деремом еще до того, как стала женой короля. Таким образом, брак ее с королем не может считаться действительным. Меня убедили в необходимости вашего ареста. Внушили, что в Тауэре вы быстрее сделаете признания, нужные для успешного проведения следствия.

Архиепископ устремил на меня пытливый взгляд.

— Я решил: вы предали меня, утаив факты, обладающие государственной важностью. Но я не отдавал приказа подвергать вас пыткам.

— Полагаю, этот приказ отдал Рич. У нас с ним свои счеты.

— Малеверер представил мне донос, поступивший от одного из клерков мастера Крейка. И этот человек бесследно исчез. А сегодня утром у меня был Крейк. Сказал, что сэр Уильям Малеверер спрашивал, нет ли у него на примете клерка, который за плату даст ложные показания. И при этом сообщил, что хлопочет в интересах Рича. Крейк признался, что скрепя сердце указал Малевереру на одного из своих служащих, чьи моральные качества вызывали у него большие сомнения. Он не знал, что жертвой клеветы окажется именно вы. И, услышав, что вы в Тауэре, решил безотлагательно поставить меня в известность о свершившемся обмане. Крейк поведал мне также и о причинах влияния, которое имел на него Рич, — глядя мне прямо в глаза, произнес архиепископ. — Он сказал, что более не может выносить подобной зависимости. Особенно после того, как оказался втянутым в низкие козни, в результате которых вы оказались в Тауэре.

— Он потеряет свою должность?

— Боюсь, что так. Разумеется, визиты в притоны блуда и разврата, — архиепископ сморщил нос от отвращения, — достойны всяческого порицания. Но Крейку ни в коем случае не следовало подчиняться требованиям шантажиста. К счастью, он нашел в себе силы положить этому конец. Что до Малеверера, он тоже является сообщником Рича. Он

хочет приобрести конфискованные земли, прежде принадлежавшие Роберту Эску, и Рич обещал ему содействие. Этот человек дорого заплатил за свою алчность и беспринципность, — изрек Кранмер, сурово поджав губы. — Я сделаю все, чтобы он лишился места в Совете северных графств.

— Так или иначе, Рич добился своего, ваша светлость, — вздохнул я. — Городской совет отказался от тяжбы, о которой Барак рассказывал вашему секретарю.

Совсем недавно я заявил, что мне на это наплевать. Но сейчас упоминание о деле Билкнэпа наполнило душу острой досадой.

— Весьма сожалею. Но вы должны понимать, что вступили в схватку со слишком могущественным соперником. Даже я не осмелюсь выступить против Рича. Расположение, которое питает к нему король, чрезвычайно велико.

— Что ж, Рич победил и может пожинать плоды своей победы.

— Вы работали на лорда Кромвеля, мастер Шардлейк, — изрек архиепископ. — И значит, вам известно, что сильные мира сего избавлены от необходимости соблюдать закон.

Я счел за благо не ответить.

— Итак, вы действительно ничего не знаете об отношениях королевы и Франциска Дерема? — вполголоса осведомился Кранмер.

— Ровным счетом ничего, милорд. Клянусь.

— Дерем заключен в Тауэр. Его подвергнут пыткам.

Архиепископ прикусил губу.

— Вы сами понимаете: это необходимо.

— Я видел его на барке, которая вошла в ворота Изменников. Его и нескольких придворных дам королевы.

— Я лично допрашивал королеву. Наружу вышли доселе неизвестные обстоятельства. Были упомянуты имена других мужчин, которым удалось добиться ее расположения.

«Наверняка несчастная ветреница уже рассказала о своем флирте с Калпепером», — пронеслось у меня в голове.

Я взглянул на Кранмера, опасаясь новых вопросов, но он лишь покачал головой.

— Распущенность этой женщины воистину не знает границ, — произнес он с горестным вздохом. — В результате ее недостойного поведения король оказался в крайне неловком положении. Пока он отказывается верить в измену жены. Но вскоре ему будут предоставлены неопровержимые свидетельства.

— Если королева впадет в немилость, ее дядя, герцог Норфолкский, бесспорно, утратит свое влияние на короля, — осмелился заметить я. — А вместе с ним — вся партия приверженцев старых религиозных традиций.

Кранмер кивнул.

«Этот человек осуждает грязные средства борьбы, которые при дворе в большом ходу, — подумал я. — Но если они необходимы для достижения его собственных целей, он отнюдь их не чурается. Пока королевская чета путешествовала, он упорно готовил падение Кэтрин Говард».

— Вы правы, влиянию Говардов придет конец, — безучастно проронил архиепископ. — В стране есть другие знатные семьи, более расположенные к реформам. Сеймуры, Дадли, Парры. Да, Парры, — повторил он задумчиво. — Возможно, теперь король не будет столь глух к их мнению.

— А королева? Ее ожидает смерть?

— Полагаю, эта женщина вполне заслуживает смерти, — изрек архиепископ, не сводя с меня своих непроницаемых голубых глаз. — Но пока об этом не следует говорить за пределами Хэмптон-Корта. Вы меня поняли?

— Да, ваша светлость.

Я заметил, что взгляд Кранмера упал на мое запястье. Рукав, задравшись, обнажил наручник и растертую до крови руку.

— Поверьте, мастер Шардлейк, я весьма сожалею о том, что вам пришлось невинно пострадать, — сказал он с искренним сочувствием. — Вы получите денежную награду, намного превышающую ту, что полагалась вам за выполнение ваших обязанностей.

— Но Бродерик...

— Я знаю, вы не имели возможности предотвратить его гибель, — нахмурившись, махнул рукой Кранмер. — Никто из нас и предположить не мог, что Редвинтер лишится рассудка.

— Полагаю, этот человек давно уже находился во власти безумия.

— Да, его усердие порой граничило с жестокостью. Но, думаю, это происходило потому, что он всеми силами души ненавидел врагов истинной веры и страстно желал искоренения всяческой ереси. Надеюсь, Господь не отвергнет его душу.

Кранмер отвернулся к испещренному дождевыми брызгами окну, за которым ветер раскачивал голые деревья. До меня донесся едва слышный вздох, исполненный неподдельной печали.

— Ваша светлость, Редвинтер вовсе не убивал Бродерика, — заявил я. — Малевверер обвинил его ошибочно.

Архиепископ удивленно воззрился на меня.

— Но он был так уверен в своей правоте.

— У меня была возможность изучить умонастроения Редвинтера, ваша светлость. И я могу смело сказать, что он был верен вам до последнего вздоха. Он никогда не стал бы убивать столь важного для вас узника.

— Но кто тогда убил Бродерика?

— Точнее сказать, не убил, а помог совершить самоубийство. Как вам известно, Бродерик предпринял несколько попыток лишиться себя жизни. Думаю, его сообщником был человек, который похитил бумаги, хранившиеся в шкатулке.

Кранмер с интересом взглянул на меня, и я рассказал ему о своих подозрениях.

— Этими соображениями я поделился с сэром Уильямом, но он не считал их достойными внимания, — заключил я свой рассказ.

— Да, Малевевер не из тех, кто прислушивается к чужому мнению, пусть даже это мнение весьма обоснованно, — кивнул Кранмер. — Избытком самоуверенности он пытается восполнить недостаток проницательности. Так, значит, вы считаете, что человек, похитивший документы, вовсе не оставил Йорк, а продолжил путешествие вместе с королевским кортежем. И вместе с Бродериком взошел на борт корабля. Но кто же он?

Я набрал в грудь побольше воздуха.

— Тот, кому было поручено охранять Бродерика во время плавания, — сержант Ликон. К своим обязанностям он приступил еще в аббатстве Святой Марии. Сержант — уроженец Кента. Только что я видел его во дворе Хэмптон-Корта.

— Что ж, полагаю, этого сержанта стоит подвергнуть допросу, — сказал архиепископ.

— Но, милорд, это всего лишь мои предположения, — пошел я на попятный. — Если мне дозволено будет спросить...

— Спрашивайте.

— Речь идет только о допросе? Надеюсь, сержанта не будут пытаться? Вполне возможно, все мои выводы строятся на случайных совпадениях.

— Я лично допрошу его, — нахмурившись, сказал архиепископ. — Если документы действительно находятся в руках у заговорщиков, это может повлечь за собой... определенные проблемы. Некоторые из этих бумаг до сих пор не утратили своего значения и могут быть использованы для разжигания смуты. Бернард Лок назвал имена своих братьев по ремеслу, сочувствующих папизму. Многих из них уже успели допросить. Но пока нам так и не удалось выяснить, кому из них было поручено забрать

документы у Лока.

— Я видел Лока в Тауэре, за день до казни. На нем живого места не осталось.

— Господи, прими его душу, — изрек Кранмер и вновь испустил горестный вздох. — Этот человек был изменником и заслужил смерть. Вы сами знаете, как велика его вина.

Он махнул униженной кольцами рукой.

— Ступайте домой, мастер Шардлейк. Вам необходим отдых. Если мы получим новые сведения, я сообщу их вам.

— Благодарю вас, ваша светлость.

Я замешкался, не зная, стоит ли сообщать архиепископу о Блейбурне и о легенде, которую поведал мне старый законник из Халла.

«Как человек, облеченный властью, Кранмер наверняка знает об этом и без меня, — решил я. — И мне совершенно ни к чему признаваться в своей осведомленности, чреватой лишь новыми неприятностями».

Я поднялся, невольно поморщившись.

— Ваша светлость?

— Да?

— Дозволено ли мне будет обратиться к вам с просьбой? В дальнейшем мне не хотелось бы выполнять поручения, связанные с политикой. Сейчас, после перенесенных злоключений, я желаю лишь одного — провести остаток своих дней в мире и спокойствии.

Я сунул руку в карман, извлек печать и протянул ее архиепископу. Он взглянул на печать, потом перевел взгляд на меня.

— Но вы могли бы принести мне немало пользы, мастер Шардлейк. Именно так считал бывший ваш патрон, Томас Кромвель.

Я молчал, по-прежнему сжимая в руке печать. Кранмер не сводил взгляда с моего измученного лица.

— Будь по-вашему, — кивнул он и неохотно принял печать.

Я поклонился и двинулся к дверям. Однако тихий голос Кранмера заставил меня остановиться.

— Мастер Шардлейк.

— Да, ваша светлость.

— Суровые меры, к которым прибегает король, — это вынужденная необходимость. Не забывайте, что король — наместник Господа на земле и ему свыше предназначен удел вывести Англию на путь истины и справедливости.

Мне хотелось сказать архиепископу, что он почти в точности повторяет слова Редвинтера. Но я счел за благо промолчать и, снова отвесив поклон,

покинул комнату. Солдат, ожидавший у дверей, провел меня по коридорам. Мы пересекли лужайку и подошли к пристани, где ждал Барак.

— Лодочник доставит вас домой, сэр, — сказал солдат и, поклонившись, удалился.

Проводив его глазами, я осознал, что свободен. Барак коснулся моей руки.

— Поехали домой, — сказал он.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Дождь начал постепенно стихать, когда мы проплывали мимо Вестминстера, и прекратился совершенно, когда лодка причалила у Темпла. Барак помог мне выйти. Несколько мгновений я не двигался с места, глядя на Темпл-гарденс и столь хорошо знакомый мне приземистый силуэт церкви Темпларс.

— Вы в состоянии дойти до Канцлер-лейн? — осведомился Барак.

— Конечно. Мысль о доме придает мне сил.

— наших лошадей доставили два дня назад. Свежих, чистеньких и заново подкованных.

— Кто бы сомневался в том, что в королевских конюшнях служат умелые конюхи, — усмехнулся я. — В королевской армии служат отличные солдаты, а в королевских тюрьмах — превосходные палачи, — добавил я с горечью. — Кстати, я попросил Кранмера никогда более не обращаться к моим услугам. Он дал согласие, хотя и без особой охоты.

— Вот и хорошо. Такой гонки, как в эти два дня, мне больше не выдержать. Да, а как насчет Рича и Малеверера? Они поплатятся за свою клевету?

— Ричу, разумеется, все сойдет с рук. Его могущество слишком велико. А Малеверер потеряет свое место в Совете северных графств. Так, по крайней мере, сказал Кранмер. Кстати, я сообщил ему, что, по моим предположениям, убийца Бродерика — вовсе не Редвинтер. И посоветовал допросить сержанта Ликона.

— И что только вы привязались к бедняге сержанту? — покачал головой Барак. — Если кто не похож на заговорщика, так это он. Его, как и старину Ренна, заботят лишь собственные семейные дела. Ну и еще, конечно, служба.

— Кранмер выяснит, что к чему. А я больше ничем не могу ему содействовать. И никаких других подозреваемых у меня нет.

— Идемте. А то за разговором мы совсем не двигаемся с места.

— Да-да, конечно.

И мы зашагали по тропе, покрытой скользкими опавшими листьями.

— Джоан с ума сойдет, увидев, какой вы красавчик, — заявил Барак. — Надо придумать для нее какую-нибудь историю. Может, скажем, что на вас напали грабители?

— Да, именно так и скажем. Только бы она не заметила этот чертов

наручник.

— Ничего, дома я его быстро сниму.

— Пока я был в Тауэре, мне казалось, дождь льет не переставая, — сказал я. — Это и в самом деле было так?

— Дождя в эти дни хватало.

— Когда мы выезжали в Йорк, лето только кончилось. — Я окинул взглядом облетевшие деревья. — А сейчас зима не за горами.

— Помните, сколько снега выпало в ноябре четыре года назад? Господи боже, ну и стужа стояла тогда!

— Этот год я помню слишком хорошо. Тогда лорд Кромвель послал меня в Скарнси, расследовать убийство, случившееся в тамошнем монастыре. То было первое дело государственной важности, которое мне поручили. Именно тогда я впервые усомнился в реформах. В том, что все меры, принятые королем, справедливы и оправданны.

Мы пересекли Флит-бридж и свернули на Канцлер-лейн. Впереди замаячила красная крыша моего дома.

— Господи, наконец-то я дома!

Против воли глаза мои вновь увлажнились слезами.

Первым, кого мы увидели, войдя в холл, был Питер, мальчуган, помогавший Джоан на кухне. Он уставился на меня во все глаза, едва не выпустив из рук ведро с помоями. Я поглубже засунул скованную руку в карман плаща.

— Где Джоан? — осведомился Барак, взглядом показывая парнишке, что ему лучше воздержаться от расспросов.

— Пошла на базар, сэр. А мистрис Ридбурн только что отнесла мастеру Ренну чашку бульона.

При упоминании о Тамазин губы его тронула многозначительная ухмылка.

— В гостиной горит огонь? — спросил я.

— Да, сэр.

— Будь любезен, принеси нам пива.

Питер поспешил на кухню, а мы с Бараком вошли в натопленную гостиную. Рухнув в кресло у камина, я принялся потирать свое многотрадальное запястье.

— Я схожу за инструментами, — бросил Барак.

У меня был случай убедиться, что помощник мой чрезвычайно ловко обращается с замками. Год назад он открыл запертый колодец в саду Уэнтвортов. Тогда его сноровка заставила меня несколько насторожиться. Теперь мне было совершенно все равно, где и когда Барак поднаторел в

ремесле взломщика.

Барак провозился с наручником полчаса, однако все его усилия не принесли результата.

— Проклятый замок проржавел насквозь, — буркнул он.

Я тщетно пытался испепелить наручник взглядом; прежде мне и в голову не приходило, что кусок железа может возбуждать такую ненависть.

— Что же делать? — спросил я, и голос мой дрогнул. — Того и гляди, на руке возникнет язва.

— В Чипсайде у меня есть приятель, который справится с любым замком, — сообщил Барак. — У него и опыта побольше, чем у меня, и инструменты лучше.

Джек злобно взглянул на наручник, доставивший нам столько хлопот.

— Придется мне сходить за ним.

— Вам необходимо отдохнуть.

— Да ладно, отдохнуть всегда успею.

Он одним глотком допил свое пиво и выскочил прочь. Я с трудом поднялся на ноги и принялся медленно подниматься по лестнице.

Открыв дверь комнаты для гостей, я увидел Джайлса, который сидел на кровати в халате и ночной рубашке. Рядом на стуле Тамазин что-то шила. При моем появлении она вскочила и уронила шитье. Оба уставились на меня, онемев от изумления.

— На самом деле все не так страшно, — произнес я, коснувшись своего опухшего лица. — Я всего лишь потерял один зуб.

— Вас выпустили на свободу? — обрел дар речи Джайлс.

— Да, благодаря Бараку. Но сейчас у меня нет желания об этом говорить. Как вы себя чувствуете, Джайлс?

— Я крепну с каждым днем, — с улыбкой ответил старик. — Путешествие забрало у меня много сил, но я еще непременно встану на ноги. Боже милосердный, я так рад, что вы на свободе! Словами не передать, сколько тревог я пережил.

Неподдельное участие, светившееся в глазах старика, тронуло меня до глубины души.

— Мастер Ренн не слишком терпелив, сэр, — подала голос Тамазин. — Он все время порывается встать с постели.

На губах ее играла улыбка, но взгляд был исполнен настороженности. Я заметил, что она выглядит бледной и усталой.

— Барак рассказал мне, что вы оказались отличной сиделкой.

— Да, Тамазин очень добра ко мне, — сказал Джайлс, ласково поглядев на девушку.

— Ваш друг мастер Гай сказал, что мастеру Ренну необходимо провести в постели несколько дней, — продолжала Тамазин. — Но мастер Ренн, как видно, не собирается следовать его предписаниям.

— Я знаю, что Барак приводил к мастеру Ренну Гая.

— Если не возражаете, я оставлю вас, джентльмены, — проронила Тамазин. — Я обещала мистрис Вуд сходить в лавку кое-что купить.

— Конечно, идите, Тамазин. Да, и спасибо вам за то, что передали мне в Тауэр еду и одежду.

— Я счастлива, сэр, что вам удалось вырваться из этого жуткого места. Пока вы были там, Джек просто обезумел от беспокойства.

Взгляд Тамазин по-прежнему оставался выжидательным и настороженным. Возможно, она не знала, на какое отношение с моей стороны может рассчитывать. Сделав реверанс, девушка удалилась. Я опустил в кресло у кровати Джайлса.

— Вас пытали? — тихо спросил старик.

— На мою удачу, они лишь приступили к пыткам, когда Джек принес письмо от Кранмера. Так что я отделался сравнительно легко.

— Барак говорил, что Рич и Малеверер организовали против вас настоящий заговор.

— Да. И их козни известны Кранмеру. Рич, как всегда, выйдет сухим из воды. А вот Малеверера ожидают крупные неприятности.

Я поймал взгляд Джайлса, устремленный на мое запястье. Рукав снова задрался, обнажив наручник и ссадину, которая становилась все глубже.

— Эта штукавина наводит меня на горькие размышления, — задумчиво произнес он. — Король готов заковать в наручники всю Англию, а порядка в стране становится все меньше. Высокопоставленный мошенник вроде Рича может безнаказанно оклеветать честного человека, бросить его в тюрьму, даже подвергнуть пыткам. Ему ничего не стоит попрасть закон, повернув в свою пользу любую тяжбу. Поверьте мне, Мэтью, прежде Англия не знала подобного произвола.

— Да, Джайлс, Англия переживает сейчас не лучшие времена. Кстати, о высокопоставленных мошенниках. Помните, вы рассказывали, что Малеверер происходит из семьи, известной своей непоколебимой преданностью католицизму? Но в тысяча пятьсот тридцать шестом году, в чаянии грядущих выгод, он присоединился к реформаторам.

— Совершенно верно. Алчность этого человека не знает пределов. Но почему...

— А что, если Малеверер ведет двойную игру? Объявив себя сторонником реформ, он получил доступ ко многим благам. Но, может

статься, в глубине души он верен прежним убеждениям.

— И что из этого?

— Сам не знаю, — пожал я плечами.

— Я отнюдь не уверен в том, что у Малевевера есть какие-либо убеждения, — с улыбкой заметил Джайлс. — А для того, чтобы вести двойную игру, у него не хватит ума.

Я уснул, едва коснувшись головой подушки, и проснулся лишь утром следующего дня, проспав более двадцати часов. Столь длительный сон освежил меня, хотя расшатанные зубы по-прежнему ныли и каждый шорох заставлял меня вздрагивать. Мысленно проклиная наручник, по-прежнему впивавшийся в руку, я встал и оделся. Посмотрев в стальное зеркало, я едва не зажмурился при виде заросшего щетиной призрака с глубоко запавшими глазами.

Я спустился вниз. Джоан, заслышав мои шаги, вихрем примчалась из кухни и замерла на пороге гостиной, открыв рот от ужаса. Кажется, она готова была разразиться горестными воплями. Я предостерегающе вскинул руку.

— На самом деле все не так страшно, — произнес я, чувствуя, что эта фраза войдет у меня в привычку.

— Господи боже, сэр, да эти мерзавцы вам весь рот порвали! — принялась причитать Джоан. — Погибели на них нет! Честному человеку уже нельзя ходить по улицам, столько развелось грабителей! И куда только смотрят власти!

Я в недоумении воззрелся на нее, но вовремя вспомнил, что мы с Баракком решили выставить меня жертвой грабительского нападения.

— Ничего, Джоан, в жизни бывают и более крупные неприятности. Кстати, мой зверский аппетит доказывает, что я отнюдь не на пороге смерти. Может, вы подадите мне завтрак?

— Да-да, конечно, сэр, — закивала головой Джоан и с озабоченным видом скрылась в кухне.

Я опустил в кресло и принялся глядеть в окно на сад, все дорожки которого были усыпаны листьями. Дождя не было, но небо сплошь затянули свинцовые тучи. Взор мой устремился к дальней стене. Я вспомнил рассказ Барака о том, что правление Линкольнс-Инна приказало вырубить сад, вплотную примыкавший к моему. Об этом намерении я узнал еще летом. Тогда я предупредил, что, вырубив деревья, корни которых поглощают грунтовые воды, они рискуют устроить на участке настоящий потоп. Надо пойти и взглянуть, что там творится, решил я.

Затем мысли мои вернулись к Малевеверу. Он стал сообщником сэра

Ричарда и помог оклеветать меня, вне всякого сомнения рассчитывая, что Рич окажет ему ответную услугу в деле приобретения земель мятежников. Расчеты его не оправдались. Но что, если он и в самом деле вел двойную игру и, содействуя грязным замыслам Рича, преследовал некую тайную цель? Почему он столь решительно отвергал все мои предположения? Убедив себя, что Дженнет Марлин похитила и уничтожила документы, а Бродерика убил обезумевший Редвинтер, он оставался глух ко всем доводам рассудка. Скорее всего, он знал, что солдаты, которым поручена охрана заключенного, равнодушны к выпивке, однако до поры до времени это ничуть его не тревожило. Я приписывал все эти просчеты его глупости и упрямству, но что, если здесь скрывался тайный умысел? Кстати, где сейчас сэр Уильям, в Лондоне? Или на пути в Йорк? Хорошо бы все-таки точно узнать, кто отобрал для Бродерика стражников-пьяниц...

Вернулась Джоан с подносом, на котором лежали яйца, хлеб и сыр.

— Джоан, простите за столь нежданное нашествие гостей, — произнес я вкрадчивым тоном. — Еще в Йорке я обещал мастеру Ренну, что он может остановиться у меня дома. В Лондон его привели семейные дела, а здоровье его, как вы сами видите, оставляет желать лучшего. Что до Барака, он повредил ногу, и я решил, что ему лучше остаться у меня до полного выздоровления. Мистрис Ридбурн... — Я осекся, не зная, что сказать. — Кстати, где они все?

— Разбежались с утра пораньше, — фыркнула Джоан. — У мастера Джека какое-то дело, а Тамазин отправилась в Уайтхолл. Сказала: хочет узнать, сохранилось ли за ней место на кухне. По слухам, всю челядь королевы сейчас разогнали.

— Я тоже слышал нечто подобное, — безучастно проронил я.

«Да, совсем скоро слуги королевы лишатся своей госпожи, — добавил я про себя. — Тамазин некому будет печь сладкое печенье».

Джоан в замешательстве переступала с ноги на ногу, явно собираясь сказать что-то еще.

— Я ничего не имею против мастера Ренна, сэр, — произнесла она наконец. — Бедный старый джентльмен! Сразу видно, ему не много осталось. Но этой нахалке Тамазин у нас делать нечего. Где это видано, чтобы девушка жила с молодым человеком не венчанная? А она, похоже, не ведает, что такое стыд. Знай задирает нос и наряжается в платья, в которых не пристало расхаживать девице простого звания. По ее словам, она поселилась здесь, чтобы ухаживать за больным стариком. Но я ее насквозь вижу. Она из тех пронырливых особ, которые на все готовы, лишь бы обосноваться в доме джентльмена.

— Тамазин пробудет здесь недолго, Джоан, — устало проронил я. — Во время путешествия все мы чертовски устали. Как только Барак и его подружка придут в себя, они покинут этот дом.

— Верьте моему слову, она настоящая распутница, — не унималась служанка. — Думает, я не знаю, что по ночам она пробирается в комнату мастера Джека.

— Что нам до их ночных дел, Джоан? Сейчас я слишком устал, чтобы переживать из-за чужой нравственности.

Поняв, что я не расположен обсуждать недостойное поведение Тамазин, моя домоправительница сделала реверанс и вышла из комнаты.

Я с жадностью набросился на еду и, съев все до последней крошки, принялся бродить по комнате.

Малеверер и сержант Ликон не выходили у меня из головы, перед мысленным взором упорно возникал образ Бродерика, медленно раскачивающегося в петле. Потом я вспомнил, что как раз сегодня Барак собирался встретиться с приятелем, которому удалось добыть какие-то сведения об отце Тамазин. Любопытно, что он узнал? На ум пришел Мартин Дейкин, и я уже решил не откладывая сходить в Грейс-Инн и узнать о нем. Но потом вспомнил, что вид мой наводит на людей ужас, и отказался от этого намерения. К тому же до моих собратьев по ремеслу могли дойти слухи о происшествии в Фулфорде, а я чувствовал, что не в состоянии вынести докучливых расспросов.

«Ничего, — сказал я себе, — в Грейс-Инн я схожу завтра, избавившись от наручника. Может статься, я встречу там Билкнэпа. Знает ли эта продувная бестия, каким испытаниям меня подвергли, дабы обеспечить ему победу над законом?»

Я решил посмотреть, что творится на месте старого фруктового сада, надел сапоги и вышел из дома. На дорожках стояли лужи, а у дальней стены, за которой начинался фруктовый сад, земля превратилась в настоящее месиво. Я отпер калитку и вышел.

На участке земли, раскинувшемся передо мной, яблони росли на протяжении столетий; это были старые, искривленные, шишковатые деревья. С одной стороны сад тянулся до Канцлер-лейн, с другой — до ограды Линкольнс-Инна. Барак ничуть не преувеличил, когда сказал, что ныне он превратился в болото. Ямы, оставшиеся от выкорчеванных яблонь, были до краев наполнены водой. Древесные корни более не поглощали грунтовых вод, да и осень выдалась на редкость дождливая. В результате у самой стены возникла невероятных размеров лужа, более напоминавшая пруд. Осознав, что моим владениям угрожает потоп, я мысленно выругался

и пообещал себе завтра непременно поговорить с казначеем корпорации.

Печальное зрелище, которое являл собой уничтоженный сад, произвело на меня угнетающее впечатление. Я поспешно вернулся к себе и заглянул в конюшню. Сьюки и Предок стояли в стойлах, лениво жуя сено. Обе лошади были в добром здравии и, завидев меня, приветственно заржали. Я подошел и погладил Предка по лоснящемуся боку.

«Любопытно, о чем он думает? — спрашивал я себя, глядя в его темные глаза. — Переживал ли он, оказавшись на попечении незнакомых людей, которые заставили его проскакать двести миль? Тосковал ли по дому, так, как я в Тауэре?»

На память пришла огромная лошадь Олдройда, внезапно возникшая из тумана и едва не сбившая с ног нас с Тамазин. Гибель хозяина оказалась для животного невыносимым потрясением. Смерть, ставшая первым звеном в целой цепи насильственных смертей.

Выйдя из конюшни, я ощутил на лице дождевые капли и поспешил к дому. На крыльце спиной ко мне стоял какой-то высокий человек в черном плаще. Он смотрел на дверь, словно не решаясь постучать. Рука моя непроизвольно потянулась к кинжалу, висевшему на поясе. С тех пор как в Тауэре мне вернули оружие, я с ним не расставался.

— Что вам угодно? — резко осведомился я.

Незнакомец обернулся.

Это был сержант Ликон, сменивший мундир и шлем на камзол и шляпу. Мальчишеское лицо казалось до крайности озабоченным. Я заметил, что на поясе у него висит меч. Впрочем, большинство мужчин в Лондоне не выходили на улицу без оружия. Сержант снял шляпу и поклонился.

— Мастер Шардлейк...

Он осекся, рассмотрев мое лицо.

— В Тауэре со мной не слишком церемонились, — угрюмо проронил я.

— Я рад, что вас освободили, сэр. В Линкольнс-Инне я узнал, где вы живете. Сэр, простите, что на пристани мне пришлось вас арестовать. Я получил приказ и...

— Что вы хотите? — нелюбезно осведомился я.

— Поговорить с вами, сэр, если вы позволите.

Вид у сержанта был такой унылый и растерянный, что в сердце моем шевельнулась жалость.

— Входите, — сказал я, открывая дверь и пропуская его в холл. — Сделайте милость, снимите меч, сержант, — попросил я, когда мы оба оказались в гостиной. — Видите ли, сейчас остро заточенные лезвия пробуждают у меня слишком тяжелые воспоминания.

— Да-да, конечно, — закивал Ликон и, залившись краской, поспешно отстегнул перевязь.

Я взял меч и поставил у дверей.

— Итак, сержант, что привело вас в мой дом?

— Не зовите меня сержантом, сэра. Я уволен. Теперь я просто Джордж Ликон. Меня обвинили в том, что я не досмотрел за теми пьянчугами и тем самым позволил убийце Бродерика сделать свое дело. Я слышал, мастер Редвинтер повесился в Тауэре, — добавил он, поколебавшись.

— Да, это правда.

— Вчера меня допрашивал сам архиепископ Кранмер.

Я пытливо посмотрел на бывшего сержанта, пытаюсь прочесть в его глазах упрек. Но взгляд его был исполнен лишь печали и усталости. Значит, Кранмер не сказал, кому он обязан повышенным вниманием к своей скромной персоне.

— И что же?

— Он спросил, как это я допустил, что солдаты напился на посту.

— И что вы ответили?

— Ответил, что свинья грязи найдет, а они оба — настоящие свиньи. Хотя хитрости им не занимать. Не представляю, как они сумели протащить на корабль бутылку с пивом.

— Скажите, а кто отбирал людей для охраны Бродерика? — осведомился я нарочито равнодушным тоном.

— Капитан королевской стражи подсунул этих олухов сэру Уильяму. Верно, не чаял, как от них избавиться. Я кое-что слышал об их подвигах. Когда сэра Уильяма сообщил, что они будут охранять заключенного, я пытался возражать. Сказал: с ними хлопот не оберешься. Но он и слушать ничего не хотел.

— Как вы думаете, почему он остался глух к вашим словам?

— Ну, это всякому ясно, сэра, — пожал плечами Ликон. — Не такой сэра Уильяма человек, чтобы слушать простого сержанта. Он всегда настоит на своем. А за его ошибку пришлось платить мне.

«Вот и этот парень говорит об ошибке сэра Уильяма, — пронеслось у меня в голове. — Не слишком ли много ошибок и просчетов совершает этот надутый вельможа?»

— Из вас сделали настоящего козла отпущения, — кивнул я.

— В этой жизни так происходит сплошь да рядом, сэра. Если ты мелкая сошка, тебя может подставить любой. Правда, для сэра Уильяма эта история тоже не прошла даром. Говорят, он лишился места в Совете северных графств.

— Как по-вашему, Бродерика действительно убил Редвинтер?

На круглом лице сержанта отразилось недоумение.

— А кто еще, сэр? Вы же сами говорили: Редвинтер повредился в уме. А на корабле он совсем спятил, в этом у меня и сомнений нет.

— Возможно, — кивнул я и быстро спросил, вперив в Ликона пристальный взгляд: — Вам знакомо имя Блейбурн? Или Брейбурн?

— Да, сэр, только это не имя, а название деревни в Кенте, неподалеку от тех мест, откуда я родом. Брейбурн, так она называется. У вас там новая земельная тяжба?

Он замаялся, словно не решаясь напомнить мне о чем-то важном.

— Нет-нет, — покачал я головой. — Почему-то это название всплыло у меня в памяти. Насколько я понял, мастер Ликон, вы хотите о чем-то поговорить со мной.

— Сэр, наверное, с моей стороны это непростительная дерзость... — забормотал молодой человек. — После того, как я вас арестовал... Но помните, мы говорили...

— Ах да, земельная тяжба ваших родителей. Разумеется, помню.

Откровенно говоря, дело это совершенно вылетело у меня из головы.

— Старики мои уже в Лондоне. А я лишился службы, и денег на законника у меня нет.

— Я привык выполнять свои обещания. Но после двухмесячной отлучки мне требуется время, чтобы войти в привычную колею. Так что приводите родителей ко мне... скажем, в следующую среду. Документы у них с собой?

— Да, сэр.

Во взоре Ликона мелькнуло откровенное облегчение.

— Благодарю вас, сэр. Я всегда знал, что вы истинный джентльмен и на ваше слово можно положиться.

— Сейчас я не слишком похожу на джентльмена, — криво усмехнулся я. — Вот когда побреюсь, тогда буду больше заслуживать этого звания.

— Я так признателен вам, мастер Шардлейк, так признателен.

— Не забудьте свой меч.

Я пересек комнату и выглянул в окно. Дождь припустил с новой силой.

— Боюсь, вы промокнете до нитки.

Бывший сержант в ответ лишь улыбнулся и, поклонившись, вышел. Наблюдая из окна, как он идет по дорожке к воротам, я думал о том, что жизнью этого молодого человека руководит чувство долга. И долг солдата, и долг сына он выполняет неукоснительно. Скорее всего, я ошибся и к смерти Бродерика он не имеет никакого отношения. Но в чем причина

многочисленных просчетов Малеверера? В его самодовольной глупости? А может, именно он был больше всех заинтересован в том, чтобы Бродерик замолчал навеки? Если Малеверер связан с заговорщиками, он не мог не опасаться, что под пытками узник его выдаст. Что, если бумаги похитил именно Малеверер? Но он не мог этого сделать, тут же возразил я себе. В тот день его не было в Йорке.

Я поднялся по лестнице и заглянул в комнату Джайлса. Больной спал, но при моем появлении пошевелился и открыл глаза.

— Простите, что я вас разбудил, — сказал я.

— Ничего страшного, — улыбнулся Джайлс, усаживаясь на кровати. — Я слишком много сплю. Сегодня вечером я непременно встану к ужину.

— Гай считает, что вам необходимо провести в постели еще несколько дней.

— Так я превращусь в настоящего лежебоку, — рассмеялся Джайлс. — Если кому и необходим отдых, так это вам, — добавил он, пристально поглядев на меня. — Вид у вас по-прежнему измученный.

— Да, после таких приключений не так просто прийти в себя. Кстати, сейчас ко мне приходил наш общий знакомый. Молодой Ликон. Он просит меня помочь в ведении земельного дела.

— Ну и наглец! — присвистнул Джайлс. — Неужели он посмел обратиться к вам за помощью после того, как лично передал вас в руки солдат? На вашем месте я бы хорошенько его осадил.

— Я обещал ему помощь еще в Йорке. И, как я только что сказал Ликону, я привык выполнять свои обещания.

— Да, верность своему слову — первейшая добродетель всякого честного человека, — с жаром подхватил Джайлс. — За исключением короля, на слово которого может положиться лишь безумец.

— Вы правы, — растерянно кивнул я.

— Вижу, ваши мысли витают где-то далеко, Мэтью.

— Простите. Я и в самом деле все время думаю о том, кто похитил документы и помог Бродерику отправиться в иной мир. Наверняка все мы хорошо знаем этого человека, и он не вызывает у нас ни малейших подозрений. Вместе с нами он прибыл на корабле в Лондон и сейчас, скорее всего, находится здесь.

— Вы полагаете, вам угрожает опасность?

— Нет, — покачал я головой. — Если бы он хотел со мной расправиться, он сделал бы это давно. Наверное, мне лучше выбросить все это из головы, — произнес я с косой усмешкой. — Как я сказал Кранмеру, ныне мое единственное желание — провести остаток своих дней в мире и

покое.

— Желание более чем разумное.

— Барак вполне его разделяет.

— Сведущий законник способен принести людям немало пользы и обеспечить себе достойную жизнь, — изрек Джайлс. — Я никогда не раскаивался, что избрал именно этот удел. Но сейчас, когда дни мои сочтены, у меня осталось лишь одно дело — отыскать племянника и положить конец нашему затянувшемуся раздору. Мне необходимо как можно скорее отправиться в Грейс-Инн. Возможно, завтра я еще не смогу этого сделать. Но послезавтра пойду непременно.

«Путь не такой далекий, но все же старик слишком слаб, — отметил я про себя. — Но, может статься, решимость придаст ему сил».

На ум мне вновь пришли странные слова Бернарда Лока. Он сказал, что Мартин Дейкин ни в чем не замешан и ему ничего не угрожает. Но если это так, значит, раньше над ним все же тяготела какая-то угроза? Мысленно я пообещал себе завтра непременно побывать в Грейс-Инне.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Барак и Тамазин вернулись вскоре после полудня, когда я отдыхал в своей комнате. Барак заглянул ко мне. Вид у него был утомленный.

— Мне не удалось отыскать того знатока по части замков, о котором я вам говорил, — сообщил он. — Он уехал из города по делу. Говорят, вернется завтра.

— Любопытно, что за дело у вашего приятеля? — усмехнулся я, потирая ноющую челюсть. — Надеюсь, не кража со взломом?

— Что это взбрело вам в голову? К вашему сведению, мой приятель — слесарь, а не взломщик. Его частенько приглашают за город, сделать замок для нового дома. И почему вы решили, что я вожу знакомство только со всяким отребьем?

— Не сердитесь, Джек.

Я поднял рукав, открыв отвратительный браслет.

— Пришлось смазать ссадину жиром, но он скверно пахнет и пачкает рубашку. До тех пор пока я не избавлюсь от этой штуковины, я буду таскать за собой кусочек Тауэра.

— Завтра он снимет эту гадость. Если, конечно, вернется.

— Спасибо за хлопоты, — сказал я, глядя на его усталое лицо и насквозь промокшие волосы. — А что нового у Тамазин? Она ходила в Уайтхолл?

— Да. Ей сказали, что грядут большие перемены, и велели заглянуть через несколько дней. Но она не хочет больше туда ходить, — добавил Барак, вперив в меня пыливый взгляд. — Боится, как бы чего не вышло. Сами знаете, всех придворных дам королевы сейчас допрашивают.

— Но Тамазин не придворная дама, а простая служанка.

— Вот только знает она куда больше, чем простая служанка. Поэтому и решила, что ей лучше пока не привлекать к себе внимания. Полагаю, она права.

— Но она может потерять место. А такого жалованья, как при дворе, она не получит нигде.

— Лучше остаться без места, чем оказаться в Тауэре, — пожал плечами Барак. — Когда Тамазин увидела, что сделали с вами, она совсем струхнула. Я тоже думаю: лишняя осторожность не помешает. Ничего, устроится куда-нибудь. К тому же она еще не потратила деньги, которые ей оставила бабушка.

— Судя по всему, ее бабушка была на редкость бережлива.

— Наверное, — пожал плечами Барак. — Кстати, сегодня я говорил еще с одним своим старым приятелем.

— Удалось что-нибудь узнать?

— Да, похоже, имя папаши Тамазин вскоре перестанет быть тайной. Мой приятель попросил меня прийти завтра. Сказал, ему надо кое-что уточнить.

— Но имя он пока не назвал?

— Нет. Сообщил лишь, что загадочный родитель занимает хорошую должность. Уж не знаю, что он под этим подразумевает.

Барак осекся, заслышав шаги в коридоре. В дверь постучали, и в комнату вошла Тамазин. Я заметил, что вид у нее столь же усталый, как и у Джека.

— Мне очень жаль, что вы лишились места при дворе, Тамазин, — сочувственно произнес я.

— Да, на кухне королевы мне больше делать нечего, — печально проронила девушка.

— Вы можете остаться у меня еще на несколько дней. И вы, и Джек. До тех пор, пока... пока все не образуется. Может, вы все же получите место.

— На кухне новой королевы? — спросила Тамазин с поразившей меня горечью. — После того, как прежнюю казнят? Благодарю покорно, я больше не хочу наблюдать за тем, как очередная глупая девчонка спешит навстречу своей гибели. Не хочу становиться свидетельницей чужих секретов, которые могут привести меня на плаху.

Она решительно тряхнула головой.

— Ноги моей больше не будет при дворе, пусть даже меня пообещают осыпать золотом.

— Правильно, Тэмми, — подхватил Барак, но девушка даже не взглянула в его сторону.

— Говорят, леди Рочфорд лишилась рассудка в Тауэре, — заявила она. — Она двух слов сказать не может, только вопит и визжит, словно дикий зверь. Бедную королеву держат взаперти в Хэмптон-Корте, и одному богу известно, что с ней станется. А мне остается делать вид, что все это ерунда и ничуть меня не касается.

И, искривив свой нежный рот в подобии саркастической улыбки, она резко повернулась и выскочила из комнаты.

Вечером мы с Джайлсом сидели в гостиной за ужином, прислушиваясь к мерному стуку дождя по крыше. Барак весь день провел в комнате Тамазин. Джоан ходила мрачнее тучи, но я считал за благо не обращать

внимания на ее гневные взгляды.

За все время, проведенное в моем доме, Джайлс впервые встал с постели. Отдых принес ему ощутимую пользу, и держался он бодро. Я рассказал ему о потопе, который повлекла за собой гибель фруктового сада, и он поддержал меня в намерении поговорить с властями Линкольнс-Инна.

— В противном случае они непременно заявят, что потоп в вашем саду не имеет к ним никакого отношения. Вы сами знаете, на какие уловки способны законники, — изрек он с улыбкой.

— Как не знать. Я потребую, чтобы они вырыли канаву для отвода воды. Сделать это надо безотлагательно, ибо дождь, судя по всему, прекращаться не собирается. Что ж, завтра у меня будет повод побриться, — добавил я со вздохом.

На следующее утро я поднялся рано и, позавтракав, собрался в Линкольнс-Инн. Барак и Тамазин ушли из дома ни свет ни заря. Тамазин отправилась на поиски комнаты, Барак — на встречу с двумя из своих бесчисленных знакомых, слесарем и таинственным знатоком придворных дел.

Дождь прекратился, но на Канцлер-лейн стояли лужи, а мостовую покрывали мокрые листья. Несколько раз я, поскользнувшись, едва не упал. Резкий холодный ветер напоминал о приближении зимы. Проходя мимо парикмахерской, я решил воспользоваться случаем и побриться, дабы выглядеть поприличнее.

Старательно пряча проклятый наручник под рукавом, я опустил в кресло. Цирюльник сразу же завел разговор о последних новостях из Хэмптон-Корта. Все в Лондоне уже знали, что королева арестована. По городу ходили самые невероятные слухи: одни утверждали, что она оказалась шпионкой, другие — что в ее постели перебивал весь двор, начиная от последнего поваренка и кончая архиепископом Кранмером. Цирюльник повторял эти сплетни с нескрываемым удовольствием.

— Похоже, повторяется история Анны Болейн, — жизнерадостно изрек он.

Я не преминул заявить, что все это полная ерунда, не стоящая внимания, и, расплатившись, продолжил путь.

Странное чувство овладело мною, когда я, миновав Большие ворота, увидел массивные кирпичные здания Гейтхауз-Корта. Мои собратья по ремеслу озабоченно сновали туда-сюда, знакомые приветливо кивали мне. Я, отклоняя все попытки завязать разговор, направился напрямик в контору казначея.

Как и следовало ожидать, казначей поначалу заявил, что я пытаюсь

переложить на корпорацию свои собственные проблемы. Но я напомнил ему о предупреждении, которое сделал еще летом, а также о юридической ответственности за причиненный урон. Казначей, сознавая, что правда на моей стороне, не стал продолжать спор. Получив от него заверения, что канава будет вырыта не позднее чем завтра, я отправился в свою контору уже не в столь мрачном настроении.

Навстречу мне попались два адвоката; оба остановились и с любопытством уставились на меня. Я нахмурился и поглубже спрятал в карман скованную зловещим браслетом руку.

Мой клерк Скелли что-то сосредоточенно писал. Завидев меня, он вскочил со стула, глаза его за стеклами очков блеснули неподдельной радостью.

— Я молился за вас, сэр! — воскликнул он. — Представляю, как тяжело вам пришлось в диких краях, среди варваров. И вот наконец вы вернулись! Но я вижу, лицо у вас припухло? Вы нездоровы?

— Меня долго мучил гнилой зуб, который наконец выпал, — сказал я, вновь ощутив боль в десне.

Про себя я с удовлетворением отметил, что слухи о моем аресте пока не достигли Линкольнс-Инна. Впрочем, за этим дело не станет.

— Надеюсь, у нас все в порядке? — осведомился я.

Перед отъездом я передал дела, находившиеся в моем ведении, барристерам, которым имел все основания доверять.

— Да, сэр, все идет хорошо. На прошлой неделе брат Хеннеси выиграл дело, которое вы ему доверили.

— Вот как? Отлично.

Я немного помолчал и заметил с нарочитым равнодушием:

— Говорят, во всех корпорациях сейчас полно чиновников из Тайного совета. Они хотят выяснить, не связан ли кто из законников с заговором, который был раскрыт прошлой весной.

— Нет, сэр, у нас, слава богу, никаких чиновников не появлялось, — сморщив нос, сказал Скелли. — Наверное, они сначала принялись за Грейс-Инн.

До полудня я разбирался с делами, решая, какими из них необходимо заняться в первую очередь. Работы накопилось столько, что в ближайшие недели мне предстояло без продыху корпеть над бумагами. К счастью, награда, обещанная Кранмером, давала мне возможность расплатиться с долгами по закладной. Среди писем я обнаружил послание от кредитора, в котором тот осведомлялся, когда получит свои деньги. Я безотлагательно настроил краткий ответ, сообщив, что рассчитаюсь с ним в самом скором

времени. Потом, ощутив неодолимый приступ голода, отправился в обеденный зал.

За едой мысли мои крутились вокруг Мартина Дейкина. Что, если боль давней обиды еще не утихла и племянник отнюдь не разделяет желания дяди положить конец семейной ссоре? Для Джайлса это станет сокрушительным ударом. Я вновь с горечью осознал, что все мои заботы об умирающем старике неразрывно связаны с чувством вины перед отцом. Но, как бы то ни было, я поступаю так, как велят мне сердце и совесть.

По пути к воротам я заметил Билкнэпа, который только что вышел из конторы. Скорее всего, он увидел меня из окна.

— Брат Шардлейк! — возопил он, едва не подпрыгивая от восторга. — До нас тут дошли слухи о ваших увлекательных приключениях. Говорят, в Йорке сам король изволил обратить внимание на вашу персону, хотя отозвался о ней не слишком лестно. А потом вам пришлось воспользоваться гостеприимством зрителей Тауэра.

И он устремил многозначительный взгляд на мою правую руку. Проклятый наручник с упорством, достойным лучшего применения, вновь выскользнул из-под манжеты.

— Вы что, решили оставить эту милую вещицу на память? — усмехнулся Билкнэп.

— Слухи о моем пребывании в Тауэре дошли до вас подозрительно быстро, — отрезал я. — Мне не составляет труда определить их источник. Ричард Рич — вот кто сообщил вам о моем аресте. Вне всякого сомнения, он этот арест и устроил.

— Ох, мастер Шардлейк, вы выглядите не лучшим образом. У вас сильно распухла щека, — с фальшивым сочувствием вздохнул Билкнэп.

Внезапно я с потрясающей ясностью вспомнил камеру пыток, невозмутимые лица палачей, треск вырываемого зуба. На несколько мгновений леденящий ужас овладел моей душой. Я моргнул, отгоняя прочь кошмарное видение, и устремил на своего недруга гневный взгляд. Тот поспешно отвел глаза в сторону.

— Вам, разумеется, известно, что тяжба, которую вы вели для Городского совета, закончилась ко взаимному удовлетворению, — сообщил он с издевательской улыбкой. — Каждая сторона заплатит свои судебные издержки. Полагаю, Городскому совету придется изрядно раскошелиться. Что до моих издержек, их возьмет на себя Палата перераспределения имущества.

— Иными словами, Рич.

— Точнее, двор. Ибо моя победа в этом деле имеет государственную

важность. И потому она была неизбежна.

Он снял шляпу, отвесил мне преувеличенно почтительный поклон и пошел прочь.

— Мы с вами еще встретимся — и посмотрим, чья возьмет! — крикнул я ему в спину. — В честной борьбе победу одержу я, так и знайте, Билкнэп!

Он не счел нужным обернуться.

Я вышел на Канцлер-лейн и направился в Грейс-Инн, которая располагалась на другой стороне Холборна. В этот день дождь решил дать горожанам передышку, хотя небо оставалось пасмурным и неприветливым. Войдя в домик привратника, я осведомился, где находится Гарден-Корт. Получив необходимые указания, я пересек внутренний двор, наблюдая за стряпчими, сновавшими здесь так же озабоченно, как и в Линкольнс-Инне.

«С кем из них был связан Бернارد Лок, кому он должен был передать документы? — спрашивал я себя. — Впрочем, вполне возможно, неведомый заговорщик уже арестован или покинул Лондон».

Я открыл дверь и очутился в просторном зале. Низенький упитанный клерк поднялся мне навстречу.

— Добрый день! — произнес я. — Меня зовут Мэтью Шардлейк, я служу в Линкольнс-Инне. Я разыскиваю законника, который практикует в Гарден-Корте. Его имя Мартин Дейкин.

Клерк в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Упоминание о Мартине Дейкине явно привело его в растерянность.

— Вам известно это имя?

— Да, сэр, но... Думаю, вам лучше поговорить с братом Филипсом. Прошу вас, подождите несколько минут.

И он поспешно вышел, оставив меня в полном недоумении. В сердце вновь ожила тревога. Растерянность клерка граничила с испугом, что наводило на самые неприятные подозрения. Вполне может быть, Дейкин арестован.

Я обвел глазами комнату. У стен стояло несколько столов, заваленных бумагами.

«Когда-то в этой палате служил Бернارد Лок», — пришло мне на ум. Перед внутренним взором возникло его лицо, покрытое ожогами, и бессильно повисшие переломанные конечности. Я невольно содрогнулся.

— Брат Филипс хочет поговорить с вами, сэр, — провозгласил клерк, появляясь в дверях.

Судя по его лицу, он был чрезвычайно рад, что избавился от столь неудобного посетителя. Посторонившись, он пригласил меня войти.

Я оказался в кабинете, весьма напоминавшем мой собственный. За

письменным столом восседал дородный барристер средних лет, который поднялся при моем появлении. Вид у него был утомленный, вокруг глаз — синева. Он поклонился и уставился на меня с выражением величайшей озабоченности.

— Брат Ральф Филипс, к вашим услугам, — представился он.

Едва заметный акцент выдавал в нем уроженца северных графств.

— Брат Мэтью Шардлейк, из Линкольнс-Инна.

— Вы разыскиваете брата Мартина Дейкина?

— Именно так.

— Не сочтите меня излишне любопытным, но могу я узнать: вы состоите с ним в родстве?

— Нет. Я всего лишь друг его дяди, брата Джайлса Ренна из Йорка. Он давно не имел вестей о своем племяннике и ныне прибыл в Лондон, рассчитывая с ним увидеться. Я познакомился с ним в Йорке, где оказался, сопровождая короля во время путешествия. Сейчас брат Ренн остановился в моем доме.

Я помолчал немного и добавил:

— Он в преклонных годах, к тому же страдает тяжким недугом.

— А! — тяжело вздохнул брат Филипс.

— Скажите наконец, что произошло! — произнес я несколько более резко, чем позволяли требования учтивости. — Он что, арестован? Обвинен в участии в заговоре? Я знаю, многие законники подверглись допросам.

— Да, в последнее время нас не оставляли в покое, — пробормотал брат Филипс, пристально глядя на меня. — Всем нам пришлось выдержать несколько не слишком приятных бесед. Но никто из членов нашей корпорации не был арестован, ибо каждый сумел доказать свою непричастность к заговору. Что касается Мартина Дейкина, ему не пришлось ничего доказывать.

По губам его скользнула едва заметная печальная улыбка.

— Но почему, почему? — воскликнул я, окончательно теряя терпение.

— Потому что Мартин Дейкин мертв, сэр. Он умер еще позапрошлой зимой от застоя мокроты в легких.

— О нет! — выдохнул я, ушам своим не веря. — Это слишком жестоко.

Все надежды Джайлса, все усилия, которые предпринял умирающий старик, отправившись в длительное путешествие, оказались тщетными. И теперь мне предстояло сообщить ему горестную весть.

— Вижу, сэр, вы очень расстроены, — пробормотал брат Филипс, с беспокойством глядя на меня.

— Да. Прошу прощения. Подобного поворота событий я никак не ожидал.

Так вот что имел в виду Лок. Мартину Дейкину и в самом деле ничего не угрожает и не может угрожать. Мертвецам не страшны ни тюрьмы, ни пытки. Именно поэтому Лок сказал, что знал Мартина Дейкина. А я-то думал, он употребил прошедшее время, сознавая, что собственная его жизнь кончена.

Я испустил сдавленный стон. И тут в сознании внезапно мелькнул луч надежды.

— Может статься, у Дейкина остались жена и дети?

— Увы, нет, — печально покачал головой брат Фи липе. — Он был совершенно одинок. И, насколько я припомню, никогда не упоминал о том, что у него есть дядя.

— Между ними вышла серьезная размолвка, — вздохнул я. — Значит, ни родных, ни близких у Дейкина не было?

— Насколько мне известно, нет. После смерти брата Дейкина его имущество поступило в ведение казначейства корпорации.

Брат Филипс посмотрел на меня в некотором замешательстве.

— Но я не слишком хорошо осведомлен о жизни брата Дейкина, — добавил он. — Должен сказать, мы с ним не были особенно близки.

Я с интересом взглянул на него.

— Видите ли, брат Дейкин был ярким сторонником реформ, — неуверенно продолжал Филипс. — Далеко не все члены нашей корпорации разделяли его взгляды.

— Вот как? А я полагал, он был приверженцем консервативных воззрений.

— Да, но в прошлом. Проповеди здешнего священника-евангелиста заставили его изменить убеждения.

Губы брата Филипса вновь тронула печальная улыбка.

— Брат Дейкин относился к числу страстных натур, которые склонны бросаться из одной крайности в другую. В последнее время таких появилось немало.

— Вы правы.

— Но брат Дейкин всегда оставался честным, сведущим барристером и благородным человеком.

Я тупо кивнул.

— О распоряжениях, сделанных относительно имущества покойного, вы можете узнать у казначея корпорации. Возможно, у него все-таки имелись родственники, предъявившие права на наследство.

— Да, я непременно наведу справки.

— Может, выпьете стакан вина, брат? — участливо предложил Филипс. — Я вижу, эта горестная весть стала для вас настоящим ударом.

— Нет-нет, спасибо. Я должен поговорить с казначеем. Благодарю вас, брат, но мне надо идти.

Я поклонился и вышел.

«Какая насмешка судьбы! — пронеслось у меня в голове. — Я опасался, что Мартин Дейкин арестован за участие в заговоре, а он оказался убежденным реформатором».

Выйдя во двор, я обессиленно опустился на скамью под деревом. Она оказалась влажной, но мне было все равно. Сердце разрывалось от жалости к старику Ренну. Хорошо еще, что в Грейс-Инн я отправился без него; по крайней мере, дома я попытаюсь сообщить ему горькую весть как можно осторожнее.

Мимо меня прошел какой-то рослый человек в мантии законника. Дородная фигура, черные волосы, длинная черная борода — все это было мне слишком хорошо знакомо. Вне всякого сомнения, то был Малевеверер. Однако надменное его лицо изменилось почти до неузнаваемости. Казалось, за эти дни он постарел лет на десять. Бросив на меня изумленный взгляд, он поспешил прочь.

Капля воды, упавшая на ладонь, отвлекла меня от горьких размышлений. Снова начинался дождь. Мне пришлось встать. Кожа под проклятым наручником невыносимо горела. Я потер свою многострадальную руку, опустил манжет как можно ниже и спросил у проходившего мимо клерка, где находится контора казначея. Он указал на одно из зданий, и я пересек двор, склонив голову под струями припустившего с новой силой дождя.

Казначей оказался высоким сутулым человеком с настороженным взглядом. Настороженность сменилась откровенной подозрительностью, когда он узнал, что я принадлежу к другой корпорации и желаю навести справки об имуществе Мартина Дейкина. Однако после того, как я сообщил обо всех обстоятельствах, связанных с покойным барристером и его дядей, казначей проникся ко мне участием и пригласил в свой уютный кабинет.

— Времена сейчас тревожные, — вздохнул он. — Поэтому всякий раз, когда меня начинают расспрашивать о ком-нибудь из наших законников, я жду неприятностей.

— Понимаю вас. Насколько мне известно, не так давно Грейс-Инн посетило множество дознавателей, желавших выяснить, не кроется ли

здесь корень заговора.

— Многие барристеры были подвергнуты допросу. Вы, разумеется, знаете, что в прежние дни в Грейс-Инне практиковал Роберт Эск. Слава богу, ныне он и все его сообщники получили по заслугам. По моему убеждению, корпорации существуют для того, чтобы служить закону, а не для того, чтобы строить заговоры против короля.

Казначей провел меня в прилегающую к кабинету контору, где за письменным столом сидел старик стряпчий, погруженный в чтение бумаг.

— Все вопросы, связанные с имуществом покойного Дейкина, находились в ведении брата Джиббса, — сообщил казначей. — Он более не практикует, но является моим первейшим помощником.

Старик встал и поклонился, с любопытством взглянув на меня сквозь толстые стекла очков. Он показался мне почти таким же древним, как брат Сванн из Халла.

— Брат Шардлейк пытается найти родственников брата Мартина Дейкина, — сообщил ему казначей. — Того, что умер позапрошлой зимой. Ни жены, ни детей у него не было.

— Как же, помню, — кивнул старик. — Имуществом его распорядилась корпорация. Грустно, когда человек умирает, не оставив семьи. Но у брата Дейкина, насколько мне известно, отыскался родственник.

— Вот как? — с надеждой спросил я.

«Дитя, прижитое вне брака, — это все же лучше, чем ничего», — решил я про себя.

— Да-да, у него был родственник, — повторил старик. — Я отлично это помню. Слава богу, на память я не жалеюсь.

Дрожа от нетерпения, я наблюдал, как брат Джиббс бережно перебирает документы.

— Я оставлю вас, джентльмены, — произнес казначей.

— Не смею злоупотреблять вашим временем, — с поклоном ответил я. — Очень вам признателен.

Брат Джиббс наконец извлек из толстой пачки конверт с нужными документами.

— Вот то, что нам нужно, — изрек он с довольной улыбкой и вытащил из конверта завещание. — Мартин Дейкин скончался десятого января тысяча пятьсот сорокового года. Согласно завещанию, все его имущество было продано, и вырученные деньги, совместно с его сбережениями, составили... — он заглянул в завещание, — весьма кругленькую сумму. Итак, пятьдесят фунтов он оставил церкви Святого Джайлса в Крипплгейте.

Взгляд старика исполнился откровенного осуждения.

— Эта церковь следует всем новейшим веяниям, — сообщил он, взглянув на меня сквозь стекла очков. — Многие считают ее прибежищем ереси.

— Да-да, — рассеянно кивнул я. — Но кому же отошли остальные деньги?

— Единственному наследнику.

— И кто же этот наследник?

— Взгляните сами, сэр.

Старик протянул мне завещание. Я прочел имя, написанное крупно и разборчиво, и у меня перехватило дыхание.

— Наследник получил все, что ему причиталось?

— А как же иначе, — нахмурился старик. — Все было сделано в полном соответствии с законом.

— В этом у меня нет ни малейших сомнений.

Теперь я знал все. Знал, кто нанес мне удар в аббатстве Святой Марии, знал, кто помог умереть Бродериду. А еще я знал, в чьих руках находятся документы, способные покачнуть английский престол.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Когда я вышел из конторы казначея, дождь лил как из ведра. Шагая по Канцлер-лейн, я не поднимал голову, однако вода, стекая с полей шляпы, все равно попадала мне в глаза. Вновь оказавшись в Линкольнс-Инне, я направился напрямиком в библиотеку, где провел несколько часов, размышляя и сводя воедино разрозненные концы. Короткий ноябрьский день подошел к концу, за окнами сгустились сумерки, на столах зажглись лампы. Я поднялся и потянул затекшую спину. Ответы на все загадки были найдены. Мне оставалось лишь вернуться домой.

С тяжелым сердцем я брел по погруженной в сумрак Канцлер-лейн. Темноту нарушали лишь пляшущие отблески горевших в окнах свечей, которые отражались в бесчисленных лужах. Проливной дождь сменился холодной моросью. Я поплотнее закутался в плащ. Чертов наручник превратил мое запястье в саднящую рану.

Войдя в дом, я принялся снимать мокрый плащ. Джоан выбежала ко мне навстречу.

— Мастер Шардлейк, сэр! Вы промокли до нитки! Эти дожди посланы нам всем в наказание. Того и гляди, вода из вырубленного сада хлынет к нам! Погодите, сэр, я принесу вам сухую одежду и...

— Не суетитесь, Джоан, — сказал я, снимая шляпу.

Внезапно мною овладел приступ усталости столь сильный, что мне пришлось прислониться к двери.

— День выдался тяжелый, — вздохнул я, поймав встревоженный взгляд экономки. — Джек и мистрис Ридбурн уже вернулись?

— Еще нет, — фыркнула Джоан. — Хотя время уже позднее. Всякому ясно, эта девица заставила мастера Джека заглянуть в какую-нибудь таверну, чтобы там помилиться без помех...

— Ясно, — кивнул я.

Отсутствие Тамазин и Барака расстроило мои планы. По дороге домой я подготовил несколько фраз, но не мог уже их использовать.

— Мастер Ренн спустился в гостиную, — сообщила Джоан. — Он попросил поесть, и я отнесла ему овощной похлебки.

Я переминался с ноги на ногу, не зная, как поступить. Разумнее всего было бы подняться к себе и переодеться. По моему телу пробежала дрожь. Это не ускользнуло от внимания Джоан.

— Вы нездоровы, сэр? — с беспокойством спросила она.

— Нет, я всего лишь устал. День выдался тяжелый, — повторил я.

— Я разожгла огонь в гостиной.

— Вот и хорошо, — с натугой кивнул я. — Мне необходимо согреться и обсохнуть. И я бы не отказался поужинать.

Джоан, недоверчиво взглянув на меня, поспешила в кухню. Я запер входную дверь. У Барака был свой ключ, так что он мог войти в любое время. Прежде чем войти в гостиную, я помедлил, собираясь с силами, которых у меня почти не осталось. Наконец, набрав в грудь побольше воздуха, я распахнул дверь.

Джайлс, сидя за столом, с аппетитом ел похлебку. От большой дымящейся чашки исходил соблазнительный запах. В переменчивом свете свечей изборожденные глубокими морщинами щеки старика казались особенно впалыми. Он устремил на меня встревоженный взгляд.

— Мэтью! Друг мой, вы едва держитесь на ногах! Боюсь, вы подхватите лихорадку.

— Дождь лил почти весь день, и я изрядно промок.

— Да, дождь, похоже, никогда не прекратится.

Джайлс махнул в сторону испещренного дождевыми каплями окна.

— Однако Барак и Тамазин до сих пор где-то пропадают. Видно, непогода им нипочем.

Я повернулся спиной к огню, ощущая приятное тепло.

— Вы говорили с властями Линкольнс-Инна? — спросил Джайлс. — Добились от них обещания вырыть дренажную канаву?

— Да. Правда, поначалу они и слышать об этом не хотели. Но я сумел их убедить.

— От вашей одежды валит пар. Вам надо немедленно переодеться. Вы непременно захвораете, если не будете себя беречь.

— Прежде всего я должен поесть.

— Так садитесь быстрее за стол и отдайте должное этой превосходной похлебке.

Я взял из буфета тарелку, наполнил ее похлебкой и сел напротив Джайлса. Целый день у меня маковой росинки во рту не было, однако я не мог проглотить ни ложки.

— Как вы себя чувствуете? — осведомился я.

— Неплохо, — ответил Джайлс. — Боль то отпускает меня, то набрасывается с новой силой, — добавил он с грустной улыбкой. — В точности так же происходило с моим отцом. Но сегодня я ощущаю необыкновенный прилив бодрости. Вот только никак не могу забыть о...

Джайлс похлопал себя по боку, по тому самому месту, где находилась

опухоль, и на лицо его набежала тень.

— Есть какие-нибудь новости относительно участи королевы? — спросил он.

— Она арестована.

Джайлс сокрушенно покачал своей львиной головой. Жестокие слова, которые я неминуемо должен был произнести, застревали у меня в горле. Мне было бы легче, окажись рядом Тамазин и Барак, в особенности Барак. Внезапно я почувствовал, что более не в состоянии откладывать тягостное объяснение.

— Сегодня я был в Грейс-Инне, Джайлс.

Старик замер, не донеся до рта ложку.

— Вам не следовало этого делать, — проронил он. — По крайней мере, без моего ведома.

— Я хотел вам помочь.

— И вам удалось узнать что-нибудь... о Мартине?

— Удалось. Я узнал, что он умер два года назад.

Ложка со стуком упала на стол.

— Умер? — изменившись в лице, выдохнул Джайлс. — Мартин умер?

— Я полагаю, вы прекрасно это знали, — произнес я едва слышно. — Знали прежде, чем я приехал в Йорк. Помните, как-то вы сказали, что порой законнику приходится быть лицедеем? Должен признать, вы обладаете недюжинными актерскими способностями. И у вас была возможность их применить.

— Как вы можете такое говорить? — с укором произнес Джайлс. — Я думал, мы друзья, Мэтью. Откуда взялись эти дикие подозрения?

— Сейчас я расскажу откуда. Так вот, сегодня я был в Грейс-Инне, и там мне сообщили, что Мартин Дейкин умер позапрошлой зимой. Ни жены, ни детей у него не было. Мне посоветовали обратиться к казначею, который распорядился его имуществом. От него я узнал, что Дейкин назначил вас своим единственным наследником. Деньги были отправлены вам в Йорк, от вас получена расписка в получении. Это было в марте тысяча пятьсот сорокового года, полтора года назад.

— Уверяю вас, это ошибка. Какой-нибудь мошенник...

— Нет. Я видел подпись собственными глазами. Вне сомнения, она сделана вашей рукой. За время работы над прошениями я не раз видел, как вы расписываетесь. Не пытайтесь меня обмануть, Джайлс. Я занимаюсь ремеслом стряпчего уже более двадцати лет. Неужели вы думаете, я не отличу поддельную расписку от настоящей?

Никогда прежде я не думал, что взгляд Джайлса может быть исполнен

столь жгучей обиды. Он и в самом деле мог заткнуть за пояс любого актера.

— Мэтью, — произнес он дрожащим голосом, — я ценю вашу дружбу, но вы нанесли мне глубокое оскорбление. Думаю, потрясение, которое вы перенесли в Тауэре, оказалось слишком сильным. Все это не что иное, как ловкое мошенничество. Какой-то пройдоха перехватил письмо, направленное мне из Грейс-Инна, и получил наследство, назвавшись моим именем. В то время у меня служил нечистый на руку клерк, которого мне пришлось уволить. Полагаю, без него тут не обошлось. Выдать себя за другого человека не так трудно, особенно на расстоянии двухсот миль.

— Вам виднее, — проронил я. — Вы превосходно сумели выдать себя за другого человека. Я находился от вас совсем близко, но ваше истинное лицо было от меня скрыто.

Старик не счел нужным ответить. Он лишь буравил меня глазами и беспрестанно вертел на пальце кольцо с изумрудом. Струйка воды с насквозь промокших волос стекла мне за шиворот, заставив вздрогнуть. Джайлс был прав: я рисковал схватить лихорадку. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком дождевых струй и потрескиванием поленьев в очаге. Мирные эти звуки казались неестественно громкими. Мне послышалось, что кто-то отпер входную дверь, но потом я понял: это всего лишь скрипнули половицы. Где только пропадали Барак и Тамазин?

— Расставшись с казначеем, я отправился в библиотеку Линкольнс-Инна, — продолжал я. — Там я провел несколько часов. И свел все концы воедино.

Джайлс по-прежнему не проронил ни слова.

— Итак, вы измыслили трогательную историю о племяннике, с которым хотите помириться перед смертью, дабы заручиться моей помощью и поддержкой. Была ли эта пресловутая ссора на самом деле? Думаю, да, ведь ваша старая служанка помнит о ней. А вот о том, что Мартин умер и оставил вам все свои деньги, Меджи не имеет понятия.

— Мы так никогда и не помирились, — медленно произнес Джайлс. — Все, что я рассказал вам о ссоре, — чистейшая правда. Несмотря на то что мы потеряли всякую связь друг с другом, Мартин сделал меня своим единственным наследником. Больше на всем белом свете у него не было ни одного близкого человека. Не было семьи. Господи, есть ли что-нибудь важнее семьи?

Он испустил тяжкий вздох, казалось, исходивший из самых глубин души.

— Да, я не стал рассказывать Меджи ни о смерти Мартина, ни о

полученном наследстве. В Йорке об этом не знает никто. Причина была одна — меня мучил стыд за то, что племянник оказался настолько великодушнее старика дяди.

Он пристально поглядел на меня.

— А потом моя скрытность сыграла мне добрую службу. Я сказал вам, что племянник мой жив, не опасаясь, что меня уличат во лжи.

— Меня мучил один вопрос, — тихо произнес я. — Зачем вам понадобилась эта поездка в Лондон? Ведь в отличие от всего остального ваш смертельный недуг — отнюдь не вымысел. Несомненно, решиться на путешествие вас заставило дело чрезвычайной важности. А потом я вспомнил, когда вы впервые упомянули о вашем намерении посетить Лондон. Это случилось вскоре после того, как неизвестный злоумышленник нанес мне удар и похитил документы, хранившиеся в шкатулке. Этим злоумышленником были вы. После этого вам предстояло передать бумаги в руки сообщников, которые ждали вас в столице.

Джайлс вновь погрузился в молчание. Взгляд его был неотрывно устремлен на меня. По дороге домой я воображал себе, что, услышав мои обвинения, Ренн мгновенно преобразится, лицо его станет враждебным и отталкивающим. Однако передо мной по-прежнему был старый друг, мудрый и доброжелательный. Лишь глаза его стали еще более печальными и внимательными.

— Помните тот день, когда вы спасли нас с Бараксом от разъяренной толпы, что собралась возле дома Олдройда? Вы явились в дом стекольщика, чтобы забрать шкатулку с документами.

Я разразился горьким смехом.

— Уж конечно, вы были неприятно удивлены, когда эта злосчастная шкатулка вдруг выпала у меня из-под плаща. Но не подали виду. Что ж, как я уже сказал, по части лицедейства вы непревзойденный мастер.

— Значит, вы помните, что я вас спас, — подал голос Джайлс. — Прошу вас, и впредь не забывайте об этом.

— Тем временем Дженнет Марлин из кожи вон лезла, чтобы выполнить поручение своего жениха, Бернарда Лока, о котором вы ничего не знали. Тогда, у сторожевой башни в Хоулме, вы подоспели вовремя. Вы успели убить ее прежде, чем она сообщила, что не сумела добыть бумаги.

— Я успел убить ее прежде, чем она убила вас.

— Я был вам необходим. Вне сомнения, вы еще не передали сообщникам похищенные бумаги. И сейчас они находятся в моем доме.

Джайлс вздохнул так тяжело, что, казалось, все его тело содрогнулось от макушки до пяток.

— Мэтью, я проникся к вам искренним расположением, — негромко сказал он. — Да, я вас обманывал, но пошел на это скрепя сердце, ибо другого выхода у меня не было. Тогда, в королевском особняке, я не собирался вас убивать. После у меня было немало случаев с вами разделаться, но я не воспользовался ни одним из них. Вы сказали, что лишь мельком проглядели несколько документов, и я вам поверил. Точнее, заставил себя поверить. Я...

— Вы обманывали меня не из личной неприязни, а по политическим соображениям, — криво усмехнулся я. — Помнится, вы выразились подобным образом насчет королевской шутки.

— Вы себе не представляете, как я терзался. Смерть той женщины легла на мою душу невыносимым бременем.

Джайлс слегка содрогнулся.

— Я не солгал, когда говорил, что никогда прежде не поднимал руку на человека.

— Однако в конце жизни вы совершили убийство дважды. За Дженнет Марлин последовал Бродерик.

— Я помог сэру Эдварду Бродерику совершить самоубийство, потому что знал: он желает умереть. Вам не хуже моего известно, что в Тауэре его ждала смерть, сопряженная со страшными мучениями. И я ничуть не сожалею о том, что избавил его от этих мучений. Я хорошо знал сэра Эдварда со времен заговора, в котором мы оба принимали самое деятельное участие. Помните, как на пристани в Халле мы увидели его, закованного в цепи? Тогда он взглянул на нас и кивнул. Вы решили, что он кивнул вам. На самом деле он приветствовал меня. Я сумел прочесть в его глазах немую просьбу. Мне было известно, что в Йорке он дважды пытался убить себя, и я решил, что мой долг — помочь ему. Но проходила ночь за ночью, а я не мог исполнить свое намерение. Наконец мне выпала такая возможность, и я ею воспользовался. Да, это я ударил Редвинтера, вынул ключи у него из кармана и помог Бродерику сунуть голову в петлю. Мне было жаль его, безумно жаль. Но я знал, смерть для него — наилучший выход. И он тоже это знал.

Джайлс расправил плечи.

— Это был человек редкого мужества, — проронил он.

— В этом я не сомневаюсь, — кивнул я и спросил, нахмурившись: — Но откуда вы взяли силы? Во время плавания вы почти не вставали с постели.

— Вы сами знаете, состояние мое переменчиво, и слабость сменяется приливами бодрости, — с грустной улыбкой ответил старик. — Во время

плавания я чувствовал себя вовсе не так скверно, как хотел показать.

— Господи боже, вы самым бессовестным образом водили меня за нос, — прошептал я.

— Поймите, я не мог иначе. Не мог оставить сэра Эдварда без помощи. Я знал, что во время пыток он будет держаться до конца и не выдаст тайны, которая имеет ко мне самое прямое отношение. И я должен был избавить его от столь ужасной участи.

В комнате вновь повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом дождя.

«И где только черти носят Барака?» — со вздохом подумал я.

— Значит, Бродерик все знал, — прервал я молчание. — Знал, кто вы на самом деле.

— Теперь вы тоже знаете это, Мэтью? — спокойно спросил Джайлс.

— Да, — кивнул я. — После того как я узнал о вашем обмане, я долго ломал себе голову, пытаюсь найти причины, побудившие вас затеять со мной столь рискованную игру. И понял, что ключ к разгадке — признание Эдварда Блейбурна. Помните старого брата Сванна из Халла? Он рассказал мне, что, согласно преданию, Блейбурн был настоящим отцом короля Эдуарда Четвертого.

— Господи боже, ну и память у этого старика! — вздохнул Джайлс. — Я думал, все, до кого могли дойти подобные слухи, давным-давно в могиле.

— За исключением брата Сванна. Я не стал передавать вам его рассказ, ибо не хотел создавать вам новых проблем. Излишняя осведомленность чревата опасностью. Так я рассуждал тогда. Откуда мне было знать, что все подробности этой истории вы знаете куда лучше меня, — добавил я с горькой усмешкой.

Джайлс выпрямился, и в голубых его глазах сверкнули искры.

— Вы правы, Мэтью, излишняя осведомленность чревата опасностью, — произнес он. — И потому в ваших собственных интересах не задавать мне вопросов. Давайте прекратим этот разговор, пока не поздно. Позвольте мне уйти из вашего дома. Обещаю, вы больше никогда меня не увидите.

— Боюсь, мне нет нужды задавать вам вопросы, Джайлс. Я догадался обо всем сам.

Он откинулся на спинку кресла, устремив на меня сокрушенный взгляд.

— Помните, в Хоулме вы показали мне могилу своих родителей? К счастью или к несчастью, я обладаю превосходной памятью. Имя вашего отца, на которого, по вашим собственным словам, вы чрезвычайно походите внешне, — Эдвард. Надпись на могиле сообщала, что он родился в тысяча четыреста двадцать первом году. К моменту вашего рождения ему

было почти пятьдесят. Вы еще сказали, что были посланы ему под старость. Значит, в тысяча четыреста сорок втором году, когда родился король Эдуард Четвертый, ему был двадцать один год. Вполне достаточно, чтобы произвести на свет сына. Полагаю, ваш отец — не кто иной, как Эдвард Блейбурн.

— Вы правы, — просто ответил Джайлс. — Король Эдуард Четвертый — мой сводный брат, значительно превосходящий меня годами. Нынешний король, таким образом, доводится мне внучатым племянником. Когда я увидел его в Фулфорде, различил печать злобы и порока на его лице, ощутил исходящий от него запах разложения, я понял, что древнее пророчество исполнилось и Англией правит король-еретик. Сама мысль о существующей меж нами кровной связи мне отвратительна. И я всей душой ненавижу этого фальшивого короля, который на самом деле является потомком простого лучника.

— А когда вы узнали правду о вашем отце?

— Если вы настаиваете, Мэтью, я все вам расскажу.

Голос Джайлса звучал размеренно и невозмутимо, лишь сверкающие глаза выдавали охватившее его волнение.

— Возможно, вы поймете меня и простите за то, что я злоупотребил вашей дружбой. Возможно, вы даже признаете мою правоту.

— Говорите.

— Как я и сказал вам тем памятным вечером в Хоулме, детство мое было счастливым и безоблачным. Я знал, что отец мой перебрался в эти края за много лет до моего появления на свет. Думаю, в молодости он был настоящим красавцем, вроде молодого Ликона. Высокий, стройный, белокурый. О прошлом своем он никогда не распространялся, упоминал лишь, что родился в Йоркшире. И я думать не думал, что имя Ренн, которое носил отец и которое он передал мне, является вымышленным.

— Перебравшись на новое место, сменить имя не трудно, — вставил я.

— Вскоре после того, как отец перебрался в Хоулм и приобрел там ферму, он женился в первый раз. Брак его остался бездетным. Когда отцу было уже за сорок, жена его скончалась от чахотки. В заболоченной местности подобный недуг встречается весьма часто. Год спустя отец женился на моей матери. Я был их единственным ребенком.

Джайлс скатал из хлеба шарик и принялся вертеть его в пальцах.

— Когда мне исполнилось семнадцать, я отправился в Лондон изучать закон. А на следующий год, на Рождество, поехал навестить родителей. Это было в тысяча четыреста восемьдесят пятом. За четыре месяца до этого граф Ричмонд, впоследствии ставший отцом нынешнего короля, разгромил

Ричарда Третьего в битве при Босуорте и взошел на престол под именем Генриха Седьмого. Отца я застал на смертном одре, — продолжал Джайлс, и впервые за все время голос его дрогнул. — Он рассказал мне, что год назад обнаружил у себя в боку опухоль, которая, разрастаясь, высосала все его силы.

Рука Джайлса непроизвольно потянулась к собственному боку.

— Лекарь не скрыл от отца, что недуг неизлечим и ему остается лишь готовиться к смерти. Я горько сожалел о том, что он не сообщил мне о своей болезни ранее. Но, думаю, подобно вашему отцу, он не хотел тревожить меня, отвлекать от занятий и развлечений, которым я предавался в Лондоне.

Как-то ночью отец позвал меня. Дни его были уже сочтены, тело, некогда столь сильное, превратилось в обтянутый кожей скелет. То же самое происходит со мной, — вздохнул Джайлс, глядя на раскрошившийся хлебный шарик. — Ночь выдалась холодная, повсюду лежал снег. Казалось, вся земля погружена в сон и безмолвие. В ту ночь отец открыл мне тайну, которую хранил больше сорока лет. Он хотел, чтобы я записал с его слов признание, и я выполнил его просьбу. Вы хотите, чтобы я повторил это признание вам?

— Да, — кивнул я.

Рука Джайлса коснулась кармана камзола. Несомненно, там он держал нечто важное. Поймав мой взгляд, он слегка нахмурился.

— Документ, написанный мною под диктовку, гласил, что настоящее имя моего отца — Эдвард Блейбурн, он является отпрыском бедной семьи и ведет свой род из Кента. Подобно многим юношам, вынужденным с молодых лет зарабатывать себе на жизнь, он поступил на королевскую службу и стал лучником. Шли последние годы войны с Францией, Жанна д'Арк уже была сожжена, и вся Франция поднялась против нас. В тысяча четыреста сорок первом году отца моего отправили в Руан. Герцог Йоркский, возглавлявший английские войска, носился по полям сражений. Отец мой оказался в числе солдат, которым было доверено охранять герцогиню.

— Сесиль Невиль.

— Да. Герцогиня была молода, хороша собой и в чужой враждебной стране чувствовала себя одинокой и несчастной. Она прониклась симпатией к пригожему лучнику, и симпатия эта зашла так далеко, что однажды ночью он оказался в ее постели. Они провели вместе всего одну ночь, но этого было достаточно, чтобы зачать дитя. Обнаружив, что она в тягости, герцогиня решила обмануть мужа и выдать сына лучника за сына

герцога. Она сообщила всем, что понесла еще до отъезда своего мужа. Когда ребенок родился, его сочли переносенным. Что до моего отца, с ним герцогиня обошлась чрезвычайно милосердно. Она могла приказать его убить. Но вместо этого отослала его прочь, снабдив соучастника своего грехопадения деньгами, вполне достаточными для того, чтобы начать новую жизнь. Да, она подарила ему целую шкатулку золотых монет, очень красивую шкатулку...

— Ту самую.

— Да. А еще кольцо с изумрудом, которое прежде носила сама.

Он вскинул руку, показывая мне кольцо.

— Отец мой никогда не снимал его. В ту ночь он передал его мне. С тех пор я ношу его не снимая.

Джайлс замолчал. Дождь барабанил по крыше с такой силой, словно хотел пробить ее насквозь.

— Но почему в тысяча четыреста восемьдесят третьем году, когда постаревшая Сесиль Невиль сделала свое признание, она не указала на вашего отца как на человека, который может подтвердить истинность ее слов?

— Она не имела понятия, где он. Не знала даже, жив ли он. О ее признании отец узнал несколько месяцев спустя.

Джайлс вновь испустил тяжкий вздох.

— В ту глухую зимнюю ночь телесные страдания моего отца отступили перед страданиями душевными. Всю свою жизнь он терзался сознанием собственного греха, ощущал свою ответственность за то, что английский престол занял человек, не имеющий на то законных прав. Он скрывал свои переживания под личиной жизнерадостности и спокойствия. Подобно ему, я тоже умею скрывать свои истинные чувства. Но вот сын его, Эдуард Четвертый, умер, и на трон взошел Ричард Третий. Радости моего отца не было предела, ибо Ричард являлся законным отпрыском герцога Йоркского и Сесиль Невиль, истинным потомком королей. Однако вскоре Генрих Тюдор, герцог Ричмонд, одержал над Ричардом победу и объявил себя королем. Кровь, что текла в его жилах, имела лишь слабую примесь королевской. Он женился на Елизавете, дочери Эдуарда Четвертого, дабы потомки его имели больше оснований претендовать на престол. Вы, конечно, помните королевское родословное древо?

— Помню. Елизавета Йоркская, супруга Генриха Седьмого и мать нынешнего короля, на самом деле является внучкой простого лучника Эдварда Блейбурна.

— Да, и моей племянницей. Принцы Тауэра тоже доводились

племянниками мне, а вовсе не королю Ричарду. По иронии судьбы Генрих Седьмой добавил в жилы своих потомков не крови королей, а крови престололюдинов. Для отца моего это послужило источником новых душевных терзаний. Свой мучительный недуг он воспринял как наказание, посланное свыше.

Джайлс сделал глубокий вдох.

— В ту ночь отец заставил меня принести клятву на Библии. Я поклялся, что сделаю все, дабы вернуть на трон законных потомков королей. И использую отцовское признание, как только в этом возникнет необходимость.

— Подходящего момента вы ждали пятьдесят лет, — усмехнулся я.

— Да, я ждал долго, очень долго! — с внезапной горячностью воскликнул старик. — Год за годом я пребывал в бездействии, словно позабыв о своей клятве. Я наблюдал, как родной мой край впадает в нужду и бедствия из-за бесконечных притеснений Тюдоров. Наблюдал, как нынешний король, воистину заслуживший звание еретика, разоряет и уничтожает старинные семьи, способствуя возвышению алчных невежд, подобных Малевереру. Наблюдал, как он разрушает монастыри, притесняя истинную веру. Наблюдал, как земли бедных фермеров превращаются в пастбища и честные труженики отправляются собирать милостыню по дорогам. Вы спросите, почему же я не спешил выполнить клятву, данную отцу на смертном одре? И я отвечу — я счел вымыслом историю, которую он мне рассказал!

Глаза Джайлса увлажнились слезами. Я понял, что, подобно мне, его томит чувство вины перед отцом, только чувство это было куда более сильным и пронзительным.

— Да, рассказ отца показался мне слишком невероятным. Но я решил во что бы то ни стало докопаться до правды. Отзвуки тех давних событий я искал в старинных документах и манускриптах. Вы не представляете, сколько лет подряд я рылся в книгах и рукописях! Многие из них находились под запретом.

— Именно благодаря этому вы и собрали свою изумительную библиотеку.

— Да, в скором времени я обнаружил, что книги привлекают меня сами по себе. Чтение стало моим любимым времяпрепровождением. Однако я не забывал о своей цели. Отыскать необходимые мне доказательства оказалось нелегко, ибо Тюдоры тщательно замели все следы.

— Так вы полагаете, они знают, что не имеют прав на престол? И нынешний король осведомлен о своем низком происхождении?

— Разумеется. Король-еретик знает, что является самозванцем. И его отец знал это. Только, разумеется, они убедили себя, что помимо права крови существуют иные права и этими правами они обладают в полной мере. Тот, кто сумел захватить власть, никогда не расстанется с ней добровольно. Особенно если власть эта так велика, как власть короля.

Джайлс помолчал, словно собираясь с мыслями.

— Итак, год проходил за годом, — вновь заговорил он. — Я съездил в Брейбурн, побывал на могиле деда и бабки, поговорил с местными жителями. Но лишь десять лет спустя, разбирая сундук с документами, от которых за ненадобностью отказался Йоркский кафедральный собор, я обнаружил парламентский акт, озаглавленный «Titulus Regulus». А потом в одном из домов лорда Перси увидел портрет Сесиль Невиль. За него заломили невероятную цену, и все же я его купил. Он до сих пор хранится в моей библиотеке, надежно спрятанный от посторонних глаз. На портрете герцогиня изображена сидящей за столом, на котором стоит столь хорошо знакомая нам обоим шкатулка. Шкатулка, которую мой отец берег до конца своих дней. А на пальце у Сесиль Невиль красуется вот это кольцо.

Джайлс махнул рукой, и изумруд сверкнул в свете лампы.

— Я неоднократно бывал в Лондоне. И отыскал нескольких человек, которые, подобно тому старику из Халла, помнили признание Сесиль Невиль. После смерти короля Эдуарда Четвертого она во всеуслышание объявила, что он является сыном простого лучника и потому его собственный отпрыск, юный принц Эдуард, не может претендовать на престол. Английский трон по праву принадлежал ее второму сыну, Ричарду. Мне пришлось проявить немало упорства и настойчивости, ибо по вполне понятным причинам очевидцы тех событий не желали вспоминать о них. Но деньги обладают способностью развязывать языки, и в конце концов мне удалось собрать изрядное количество письменных показаний.

Рука Джайлса вновь бессознательно устремилась к карману камзола.

— У меня исчезли все сомнения в том, что рассказ отца соответствует истине. Я всегда сокрушался о том, что мы с женой не имеем детей, но у бездетности есть свои преимущества. Будь я отцом большого семейства, я не мог бы позволить себе таких расходов. Не мог бы платить свидетелям, покупать книги и картины.

— Да, и в результате вы оказались владельцем огромной библиотеки, которую, кстати, завещали мне. Или это очередная выдумка, на которую вы пошли, дабы завоевать мою дружбу?

— Нет, что вы, — обиженно моргнул Ренн. — Я счастлив, что под конец жизни встретил человека, которому могу со спокойным сердцем оставить

свои сокровища.

— Значит, вы полагаете, что я вас переживу? — усмехнулся я. — А я было думал, что вы вознамерились убить меня прямо сейчас.

— Я не хочу убивать вас, Мэтью, — отчеканил Джайлс, буравя меня взглядом. — Я хочу, чтобы вы были с нами. Я вижу: и сердцем, и разумом вы на нашей стороне. Вы сознаете, что представляет собой король, сознаете, что его жестокость уже принесла Англии много зла и способна принести еще больше.

— Итак, Джайлс, вы убедились, что рассказ вашего отца заслуживает полного доверия, — произнес я, словно не расслышав его слов. — Что же вы предприняли?

— Ничего, — вздохнул он. — Я по-прежнему бездействовал, вполне довольный собственной жизнью. А потом наступили суровые времена. Король женился на этой ведьме Анне Болейн и начал гонения на истинную веру. Бремя налогов с каждым годом становилось все более тяжким, притеснениям не было конца. До той поры жители Англии были вполне довольны своим королем, и, пожелай я выступить против него, я не нашел бы поддержки. Меня ожидала бы не только смерть, но и всенародное осуждение. К тому же я полагал, что не имею права подрывать королевскую власть, когда Англия пребывает в мире и благоденствии. Кровопролития я желал меньше всего на свете. Да, я помнил о клятве, данной отцу, но чувствовал, что время действовать еще не настало.

На лицо Джайлса набежала тень.

— А может, я был слишком ленив и не хотел расставаться со своей обеспеченной, налаженной жизнью, — с горечью произнес он. — И для того, чтобы обрести наконец мужество, мне понадобилось ощутить приближение смерти.

— А как вы повели себя, когда на севере разразилось восстание? «Благодатное паломничество»?

— К стыду своему, я по-прежнему оставался в стороне. Хотя всей душой желал повстанцам победы. Я полагал, что открою правду о короле, когда он уже лишится трона. Как видите, я был весьма малодушен и не хотел рисковать. В тысяча пятьсот тридцать шестом году, как вы помните, король объявил, что готов вступить с повстанцами в переговоры. Но то был всего лишь коварный трюк. Обманув доверие восставших, он послал на север войска, которые подавили мятеж огнем и мечом. Вы сами знаете, какая участь постигла Роберта Эска. В Совете северных графств теперь заседали приспешники и осведомители Кромвеля. При их пособничестве монастыри наши уничтожались, а земли отходили богатым купцам из

Лондона. В край, некогда богатый и цветущий, пришли нужда и голод. Лишь тогда я понял, что более не имею права молчать и должен открыть миру тайну, способную пошатнуть трон короля-еретика. К тому же я обнаружил у себя первые признаки смертельной болезни и понял, что терять мне нечего. Увы, лишь близость смерти придала мне решимости.

— И вы присоединились к заговорщикам.

— Да. Я нашел в Йорке людей, стремящихся к свержению короля, рассказал им все, что знаю, показал документы. Мы опасались, что королевские шпионы, которые шныряли повсюду, расстроят наши планы. Было условлено, что я дождусь момента, когда весь Йоркшир поднимется против короля и вместе с шотландцами устремится на юг. Именно тогда я должен был предать огласке правду о происхождении фальшивого монарха. Товарищи мои не сомневались, что столь неожиданное разоблачение приведет его в полное смятение. Документы были вручены мастеру Олдройду, дабы он хранил их в своем доме. Я был нерасторжимо связан с заговорщиками. Обратного пути не было.

— Но заговор раскрыли.

— Среди нас оказался предатель. Мы до сих пор не знаем, кто он. Главари заговора были схвачены и подвергнуты пыткам. Кто-то из них не выдержал мучений и рассказал о существовании документов, доказывающих, что нынешний король ведет свое происхождение от простого лучника. Но моего имени этот человек не назвал, ибо никогда его не слышал. Старый уважаемый законник ни у кого не вызывал подозрений, и я избежал ареста. В отличие от сэра Эдварда Бродерика. Бродерик был одним из немногих заговорщиков, который знал обо мне все. Перед тем как его схватили, он пришел ко мне и приказал отвезти документы в Лондон. Там я должен был передать их нашим сообщникам. Бродерик не знал имен, сказал лишь, что многие законники Грейс-Инна разделяют наши взгляды.

— Бернард Лок, например. Но он мертв.

— Уверен, в Лондоне немало людей, которым не по нраву нынешняя власть. И я непременно их найду. Это последнее важное дело, которое я должен выполнить, прежде чем оставлю этот мир.

— Пока Бродерик был жив, вы, вероятно, не знали ни минуты покоя. Ведь он мог вас выдать.

— Да, я не знал покоя, но тревожился вовсе не о себе. Вы сами поняли, каким человеком был сэр Эдвард. Не чета мне, боязливому и малодушному. Я знал, он будет молчать, тем самым обрекая себя на невыносимые мучения. К счастью, мне удалось выполнить свой долг и избавить его от этих мучений. Повторяю, я ничуть не сожалею о содеянном и не стыжусь

того, что помог человеку сунуть голову в петлю. По моему разумению, миссия, которую взяли на себя вы, сохраняя жизнь узника для допросов и пыток, была куда более постыдной. Когда вы рассказали мне о поручении, данном вам Кранмером, я мысленно содрогнулся.

— Возможно, вы правы, — проронил я. — Один раз в жизни я позволил навязать себе поручение, противное моей совести.

— Я открыл вам все, Мэтью, — произнес Джайлс, откидываясь на спинку кресла. — Я ни в чем не раскаиваюсь. Мне хочется лишь, чтобы вы наконец поверили — я никогда не желал вам зла и не имел намерения вас убить. Удар, который я нанес вам, был неопасен. Точно такой же удар я потом нанес Редвинтеру. Знайте, я проникся к вам искренней симпатией, и обманывать вас мне было тяжело, очень тяжело. Наедине с собой, представляя ваш исполненный доверия и сочувствия взгляд, я едва сдерживал слезы. Но увы, для достижения благородной цели мы подчас должны использовать неблагоприятные средства.

По телу моему вновь пробежала дрожь, сменившаяся приливом жара. На лбу выступили капли пота. Судя по всему, у меня и правда начиналась лихорадка.

— И вы готовы на все, дабы свергнуть короля, — проронил я.

— Вы же видели этого выродка, Мэтью. И видели, во что он превратил Йоркшир. Наша страна не должна изнывать под властью короля-еретика, не знающего жалости изверга. Он принес Англии неисчислимыя беды, которым не предвидится конца.

Журчание воды, переполнившей сточную канаву, заставило меня вздрогнуть.

— Да, бедам не предвидится конца, — согласился я, потирая свое многострадальное запястье. — Горе стране, которой правит столь жестокий и ограниченный человек.

— К тому же он не имеет на престол никаких законных прав и, подобно своему отцу, является узурпатором. Называя себя помазанником Божьим, он совершает страшное кощунство. Ведь в жилах его течет кровь простолюдина.

— Со слабой примесью королевской — со стороны Тюдоров. Но к дому Йорков он не имеет никакого отношения.

— Документы здесь, со мной, — сказал Джайлс, похлопав себя по карману. — Завтра я отправлюсь в город и отыщу нужных мне людей. С их помощью я рассчитываю распечатать документы и развесить их по всему Лондону. Момент сейчас подходящий, ибо арест королевы повлек за собой новый приступ недовольства. Для того чтобы вспыхнуло новое восстание,

необходимо лишь подпалить фитиль.

— И это сделаете вы.

— Идемте со мной, Мэтью. Ваше место — среди тех, кто хочет спасти Англию. Среди тех, кто вернет этой стране благоденствие и процветание.

— Нет, — отрезал я.

— Вспомните, как этот выродок глумился над вами в Фулфорде. Гнусная его шутка, подхваченная молвой, превратится в легенду, которая будет сопровождать вас до конца дней.

— И вы предлагаете мне отомстить за нанесенную обиду, сбросив короля и ввергнув страну в смуту и хаос? — тихо осведомился я. — Кого вы намерены возвести на престол? Из всех потомков герцога Кларенса осталось в живых лишь дитя женского пола. Закон весьма неясно выражается относительно того, может ли женщина быть наследницей престола. И в любом случае, люди не захотят, чтобы ими управляла маленькая девочка.

— Вы ошибаетесь, в живых остался еще один представитель линии Кларенсов, достигший зрелых лет. Кардинал Поул.

— Епископ-папист?

— Папа освободит его от сана, дабы он мог взойти на трон. Идемте со мной, Мэтью, — вновь призвал Джайлс, и в голосе его послышалась мольба. — Освободим страну от власти невежд и стяжателей.

— А какая участь ожидает Кранмера?

— Костер, — без колебаний изрек Ренн.

— Мне с вами не по пути, — произнес я непререкаемым тоном.

Взгляд Джайлса, осознавшего, что уговоры бессмысленны, потух, лицо приняло рассеянное выражение. Он явно прикидывал про себя, как ему поступить. Мне оставалось лишь сожалеть о том, что рядом нет Барака. Пожелай Джайлс Ренн покинуть мой дом, я не смог бы удержать его в одиночку.

— Значит, в глубине души вы остаетесь реформатором? — спросил он, поднимая на меня глаза. — И не желаете восстановления истинной религии?

— Я не принадлежу ни к одной из сторон. Знаю лишь, что их противостояние стало для страны величайшим несчастьем. Уверенность в своей правоте затмила вам взор, и вы хотите раздуть пожар, не думая о последствиях. Скорее всего, мятеж, о котором вы мечтаете, будет подавлен. Но в любом случае новое столкновение между католиками и протестантами повлечет за собой реки крови, разруху и голод. Плач вдов и сирот будет раздаваться по всей стране, невозделанные поля зарастут сорной травой.

Вы хотите, чтобы в Англии вновь разразилась война, подобная войне Алой и Белой розы? Я этого вовсе не желаю. И паписты, и реформаторы слишком похожи в своем стремлении к власти и ненависти к врагу. Вам кажется, вы способны вернуть стране благоденствие и процветание. Увы, это иллюзия. На самом деле вы принесете выгоду лишь стервятникам, подобным Малеввереру. Они всегда ухитряются нагреть руки в годину смуты, в то время как простым людям остается лишь взывать к милости небес.

— Мы положим конец ереси, — с холодной уверенностью отчеканил Джайлс. — Возродим истинную веру и возведем на трон законного монарха.

— А архиепископа Кранмера отправите на костер. Как и прочих своих врагов. Правление, которое установится после вашей победы, неминуемо станет зеркальным отображением нынешнего. А возможно, превзойдет его в жестокостях.

— Я должен был сразу понять, — вздохнув, пробормотал Джайлс, — вы давно охладели к вере, и разгул ереси оставляет вас равнодушным. Но неужели вас не волнует, что внук лучника называет себя помазанником Божьим? — спросил он с отчаянием.

— Волнует, но не настолько, чтобы ввергнуть Англию в пучину новой войны.

— Тогда позвольте мне уйти. Клянусь, вы никогда больше меня не увидите. Предавайтесь без помех своей спокойной, размеренной жизни, — бросил Джайлс, и в голосе его послышались укоряющие нотки.

— Не стану вас задерживать. Но прежде, чем уйти, вы должны отдать мне документы.

Джайлс опустил глаза, словно размышляя, стоит ли выполнить мое требование. Но я знал: он зашел слишком далеко и не расстанется с документами добровольно.

— Не заставляйте меня делать это, Мэтью, — произнес Джайлс.

Голос его звучал спокойно, хотя во взгляде сверкали искры.

— Я не могу отдать вам бумаги. С ними связано слишком много упований...

— А я не могу допустить, чтобы эти упования осуществились...

Тут наступил момент, которого я давно ожидал. Тем не менее он застиг меня врасплох, ибо Джайлс оказался куда проворнее, чем я мог предположить. Он стремительно вскочил, схватил со стола миску с похлебкой и швырнул мне в лицо. При этом с губ его сорвался странный звук, нечто среднее между свирепым рыком и горестным стоном. Я завопил и завертелся на месте. К счастью, похлебка успела остыть, но все же она

залепила мне глаза, и все мои попытки схватить Джайлса остались безуспешными. Он выскочил в дверь и ураганом пронесся по коридору. Потом до меня донеслись проклятия, ибо Джайлс обнаружил, что входная дверь заперта. В следующее мгновение в гостиную ворвался поток холодного воздуха, и я понял, что старик воспользовался дверью в сад.

Кое-как вытерев лицо, я вышел в коридор. За распахнутой настежь дверью в сад стояла сплошная пелена дождя. Помимо шума дождевых струй до меня не донеслось ни звука. Джоан, скорее всего, крепко спала в своей комнате. В полной растерянности я смотрел в непроглядную тьму.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Мне почти ничего не удалось разглядеть, ибо свет, падавший из окна гостиной, выхватывал из сумрака лишь очертания кустов и деревьев. Хотя выходка Джайлса не причинила мне большого вреда, лицо мое слегка пощипывало. Я вытащил из ножен кинжал. Озноб, время от времени сотрясавший мое тело, все усиливался.

— Джайлс! — позвал я. — Вы попали в ловушку! Из моего сада можно попасть лишь в сад Линкольнс-Инна, но калитка заперта по ночам! Выходите, прошу вас! Вы разумный человек и должны поступать разумно!

Ответа не последовало. Тишину по-прежнему нарушал лишь шелест дождя и журчание воды в сточной канаве.

— Ради бога, Джайлс, не безумствуйте! — снова крикнул я. — Вы промокнете до нитки, только и всего.

Не дождавшись ответа, я решил, что буду караулить в дверях до возвращения Барака. Но что, если Джайлс перелезет через стену, отделяющую мой сад от владений Линкольнс-Инна? Он стар и болен, но отчаяние, как известно, придает сил. Мысль о том, что он может скрыться вместе с документами, заставила меня выбежать в сад.

Отблески света, падавшие из окон и распахнутой двери, были так слабы, что я ничего не видел дальше собственного носа. Дождь начал стихать, но промокшие дорожки были ужасно скользкими, и я, потеряв равновесие, больно ударился о скамью. Громко чавкая сапогами, я пересек сад и оказался у калитки. В темноте мне удалось разглядеть, что вода уже подмывает стену, проникая на мой участок. Худшие мои опасения подтвердились — калитка была открыта. Вне всякого сомнения, Джайлс ею воспользовался. Заметив в замке ключ, я вытащил его и сунул в карман. Необходимо было не мешкая устремиться в погоню, но новый приступ озноба заставил меня прислониться к стене.

Луна, выглянув из-за косматых туч, позволила разглядеть следы Ренна на тропе. Впрочем, неверный лунный свет служил слабым подспорьем, и я не решался двинуться в глубь участка по жидкой грязи.

— Джайлс! — позвал я. — Вам все равно не уйти! Вернитесь, Джайлс!

Взор мой устремился к высокой стене, отделявшей сад от зданий Линкольнс-Инна. Нет, подобной преграды старику ни за что не преодолеть. Он скрывается где-то здесь, совсем близко от меня.

Ветер разнес тучи, и на небе появилась полная луна. Я мог разглядеть

расстилавшееся передо мной море грязи, усеянное мелкими водоворотами, которые бурлили на месте лунок, оставленных выкорчеванными деревьями. Пруд теперь доходил почти до моей стены. Ширина его составляла никак не меньше тридцати футов. Тронутая рябью поверхность воды блестела и переливалась в лунном свете. Я озирался по сторонам, пытаюсь понять, где прячется беглец.

Внезапно я заметил какое-то движение. Темный силуэт виднелся у самого края пруда. Сжимая в руке кинжал, я двинулся к нему. Сапоги глубоко увязали в грязи, издавая громкое хлюпанье при каждом шаге. Темный силуэт более не двигался.

«Возможно, потрясения сегодняшнего вечера оказались слишком сильными для больного старика и Джайлс лишился чувств», — решил я.

Я наклонился над распростертой на земле фигурой, готовый стремительно отскочить. Если Ренн решится напасть, мне придется нанести ему удар кинжалом, чего мне вовсе не хотелось. В следующее мгновение я заскрипел зубами с досады, ибо глаза мои различили шероховатую поверхность древесной коры. Передо мной лежало бревно, наполовину утонувшее в грязи.

Джайлс налетел на меня откуда-то из темноты. Толчок был так силен и внезапен, что я не устоял на ногах и уронил кинжал. Упав, я сильно ударился о землю, в глазах потемнело, я беспомощно хватал ртом воздух. Джайлс надавил мне коленом на спину, не давая подняться. Краешком глаза я увидел, как рука его схватила мой кинжал. Значит, он намеревался меня убить. Собрав все силы, я сбросил противника; Джайлс тяжело рухнул на землю. Поднявшись, я увидел, что он тоже встает на ноги. Кинжал блеснул в его руке. Лицо Ренна было так перепачкано грязью, что я не мог различить его выражения. На черной страшной маске я видел лишь сверкающие отчаянной решимостью глаза.

— Господи боже, Джайлс, неужели вы убьете меня из-за этих проклятых бумаг? — выдохнул я.

— У меня нет выбора.

Широко раскинув руки, он шагнул ко мне. Кинжал злоево блеснул в свете луны.

— Я должен вас убить, если вы меня не отпустите. Прошу вас, Мэтью, позвольте мне уйти.

Едва договорив, он бросился на меня. Я отскочил в сторону и ударил его наручником, который болтался у меня на запястье. Удар пришелся по голове; Джайлс испустил стон и выпустил кинжал. Как видно, я оглушил его, ибо он зашатался, сделал несколько шагов в сторону огромной лужи и

с громким всплеском упал в воду. Потом медленно сел. Над водой виднелись лишь его голова и плечи. Луна исчезла, оставив нас в полной темноте, дождь припустил с новой силой.

Я подбежал к Джайлсу прежде, чем он успел встать на ноги. Вода была так холодна, что у него, похоже, перехватило дыхание. Теперь настал мой черед надавить на спину противника коленом. Сжав его шею обеими руками, я пригибал его голову к воде. Джайлс извивался, пытаясь вырваться, но силы его были на исходе, и сопротивление становилось все слабее. Голова старика оказалась под водой, он издавал жуткое бульканье. Я знал: лишь один из нас выберется живым из этой проклятой лужи — и не давал ему возможности глотнуть воздуха.

По телу Джайлса пробежали последние судороги, и оно обмякло в моих руках. Он издал ужасающее хлюпанье, от которого у меня все внутри похолодело. То была последняя попытка вдохнуть воздух наполненными водой легкими; в следующее мгновение тело Ренна превратилось в подобие огромной тряпичной куклы. Я не выпускал из рук его шеи, слезы текли по моим щекам, мешаясь с дождевыми струями. Потом я опустился на колени перед человеком, которого только что убил, и разразился рыданиями.

Не знаю, сколько времени я стоял на коленях в ледяной воде рядом с мертвым. Наконец я поднялся на ослабевшие ноги и, содрогаясь, заставил себя перевернуть тело лицом вниз. Почти ослепнув от слез, я обшарил его карманы. В одном из них обнаружился кошелек, в другом — толстая пачка бумаг, завернутая в промасленную кожу. Я забрал все это и, не оглядываясь, побрел к дому.

Барак и Тамазин вернулись час спустя, промокшие насквозь. Тамазин выглядела расстроенной, покрасневшие глаза говорили о том, что она недавно плакала. Я встретил их, сидя у огня в гостиной. Подбросив в очаг несколько новых поленьев, я помешивал угли кочергой. В том, что у меня началась лихорадка, не оставалось никаких сомнений, ибо озноб сменялся приливами жара, во время которых по лицу струился пот. Барак и Тамазин в ужасе уставились на меня, так как я был перепачкан грязью с головы до пят, а от мокрой одежды валил пар.

— Господи боже, сэръ, что случилось? — воскликнул Барак, подбегая ко мне.

— Джайлс Ренн погиб, — произнес я едва слышно. — Мы сидели здесь, в этой комнате, за ужином и беседовали. Внезапно им овладел приступ безумия, он выскочил в сад, призывая племянника.

У меня было время тщательно продумать эту историю, и сейчас, рассказывая ее, я смотрел прямо в голубые глаза Тамазин. Лгать мне

приходилось не только ради собственного спасения, но и ради того, чтобы не впутывать Барака и его подругу в очередное темное дело.

— Найти его мне удалось не сразу, так как он убежал в вырубленный фруктовый сад, — продолжал я. — Я отыскал его в огромной луже, которая сейчас превратилась в настоящее озеро. Должно быть, он потерял сознание, упав в воду, и захлебнулся.

— Боже мой, но почему он вдруг впал в безумие? — закрыв лицо руками, прошептала Тамазин.

— Вероятно, тому виной его болезнь. Тяжкие недуги нередко влекут за собой помутнение рассудка. К тому же сегодня мне пришлось сообщить ему дурную весть. Мартин Дейкин, его племянник, умер два года назад. Для старика это оказалось непереносимым ударом.

— Бедный, бедный мастер Ренн, — пробормотала Тамазин, и на глаза ее навернулись слезы.

«Напрасно я подозревал эту девушку в хитрости и притворстве, — пронеслось у меня в голове. — Душа ее отзывчива на чужое горе и полна сострадания. Сейчас она искренне горюет о Ренне, как прежде горевала о мистрис Марлин. А в Йорке, во дворе аббатства, она сочувствовала мне».

— Где он? — спросил Барак.

— Там, у пруда. Он слишком тяжелый, мне не принести его в дом. К тому же я, кажется, нездоров.

— Пойду погляжу, что там такое, — сказал Барак. — А вы ждите здесь. Тамазин подошла ко мне и положила на мой лоб свою прохладную руку.

— У вас сильный жар, сэр. Вам надо немедленно лечь.

— Да, я сейчас лягу. Я должен попросить у вас прощения, Тамазин.

— Но за что?

— За то, что я питал на ваш счет необоснованные подозрения.

— Я заслужила их, начав наше знакомство с обмана, — слабо улыбнулась девушка.

— Которому я придал слишком большое значение, — вздохнул я и тихо добавил: — Сегодня я потерял друга.

Она тихонько погладила мою закованную в наручник руку.

— Найти слесаря, о котором говорил Джек, оказалось не так просто. Но нам все же удалось его отыскать. Завтра он придет и избавит вас от этой мерзкой штуковины.

— Замечательно, замечательно. Спасибо вам за хлопоты.

— А мистрис Вуд спит?

— Да, Джоан сегодня рано легла. Она ничего не видела и не слышала, и, думаю, нам не стоит ее беспокоить.

Я немного помолчал и спросил, пристально глядя в лицо девушки:

— Почему вы плакали, Тамазин?

— Джек отыскал моего отца, сэр, — вздохнула Тамазин. — Он и в самом деле занимает при дворе неплохое положение. Представьте себе, он повар на королевской кухне. Но, по словам Джека, он слишком высоко задирает нос, а обо мне слышать не желает.

Она всхлипнула и прикусила губу. Глаза ее вновь наполнились слезами.

— Мне очень жаль, Тамазин.

— Глупо было так долго тешить себя мечтами. И я рада, что наконец узнала правду.

— Да, рано или поздно узнать правду все равно приходится, — произнес я, думая о Джайлсе. — Хотя подчас неведение бывает куда приятнее.

Несколько минут мы оба молчали. Потом пришел Барак. Судя по пронзительному взгляду, который он бросил на меня, стряхивая воду с волос, в голове у него зародились тревожные предположения.

— Ты бы не могла оставить нас вдвоем, Тэмми? — мягко попросил он.

Тамазин кивнула и направилась к дверям.

— Доброй ночи, сэр, — сказала она и вышла из комнаты. Я выжидающе посмотрел на Барака. Он вынул мой кинжал и положил на стол.

— Я нашел это в саду, у самой лужи.

— Должно быть, он выпал у меня из-за пояса, когда я пытался поднять Джайлса.

— Там вокруг все истоптано, словно после драки.

«Барак обо всем догадался, — понял я. — Он знает, что смерть Джайлса — отнюдь не следствие несчастного случая».

— На его лицо страшно смотреть, — проронил Барак. — Во взгляде застыло отчаяние.

Мысленно я порадовался тому, что избежал этого зрелища.

— Утром мы должны безотлагательно сообщить коронеру о случившемся, — отчеканил я, глядя Бараку прямо в глаза. — Полагаю, причины этой смерти не вызовут у него никаких сомнений. Джайлс Ренн утонул.

Барак выдержал мой взгляд, испустил вздох и медленно кивнул. Вопрос был закрыт.

— Тамазин сказала, что вы нашли ее отца, — перевел я разговор на другое.

— Да, он оказался поваром. Моему визиту он, прямо скажем, не слишком обрадовался. Заявил, что слышать не желает ни о какой дочери.

Видно, каналья решил, что Тамазин подбирается к его денежкам. Надо же, бедняжка не слишком сильно ошибалась, — невесело усмехнулся он. — Отец ее хоть и не вельможа, но занимает при дворе теплое сытное местечко.

— Бедная Тамазин.

— Да, ей придется забыть о своих мечтах. Но я решил рассказать ей все без утайки. Всегда лучше знать правду.

— Возможно, — проронил я, бросив взгляд належавший на столе кинжал.

— Уверен, Тамазин не будет слишком долго переживать. Она и не такое способна вынести. Поэтому она мне и нравится. И не только поэтому.

— Все эти семейные связи доставляют слишком много хлопот, — заметил я с горькой усмешкой. — Особенно когда дело касается амбиций и притязаний.

Дрожь сотрясла все мое тело. Барак это заметил.

— Вам надо поскорее лечь, — сказал он. — Выглядите вы отвратительно.

— А чувствую себя еще хуже. Помогите мне встать.

Прежде чем покинуть комнату, я еще раз помешал кочергой в очаге. Огонь набросился на тлеющие остатки признания Эдварда Блейбурна, уничтожив их безвозвратно.

ЭПИЛОГ

Три месяца спустя, февраль 1542 года

Я стоял у окна своей комнаты в маленькой таверне, наблюдая за восходом солнца. Мороз, сковавший землю, держался вот уже целую неделю; кроваво-красный шар, появившись на небе, зажег множеством искристых отблесков иней, покрывавший траву, деревья и крышу маленькой церкви напротив.

«Может статься, три дня назад, накануне своей казни, королева Кэтрин тоже смотрела на морозный рассвет из окон Тауэра», — подумал я.

Томас Калпепер и Франциск Дерем были казнены еще в декабре. Что до королевы, соблюдение различных судебных формальностей продлило ее жизнь на два месяца. Согласно дошедшим до меня слухам, она так ослабела от страха, что не смогла самостоятельно подняться на эшафот, и палачу пришлось нести ее на руках. Бедная девочка, она слишком дорого заплатила за свое легкомыслие, и теперь голова ее выставлена на Зеленой башне в назидание жителям Лондона. Леди Рочфорд разделила участь королевы. В Тауэре она лишилась рассудка, и королю пришлось издать особый указ, позволяющий казнить сумасшедших. Говорили, впрочем, что перед самой смертью Джейн Рочфорд обрела присутствие духа. Стоя у плахи, обгаренной кровью королевы, она публично покаялась во всех своих грехах и заблуждениях. Грехов этих оказалось так много, что речь леди Рочфорд затянулась, и толпа начала скучать. Эта женщина, столь же надменная, сколь и недалекая, отнюдь не вызывала у меня симпатии, но все равно, думая о ее печальной судьбе, я ощутил приступ жалости. Всю свою жизнь она хитрила, изворачивалась и кривила душой и в конце концов подстроила ловушку себе самой. Мысленно я понадеялся, что ныне душа ее обрела мир и покой, так же как и душа несчастной королевы.

Мы с Баракком выехали из Лондона на следующий день после казни. По пути в Кент мы промерзли до костей, но, к счастью, мороз благотворно сказался на состоянии дорог, и в Эшфорде мы оказались уже вечером. Весь следующий день мы провели, копаясь в архивах. Мне удалось-таки отыскать неопровержимые доказательства того, что земля, которой пользовались родители сержанта Ликона, была передана им в свободное владение. По всей видимости, землевладелец предоставил в суд поддельные документы. Завтра в Эшфорде мне предстояло встретиться с его адвокатом в присутствии молодого Ликона и его родителей. Я заранее

предвкушал, как разоблачу обман, стоивший этим бедным людям так дорого.

Вчерашний день выдался свободным, и я сказал Бараку, что использую его для собственных надобностей. Оставив своего помощника в Эшфорде, я верхом отправился в деревню, расположенную в десяти милях от города. То было маленькое бедное селение, похожее на сотни английских деревень. Вдоль единственной улицы тянулись убогие домики, на возвышении стояла церковь, а неподалеку — таверна.

Я вышел на улицу, завернувшись в плащ как можно плотнее. Впрочем, он все равно болтался на мне, ибо я изрядно похудел после тяжелой лихорадки. Три недели я провел в постели, поначалу беспрестанно мечась в бреду. Потом жар ослабел, и я не без удовольствия наблюдал за тем, как Джоан и Тамазин оспаривают друг у друга честь принести мне чашку бульона.

Мороз щипал лицо и руки. Дыхание, вырываясь изо рта, тут же превращалось в облачка пара. Я подошел к церкви и открыл калитку, ведущую на кладбище. Скользя по покрытой инеем траве, я двинулся вдоль могильных камней.

То был совсем маленький, скромный памятник, расположенный на краю кладбища, у самого леса, раскинувшегося за оградой. Я наклонился и с трудом разобрал полустертую надпись:

Памяти Джайлса Блейбурна 1390–1446 его супруги Элизабет 1395–1444 и их сына Эдварда, погибшего на королевской службе во Франции в 1441 году.

Я долго стоял у камня, погружившись в задумчивость. Никаких шагов я не слышал, и потому голос, внезапно раздавшийся за спиной, заставил меня вздрогнуть:

— Значит, Эдвард Блейбурн назвал сына в честь своего отца — Джайлс.

Обернувшись, я увидел Барака, который взирал на меня с довольной ухмылкой.

— Господи боже, Джек, как вы здесь оказались?

— Мне не составило труда догадаться, куда вы направились. Я прекрасно помню о том, что неподалеку от Эшфорда расположена некая деревенька Брейбурн. Сегодня я встал пораньше и поскакал сюда. Сююки я привязал у церкви.

— От неожиданности меня едва удар не хватил.

— Простите, я не думал, что мой голос нагонит на вас страху, — усмехнулся Барак. — Я так понимаю, в этой богом забытой деревеньке есть всего лишь одно примечательное место? — добавил он, оглядевшись по

сторонам.

— Да, — кивнул я на могильный камень. — Бедные родители Эдварда Блейбурна. Получив весть о гибели сына, они оба вскоре сошли в могилу. А у Сесиль Невиль не было другого выхода, кроме как объявить Эдварда мертвым.

Внезапно до меня дошел смысл слов Барака.

— Подождите... раз вы догадались, куда я поехал, значит... значит, вы все знаете? Знаете, что Джайлс Ренн — сын Эдварда Блейбурна?

— Вы сами это выболтали, когда лежали в бреду. Точнее, наговорили много такого, что навело меня на определенные выводы.

— И что же я говорил? — изумленно выдохнул я.

— Как-то раз принялись кричать, что Ренн — истинный король Англии и его надо возвести на трон. Потом залились слезами. А Тамазин рассказывала, вы все время твердили о каких-то бумагах, которые сторят в аду. Я вспомнил: в тот вечер, когда погиб Ренн, мы с Тамазин застали вас у огня с кочергой в руках. После этого только полный тупица не смекнул бы, что к чему.

— Как бы ваша догадливость не обернулась против вас, — произнес я, внимательно глядя на него. — Знать то, что знаем мы, слишком опасно.

— Что теперь говорить, — пожал плечами Барак. — Ведь вы сожгли все доказательства. В очаге тогда догорали документы из шкатулки?

— Да. Я не рассказал вам ни о чем, ибо не хотел подвергать вас риску.

Барак медленно кивнул и вперил в меня пронзительный взгляд.

— Скажите, ведь вы убили его? Ренна?

— Грех этот будет тяготеть надо мной до конца дней, — проронил я, прикусив губу.

— Уверен, у вас не было другого выбора. Пощади вы его, он убил бы вас.

— Не знаю, — вздохнул я. — Так или иначе, я оказался сильнее. Я держал его голову над водой, пока он не захлебнулся. Потом перевернул его лицом вниз, дабы создать впечатление, что он упал в воду, потеряв сознание. Так вы и нашли его, Джек. При вскрытии у Ренна обнаружили огромную опухоль, и потому причины внезапного обморока не вызвали у coronera сомнений.

— А кому Ренн собирался передать документы?

— По иронии судьбы, первоначально он должен был связаться с Бернардом Локом. Узнав о его смерти, Ренн решил отыскать в Лондоне сторонников заговора.

— Полагаю, таких достаточно.

— Возможно, — пожал я плечами. — Неоправданная жестокость короля вызывает все больше недовольства, и люди, желающие лишить его престола, не останутся без поддержки. И все же новый мятеж, скорее всего, будет подавлен, как и все предыдущие. В любом случае, я не желаю иметь с заговорщиками ничего общего.

Несколько мгновений мы молчали, глядя на старый могильный камень.

— А почему вы явились сюда? — нарушил тишину Барак. — Из любопытства?

— Скорее, из чувства вины, — ответил я с грустной усмешкой. — Когда я оправился от лихорадки и узнал, что Ренн похоронен в Лондоне и что лишь вы, Тамазин и Джоан проводили его в последний путь, мною овладела безумная идея. Я решил извлечь тело из земли и похоронить его здесь. И таким образом хоть отчасти загладить свою вину перед ним. В конце концов, здесь лежат его дед и бабушка, — сказал я, указывая на могилу. — Его и короля Эдуарда Четвертого.

— О какой вине вы говорите? — возмутился Барак. — Это он виноват перед вами. Он все время водил вас за нос.

— Я же сказал, то была безумная идея. Не забывайте, перед этим я несколько дней пролежал в бреду.

— Вы ни в чем перед ним не виноваты, — непререкаемым тоном заявил Джек. — И перед своим покойным отцом тоже.

— Мне бы очень хотелось поверить в вашу правоту, — вздохнул я. — Как бы то ни было, я попытался выполнить свой последний долг перед отцом — выплатил по закладной и поставил на его могиле мраморный памятник. Вскоре я намерен там побывать. Но я сожалею, что между нами никогда не было душевной близости. Впрочем, сожалеть об этом сейчас, после смерти отца, совершенно бессмысленно.

— Вот именно.

— А сюда меня неодолимо тянуло. Сам не знаю, почему мне так хотелось увидеть эту могилу. Мне до сих пор трудно поверить в то, что Джайлс, к которому я чувствовал такую симпатию, все время меня обманывал и даже попытался убить. Впрочем, удивляться тут не приходится: людям свойственно предавать друг друга, и подчас они решаются на это по причинам куда менее существенным, чем те, что двигали Ренном.

— А как вы намерены поступить с его библиотекой?

— Не знаю, — пожал я плечами.

Среди вещей старого законника мы обнаружили его завещание. О племяннике там, разумеется, не упоминалось. Все свое имущество он

отписал Меджи — за исключением библиотеки, которую он, как и обещал, оставил мне.

— Принимать его подарок нет никакого желания. Но в этом собрании хранятся некоторые рукописи и картины, которые необходимо уничтожить. Может, вы возьмете этот труд на себя? — спросил я, с надеждой глядя на Барака. — Съездите в Йорк и разберетесь с библиотекой. Из письма местного адвоката я узнал, что Меджи по-прежнему живет в доме, который перешел в ее владение.

— Опять тащиться в эту глушь? — скорчил гримасу Барак. — Снова питаться жутким варевом, которым потчевала нас старушка Меджи? Ну конечно, если вы настаиваете...

— Рад, что вы согласны, — поспешно перебил я. — После того как вы избавитесь от опасных рукописей, я свяжусь с мастером Лиландом, антикваром. Надеюсь, он купит большую часть книг. Что касается старинных сборников судебных постановлений, их лучше привезти в Лондон. Они наверняка пригодятся библиотеке Грейс-Инна.

— В Йорке я, вероятно, увижусь с Малевверером, — усмехнулся Барак. — Раз уж этот надутый болван вылетел из Совета северных графств, он вряд ли станет задирать передо мной нос.

— Ну, такие люди, как он, способны задирать нос в любом положении, — рассмеялся я. — Помните, я ведь питал подозрения на его счет. Но вы оказались правы — он слишком глуп и не способен вести двойную игру. Высокомерие и надменность — вернейший признак отсутствия ума. И все же, если вам доведется с ним встретиться, я не советую вам пускаться на дерзости.

— Посмотрим, — буркнул Барак. — Я хотел кое-что вам сообщить, — добавил он, пристально глядя на меня. — Возможно, сейчас настал подходящий момент.

— Слушаю вас.

— Я предложил Тамазин стать моей женой.

— Как я и предполагал, ей не понадобилось много времени, чтобы окрутить вас.

— Не понадобилось, — с довольным смехом согласился Джек. — Я сделал ей предложение, и она согласилась. Правда, у нее не было выбора, — добавил он, глядя на носки собственных башмаков. — Мы были не слишком осторожны. И недавно выяснилось, что вскоре у меня появится сын.

Он вновь рассмеялся, на этот раз смущенно.

— Может статься, в один прекрасный день игра случая возведет его на

английский престол. И тогда он вновь устроит в стране реформацию и возродит в Англии веру своих предков-иудеев.

— В жизни всякое бывает, — ответил я, вперив в Барака испытующий взгляд. — Вы уверены, что женитьба — это действительно то, чего вы хотите?

— Уверен, — последовал незамедлительный ответ.

— Что ж, по-моему, вы с Тамазин отлично подходите друг другу. Возможно, семейная жизнь сделает вас аккуратнее, а в нашей конторе наконец воцарится порядок.

— Тамазин приложит для этого все старания.

— Без вас я бы совсем пропал, Джек, — тихо произнес я. — Вы очень помогли мне и в Йорке, и потом в Лондоне. Должен признать, нередко вы превосходили меня и в здравом смысле, и в прозорливости. А я был несправедлив к Тамазин и частенько возводил на нее напраслину.

— Она на вас не сердится, — с улыбкой заверил Барак. — А я чувствую настоящее желание остепениться. И вы тоже, полагаю, не намерены впутываться в новые авантюры.

— До конца дней своих я буду держаться в стороне от политических игр, — заявил я решительно. — Тем не менее мне тоже предстоит кое-что изменить в своей жизни.

— О чем это вы?

— Недавно я получил письмо от Кранмера. Возможно, он чувствует себя несколько виноватым — ведь поручение, которое дал мне он, в конце концов привело меня в Тауэр. Впрочем, не мне судить об истинной подоплеке его поступков. Одно могу сказать — в отличие от Томаса Кромвеля этот человек, судя по всему, порой мучается угрызениями совести. Так или иначе, он сообщает, что в Палате по рассмотрению прошений имеется вакансия адвоката, и он предложил мою кандидатуру. Впереди грядут серьезные перемены. После падения королевы Кэтрин герцог Норфолк утратил свое влияние. Все его семейство пребывает в опале. Сторонники реформы, подобные Кранмеру, вновь прорвались к кормилу власти. Так что он вполне в состоянии оказать мне услугу. Жалованье, которое я буду получать в Палате, не столь уж велико, но теперь, когда я расплатился с долгами по этой проклятой закладной, мне хватит его с избытком. А самое главное — я буду защищать интересы простых людей, которые приходят в суд в поисках справедливости. Уверен, это занятие придется мне по душе.

— Да уж, оно подходит вам куда больше, чем возня с богатыми клиентами, — улыбнулся Барак.

— А вам?

— Мне тоже.

— Превосходно, — заявил я, потирая руки. — Тогда начнем с дела сержанта Ликона и вернем его родителям незаконно отнятую ферму.

— Отличное начало.

Барак протянул руку, и я крепко пожал ее.

«Предательство свойственно человеческой природе, но все же бывают счастливые исключения», — мысленно произнес я.

Мы повернулись и пошли прочь, оставив поживать в мире истинных предков фальшивого короля.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Политическое значение путешествия на север Англии, предпринятого Генрихом VIII в 1541 году, до сих пор не оценено историками в полной мере. Возможно, внимание ученых отвлекает громкое событие, разразившееся вскоре после завершения путешествия. Речь идет о связи Кэтрин Говард и Томаса Калпепера, которая вышла наружу по возвращении короля в Лондон. В романе «Соверен» я придерживался точки зрения Дэвида Старки («Шесть жен», 2003), согласно которой отношения королевы и ее возлюбленного, скорее всего, не выходили за рамки невинного флирта. Архиепископ Кранмер сыграл ключевую роль в разоблачении Кэтрин Говард; падение ее стало крупным поражением представителей консервативной группировки, в особенности дяди юной королевы, герцога Норфолка. Кэтрин Парр, шестая жена Генриха VIII, в брак с которой он вступил год спустя, была убежденной сторонницей реформ.

Я позволил себе лишь одно отступление от исторических фактов. В действительности Томас Говард, герцог Норфолк, совместно с герцогом Суффолком являлся одним из организаторов путешествия и находился в Йорке вместе с королем. Однако этот исторический персонаж весьма рельефно изображен в предыдущем романе о Шардлейке, «Темный огонь», и потому я решил, что предоставление ему пусть даже незначительной роли в новом повествовании чрезмерно усложнит сюжет. Генрих VIII действительно принимал прошения от своих подданных на всем протяжении пути, и я позволил себе некоторую вольность, назначив рассмотрение этих прошений в Йорке.

Согласно историческим свидетельствам, июль 1541 года выдался на редкость холодным и дождливым, что едва не явилось причиной отмены путешествия. Беспрестанные ливни, которыми якобы сопровождался октябрь того же года, являются плодом моего воображения.

Северные графства Англии никогда полностью не смирились с воцарением Тюдоров. В начале XVI века недовольство, подогреваемое такими процессами, как изменение системы торговли, снижение жалованья и огораживание пахотных земель под пастбища, становилось все более ощутимым. Религиозные реформы, начавшиеся в 1530-х годах, повлекли за собой восстание, вспыхнувшее в октябре 1536 года. В течение нескольких недель религиозным консерваторам удалось собрать армию,

насчитывающую более 30 000 человек. Раскинув лагерь на реке Дон, повстанцы намеревались двинуться на юг. Они рассчитывали, что встретят повсеместную поддержку, которая позволит им добиться смещения наиболее рьяных реформаторов — Кромвеля, Кранмера и Рича.

Генрих пустился на обман, дав мятежникам обещание выполнить некоторые их требования, если они распустят свою армию. После того как они выполнили это требование, король отказался от своих посулов. Все попытки вновь поднять мятеж, имевшие место в 1537 году, были подавлены с чрезвычайной жестокостью. Роберт Эск и другие вожди «Благодатного паломничества» были казнены. Существуют противоречивые свидетельства относительно казни, которой подвергли Роберта Эска. Согласно одним источникам, его живым приковали к башне Йоркского замка, оставив умирать от голода и жажды. Согласно другим — смерть его была менее медленной и мучительной. В своем романе я придерживался первого варианта, ибо он представляется мне более соответствующим характеру короля. Генрих, кстати, пообещал, что Эск умрет прежде, чем голова его отделится от шеи, и, полагаю, не преминул выполнить свое обещание.

После 1536 года началось уничтожение крупных монастырей, владения которых отходили казне. В результате все денежные потоки направлялись в Лондон, что, совместно с ужесточением налогового бремени, повлекло за собой дальнейший экономический упадок. Религиозная реформа, в которой видели основную причину обнищания провинции, вызывала все большее неприятие. В 1537–1541 годах неприятие это оставалось подспудным, до поры до времени не выходя на поверхность.

Возобновил свою деятельность Совет северных графств в Йорке, в задачу которого входил надзор за неукоснительным выполнением королевских постановлений. На севере действовала целая сеть осведомителей, которые докладывали совету обо всех проявлениях недостаточной лояльности. Изображенный в романе сэр Уильям Малеверер является вымышленным персонажем, однако я полагаю, что характер его весьма типичен для той эпохи.

В начале 1541 года был раскрыт новый заговор. Ядро его составили мелкопоместные дворяне и бывшие священники; они рассчитывали поднять восстание в апреле, во время ярмарки в Понтефракте. Свидетельства, весьма, впрочем, немногочисленные, указывают, что на этот раз заговорщики собирались пойти дальше, чем в 1536 году. Так, французский посол Марильяк сообщает Филиппу V, что короля они не называли иначе как тиран. Несомненно, в намерения их входило лишить

его трона. Марильяк сообщает еще один весьма удивительный и опасный факт: заговорщики были готовы заключить союз с Шотландией, по-прежнему сохранявшей верность католицизму. Жители Северной Англии традиционно считали шотландцев полудикими варварами (в то время как жители юга страны считали дикарями самих северян). Как видно, решимость заговорщиков добиться своей цели любыми средствами была очень велика; в противном случае они никогда не объединились бы со старинным врагом Англии.

Не существует никаких подтверждений того, что связь между заговорщиками и консервативно настроенными законниками из Грейс-Инна в 1541 году имела место. Однако в 1536 году связь эта была весьма вероятна, и я отважился на некоторое искажение исторической действительности.

Известие о возможном походе северных повстанцев на Лондон, на этот раз в сопровождении шотландцев, а возможно, и французов, давних союзников Шотландии, разумеется, привело Генриха и его правительство в состояние крайней тревоги. В 1541 году все зарубежные послы сообщают своим монархам, что король и его окружение обеспокоены даже сильнее, чем в 1536-м. Идея королевского путешествия на север возникла еще после «Благодатного паломничества», но осуществление ее было отложено на неопределенное время. В 1541 году было решено, что время это настало. Скорость, с какой было организовано путешествие, доказывает, что охватившее Генриха волнение было чрезвычайно сильным. Всего через три месяца после раскрытия заговора огромный королевский кортеж двинулся на север. То было воистину грандиозное перемещение: за королем следовало как минимум в три раза больше сопровождающих, чем во время обычных путешествий. К тому же с 1480-х годов английский монарх не удалялся от столицы на столь значительное расстояние. Помимо придворных и челяди короля сопровождала тысяча вооруженных солдат, а также артиллерия, доставленная в Халл морским путем. Во время сборов представительница другой, католической ветви королевской семьи, графиня Солсбери, была казнена в Тауэре без суда и следствия.

Источником всех жизненных деталей и подробностей для меня служили упоминаемые ниже книги, а также собственное воображение. Именно с его помощью мне удалось облечь плотью скупые факты, которые содержались в донесениях французского посла Марильяка, а также в прочих документах, собранных в книге «Письма и документы эпохи Генриха VIII». Изображая публичное покаяние жителей Йорка в Фулфорд-Кроссе, я основывался на описаниях, сохранившихся в городских архивах.

Архивные документы свидетельствуют, что король и его приближенные весьма опасались проявлений открытой враждебности со стороны местных жителей. Организаторы путешествия строго ограничивали количество дворян и городских чиновников, вышедших навстречу королю, дабы выразить ему свою преданность и верность. Солдаты, сопровождавшие Генриха, всегда были начеку.

Все торжественные церемонии, происходившие во время путешествия, были продуманы до мельчайших тонкостей. Представители правящих классов встречали Генриха и королеву Кэтрин на въезде в любой город и преподносили царственной чете щедрые дары. Те, кто в 1536 году запятнал себя сочувствием к мятежникам, зачитывали длинные покаянные признания, просили у монарха прощения, а после вновь приносили ему клятву верности. Подобным клятвам во времена Тюдоров придавалось чрезвычайно важное значение. Всякому, кто заверил монарха в своей лояльности, было даровано прощение за прошлые грехи. Однако прощенный мог не сомневаться в том, что в случае нарушения клятвы его ожидает весьма печальная участь. Разумеется, борьба за королевскую благосклонность во время путешествия стала еще более напряженной, чем обычно. Попытки навязать Иакову IV, королю Шотландии, союз с Англией оказались безрезультатными; война между двумя странами, вспыхнувшая в следующем году, растянулась на целое десятилетие.

Простолюдинам, в 1536 году вступившим в ряды повстанческой армии и готовым вновь двинуться на Лондон в 1541 году, была отведена в великолепных представлениях роль зрителей. Советники короля были убеждены, что Генриху необходимо в первую очередь заручиться поддержкой правящей верхушки севера, тем самым обезопасив свой престол от дальнейших потрясений. Время показало, что расчет их оправдался — в эпоху Тюдоров в Йоркшире более не вспыхнуло ни одного восстания. Тем не менее я полагаю, что, учитывая господствующие на севере настроения, народ встречал короля без особого воодушевления. Именно это сдержанное недоброжелательство я изобразил, описывая прибытие королевского кортежа в Йорк. Согласно архивным документам, жители города привели Городской совет в величайшее замешательство, отказавшись посыпать улицы песком и золой, дабы лошадям высоких гостей было легче ступать.

История Блейбурна, которая может показаться читателю невероятной, тем не менее основана на историческом факте. Существуют свидетельства того, что Сесиль Невиль, мать королей династии Йорков, Эдуарда IV и Ричарда III, публично заявила, что Эдуард, старший ее сын, не является

отпрыском герцога Йоркского. По слухам, ходившим при французском дворе, отцом будущего короля был простой английский лучник по имени Блейбурн. В книге Майкла К. Джонса «Босуорт 1485» (Tempus Publishing, 2002) воспроизводится версия, которой был также посвящен документальный фильм четвертого канала «Истинный британский монарх» (2004). Авторам передачи удалось найти человека, который сегодня имеет законное право на английский престол — разумеется, в случае, если Сесиль Невиль говорила правду. Им оказался житель Австралии, добродушный фермер-овцевод, убежденный республиканец. Зовут его Майкл, так что, распорядись судьба иначе, на английском троне мог бы оказаться король Майкл I. Что до меня, я отнюдь не уверен, что признание Сесиль Невиль соответствовало истине; в цепочке доказательств, выстроенных доктором Джонсом, немало слабых мест, в особенности в той части, что касается возможной даты зачатия будущего Эдуарда IV. Тем не менее я не исключаю возможности того, что история эта правдива. Вне всякого сомнения, она была хорошо известна Томасу Кромвелю. В 1535 году испанский посол, возможно, намереваясь подразнить Кромвеля, донимал его рискованными расспросами о темном происхождении английских королей.

Несомненно, истине соответствует и еще одно обстоятельство — как это ни удивительно, в двадцать первом веке королева Елизавета II сохраняет титул, который некогда измыслил для себя Генрих VIII. Королева по-прежнему считается верховной главой церкви, защитницей веры и — по крайней мере в теории — наместницей Бога в Англии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю глубокую признательность сотрудникам библиотек Городского совета Йорка, Восточного Йоркшира и Совета графства Линкольншир, а также университетов Суссекса и Лондона за помощь в поиске материалов, имеющих отношение к королевскому путешествию 1541 года. Я очень благодарен также американскому отделению Общества Ричарда III, которое предоставило мне возможность ознакомиться с парламентским актом «Titulus Regulus». Во время исследовательской поездки в Йорк я с огромным интересом осмотрел расположенное в центре города здание Барли-Холла, которое было построено в конце пятнадцатого века и отреставрировано совсем недавно. Немалую пищу моему воображению дала превосходная выставка, устроенная йоркширским музеем в аббатстве Святой Марии. Я признателен также Уорвику Бартону из «Йоркских пешеходных экскурсий» за чрезвычайно содержательную экскурсию в королевский особняк и за помощь в разрешении всех возникших у меня вопросов. Спасибо Роберту Эдвардсу, который провез меня на автомобиле от Йорка до Халла, повторив маршрут королевского кортежа, преподобному Нэйджелу Стаффорду, который показал мне восхитительную церковь в Хоулме, и миссис Энн Лос, которая предоставила мне информацию о замке в Ликонфилде. Эндрю Билшоу оказал мне немалую услугу, снабдив книгой Арнольда Келлетта «Йоркширский словарь» (Смит Сеттл, 2002), послужившей источником материалов, связанных с местным диалектом. Я должен также поблагодарить Дженнет Хоулетт, сопроводившей меня в трест рабочих лошадей Суссекса, где я получил много интересных сведений о лошадях, которые использовались в королевском кортеже. Спасибо доктору Бендингу, который консультировал меня по вопросам, связанным с болезнью Ренна, и Майку Холмсу, который привел в соответствие с действительностью мои туманные представления о морских путешествиях. Вряд ли стоит упоминать о том, что все искажения и ошибки, которые, вне сомнения, встречаются в этой книге, я допустил по своей собственной вине.

В очередной раз приношу свою сердечную признательность Роз Броди, Яну Кингу, Майку Холмсу и Уильяму Шоу за то, что они прочли эту книгу в рукописи, а также моему неутомимому агенту Энтони Топпину — именно он придумал название и дал мне немало ценных указаний.

Благодарю своих редакторов Марию Рейт и Мэри Робертс и, конечно же, Франки Лоренс, которая проделала титанический труд, перепечатав эту книгу.

FB2 document info

Document ID: 1d240c02-8c86-46ca-824e-c83fff73b715

Document version: 1.01

Document creation date: 08 May 2009

Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

- FB2Fix

Source URLs :

- <http://www.oldmaglib.com>

Document history:

1.0 — создание файла

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon